ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
№ Отд. Гр. № 10
Инв. № 1

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 9.

СЕНТЯБРЬ, 1911.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1911.

стр.

I.—ЯНТАРОВЪ.—Повѣсть.—XI-XXI.—Окончаніе.—**А. Тырковой** 3

II.—ВЪ МОНАСТЫРСКОМЪ САДУ.—ВЪ ГРЕЦІИ.—(На мотивъ изъ Гейбеля).—Стихотворенія **Анатолія Доброхотова** 82

III.—ГЛИЦИНІЯ.—**Бориса Лазаревскаго** 84

IV.—ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА. — I. Первый выходъ. — II. Всѣ за одно. — III. Ѣду!..—**Владиміра Беренштама** 93

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-II.—**С. Парнокъ** 105

VI.—ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—XV-XVI.—Окончаніе.—**Е. Ѳ. Юнге** 107

VII.—ТРАГЕДІЯ ЧЕСТИ.—I-IV.—**Ѳ. Зѣлинскаго** 131

VIII.—УЗУРПАТОРЪ.—Романъ Уильяма Дж. Лока.—XXII-XXV.—Окончаніе.—Перев. съ англ. **З. Журавской** 176

IX.—ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ПОЛИНѢ ВІАРДО.—Окончаніе.—Перев. съ франц. **М. Славинской** 214

X.—АРХАНГЕЛОГОРОДСКОЕ СИДѢНІЕ. — Очерки ссылки. — **А. Дивильковскаго** 231

XI.—НЕХРИСТІАНСКОЕ ИМЯ „КАИНЪ“.—(Совершенно невѣроятное событіе).—**З—о.** 263

XII.—ХРОНИКА. — СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.—**В. Ш.** 279

XIII.—МОЛОДАЯ НОВАЯ РЕСПУБЛИКА. — (Письмо изъ Португаліи). — **Діонео** 295

XIV.—ИЗСЛѢДОВАНІЕ КУСТАРНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ ВЪ ИТАЛІИ.—**И. Красноперова** 312

XV.—ВЪ СТРАНѢ НЕГУСА.—**Екатерины Малиновской** 316

XVI.—ШАРЛЬ ВАНЪ-ЛЕРБЕРГЪ.—**Маріи Веселовской** 329

XVII.—НОВАЯ КНИГА О ВИЛЬГЕЛЬМѢ II.—**Л. Слонимскаго** 339

XVIII.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Печальные побочные плоды казенной отрубно-хуторской реформы.—Избіенія, поджоги, бойкотъ и всякія столкновенія общинниковъ съ выдѣленцами.—Сходство отношенія крестьянъ къ выдѣленцамъ и къ конокрадамъ.—Опасное усердіе администраціи.—Тульскіе „союзники“ въ роли возстановителей правды.—Твердое уклоненіе ярославскихъ агрономовъ отъ казенно-земельной политики.—**И. В. Жилкина** . 344

XIX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Продленіе дѣйствія положенія объ охранахъ.—Связь между этимъ фактомъ и другими явленіями государственной жизни.—Сперва наказаніе, потомъ разслѣдованіе. — Министерство народнаго просвѣщенія и Академія Наукъ. — Новый фазисъ финляндскаго вопроса.—Открытіе земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ. — Вѣсти изъ голодающаго края 356

XX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Русско-германское соглашеніе и персидскія дѣла.—Мнимая или дѣйствительная перемѣна въ группировкѣ великихъ державъ.—Ошибки русской дипломатіи. — Марокскій вопросъ. — Конецъ конституціоннаго кризиса въ Англіи 374

XXI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елиз. Ив. Поповой, подъ ред. кн. Н. В. Голицына.—**Ѳ. Батюшкова.**—Ю. Айхенвальдъ. Пред. къ 3-му изд. книги: „Силуеты русскихъ писателей“.—Чуковскій, Критическіе разсказы, кн. первая.—А. Измайловъ, Литературный Олимпъ.—О Ѳедорѣ Сологубѣ. Критика. Статьи и замѣтки. Сост. А. Чеботаревской.—**Ч. В—скаго.**—И. Ф. Масановъ. Русскіе сат.-юмор. журналы. Библ. описаніе, вып. I: „Весельчакъ“, Искра“, изд. подъ ред. А. В. Смирнова, съ прилож. 2 портр. и 65 рис. на отд. лист.—Сѣверные Цвѣты на 1911-й годъ, собр. книгоиздат. „Скорпіонъ“.—**Н. Л.**—Л. Бернгардъ. Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи. Пер. А. С. Изгоева, съ пред. П. Б. Струве и вступ. статьей А. С. Изгоева.—Сергій Ефремов. Історія украінського письменства.—**М. Славинскаго.**—Б. А. Тураевъ, проф. Спб. унив. Исторія древняго Востока, ч. I.—**И. Бороздина.**—А. А. Евдокимовъ. Кооперативный сбытъ прод. сельск. хоз. въ Россіи. — Н. Макаровъ. Новая кооперація въ сельск. хоз. и картофеле-крахм. производство.—**В. В.**—Ф. М. Блюменталь. Общественная борьба съ туберкулезомъ въ Зап. Европѣ и Америкѣ, часть I, изд. 2-е.—**В. Б—ъ.**—Новыя книги и брошюры. 388

XXII.—XV-ый АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ НОВГОРОДѢ. — **П. Бороздина.** 413

XXIII.—ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Начало учебнаго года.—Бесѣда г. Кассо съ иностраннымъ корреспондентомъ.—Напрасные споры и резолюціи.—Судьба родительскихъ организацій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Упраздненіе организацій въ порядкѣ циркуляра и „въ соотвѣтствіе“ съ указаніями опыта —Какъ „карабкаются вверхъ“ сверхпатріоты.—Н. М. Соколовскій, П. М Романовъ, Кн. Д. Н. Цертелевъ и В. В. Гофманъ † 416

XXIV.—ИЗВѢЩЕНІЕ 431

XXV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. 435

XXVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

СЕНТЯБРЬ

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

4238

ЯНТАРОВЪ

ПОВѢСТЬ

(Окончаніе.)

XI *).

Мика уже второй разъ была у Янтарова. Въ первый разъ она зашла на пять минутъ и, не раздѣваясь, церемонно присѣла на кресло. Янтаровъ видѣлъ, что ей трудно преодолѣть неловкость барышни, если и не по настоящему свѣтской, то все-таки получившей отъ матери очень опредѣленную и условную тренировку. Это его забавляло и нравилось ему. Онъ еще не зналъ, нравится ли ему по настоящему сама Мика. Въ ея присутствіи онъ чувствовалъ себя сильнѣе и напряженнѣе, но что-то въ глубинѣ ея твердыхъ глазъ держало его насторожѣ. Быть можетъ— смутное сознаніе, что она сильнѣе его.

Съ Катей ему было легче и теплѣе. Въ мысляхъ они были ближе. Она не только умѣла угадывать, что онъ думаетъ, но часто подсказывала, толкала его на какія-то свѣтлыя, настоящія думы. Въ первое время ихъ близости онъ чувствовалъ себя внутренно похорошѣвшимъ. Катя такъ просто и спокойно отдавала себя работѣ, такъ просто и спокойно вѣрила въ какія-то великія, все направляющія, царящія въ мірѣ, побѣдоносныя идеи, что и онъ начиналъ вѣрить и въ нихъ, и въ свое служеніе имъ.

А потомъ усталъ. Жизнь въ городѣ шла по какимъ-то темнымъ тропамъ. Люди плодились и умирали. Одни копили себѣ

*) См. августъ, стр. 3.

земли или дома, или просто столы, стулья, платья, самовары, ложки, изрѣдка книги и картины, обставляли себя всякими мертвыми предметами, на изобрѣтенье и приготовленье которыхъ уходила вся живая человѣческая сила. Чѣмъ недоступнѣе были эти предметы для остальныхъ, менѣе ловкихъ и удачливыхъ, менѣе сильныхъ и наглыхъ, тѣмъ было почетнѣе для копившихъ. Впрочемъ, въ этомъ было нѣсколько стадій. Въ самомъ низу копошилась толпа, выбивающаяся изъ силъ, чтобы имѣть возможность хоть кое-какъ цѣпляться за право на жизнь. Потомъ шли тѣ, кто уже оперся на чужія плечи и заставилъ приподнять себя. Эти любили, чтобы у нихъ было „все какъ у всѣхъ". А еще выше, разгуливая по головамъ сотенъ тысячъ, зорко искали крупную добычу тѣ, кто уже позналъ сладость исключительнаго. Только у меня, больше ни у кого. Это и были хозяева.

Среди всѣхъ этихъ людей, голодныхъ, полусытыхъ, сытыхъ и пресыщенныхъ, одиноко шла маленькая кучка мечтателей. Былъ день, когда разорвалась завѣса, отдѣляющая туманныя сумерки настоящаго отъ свѣтлаго грядущаго дня, когда все книжное, небывшее, пригрезившееся стало вдругъ явью, простымъ, видимымъ, дневнымъ. Въ этотъ день мечтатели, которыхъ такъ долго и такъ презрительно топтали хозяева, какимъ-то волшебствомъ сами стали распорядителями жизни. И такъ глубоко вонзилось чудо въ повседневность, что всѣ эти вчерашніе рабы и идолопоклонники вещей почувствовали какое-то странное и радостное волненье. Точно и имъ этотъ новый день несъ новое освобожденье.

Но ошиблись всѣ, и они, и мечтатели. Это еще былъ не день, а пророческій лучъ будущей зари, одинъ изъ тѣхъ лучей, которыми порой исторія прорѣзаетъ туманъ сегодняшнихъ будней, быть можетъ—для того, чтобы не угасла въ сердцѣ человѣчества творческая жажда грядущаго. Опять спустились сумерки—и съ обострившейся враждебностью прежніе хозяева оттолкнули фантазеровъ. И казалось, что въ этой хлынувшей злобѣ таится горечь обманутыхъ ожиданій.

Обѣднѣла душа жизни. Настоятельнѣе и наглѣе стала ея тѣлесность. Куда-то исчезли, скрылись, отошли мечтатели. Одни погибли, другіе съ опущенной головой тайкомъ вернулись домой, какъ воины послѣ пораженья.

Янтаровъ, впечатлительный и измѣнчивый, былъ чутокъ ко всякому пораженью. Онъ любилъ радость и побѣду, любилъ тѣло, любилъ форму. Все это было въ рукахъ тѣхъ, кто льстиво служилъ и рабски царилъ надъ предметами. Порой Янтаровъ, съ новой для него завистливой, тяжелой злобой, смотрѣлъ на ма-

газины, экипажи, дома, на всѣ эти кричащіе символы богатства. Гдѣ-то въ глубинѣ мозга сверлила горькая мысль:

— А если они правы? Если ничего, кромѣ вещей, нѣтъ на свѣтѣ?

Катя была живымъ спасеньемъ отъ этой мысли! Была раньше. Но съ тѣхъ поръ, какъ ея тѣло не возбуждало въ немъ прежнихъ желаній, ея душа уже не бросала въ его душу прежнихъ отблесковъ. Осталась въ немъ дружба, и легкая, свѣтлая заботливость объ ея материнствѣ, и даже нѣжность; но того перелива настроеній, отъ одного человѣка къ другому, изъ котораго выростаетъ настоящая близость, уже не было. И все чаще маячила въ немъ соблазнительная неувѣренность, да съ кѣмъ-же онъ—съ хозяевами или съ мечтателями?

Съ тѣхъ поръ, какъ Ниловъ говорилъ съ нимъ объ этой концессіи, она почему-то все больше и больше занимала Янтарова, точно въ ней онъ чувствовалъ новое, еще болѣе могучее сгущенье силы денегъ. Неужели никогда эта сила золота не будетъ у него въ рукахъ? Неужели впереди все та-же сѣрая, будничная жизнь, сжатая мелкими денежными тревогами? Бываетъ же у другихъ яркій праздникъ, размахъ, лихорадочная и капризная смѣна ощущеній. Но для этого необходимы деньги, деньги и деньги. А деньги даются только хозяевамъ...

Второй разъ Мика пришла къ Янтарову тихая, чѣмъ-то затуманенная. Онъ встрѣтилъ ее около Грохотскихъ. Какъ-то сами собою выходили эти встрѣчи. Въ нихъ обоихъ былъ тотъ магнетизмъ, который невидимо руководитъ поступками двухъ людей, уже отмѣченныхъ непреодолимымъ знакомъ любви или хотя бы влюбленности. Здороваясь съ Микой, Янтаровъ почувствовалъ, что она не какъ всегда, и съ тѣмъ быстрымъ пониманьемъ, которое составляло его главную силу, онъ слегка задержалъ ея руку и сказалъ:

— Пойдемте ко мнѣ? Мнѣ тоже сегодня невесело.

Ей нравилась его комната, съ сѣрой холщевой занавѣской, тянувшейся сплошь черезъ всѣ три окна. И въ креслѣ отъ холста шла прохлада.

Янтаровъ сидѣлъ на коврѣ у ея ногъ и спрашивалъ:

— Скажите мнѣ, вы кто? Хозяйка или мечтательница?

Она увидала въ длинныхъ, голубыхъ глазахъ и печаль, и испытующій вопросъ. Ей хотѣлось нагнуться и, глядя близко въ эти глаза, спросить:

— Съ кѣмъ вы шли вчера?

Она проѣзжала съ матерью и изъ окна экипажа видѣла, какъ онъ велъ подъ руку какую-то женщину. Было уже темно. Ей показалось, что у женщины тяжелая, немолодая походка. Но когда экипажъ проѣхалъ совсѣмъ близко, она увидала край молодого, круглаго подбородка. Острая ревность ударила ее въ сердце. Она не знала, что это можетъ быть такъ больно. Весь день въ ней боролись тоска, и страхъ потерять его, и гордость, и еще какое-то другое, непонятное для нея чувство, отъ котораго горѣли плечи и холодѣли руки. Этотъ день измучилъ ее. Теперь она сидѣла въ креслѣ и вся расправлялась. Такъ хорошо и такъ спокойно было чувствовать его около себя. Она отвѣтила ему мягкимъ, глубокимъ голосомъ, въ которомъ любовь, окрѣпшая и углубленная за этотъ день сомнѣнія, говорила громче и яснѣе словъ.

— Не знаю, Георгій Александровичъ. Раньше я думала, что я хозяйка. А теперь... не знаю. Можетъ быть мечтательница...

Онъ охватилъ колѣни руками и, положивъ на нихъ голову, снизу вверхъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку. Почти суровымъ стало его лицо!

— Нѣтъ, это не такъ! — рѣзко сказалъ онъ. — Надо быть или тѣмъ, или другимъ. Если ты родился мечтателемъ — всю жизнь долженъ быть имъ. Всю жизнь... Или иди въ хозяева. Но вы не фантазерка. Нѣтъ... Вѣруся, это другое дѣло... А вы...

Онъ чуть не сказалъ: вы—дочь своего отца... Это была послѣдняя вспышка враждебности. Онъ почувствовалъ себя виноватымъ. Въ глубинѣ высокаго кресла она казалась ему меньше и безпомощнѣе. Отъ ея одежды шелъ легкій, уже знакомый запахъ духовъ, и лицо, слабо освѣщенное далекой лампой, было по-дѣтски милымъ. Онъ взялъ ея руку. Сквозь горячую, мягкую кожу ему передалось ея волненье. Онъ тихо сталъ цѣловать чуть вздрагивающіе пальцы. И цѣлуя, продолжалъ говорить:

— Мика, такъ скучно бываетъ жить на свѣтѣ. А можетъ быть не на свѣтѣ, а только въ нашемъ городишкѣ? Помните тамъ, въ Крыму, когда я встрѣтилъ васъ? Тамъ не было скучно. Я лазилъ по горамъ, и горѣлъ на солнцѣ, и купался... Такъ должно быть жили кентавры, когда Ифигенія еще была въ Тавридѣ...

Онъ засмѣялся, тихимъ, нѣжнымъ смѣхомъ. Она съ трудомъ отвѣтила ему улыбкой. У нея кружилась голова и земля тихо качалась. Хотѣлось припасть къ нему и осыпать поцѣлуями это красивое, ласковое, любимое лицо. И въ то же время жгучій,

дѣвичій стыдъ приковывалъ къ мѣсту, наполнялъ ужасомъ и сладостной тоской.

Съ тяжелымъ усиліемъ, разрывая чары волшебнаго сна, она на мгновенье овладѣла собой и, стараясь попасть ему въ тонъ, отвѣтила:

— Хорошо было кентаврамъ. Они не спрашивали себя, кто они, а просто мчались по скалистымъ, звонкимъ пустынямъ.

— Безъ мыслей, безъ обязанностей, безъ прошлаго и будущаго. Только ужъ это кажется не кентавры, а боги... Правда?..

Теперь онъ стоялъ около нея и смотрѣлъ ей прямо въ глаза и улыбался розовыми, говорящими о поцѣлуяхъ губами. Она не замѣтила, какъ потянулась къ нему, какъ на ея лицѣ, поблѣднѣвшемъ и зовущемъ, легла покорность женщины, которая уже знаетъ свою судьбу. Онъ медленно наклонился и, глядя въ эти расширенные, точно опустѣвшіе глаза, наслаждался острымъ сознаніемъ власти надъ молодымъ, трепетнымъ тѣломъ, свѣжесть котораго наполнила его желаніемъ.

Съ горделивымъ удовольствіемъ видѣлъ онъ, какъ отъ его поцѣлуевъ счастливыя слезы заволакиваютъ ея полузакрытыя глаза. Но скоро въ ней проснулась женская настороженность. Что-то въ его голосѣ, въ чуть замѣтной лукавой складкѣ подъ усами, въ углахъ губъ, кололо ее тревогой и неудовлетворенностью.

Она отстранила его отъ себя и слегка встряхнула головой, точно отгоняя дурманъ.

— Погодите... Такъ не надо...

— Надо, надо, очень надо!—дурачливо отвѣтилъ онъ и эта шутливость окончательно отрезвила молодую дѣвушку.

Она встала и, закусивъ нижнюю губу, нахмуривъ широкія, русыя брови, укоризненно взглянула на Янтарова. Все въ ней горѣло огнемъ перваго тѣлеснаго порыва. Но въ головѣ уже встали страхъ и сомнѣніе.

— Я ухожу.

— Рано. Останьтесь еще...—попросилъ онъ и опять въ его глазахъ была чарующая нѣжность, такъ глубоко западавшая въ женское сердце. Она уже надѣла шляпу и тѣнь отъ широкаго поля дѣлала ея лицо тихимъ. Гордость мѣшала сказать ему:

— Ты цѣловалъ меня, а я даже не знаю, любишь ли ты меня...

Этого слова, которое само рвалось съ ея губъ, онъ еще не сказалъ, и понялъ, что она томится и ждетъ. Осторожно, бережно поднесъ онъ къ губамъ, сначала одну ея руку, потомъ другую и, задержавъ ихъ въ своихъ, мягко сказалъ:

— Мика, не надо гнаться за словами. Развѣ въ нихъ солнце?..

Онъ опять прочелъ ея мысли и это точно устанавливало между ними ту связь, въ которой она такъ ревниво сомнѣвалась. Но заноза въ душѣ осталась.

Мика ушла, унося домой чашу новой радости, на дно которой уже была брошена горечь. Но отъ этого еще крѣпче, еще неотступнѣе стало желаніе соединить свою жизнь съ жизнью Георгія.

Ночью она долго не могла заснуть. Постель была горячая и воздуха въ просторной спальнѣ было мало. Она накинула на себя халатъ и потихоньку спустилась внизъ. Весь домъ спалъ. Темныя комнаты были угрюмы и враждебны. Мика осторожно отворила дверь на балконъ и выскользнула въ садъ. Холодъ звѣздной осенней ночи ласково обнялъ ее. Подмерзшіе листья похрустывали подъ ногами. Черныя руки деревьевъ, сплетаясь, прятали отъ нея городъ и стѣны. Она ходила взадъ и впередъ по аллеѣ и мало-по-малу ясныя, трезвыя мысли возвращались въ ея дѣвичью головку.

— „Я хочу, чтобы онъ полюбилъ меня. И такъ и будетъ“,— вполголоса произнесла она. И эти слова радовали, точно въ нихъ таилась сила заклинанія.

Она вспоминала его поцѣлуи, ясно чувствовала его губы на своихъ губахъ и счастье струилось по ея тѣлу. Казалось, протянуть руки—и онѣ опять лягутъ на его плечи.

— „Такъ не надо, пока онъ мнѣ не скажетъ, что любитъ. Ни за что не надо“, — думала она словами. А щеки, глаза, лобъ, руки, губы, принявшія на себя его ласки, лучше ея знали, что такъ надо, что будетъ такъ, какъ онъ захочетъ. Мика отвѣтила, разговаривая съ кѣмъ-то невидимымъ и сильнымъ.

— Ну, хорошо. Пусть будетъ такъ, какъ онъ захочетъ. Но пусть онъ хочетъ такъ, какъ я хочу.

Она тихо засмѣялась и вернулась въ домъ. На крыльцѣ остановилась и глубоко вдохнула въ себя воздухъ, насыщенный прянымъ, осеннимъ запахомъ умиранія. Никогда еще она не вдыхала такого вкуснаго воздуха. И звѣзды—какія онѣ громадныя, точно глаза! Никогда такихъ не было. Вѣрно оттого, что уже утро близко.

XII.

Въ клубѣ давали прощальный обѣдъ доктору Карали. Онъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ и, слегка щуря добрые, усталые глаза, улыбался кроткой, конфузливой улыбкой, тонувшей

въ широкой, темной, съ просѣдью, бородѣ. У доктора было красивое, блѣдное, иконописное лицо и высокій лобъ, переходившій въ большую лысину. Эта голова вызывала у тѣхъ, кто его чествовалъ, трогательное благодарное и красиво-печальное воспоминаніе о тяжелыхъ и очищающихъ дняхъ болѣзней, тревоги, страха за близкихъ. Карали былъ не только хорошій докторъ, но и отличный, совсѣмъ прозрачный человѣкъ. При немъ люди невольно прятали свои мелкія, дурныя свойства и открывали то, что было въ нихъ лучшаго. И доктору Карали было нетрудно, вопреки всей окружающей жизни, оставаться твердымъ, яснымъ идеалистомъ, нетрудно было ребячески вѣрить въ людей, какъ они есть.

Теперь онъ уѣзжалъ. Въ красную, нескладную клубную залу собрались проводить его самые несходные, враждебные другъ другу горожане. На мгновенье ихъ соединило общее чувство печали, что вотъ уѣдетъ этотъ блѣдный, тихій человѣкъ, приносившій къ постели больныхъ боевую силу науки и неисчерпаемую мудрость кротости—и безъ него опустѣетъ и похолодѣетъ ихъ городъ.

Сквозь тягучую условность застольныхъ рѣчей, пробивалась искренняя любовь и печаль. Даже Ниловъ, надоѣдливый и банальный, съумѣлъ найти нѣсколько простыхъ, сердечныхъ словъ. Хотя напротивъ сидѣлъ Смирновъ и спокойное, увѣренное лицо соперника вздувало тяжелую печень чугуннаго человѣка.

Янтаровъ тоже былъ на обѣдѣ. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, съ кѣмъ Карали откровенно говорилъ о своемъ отъѣздѣ. Большинство думало, что докторъ просто хочетъ разсѣяться послѣ смерти единственной дочери. Его дочь, такая же ясная, тихая и красивая, какъ онъ самъ, умерла отъ бурной мозговой болѣзни. Весь городъ пришелъ ее хоронить и съ почтительнымъ состраданіемъ смотрѣлъ на высокаго, сразу состарившагося человѣка, который такъ часто отгонялъ смерть отъ чужой семьи и оказался безсиленъ, когда ея глухой зовъ прозвучалъ надъ головой любимой дѣвочки.

Но мало кто зналъ, что за нѣсколько дней до болѣзни эта дѣвочка разбудила отца и съ радостнымъ, лучезарнымъ лицомъ объявила ему, что уходитъ отъ него въ другую свѣтлую жизнь.

— Ты не плачь. Смерти не надо бояться. Ея вѣдь нѣтъ.

Тогда она была еще совсѣмъ здорова и отецъ не понялъ, что это: шутка, или обрывокъ сна, который иногда снится съ такой обманной реальностью.

Черезъ недѣлю его дочь уже спала въ сырой землѣ тѣмъ

сладкимъ сномъ, отъ котораго если и можно проснуться, то развѣ только въ лучшемъ, нездѣшнемъ мірѣ.

Карали продолжалъ лечить, заботиться о другихъ, продолжалъ помогать имъ нести ихъ горе. Казалось, что жизнь его не перемѣнилась. Но на самомъ дѣлѣ у гроба дочери онъ точно проснулся. Въ ящикахъ его стола, спрятанныя отъ чужихъ глазъ, лежали вкрадчивыя писанія искателей всѣхъ временъ. И чѣмъ больше онъ читалъ ихъ недосказанныя, мистическія откровенія, тѣмъ острѣе становилось его желаніе порвать съ теперешней жизнью и ближе припасть къ сокровеннымъ источникамъ тайныхъ знаній. Онъ поѣдетъ не одинъ. Дочь съ нимъ неотступно и неразлучно. Это онъ ощущалъ всегда, наединѣ и на людяхъ, днемъ и ночью. Особенно ночью.

Но только съ Янтаровымъ, да съ Грохотской, которую зналъ еще молодою, говорилъ докторъ объ этомъ. Янтарова любила его дѣвочка, и онъ платилъ ей особенной, рыцарской почтительностью, которая подкупала и ласкала отцовское сердце, именно потому, что Янтаровъ былъ такой легкомысленный и безпечный, такъ явно и несомнѣнно нравился женщинамъ. Теперь, когда они сидѣли рядомъ, Янтарову казалось, что изъ-за плеча доктора на него призывно смотрятъ глубокіе и тихіе глаза умершей. Жуткимъ, острымъ холодкомъ кололо душу.

— „До чего у меня нервы разстроены“ — думалъ онъ. Но мысль эта была неглубокая и ненужная. Усиліемъ воли онъ старался извлечь изъ-за нея другую, самую важную, которая послѣдніе дни мелькала, и дразнила, и манила, и ускользала.

Чѣмъ больше слушалъ онъ рѣчи, тѣмъ ближе чувствовалъ себя къ доктору. Сколько лѣтъ онъ прожилъ среди этихъ людей. Они несомнѣнно любятъ его, безкорыстно, по настоящему.

Нѣтъ, въ томъ-то и бѣда, что не по настоящему. Они ничего не видятъ, не понимаютъ въ душѣ того, кого любятъ. А кто же любитъ по настоящему? Онъ обѣжалъ мыслью родныхъ, друзей, любовницъ, всѣхъ, съ кѣмъ былъ близокъ за свою тридцатилѣтнюю жизнь — и обиженно думалъ, что никогда никто его не понималъ. Между нимъ и людьми холодныя волны; онѣ все уносятъ, все смываютъ, всѣхъ отдаляютъ. Отчего никогда никто не преодолѣлъ этихъ волнъ, не вошелъ въ него, туда, гдѣ сидитъ онъ, взаправдашній, а не тотъ, котораго видятъ глазами? Онъ чувствовалъ себя ограбленнымъ, безконечно одинокимъ, но не спросилъ себя:

„А ты, ты входилъ въ чью-нибудь душу? Ты любилъ кого-нибудь по настоящему?“

Они пришли съ докторомъ въ клубъ пѣшкомъ. И странно было на скучныхъ, уродливыхъ улицахъ опостылѣвшаго города, упрямо и устойчиво влачившаго свою тупую, сѣрую жизнь, слышать взволнованный и глубокій голосъ Карали:

— Я знаю, всѣ придутъ къ этому. Иначе нельзя жить.

— Нельзя? А какъ же эти всѣ живутъ?—Янтаровъ, съ непривычнымъ озлобленіемъ, обвелъ рукой рядъ домовъ, гдѣ уже подслѣповато мерцали огни домашнихъ очаговъ.

— Они не живутъ. И я не жилъ раньше. Для цвѣтка довольно распустить красные или желтые лепестки, чтобы жить. А для человѣка нѣтъ. Наши цвѣты расцвѣтаютъ въ мозгу... То-есть, я говорю мозгъ, потому что такъ понятнѣе, но это не то...

Они уже подходили къ собранію. Это было просторное и легкое зданіе, бывшій дворецъ, выстроенный итальянскимъ архитекторомъ для одного изъ фаворитовъ многолюбившей императрицы. Янтаровъ и докторъ на минуту остановились и оглядѣли пышный, темно-розовый фасадъ. Докторъ осторожно, точно касаясь больного, дотронулся рукой до локтя Янтарова.

— И васъ мнѣ жаль, мой другъ. Я боюсь, что вамъ очень трудно освободиться отъ камней...

— Я имъ не подвластенъ, докторъ. Я хочу ихъ подчинить себѣ.

При голубоватомъ свѣтѣ большого электрическаго фонаря, тускло шипѣвшаго надъ крыльцомъ, лицо доктора было блѣдно и сурово.

— Чтобы повелѣвать камнями, надо быть самому свободнымъ. Надо мѣхами воли, чистаго желанья вздувать огонь нашего духа. И когда-нибудь всѣ отдѣльные, еле тлѣющіе въ каждой—слышите, въ каждой—душѣ искры, сольются въ одинъ всеочищающій огонь.

Онъ слабо приподнялъ правую руку, точно говорилъ съ толпой. Янтарову было тоскливо и неловко. Мистицизма въ немъ не было, но доктора онъ любилъ, и ему было досадно, что этотъ жестъ, лицо, эти мысли и рѣчи пророка такъ нелѣпо идутъ въ разрѣзъ съ грязной площадью, по которой громыхаютъ извозчики, и съ улыбающимся, глупымъ лицомъ швейцара, уже завидѣвшаго почетныхъ гостей.

— Пожалуйте, ваше сіятельство.

Теперь Янтаровъ сидѣлъ и слушалъ рѣчи и чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ Смирнова. Это отгоняло гвоздящія, неуловимыя мысли; это раздражало и тѣшило. Что ему надо? Неужели догадался? Онъ мелькомъ замѣчалъ въ лицѣ отца отблески

сходства съ дочерью и воспоминаніе объ ея поцѣлуяхъ зажигало въ его глазахъ насмѣшливые огоньки. А въ тѣлѣ, тихо и сладко, ныла тоска по этой сильной, здоровой дѣвушкѣ, которая, любя, умѣла оставаться гордой и свободной. Они не видались послѣ того вечера, когда Мика ушла, унося на губахъ печать его первыхъ поцѣлуевъ. Безъ нея было пусто.

Обѣдъ кончился. Ѣда, вино, рѣчи, щекочущее сознаніе, что всѣ они собрались сюда безкорыстно, ради чистаго чувства къ чистому человѣку, размягчили и сердца, и лица. Къ доктору подходили, жали руку, цѣловали, а онъ смотрѣлъ красивыми, жалѣющими глазами и говорилъ добрыя, ничего не открывающія слова.

Янтаровъ стоялъ въ сторонѣ. На этотъ разъ толпа почему-то не втягивала его. Онъ чувствовалъ себя только наблюдателемъ и, когда услыхалъ за собой голосъ Смирнова, оглянулся съ выжидательнымъ любопытствомъ.

— Отчего вы не сказали рѣчи? Вы вѣдь ораторъ. Я помню, какъ вы тогда говорили въ нашемъ обществѣ,—спросилъ Смирновъ.

— Зачѣмъ говорить? — пожимая плечами, возразилъ Янтаровъ.—Говорить стоитъ только тогда, когда надо драться. А публично заявлять, что я люблю доктора Карали и что онъ хорошій, и я хорошій...

Смирновъ улыбнулся, спокойной улыбкой человѣка, знающаго цѣну себѣ и другимъ.

— Жаль доктора. Правда?

— Жаль? Нѣтъ. Онъ, можетъ быть...

Хотѣлъ сказать — самый счастливый изъ насъ всѣхъ; но посмотрѣлъ на широкую русую бороду, на могучія плечи, на крѣпкія, бѣлыя руки, игравшія жетонами и брелоками, и сказалъ:

— Зачѣмъ жалѣть? Каждый идетъ своей дорогой.

При словѣ „дорога", что-то метнулось въ твердыхъ глазахъ Смирнова — и, поддаваясь неудержимому желанью чѣмъ-нибудь задѣть, вскрыть этого крѣпкаго, удачливаго человѣка, Янтаровъ вдругъ спросилъ:

— А вы слышали, Петръ Петровичъ, отъ насъ новую линію ведутъ? Большое дѣло...

Смирновъ досталъ широкій, плоскій кожаный портсигаръ, и открылъ его:

— Хотите сигару? У меня хорошія...

Потомъ сталъ осторожно отрѣзать кончикъ, а когда отрѣзалъ, сказалъ, глядя прямо въ лицо Янтарова:

— Конечно большое. Оттого я и хочу за него взяться.

Онъ увидалъ, какъ одобрительно и весело блеснули длинные, синіе глаза и подумалъ: „славная у него рожа". А вслухъ сказалъ:

— Сядемте здѣсь. Намъ давно надо поговорить. Вѣдь я же знаю, что вы одинъ изъ самыхъ талантливыхъ людей въ городѣ.

Краска ударила въ лицо Янтарова. Опять это слово, соблазнительное и подчиняющее.

— Я ищу сейчасъ людей. И повѣрьте, со мной можно работать. Дѣло такое большое, что на всѣхъ хватитъ. Можетъ быть вы зайдете и мы поговоримъ о станціяхъ. Мнѣ хотѣлось бы выйти изъ шаблона. И, мнѣ кажется, на этотъ разъ мы сойдемся.

Янтаровъ сидѣлъ, опустивъ глаза. Все въ немъ было смутно и шатко. Разговоръ съ докторомъ, вино, мысли о Микѣ, далеко загнанная и все время ощутимая, точно зубная боль, забота о деньгахъ—все крутилось, и путалось, и путало его.

— Врядъ ли,—неопредѣленно отвѣтилъ онъ и глухія нотки потушили бархатность голоса. А въ мозгу малодушно и исподтишка мелькали цифры. Сколько онъ ему предложитъ?

— Отчего?—еще настойчивѣе и увѣреннѣе повторилъ Смирновъ.—Оттого что мы съ вами тогда спорили? Но вѣдь это же пустяки. Я тогда же оцѣнилъ и ваши знанія, и вашъ темпераментъ. Я долженъ вамъ сказать, что я вообще о людяхъ плохого мнѣнія. Большинство или дураки, или тряпки.

Янтаровъ уже выгналъ противныя, липкія цифры изъ головы. Внимательно смотрѣлъ онъ на собесѣдника. Властныя, сытыя нотки въ ровномъ, басовомъ голосѣ дали первый толчокъ и вернули Янтарову самообладаніе. Слишкомъ торопится этотъ хозяинъ. И онъ отвѣтилъ съ усмѣшкой:

— И потому ихъ надо отшвыривать, какъ старыя лохмотья?

— Это фразы, Георгій Александровичъ. Я думаю, что время жестокости и отшвыриванья, и топтанья, и какъ тамъ еще говорятъ, прошло. Это прежде были воины и полководцы, и Наполеоны...

— А теперь—вы? Хозяева?—спросилъ Янтаровъ. Онъ сердился на себя, что разговоръ его волнуетъ, что близость Смирнова не вызываетъ въ немъ прежняго пріятнаго, колючаго отталкиванія, а точно манитъ куда-то.

— Если хотите, да,—отвѣтилъ Смирновъ.

Онъ вдругъ наклонился ближе къ собесѣднику и, блестя глазами, обдавая его запахомъ вина, заговорилъ:

— Вы читали въ газетахъ исторіи про богачей, про настоящихъ золотыхъ князей? Вы развѣ не видите ихъ тамъ, надъ нами? Ихъ поднялъ умъ, или дерзость, или удача, или просто какой-то капризъ судьбы. Десять лѣтъ, а можетъ быть и годъ тому назадъ, они были какъ всѣ, какъ мы... А теперь это властители. Короли ищутъ ихъ дружбы... Еще бы!.. Еще неизвѣстно, кто щедрѣе—принцы крови или тѣ, сами надѣвшіе на себя золотой вѣнецъ! Они въ своихъ рукахъ держатъ счастье народовъ. Свои вкусы, желанья, волю претворяютъ они въ деньги—и эти деньги какъ кровь струятся по тѣлу человѣчества, приносятъ жизнь или смерть, войну или раззоренье. Эти люди точно отдѣльная раса стоятъ надъ маленькими человѣческими существами... Неужели васъ не жжетъ мысль, почему вы не среди нихъ?

Онъ сидѣлъ согнувшись, тяжело опираясь рукой о колѣно, и пристально смотрѣлъ въ лицо Янтарова. Потомъ вдругъ улыбнулся широкой, веселой улыбкой и сразу сталъ еще болѣе похожъ на Мику. Они ни разу не назвали ее, но оба знали, что она стоитъ между ними.

— Вамъ, Янтаровъ, смѣшно? Смирновъ, и разводитъ такія баллады. Но неужели вы думаете, что кому-нибудь, кромѣ маньяковъ, нужны деньги для денегъ? Я нумизматъ, Янтаровъ, и когда я вижу монету съ крылатой каской Александра Македонскаго, я любуюсь твердой линіей его подбородка, но думаю, что все-таки Рокфеллеръ сильнѣе его...

Какіе-то странные зовы рождались въ Янтаровѣ отъ этихъ словъ. Не только самъ Смирновъ, но и вся скрывавшаяся за нимъ смирновщина перестала быть такой простой, грубой, пошлой и потому отталкивающей. А Смирновъ продолжалъ, чувствуя, что глаза молодого архитектора уже иначе смотрятъ на него.

— Мы съ вами оба строители... Развѣ вы не поняли до сихъ поръ, что безъ строителей нельзя? Только они дѣлаютъ зданіе жизни складнымъ.

— Чьей жизни? Вашей, или чужой?

Смирновъ опять улыбнулся, съ откровеннымъ цинизмомъ.

— Ну да, моей. Я не утопистъ. Сильные должны сговориться, а слабые—какъ хотятъ.

— На дно!? — спросилъ Янтаровъ, рѣзкимъ, отрывистымъ жестомъ показывая на полъ. — Ну, а какъ же тѣ, кто посерединѣ? Ихъ куда? Вотъ Карали...

— Что Карали? Онъ святой. А вѣдь мы съ вами, Янтаровъ, не святые...

Янтаровъ вдругъ вспыхнулъ неожиданной и буйной яростью. Ему показалось, что въ умныхъ глазахъ змѣится издѣвка. Неужели онъ знаетъ о деньгахъ?.. Самолюбивый ужасъ обжегъ его.

— Я за святостью не гонюсь... Но... Но съ вами мнѣ не по дорогѣ. Ни въ чемъ.

— Неужели ни въ чемъ?

Бурыя, широкія брови Смирнова сдвинулись. Ноздри крупнаго носа дрогнули и одна щека задвигалась взадъ и впередъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать и удержался.

Теперь Янтаровъ уже былъ убѣжденъ, что Смирновъ знаетъ про Мику. Въ немъ проснулось легкое, удалое, пьянящее чувство охотника, который раннимъ утромъ, по росистымъ тропамъ, подбирается къ чужому капкану.

— Да, надо думать что ни въ чемъ. А, впрочемъ, въ судьбу не влѣзешь. Мое почтенье, Петръ Петровичъ...

Онъ хотѣлъ отойти. Его остановилъ Карали.

— Куда вы? Я вижу по вашимъ лицамъ, что вы забыли другъ другу сказать самое важное.

Янтаровъ и Смирновъ неохотно улыбнулись. Докторъ продолжалъ, тихій и углубленный:

— Не смѣйтесь. Люди чаще всего это забываютъ. Оттого и уходятъ другъ отъ друга со злобой.

— Какая злоба, докторъ... Просто, я предлагалъ молодому человѣку отвѣтственную работу, а онъ отказывается.

— Скажите, докторъ,—Янтаровъ повернулся къ нему и его лицо, поблѣднѣвшее и взволнованное, было почти жалкимъ,— скажите, докторъ, развѣ надо, чтобы хозяева и фантазеры вступали въ дружбу?

Докторъ нѣсколько разъ задумчиво качнулъ своей лысой, красивой головой, сгребъ длинную бороду узкой рукой и потомъ отвѣтилъ:

— Въ дружбу? Да, да, это необходимо. Можетъ быть не сейчасъ, но потомъ непремѣнно, непремѣнно надо будетъ.

— Вотъ видите, Янтаровъ?—хмуро сказалъ Смирновъ.— Этотъ языкъ для васъ понятнѣе моего. Приходите же завтра утромъ. Придете?

И, точно усиливая приглашеніе, Смирновъ привѣтливо протянулъ молодому человѣку руку. Въ этомъ жестѣ, въ широкой и ласковой улыбкѣ, было что-то такое знакомое и милое, что Янтаровъ невольно отвѣтилъ улыбкой и, положивъ свою руку на широкую ладонь, отвѣтилъ:

— Приду.

Въ столовой Грохотскихъ Янтарову прежде всего бросилась въ глаза темноволосая голова Кати, ея густыя косы, короной лежащія надъ маленькимъ, блѣднымъ лбомъ. Рядомъ, подперевъ локтемъ острое, насторожившееся личико, сидѣла Вѣруся и жадно смотрѣла на сосѣдку. Мика разливала чай. Молодыя дѣвушки такъ оживленно говорили, что не слыхали звонка и только, когда Янтаровъ вошелъ, замолкли. На смугломъ лицѣ Кати промелькнуло милое, виноватое выраженье. Соскучилась. Пришла за нимъ. Это съ ней рѣдко бываетъ. Янтаровъ любилъ, когда къ нему тянулись и сразу согрѣлъ ее быстрымъ, какъ имъ казалось—только имъ понятнымъ взглядомъ.

— Ну вотъ, пришли... Только намъ помѣшаете. Такъ было хорошо безъ васъ, — сказала Вѣруся, протягивая ему руку. Онъ не зналъ, шутитъ или нѣтъ эта странная дѣвушка, въ глазахъ которой онъ давно подмѣтилъ чуткую наблюдательность, настороженность и точно недовѣрчивость.

— Нади еще нѣтъ. Налить вамъ?—спросила Мика.

Онъ взглянулъ на нее, увидалъ, какъ она торопливо замыкается и отъ чужихъ, и отъ него — и въ немъ опять заходило удалое чувство ловца, которое онъ испыталъ часъ тому назадъ, глядя въ лицо ея отца. Онъ весь, всей своей кожей, нервами, сердцемъ, всѣмъ, что составляло его я, ощущалъ двойной токъ любви, и нѣжности, и власти, который шелъ къ нему отъ этихъ двухъ, любившихъ его дѣвушекъ. И самъ испытывалъ слитное, волнующее влеченье къ нимъ обѣимъ. Но эта двойственность не пугала его. Было легко и просторно, точно онъ стоитъ на залитомъ солнцемъ пескѣ и чувствуетъ, какъ дышетъ на него нѣжный морской вѣтеръ.

Онъ дурачился, и шутилъ, и смѣясь разсказывалъ про обѣдъ. Его смѣхъ передавался слушательницамъ, онѣ отвѣчали ему нервнымъ, черезчуръ громкимъ смѣхомъ. И мало-по-малу около стола сгущалась напряженность, что-то безпокойное и выжидающее.

— Карали приходилъ ко мнѣ, — раздался голосъ старшей Грохотской.

Всѣ обернулись къ дивану.

— Приходилъ и звалъ меня съ собой. Немного опоздалъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ и я бы поѣхала съ нимъ искать философскаго камня. А теперь я приросла къ землѣ. Теперь у меня спина переломана.

Тѣ у стола притихли. Тоска вошла въ грудь и медленно сжала молодыя сердца непрошеннымъ предчувствіемъ. Вѣруся,

слегка раскачивая свой горбъ, встала и взобралась на свое любимое мѣсто въ ногахъ Грохотской. Она только что начала распрашивать Катю о медицинѣ, о томъ, очень ли страшно смотрѣть, какъ рѣжутъ? А когда умираютъ, страшно? Вѣдь люди всегда знаютъ, когда смерть придетъ? Такъ много еще хотѣла спросить. У фельдшерицы отличная улыбка и глаза свѣтлые, какъ цвѣтки. Гораздо лучше, чѣмъ у Янтарова. Она смотрѣла на него и старалась понять, что съ нимъ. Боится, или радуется? Или просто пьянъ?

— А я только что съ вашимъ отцомъ бесѣдовалъ, Марья Петровна,—неожиданно для самого себя сказалъ Янтаровъ.

Мика приподняла одну бровь и сдержанно спросила:

— Вотъ какъ? О чемъ?—А сердце прыгало, какъ мячикъ.

— О чемъ? — Янтаровъ засмѣялся. — Какъ вамъ сказать. Это было въ родѣ искушенія.

Мика подняла на него глаза и явная тревога затѣнила ея лицо.

Не безъ удивленья слѣдила за ними Катя. Она въ первый разъ видѣла сестеръ Смирновыхъ. Онѣ ей понравились. Больше горбатая. Но и старшая ничего. Такая нарядная, и цвѣтъ лица отличный. Какъ это всегда краситъ. Въ Катѣ таилось маленькое, невинное женское тщеславіе, заставлявшее ее съ беззлобной завистью смотрѣть на женщинъ, которыхъ она считала красивѣе себя.

— Вы удивляетесь, Марья Петровна? — съ насмѣшливымъ вызовомъ продолжалъ Янтаровъ. — А я былъ очень польщенъ. Самъ Смирновъ, воротила и практикъ, звалъ меня къ себѣ. Меня, съ моими завиральными, художественными фантазіями... Право я былъ польщенъ.

— То-есть какъ, къ себѣ?

Мика все больше терялась и сердилась за это на себя, а Катя съ щемящей тревогой смотрѣла то на него, то на нее. Какъ они говорятъ... Совсѣмъ старые знакомые...

— Да такъ, во всѣхъ смыслахъ...

Розовыя губы Янтарова кривились недоброй, высокомѣрной улыбкой. Прищуренные глаза смотрѣли почти враждебно.

— Очень рада. Я давно васъ зову...

Мика сказала — и сама поняла, что это звучитъ слишкомъ церемонно.

— Благодарю,—онъ слегка, и также церемонно, склонилъ голову.—Но вашъ батюшка позвалъ меня работать съ нимъ.

— А вы?

Янтаровъ посмотрѣлъ въ ея каріе, встревоженные глаза, и эта тревога доставила ему злорадное, горькое удовлетвореніе. Точно въ ней уже таилась побѣда надъ ненавистной ему смирновщиной. На секунду онъ задержалъ отвѣтъ:

— А я... я... я сказалъ, что врядъ ли намъ по дорогѣ...

Съ дивана раздался прозрачный, высокій голосъ Вѣры:

— Да, у папеньки такая дорога, что, пожалуй, и намъ съ нимъ скоро будетъ не по пути.

Мика исподлобья взглянула на сестру. Ея горбатая грудь, вздернутыя плечи, надъ которыми покачивалась маленькая головка, ея улыбка, острая и злая, подняли въ старшей затихшую было отчужденность и брезгливость.

„Тоже притворяется", почему-то подумала она, а вслухъ сказала:

— Отецъ — умный человѣкъ. А съ умнымъ всетаки легче. Значитъ, вы отказались?

— Я обѣщалъ завтра утромъ быть у него. Отчего не поговорить?

— Конечно, такъ лучше,—спокойно отвѣтила Мика и только рука ея, протягивавшая Катѣ чашку чая, дрожала.

— Охъ, Янтаровъ, смотрите, какъ бы они васъ не перефасонили,—раздался насмѣшливый голосъ Грохотской.

Отвѣтить онъ не успѣлъ. Влетѣла Надя и разговоръ оборвался. Цито шелъ за ней, хмурый и блѣдный. Вѣрно поссорились по дорогѣ. Микѣ даже показалось, что густыя рѣсницы Нади слиплись, какъ отъ слезъ. У нея самой на сердцѣ было тяжело и одиноко, и она, съ неожиданной для себя горячностью, обняла и поцѣловала подругу. Та начала быстро, быстро разсказывать про какія-то неудачи съ концертомъ, который долженъ былъ уже состояться черезъ нѣсколько дней. Цито, свирѣпо сверкая прекрасными черными глазами, говорилъ своимъ гортаннымъ голосомъ:

— Очень радъ, если все къ чорту пойдетъ. Противно смотрѣть, какъ вы возитесь со всякими буржуями. Чортъ знаетъ, что позволяютъ себѣ...

Молодыя дѣвушки переглянулись. Въ ихъ улыбкахъ уже брезжило предчувствіе первыхъ житейскихъ шиповъ.

Вдругъ чуткое ухо Мики уловило едва слышно брошенное:

— Гога...

Кровь хлынула ей въ голову, закипѣла, обожгла и затуманила, но она сдержалась и медленно, неторопливо взглянула на Катю. Та опять сидѣла, съ опущенными рѣсницами. Но на ея

лицѣ, порозовѣвшемъ и радостномъ, Мика ясно прочла ея любовь къ Янтарову. Она вспомнила вечернюю улицу, маленькую женщину съ тяжелой походкой и сразу узнала круглую линію подбородка. Точно хлыстомъ ударили ее. Она выпрямилась и съ ненавистью взглянула на красивое, безпечное, балованное лицо, съ чуть вьющимися надъ розовымъ ртомъ усами. Онъ и ждалъ этого и отвѣтилъ на ея взглядъ взглядомъ, гдѣ опять была усмѣшка. И былъ призывъ. Изъ глубины его синихъ глазъ звучалъ только ей одной слышный, бархатный и властный голосъ:

— А всетаки я тебя цѣловалъ... И ты радовалась этому.

XIII.

Той же широкой и ласковой улыбкой, подкупившей наканунѣ Янтарова, встрѣтилъ его Смирновъ на порогѣ своего кабинета. Ему хотѣлось привлечь къ себѣ молодого архитектора. При большомъ дѣлѣ нужны способные и толковые люди. Около него только Лукутинъ—и это порой раздражало. Точно этотъ тяжелый, крѣпкій человѣкъ, съ добродушной улыбкой и съ мѣткимъ, холоднымъ взглядомъ маленькихъ глазъ, очерчивалъ какой-то кругъ около Смирнова. Хотѣлось еще кого-нибудь выдвинуть рядомъ съ нимъ. Независимость Янтарова, то, что онъ не сразу, а только послѣ словъ Карали откликнулся на зовъ, тоже усиливали его привлекательность.

А главное—онъ просто понравился Смирнову. Осталось отъ него впечатлѣніе, похожее на безкорыстное удовольствіе отъ рѣдкой или тонкой монеты, которое испытывалъ Смирновъ, перебирая свою коллекцію. Онъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что это влеченіе было смутнымъ отголоскомъ того, что уже связывало его дочь съ этимъ красивымъ, веселымъ человѣкомъ.

Съ гибкостью умнаго и ловкаго человѣка Смирновъ нашелъ и слова, и тонъ, которыми можно было смягчить и ослабить сдержанность Янтарова, повернулся къ нему именно той стороной, которая могла ихъ сблизить.

Янтарову это польстило. Онъ вошелъ въ Смирновскій домъ съ смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и риска, точно затѣялъ игру и ждалъ, какъ она разыграется.

Тяжелая, старомодная нарядность кабинета ему нравилась. И тонкій коверъ съ блѣдными персидскими рисунками, и темный, громадный столъ посрединѣ, и запахъ хорошихъ сигаръ, смѣшанный съ запахомъ кожаныхъ удобныхъ креселъ.

На стѣнѣ висѣла большая фотографія Мики, и Янтарову показалось, что ея глаза улыбаются ему. Поддаваясь той легкости, которая и скрашивала и путала его отношенія къ людямъ, Янтаровъ забылъ о „смирновщинѣ“ и отдался впечатлѣнію ласки и комфорта, исходившимъ и отъ комнаты, и отъ хозяина.

— Вотъ тутъ у меня спеціальные журналы,—говорилъ Смирновъ, показывая аккуратно разложенныя на кругломъ столѣ книги.

— Ого, сколько вы ихъ получаете! Вотъ счастливый,—позавидовалъ Янтаровъ.

— Какъ же иначе, Георгій Александровичъ? Вѣдь мохомъ заростешь и отъ дѣла отстанешь. Только читать-то времени нѣтъ. Лежатъ наполовину неразрѣзанные, — точно извиняясь, сказалъ Смирновъ и прибавилъ:—вотъ вы, надѣюсь, будете ихъ теперь просматривать и мнѣ разскажете.

Это былъ единственный намекъ на ихъ возможное сотрудничество и сейчасъ же Смирновъ перешелъ къ другому. Потомъ подвелъ Янтарова къ гладкому несгораемому шкафу въ углу.

— А вотъ здѣсь у меня игрушки.

Лукаво подмигивая, онъ нѣжно провелъ рукой по желѣзной стѣнкѣ. Янтаровъ удивленно и съ невольной подозрительностью взглянулъ на него. Неужели онъ о деньгахъ? Но Смирновъ быстро нажалъ какія-то пружины, открылъ дверцы и вынулъ узкій, длинный, съ мелкими отдѣленіями ящикъ.

— Сейчасъ открою вамъ мою слабость, — все съ тѣмъ же лукавымъ выраженіемъ сказалъ Смирновъ, развертывая тонкую бумажку, изъ которой выглядывала блѣдная полоска золота.

Вкрадчивой лаской отозвалось въ Янтаровѣ это очевидное и откровенное, похожее на женское кокетство, желаніе понравиться ему. Въ нумизматикѣ онъ ничего не понималъ и всегда смѣялся надъ собирателями старыхъ денегъ. Но тутъ, вглядѣвшись, невольно увлекся чистотой и изяществомъ линій, той своеобразной, мудрой красотой, которая исходитъ изъ вещей, созданныхъ давно исчезнувшими поколѣніями.

Когда Мика вошла въ кабинетъ, она застала отца и Георгія оживленно и дружески споривших о сущности греческой архитектуры. Отецъ былъ въ приподнятомъ и праздничномъ настроеніи, въ которомъ она давно его не видала, и ея приходъ точно усилилъ эту праздничность.

Въ глазахъ Янтарова, въ быстромъ взглядѣ, которымъ они обмѣнялись, она прочла что-то зовущее, по новому близкое. Птицы запѣли у нея на душѣ и хотѣлось тутъ же, при отцѣ сказать ему:

— Здравствуй, Георгій!..

Позже, вспоминая эти короткіе часы радостной увѣренности въ своемъ счастьи, она, вопреки всему, мучительно корила себя за малодушіе. Кто знаетъ, какъ сложилась бы ея жизнь, еслибы тогда, въ отцовскомъ кабинетѣ, она открыто произнесла эти, рвавшіяся съ губъ слова:

— Здравствуй, Георгій!

Но и безъ нихъ было свѣтло. И быть можетъ, чтобы не затемнить этотъ свѣтъ, она сдержалась.

Янтарова оставили завтракать. Утро было дождливое и темное. Зажгли электричество, и за круглымъ, хорошо накрытымъ, столомъ было домовито и пріятно. Марья Филипповна сперва испытующе поглядывала на гостя, потомъ поддалась его улыбкѣ и настроенію мужа и дочери. Даже Вѣруся, за послѣднее время молчаливая и замкнутая, нѣсколько разъ отвѣтила шуткой на шутки Янтарова. Давно не было такъ дружно и легко въ Смирновской столовой.

Завтракъ кончился.

— Ну, теперь идемте о дѣлахъ говорить,—увѣреннымъ голосомъ сказалъ Смирновъ.

Мужчины ушли. Марья Филипповна посмотрѣла вслѣдъ Янтарову, замѣтила, что у него хорошо сшитъ пиджакъ, что густые волосы чуть кудрявятся около затылка, что весь онъ складный и привлекательный, и, переведя близорукіе, выпуклые глаза на Мику, сказала:

— Кажется пріятный человѣкъ...

Мика молча нагнулась къ бѣлой, надушенной рукѣ матери, горячо поцѣловала ее и, ни слова не говоря, ушла.

Марья Филипповна повернулась къ другой дочери. Вѣруся сидѣла, подперевъ длинной рукой маленькую красивую голову. Тонкія, черныя брови были сдвинуты и какая-то упорная мысль горѣла въ глазахъ.

— Вѣруся, тебѣ нравится Янтаровъ? — осторожно спросила мать.

— Ничего, только онъ тоже игрушечный,—разсѣянно отвѣтила дѣвушка, думая о чемъ-то своемъ.

— Что ты, Вѣруся, болтаешь, — засмѣялась Марья Филипповна. — Почему игрушечный?

Вѣруся подняла на нее темные, умные глаза и улыбнулась. Отъ этой улыбки тоской и нѣжностью задрожало сердце матери. Ей такъ хотѣлось держать близко около себя свою обиженную судьбой дѣвочку. Но не умѣла, не знала, и боялась подойти.

— Ну да, мать, развѣ ты не замѣтила, что игрушечныхъ людей больше, чѣмъ не игрушечныхъ?—съ добродушнымъ упрямствомъ повторила Вѣруся. — Все пустячки, пустяки... Какъ у дѣтей. И Янтаровъ такой.

— А кто же другой?—сдержанно спросила Марья Филипповна, стараясь проникнуть въ то чужое и непонятное, что жило въ душѣ Вѣруси.

— Ну, докторъ,—она говорила о Карали,—ну, вотъ еще...

Ей хотѣлось назвать Грахотскихъ, но она взглянула на мать, на ея бѣлокурые локоны, на обтянутую шелкомъ грудь, на выпуклые, удивленные глаза и отрывисто закончила:

— Ну, вотъ еще писатели... Не всѣ, конечно. И разные тамъ другіе. Ну, да это тебѣ не интересно.

Марья Филипповна обиженно опустила темноватыя вѣки и вздохнула съ видомъ жертвы. Этотъ вздохъ всегда приводилъ Вѣрусю въ ярость.

Въ кабинетѣ Янтаровъ попробовалъ стряхнуть съ себя то мягкое, окутывающее настроеніе, которое все плотнѣе охватывало его въ Смирновскомъ домѣ. Но куда-то спрятались враждебность и желаніе борьбы, которыя онъ раньше испытывалъ въ присутствіи Смирнова. Передъ нимъ былъ умный, крѣпкій человѣкъ, который явно шелъ къ нему навстрѣчу. Въ глазахъ и въ улыбкѣ у него было сходство съ Микой—и это обезоруживало. Янтарову казалось, что онъ попалъ въ новое, сильное теченіе и что оно вынесетъ его изъ тягостной разбитости и двойственности.

— Вы понимаете, въ чемъ дѣлѣ,—сказалъ Смирновъ, усаживаясь противъ гостя въ низкое и просторное кожаное кресло.— Линія большая. Отъ насъ до такого-то города. Скажу прямо. Это дѣло такъ меня волнуетъ, что я молодѣю на двадцать лѣтъ. Оно должно быть удачнымъ. Нѣтъ, блестящимъ. Не только въ денежномъ отношеніи... Онъ остановился, задумался, точно мысленно окидывая взглядомъ всю громадность затѣяннаго дѣла; потомъ прибавилъ:

— Георгій Александровичъ, надо такъ устроить, чтобы всѣ наши вокзалы и зданія были не шаблонны. Какъ это сдѣлать, я еще не знаю. На васъ расчитываю.

Опять какъ тогда, при бѣгломъ разговорѣ съ Микой мелькнула передъ глазами Янтарова длинная, стальная лента рельсъ, прорѣзающая край. Но теперь ему предлагали дать свой замыселъ, внести свое понятіе стройности и красоты въ тѣ зданія, которыя выростутъ вдоль этой ленты. Это уже не штопанье

старыхъ стѣнъ, не мелкая, притупляющая работа. Тутъ можно развернуться, можно найти и дать самого себя.

— Очень соблазнительно, Петръ Петровичъ, — откровенно, не скрывая охватившаго его волненія, сказалъ Янтаровъ, — только...

— Ну, какое у васъ только. Я вѣдь не хочу сейчасъ писать съ вами договоръ. Вы подумайте, а мы еще нѣсколько разъ потолкуемъ. Вы мнѣ свои мысли скажете...

— Да, если такъ...

Янтаровъ, какъ всякій слабый человѣкъ, былъ радъ отсрочкѣ, былъ радъ протянуть первые, менѣе опредѣленные переговоры.

— Ну, конечно. Я тоже вѣдь не хочу идти наобумъ. Значитъ, пока, согласны?

— Согласенъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Янтаровъ.

Въ дверь раздался легкій стукъ и, не дожидаясь разрѣшенія, вошелъ Лукутинъ.

— Янтаровъ! — съ удивленіемъ сказалъ онъ.—Ты здѣсь и даже на что-то согласенъ. Вотъ не ожидалъ...

Смирновъ съ затаеннымъ злорадствомъ поздоровался съ Лукутинымъ. Если Янтаровъ по настоящему войдетъ, тогда онъ, Смирновъ, не будетъ лицомъ къ лицу съ Лукутинымъ и между двумя помощниками ему легче будетъ властвовать.

— Не ожидали, Павелъ Ивановичъ? Почему? А мы тутъ кое о чемъ уже потолковали. Георгій Александровичъ можетъ быть для насъ съ вами отличнымъ товарищемъ. Если захочетъ...

— Товарищемъ?

Лукутинъ не сѣлъ. Стоя, сверху внизъ разсматривалъ онъ и хозяина, и гостя. Въ его позѣ, въ его тяжелыхъ, уже слегка обвисшихъ щекахъ, въ маленькихъ, острыхъ глазахъ была холодная и злая настороженность.

„Точно собака, которая боится, что у нея кость отнимутъ“,— подумалъ Янтаровъ и сразу сбѣжала, растаяла его податливость.

— Ну да,—уже нетерпѣливо отвѣчалъ Смирновъ.

Онъ тоже всталъ, а за нимъ поднялся и Янтаровъ. То, что они всѣ трое стояли, ускоряло и обостряло ихъ разговоръ.

— Я хочу, чтобы Георгій Александровичъ далъ надъ проекты для зданій...

— Проекты? Отчего же нѣтъ,—снисходительно согласился Лукутинъ.—Проекты—это дѣло кабинетное. Но постройка—это ему не подойдетъ.

— Это почему же? — презрительно щуря глаза, спросилъ Янтаровъ.

— Да потому что ты для насъ недостаточно серьезенъ. Погодите, — властнымъ жестомъ остановилъ онъ и Смирнова и Янтарова. — Я не хочу тебя оскорблять. Но вѣдь я же знаю тебя. Ты бѣлоручка и нѣженка. А въ такомъ большомъ дѣлѣ, какъ наше, сантиментальностямъ не мѣсто. Мы рабочихъ будемъ держать вотъ гдѣ.

Онъ поднялъ бѣлый, тяжелый кулакъ. И странно было, что надъ нимъ бѣлѣетъ крахмальный, барскій рукавчикъ, а не красная рубаха подрядчика.

— Вѣдь мнѣ Петровскій разсказывалъ, что у васъ съ нимъ въ Ярославлѣ вышло.

— Петровскій?—съ высокомѣрной улыбкой перебилъ Янтаровъ.—Да, теперь и я вспомнилъ. Васъ съ нимъ вмѣстѣ рабочіе въ тачкѣ съ моста хотѣли сбросить. Небось, съ живыхъ щетинку драли... Да, съ тобой, Лукутинъ, мы не товарищи. Это онъ вѣрно говоритъ, Петръ Петровичъ. Вамъ придется выбирать.

Лукутинъ захохоталъ.

— Выбирать! Какой ты чудакъ... Развѣ можетъ быть выборъ между тобой и мной.

— Что съ вами, Лукутинъ? — въ полголоса рѣзко сказалъ Смирновъ.

По его лицу, красному и злому, Янтаровъ понялъ, что Лукутинъ знаетъ, что говоритъ. Горечь и обида поднялась въ душѣ Янтарова. Зачѣмъ онъ пришелъ къ этимъ буржуямъ. Зачѣмъ поставилъ себя въ такое унизительное, подлое положеніе. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и съ улыбкой протянулъ руку Смирнову.

— Я вчера говорилъ, что намъ съ вами не по дорогѣ, Петръ Петровичъ. А съ нимъ, — онъ презрительно показалъ рукой на Лукутина, — и подавно. Оно и лучше, когда все сразу ясно.

Не подавая руки Лукутину, Янтаровъ вышелъ изъ кабинета. Ему хотѣлось встрѣтить Мику, хотѣлось, чтобы она какъ можно больнѣе поняла, какая пропасть между нимъ, Янтаровымъ, и всѣмъ, что ее окружаетъ. Но ея не было и онъ вышелъ изъ дому Смирновыхъ злой и внутренно жалкій.

А въ кабинетѣ Лукутинъ, спокойный и снова добродушный, невозмутимо слушалъ рѣзкіе упреки Смирнова. Когда тотъ замолчалъ, Лукутинъ отвѣтилъ:

— Петръ Петровичъ, увѣряю васъ, я зналъ, что дѣлаю. Янтаровъ—славный малый. Я понимаю, что онъ можетъ понравиться не только женщинамъ, но и вамъ. Ну и зовите его въ гостиную. А въ дѣлѣ намъ нужны люди однѣхъ съ нами привычекъ.

Что-то было въ умныхъ сѣрыхъ глазахъ, что̀ подчиняло. Смирновъ чувствовалъ это и сердился тяжелымъ гнѣвомъ человѣка, уже отвыкшаго сгибаться подъ чужой волей. Лукутинъ внимательно слѣдилъ за нимъ и вдругъ прибавилъ мягко, точно оправдываясь.

— Подождите, Петръ Петровичъ. Я понимаю, что вамъ непріятно. Но я знаю, вы скоро увидите, что я правъ. У меня есть чутье.

Смирновъ нѣсколько разъ прошелся по кабинету. Мало-помалу раздраженіе противъ Лукутина, такъ явно наложившаго руку на его поступки, какими-то тайными путями переходило въ злобу противъ Янтарова. Вѣдь это изъ-за него онъ попалъ въ такое дурацкое положеніе. И что ему вздумалось возиться съ этимъ глупымъ малымъ? Къ чему Янтаровъ говорилъ о рабочихъ и о щетинкѣ? Откуда-то вставало еще болѣе темное недовольство Микой.

„Надо наконецъ съ ней объясниться“, — мысленно рѣшилъ Смирновъ, а вслухъ сухо сказалъ.

— Ну что-же, вы принесли тотъ расчетъ?

— Принесъ—также сухо отвѣтилъ Лукутинъ.

Онъ досталъ бумаги. Они стали рядомъ у высокой конторки и скоро цифры заслонили отъ нихъ обоихъ Янтарова.

XIV.

Колокольчикъ звенѣлъ настойчиво, безъ перерыва. Янтаровъ видѣлъ во снѣ, что онъ ѣдетъ по тѣсной, лѣсной тропкѣ въ узкихъ саняхъ, запряженныхъ черной громадной лошадью. Нѣтъ, это не лѣсъ, это темная колоннада гигантскаго зданія. И саней уже нѣтъ. Онъ сидитъ на крылатомъ конѣ и слышитъ, какъ гулко стучатъ копыта по каменному полу и знаетъ, что вотъ-вотъ примчатся они къ обрыву. Нѣтъ силъ ни повернуть, ни удержать коня.

Сердце дрожитъ, ужасаясь и радуясь.

Звонокъ и громкій стукъ въ дверь прорвались наконецъ сквозь кору сна. Янтаровъ съ трудомъ всталъ съ постели и по-

шатываясь, еще сонный, пошелъ отворить. Онъ жилъ одинъ; жена дворника, старая, строгая и молчаливая, вела его несложный домъ.

Сквозь сонъ онъ сердито думалъ, что сейчасъ увидитъ тусклые, печальные и испуганные глаза еврея-портного, который аккуратно разъ въ недѣлю приходилъ за деньгами. Янтаровъ былъ долженъ ему за платье и просто бралъ у него деньги. Еще годъ тому назадъ. И никакъ не могъ отдать. За евреемъ стояла тощая, грязная, всегда беременная жена и рой маленькихъ, тоже грязныхъ и старчески тощихъ еврейчиковъ, копошившихся около нея.

„Надо скорѣе ему отдать!"—сердито подумалъ Янтаровъ и также сердито спросилъ.

— Кто тамъ?

— Егорій Александровичъ, это я... Впустите пожалуйста.

Сонъ сразу отлетѣлъ отъ Янтарова. Въ грубомъ голосѣ Савелія Ивановича была та властность, которая слышится въ голосѣ вѣстника бѣды. Лицо подрядчика, топорное, изрытое, нескладное, было блѣдно. Волосы гладко прилипли къ потному лбу. Толстыя, синія губы дрожали.

— Не ладно у насъ, баринъ.

— Ну!—Голосъ Янтарова сорвался на высокой, непріятной нотѣ и ударилъ ему же по нервамъ.

— Ребятъ троихъ... Лѣсами...

— Убило?

Янтаровъ, сжимая кулаки, двинулся къ Савелію.

— Зачѣмъ убило!.. Помяло маленько.—Подрядчикъ осторожно подался къ дверямъ.

Янтаровъ схватилъ обѣими руками стулъ и нѣсколько разъ ударилъ имъ объ полъ. Онъ былъ полуодѣтъ. Изъ-за растегнутаго ворота ночной рубашки бѣлѣла красивая, здоровая шея. Видно было, какъ вздуваются жилы, какъ кровь приливаетъ къ лицу, дѣлая его толще и старше.

— Негодяй! мерзавецъ!..—хриплымъ, чужимъ, непослушнымъ голосомъ бормоталъ онъ грубыя, постыдныя ругательства.

Потомъ съ грохотомъ откинулъ стулъ и опять двинулся къ Савелію.

— Кого же ты изуродовалъ?.. Ну, говори! Чортовъ сынъ!.. Проклятая порода... Волчья...

Савелій прижался къ стѣнѣ и, свѣсивъ голову, съ тяжелой, угрюмой злобой смотрѣлъ изъ-подъ прилипшихъ, плоскихъ во-

лосъ на молодого человѣка. Что-то и впрямь волчье было въ его головѣ, въ короткомъ, подавшемся впередъ затылкѣ.

— Ну ты, баринъ, того, полегче... — тоже хриплымъ голосомъ проворчалъ онъ, — за постройку отвѣтъ твой, а не мой... Вѣдь архитекторъ-то ты, а не я...

Какая-то судорога безумія прошла по лицу Янтарова. Савелій вдругъ, трусливо, бочкомъ, съ неожиданной для его толстой спины быстротой, юркнулъ въ переднюю и уже оттуда, другимъ, заискивающимъ голосомъ прохрипѣлъ:

— Вы, Егорій Александровичъ, напрасно не разстраивайтесь. Можетъ и обойдется. Ребята, пока что, живы...

— Кто?—коротко оборвалъ Янтаровъ.

Его уже охватывала мучительная слабость. Точно кто-то вынулъ изъ него всѣ кости. Такъ всегда бывало съ нимъ, послѣ рѣдкихъ и быстрыхъ приливовъ внезапной ярости. Этой слабости Янтаровъ стыдился больше, чѣмъ злобы. Ему хотѣлось, чтобы подрядчикъ поскорѣе ушелъ, и, отворачивая отъ него поблѣднѣвшее лицо, онъ сталъ торопливо одѣваться.

— Иванъ Рыжій... Да Митрій московскій... Ну и... — онъ немного запнулся...—Ну, и Андріанъ.

— А, чортъ!— коротко вырвалось у Янтарова.—Въ какую больницу свезли?

— Въ Глазовскую.

Это была больница, гдѣ работала Катя. И мысль, что изуродованные люди попали къ ней, прохладой смутнаго облегченья пахнула на Янтарова.

— Ступайте! Я изъ больницы пріѣду...

Изъ полутемной передней донеслось тяжелое дыханье, потомъ покашливанье.

— Егорій Александровичъ, вы бы сначала къ городской головѣ навѣдались. Вы къ нимъ вхожи... Надо, чтобы до протокола...

— Савелій Ивановичъ, уходите.

Янтаровъ уже не кричалъ, но въ голосѣ былъ приказъ и сухая угроза.

— Егорій Александровичъ, вы не резоньтесь. Что-жъ тутъ... Это не по лѣсу, а по людямъ ходитъ.. Только надо, чтобы потише, а то вѣдь гласность образуется...

Янтаровъ криво усмѣхнулся поблѣднѣвшими губами. Что-то душило его. Какая-то липкая была связь между нимъ и этимъ жуликомъ, глухо ворочавшимся въ передней.

— Гласность и прокламація? Такъ, Савелій Ивановичъ? Что-жъ дѣлать. Заварили, такъ и расхлебываемъ. Ступайте...

Савелій Ивановичъ высунулъ изъ-за двери свой толстый, изрытый носъ, и опять въ его глубоко запавшихъ, свиныхъ глазкахъ мелькнула наглая угроза:

— Вѣдь я вамъ добра желаю, Егорій Александровичъ. Кто Богу не грѣшенъ? Съ живымъ человѣкомъ все можетъ быть.— Въ голосѣ звучала снисходительность. — Вѣдь про васъ слава пойдетъ, а я, я что же... Если все слава Богу, такъ я даже росписочку разорву. Вотъ ей Богу...

Онъ перекрестился маленькимъ, торопливымъ крестомъ. Гадливость еще тѣснѣе подступила къ горлу Янтарова. Онъ повернулся къ подрядчику и съ горькимъ любопытствомъ вглядѣлся въ него. Человѣкъ какъ человѣкъ. Руки и ноги, голова и глаза, и все какъ у всѣхъ. Отчего на немъ нѣтъ звѣриной шерсти? Ему хотѣлось спросить объ этомъ самого Савелія, но онъ только спросилъ:

— Какъ это, слава Богу? Да вѣдь люди-то...

Подрядчикъ повелъ здоровенными плечами и по его лицу проползла улыбка, презрительная и гнусная:

— А чего-жъ они, такіе-сякіе, не скрѣпили досокъ во время? Тоже надо и имъ съ умомъ. Такъ значитъ вы къ Ивану Митрофановичу? Я сейчасъ къ нему добѣгу...

— Значитъ, вы не только мошенникъ, но и дуракъ. Убирайтесь къ чорту, — холодно сказалъ Янтаровъ. Савелій Ивановичъ понялъ, что имъ не о чемъ больше говорить. Онъ сразу распрямился и, уже не скрывая своей злобы, съ усмѣшкой сказалъ:

— Это какъ вамъ угодно. А я хотѣлъ по-хорошему, побожески...

И уже въ дверяхъ бросилъ вполголоса:

— А кажись и чваниться бы нечего...

Въ больницѣ Янтаровъ увидалъ только Андріана. Онъ лежалъ съ головой, увитой бѣлыми перевязочными лентами, тихій и торжественный. Жесткое мужицкое лицо, испещренное глубокими складками, посвѣтлѣло. Ротъ былъ плотно сомкнутъ. Одинъ глазъ забинтованъ; на другомъ вѣко то приподнималось, то опускалось. Пальцы лѣвой, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшей, руки, лежали поверхъ одѣяла, неподвижные и не разжатые, точно птичьи когти.

Катя, вся въ бѣломъ, внимательно отсчитывала капли въ стаканчикъ. Она молча подняла на Янтарова глаза, и ему по-

казалось, что онъ прочелъ въ нихъ суровый приговоръ. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ койкѣ и съ растеряннымъ, суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ на это дрыгавшее вѣко.

„Умретъ, навѣрное умретъ",—трусливо билась въ мозгу короткая мысль. И Янтаровъ не зналъ, жалость, или стыдъ, или рабскій страхъ сковываютъ его тѣло, сосутъ мутной тоской его грудь.

— Катерина Ивановна, вы тѣхъ двухъ видѣли? — рѣшился онъ наконецъ произнести.—Какъ? Выживутъ?

Съ сосѣднихъ коекъ слѣдили любопытные глаза больныхъ, въ которыхъ всегда свѣтится затаенная враждебность къ здоровымъ, часто даже къ тѣмъ, кто несетъ помощь и исцѣленіе. Катя отвѣтила тихо, не поднимая глазъ:

— Видѣла. Положенье тяжелое...

Оттого, что она говорила такъ тихо, и что передъ нимъ была не любящая глубина ея глазъ, а строго опущенныя вѣки, онъ чувствовалъ себя жалкимъ, преступнымъ, безвозвратно погибшимъ. Ему показалось, что онъ самъ стоитъ на верху лѣсовъ, что они съ трескомъ и грохотомъ рушатся подъ нимъ. Смутно мелькнуло передъ глазами улыбающееся, ласковое лицо матери, которую онъ давно потерялъ.

Катя видѣла, какъ жалкая гримаса исказила его лицо — и горькая нѣжность къ этому большому, безпомощному и безпутному ребенку острымъ лезвіемъ вошла въ нее. Осторожной, умѣлой рукой она влила лекарство въ ротъ больного, поправила одѣяло, и тихо сказала:

— Пройдемте въ докторскую.

Въ узкой, чистой, пропахшей лекарствами комнатѣ, онъ схватилъ обѣ руки Кати и, опустившись передъ ней на колѣни, спряталъ лицо въ ея платье. Ей казалось, что онъ сейчасъ заплачетъ, но и глаза его, и сердце были сухи, точно ихъ лизнуло огнемъ. И невольно съ ея губъ сорвалось:

— Гога! Какъ ты могъ?.. Какъ ты могъ?..

Больше они ничего не сказали другъ другу. По корридору раздались шаги и Янтаровъ только успѣлъ вскочить, когда маленькій, вертлявый, похожій на козленка докторъ вошелъ въ докторскую. Онъ сердито посмотрѣлъ близорукими глазами на чужого.

— Позвольте васъ познакомить, — сказала Катя, — нашъ докторъ, а это—Янтаровъ. Онъ пришелъ узнать о рабочихъ. Знаете, тѣ...

— А? Такъ, такъ, такъ! Хорошихъ вы дѣлъ настряпали, господинъ инженеръ...

— Несчастіе, всегда...—хмуро отвѣтилъ Янтаровъ.

— Ну да! Конечно. Несчастіе, неосторожность... Много есть лукавыхъ словъ на свѣтѣ у такихъ господъ.

Докторъ махнулъ рукой, повернулся къ фельдшерицѣ и совсѣмъ другимъ голосомъ сказалъ.

— Катерина Ивановна, голубушка, вы бы сходили къ тому, рыжему. Ему сторожъ, дуракъ, сказалъ, что ему ногу отрѣжутъ. Реветъ, парень, какъ бѣлуга.

Катя посмотрѣла на Янтарова. Губы ея шевельнулись, точно она хотѣла что-то сказать. Потомъ опять сомкнулись. Смуглое лицо поблѣднѣло и она вышла изъ комнаты своей быстрой, отяжелѣвшей походкой. Янтаровъ двинулся было за ней, но какой-то холодъ сковывалъ его. Не все ли равно? Что она можетъ сказать ему? Онъ усмѣхнулся, криво и деревянно, и низко наклонилъ голову передъ докторомъ:

— Мое почтеніе...

XV.

— Что тебѣ за охота, милка, сидѣть въ этомъ городишкѣ? Право поѣзжай...

Смирновъ смотрѣлъ на дочь, и она видѣла въ его взглядѣ не только любовь и заботу, но и недовольство, еще спрятанное, быть можетъ смутное, но уже настоятельное. Онъ нѣсколько разъ заговаривалъ съ ней о заграничной поѣздкѣ, но она отдѣлывалась шутками и все искуснѣе пряталась, уходила въ себя, какъ тѣ чуткія морскія полурастенія, полуживотныя, которыя при приближеніи опасности быстро свертываются въ одинъ безформенный комокъ.

— Что ты гонишь меня? Я тебѣ надоѣла? Мнѣ хорошо дома.

Смирновъ скользнулъ взглядомъ по лицу дочери и даже не улыбнулся.

— А пѣніе?

— Я очень много пою, — живо отвѣтила ему Мика, — и Клавдія Карловна меня хвалитъ. Мнѣ очень невыгодно сейчасъ уѣзжать. Я какъ разъ начала разучивать съ ней Татьяну...

Смирновъ нетерпѣливо повернулся въ креслѣ. Онъ ясно видѣлъ, что все это отговорки. Наканунѣ ночью они долго разговаривали съ женой и оба рѣшили, что надо, во что бы то ни стало, увезти дѣвочекъ. Придется заговорить напрямикъ. Онъ чувствовалъ, что и Мика знаетъ его мысли и въ ея глазахъ онъ

читалъ настойчивый вопросъ — а что же Янтаровъ?.. И этотъ молчаливый разговоръ тяготилъ и раздражалъ ихъ больше всего, что можно было сказать.

— Можно?—послышался за дверью веселый, увѣренный голосъ Лукутина. И оба, отецъ и дочь, торопливо и облегченно отвѣтили:

— Можно... можно...

— Я помѣшалъ? Извиняюсь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я думаю, вы мнѣ даже поможете, Павелъ Ивановичъ.—Я уговариваю дочь ѣхать за границу, а она заупрямилась. Это съ ней рѣдко бываетъ.

Лукавая усмѣшка блеснула въ глазахъ инженера. Онъ на мгновенье остановилъ пристальный взглядъ на Микѣ, и она ощутила то смутное волненье, которое испытываютъ женщины, въ особенности молодыя дѣвушки, когда чувствуютъ, что нравятся, даже безразличному для нихъ человѣку.

— Вѣдь правда же здѣсь можно совсѣмъ корой обрости. А, Павелъ Ивановичъ?

Лукутинъ отвелъ глаза отъ лица Мики и улыбнулся, уже съ откровеннымъ лукавствомъ.

— Боюсь, Петръ Петровичъ, что я вамъ въ этомъ дѣлѣ не помощникъ. Зачѣмъ Марьѣ Петровнѣ уѣзжать? Вѣдь это тоска, эти заграницы. По моему, дома лучше.

— Ага, вотъ видишь, папа,—съ ребяческой бурностью закричала Мика и протянула руку Лукутину. — Спасибо, вотъ спасибо...

Рука Мики потонула въ мягкой, большой ладони. Это было скорѣе пріятно, какъ ощущенье какой-то дружественной силы. Смирновъ смотрѣлъ на нихъ и его тревога, и досада понемногу разсѣивались. Онъ отогналъ отъ себя докучныя мысли и совсѣмъ другимъ тономъ заговорилъ съ Лукутинымъ:

— Ну что, есть свѣдѣнія о Никольской волости?..

— Да. И хорошія. Тамъ можно за безцѣнокъ купить, какъ разъ тѣ земли, которыя нужно,—тоже другимъ тономъ отвѣтилъ инженеръ, потомъ вдругъ перебилъ себя:—Да, Петръ Петровичъ, какая штука съ вашимъ Янтаровымъ вышла...

— Ну?..—Смирновъ украдкой покосился на Мику.

Она стояла въ полъ-оборота; лицо ея ничего не выражало, кромѣ выжидающаго любопытства. Только высокая грудь дышала чаще обыкновеннаго.

— Сплоховалъ на построечкѣ. Лѣса подгуляли. Нѣсколько человѣкъ пристукнуло...

Мика схватилась рукой за столъ. Она поблѣднѣла; крупныя, розовыя губы по-дѣтски вздрагивали.

— Какой ужасъ! И какъ вы объ этомъ говорите...

— Я не дама, Марья Петровна, и сантиментальничать не привыкъ,—сухо отвѣтилъ Лукутинъ.—А если необходимо ужасаться, такъ скорѣе по адресу этого господинчика... Недаромъ онъ краснобай. Я говорилъ вамъ, Петръ Петровичъ.

Мика надменно подняла голову и съ вызовомъ посмотрѣла на Лукутина. Потомъ повернулась и молча вышла изъ комнаты. Она вся дрожала, точно въ ознобѣ, но твердо знала, что надо сейчасъ, сію минуту, найти Георгія и быть около него. Не столько несчастіе, случившееся на постройкѣ, сколько голосъ и взглядъ Лукутина говорили, что надъ головой Янтарова собралась гроза. Мика уже прикалывала шляпу, когда отецъ, неожиданно, вошелъ въ ея комнату.

— Мика, ты куда?—хмуро спросилъ онъ.

Ей хотѣлось обернуться и крикнуть:

— Къ нему! И никто на свѣтѣ меня не удержитъ.

Но это могло затянуть. Придется говорить, объяснять, спорить. Она отвѣтила, призвавъ на помощь всю свою выдержку и все свое лукавство:

— Мнѣ надо къ портнихѣ, и...

Отецъ перебилъ ее:

— Я очень недоволенъ тобой это время, Мика. Ты знаешь, какъ я занятъ, мнѣ некогда. Но мать говоритъ...

Молодая дѣвушка обернулась. Въ твердыхъ, золотистыхъ глазахъ, прямо смотрѣвшихъ на него, онъ ничего не могъ понять, ничего не могъ прочесть, не зналъ, какъ идти дальше и еще больше сердился.

— Что же она говоритъ?—съ трудомъ сдерживая молодое высокомѣріе, спросила Мика.

— Что васъ никогда теперь нѣтъ дома... Ты не бываешь нигдѣ.

— Какъ же это, нѣтъ дома и не бываю? — нехотя усмѣхнувшись, переспросила дочь.

Она вся горѣла тоскливымъ нетерпѣньемъ найти любимаго, быть съ нимъ, помочь ему. Эти дни, послѣ встрѣчи съ Катей, она ревновала тяжелой, злой ревностью. А когда онъ былъ у нихъ, и такъ долго и дружески болталъ съ ея отцомъ, ей казалось, что все уладится, что счастье вотъ тутъ, совсѣмъ близко. Но отецъ молчалъ—и опять подступила тоска, и тревога, и неувѣренность, съ которой труднѣе всего было ей мириться. Но ка-

тастрофа, обрушившаяся на Янтарова, все упростила и опять приблизила его.

— Не придирайся, Мика, это глупо,—съ непривычной рѣзкостью оборвалъ отецъ.—Ты понимаешь о чемъ я говорю. И о комъ...

Они смотрѣли другъ на друга, полные насторожившейся враждебности, которая иногда такъ густо и душно встаетъ именно между двумя близкими, кровно сходными людьми.

— Это опять о Грохотскихъ?

— Да, и о нихъ. Кто у нихъ бываетъ? Вѣдь это все неудачники, озлобленные на жизнь. Или фанфароны, вродѣ этого Янтарова.

Горькія слезы подступили къ горлу Мики, залили ея глаза, затуманили мозгъ. Ей захотѣлось протянуть руки, оградиться, оттолкнуть эти слова, отъ которыхъ пахнуло чѣмъ-то страшнымъ и одинокимъ. Но стыдливая дѣвичья гордость приковала къ мѣсту, дала выдержку и затаенность. Она знала, что если заговоритъ, то все скажетъ отцу. Вѣдь она любила его. Но еще больше любила длинные, синіе глаза Георгія, его голосъ, его руки, все что было имъ. Она чувствовала, что каждое слово можетъ задержать, отсрочить возможность его увидать, а, можетъ быть, и принести ему новыя трудности. И она молчала.

Отецъ съ той внутренней неуклюжестью, которая часто ломаетъ и уродуетъ человѣческія отношенія, попытался пробить ея молчаніе.

— Ты знаешь, Мика, мы съ матерью живемъ только для васъ. И если я теперь говорю, то для твоей же пользы...

Эти слова вернули ей всю увѣренность, потому что въ нихъ не все было правдой. Она была достаточно умна и холодна умомъ, чтобы знать, что отецъ и мать сами любятъ свою удобную, сытую жизнь, что эти ссылки на дѣтей—только пріятная условность. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, она мягко сказала:

— Конечно, папа. Но вы оба напрасно себя разстраиваете. Ничего нѣтъ особеннаго.

Онъ взялъ ее за обѣ руки и посмотрѣлъ въ глаза:

— Ничего, Мика?

— Ничего, папа.

Она улыбнулась, приподнялась на цыпочки, поцѣловала отца въ щеку, пахнула на него запахомъ духовъ и молодости, и исчезла.

— Если бы что-нибудь было, она бы себя выдала,—подумалъ отецъ и опять спряталъ всѣ эти путанныя, туманныя опа-

сенья и вернулся къ Лукутину, къ верстамъ, къ профилю дороги, ко всѣмъ любимымъ, важнымъ мыслямъ. Онъ рѣшилъ сегодня поговорить съ Ниловымъ и поэтому пересматривалъ весь свой дѣловой арсеналъ.

Мика не знала, гдѣ найти Янтарова. Пойти на постройку? Ей казалось, что она увидитъ тамъ что-то серьезное и отвратительное, трупы, кровь, обезображенныя лица... У нея была острая, непреодолимая брезгливость передъ физическимъ страданьемъ. Да и навѣрное его уже нѣтъ тамъ. Гдѣ же онъ? Шелъ мелкій, назойливый, холодный дождь. Брызги холодили ей щеки и шею, усиливая лихорадочное чувство озноба. Казалось, она никогда не найдетъ его. Мокрыя, сѣрыя, коварныя стѣны города спрятали, погребли, погубили его. И никто не скажетъ ей, гдѣ онъ. Она повернула туда, гдѣ онъ жилъ—и вдругъ увидала его совсѣмъ близко передъ собой. Сквозь тусклый дождевой туманъ на нее смотрѣли милые, синіе глаза. Смотрѣли пристально и подозрительно. И губы не улыбались, сомкнутыя и печальныя. Шляпа и пальто на немъ были мокрыя. Вѣрно онъ давно уже ходилъ по улицамъ.

— Вы знаете, Марья Петровна?...

— Я знаю, я все знаю... Я шла къ тебѣ...

Она коснулась рукой его локтя. Звукъ ея голоса, ея взглядъ осторожно-нѣжной и грустной лаской обволокли его.—Глубокій вздохъ, похожій на крикъ, разжалъ его губы...

— Мика, — сказалъ онъ, тихій и жалкій, какъ ребенокъ.

Она не думала о томъ, что теперь день, что ихъ могутъ встрѣтить знакомые, что надо прятаться и лукавить. И о тѣхъ, кого тамъ, на какой-то постройкѣ, ранило, а можетъ быть и убило, она думала далекими, безличными мыслями. Только онъ былъ въ ней, онъ, Георгій, блѣдный и растерянный, онъ, которому нужна была ея ласка, ея твердость, ея тепло.

Они вошли въ квартиру Янтарова. Мика тщательно задернула суровую занавѣсь, чтобы скорѣе отдѣлить себя отъ всего остального міра, усадила его на диванъ, сѣла рядомъ, и крѣпко охвативъ за плечи, положила его голову на свою грудь. Георгій цѣловалъ ея руку и отъ этого согрѣвались его поблѣднѣвшія губы. Они говорили тихо, точно рядомъ лежали тяжело больные.

— Мика, я былъ сейчасъ на обрывѣ. Мнѣ казалось такъ просто, стать на край и прыгнуть внизъ.

Она крѣпче охватила его руками и онъ почувствовалъ, какъ ея упругое тѣло все прижимается къ нему. Усталый, разбитый,

искренно измученный, онъ не спѣша поддавался ея ласкѣ и самъ не зналъ, правду ли онъ говоритъ объ обрывѣ, или только старается глубже войти въ распахнувшуюся душу дѣвушки.

— Мика, я слабый и я не знаю, кто я... Зачѣмъ я?... У меня былъ товарищъ, такой хилый, большеглазый. Мы часто смѣялись надъ нимъ, потому что онъ былъ трусъ. А теперь его имя среди храбрыхъ изъ храбрыхъ. И то, что онъ сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ такъ спокойно, такъ красиво. И умеръ, тоже красиво. А я...

Онъ вдругъ рознялъ руки, обнимавшія его, вскочилъ и, схватившись за голову, забѣгалъ по комнатѣ. Онъ вспомнилъ презрительный взглядъ маленькаго доктора... Лукавыя слова... Точно въ глаза ему плюнулъ. Ничего нельзя было ему сказать. Обида и униженье жгли грудь, горечью и желчью наполняли ротъ, крикомъ рвались съ языка; но даже дѣвушкѣ, принесшей ему цѣлительный напитокъ любви, онъ не могъ сказать объ этомъ взглядѣ чужого человѣка, отъ котораго еще землистѣе становилась темная блѣдность Андріана, еще острѣе кололъ плачъ рыжаго Ивана.

— Мика, я виноватъ и не виноватъ, Ты понимаешь?...

Онъ стоялъ передъ ней и въ первый разъ она замѣтила, что за его внѣшней, безпечной быстротой живетъ внутренняя, малодушная нерѣшительность.

Холодомъ пахнуло на страстную, дарящую нѣжность, до краевъ переполнявшую ея душу. Гордость приподняла свою змѣиную головку и тихо шептала:

„Да стòитъ ли онъ?...“

— У насъ на постройкахъ такъ, что самъ всюду не успѣешь... А подрядчики, это волки какіе-то, имъ никого не жалко... Я говорилъ, я много разъ говорилъ, чтобы передѣлали, и даже при свидѣтеляхъ...

Она почувствовала, что онъ говоритъ это не ей, а кому-то другому. Глубже вошелъ холодъ въ ея сердце. Янтаровъ почувствовалъ его вѣяніе и быстро перемѣнилъ тонъ.

— Мика, это такъ ужасно, думать, что изъ-за меня... Вѣдь это все почти пріятели. Я люблю рабочихъ. Я вообще людей люблю. Зачѣмъ же все это? Зачѣмъ?...

Онъ опустился на коверъ, прижался головой къ ея колѣнямъ. Ей показалось, что онъ плачетъ и опять материнское желанье утѣшить и согрѣть заполнило ее. Она гладила его мягкіе волосы, и щеки, и лобъ, и говорила баюкающимъ голосомъ:

— Георгій, успокойся. Если они... уцѣлѣютъ, мы позаботимся о нихъ...

Она уже сливала себя съ нимъ, незамѣтно готовилась руководить и вести его, и онъ, ослабшій и разнѣженный, отдавался ея утѣшеньямъ.

— Я боюсь, Георгій, что ты слишкомъ довѣрчивъ. Оттого такъ и вышло. Я хуже тебя, я осторожнѣе съ людьми.

Онъ, снизу вверхъ, посмотрѣлъ на нее. Какая она твердая и ясная. Золотистые, низко причесанные волосы оттѣняли овалъ круглаго, нѣжнаго лица. Что-то желанное и зовущее было въ крупныхъ, красныхъ губахъ.

Георгій цѣловалъ эти губы и онѣ отвѣчали ему, сначала тихо, неувѣренно, потомъ все горячѣе и соблазнительнѣе становились ихъ поцѣлуи. Напряженные, натянутые, потрясенные нервы искали исхода и успокоенія въ бѣшеныхъ ласкахъ. Янтаровъ почувствовалъ, какъ налетаетъ на него одинъ изъ тѣхъ безумныхъ, почти звѣриныхъ порывовъ страсти, которые заставляли его забывать обо всемъ на свѣтѣ, а женщинъ, которыхъ онъ цѣловалъ, наполнялъ испуганной и покорной радостью. Трепетъ такой же дерзкой, буйной, не знающей преградъ тѣлесности слышалъ онъ въ этой, впервые почуявшей сладость страсти, дѣвушкѣ.

Усиліемъ воли заставилъ онъ себя сдержаться и, схвативъ ея розовое, дерзко-красивое лицо въ свои руки, близко, близко заглянулъ въ потемнѣвшіе, пьяные, новые глаза:

— Мика, ты не боишься меня? Можетъ быть лучше уйти? Скажи?

Въ отвѣтъ она улыбнулась медленной, кошачьей улыбкой, прижалась къ нему горячей грудью, крѣпко и длительно припала крупными, влажными губами къ его губамъ. Потомъ отстранилась и чуть слышнымъ, глухимъ голосомъ сказала:

— Я люблю тебя...

Эти же слова повторяла она, когда часъ спустя, тихо и осторожно прощалась съ нимъ послѣднимъ поцѣлуемъ. Съ горделивымъ любопытствомъ, съ сладкимъ смущеньемъ чувствовала она, какъ во всемъ ея тѣлѣ поетъ новая, радостная усталость. Та же усталость мерцала въ каждомъ ея движеньѣ, на блѣдномъ лицѣ, затѣненномъ вуалью, въ глубинѣ посвѣтлѣвшихъ глазъ.

— До завтра, Георгій. Я опять приду утромъ. Тогда и поговоримъ.

Она вѣрила въ себя, въ него, и въ ихъ любовь.

Янтаровъ поцѣловалъ ея руки съ нѣжной, милой ласковостью. А когда она ушла, онъ, съ неожиданнымъ для него самого чувствомъ облегченья, потянулся. Передъ глазами всталъ просторный, благоустроенный Смирновскій кабинетъ, встало лицо Лукутина, насторожившееся и враждебное. И тутъ-же, съ мелкимъ чувствомъ мстительнаго превосходства, вспомнилъ онъ какую-то подробность ласкъ, которыми еще полны были его кожа, кровь, нервы. И онъ усмѣхнулся своей безпечной усмѣшкой, въ которой было на этотъ разъ что-то жесткое и брезгливое.

XVII.

Смирновъ вошелъ въ просторный, непривѣтливый банковскій кабинетъ Нилова и сразу приступилъ къ дѣлу:

— Вы, Иванъ Митрофановичъ, конечно знаете, зачѣмъ я пришелъ?

Ниловъ уже преодолѣлъ первую вспышку злобнаго волненія, охватившаго его, когда сторожъ въ поддевкѣ доложилъ:

— Петръ Петровичъ желаютъ васъ повидать.

Онъ весь насторожился, точно еще набухъ и, не поднимая головы отъ бумагъ, проворчалъ:

— Проси!

А самому хотѣлось встать, и крикнуть:—„Гони его въ шею!“ — тѣмъ зычнымъ, хриплымъ голосомъ, которымъ кричалъ на служащихъ еще его отецъ. Да и онъ самъ покрикивалъ, когда не боялся, что услышитъ Кириллъ или невѣстка. Нелегко ему было преодолѣвать эту стихійную ярость, отъ времени до времени бушевавшую въ грузномъ, темномъ, густо налитомъ кровью тѣлѣ. Когда онъ былъ моложе, онъ давалъ ей исходъ въ дикихъ кутежахъ, но теперь женщины не вызывали въ немъ желаній, а только высокомѣрное и злое презрѣнье.

Вся натуга его воли ушла въ дѣла и деньги. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Смирновъ перебиваетъ концессію, онъ не зналъ покоя. Злоба медленной отравой наполняла его. Смирновъ это понялъ, взглянувъ на неподвижное, толстое лицо Нилова. И понялъ, что надо было пріѣхать.

— Садитесь... Удобно ли вамъ здѣсь?.. Можетъ быть, въ кресло?..

Что-то похожее на любезную улыбку шевельнуло одутловатыя щеки Нилова. Но свинцовые глаза смотрѣли мимо гостя, черезъ его плечо, гдѣ на стѣнѣ висѣла большая карта губерніи.

— Благодарю васъ. Мнѣ отлично. Вы знаете, зачѣмъ я пріѣхалъ?

Ниловъ слегка приподнялъ одно плечо.

— Не имѣю удовольствія... Но всегда очень радъ васъ видѣть. Послѣ того, какъ мы ѣхали вмѣстѣ изъ Крыма...

— Послѣ того много воды утекло, Иванъ Митрофановичъ, и дѣло съ дорогой на мази.

— Вотъ какъ?..—Онъ пошевелилъ губами и опустилъ толстыя вѣки на глаза, но Смирновъ успѣлъ замѣтить, какъ въ нихъ блеснулъ стальной огонекъ... — Вотъ какъ?.. Быстро вы дѣйствуете.

— Я копаться не люблю. Вы это знаете, — увѣренно продолжалъ Смирновъ.

Въ немъ тоже закипало чувство борьбы, желаніе крѣпче и вѣрнѣе удержать то, что уже почти было въ рукахъ. Но онъ зналъ, что выгоднѣе и умнѣе имѣть Нилова съ собой и продолжалъ:

— Именно потому, что дѣло на мази, я и пришелъ къ вамъ. Давайте работать вмѣстѣ.

Ниловъ повернулся и его взглядъ, точно щупальцы, прошелся по лицу Смирнова. Потомъ опять щупальцы ушли за толстыя бородавчатыя вѣки. Животъ, подступавшій къ самой бородѣ, колыхался и вздымался. Изъ плотно сжатыхъ губъ вылеталъ легкій хрипъ. Когда онъ разжалъ ихъ, голосъ ворчалъ и хрипѣлъ, точно гдѣ-то далеко, за лѣсомъ, прокатился громъ.

— Покорно благодарю, что вспомнили. Только не поздно ли? Мы вѣдь тоже къ объѣдкамъ не привыкли. Или вы еще концессіи не получили?

Теперь Смирновъ опустилъ глаза и на его благообразномъ лицѣ заметалась какая-та лукавая неувѣренность. Но выбора нѣтъ. Надо взять этого чугуннаго чорта съ собой. Онъ поднялъ глаза.

— Нѣтъ, не получилъ. Но почти не сомнѣваюсь, что получу...

— Такъ, такъ, такъ... — насмѣшливо сказалъ Ниловъ... — Значитъ дѣло не совсѣмъ на мази? Оттого и пожаловали?

— Нѣтъ, не оттого.

— А отчего же, позвольте полюбопытствовать?

— Оттого, что намъ выгоднѣе съ вами сговориться, чѣмъ воевать. Кромѣ васъ и меня во всемъ краѣ нѣтъ людей. И если мы вмѣстѣ, тогда всѣ остальные у насъ вотъ гдѣ будутъ сидѣть.

Онъ поднялъ руку, разжалъ большую, бѣлую ладонь и

медленно опять собралъ пальцы въ кулакъ. Ниловъ смотрѣлъ съ невольнымъ сочувствіемъ, чуя въ этомъ движеніи символъ чего-то близкаго, понятнаго.

— А вы, Петръ Петровичъ, послѣ этой нашей бесѣды не уѣдете опять внезапно въ Петербургъ?

Они посмотрѣли другъ на друга и у обоихъ стояло въ глазахъ одобрительное и горделивое:

„Ты хватъ, но вѣдь и я не промахъ"...

— Такъ какъ же насчетъ Петербурга, Петръ Петровичъ?— повторилъ Ниловъ.

— Да вотъ, немного погодя, поѣдемъ вмѣстѣ. Затѣя большая, на обоихъ дѣла хватитъ. Весёловъ уже за меня. Но тутъ вотъ относительно направленья и цѣнъ на землю выходитъ у меня загвоздка. Видите ли...

Онъ быстро и дѣловито разсказалъ часть своихъ затрудненій. Ниловъ слушалъ, неподвижный и внимательный, и на его лицѣ уже было то впитыванье, которое бываетъ у людей, старающихся полнѣе охватить что-нибудь для нихъ важное и влекущее. Онъ чувствовалъ пріятную напряженность, какъ въ молодости, когда въ компаніи такихъ же здоровыхъ, буйныхъ ребятъ, какъ онъ самъ, плылъ въ жаркій день черезъ прохладную рѣку. Умъ охватывалъ сложныя комбинаціи, и уже дополнялъ, расширялъ ихъ, глубже врѣзаясь въ толщу дѣлеческихъ соображеній. Въ проектѣ Смирнова были подробности болѣе удачныя, болѣе остроумныя, чѣмъ въ его, Ниловскомъ. Онъ это отмѣтилъ, но отмѣтилъ и промахи. Отчасти указалъ на нихъ Смирнову, но конечно, не на всѣ. Такъ же какъ и Смирновъ не сказалъ, что уже заарендовалъ у крестьянъ глухого села земли, гдѣ подъ жалкой, почти безплодной верхней корой, дремали богатѣйшія залежи руды. Этого Смирновъ даже Лукутину не скажетъ, пока линія будущей дороги не прорѣжетъ золотоносный пустырь.

И Смирновъ, и Ниловъ знали, что у каждаго всегда останется за пазухой камень. Это усиливало и взаимное уваженье, и бодрящее чувство соперничества и борьбы.

Они скоро взвѣсили, что̀ внесетъ каждый въ это лакомое дѣло. Вечеромъ Ниловъ обѣщалъ пріѣхать къ Смирнову съ проектомъ договора. Уже уходя, Смирновъ, улыбаясь, сказалъ:

— А вѣдь этотъ шутъ гороховый въ „Листкѣ" васъ за двѣсти рублей мнѣ продалъ.

— А мнѣ васъ за триста...

— Я такъ и оцѣнилъ. Экій дьяволъ...

Оба захохотали, густымъ и шумнымъ смѣхомъ, отъ котораго

проснулся и испуганно встряхнулся сторожъ, дремавшій въ коридорѣ. Оба чувствовали, что умно и крѣпко ступаютъ по землѣ. Только утренній разговоръ съ Микой досадливо точилъ, точно червь.

— А отъ кого же вы тогда узнали? Или такъ, на авось пустили?—спросилъ Смирновъ.

— Отъ кого? Да отъ Янтарова.

— Вотъ какъ... — Сѣрые глаза блеснули недобрымъ огонькомъ.—А онъ-то откуда?..

— Не знаю, — равнодушно сказалъ Ниловъ, — пустой онъ малый... А способный. Мои теперь съ нимъ носятся.

Смирновъ чуть не сказалъ: „и ваши тоже?"—но удержался.

— Фанфаронитъ онъ, — продолжалъ Ниловъ. — Франтъ и бабникъ... Любитъ пожить... А о дѣлахъ такъ разговариваетъ, точно деньги—такъ, грязь какая. Посмотрите, какая у него рожа, когда онъ говоритъ—проценты...

Ниловъ протянулъ это слово, стараясь поддѣлаться подъ насмѣшливый голосъ Янтарова. Смирновъ, слегка прищурившись, произнесъ:

— Такъ это онъ?.. Убрать бы его. Будетъ только, какъ щенокъ, между ногъ путаться. Вѣдь они все воображаютъ, что насъ обличать надо.

Ниловъ внимательно взглянулъ на Смирнова. Чѣмъ ему Янтаровъ помѣшалъ?

— Ну, онъ не опасный. Больше фасады, да дамы... Да вѣдь и у самого на постройкѣ-то...

— А вы не знаете въ чемъ дѣло?—живо спросилъ Смирновъ.

— Не знаю. Кажется, пустяки. Только трое ранено.

— Ага! — Въ голосѣ Смирнова было что-то похожее на разочарованіе, и Ниловъ намоталъ себѣ это на усъ.

Вечеромъ, когда Ниловъ, возбужденный и помолодѣвшій, просматривалъ бумаги, казачекъ доложилъ ему:

— Тамъ, Иванъ Митрофановичъ, мужчина одинъ...

— Гони къ чорту!..

— Да ужъ вы ихъ допустите... Говоритъ—на минутку... По самому нужнѣющему.

Казачокъ былъ шустрый, лѣтъ пятнадцати, съ раскосыми и быстрыми глазами. Ниловъ забавлялся имъ, точно эта полудѣтская рожица тѣшила его неудовлетворенную потребность видѣть въ домѣ движенье ребяческой жизни.

Савелій успѣлъ сунуть мальчишкѣ полтинникъ, и это обезпечило ему впускъ.

— Вы что?

Ниловъ приподнялъ голову, и даже не кивнулъ, только бровями повелъ. Савелій всталъ недалеко отъ двери и, заложивъ руки за спину, быстро и низко поклонился.

— Извините, что нарушаю... Но осмѣлился имѣть честь явиться, потому что такая выходитъ декларація...

— А вы не тяните. Въ чемъ дѣло? У меня времени нѣтъ.

— Въ сію секунду.—Савелій тряхнулъ прямыми, гладкими волосами.—Слышали мы, что г. Янтаровъ, Георгій Александровичъ, отъ васъ работу берутъ...

— Ну?

Онъ хмуро и подозрительно посмотрѣлъ на подрядчика. Онъ его зналъ и не разъ ругалъ отборными словами. Что этому мошеннику надо?

— Такъ какъ я васъ уважаю, Иванъ Митрофановичъ, то считаю приличнымъ доложить, что на этого субъекта не полагайтесь. Насчетъ деньженокъ слабъ. Вотъ и у меня росписочка... И при этомъ никакого поведенія не понимаетъ. Рабочіе, да рабочіе, а нашему брату въ морду лѣзетъ.

„Дуракъ Янтаровъ, нашелъ тоже у кого брать", — презрительно подумалъ Ниловъ и сухо сказалъ:

— Это, голубчикъ, меня не касается... А кто же это изъ васъ лѣса такіе хорошіе ставитъ? А?

Савелій повелъ толстымъ, корявымъ носомъ, и даже фыркнулъ.

— Я ему говорилъ, что надо съ вами по совѣсти потолковать, чѣмъ репутацію разводить. Да то ли у нихъ въ головѣ. Вотъ я днемъ иду мимо, а изъ его крыльца...

Лицо Савелія расплылось въ циничной и завистливой улыбкѣ.

— Ну!—уже съ любопытствомъ спросилъ Ниловъ.

Савелій понизилъ голосъ и съ масляными глазами произнесъ:

— Старшая, Смирновская барышня... Тоже, губа не дура...

Ниловъ усмѣхнулся. Ему это было пріятно. Вотъ онъ, Смирновъ, чванится — а не знаетъ, гдѣ его дочь треплется. Злорадный планъ быстро созрѣлъ въ головѣ.

— Росписка. Мнѣ триста, да куму пятьсотъ. Это они тутъ домъ одинъ перестраивали, да хозяйкины деньги-то и того-съ, профинтифлюкали. Съ актеркой съ одной...

— Такъ...—Ниловъ усмѣхнулся, потомъ строго сказалъ:— А ты напрасно на своего сплетки сплетаешь...

Савелій исподлобья взглянулъ на Нилова:

— Какой же онъ свой? Онъ чужой. Ему бы въ представленіяхъ пѣть. А не то что... Вотъ какъ съ вами, Иванъ Митрофановичъ, работать...

— Нечего зубы заговаривать. Все равно за лѣса отвѣтишь. Ступай!..

Вечеромъ онъ, мимоходомъ, точно шутя, передалъ Смирнову весь этотъ разговоръ. Кромѣ того, конечно, что̀ было сказано о смирновской барышнѣ. Лукутинъ громко свиснулъ.

— Неужели росписка? Вотъ дуракъ! Петръ Петровичъ, а?..

Смирновъ мелькомъ взглянулъ на торжествующее лицо Лукутина.

— А какъ же иначе. Вѣдь честный человѣкъ, — возразилъ Ниловъ.

Всѣ трое расхохотались. Громче всѣхъ Смирновъ. Онъ не ожидалъ, что судьба пошлетъ ему такой простой выходъ.

А въ другомъ концѣ просторнаго, налаженнаго, сытаго смирновскаго дома, въ розовой Микиной гостиной сидѣли сестры. Онѣ не зажигали электричества. Сквозь незавѣшанныя окна мерцало тусклое зарево городскихъ огней. Въ полутьмѣ слова и мысли были глубже и яснѣе.

Вѣруся забралась въ уголъ дивана. Мика сбросила на коверъ подушку и лежала, лѣнивая и тихая. Новые голоса пѣли въ ней и она слушала ихъ, полузакрывъ глаза. И какими-то тайными путями то, чѣмъ жила старшая сестра, отражалось въ младшей. Волненье, напряженность, глубина ощущеній, горѣвшихъ въ Микѣ, передавались Вѣрусѣ, претворяясь въ ней въ другую углубленность, въ другую тревогу. Она старалась не думать, даже старалась не замѣчать, какъ Мика смотритъ на Янтарова, какъ мѣняется при немъ ея лицо, движенья, голосъ, какъ иногда, во время скучнаго, семейнаго обѣда, тѣ же отблески затаенными зарницами вспыхиваютъ въ ея глазахъ. Вѣруся внутренно жмурилась и отворачивалась. Пусть себѣ... Этого никто не долженъ видѣть, никто не долженъ знать. Но все-таки „это“ наполняло ее волненьемъ и ожиданьемъ чего-то необычайнаго и хорошаго, заставляло ее жить быстрѣе и ярче. А Мику дѣлало значительнѣе и милѣе. Мало-по-малу Вѣруся перенесла на сестру часть той нѣжной восхищенности, которую раньше отдавала только Надѣ Грохотской. И почему-то смутно жалѣла ее. Особенно, когда видѣла Янтарова.

— Знаешь, Маша,—съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были близки,

она такъ звала сестру. Было проще и ближе. — Знаешь, меня Надя уговариваетъ идти на медицинскіе... Говоритъ, поѣзжайте съ Микой за границу. Она будетъ пѣть, а вы въ университетъ бѣгать...

— Медицина?—лѣниво переспросила старшая.—А тебѣ не противно? Я не люблю больныхъ.

— А я здоровыхъ не очень-то. Маша, вѣдь я тебѣ не сказала. Я была вчера въ Глазовской больницѣ.

— Глазовской? Это та самая?.. — Мика приподнялась на коврѣ, точно что-то страшное и враждебное вошло въ знакомую, запертую комнату.

— Да, да! Та самая, гдѣ эта фельдшерица служитъ, Катерина Ивановна...

Значитъ Вѣруся не знаетъ о рабочихъ. Мика ничего не сказала. Она увидала порозовѣвшее, съ опущенными рѣсницами, лицо Кати, услыхала тихій зовъ: Гога! Все это было далеко, далеко. А теперь было только то, что̀ было утромъ въ комнатѣ съ широкой, сѣрой, холщевой занавѣсью.

— Она удивительная, эта Катерина... Мало говоритъ, и улыбается, а когда идетъ по палатѣ, у больныхъ глаза свѣтятся. Я шла за ней и все думала о королевѣ, которая по утрамъ выходила за ворота замка, и исцѣляла больныхъ, и все, что̀ имѣла, раздавала нищимъ.

— Ну, Вѣра! Какая же она королева? Настоящая фельдшерица...

Вѣрусѣ непріятно было слышать холодокъ ироніи въ низкомъ, грудномъ голосѣ сестры.

— Маша, да я думаю, что теперь фельдшерицы—настоящія королевы. У нихъ настоящая красота.

— Красота должна быть сильная... И дерзкая...

Мика вдругъ засмѣялась и потянулась всѣмъ своимъ стройнымъ, горячимъ тѣломъ. Какъ насторожившійся звѣрекъ, подняла головку Вѣруся. Странно она смѣется. Никогда раньше такъ не смѣялась. Вѣруся не знала, нравится ей это или нѣтъ.

— Нѣтъ, Маша, не то... — задумчиво сказала она... — Я прежде тоже думала только о сильныхъ. У насъ каждый стулъ, занавѣска, стѣны, все только о сильныхъ думаетъ. И оттого я злилась, злилась, съ утра до вечера. На всѣхъ. Даже на солнце. А больше всего на отца. Вѣдь это изъ-за него...

— Вѣруся... Не надо... Это можетъ быть нянины сказки.

— Нѣтъ, Маша...—голосокъ звучалъ печально и увѣренно.— Я знаю, что это онъ. Моя спина, моя грудь это знаютъ! И по

ночамъ я часто думала о немъ. И ненавидѣла. Это было, какъ ядъ. Я вся становилась горькая...

Мика повернулась и ласково провела рукой по платью сестры. Ея сердце было теперь раскрыто не только для своей радости, но и для чужой печали.

— Ничего, Маша, я теперь выздоравливаю...—Въ темнотѣ было замѣтно, что она улыбнулась. — И горбъ сталъ легче. И чувствую, какъ люди вокругъ меня плывутъ. Ахъ, Маша!..

Что-то похожее на рыданье вырвалось изъ стѣсненной, изуродованной, не по годамъ изстрадавшейся груди. Старшей сестрѣ стало стыдно, что она такъ долго жила рядомъ съ нею и ничего, кромѣ холода, не давала этой тонкой, умной, искалѣченной птичкѣ. Была еще въ ней горделивая женская жалость. Никогда Вѣруся не услышитъ безумныхъ, опьяняющихъ словъ, никогда не коснутся ея жадныя, чуткія руки, никогда не распахнутся передъ ней двери въ таинственный міръ, принявшій Мику въ свои темные и жаркіе покои.

— Ахъ, Маша, я такъ счастлива теперь. Такъ...

Съ изумленьемъ всматривалась Мика въ уголъ дивана, гдѣ бѣлѣло маленькое, узкое личико.

— Да, Вѣруся? Это отъ того, что рѣшила на медицинскіе?

— Нѣтъ, нѣтъ, Маша, совсѣмъ не то... Я не хочу въ доктора. Я смотрѣла тамъ въ больницѣ и вижу, что нѣтъ. Не для меня. Тамъ надо такихъ, какъ эта фельдшерица. Надо каждый день помнить свою палату и у кого что̀ болитъ. Я не хочу. Маша, свѣтъ такой большой, такой большой.

Серебряный голосокъ звучалъ смѣхомъ и гордостью. Казалось, что тамъ, въ углу дивана, блеститъ глазами не маленькая, колючая горбунья, а высокая, счастливая, сильная красавица.

— Маша, я послѣ больницы пошла въ церковь. Знаешь, та, Ильинская, старенькая. Я сѣла въ уголку, и все смотрѣла, и слушала. Мнѣ казалось, что стѣны вздыхаютъ. Рядомъ висѣлъ старый образъ, совсѣмъ темный. И я видѣла, какъ шевелились коричневыя, прямыя губы. Это онъ мнѣ что-то говорилъ, только я еще глухая и слѣпая, я не понимаю, что они говорятъ? Такъ, что-то копошится во мнѣ, а словъ настоящихъ нѣтъ. Точно щенки незрячіе тихо носомъ суются.

Мика улыбнулась.

— Смѣшная ты, Вѣруся.

— Это ничего, Маша, это хорошо, что смѣшная, — голосокъ звенѣлъ все выше и восторженнѣе.—Около насъ все такіе

несмѣшные. Я умру, если еще пробуду съ ними. Пора намъ уходить отъ нихъ, Маша.

— Можетъ быть,—откликнулась Мика. Она хотѣла сказать, что тоже мѣняетъ свою жизнь—и не сказала. Это ихъ тайна. Никто не будетъ знать, пока они оба не захотятъ сказать. Вѣра почувствовала, что тутъ что-то съ Янтаровымъ. Это затуманило ее. Но хотѣлось до конца разсказать сестрѣ.

— Я сидѣла въ углу и все старалась понять. Прошла какая-то старуха въ лохмотьяхъ, хромая. Лицо маленькое, и все въ морщинахъ, точно его нарочно въ складки собрали. Стала передъ моимъ чернымъ образомъ, и все крестится, и вздыхаетъ, и кланяется. На колѣни она не могла стать, у нея ноги какъ тряпки...

Мика уже не слушала. Ее вдругъ обожгла тревога. Какъ это она ничего не сказала Георгію про офицера? Раньше думала и даже стыдилась, что вотъ позволяла другому себя обнимать. Теперь знала, что все это были пустяки, ребячество. Но все-таки надо было сказать. Все надо сказать. Вечеръ вытянулся передъ ней, длинный и пустой. Развѣ пойти къ нему сейчасъ? Горячая волна крови переполнила сердце...

— Повздыхала и заковыляла ко мнѣ. „Ну-ка, желанная, подвинься. Ты убогая и я убогая. Вотъ намъ вмѣстѣ у Бога и хорошо“. А сама смѣется. Тихо, тихо... И глаза ясные, счастливые, какъ у ребенка, Маша!..

Слезы опять задрожали въ ея голосѣ и Мика очнулась.

— Вѣруся!..

— Ничего, Маша. Мнѣ съ ней такъ хорошо было. Она мнѣ разсказывала про странниковъ, и про богомольцевъ, и какія въ святыхъ обителяхъ вечерни хорошія... Вотъ Варвара Павловна говорила мнѣ, что счастливыхъ нѣтъ. А эта Лукерья счастливая. И другіе тамъ, въ монастыряхъ...

— Вѣруся, да развѣ ты?..

— Я не знаю, Мика, я никогда не молилась. И не умѣю. Только такъ хорошо мнѣ было тамъ. Никогда еще не было такъ. Мнѣ показалось, что эта Лукерья Культяпая гораздо больше знаетъ, чѣмъ Надя, и фельдшерица, и всѣ...

Въ корридорѣ раздались шаги. Мика вскочила и шепотомъ сказала:

— Мама!..

— Да,—также шепотомъ отвѣтила младшая.

Когда мать вошла, онѣ уже обѣ сидѣли въ креслахъ, въ неловкихъ, чужихъ позахъ.

— Что вы въ темнотѣ?—ворчливо сказала мать.

Она повернула выключатель. Мягкій матовый свѣтъ разогналъ полумракъ, разсѣялъ чары чуткаго и быстраго пониманья, придалъ дѣвичьимъ лицамъ четкость и блѣдность.

— Что съ вами? — спросила мать, окидывая ихъ обѣихъ тѣмъ проницательнымъ, ищущимъ взглядомъ, который разрѣщаютъ себѣ только родители и прокуроры.

— Ничего, мама. Просто мы болтали... А тебѣ весело было?

Мика взяла надушенную, маленькую руку матери и слегка прижалась къ ней губами. Но эта ласка не разогнала ревнивой раздражительности Марьи Филипповны.

— Весело? Странный вопросъ. Точно я для развлеченья. Вѣдь, если не я, кто же будетъ поддерживать отношенія...

— А зачѣмъ ихъ поддерживать? Зачѣмъ намъ эти люди, мама? Вѣдь вы съ отцомъ всегда разсказываете, какіе они дураки, и мошенники, и я не знаю что...

— Вѣруся, ты еще молода...

— Да, да, мама, я знаю. Но все-таки, вы ихъ не любите, и они насъ... Къ чему же лгать?

Вѣрусѣ такъ хотѣлось, чтобы мать поняла. Она никогда не говорила съ ней по-настоящему. Почемъ знать, можетъ быть и можно...

— Лгать? То есть, это кто же лжетъ?—переспросила Марья Филипповна.

Вѣруся съ горечью смотрѣла на это напудренное лицо, на розоватыя губы, около которыхъ дрожала тупая обидчивость. Нѣтъ, она не поняла и не пойметъ.

— Никто... Всѣ говорятъ правду, всѣ рѣшительно... Это я такъ сказала... Покойной ночи, мама.

— Ну да! ну да! Я вижу, что вамъ теперь все не такъ. И я, и отецъ, и весь домъ... Никто не можетъ угодить... Ужъ кажется, чего только для васъ не дѣлали...

Въ душѣ горбуньи проснулись и загомонили злые, высокомѣрные бѣсенята, которые такъ охотно и остро замѣчали людскую узость, пошлость, низость, мелочность, жадность, глупость, все, чѣмъ кишитъ человѣческая обыденщина. Ихъ быстрые голоса заглушили сладкія и нѣжныя пѣсни, слабый отголосокъ которыхъ она робко пересказала Микѣ. Для нихъ еще не было у нея словъ, да можетъ и никогда не будетъ. Бѣсенята, тѣ болтливѣе и откровеннѣе.

— Для насъ? А ты хорошо знаешь, что намъ нужно? Ну,

хоть мнѣ что ли? Что я люблю больше всего на свѣтѣ? Какъ ты думаешь? Орѣховое мороженое? Правда?

Вѣруся засмѣялась тонкимъ, свистящимъ смѣхомъ, который вылеталъ изъ ея груди, когда она чувствовала себя безнадежнымъ уродомъ среди другихъ, здоровыхъ, жесткихъ въ своей тупости людей.

— Я не понимаю... Или я совсѣмъ поглупѣла, или вы...

Микѣ было досадно. Зачѣмъ все это, особенно сейчасъ. Она положила руку на плечо сестры.

— Вѣра, не надо. И ты, мама. Пойми, что мы уже другія, чѣмъ вы съ отцомъ.

— Давно ли? Съ какихъ поръ? Кто вамъ помогъ стать другими? — ревниво крикнула мать, глядя на Мику, стараясь понять, что въ этомъ лицѣ ее сегодня такъ раздражаетъ.

— Жизнь, — спокойно сказала дочь, и въ ея золотистыхъ глазахъ мерцало упорство и затаенность...

Вечеромъ, ложась спать, Мика смотрѣла на свои руки, плечи, на свою грудь, на стройныя ноги, съ маленькой, чуть розоватой, ступней. Усталая и горделивая улыбка морщила крупныя, алыя губы. Она потерлась щекой о плечо. Оно было горячее и гладкое. Въ первый разъ въ жизни, она услыхала легкій запахъ собственнаго тѣла и быстро, быстро юркнула подъ одѣяло. Стыдъ, волнующій и пріятный, охватилъ ея тѣло. И уже сонъ спускался. Она только успѣла дремотно подумать:

„Надо поговорить съ мама. Тогда Георгій сюда будетъ ходить, по-настоящему. А въ январѣ свадьба“. И заснула. Но и во снѣ та же улыбка, смущенная и счастливая, пробѣгала по ея лицу.

XVIII.

Катя встрѣтила Янтарова тихимъ, жалостливымъ взглядомъ. Первымъ его движеньемъ было повернуться и уйти. Это было хуже холодныхъ, злорадныхъ улыбокъ, съ которыми тѣ, люди въ форменныхъ фуражкахъ, ходили по обвалившимся лѣсамъ, что-то мѣрили, записывали, подписывали.

— Немножко промахнулись, г. Янтаровъ,—сказалъ старшій полицейскій офицеръ, и на его благообразномъ усатомъ лицѣ Янтаровъ увидалъ и враждебность, и злорадство.

Мелькомъ отмѣтилъ онъ, что и на корявомъ лицѣ Савелія, изрѣдка просовывавшемся изъ-за оффиціальныхъ спинъ, таилась

торжествующая злоба. Такая же какъ на чистенькомъ личикѣ маленькаго, бездарнаго, нагло-вороватаго городского архитектора.

„Свиньи! Свиньи! Всѣ вы—свиньи!“—хотѣлось крикнуть Янтарову.

Онъ чувствовалъ себя затравленнымъ и пустымъ. Но наружно былъ спокоенъ, и покручивая свои красивые, чуть чуть свѣтлѣвшіе въ углахъ рта усы, оборвалъ полицейскаго.

— Прошу безъ замѣчаній. Вы здѣсь по дѣламъ службы, а не для наставленій.

Голосъ звучалъ рѣзко. Всѣ украдкой переглянулись и протоколъ былъ быстро подписанъ.

Эта бумага, а главное—люди, ее составлявшіе, вызывали въ Янтаровѣ только высокомѣрную брезгливость. Ихъ появленіе скорѣе отвлекло его мысли отъ тѣхъ, кто лежалъ въ больницѣ. Даже какъ будто принесло ему какое-то оправданье, какую-то очистку. Онъ хорошо зналъ, что всѣ они мошенники, тупицы, невѣжды и грабители, и радъ былъ поддаться соблазну, сравнивая себя съ ними. Это была лѣстница, по которой онъ карабкался изъ тѣсной, душной ямы, куда неудержимо катился.

Свѣтлые, строгіе въ своей печали, глаза Кати опять сбросили его внизъ. Не раздѣваясь, онъ снялъ шляпу и, незамѣтно для себя, именно тѣмъ голосомъ, который вѣрнѣе всего нашелъ дорогу къ ея сердцу, сказалъ:

— Катя, какъ они?

— Да сейчасъ трудно сказать. Андріанъ очень помятъ.

— А рыжій? Неужели безъ ноги?

— Ее ужъ отняли...

Онъ представилъ себѣ высокаго парня, у котораго изъ-за растегнутаго ворота бѣлѣла широкая, кованная грудь. Этотъ здоровякъ, этотъ веселый, жадный къ работѣ парень будетъ стоять у церкви и конючить милостыню. Онъ такъ ясно увидалъ его среди убогихъ, никому не нужныхъ старухъ. И въ первый разъ за весь день настоящая, горячая жалость огнемъ сжала его сердце. Онъ опустился на кровать и, припавъ головой къ рѣшеткѣ, заплакалъ. Сначала слезы рвали душу, молотками разбивали мозги, гнетомъ пришибали къ землѣ. Но мало-по-малу ихъ благодатный дождь смывалъ что-то густое, налипшее, грязное. И отъ руки Кати, твердой и мягкой, шла въ кровь тихая ласка, состраданье уже не обидное, а укрѣпляющее.

— Бѣдный мой... Желанный...

Она положила къ себѣ на грудь его голову. Не онъ, а его щека вспомнила другую, болѣе высокую, болѣе горячую грудь,

къ которой еще утромъ прижималась. Но онъ, Янтаровъ, отогналъ эту память, какъ докучную и ненужную. Разбитый, истомленный, онъ хотѣлъ тишины и радъ былъ чувствовать около себя щедрую и молчаливую Катину душу.

Онъ говорилъ ей о себѣ, вспоминалъ свою жизнь. Всѣ были виноваты, что онъ не шелъ прямо прорубленной дорогой, а качался, и колебался, и самъ не зналъ, куда и съ кѣмъ идетъ.

Мать была больная и легко плакала. Отецъ никогда не бывалъ дома. И дѣти также. Такъ что и дома-то никакого не было.

— Право, мы росли, какъ трава...

— А ты говорилъ, твоя мать много знала и читала.

— Да?—Онъ немного удивился. Когда онъ ей это говорилъ?—Читала... Она вообще была хорошая... Только совсѣмъ отвлеченная. Близорукая такая... И какъ-то въ домѣ ее никто не слушалъ. Съ отцомъ бывало легче. Особенно, когда онъ выпьетъ. Онъ былъ красивый и мы отъ прислуги всѣ его похожденья знали...

Его улыбка не понравилась Катѣ. Что-то было въ ней слишкомъ двусмысленное, мужское. Она очень устала за день и теперь лежала, наслаждаясь отдыхомъ и тѣмъ, какъ внутри нея, еще чуть слышно, но уже радостно, копошилась новая жизнь. Георгій сидѣлъ рядомъ на стулѣ. Она видѣла передъ собой его красивыя, чувственныя, слабыя губы, бѣлый лобъ, открытый и выпуклый, и то, что было за этимъ лбомъ безсильнаго, измѣнчиваго и всетаки милаго. Она корила себя, что не умѣетъ взять его въ руки, выпрямить. Ей казалось, что онъ какъ ребенокъ ждетъ чьей-то твердой воли, которая вдохнетъ въ него крѣпость, придастъ силу его мыслямъ, и творчеству, и желаньямъ. Въ началѣ ихъ близости въ ней таилась надежда, что она будетъ для него и опорой, и вдохновительницей. Теперь все рѣже и рѣже думалось объ этомъ. Теперь были другія мысли, другая воля. Здоровый эгоизмъ материнства незамѣтно отстранялъ все, что можетъ влить горечь въ маленькое, едва начинающее биться сердце ея ребенка.

Когда принесли рабочихъ и она узнала, что они янтаровскіе, кто-то махнулъ передъ ней густымъ чернымъ покрываломъ, сразу потушившимъ дневной свѣтъ. Она схватилась за столъ, чтобы не упасть, и въ то же мгновенье пришла въ себя, собрала всю гибкость своего выносливаго женскаго организма, чтобы не поддаться холодной волнѣ страха, полыхнувшей внутри ея уже творящаго тѣла. Она справилась съ собой и продѣлала

всю дневную, утомительную работу. Но давно не было такихъ трудныхъ часовъ. Руки, ноги, спина болѣли. Въ ушахъ тихо перезванивались маленькіе колокольчики. Такъ хорошо бы уснуть, крѣпко, крѣпко. И ни о чемъ не думать. И никого не жалѣть.

Но лицо Янтарова пробудило всегда стоявшее въ ней на стражѣ чувство долга. Она видѣла, что онъ потрясенъ, что все въ немъ ослабѣло, сдвинулось, раскачалось. Ей показалось, что теперь нужно, наконецъ, заговорить о многомъ. У нея не было словъ, которыя открыли бы тайну міровоззрѣнья, дающаго ей силу жить. Быть можетъ именно потому, что это не было логическое міроввозрѣнье. Это просто была она сама.

Янтаровъ продолжалъ:

— И какъ-то все глупо... Мнѣ ужъ больше тридцати лѣтъ. Что я такое? Иногда кажется, что я даже красоту не люблю. Къ чему все это? Къ чему вся наша работа? Если даже отъ Парѳенона остались лишь обломки, годные только на известь. А у насъ тутъ, какіе Парѳеноны!.. Развѣ бани поручатъ строить...

Онъ засмѣялся, прошелся по комнатѣ, почувствовалъ, что тѣсно, и нервно опустился на колѣни около кровати.

— Катя! зачѣмъ все это?—капризно спросилъ онъ.

Сѣрые, свѣтлые глаза смотрѣли ему прямо въ душу, точно осторожно стараясь вынуть оттуда раздраженье, и мелочность, и суетность, и все сорное, ненужное.

— Все для людей, Гога. Я это поняла, когда еще въ тюрьмѣ сидѣла.

— А ты сидѣла? Долго? По какому дѣлу?—разсѣянно спросилъ онъ.

— По уголовному. Я человѣка убила... Положимъ, не совсѣмъ.

— Ты?!

Круглое, блѣдное, усталое лицо Кати было спокойно. На губахъ была улыбка.

— Да, я. Мнѣ было лѣтъ пятнадцать. Видишь какъ давно. Даже кажется, что это было не со мной, а съ кѣмъ-то другимъ.

— Катя, какъ же я ничего не знаю! Почему ты мнѣ не говорила?

Голубые глаза заблестѣли и смотрѣли на нее съ изумленнымъ уваженьемъ. Онъ любилъ событія, любилъ все внѣшнее, видимое. То, что съ Катей, такой неслышной и незамѣтной, произошло когда-то что-то бурное, мѣняло ее въ его глазахъ.

— Не приходилось.—Ей не хотѣлось сказать, что онъ ни-

когда не интересовался тѣмъ, какъ она прожила двадцать пять лѣтъ до него.

— Ты что же, случайно?

— Нѣтъ. Мы были очень бѣдные. Жили въ маленькомъ мѣстечкѣ. Домишко былъ. Мать у меня была отличная, крѣпкая и справедливая. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда она умерла. Если во мнѣ что есть, такъ отъ нея...

Въ голосѣ, въ глазахъ дрожало умиленіе. Все лицо стало вдругъ дѣтскимъ и трогательнымъ. Янтаровъ почувствовалъ, что передъ нимъ не твердое, выносливое существо, къ которому онъ бѣжалъ за помощью, а маленькая, слабая женщина, сама не видѣвшая помощи ни отъ кого съ тѣхъ поръ, какъ умерла та, чья память наполняла ее тайной глубокой нѣжности. Какія-то клятвы, и обѣщанія, и оправданія вихремъ пронеслись въ немъ. Онъ не помнилъ поцѣлуевъ, которые нѣсколько часовъ тому назадъ связали его съ другой женщиной. Виноватой ласковостью засвѣтилось его лицо. Онъ прижалъ къ своимъ губамъ ея руку, и она отвѣтила ему довѣрчивой улыбкой.

— Отецъ былъ пьяница и безобразничалъ. Только матерью все держалось. Когда она умерла, онъ еще больше закрутилъ. Братьевъ отдалъ въ ученье, а мы съ сестренкой голодали.

— Вотъ негодяй!

— Разъ, поздно вечеромъ, онъ пришелъ и зоветъ: „Пойдемъ, Катя, я тебѣ мѣсто нашелъ". А самъ на меня не смотритъ. Мнѣ такъ стало страшно. Я говорю—нельзя ли завтра?.. Онъ все отворачивается, руки трясутся.—„Нѣтъ, сегодня".—А какъ же Пашенька одна останется?—„Ничего, мы скоро". Такъ и пошли...

Она опустила глаза и сдвинула тонкія, темныя брови. Горькая и злая складка рта мѣняла и старила кроткое лицо. У Янтарова сердце билось обидой, и негодованіемъ, и любопытствомъ. Онъ тихо пожалъ ея руку. Не поднимая глазъ, она продолжала.

— Это онъ меня продалъ. За пятнадцать рублей и три бутылки коньяку. Потомъ на судѣ выяснилось. Когда онъ велъ меня по корридору, я чувствовала, какъ у него рука тряслась и ужъ начала догадываться... Когда растешь на улицѣ, все понимаешь. Отецъ меня втолкнулъ въ комнату, а самъ не то взвизгнулъ, не то всхлипнулъ, и, бѣгомъ, назадъ...

Янтаровъ схватилъ обѣими руками ея маленькую руку. Жалость охватила его, и злоба, что какіе-то негодяи смѣли дѣлать это надъ его Катей. Она поняла и улыбнулась.

— Я уже въ дверяхъ знала, что живая не дамся. Съ дивана

купецъ всталъ. Толстый и черный, какъ Ниловъ... Я, можетъ быть, и Нилова оттого терпѣть не могу... Я къ этому купцу въ лавку ходила и онъ всегда приставалъ. Охъ, какъ плохо женской бѣднотѣ расти...

— Катя, такъ какъ же ты?

— Я? Я схватила подсвѣчникъ и пробила ему голову... На всю жизнь изуродовала.

Она вдругъ засмѣялась злобнымъ смѣхомъ.

— Какъ я была рада! Какъ я была рада! Даже когда въ тюрьмѣ сидѣла, вспомню и засмѣюсь...

— А тебѣ не жалко было?

— Его? Да это гадъ, не человѣкъ. Кровь изъ всѣхъ сосалъ... А дѣвушекъ сколько... Нисколько не жаль! Меня и судъ оправдалъ. А потомъ тутъ же денегъ собрали. Оттого я и учиться могла. Помѣщица мнѣ одна помогала. Только она была полоумная. Мы поссорились. Я ужъ безъ ея денегъ доучилась.

— Вонъ ты какая у меня... удивительная...—сказалъ Янтаровъ съ полушутливымъ уваженіемъ.—А сестра гдѣ?..

Катино лицо затуманилось.

— Паша? Ну, она... Она въ отца... Въ оперетку недавно поступила... Такъ, она славная... Только, какъ птица... Мы, какъ встрѣтимся, рады другъ другу...

— Ты вѣрно любишь легкомысленныхъ людей? А? Катя?

Она посмотрѣла на него пристально и печально. Ея разсказъ скользнулъ по немъ, какъ все скользило. Она откинулась на подушку, закрыла глаза и тихо сказала:

— Что-жъ дѣлать. Судьбу не сломишь!

Онъ понялъ, что задѣлъ ее. Ему захотѣлось покаяться, по настоящему, безъ красованія, разсказать свою безтолковую, распыленную, ничѣмъ единымъ не связанную жизнь. И начать съ Мики. Но онъ поднялъ голову, увидалъ, какъ подъ темнымъ, тонкимъ капотомъ уже замѣтно круглится Катинъ животъ—и ему стало жутко. Какъ же теперь? Какъ выпутаться? Которою изъ двухъ придется пожертвовать?

На мгновеніе пронеслась мысль, что все-таки нѣтъ ничего слаще свободы. Но онъ прогналъ эту мысль и тихо спросилъ, положивъ руку на Катинъ животъ:

— Катюша, а ты не очень устаешь? Ты помни, что я всегда жду тебя. Нѣтъ, не тебя, васъ обоихъ.

Она улыбнулась, покорная и упрямая.

Останься у меня,—тихо попросила она.—И я, и онъ безъ тебя соскучились.

Мика получила нѣсколько желтоватыхъ розъ и осторожную записку:

„Меня вызываютъ по дѣлу. Кажется есть надежда на интересную и большую работу. Надѣюсь, что вернусь къ концерту и приму участіе въ вашемъ тріумфѣ. Вы не обидитесь за цвѣты? Вѣдь вы хотите стать художницей, такъ привыкайте же смотрѣть на жизнь и на людей, какъ артистка. Въ васъ есть для этого всѣ данныя.—Вашъ Г. Янтаровъ“.

„Скажите вашей сестрѣ, что мнѣ тоже иногда снятся красивые сказочные сны.—Г. Я.“.

Мика читала и перечитывала. Розы лежали на столѣ, блѣдныя и коварныя. Онѣ что-то знали и молчали. Молодая дѣвушка взяла ихъ, быстро оглянулась и прижалась губами къ холоднымъ, бездушнымъ лепесткамъ. Слезы выступили на глаза. Уѣхалъ... Неужели нельзя было повидаться? Даже не пишетъ куда... И эта записка... Холодно... Опять перечла. И вдругъ послѣднія строки всколыхнули въ ней до боли отчетливую память объ ихъ страстныхъ, слишкомъ короткихъ ласкахъ. Въ ней уже была требовательность и самоувѣренность женщины. Неужели отъ нея такъ легко уѣхать? Она не раскаявалась въ томъ, что произошло. Она была изъ сильной, неколеблющейся породы, которая умѣетъ смотрѣть въ глаза и радости, и горю, и идти навстрѣчу жизни, не отступая и не пугаясь.

Но надо было привести его къ себѣ. И прямо сказать роднымъ:

— Вотъ Янтаровъ. Я выхожу за него замужъ и никому нѣтъ до этого дѣла.

Тогда они вмѣстѣ поѣхали бы въ этотъ городъ. И всегда были бы вмѣстѣ. Какъ только онъ вернется, она такъ и сдѣлаетъ.

Рѣшеніе успокоило ее. Она бережно поставила розы въ граненый, хрустальный бокалъ и позвала сестру. Онѣ получили утромъ отъ Нади странное приглашеніе:

„Приходите обѣ сегодня, къ часу. Очень важно. И необыкновенно. Цѣлую.—Надя“.

Столовая Грохотскихъ имѣла необычный видъ. Новая блестящая скатерть, закуски, бутылки, цвѣты. Варвара Павловна въ свѣтло-сѣромъ платьѣ. Противъ нея Надя въ бѣломъ и Цито въ сюртукѣ.

— Ну вотъ и готово! — Надя вскочила и, задѣвая шлейфомъ за стулья, подбѣжала къ сестрамъ. — Поздравляйте—княгиня Цитокціони.

— Какъ? Когда вы успѣли? — Упрекъ и зависть зазвучали въ голосѣ Мики.

Цито хохоталъ, блестя зубами, въ упоръ глядя на хорошенькое, сіяющее личико Нади.

— Садитесь, Мика, надо выпить за здоровье молодыхъ,— привѣтливо предложила Варвара Павловна.

Казалось счастье, излучавшееся изъ молодыхъ, разогрѣло ледъ, наросшій въ ея груди.

Надя, сбиваясь и перескакивая, разсказывала, какъ они живо устроили все съ бумагами. Потомъ пошли и повѣнчались. Въ церкви было пусто. Только свидѣтели.

— А кто же?

— Да сторожъ. И еще одинъ. Мы рѣшили позвать перваго, кто на улицѣ понравится. Такой славный попался. Кудрявый и волосы на бокъ. Въ поддевкѣ. Мы думали—купчикъ или кучеръ.

— А онъ оказался... — Цито опять залился неудержимымъ дѣтскимъ смѣхомъ, и назвалъ фамилію извѣстнаго поэта.

У Вѣруси заблестѣли глаза.

— Онъ?.. Такіе стихи... такіе стихи... И вы его видѣли?.. Вотъ счастливые!

— Счастливые? Конечно, счастливые, — звонко бросила Надя. — А какъ онъ благодарилъ... Всякихъ хорошихъ словъ намъ наговорилъ... Мы его звали...

— Ну? ну? — Вѣруся даже голову вытянула и съ ожиданьемъ впилась въ нее глазами.

— Торопился, говоритъ ѣдетъ съ хутора въ Петербургъ. Мы даже расцѣловались. Обѣщалъ къ намъ въ Кутаисъ пріѣхать.

— Какъ въ Кутаисъ? Какой еще Кутаисъ?

Цито прикрылъ своей нервной, тонкой рукой широкую, маленькую ладонь Нади.

— Мы—туда. Вѣдь я—грузинъ,—пояснялъ онъ своимъ гортаннымъ и немного птичьимъ говоромъ, и въ прекрасныхъ, черныхъ глазахъ уже не было смѣха. — Я туда долженъ, каждый долженъ со своимъ народомъ жить. Грузинскій народъ—несчастный народъ. Вотъ мы къ нимъ... У насъ благодать, рай. А люди изъ всего этого адъ сдѣлали. Я долженъ къ нимъ. Обязанъ.

Вѣруся вся съежилась. Глаза наполнились слезами.

— Со своимъ народомъ? А какъ же Надежда Сергѣевна? Вѣдь она русская. Значитъ, ей надо здѣсь оставаться, — сказала она.

Цито крѣпче прижалъ горѣвшую подъ его пальцами руку жены и посмотрѣлъ на нее влажными и важными глазами.

— Это хорошо, что она русская. Надо связать вашъ народъ и нашъ народъ. Тогда и вы, и мы будемъ сильные и счастливые.

— И вы о силѣ толкуете! — съ непонятной для нихъ горечью прошептала Вѣруся, потомъ обернулась къ Грохотской.

— Ну, а мы съ вами, двѣ слабенькія, здѣсь останемся?

Усталые глаза посмотрѣли на нее любовно.

— Нѣтъ, дѣточка, и я съ ними. А что-жъ я здѣсь, одна-то...

— Кто-же будетъ мати, чаю наливати, — пропѣла Надюша и виновато улыбнулась матери, точно прося у нея прощенья за свою молодость, за свое счастье.

Вѣруся встала и тихонько ушла въ спальню. Всѣ молча переглянулись. Они поняли, что ей тяжело.

Микѣ тоже хотѣлось плакать. Тяжелая, завистливая тоска навалилась на сердце. Не потому, что они уже повѣнчаны, а она нѣтъ. Это придетъ. Но отчего Георгій никогда не смотрѣлъ на нее такими, ослѣпшими для всего остального глазами, какъ смотритъ Цито на Надюшу? Никогда, ни разу. Это наполняло ее обидой, горечью, ужасомъ. Если бы она знала, гдѣ Георгій, она поѣхала бы за нимъ, чтобы сейчасъ, сію минуту посмотрѣть въ его глаза.

Точно угадывая ея мысли, Надюша весело сказала:

— Что же Янтаровъ? Мы только васъ да его и звали.

— Его нѣтъ. Онъ уѣхалъ на нѣсколько дней. Къ концерту пріѣдетъ.

Тѣ трое поняли, что она уже вошла въ жизнь Янтарова. А Мика увидала, что они тоже не знаютъ, гдѣ онъ, и что ей ничего не остается, кромѣ ожиданья. Это было томительно и трудно, но внутри свѣтила любовь, цѣльная и упрямая. Если надо ждать, она будетъ ждать, но никакая сила не заставитъ ее отказаться отъ Георгія, отъ его поцѣлуевъ, отъ той радости, которую онъ несетъ въ глубинѣ синихъ глазъ, на концахъ розовыхъ, насмѣшливыхъ губъ.

XIX.

Товарищъ, вызвавшій Янтарова, былъ тихій человѣкъ, съ выпуклыми, добрыми, свѣтло-карими глазами. Въ институтѣ его прозвали Матрешкой и онъ охотно откликался на эту кличку.

— Какъ ты позволяешь? Обругай ихъ! — кипятился Янтаровъ.

— Зачѣмъ? Женщины вообще лучше насъ. Чего же мнѣ обижаться?

Онъ ходилъ въ рваной тужуркѣ, жилъ кое-какъ; урочишки ему попадались дешевые, нескладные. Но онъ и не искалъ другихъ.

Онъ былъ отличный математикъ. Въ его проектахъ было что-то неожиданное, ни на что не похожее. Большинство смотрѣло на него черезъ плечо, снисходительно чувствуя свое практическое превосходство надъ этимъ милымъ и, какъ имъ казалось, никчемнымъ чудакомъ. Разъ онъ, полушутя, набросалъ проектъ часовеньки, когда всѣ другіе чертили двухъэтажный домъ. Профессоръ подошелъ, посмотрѣлъ, потомъ внимательно взглянулъ на круглое, смущенно-улыбающееся лицо Машукова:

— Чортъ васъ подери! Откуда вы это взяли?

— Я не знаю, профессоръ... Отсюда...

Онъ показалъ рукой на широкій, выпуклый надъ бровями лобъ.

— Великолѣпная штука! Прямо средневѣковая сила. Ужасно вы мало работаете, Машуковъ...

— Онъ, профессоръ, все философію читаетъ... Кажется въ попы идти хочетъ, — крикнулъ изъ угла чертежной веселый, толстый студентъ.

— Ну ужъ, въ попы... Тоже скажешь! — укоризненно возразилъ Машуковъ.

Но философія на самомъ дѣлѣ стала ему поперекъ дороги. Выпускные экзамены онъ сдалъ кое-какъ и даже проектъ вышелъ растрепанный и нескладный. Гораздо хуже, чѣмъ у Янтарова. Между тѣмъ Янтаровъ, одинъ изъ немногихъ, сознавалъ, что въ этомъ разсѣянномъ, медлительномъ мечтателѣ таится еще невыявленная сила и тонкость. Однимъ словомъ, мимолетнымъ указаньемъ, онъ помогалъ Янтарову придать какой-нибудь линіи ту четкость и законченность, которая составляетъ тайну архитектурной красоты.

Они не видались нѣсколько лѣтъ. Янтаровъ былъ удивленъ и обрадованъ его зовомъ. Среди смуты и тоски, надвинувшейся на него, это свиданье сулило ему свѣжесть нечаяннаго отдыха.

Машуковъ жилъ съ отцомъ въ маленькомъ домишкѣ. Низкія, чистенькія, съ цвѣтами на окнахъ, комнаты были переполнены молодежью. Двѣ сестры Машукова, племянница, еще какая-то молоденькая дѣвушка, съ длинной, темной косой и круглыми, удивленными бровями, два гимназиста-жильца. Все это смѣялось, кипѣло, зубрило, торопилось, ссорилось, спорило, пѣло, наполняло тѣсныя комнатки веселымъ гомономъ ранней юности. А надъ всей птичьей стайкой царилъ Машуковъ-отецъ, не-

высокій, проворный, съ молодой и веселой душой, старикъ. Онъ былъ соборнымъ регентомъ и когда шайка переходила всѣ предѣлы, онъ вскакивалъ на стулъ, выхватывалъ камертонъ и низкимъ баритономъ бралъ:

— До-о-о-о!

Они знали, что это значитъ: пора угомониться.

Янтарову было хорошо въ этомъ молодомъ, полномъ надеждъ и стремленій роѣ. Точно отрѣзало все, что̀ осталось позади. Онъ отлично умѣлъ забывать вчерашнее и опускать барьеръ передъ завтрашнимъ.

Но когда Машуковъ, своимъ тихимъ, груднымъ, ровнымъ голосомъ, разсказалъ, зачѣмъ его вызвалъ, у Янтарова опять поднялась въ душѣ муть. Самая для него нестерпимая — завистливая муть. Онъ смотрѣлъ на длинный чертежъ, приколотый къ столу, и думалъ:

— Отчего не я это сдѣлалъ?

— Вотъ видишь, это будетъ стоять надъ моремъ. А позади—горы. Я былъ тамъ. Красота! Я ходилъ пѣшкомъ вдоль моря, много, много дней и ночей. Я зналъ, что я долженъ поймать и понять все, что во мнѣ кипитъ, и вертится, и грызетъ. Не только понять, но схватить, приковать, слѣпить, вотъ такъ...

Длинные, красивые пальцы хватали воздухъ, уже предвкушая упрямую крѣпость камня и мрамора. Янтаровъ смотрѣлъ на пріятеля и ясно видѣлъ въ его прозрачныхъ глазахъ то важное и творческое, что̀ только смутно чувствовалъ раньше. Онъ искренно восхищался и имъ, и его проектомъ, и его душой. Но зависть потягивалась и царапала своими когтями. Это было противно и, чтобы избавиться, онъ откровенно сказалъ:

— Счастливый... Создать такую вещь. Я тебѣ завидую.

Машуковъ улыбнулся и откровенная гордость расцвѣтила круглое, блѣдноватое лицо.

— Да, знаешь, хорошо. Я послалъ и не вѣрилъ. Вѣдь эти комиссіи—это тина. Всѣ были противъ меня. Говорятъ—ерунда, декаденщина... Ты подумай, это—и декаденщина!?—съ искреннимъ ужасомъ воскликнулъ онъ.

— Идіоты... Это скорѣе... я не знаю, что. Это ты и больше, и ничего... Чортъ тебя знаетъ, ты гдѣ-то между готикой и эллинами.

— Да, ты такъ думаешь?—радостно спросилъ Машуковъ.— Оно такъ и надо. Эллины были совсѣмъ внѣ мистицизма, а готика—внѣ плоти. А тутъ еще я цѣлый мѣсяцъ бродилъ по Суз-

дальской землѣ. Тоже, братъ, штука! Архитектура, она всю душу человѣческую принимаетъ.

— Ну, и музыка тоже,—подсказалъ Машуковъ-отецъ.

Онъ сидѣлъ на низенькомъ стулѣ и съ откровеннымъ восхищеньемъ смотрѣлъ на сына. Тотъ чуть повернулъ голову въ его сторону и улыбнулся любовной, всепонимающей улыбкой.

— Ну да, отецъ... Вѣдь ты знаешь, для меня и въ камняхъ музыка.

— А ты чего жъ пріятелю письмо отъ князя не покажешь?—перебилъ отецъ, весь сіяя простодушнымъ тщеславіемъ.

— Глупости, ну что тамъ, комплименты разные. Сіе есть неважно. А вотъ то, что мы съ тобой, Янтаровъ, эту штуку будемъ строить — сіе есть важно. Ты пойми: внизу море, надъ нами скалы, а посерединѣ мы, потомки Прометея, ломаемъ, и взрываемъ, и строимъ, и создаемъ нѣчто, чего не было до насъ, но въ чемъ есть и море, и горы, и небо, и еще что-то, что живетъ только въ человѣческой груди. Зодчій... Какое слово хорошее... Надо намъ съ тобой бросить эту старую штуку—архитектуру,—онъ презрительно протянулъ это слово и лукаво подмигнулъ.—Мы будемъ зодчіе, а не архи...

Эти три дня, прожитые бокъ о бокъ съ Машуковымъ, который, какъ море въ часъ прилива, былъ до краевъ полонъ образовъ, пророчествъ, мелкихъ красочныхъ замысловъ, широкихъ гуманитарныхъ мыслей, опьянили Янтарова крѣпче крѣпкаго вина. Это уже была не зависть. Это было нѣчто болѣе тяжелое. Точно онъ увидалъ передъ собой крылатаго, съ легкостью птицы отдѣлявшагося отъ земли человѣка, а самъ зналъ, что никогда никто не научитъ его летать. Минутами ему становилось почти страшно. Разъ мелькнула мысль:

— Такъ должно быть страшно теперь Рыжему, что онъ безъ ноги.

Въ немъ всегда жила увѣренность, что другіе люди, или городъ, или среда, или даже историческая эпоха виноваты въ томъ, что онъ, Янтаровъ, живетъ изо дня въ день, безъ цѣли, безъ смысла, безъ страсти, даже безъ настоящаго увлеченья. Ему казалось случайностью то дурное, что онъ дѣлалъ, та небрежность къ своей и чужой жизни, которую онъ передъ самимъ собою искупалъ ласками, мелкими заботами, а передъ другими—пустяковымъ вниманіемъ и успокоительной увѣренностью, что умышленно онъ никому не причинитъ зла. Онъ наивно считалъ, что живетъ лучше, красивѣе другихъ. И что же? Оказывалось, что не о чемъ разсказать Машукову, который какъ будто шелъ

въ сторонѣ отъ людского потока, а съумѣлъ пережить такую глубокую, поэтичную, полную исканій, мукъ и озареній жизнь. Онъ говорилъ только о внѣшнемъ, о своихъ архитектурныхъ замыслахъ и достиженіяхъ, но Янтаровъ былъ достаточно чутокъ, чтобы понять, что дѣло шло о настоящей борьбѣ за міросозерцанье, что изъ этой борьбы его другъ вышелъ побѣдителемъ, что онъ научился безстрашно смотрѣть не только въ ускользающіе глаза жизни, но и въ пристальныя очи смерти.

Янтаровъ видѣлъ, съ какимъ веселымъ обожаньемъ смотритъ на Мишу кипящая кругомъ него юность. Ему хотѣлось уловить элементы влюбленности, безъ которой онъ самъ не могъ жить, но онъ такъ и уѣхалъ, не разобравъ, кто нѣжнѣе смотритъ на Машукова—дѣвушка съ длинной косой, или тоненькая, похожая на чижика, болтливая племянница.

Работа съ Машуковымъ предстояла выгодная. Теперь денежныя затрудненья уладятся. Надо только перехватить у Ниловыхъ денегъ, послать той барынѣ и выкупить хоть Савельевскую росписку. Машукову онъ ни слова объ этомъ не сказалъ. И безъ того, несмотря на искреннюю и неподдѣльную дружественность Машукова, Янтаровъ чувствовалъ себя около него униженнымъ и придавленнымъ.

Въ свой городъ онъ въѣзжалъ съ холодной, враждебной отчужденностью, которая захватывала и его квартиру, и начатую работу, и всѣхъ, не исключая ни Кати, ни Мики.

— Чортъ меня дернулъ!—думалъ онъ про нихъ обѣихъ.

Но когда Мика появилась на эстрадѣ въ бѣломъ, шелковомъ платьѣ, такомъ тонкомъ, что сквозь ткань виднѣлись стройныя, длинныя линіи тѣла, Янтаровъ ожилъ и облегченно вздохнулъ. Бѣлая, круглая шея, обвитая ниткой жемчуга, крупный, алый ротъ и пышныя, золотыя косы, низко положенныя вокругъ головы, все было для него полно неожиданнаго и новаго соблазна.

— Эта маленькая Смирнова сегодня прехорошенькая,—шепнула Нилова, разсматривавшая пѣвицу сквозь двойной старинный лорнетъ.

Круглые, казавшіеся совсѣмъ черными на свѣжемъ лицѣ глаза Мики встрѣтились съ взглядомъ Янтарова. Розовый ротъ чуть дрогнулъ тоской, укоромъ, призывомъ. И Янтаровъ почувствовалъ, какъ опять ея власть, страстная и требовательная, опутываетъ его, почувствовалъ, что это его поцѣлуи, его ласки,

вложили въ ея голосъ новыя чары. Опять отъ нея къ нему, отъ него къ ней тянулись горячія, солнечныя нити. Тянулись черезъ толпу, невидимыя для сотенъ глазъ, но такія же несомнѣнныя и настоящія, какъ золотая цѣпь, спадавшая на ея бѣлое платье.

Въ голосѣ Мики была ласкающая заманчивость, свѣжесть, то сходство съ жаворонкомъ, которое всегда исчезаетъ изъ голоса достигшаго, опытнаго артиста. Видно было, что молодая дѣвушка сама прислушивается, и радуется, и удивляется, что это изъ ея горла, вокругъ котораго съ нѣжной прохладой колышатся бѣлыя зерна жемчуга, выходятъ такіе легкіе, звонкіе, вкрадчивые звуки. Она еще смущалась, еще слишкомъ ясно видѣла передъ собой отдѣльныя лица знакомыхъ, ихъ улыбки, ихъ глаза. Но уже отъ этихъ внимательныхъ зрачковъ лилась въ нее та волнующая сила, которая несетъ людямъ, вступившимъ на эстраду, и проклятіе, и сладость.

Ей хлопали, и вызывали, и заставляли повторять. Пріятно было смотрѣть на это юное лицо, на этотъ крупный ротъ. И трудно было понять, голосъ или улыбка этихъ алыхъ губъ, волнуетъ, и радуетъ, и зоветъ. Многіе помнили ее еще дѣвочкой. Было забавно, что маленькая, не особенно красивая Маша Смирнова незамѣтно развернулась въ увѣренную и соблазнительную артистку.

Въ заднихъ рядахъ гимназисты и гимназистки, красные и ошалѣвшіе, визгливо кричали:

— Bis! Bis!.. Смирнова!..

Марья Филипповна наклонилась къ мужу:

— Тебѣ это нравится, что нашу фамилію кричатъ? Мнѣ — нѣтъ.

Смирновъ благодушно усмѣхнулся. Ему понравилось и пѣнье Мики, и то, что она красива, и то, какъ гордо она стоитъ.

— Отчего? Развѣ кличка, вродѣ Рай-Райской или Дуй-Дунайской лучше?

Недалеко отъ нихъ сидѣлъ Янтаровъ. Онъ, смѣясь, говорилъ что-то Ниловой. Изъ-подъ усовъ блестѣли кончики крупныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

— Смѣйся, смѣйся!—проворчалъ Смирновъ, отворачиваясь.

— Что?—спросила жена.

— Ничего... Я смотрѣлъ, какъ Ниловская невѣстка съ Янтаровымъ кокетничаетъ. Тоже штучка...

— Кто? Янтаровъ? Или...

— Оба хороши...

Вѣруся сидѣла въ сторонѣ, рядомъ съ Карали. Пѣніе сестры

и радовало, и печалило, и волновало ее. Сладкіе звуки открывали соблазны любви, звали къ ея томленіямъ и дерзаніямъ. Но въ сердцѣ горбуньи эти звуки будили другія исканія и устремленія. Въ ней росли, и зрѣли, и требовали исхода причудливыя мысли, зародившіяся въ прохладной полутьмѣ церкви, подъ тихія рѣчи странницы-калѣки.

— Докторъ, вы не знаете, въ монастыряхъ всегда пускаютъ?

Печальные и ясные глаза доктора встрѣтили сіяющій взглядъ длинныхъ, темныхъ глазъ. Что-то въ нихъ напоминало ему дочь. Онъ улыбнулся и его красивое лицо стало нѣжнымъ.

— Всегда. А ты что же, дѣвочка?..

Вѣруся приложила палецъ къ розовымъ, тонко очерченнымъ губамъ.

— Т-с-съ!..—и совсѣмъ тихо прошептала.—Слушайте, какъ она поетъ. Я думаю, она тоже недолго здѣсь останется.

Тревога кольнула Карали. Что затѣваетъ этотъ ребенокъ? Ему казалось, что около него сидитъ маленькая ласточка. Кто-то держитъ ее въ холодной, чужой странѣ. Кто-то перебилъ ей крылья. Вотъ они, свернутыя въ безобразный комокъ, лежатъ на ея спинѣ. „Ну что-жъ, пусть улетитъ, если можетъ“,—подумалъ онъ...

У него весь вечеръ было тревожно и тяжело на душѣ. Музыка нагоняла тоску. Особенно пѣніе Мики. Она вся свѣтилась побѣдной жадностью, расцвѣтала на его глазахъ, какъ одинъ изъ тѣхъ причудливыхъ сказочныхъ цвѣтовъ, что распускаются въ сказочныя, дремныя ночи. И все-таки Карали было жаль ее. Когда Мика кончила, и по залѣ раздался веселый гулъ рукоплесканій, докторъ нагнулся къ Вѣрусѣ и задумчиво, точно взрослому другу сказалъ ей:

— Странно. Сегодня точно какія-то нитки тянутся между всѣми. Вонъ тамъ Ниловъ, здѣсь мы съ тобой, въ сторонѣ Янтаровъ, а тамъ твои сидятъ, а сбоку Надя съ своимъ Цито, и вонъ этотъ жалкій редакторъ. Всѣ такіе разные, и живутъ всѣ по-своему. А всѣ спутаны, всѣ другъ отъ друга зависятъ. Они и не видятъ, какія паутины отъ одного къ другому тянутся. А ты видишь?

Личико дѣвочки загорѣлось волненіемъ. Она сощурила глаза.

— Да, да, вижу...—медленно отвѣтила она.—Конечно вижу! Только зачѣмъ эти паутинки черныя? Ахъ нѣтъ, красныя!..

Она почти вскрикнула. Карали вздрогнулъ, провелъ рукой по глазамъ и тихо усмѣхнулся.

— Бываютъ и голубыя... Докторъ, — она подняла къ нему

острое, хорошенькое личико, — а вы вѣрите, что люди свѣтятся?..

— Ну, конечно,—спокойно отвѣтилъ онъ.

— И я!—радостно и горделиво заявила Вѣруся.

Мику окружили знакомые и полузнакомые. Янтаровъ почтительно и осторожно поднесъ къ губамъ кончикъ ея затянутыхъ въ перчатку пальцевъ. Здѣсь, рядомъ съ ней, еще гуще стали волны горячей близости. Они только мелькомъ обмѣнялись взглядомъ, но радость окрыляла Янтарова. Даже къ Смирнову, стоявшему тутъ же съ газеткой въ рукѣ, не было враждебности.

— Есть интересныя телеграммы?—спросилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Телеграммы? Нѣтъ!—и странно прозвучало коротенькое слово.

Но задумываться надъ этимъ было некогда. За спиной раздался запыхавшійся шопотъ Нади:

— Янтаровъ, подите сюда...

Онъ съ трудомъ сдержалъ досадливый жестъ, но Надя взяла его за рукавъ и отвела въ сторону.

— Янтаровъ! Читайте.

Она протянула ему газету. Онъ съ изумленіемъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ? Что съ вами?

Онъ видѣлъ, какъ Лукутинъ, въ длинномъ путейскомъ сюртукѣ, плотно обхватывавшемъ его широкія плечи, шелъ къ Микѣ, съ пучкомъ темно-красныхъ розъ. Ахъ, чортъ, почему онъ не догадался? Но изъ-за цвѣтовъ на него глянули неузнаваемые и въ то же время такіе знакомые золотистые глаза. Онъ увидалъ на лицѣ Мики неуловимое для другихъ, только для него существующее выраженіе. Захотѣлось быть молодымъ, дурачливымъ и дерзкимъ.

— Что такое, Надежда Сергѣевна? Опять требуете отъ меня гражданственности?..

— Янтаровъ, прочтите. Это о васъ...

Онъ понялъ, по ея лицу, по настойчивости ея голоса, что въ маленькомъ листкѣ ничтожной вечерней газетки, которую они чаще всего не читали, таится какая-то опасность, злая и безпощадная. Въ артистической было людно и празднично, Янтаровъ такъ любилъ это веселое, отгоняющее заботу, ощущеніе толпы. И такъ хорошо было сквозь толпу чувствовать, какъ тянется къ нему высокая дѣвушка съ пышными волосами, съ круглой, обвитой жемчугами, шеей. Молодое, ищущее счастья

тѣло чувствовало, что ея глаза, не глядя, смотрятъ на него, ея руки, не двигаясь, обнимаютъ его. Онъ тряхнулъ головой, какъ дѣлалъ, когда хотѣлъ отогнать все, что мѣшало его безпечности и сказалъ:

— Надежда Сергѣевна, а нельзя ли послѣ. Сегодня такъ весело...

— Янтаровъ! Вы не ребенокъ. Читайте!

Шаловливые, темные глаза были строги и, подчиняясь имъ, онъ сталъ читать.

Сначала ему было трудно себѣ представить, что эти полуграмотные намеки относятся къ нему. Обвалъ... Обломки репутаціи... Три жертвы... Странныя денежки... Позаимствованія. Имена мы не называемъ, кому надо—догадается...

Онъ дочиталъ и, не поднимая глазъ, отдалъ газету Надѣ. Потомъ тщательно вытеръ руки платкомъ. Она ждала. Ей казалось, что она слишкомъ долго ждала, хотя прошло нѣсколько секундъ.

— Ну! Янтаровъ?

Онъ взглянулъ на нее. И она увидала, что съ поблѣднѣвшаго, но улыбающагося лица на нее смотрятъ жалкіе, пустые глаза.

— Янтаровъ...

Она не знала, что сказать и вдругъ разсердилась на себя и на него.

— Янтаровъ, это глупости... Вы завтра же должны...

Онъ вспыхнулъ, и злоба, заблестѣвшая въ его глазахъ, сразу вернула имъ жизнь.

— Завтра? Нѣтъ, сегодня же...

Онъ улыбнулся, деревянно, не разжимая зубовъ, одними губами. Потомъ провелъ рукой по глазамъ и, когда отнялъ руку, лицо уже сіяло вызывомъ и дерзостью. Онъ подошелъ къ Микѣ и своимъ бархатнымъ голосомъ, въ которомъ вздрагивали нервныя, волнующія нотки, сказалъ:

— Я радъ, что не услышу васъ во второй части концерта, Марья Петровна.

Она засмѣялась, полная сознанія силы, успѣха, любви къ нему.

— Почему рады? Развѣ я такъ скверно пою?

— Отлично! Оттого я и радъ. Я берегу свой покой...

Мика глубже заглянула въ его лицо и сердце сразу упало. Что такое? Отчего у него такіе глаза?

— Нѣтъ, развѣ вы уходите? А вечеръ?

Лукутинъ и Смирновъ смотрѣли на нихъ—и по взгляду Смирнова, по пренебрежительной усмѣшкѣ Лукутина, Янтаровъ понялъ, чья рука нанесла ему этотъ ударъ.

Ребенкомъ, безсильнымъ и загубленнымъ, почувствовалъ онъ себя.

— Вечеръ?—онъ посмотрѣлъ на ея темные, расширенные зрачки.—Нѣтъ, для меня уже ночь пришла...

Онъ низко, точно на сценѣ, поклонился Микѣ, кивнулъ головой мужчинамъ и ушелъ. Лукутинъ переглянулся со Смирновымъ и оба пожали плечами.

— Не можетъ безъ позы,—сказалъ Лукутинъ.

Мика скользнула по немъ взглядомъ, холоднымъ и вызывающимъ. Ей хотѣлось бѣжать, догнать Георгія, уйти съ нимъ отъ этихъ чужихъ, ненавидящихъ его людей. Зачѣмъ она, въ своемъ глупомъ, бѣломъ платьѣ, которое она шила, думая только о немъ, стоитъ здѣсь, когда ей надо быть съ нимъ, узнать, о чемъ онъ тоскуетъ.

— А что, если я завтра же уйду къ нему?—мелькнуло въ бѣлокурой, упрямой головѣ.

Отъ этой мысли опять стало легче. Увѣренная и ясная, она пошла вслѣдъ за распорядителемъ на эстраду. Но куда-то отлетѣли манящія, сладостныя ноты, которыя такъ свободно и властно вылетали изъ ея груди, когда любимый былъ близко. Зала потемнѣла, люди стали скучные, ненужные, неотзывчивые.

Янтаровъ бродилъ по улицамъ, не узнавая и не замѣчая ихъ. Онъ никогда не думалъ о смерти. Если бы кто-нибудь сказалъ ему, что онъ считаетъ себя безсмертнымъ, онъ разсмѣялся бы. Но что-то въ этомъ родѣ испытывалъ онъ, глядя на покойниковъ. Они лежатъ, неподвижные, холодные, синіе, вызывая въ живыхъ отвращеніе, болѣе или менѣе затаенное. Что же ему, Янтарову, до этого? Что до этого его тѣлу, гибкому, горячему, способному и ощущать, и давать такую бурную, острую любовную радость?

А теперь въ свѣтлую, праздничную комнату, наполненную толпой, надъ которой царила бѣлая, покорная Янтарову дѣвушка, вошла смерть, взяла его за руку и заслонила истомные, золотистые глаза, и повела его по темнымъ, холоднымъ улицамъ, гдѣ злые, запертые, насторожившіеся дома давно его подстерегали. Ихъ маленькія окна тускло поблескиваютъ и хихикаютъ надъ нимъ, радуются, что вотъ онъ мечется, и торопится, и не можетъ ужъ уйти отъ послѣдней и самой жадной подруги.

— Почему не могу? Могу!

Янтаровъ остановился и ударилъ кулакомъ о мокрый, шершавый камень церковной ограды. За столбомъ закашляло, захрипѣло, заворочалось. Отъ земли отдѣлилась лохматая голова и мужской голосъ пробормоталъ:

— Врешь, братъ! Не можешь! Назюзюкался... Ложись рядомъ... Отъ земли не уйдешь.

Голова опять исчезла за столбомъ, а Янтаровъ въ паническомъ, безсмысленномъ ужасѣ бросился бѣжать. Слова бродяги одѣвались въ кошмарные, пророческіе образы. Чьи-то голоса звучали за спиной, и хохотъ, и пискъ, и угрозы, и стоны. Можетъ быть просто вѣтеръ качаетъ деревья и стучитъ вѣтками о желѣзную крышу... Или это тѣ мелкіе, злые духи, которые окружаютъ насъ и берутъ надъ нами силу, когда почему-либо гаснетъ ясный огонь, мерцающій въ человѣкѣ? О нихъ недавно говорилъ Карали. Развѣ пойти къ нему, и стать на колѣни, и разсказать, какъ на исповѣди, всю жизнь, всю, какъ она есть?

Янтаровъ вышелъ на большую улицу. Попадались экипажи и прохожіе. Все кругомъ было просто. Страхъ проходилъ. Онъ шелъ тише и представлялъ себѣ, что онъ скажетъ Карали. Холодный стыдъ сжималъ сердце. Ему нечего сказать. Жизнь тянулась за нимъ пустая, голая и холодная. Почему онъ раньше не замѣчалъ этого холода? Вѣдь онъ думалъ, что живетъ радостнѣе многихъ, потому что женщины любили его съ тѣхъ поръ, какъ у него начали пробиваться усы. И ласкали, и грѣли. Откуда же этотъ холодъ? Или онъ забылъ, не понялъ, не замѣтилъ чего-нибудь другого, самаго важнаго?

Онъ вспомнилъ шестнадцатилѣтнюю горничную, съ голубыми глазами, совсѣмъ дѣтскими. Пять дней прожилъ онъ въ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ она служила. Уже на вторую ночь онъ привелъ ее къ себѣ и она осталась до утра, молчаливая и послушная. Когда онъ уѣзжалъ, она подала ему пальто, а старая барыня приказала:

— Палаша, подай же галоши.

Она нагнулась и подала. Потомъ выпрямилась и онъ увидалъ, что глаза у нея сухіе и безумные. Теперь онъ такъ ясно увидалъ эти глаза, что поднялъ руку и провелъ рукой по воротнику, точно онъ сразу сталъ тѣсенъ.

„Какъ я могъ? Какъ я могъ?“—металось у него въ головѣ.

Голубые глаза уже исчезли. Онъ опять увидалъ взволнованное и злобное лицо Смирнова и презрительную усмѣшку Лукутина. Онъ вспомнилъ, что тогда, въ Смирновскомъ домѣ, поддался соб-

блазну увѣренности, удобства и силы, исходившему изъ всего, что̀ говорилъ Смирновъ, изъ всего, что̀ его окружало. Вѣдь только рѣзкій жестъ Лукутина оборвалъ тонкую, начинавшую завиваться нить возможной связи съ Смирновымъ. А онъ, Янтаровъ, уже шелъ навстрѣчу этой связи. И при мысли объ этомъ еще ниже опустилась голова, еще яснѣе стало, что надо умереть. И вдругъ такъ захотѣлось жить, такъ страшно стало уйти отъ солнца и неба, уйти подъ землю. Въ гробу тѣсно...

— Зачѣмъ умирать. Ну, уладится... Мало ли растрачиваютъ... Ну, пополнитъ.

Но ускользали изъ рукъ эти утѣшенія, оправданія, эти попытки удержаться. Нельзя жить, когда такіе люди, какъ Лукутинъ, имѣютъ право смотрѣть ему въ лицо съ такой усмѣшкой. И запоздалый гнѣвъ сжималъ кулаки. Хотѣлось броситься на этого толстощекаго, сытаго хищника. Какъ онъ смѣетъ! Какъ онъ смѣетъ!

Но не было въ этихъ словахъ гордости и не могли они поднять его голову. Тяжелый комъ стоялъ въ груди. Трудно было дышать. Опуститься бы передъ кѣмъ-нибудь на колѣни и плакать, плакать, плакать... Къ чему? Все равно, сказать ему нечего. Онъ пустой, весь пустой.

Женщина, въ черномъ газовомъ платкѣ на кудрявыхъ волосахъ, просунула руку подъ его локоть. Янтаровъ подвелъ ее къ фонарю, посмотрѣлъ въ ея голодные, силящіеся улыбнуться, глаза и крѣпко взялъ ее за плечо:

— Зачѣмъ ты живешь, Соня Мармеладова? Давай умремъ...

Она отшатнулась отъ него. Онъ досталъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и всыпалъ ей въ руку.

— Иди... Счастливая!

Мимо проѣхали извозчики, потомъ карета. Ему показалось, что въ глубинѣ мелькнуло бѣлое платье и свѣтлое лицо Мики. Онъ круто повернулъ и почти бѣгомъ побѣжалъ въ маленькій переулокъ, гдѣ жила Катя. Дорогой онъ отчетливо, сухо думалъ:

„Ей нужны только деньги и мнѣ нужны только деньги. Она притворяется, когда ее покупаютъ—и я притворялся. Всѣ мои идеи, и все, что̀ я считалъ своимъ талантомъ, я въ глубинѣ души размѣнивалъ на деньги. Я всегда думалъ, что, рано или поздно, деньги сами собой притекутъ, потому что я не какъ всѣ, а особенный“.

Онъ усмѣхнулся усталой, острой улыбкой. Но все еще сопротивлялся.

Что-жъ такое, что деньги? Вотъ и Машуковъ радъ, что будетъ много денегъ...

И сразу остановилъ себя. Не лги! Теперь не лги. Или ужъ не умѣешь? Насквозь весь изломался и передъ бабами, и передъ собой?

Около дверей Кати онъ остановился. Онъ зналъ, что если войдетъ къ ней, то смерть ужъ неизбѣжна. Почему, это все равно... Но ужъ это такъ. Можетъ быть еще можно?.. Онъ оттолкнулъ трусливаго, метавшагося, искавшаго спасенья звѣрька и вошелъ въ домъ.

Катя привстала на постели. Темныя, длинныя косы спадали ей на плечи:

— Что̀ съ тобой?—со страхомъ спросила она и почему-то протянула ему не одну, а обѣ руки.

Онъ ихъ взялъ и, не выпуская изъ своихъ, присѣлъ на край кровати:

— Не бойся, Катя. Я просто хотѣлъ посмотрѣть въ твои глаза. Они такіе свѣтлые.

Она посмотрѣла на него недовѣрчиво. Онъ разбудилъ ее отъ тревожнаго путаннаго сна. Она не могла вспомнить, что̀ ей снилось, но помнила только, что кто-то отнималъ у нея ребенка, у котораго были такіе же синіе глаза, какъ у Гоги. Что-то встревоженное и непобѣдимое билось въ ея сердцѣ. Но она была рада, что Янтаровъ здѣсь, что ея руки, ея колѣни чувствуютъ его знакомую, дорогую теплоту.

— Посмотрѣть? Какой ты хорошій! А я думала, вы кутите послѣ концерта. Хорошо пѣла Смирнова?

Онъ наклонился осторожно, точно касаясь больной, и тронулъ губами ея лобъ:

— Катя, какая ты... Я безъ тебя жить не могу...

Глаза у него были печальные и нѣжные. Она поняла, что ему трудно. Вопросовъ она никогда не задавала; ждала, когда онъ самъ заговоритъ. Но то, что, встревоженный, онъ пришелъ къ ней, было хорошо.

Она подумала, что онъ пришелъ узнать о тѣхъ, изуродованныхъ, и застѣнчиво сказала:

— Тѣ двое, кажется, ничего. А Андріану тяжело. Но я надѣюсь его выходить.

Янтаревъ молчалъ. Онъ сидѣлъ, подперевъ рукой подбородокъ и смотрѣлъ въ стѣну. Онъ мучительно и напряженно рылся въ своей жизни, стараясь найти хоть что-нибудь хорошее. И ничего не находилъ. Давалъ кому угодно деньги, когда онѣ у него

были. Не былъ скупъ. Никому не дѣлалъ зла. Былъ недурнымъ товарищемъ. И вдругъ вспомнилъ, что у него есть славная, младшая сестра, которая ушла отъ мужа и перебивается гдѣ-то съ двумя дѣтьми. Почему онъ никогда ей ничего не посылалъ? Можетъ быть они голодаютъ? Онъ повелъ плечами, какъ отъ холода. Какія глупыя мысли! И все глупо. Не изъ-за этой же сестры ему умирать?

Смерть опять стояла рядомъ и нельзя было оставаться съ ней въ этой тихой комнаткѣ. Онъ всталъ, разсѣянно поцѣловалъ Катю и пошелъ. Потомъ отъ двери вернулся.

— Катя, ты знаешь, кто я? Я — негодяй. Или просто — мразь?..

Она вдругъ выпрямилась. Темныя косы блѣднили блѣдное лицо. Глаза стали суровыми и большими.

— Не смѣй!—прикрикнула она.—Такъ не шутятъ. Я тебя люблю. И ты его отецъ...

„Вотъ когда на колѣни, припасть къ ея ногамъ и все разсказать",—мелькнула радостная мысль. Но былъ онъ весь отяжелѣвшій и не гнувшійся. И такъ и ушелъ, ничего не открывъ.

XXI.

Мика надѣялась прямо съ концерта ускользнуть къ Георгію. Но Марья Филипповна неотступно шла рядомъ, а съ другой стороны отецъ съ Лукутинымъ. И почему Георгій его не оборвалъ? Съ той минуты, когда она увидала пренебрежительную и довольную улыбку Лукутина, она не только перестала разговаривать съ нимъ, но какъ-то вся, всѣмъ своимъ существомъ отвернулась отъ него. И въ то же время чувствовала, что онъ не сдается, что его воля все тѣснѣе, какъ хищная птица, кружитъ надъ ней.

Безсильное раздраженье противъ отца и матери, противъ всѣхъ, кто подходилъ, и поздравлялъ, и говорилъ какія-то пошлыя, плоскія слова, кипѣло въ сердцѣ Мики. Къ чему они всѣ ей? Ей никого не нужно. Нуженъ только Георгій. И она будетъ съ нимъ, наперекоръ имъ всѣмъ.

Она вспомнила, что читала въ одномъ французскомъ романѣ, какъ молодая аристократка въ театрѣ, на глазахъ у всѣхъ, поцѣловала своего избранника, маленькаго адвоката, за котораго гордый графъ-отецъ ни за что не соглашался отдать свою дочь.

„Почему я не сдѣлала этого? Надо было взять его за руку и сказать тутъ же, при всѣхъ: Я пойду съ тобой. Посмотримъ, посмѣлъ ли бы тогда Лукутинъ такъ улыбаться".

— Мика!—раздался укоризненный голосъ матери,—нельзя же быть такой...

Мика встряхнулась и съ милой, немного виноватой улыбкой наклонила голову передъ пожилой, сѣдѣющей дамой...

— Извините, баронесса...

— Ничего, ma petite, гдѣ же вамъ замѣчать стариковъ?... Молодые глаза для молодыхъ сдѣланы...

Въ ея голосѣ, въ линіяхъ увядшаго рта еще таилось очарованіе когда-то плѣнительной женщины. И Мика посмотрѣла на нее тѣмъ благодарнымъ взглядомъ, которымъ влюбленныя дѣвушки смотрятъ на старыхъ женщинъ, сохранившихъ способность понимать всю заманчивость, всю важность любви.

Мика видѣла, что сегодня ей не уйти изъ тѣснаго родственнаго кольца, заботливо охватывавшаго ее. Ея ясный, холодноватый умъ, даже въ минуту тревоги, быстро все взвѣшивалъ и никогда не велъ ее на невозможное. Пока она не поговоритъ съ Георгіемъ, она не хочетъ открытаго разрыва съ родными. Во всякомъ случаѣ до утра она будетъ ждать.

Она уже лежала въ постели, когда вошла Вѣра. Въ полутьмѣ ея вздутая кверху фигурка всегда казалась призрачной.

— Мика, — сказала она, своимъ чистымъ, высокимъ голоскомъ. И старшая поняла, что горбунья несетъ ей недобрыя вѣсти.

— Ты что-нибудь знаешь?

— Мнѣ Надя показывала... Въ газетѣ...

— А... — Мика со вздохомъ облегченья опять легла на подушки. — Это я слышала. Отецъ съ Лукутинымъ говорили... Сплетни...

— Мика... — младшая подошла вплотную къ кровати. Прямыя плечи и горбъ точно на блюдѣ несли ея маленькую головку съ мерцающими, длинными глазами... — Мика, тутъ что-то... Надя говоритъ, что онъ поблѣднѣлъ и ничего не сказалъ...

— Ты думаешь, онъ изъ-за этого такой былъ? Значитъ?...

Молчаніе, холодное и зловѣщее, вползло въ душистую розовую спальню, въ это дѣвичье гнѣздышко, такъ любовно свитое для Мики. Стало душно. Не глядя на сестру, Мика произнесла:

— Ну что-жъ... И всетаки онъ—онъ.

Черезъ сѣрую, ночную завѣсу всматривалась Вѣруся съ бьющимся сердцемъ въ чуть бѣлѣвшее лицо сестры. Такъ вотъ она, любовь? Что теперь испытываетъ Мика? Что она думаетъ? Что она будетъ дѣлать? Съ жадностью ждала она, что̀ будетъ, и сердце нетерпѣливо отсчитывало секунды.

— Поздно, Вѣруся! — устало сказала старшая, — давай спать.

— Давай, — разочарованно отвѣтила Вѣруся.

Мика провела горячей рукой по ея тонкой, прохладной щекѣ и со слезами въ голосѣ произнесла:

— Тѣсно у насъ въ домѣ. Правда, Вѣруся?

— Да, Маша, тѣсно, только вѣдь это не нашъ домъ, а ихъ. Мы уйдемъ отсюда?

— Можетъ быть, Вѣруся...

Микѣ самой стало жутко, почему она такъ неувѣренно говоритъ о томъ, что непремѣнно должно быть. Скорѣе прижаться къ подушкѣ. Заснуть... Пусть придетъ день, онъ соединитъ ее съ Георгіемъ.

Но, какъ только она начинала засыпать, передъ ней открывались его синіе глаза, какими они были, когда онъ стоялъ подъ враждебными взглядами отца и Лукутина. Тревога, страхъ, обида за него и колючая ненависть, незамѣтно перекинувшаяся съ Лукутина и на отца, перекатывались въ душѣ молодой женщины, какъ волны на потемнѣвшемъ отъ тучъ озерѣ. Почему она не разспросила? Зачѣмъ она не прочла газету? Если его это такъ волнуетъ, она должна знать. Она встала, спустилась внизъ и осторожно ступая босыми ногами, обошла столовую, гостиную, кабинетъ. Газеты нигдѣ не было. Она вернулась и неодѣтая начала ходить взадъ и впередъ по мягкому ковру своего кабинета. Движенье возвращало ей успокоительное чувство тѣлесной молодости и крѣпости.

Изъ глубины письменнаго стола она достала его единственное письмо, перечла его, потомъ нѣсколько разъ провела гладкимъ прохладнымъ листкомъ по своимъ горячимъ щекамъ. На нее пахнуло маслянымъ запахомъ розъ. Это красныя розы Лукутина посылали ей свой ночной привѣтъ. Мика подошла, посмотрѣла на нихъ и золотистые глаза блеснули злорадствомъ. Неторопливо вынула она длинные стебли изъ вазы, и, одинъ за другимъ, ощипала всѣ лепестки. Красный дождь сыпался на ея босыя, бѣлыя ноги. Она дѣтски тѣшилась имъ, вспоминая улыбку Лукутина.

— Никогда. Никогда — вполголоса сказала она и нѣсколько разъ придавила ступней лепестки, потомъ легла и заснула крѣпкимъ, сладкимъ, слѣпымъ сномъ.

А когда проснулась, одѣлась и ушла. Марья Филипповна, въ капотѣ, еще сонная и сердитая, выходила изъ своей комнаты. Она окликнула дочь.

— Мика, куда такъ рано?

Дочь на минуту остановилась.

— Я сейчасъ, мама.

И черныя перья ея шляпы исчезли за поворотомъ коридора.

Въ его квартиру она позвонила увѣренно и радостно. Такъ рано, что онъ конечно дома. Она улыбалась, лукаво и немного смущенно. Ясно вспоминалось все, что она пережила за этой дверью. Губы вздрагивали, предвкушая его поцѣлуи.

Какъ онъ крѣпко спитъ. Она позвонила еще разъ.

За дверью раздались голоса и шумъ шаговъ. Это не были его шаги. Краска бросилась въ лицо Мики, но она выпрямилась и упрямо сжала губы. Все равно. Ей надо его видѣть.

Не сразу узнали онѣ съ Катей другъ друга и первое мгновеніе стояли молча, одна точно охраняя порогъ его жилища, другая не смѣя его переступить.

— Вамъ что угодно?—рѣзко спросила Катя, потомъ вдругъ узнала.—Вы!

Она отступила. Мика быстро вошла въ переднюю, заперла за собой дверь и вмѣсто знакомаго, волнующаго запаха, услыхала сладкій, противный вкусъ лекарствъ.

— Въ чемъ дѣло? Онъ боленъ? — стремительно и высокомѣрно спросила она.

Въ бѣломъ фартукѣ, блѣдная и маленькая, Катя была для нея просто фельдшерицей. Слегка отстранивъ ее рукой, Мика хотѣла пройти въ кабинетъ. Катя заступила ей дорогу.

— Куда вы? Тамъ больной...

Она понижала голосъ, но слышно было, какъ въ ней клокочетъ и бьется тревога и непривычная ярость. Сквозь стеклянную дверь падалъ матовый свѣтъ, и въ его неясныхъ лучахъ лица обѣихъ дѣвушекъ казались одинаково блѣдными и странно схожими. Мика сверху внизъ заглянула въ сѣрые, потемнѣвшіе глаза фельдшерицы и ясно прочла въ нихъ тоску и ревнивую ненависть. Она скользнула по ней взглядомъ и не столько увидала, сколько поняла по ея позѣ, по ея груди, а главное, по ея лицу, что она беременна.

Смертельный ужасъ охватилъ ее. Ей показалось, что вотъ и она будетъ стоять въ такой неуклюжей позѣ около его дверей, а другая женщина, красивая и желанная, отстранитъ ее. Ей захотѣлось убѣжать далеко, далеко отъ этого дома, отъ этого

человѣка, отъ его глазъ, губъ, рукъ; но бѣжать было некуда и она сказала:

— Георгій боленъ? Я такъ и знала. Я оттого и пришла.

Маленькая, блѣдная женщина вдругъ схватилась обѣими руками за животъ и тихо, пронзительно вскрикнула. Точно гдѣ-то далеко взвизгнулъ зайчикъ, настигнутый зубами лисицы.

— Неправда! Неправда! Это неправда...

Она покачнулась и опустилась на стулъ. Не то стыдъ, не то жалость колыхнулись въ сердцѣ Мики. Но она не остановилась.

Сѣрыя занавѣси были задернуты, какъ тогда. На диванѣ лежалъ Янтаровъ и глубокія, страдальческія складки тянулись отъ носа, мимо безкровныхъ губъ, уходили въ бѣлокурую мягкую бородку. Это былъ не онъ, это былъ другой, чужой, суровый, страшный.

Карали сидѣлъ рядомъ. При видѣ Мики онъ поднялъ красивую, лысую голову и въ его круглыхъ глазахъ мелькнуло удивленье. Молодая дѣвушка безшумно опустилась на колѣни. Ей казалось, что онъ уже мертвъ. Она схватила его за руку, и какъ сквозь сонъ увидала, что медленно поднимаются сѣровато-блѣдныя вѣки и изъ-подъ нихъ смотрятъ жалкіе, посвѣтлѣвшіе, неузнаваемые глаза.

Живъ, живъ... Она не знала, крикнула она это или только ея тѣло встрепенулось, выкрикивая короткое, воскрешающее слово. Она потянулась къ нему, хотѣла положить на одѣяло свое, омоченное слезами, лицо, хотѣла поцѣловать его холодную, неподвижную руку и вдругъ, съ новымъ ужасомъ, увидала, какъ его мертвенныя губы искажаются враждебной гримасой отвращенья. Слипшіяся и опустившіяся, онѣ что-то силились прошептать. Она наклонилась:

— Георгій! Это я...

Посвѣтлѣвшіе глаза такъ глянули на нее, точно оттолкнули. Потомъ вѣки опять опустились.

— Оставьте... меня...

Брезгливость еще ниже оттянула углы рта.

— Георгій!..

Ей казалось, что она ослышалась. Она еще искала его руку. Но Карали взялъ ее за плечо и почти насильно поднялъ. Больной, не открывая глазъ, позвалъ:

— Катя! Пусть она уйдетъ...

Это былъ не его голосъ, а чужой, безсильный, съ легкимъ свистомъ.

Мика поняла, что у него прострѣлена грудь. Но эта мысль

тупо вошла въ нее. Она вся стала тяжелая и тупая. Только когда Катя, медленно и грузно, вошла въ комнату, Мика вздрогнула и съ вызовомъ подняла опущенную голову. Ей хотѣлось ненавистью облегчить грудь, сбросить комокъ, навалившійся на горло. Но мимо нея съ трудомъ шла не торжествующая соперница, а маленькая, жалкая женщина съ перекошеннымъ отъ боли, некрасивымъ лицомъ. И Мика почувствовала себя растерянной, сбитой, растоптанной. Но кѣмъ? Противъ кого направить избытокъ злобы и отчаянія, судорогой рвавшій ея тѣло? Ей показалось, что все—и комната, и сѣрыя занавѣси, и маленькая женщина въ бѣломъ халатѣ, и тотъ человѣкъ на диванѣ,—все отодвинулось, уплыло далеко, далеко. Она, Мика, стоитъ одна на краю пустой равнины и никто не пойметъ, какія безумныя мысли бьются въ ея мозгу, какія острыя иглы колятъ ея сердце. Никого нѣтъ... Никого... Давно, давно былъ человѣкъ съ горячими, розовыми губами, которыя цѣловали, жгли, будили ее. Теперь его нѣтъ, нигдѣ нѣтъ и никогда не будетъ.

Золотистая голова въ черной, большой шляпѣ упала на плечо Карали. Маленькая рука, сильная и жадная, схватила его пальцы:

— Докторъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ!

Докторъ осторожно вывелъ ее изъ комнаты, потомъ изъ квартиры, усадилъ на извозчика и самъ сѣлъ рядомъ и только тогда сказалъ:

— Что̀ мы знаемъ? Судьба и сплетаетъ, и разрываетъ нити жизни...

— Онъ умретъ? — спросила Мика и съ ужасомъ ощутила, что кромѣ страха за него, въ ея душѣ уже копошится безглазая, колючая вражда.

— Не знаю... Не думаю... Организмъ очень здоровый.

Рыданье вырвалось изъ груди молодой женщины. Вся жизнь, люди, она сама, каждый кусочекъ ея тѣла, вызывали въ ней сплошное, безысходное отвращенье.

— Ничего, Мика, вы сильная, а жизнь длинная...

Докторъ посмотрѣлъ на нее сбоку и увидалъ какъ слезы стекали съ нѣжнаго, твердаго подбородка. Такая же нѣжная кожа была у его дѣвочки. Но у нея ротъ не былъ такой красный и крупный, какъ у дочери Смирнова. И у той фельдшерицы блѣдныя, тихія, страдальческія губы. Ей труднѣе будетъ выпрямиться. Но этого онъ не сказалъ Микѣ.

Густой и душный туманъ навсегда задернулъ въ памяти Мики этотъ день. Но что-то тяжелое и острое навсегда вошло въ душу. Обычная смѣна часовъ, разговоровъ, лицъ, поступковъ

смѣшалась въ какую-то смутную полу-явь, полу-дрему. Ясно помнила она только боль, да теплую и мягкую грудь матери, къ которой прижималась всѣмъ лицомъ, какъ когда-то въ дѣтствѣ. Потомъ, лежа въ постели, съ компрессомъ на пылающей головѣ, она чувствовала ея легкую руку, ея тихій шопотъ, чувствовала какъ вокругъ наростаетъ, и баюкаетъ, и успокаиваетъ особая атмосфера только изъ матерей излучающейся чуткости, жалости, любви. Отъ этого не исчезали отчаяніе, обида, стыдъ, терзавшіе ея сильную, впервые брошенную въ горе душу. Но само горе не такъ топтало, не унижало, расплывалось во что-то болѣе тихое и красивое.

Дочь ни однимъ словомъ ни открыла себя, не помогла матери понять, заглянуть въ ея сердце. Но Марья Филипповна, въ повседневности такая мелочная, недалекая, часто надоѣдливая, становилась въ дѣйствительно трудныя минуты жизни простой, понятливой и осторожно-нѣжной.

Петръ Петровичъ, хмурый и осунувшійся, выждалъ, когда жена вышла изъ спальни, гдѣ сквозь розовыя занавѣски сочился скупой, осенній свѣтъ.

— Ты что же, спросила ее?.. Вѣдь это скандалъ... Ты знаешь, тамъ эта фельдшерица?..

— Оставь!..

Голосъ звучалъ непривычно-повелительно и рѣзко. Смирновъ съ удивленьемъ посмотрѣлъ на озабоченное, сразу осмыслившееся отъ тревоги лицо жены. Но то, что ему разсказалъ Лукутинъ, въ маленькихъ глазахъ котораго онъ прочелъ злорадную насмѣшку и еще какую-то новую властность, кипящей смолой капало на самолюбіе этого удачника. Онъ не могъ молчать.

— Что, оставь? Ты обязана узнать отъ нея въ чемъ дѣло. Дѣвушка изъ порядочнаго дома бѣжитъ утромъ къ холостому человѣку... Говорятъ, эту фельдшерицу свезли въ родильный. Этакій негодяй!.. И какой чортъ его дернулъ стрѣляться?!.

Марья Филипповна взяла мужа за руку и почти втолкнула его въ свой восточный будуаръ.

— Ты съ ума сошелъ?.. Говорить такъ громко около ея двери...

— Да вѣдь должны же мы знать?.. Вѣдь всю жизнь для нихъ...

Онъ схватился рукой за голову и тяжело опустился на маленкій диванчикъ. Жена сверху внизъ посмотрѣла на его полусѣдую, начинающую лысѣть голову, на его слегка сутуловатыя плечи. Досада и жалость смѣшались въ ней. Смутно вспомнились оскорбительные дни ревности. И гдѣ-то впервые трепехнулась недосказанная мысль:

„А что, если вся эта наша жизнь ничего не стоитъ?.. И что мы дали дѣтямъ?..“

Она положила руку на голову мужа и тихо сказала.

— Успокойся, Петя, Мика выносливая, она въ тебя... Но если ты не хочешь ее потерять, мы должны молчать...

— Что такое? Зачѣмъ? Какое-то униженіе передъ своими дѣтьми!

Марья Филипповна присѣла рядомъ съ нимъ на диванъ и только тогда почувствовала, какъ она устала. Стало такъ жаль Мику, и себя, и мужа, и весь домъ. Она взяла большую, бѣлую руку мужа и поцѣловала ее.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь. Я просто хочу, чтобы ей было не такъ трудно.

— А намъ—какъ придется?...

Онъ усмѣхнулся горькой, совсѣмъ старческой улыбкой. Въ дверь постучали. Дѣвушка подала письма и двѣ телеграммы. Хмуро и разсѣянно вскрылъ онъ ихъ, потомъ прочелъ и на его лицѣ появилось острое, высматривающее что-то выраженіе. Марья Филипповна хорошо его знала. Оно всегда появлялось, когда дѣла, тѣ сложныя, денежныя дѣла, которымъ онъ отдавалъ свою волю, и мозгъ, и силы, требовали какого-нибудь быстраго и важнаго рѣшенья. Она поняла, что онъ уже думаетъ не о ней и не о дочери, а о цифрахъ, матерьялахъ, смѣтахъ, обо всемъ томъ, на чемъ росло и расцвѣтало благополучіе ихъ семьи. Ей стало одиноко и захотѣлось скорѣе вернуться къ дочери.

— Кажется придется опять въ Петербургъ,—задумчиво сказалъ Смирновъ,—телеграмма отъ Веселова.

— Да?.. Такъ знаешь, можетъ быть мы съ тобой поѣдемъ. А оттуда за границу. Я постараюсь ее уговорить.

— Ну вотъ и отлично!..

Извѣстія пришли хорошія. Ему хотѣлось увѣрить себя, что поѣздка за границу опять вернетъ его семьѣ благодушную устойчивость и уютность.

Но и за письменнымъ столомъ, среди дѣловыхъ бумагъ, онъ не нашелъ покоя. Онъ попробовалъ открыть витрины съ монетами, но и это не помогало. Уже сумерки спустились, когда онъ тихо постучалъ въ дверь Вѣруси.

— Войдите!—раздался ея голосокъ.

При видѣ отца она соскользнула съ кресла. Онъ видѣлъ, какъ блѣдность легла на ея нѣжныя, тонкія щеки. Подъ ея пристальнымъ и изумленнымъ взглядомъ ему стало неловко до жуткости. Онъ оглядѣлся. Комната, полки съ книгами, большая

фотографія съ печальной картины финскаго художника, все было чужое. Также какъ было чужимъ и это маленькое, уродливое существо, носившее его имя.

— Вотъ я къ тебѣ, Вѣруся,—нескладно началъ онъ и сѣлъ на широкую скамью, стоявшую около окна.

— Да,—неопредѣленно отвѣтила она и продолжала стоять, выжидающая и явно враждебная.

Эта враждебность передавалась и ему, дѣлала его приходъ сюда ненужнымъ и досаднымъ. Ни на ихъ лицахъ, ни въ ихъ сердцахъ не было ничего, что бы ихъ сближало. Смирновъ заговорилъ, и голосъ звучалъ суше и дѣловитѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ бы:

— Мать и я очень разстроены. Ты понимаешь? Ты встрѣчала Янтарова у этихъ Грохотскихъ?

— Да.

— Онъ тоже часто тамъ бываетъ?

Краска опять прилила къ тонкому личику. Изъ-подъ сдвинутыхъ черныхъ бровей съ недѣтскимъ высокомѣріемъ смотрѣли на Смирнова темные глаза.

— Это что, допросъ? — Тонкій голосокъ звенѣлъ, уже насыщенный давно копившимся негодованьемъ.—Такъ лучше я буду тебя допрашивать. Зачѣмъ ты сдѣлалъ это? Зачѣмъ ты сдѣлалъ эту гадость со статьей? Неужели тебѣ мало всю жизнь давать и брать взятки? Неужели вамъ никого и ничего не жаль?..

— Вѣра!

Онъ держался обѣими руками за скамью и смотрѣлъ на этого маленькаго урода съ чувствомъ уже не только брезгливости, но и непонятнаго страха. Властнымъ жестомъ своей тонкой, точно вѣтка длинной руки, она остановила его.

— Постой, мы никогда не говорили съ тобой. Но я все знаю. Ты измѣнялъ матери. У тебя были любовницы.—Странно было слышать это слово изъ ея устъ.—Да, были. Изъ-за тебя я такая...

Она коснулась рукой своего горба и все ея лицо дышало неудержимой и ненасытной ненавистью. Ему хотѣлось вскочить и убѣжать, чтобы не видѣть этихъ движеній, этихъ глазъ, не слышать этого звонкаго, хлещущаго голоса. Но что-то удерживало его.

— Я знаю, ты всегда стыдился меня. Ты вѣдь никогда не смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Тебѣ было стыдно и противно. А теперь мнѣ стыдно и противно. Да, да, стыдно и противно, что я твоя дочь, что мой отецъ—ты, вотъ этотъ человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего кромѣ жадности...

Она взмахнула рукой и съ силой и презрѣньемъ взрослаго всепонимающаго человѣка бросила это слово ему въ лицо. И онъ забылъ, что передъ нимъ почти ребенокъ, его дочь, несчастная и изуродованная по его винѣ. Онъ вскочилъ и схватилъ эту длинную, гибкую руку:

— Это неправда!..

— А, неправда?—она смѣялась и смотрѣла на него торжествующими, пылающими глазами.—Неправда? Такъ скажите же мнѣ, какимъ богамъ вы молитесь? Какія есть для васъ святыя слова? Кого вы любите? Монеты свои? Старые куски все того же бога-золота...

Онъ выпустилъ ея руку и вдругъ схватился за лобъ.

— Это просто кошмаръ. Ты—сумасшедшая..

— Сумасшедшая?—она продолжала смѣяться, и маленькое, легкое, костлявое тѣло все тряслось. — Это вы—сумасшедшіе... Вы думаете, что можно выстроить стѣны и притаиться за ними и оттуда только грабить другихъ. А стѣнъ-то и нѣтъ. Тянутся, тянутся нити отъ одного человѣка къ другому... И все спутывается, и все связывается. А вы и не знали? А?

Она уже не смѣялась. Маленькія ноздри дрожали и бились, точно не успѣвая вобрать воздухъ для этой стѣсненной, кривой груди. Глаза строго и властно смотрѣли въ лицо отца. И вдругъ что-то похожее на нѣжность къ этой маленькой, непонятной, совсѣмъ новой дѣвочкѣ согрѣло и распрямило душу Смирнова. Онъ протянулъ ей руку.

— Вѣра, зачѣмъ такъ? Вѣдь я же не чудовище. Ну, я виноватъ... И я не зналъ тебя.

Она отвела обѣ руки за спину и молча покачала головой. Слегка согнувшись, приподнявъ плечи, онъ пошелъ къ двери и остановился у порога.

— Завтра, когда ты будешь спокойнѣе, мы поговоримъ. Я радъ, что ты умница.

Онъ попробовалъ улыбнуться, но подъ ея непримиримымъ взглядомъ улыбка не вышла.

— Нѣтъ, отецъ. Не завтра и никогда... Прощай... Мы съ тобой враги. И не съ тобой лично, а со всѣмъ, чему ты служишь.

— Да ты-то развѣ знаешь, чему ты служишь? — съ невольной улыбкой спросилъ отецъ.

— Я знаю, чему я никогда не буду служить,—съ гордостью возразила дѣвушка и, слегка понизивъ голосъ, прибавила:—и знаю, что я ненавижу.

Смирновъ пристально взглянулъ на нее и, опустивъ голову, вышелъ.

Когда онъ ушелъ, крылатая радость освобожденья охватила дѣвочку. Наконецъ! Эти слова такъ долго копились въ ея сердцѣ, жгли ея мозгъ, застилали солнце. Она подняла руки, точно думала, что стоитъ крѣпко, крѣпко потянуться, и горбатая оболочка, облѣпившая ея стройную, пѣвучую душу, тоже распрямится и расправится.

Она подошла къ окну и отдернула занавѣску. Ей показалось, что она увидитъ прямую, пыльную, кое-гдѣ поросшую кустарниками дорогу, о которой съ такимъ восторгомъ говорила странница, увидитъ зеленый лѣсъ и надъ нимъ золото стараго креста. Но было темно. Слабо мерцали огни города. Осеннимъ ненастьемъ вѣяло отъ голаго сада. Вѣруся вздохнула. Но лицо ея осталось свѣтлымъ и твердымъ.

— Все равно завтра уйду,—тихо прошептала она.

Ей было жалко матери. Она ничего не понимаетъ и никогда онѣ ни о чемъ по настоящему не говорили. Но ей будетъ больно. И Мику жалко, но не такъ. Мика все-таки не слышитъ, что въ домѣ всегда пахнетъ покойникомъ. Вѣруся улыбнулась. Она вспомнила, какъ еще ребенкомъ она слышала этотъ запахъ и иногда украдкой смотрѣла подъ диванами и за занавѣсками, нѣтъ ли тамъ мертвеца.

Мика уговорила мать оставить ее одну. Она была разбитая, какъ послѣ далекаго и утомительнаго путешествія. Но голова уже прояснилась, торопилась разобраться, понять, какъ же жить дальше? Жизнь растилалась длинная, ограбленная, томительная. Подошвы ногъ ощущали тернія, колючіе камни, жаръ долгой дороги. Прежде все было возможно, и достижимо, и красиво. Годы манили и звали къ себѣ ее, цѣльную, гордую, увѣренную. Теперь она нѣсколько разъ, какимъ-то внутреннимъ усиліемъ старалась собрать распыленныя частички своего вчерашняго *я*. Она старалась думать о своемъ голосѣ, воскресить то крылатое чувство власти, которое еще вчера черпала изъ внимательныхъ, впившихся въ нея зрачковъ толпы. Но каждый разъ въ ушахъ раздавался незнакомый, свистящій голосъ:

— Катя... Пусть уйдетъ!..

Все обрывалось и падало, оставляя въ душѣ черную, жадную пустоту. Мало-по-малу эта пустота наполнялась никогда неиспытаннымъ раньше чувствомъ ненависти и вражды къ людямъ.

Точно всѣ люди сговорились, чтобы ограбить, унизить, опозорить ее. Она вспоминала разговоры съ Вѣрусей, ея страстное желанье уйти и создать новую жизнь. Сейчасъ это было такъ далеко, и чуждо, и ненужно.

Мика лежала, подперевъ голову рукой и стиснувъ зубы, напряженно смотрѣла передъ собой.

— Уйти, къ нимъ?.. — пробормотала она и вдругъ засмѣялась короткимъ, сухимъ смѣхомъ... — Ни за что!.. Ни за что!..

Она бросила это слово, какъ вызовъ невидимому врагу. Эти люди, жившіе какой-то другой, не смирновской жизнью, казались ей особенно ненавистными. Впереди всѣхъ стояла маленькая фельдшерица, съ обезображенной фигурой и перекосившимся отъ боли лицомъ.

Но Янтаровъ, не тотъ, который лежалъ на диванѣ, неприступный и неузнаваемый, а другой, смѣющійся, безпечный и горячій, этотъ Янтаровъ былъ тутъ же и она знала, что еще долго его глаза будутъ смѣяться, и ласкать, и заслонять отъ нея все остальное. Она заметалась и положила руку на грудь. Подъ ладонью колыхнулось крѣпкое, прохладное, упругое тѣло и съ такой физической, жестокой и все-таки сладостной отчетливостью встали всѣ мельчайшія ласки и любовныя прикосновенья, такъ ясно ощутила она рядомъ другое, гибкое, и льнущее, и побѣдное тѣло, что стонъ вырвался изъ ея груди. Кровь тяжело и горячо застучала въ жилахъ, на мгновенье придала ея собственному тѣлу жгучую, требовательную сознательность.

Мика закрыла лицо руками, стыдясь чьихъ-то невидимыхъ, ищущихъ глазъ, и, вмѣстѣ съ острой тоской по любимому, гдѣ-то на самомъ днѣ, струилась живучая увѣренность:

— Такъ было, такъ будетъ...

Въ бѣлой, чистой и печальной больничной одиночкѣ лежала Катя. Длинныя косы змѣились по свѣтлому одѣялу. Широкія, маленькія руки были неподвижны. У нея еще болѣла спина, животъ, руки, ноги, шея. Все болѣло. Но хуже всего была тупая, грызущая, ненасытная боль въ сердцѣ. Она дремала и ей казалось, что кто-то вынулъ изъ нея ея любимаго, ненагляднаго дитенка, который уже умѣлъ такъ весело биться ручками и ножками объ ея животъ. Вынулъ, а вмѣсто него положилъ злого звѣрька, неутомимо подтачивающаго ея сердце.

— Зачѣмъ?—тоскливо шептала она—и просыпалась.

Но тогда было еще страшнѣе. Тогда она опять и опять переживала то утро, и видѣла кровь на груди Гоги, и слышала его голосъ. Потомъ входила бѣлая, нарядная, требовательная дѣ-

вушка. Зачѣмъ она пришла? Зачѣмъ она взяла отъ Кати ея ребенка? Онъ ей не нуженъ. Она убила его... Убила...

Стонъ, похожій на рыданье раздается въ маленькой комнатѣ. Рядомъ въ коридорѣ спитъ сестра. Пусть спитъ. Никто ей не поможетъ. Никто не вернетъ ей полноту ожиданья, гордую радость еще не завершеннаго материнства. Онъ былъ такой маленькій и, говорятъ, мальчикъ. Но ей его не показали. Она никогда даже не узнаетъ, какимъ бы могъ быть ея сынъ...

Да, ея и только ея. Никому на свѣтѣ, кромѣ нея, не жаль это маленькое, недоношенное, еще почти не похожее на человѣка существо. Она знаетъ, какіе родятся шестимѣсячные. Но ей-то не все ли равно? Она полюбила его съ той минуты, когда убѣдилась, что онъ есть. Полюбила его со всей силой давно жданнаго материнства, такъ, какъ любила бы его до самой смерти. Развѣ для матери не все равно, шесть мѣсяцевъ ребенку, или шесть лѣтъ, или даже шестьдесятъ? Развѣ она не отдаетъ ему себя съ того мгновенья, когда впервые почуетъ въ себѣ несказанную тайну новаго рожденья.

Но злоба, и тупость, и слѣпота людей, и равнодушіе того, что̀ мы зовемъ жизнью, превратили рожденье въ смерть, радость въ безысходную печаль.

Въ бѣлой, больничной комнаткѣ сѣраго, скучнаго, алчнаго города лежитъ маленькая, блѣдная женщина и съ ужасомъ чувствуетъ на своемъ измученномъ тѣлѣ весь гнетъ одинокого, опустошеннаго существованья. Порой встаетъ передъ ней лицо любимаго. Но и отъ него чего ждать ей, кромѣ новыхъ униженій и новой горечи. Легкая тѣнь мертваго ребенка, котораго ей такъ и не показали, застилаетъ свѣтъ, солнце, все, что̀ прежде грѣло.

И ей страшно. Ей кажется, что они убили въ ней не только ребенка. А вдругъ они убили ея дѣятельную, свѣтлую любовь къ жизни, къ людямъ, ко всему? Ея сердце было до краевъ полно чуткой жалости. Отчего же ее никто не пожалѣлъ? Отчего объ ней никто не подумалъ, не окружилъ ее заботливыми, чуящими опасность руками?

Опять она дремлетъ. И снится ей, что идетъ она по широкой, людной улицѣ, и несетъ своего золотого, синеглазаго мальчика. Навстрѣчу ей мчится автомобиль, красный, громадный, отвратительный. Уже мелькаетъ сквозь зеркала стеколъ улыбающееся, красивое лицо Янтарова. Рядомъ съ нимъ женщина въ черной шляпѣ съ перьями. Прямо на Катю несется красный звѣрь. Она мечется въ ужасѣ, хочетъ бѣжать, но какія-то руки, чужія,

жесткія, безпощадныя, бросаютъ ее подъ колеса. И съ хрустомъ ломаются кости, рвутся жилы и жалобно стонетъ ея сынъ.

Она опять просыпается... Пусто, тихо, мертво въ больничной комнаткѣ. Сѣрыя тѣни таютъ и плывутъ. Неужели всю жизнь будетъ такъ?..

А. Тыркова.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Въ монастырскомъ саду.

Когда въ монастырскомъ уютномъ саду
Распустятся бѣлыя розы,
На васъ посмотрѣть, дорогая, приду,
Пролью серебристыя слезы.
И въ мантіи черной все также стройна
Пройдешь ты, дитя, предо мною,
Какъ мраморъ паросскій, холодный, блѣдна,
Съ своей молчаливой тоскою.
Спускается тихая ночь надъ землей
Волшебною, звѣздной вуалью...
Я снова одинъ за церковной стѣной
Съ своею красивой печалью.

Когда въ монастырскомъ уютномъ саду
Распустятся пышно жасмины,
Я снова съ своею тоскою приду
И буду васъ ждать у куртины.
О, сбросьте вашъ черный, ненужный нарядъ,
О, мантію сбросьте—молю я—
Надъ нами свободныя звѣзды горятъ...
Я жду одного поцѣлуя.
Любовь и свобода даруются вдругъ...
Порвите угрюмыя четки
И сбросьте печальный, зловѣщій клобукъ
У этой могильной рѣшетки.

Когда въ монастырскомъ уютномъ саду
Покажется осень сырая,

Я снова съ своею тоскою приду
Къ тебѣ на могилу, родная.
Давно облетѣли, увяли цвѣты—
Левкоя, нарциссъ, орхидеи,
Завяли мои золотыя мечты—
Души дорогія лилеи.
Ты спишь, отдыхая отъ моря обидъ,
Въ тиши монастырскаго сада,
И мраморный ангелъ твой сонъ сторожитъ,
И грустно мерцаетъ лампада.

Въ Греціи.

(На мотивъ изъ Гейбеля.)

Три пальмы на просторѣ;
Зеленыя поля;
Лазоревое море
И тучная земля.

Пасется мирно стадо;
Кругомъ весна цвѣтетъ;
Въ глухомъ лѣсу наяда
Съ сатирами живетъ.

Лазурь небесъ синѣетъ;
Въ травѣ лежитъ пастухъ;
Свирѣль мой слухъ лелѣетъ,
Мой восхищенный слухъ.

Вотъ вилла Левконеи;
Въ лѣсу костеръ большой...
Кусочекъ Одиссеи
Встаетъ передо мной—

Подъ купой миртовъ стройной
Звенитъ, поетъ ручей,
И самъ я—безпокойный
Скиталецъ Одиссей.

Анатолій Доброхотовъ.

ГЛИЦИНІЯ

Въ кожѣ каждаго человѣка заложены микроскопическія желѣзки, которыя содержатъ въ себѣ токи. Если вы встрѣчаетесь съ особою, токи которой параллельны вашимъ, то вотъ вамъ и любовь...

Антонъ Чеховъ. „Три года“.

Въ Ялтѣ вездѣ музыка, и вездѣ плохая; развѣ только оркестръ въ городскомъ саду похожъ на оперный. Но въ томъ же саду, возлѣ ресторана, во время завтраковъ и обѣдовъ играетъ еще „оркестръ“ и бывало такъ, что когда съ одной стороны плыли умные, безнадежные звуки романса графини изъ „Пиковой Дамы“, за спиной вдругъ раздавалась скверная полька. Тогда мнѣ казалось, что кто-то издѣвается надо мною. Я вставалъ и уходилъ въ свой комфортабельный номеръ, садился около открытаго окна и вспоминалъ красочные моменты своей жизни, которые уже не вернутся.

Впрочемъ, съ семи часовъ вечера и здѣсь, въ саду гостинницы, играла музыка на „скэтингъ-рингѣ“. Ялтинцы очень любятъ бѣгать на колесныхъ конькахъ. Удовольствіе не изъ умныхъ, но полезное. И оркестръ изъ четырехъ музыкантовъ шелъ къ своеобразному рокоту стали о бетонъ. Но эта музыка начиналась только съ семи часовъ, а до тѣхъ поръ спокойствіе квартирантовъ отеля не нарушалось ничѣмъ и никѣмъ.

Въ нашей гостинницѣ, не смотря на ея огромные размѣры, въ это время года всегда тихо. Пріѣзжавшіе сюда проводить пасхальный сезонъ купцы, генералы, тайные и явные совѣтники уже отправились восвояси, а купальный сезонъ еще не наступилъ.

Во всемъ нижнемъ этажѣ одного изъ корпусовъ, стоявшихъ въ саду жилъ только я—писатель, бѣжавшій къ родному, искреннему солнцу отъ фальшивой петербургской весны. Долженъ признаться, что работается здѣсь плохо.

Я шесть лѣтъ не видалъ милыхъ фіолетовыхъ горъ, не видалъ растущихъ въ грунтѣ пальмъ; я шесть лѣтъ не слышалъ, какъ плещутъ синія, на самомъ дѣлѣ синія, теплыя волны.

Передъ моимъ открытымъ окномъ покачиваются широкіе листья „инджира". Уголъ второго зданія гостинницы весь укрытъ крохотными, цвѣтущими желтыми розами. Повыше вьется глициніа; тонъ ея нѣжныхъ цвѣтовъ похожъ на цвѣтъ глазъ пятнадцатилѣтней дѣвушки.

Это удивительное растеніе: его стебли въ началѣ не толще дикаго винограда, но затѣмъ они срастаются и съ каждымъ годомъ дѣлаются все крупнѣе и сильнѣе. Одинъ изъ хозяевъ гостинницы говорилъ мнѣ, что прошлой весной эта нѣжная, воздушная глициніа своротила дубовый столбъ, поддерживающій уголъ балкона, такъ что потомъ пришлось производить капитальный ремонтъ.

Вѣроятно отъ того, что я часто смотрю на лиловые цвѣты глициніи, сегодня, вчера и позавчера изъ моей головы не уходитъ воспоминаніе объ одной барышнѣ съ такими глазами. Я никогда не былъ съ ней знакомъ. Это можетъ показаться страннымъ—а тѣмъ не менѣе было что̀ вспомнить.

Шесть лѣтъ назадъ я служилъ въ одномъ изъ крымскихъ городовъ. Была у меня красивая, кроткая, любящая жена и прелестныя дѣти. Иногда меня тянуло къ другимъ женщинамъ, но я не падалъ до конца; впрочемъ и это случалось очень рѣдко. Я зналъ, что это воюетъ одна физіологія и совѣсть моя не страдала. Но эта самая совѣсть вдругъ заныла и затосковала послѣ того, какъ я встрѣтилъ нѣсколько разъ на бульварѣ гимназистку... Кажется ея имя было Валя, кажется по отцу она была нѣмка или полька и кажется принадлежала къ военной семьѣ: вотъ и все, что я о ней зналъ. Больше ничего; ровно ничего.

Случалось, что въ концѣ іюня, когда на солнцѣ было много больше тридцати градусовъ, я, усталый, измученный службой, возвращался домой—и вдругъ чувствовалъ потребность оглянуться. Кто-то невидимый, но сильный и властный мнѣ приказывалъ: обернись. Я повиновался—и каждый разъ встрѣчалъ похожіе на цвѣтъ глициніи любопытные, полудѣтскіе глаза Вали. Она или бѣжала съ младшей сестренкой купаться, или гуляла съ матерью, полной, но еще красивой женщиной.

„Кто ты? Что тебѣ отъ меня нужно? Что общаго можетъ быть между тобой и мной?“—спрашивали меня зрачки Вали.

Перехватывало дыханіе. Стараясь не поворачивать головы, я проходилъ мимо и безъ словъ отвѣчалъ:

— Не знаю, честное слово, не знаю...

Потомъ долго билось сердце; съ домашними я былъ разсѣянъ и до самаго вечера не могъ ничѣмъ заняться. Я ревниво берегъ свою тайну отъ жены и отъ самыхъ близкихъ друзей и не сомнѣвался, что и Валя часто думаетъ обо мнѣ и также старается рѣшить, что происходитъ въ моей душѣ, и также, какъ и я, скрываетъ это отъ своихъ близкихъ.

Вотъ и весь романъ.

Былъ, впрочемъ, еще одинъ эпизодъ. Когда началась война, меня назначили на востокъ. Фаталистъ по природѣ, я отнесся къ этому спокойно. Тотъ же самый сильный „кто-то“, приказывавшій мнѣ оглянуться, когда за моей спиной шла Валя, уже успѣлъ шепнуть: Ты останешься живъ во всякомъ случаѣ.

Я могъ отказаться отъ этого назначенія, такъ какъ были другіе охотники. Всѣ считали меня храбрымъ, а мнѣ было только смѣшно, такъ какъ я зналъ навѣрное то, что съ ихъ точки зрѣнія было весьма проблематично.

Да.

За нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ въ мѣстномъ собраніи былъ назначенъ литературно-музыкально-вокально-танцевальный вечеръ въ пользу раненыхъ, въ числѣ которыхъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ могъ быть и я.

Убитые предстоящей разлукой, молчаливые, мы съ женой пошли туда точно по обязанности. Въ это время я почти не думалъ о Валѣ. За себя я продолжалъ оставаться совершенно спокойнымъ, но мысль о разлукѣ съ семьей была тяжела и давила горло. Годъ, а можетъ быть и цѣлыхъ два... Все можетъ случиться и съ ней, и со мной. Все, кромѣ смерти, страшнѣй которой есть многое.

Мы вошли въ залъ, отыскали свои мѣста и молча сѣли. Оркестръ уже игралъ избитый маршъ; я до сихъ поръ не знаю его названія, но мои уши помнятъ каждый его тактъ.

Въ моей жизни всѣ выдающіяся, вѣрнѣе—грустныя событія всегда случались подъ музыку.

Потомъ вышла рыжая, какъ огонь, тридцатипятилѣтняя, черезчуръ декольтированная дѣвица, и подъ аккомпаниментъ рояля низкимъ контральто запѣла о войнѣ и о вѣчной славѣ тѣхъ, кому суждено погибнуть въ бою. Пѣла она плохо, но ей всетаки за-

хлопали. Затѣмъ выступилъ мѣстный баритонъ и дѣйствительно великолѣпно исполнилъ Вагнеровскую „Вечернюю Звѣзду". Эту арію я люблю и ненавижу всѣми силами моей души. Люблю за то, что Вагнеръ сказалъ въ ней все то, что могло сказать и мое сердце, а ненавижу за то, что въ эти минуты я слишкомъ остро переживаю чужія страданія; довольно съ меня и собственныхъ.

Апплодисменты раздались искреннѣе и громче.

Я вдругъ почувствовалъ потребность оглянуться и сейчасъ же встрѣтился съ глазами Вали; они глядѣли безпокойно. Кажется изъ всей публики только я и Валя не хлопали. Пѣвца заставили повторить на bis. Я наклонился къ уху жены и прошепталъ:

— Я не могу во второй разъ слушать этой аріи, она для меня вродѣ панихиды. Я пойду въ буфетъ.

Жена молча пожала плечами.

Придерживая кортикъ, чтобы никого не задѣть, я осторожно пробрался къ проходу и безшумно вышелъ. И до самыхъ дверей мой затылокъ совершенно ясно чувствовалъ взглядъ, которымъ меня провожала Валя.

— Скоро изволите отбыть на Дальній Востокъ? — спросилъ меня буфетчикъ.

— Въ субботу. Налейте-ка мнѣ стопочку марсалы...

Послѣ вина сдѣлалось легче. До самаго антракта я ходилъ взадъ и впередъ. Наконецъ въ залѣ загремѣли стулья. Я встрѣтилъ жену и крѣпко взялъ ее подъ руку. Потомъ не я, а какъ будто самъ мой языкъ, спросилъ.

— Ты не измѣнишь мнѣ?

Она улыбнулась и полушутя, полусерьезно отвѣтила:

— Если измѣню тебѣ, то не захочу больше жить на этомъ свѣтѣ.

Что играли и пѣли во второмъ отдѣленіи концерта, я не слышалъ, хотя сидѣлъ въ залѣ. Мысли мои работали слишкомъ быстро и надъ слишкомъ отвлеченными вопросами.

„Какъ у меня поворачивается языкъ спрашивать жену, измѣнитъ ли она мнѣ, когда я самъ за нѣсколько дней до отъѣзда такъ интересуюсь какой-то хорошенькой головкой полу-дѣвушки, полу-ребенка? Но вѣдь я въ этомъ не виноватъ... И не виновата Валя, если я представляюсь ей какимъ-то необыкновеннымъ человѣкомъ... И не виновата жена, если полюбитъ другого. Каждаго изъ насъ невѣдомая могучая сила ведетъ туда, куда она хочетъ, а не туда, куда мы намѣрены идти сами. И всякій, кто попробуетъ такъ или иначе поступить наперекоръ

этой силѣ, непремѣнно горько расплатится. Если для цѣлей этой силы нужно, чтобы я и Валя еще встрѣтились, то мы непремѣнно встрѣтимся. Если для тѣхъ же цѣлей нужно, чтобы рухнуло мое семейное счастье, то оно непремѣнно рухнетъ. Если нужно, чтобы Валя вышла замужъ не за того, кого любитъ, то она непремѣнно выйдетъ, выйдетъ: госпожа судьба поднесетъ ей этого суженаго въ томъ видѣ и тогда, когда Валю будетъ легче всего взять, и только потомъ она увидитъ, что кругомъ пусто.

Все это мнѣ говорилъ не фатализмъ, не больные нервы, а моя наблюдательность. Оглядываясь не только на свое прошлое, но и на прошлое всѣхъ своихъ знакомыхъ, я видѣлъ, что въ жизни каждаго изъ нихъ личная воля—это 10%, а чья-то чужая и болѣе могущественная—это 90%. Почему, почему?..

Снова загремѣли стулья уже громче и дольше. Ихъ сейчасъ же начали убирать, чтобы очистить мѣсто для танцевъ, въ пользу раненыхъ. Ни мнѣ, ни женѣ не хотѣлось смотрѣть на это веселье, и мы рѣшили поужинать. Въ столовомъ залѣ было тѣсно. Мы нѣсколько разъ прошли взадъ и впередъ, пока увидали свободный столъ и рядомъ другой, поменьше. Я началъ читать карточку кушаній и вдругъ услышалъ:

— Ну, мамочка, ну, сядемъ здѣсь.

Я зналъ навѣрное, что говоритъ Валя; оглянулся и увидалъ, что не ошибся. Всякій интересъ къ ѣдѣ вдругъ пропалъ. Чтобы отдѣлаться отъ стоявшаго въ ожиданіи официанта, я спросилъ устрицъ и шабли. Затѣмъ противъ воли какъ-то машинально снова обернулся и съ минуту смотрѣлъ на Валю, на ея тоненькіе пальчики, на изящную фигурку въ коричневомъ платьѣ и скромномъ черномъ передникѣ, потомъ встрѣтился съ похожими на цвѣтъ глициніи глазами, вздрогнулъ, сдѣлалъ усиліе и опустилъ голову.

— Тебѣ эта дѣвочка нравится?—спросила жена.

— Нѣтъ,—солгалъ я.

Впрочемъ солгалъ ли? То, что дѣлалось со мной при встрѣчѣ съ Валей, трудно было опредѣлить словомъ „нравится". Я испытывалъ какое-то страшное порабощеніе, какъ-будто меня всего вдругъ обвили крѣпкими, тонкими, гибкими, какъ змѣи, стволами настоящей глициніи.

— Ты ее знаешь?—опять спросила жена.

— Знаю, что это дѣвочка съ не совсѣмъ обыкновенной душой, но ея дальнѣйшая жизнь будетъ совсѣмъ обыкновенной.

— Ты все шутишь...

— Нѣтъ не шучу.

Жена инстинктомъ и сразу поняла, что здѣсь, если не опасность, такъ во всякомъ случаѣ не простое увлеченіе: я услыхалъ въ ея голосѣ особую, мнѣ одному извѣстную, тревогу.

Валя съ матерью сѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Я старался не смотрѣть въ ту сторону и разговаривалъ съ женой о предстоящей дорогѣ. Гудѣли кругомъ голоса чужихъ людей, но мнѣ казалось, что я слышу одинъ голосъ Вали. Подъ конецъ это стало очень тяжело. Я расплатился, взялъ жену подъ руку, и мы ушли домой.

Больше я Вали не видалъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени—цѣлыхъ шесть лѣтъ. Много пережилось страшнаго, все оно позади. Я снова успѣлъ обратиться въ одинокаго холостяка-петербуржца.

Теперь мнѣ были смѣшны всякія влюбленности и сантименты, и стало досадно, что сегодня такъ настойчиво вспоминается какая-то Валя, съ которой я никогда не былъ знакомъ и ни разу не сказалъ ни единаго слова. Чтобы отвлечь себя отъ ненужныхъ мыслей, я сѣлъ у окна и началъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлается во дворѣ и въ саду нашего отеля.

По гравію дорожки, опираясь на палку, прошелъ старческими шагами одинъ изъ хозяевъ отеля, высокій, нахохлившійся господинъ. Усталый взглядъ много видѣвшихъ глазъ, равнодушныя губы. Я зналъ его давно. Пять-шесть лѣтъ назадъ это былъ еще bon vivant, съ несходящей съ лица улыбкой, человѣкъ, имѣвшій огромный успѣхъ у женщинъ, и настоящій, хотя, кажется, никогда не печатавшійся поэтъ. Мнѣ вспомнилось начало одного изъ его стихотвореній:

Я тосковалъ о томъ, что вѣчность
Мнѣ не даетъ себя понять,
И что сѣдую безконечность
Не можетъ бѣдный умъ обнять...

Теперь онъ самъ сѣдой и подходитъ къ этой вѣчности все ближе и ближе, но стиховъ уже не пишетъ, а все ѣздитъ по докторамъ и добивается точнаго діагноза своей непонятной болѣзни.

Черезъ пять минутъ быстро прошелъ, почти пробѣжалъ въ коричневомъ котелкѣ другой братъ; онъ не опирался на палку, а держалъ ее по серединѣ и помахивалъ ею въ тактъ каждому своему шагу. Нависшія брови и носъ дѣлали обоихъ братьевъ похожими на ястребовъ или на соколовъ. Но какая разница: одинъ точно въ неволѣ, а другой еще можетъ летать, куда хо-

четъ, и все думаетъ, какъ бы добыть побольше пищи для дѣтей. Лѣтъ черезъ десять и я буду въ клѣткѣ у старости и, вѣроятно, только улыбнусь, если кто-нибудь или что-нибудь напомнитъ мнѣ о Валѣ.

Но отчего все-таки именно сегодня она вспоминается такъ ясно? — спрашиваю я еще разъ самъ себя, и самъ же себѣ отвѣчаю:—да просто по ассоціаціи идей. Встрѣчалъ я Валю на югѣ—и теперь снова пріѣхалъ на югъ. Въ апрѣлѣ—и сейчасъ апрѣль. Возлѣ моря—и здѣсь оно въ двухъ шагахъ. Вотъ и все. И никакихъ знакомствъ безъ разговоровъ нѣтъ и не бываетъ; ихъ выдумали неврастеники.

Уже день идетъ къ вечеру. Верхушки главнаго зданія гостинницы блѣдно-лиловыя. Нѣжная ткань далекихъ лѣсовъ позолочена. Горы стали темно-фіолетовыми. На одномъ изъ склоновъ пріютилось оторвавшееся отъ общей массы облачко и невольно приходитъ въ голову Лермонтовское:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.

Хорошо!

А въ Петербургѣ сейчасъ, можетъ быть, слякоть, туманъ, шныряютъ барыни, похожія на кокотокъ, и кокотки, похожія на барынь. Слава Богу, что я далеко отъ всего этого. Слава Богу!..

Вдругъ музыка. Ужасная... Двѣ скрипки, разстроенное піанино и все покрывающій корнетъ-а-пистонъ. Играли маршъ, знакомый и банальный, но связанный въ моей памяти съ чѣмъ-то хорошимъ, дорогимъ, волнующимъ сердце. Это значило, что на „скэтингъ-ринкѣ“ началось катанье. Я нѣсколько разъ наблюдалъ этотъ спортъ. У мужчинъ выходитъ красиво, а у большинства женщинъ — безпомощно; лихо катаются однѣ гимназистки.

За маршемъ послѣдовала полька „ой-ра“, затѣмъ матчишъ, затѣмъ вальсъ—„На манчжурскихъ сопкахъ“ и т. д. Какъ сегодня, такъ и вчера, — какъ вчера, такъ и позавчера. Когда музыка стихаетъ, слышится рокотъ, похожій на шумъ ливня.

Въ душѣ моей было пусто. Я зналъ, что сегодня не стоитъ садиться за начатую рукопись — все равно ничего не выйдетъ, и рѣшилъ пойти поглядѣть, какъ бѣгаетъ на колесныхъ коньках молодежь.

Полтинникъ за входъ. Я бы далъ три рубля, чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечься. Получивъ билетъ, я обошелъ вокругъ барьера и сѣлъ подальше отъ публики.

Катались по большей части парами. Только одна очень мо-

лоденькая барынька топталась возлѣ барьера. Она какъ-то подѣтски дѣлала нѣсколько шаговъ ко мнѣ, потомъ поворачивалась и снова шла назадъ. Видно было, что на конькахъ она всего второй или третій разъ. Обручальное колечко, дамская шляпка и вполнѣ сформировавшійся бюстъ говорили, что это не дѣвушка.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней подлетѣлъ высокій толстый господинъ въ чиновничьей фуражкѣ. Они скрестили руки и поѣхали рядомъ довольно ровно. По его улыбкамъ и по тому, какъ онъ млѣлъ передъ красотой и молодостью своей дамы, можно было заключить, что это не мужъ. А по выраженію ея личика я сразу замѣтилъ, что этотъ человѣкъ ей не нравится.

И дѣйствительно, Валя, *потому что это была именно она*, скоро вѣжливо, но холодно кивнула головой толстому господину, освободила свои руки и осталась одна. Затѣмъ подошла къ группѣ офицеровъ и недолго поговорила съ кѣмъ-то изъ нихъ, можетъ быть съ мужемъ, и, чуть опустивъ голову, снова пошла ко мнѣ.

И вдругъ я почувствовалъ огромное, давно забытое волненіе, я не знаю, съ чѣмъ его сравнить... Какъ-то въ концѣ февраля, въ Петербургѣ, я простудился и долженъ быть просидѣть нѣсколько недѣль въ комнатѣ. Въ первый разъ я вышелъ на улицу въ ласковый, солнечный, почти весенній день. Вся душа обрадовалась...

Такъ и теперь мнѣ показалось, что весь воздухъ кругомъ сталъ нѣжнѣе, что музыка играетъ лучше, и самъ я вдругъ сдѣлался молодымъ и совсѣмъ другимъ. Валя приближалась, ея руки перебирали барьеръ и были отъ меня въ разстояніи аршина. Чтобы не помѣшать ей, я принялъ свой лежавшій на барьерѣ локоть.

— Merci.

Это merci было единственнымъ и первымъ обращеннымъ ко мнѣ словомъ Вали, но въ тонѣ ея голоса я уловилъ еще цѣлый рядъ вопросовъ: Кто ты? Что ты отъ меня хочешь? Любишь ли ты меня?...

Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и остановилась. Ея рѣсницы снова поднялись. Съ полминуты мы глядѣли въ упоръ другъ на друга и глаза, похожіе на глицинію, сказали:

— Какъ бы я желала знать всю твою жизнь...

Она осторожно двинулась къ центру круга, чуть нагнулась, подъѣхала къ группѣ зрителей и опять съ кѣмъ-то поговорила. Затѣмъ прозвенѣлъ ея полудѣтскій смѣхъ.

Медленными шагами я прошелъ мимо и увидѣлъ, что лицо

Вали уже совсѣмъ другое и глаза не тѣ. Точно она надѣла мнѣ одному видимую маску.

И подумалось мнѣ, что у Вали двѣ жизни и два лица. Одна Валя улыбающаяся, весело болтающая съ чужими ея душѣ людьми, а другая, когда она совсѣмъ одна въ своей постелькѣ или на берегу моря—серьезная, старающаяся разобраться въ немилосердныхъ законахъ жизни. Море шумитъ, а душа Вали молчитъ, но также волнуется, хочетъ знать — зло или добро, счастье или несчастье та жизнь, которою живетъ она и близкіе ей люди. Но все рѣже и рѣже будутъ у нея такіе моменты... Затѣмъ она придетъ къ заключенію, что „на вещи нужно смотрѣть проще“ и цѣликомъ втянется въ свѣтское существованіе, съ примѣсью необходимой лжи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ.

Я еще разъ взглянулъ на милое личико... И вдругъ такъ больно мнѣ стало...

Опустивъ голову, я ушелъ со „скэтингъ-ринга“. Въ послѣдніе дни я больше не видалъ ее на каткѣ. Какъ-то встрѣтились на набережной. Валя еще далеко замѣтила меня, но была не одна,—только покосилась въ мою сторону.

Черезъ недѣлю я уѣзжалъ въ Одессу. Утро было мягкое, солнечное, вода въ морѣ тихая, синяя, прозрачная. На пароходѣ и на молѣ много людей. Гремѣла „лебедка“. Десятки татаръ кричали, толкались и продавали букеты. Ихъ коричневыя руки протягивали цвѣты пассажирамъ и пассажиркамъ.

Меня пришли провожать двѣ знакомыя барышни, товарищъ-офицеръ и молодой художникъ, съ которымъ я только вчера познакомился. Они говорили пріятныя мнѣ слова, обѣщали писать письма и желали всяческихъ успѣховъ. Я слушалъ и отвѣчалъ. Иногда вѣтеръ относилъ ихъ слова; тогда я улыбался и кивалъ головою, но думалъ все время только о Валѣ. Почему это? — До сихъ поръ не знаю.

Когда пароходъ двинулся, я не могъ смотрѣть на поплывшіе назадъ берега Ялты и Ливадіи, ушелъ въ свою каюту, легъ на койку и накрылъ голову подушкой.

Борисъ Лазаревскій.

ИЗЪ
ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА

I.

Первый выходъ.

Вотъ я и помощникъ присяжнаго повѣреннаго! А дѣлъ?..— Пока ни одного!

И я горячо желалъ начать работать.

Жилъ еще съ отцомъ. Однажды въ комнату вбѣжала горничная Уля, много лѣтъ и преданно служившая у насъ въ семьѣ. Взволнованно и радостно она сообщила:

— В. В., есть дѣло!

— Что-о? Откуда?

— На нашей лѣстницѣ барыня прогнала кухарку. Прогнала, обругала дурой и еще не заплатила ни копѣйки! Восемь рублей жалованья не отдаетъ! Я уже сказала Аксиньѣ про васъ. Она на кухнѣ. Хочетъ просить защищать!

— Зовите!

Пришла кухарка Аксинья Носкова. Баба рѣчистая, бойкая. Объяснила, что барыня прогнала ее за то, что она подала къ обѣду хлѣбъ, пропитанный керосиномъ. Но она не виновата. Керосинка течетъ. Она давно говорила барынѣ, что надо запаять, или купить новую. Барыня въ отвѣтъ: заткни чѣмъ-нибудь. Она и заткнула тряпкой, поставила керосинку на столъ. Забыла. Побѣжала въ лавку за огурцами. Керосинъ натёкъ и нарѣзанный хлѣбъ, лежавшій на столѣ, пропитался имъ, какъ

губка! Барыня взяла хлѣбъ въ ротъ и не своимъ голосомъ закричала. Бросила хлѣбъ на полъ, назвала ее дурой, свиньей, сказала, будто нарочно хотѣла отравить ее керосиномъ, прогнала и денегъ не отдала за цѣлый мѣсяцъ! А она чѣмъ виновата?! Сама же барынѣ говорила, что керосинка течетъ!..

Я рѣшилъ вести это дѣло. Долго возился надъ исковымъ прошеніемъ, справлялся по всякимъ „образцамъ дѣловыхъ бумагъ"...

Въ сущности я не имѣлъ руководителя. Мой первый „патронъ" былъ превосходный человѣкъ, увлекающійся идеалистъ, но самъ почти не велъ дѣлъ, и я не получалъ никакихъ указаній. И для начала приходилось справляться самому. Спрашивалъ, конечно, совѣта у старшихъ товарищей, но это было уже позднѣе...

Наступилъ день судебнаго разбирательства.

Съ трепетомъ я вошелъ въ камеру мирового судьи. Это былъ большой, грузный человѣкъ, съ громкимъ голосомъ, точно несущимся изъ громадной бочки. Онъ грозно покрикивалъ на публику, „обрывалъ" и на многихъ наводилъ панику. Но глаза у него были добрые, простые, дѣла его интересовали. Я сидѣлъ въ залѣ и приглядывался... Но вотъ онъ позвалъ Носкову. Я вышелъ. Вмѣсто барыни появился такой-же, какъ и я, молодой адвокатъ, тоже помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Въ первый же моментъ я почувствовалъ въ немъ заклятаго врага!

Какъ?! Онъ—адвокатъ—могъ выйти на защиту барыни противъ прислуги, отбивать у нея трудовые восемь рублей! Какой позоръ!

Для чего это? Почему?

И я сразу же заговорилъ на эту тему. Я дрожалъ отъ негодованія... Мой противникъ, повидимому — добродушный человѣкъ, но такой же горячій, какъ и я, заразился моимъ пыломъ. И мы тутъ же, въ присутствіи мирового судьи, начали спорить, подняли отчаянный крикъ. Я доказывалъ, что во всякомъ случаѣ хлѣбъ, пропитавшійся въ керосинѣ, не можетъ служить причиною расторженія договора, что деньги должны быть уплачены. При этомъ я ссылался на рѣшеніе Сената 77-го года, номеръ 144, гдѣ говорится, что „по закону не предполагается, чтобы переходъ цѣнностей въ гражданскомъ обиходѣ происходилъ безвозмездно", а трудъ—такая же цѣнность.

Мой противникъ доказывалъ, что барыня не желаетъ отдавать деньги не столько изъ-за хлѣба, сколько изъ-за того, что у нея пропало нѣсколько серебряныхъ ложекъ.

Со словъ подбѣжавшей ко мнѣ Аксиньи я объяснилъ, что у барыни никогда и не было серебряныхъ ложекъ, а были только никкелевыя, да и онѣ пропали еще при прежней прислугѣ! Объ этомъ барыня сама ей не разъ говорила.

И все это мы доказывали голословно, не выслушавъ еще ни одного свидѣтеля! Оба горячились, волновались и кричали...

Мировой судья слушалъ, слушалъ, но вдругъ схватился молодецки въ боки, откинулся назадъ и громко захохоталъ.

— Послушайте, господа, вы такъ кипятитесь, что можно подумать, будто вы въ первый разъ выступаете на судѣ!

И онъ снова оглушительно громко засмѣялся.

Мой противникъ молчалъ.

Смущенный, я отвѣтилъ:

— Представьте себѣ, господинъ судья, это правда. Это, дѣйствительно, мое первое дѣло.

— Что-о?—закричалъ весело судья.—Это ваше первое дѣло?! Въ такомъ случаѣ,—обратился онъ къ моему противнику,—вы должны ему это дѣло проиграть. Слышите,—разъ это его первое дѣло, онъ долженъ выиграть!

— Какъ проиграть?—взмолился мой противникъ. Вѣдь хлѣбъ былъ весь въ керосинѣ, несомнѣнно серебряныя ложки...

— Все равно! Тутъ не въ ложкахъ суть! Понимаете: первое дѣло! Платите ему сейчасъ же эти восемь рублей. Иначе я присужу ихъ и еще взыщу съ васъ пятьдесятъ рублей судебныхъ издержекъ! Не забудьте, мое рѣшеніе окончательное: до тридцати рублей! Лучше соглашайтесь добровольно. Отдавайте сейчасъ же деньги!

— Помилуйте, господинъ судья, вѣдь это несправедливо...

— Нѣтъ,—грозно перебилъ его судья,—вы должны отдать восемь рублей. Кухарка ихъ заработала. Я не могу допустить, чтобы первое дѣло, точно первый блинъ, вышло комомъ! Если бы я не могъ присудить, самъ изъ своего кармана вынулъ бы эти восемь рублей и вручилъ бы вамъ, чтобы вы передали молодому товарищу! Вѣдь это его первое дѣло! Стыдитесь! Мои чувства должны быть вамъ понятны!

Противникъ былъ оглушенъ. Онъ не могъ больше спорить. Неохотно полѣзъ въ карманъ. Уплатилъ мнѣ восемь рублей. Теперь у него былъ такой подавленный видъ, что я сразу почувствовалъ къ нему жалость...

— Ну, славу Богу, кончено! — весело сказалъ судья. Пора и помириться! Подайте другъ другу руки. Это во Франціи адвокаты ругаются, ругаются на судѣ—и затѣмъ остаются соперни-

ками на всю жизнь. У насъ люди проще: адвокаты—враги въ дѣлѣ, а выходятъ изъ суда друзьями. Ну-ка, по-русски!

Я протянулъ руку моему противнику. Онъ пожалъ.

Вышли.

Когда, одѣвшись, мы затѣмъ мирно спускались по лѣстницѣ, мой противникъ сказалъ уныло.

— Но вѣдь обиднѣе всего то, что и у меня это тоже первое дѣло!

II.

Всѣ заодно.

Я былъ еще помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. „Комиссія" назначила меня защищать двухъ бабъ, обвинявшихся въ кражѣ во время пожара.

Старательно изучилъ дѣло.

У богатаго деревенскаго купца произошелъ пожаръ. Весь товаръ, находившійся въ лавкѣ, и крупный, и мелкій, былъ снесенъ черезъ площадь къ нему на домъ. Когда носили, то нѣкоторыя мелкія вещи растеряли и обронили. Бабы и подняли. Одна—гребенку, стоившую 10 копѣекъ, другая—зеркальце въ пятакъ.

Послѣ пожара купецъ спохватился, что у него не хватаетъ многихъ дорогихъ вещей. Объявилъ полиціи. По деревнѣ произвели повальный обыскъ. У бабъ и нашли зеркальце да гребенку. Купецъ опозналъ. Этого было достаточно, чтобы ихъ привлекли по обвиненію въ кражѣ.

У судебнаго слѣдователя обѣ бабы, не щадя себя, заявили, что подняли гребенку и зеркальце не послѣ пожара, а еще въ то время, когда огонь горѣлъ. И поэтому онѣ были привлечены не за простую кражу вещей, стоющихъ менѣе пятидесяти копѣекъ, т. е. за кражу, грозящую *1—1½ мѣсяцемъ* тюрьмы, а за кражу *во время пожара*, по 1646-ой статьѣ уложенія о наказаніяхъ. По этой статьѣ ихъ изобличало только собственное сознаніе. А оно ихъ губило: имъ грозило лишеніе правъ состоянія, ссылка въ Сибирь или заключеніе отъ 3-хъ до 3½ лѣтъ!...

Я рѣшилъ сдѣлать все, чтобы помочь бабамъ. Пусть осуждаютъ ихъ за простую кражу!

Дѣло должно было слушаться въ Г-вѣ. Ѣхать туда—сначала по желѣзной дорогѣ, затѣмъ девяносто верстъ на лошадяхъ.

О Г-вѣ уже заранѣе шла адвокатская молва, что тамъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей сидятъ простые крестьяне,

которые по всѣмъ дѣламъ о кражахъ всегда выносятъ обвинительные приговоры. Крестьяне вообще не любятъ кражъ и судятъ за нихъ строго.

Я рѣшилъ, что въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно важно объяснить присяжнымъ засѣдателямъ, какое наказаніе грозитъ бабамъ. Но какъ?! Тогда не было того благодѣтельнаго закона, который нынѣ,—вотъ уже второй годъ,—разрѣшаетъ разъяснять присяжнымъ засѣдателямъ, какое наказаніе грозитъ подсудимому, если они признаютъ его виновнымъ.

Указать это на судѣ—значило создать большой поводъ для кассаціи приговора! Но это нужно было указать! И я мучился. Былъ полонъ тревоги за бабъ. Рѣшилъ попытаться разъяснить грозящее наказаніе путемъ сравненія! Скажу, что передъ закономъ бабы, укравшія во время пожара, такія же тяжелыя преступницы, какъ убійцы въ запальчивости и раздраженіи, какъ конокрады. Особенно приналягу на конокрадовъ. Ужъ кого, а ихъ крестьяне ненавидятъ. Приведу и другіе примѣры.

Съ этимъ я и ѣхалъ туда. Нанялъ коляску. Лошади были хорошія. Шоссе чудесное. Прекрасные виды...

Ѣхалъ, ѣхалъ... Вдругъ сбоку дороги замѣтилъ какого-то прохожаго мужиченку, который, робко кланяясь, протягивалъ ко мнѣ руки. Подумалъ, что нищій, пріостановилъ лошадей. Хотѣлъ передать ему монету. Но онъ взмолился.

— Батюшка, помоги Христа ради! Всѣ животы подвело. Возьми меня съ собой!

— Да куда-жъ тебя нелегкая несетъ?

— Въ городъ Г-въ, батюшка. Далеко еще. Мочи нѣтъ идти. Самъ видишь: молодость ушла, а старость еле движетъ. Помоги, батюшка!

Я поколебался минуту, а затѣмъ рѣшилъ подвезти.

— Ну, садись къ кучеру!

Съ живостью, несвойственной человѣку, у котораго ушла молодость, онъ взобрался на козлы, усѣлся поудобнѣе, и мы тронулись.

Между нами начался разговоръ.

— Зачѣмъ, дядя, въ Г-въ бредешь?—спросилъ я.

— Да вотъ она нелегкая,—отвѣтилъ старикъ.—Назначили меня, батюшка, въ какіе-то „пристяжные“ засѣдатели. Вотъ и плетусь черезъ силу...

— А на какое же число тебѣ нужно тамъ быть?—спросилъ я его.

— Гляди бумагу, батюшка,—и онъ показалъ мнѣ повѣстку.

У меня на козлахъ сидѣлъ будущій судья моихъ бабъ! Передъ нимъ я буду распинаться! Ему буду доказывать необходимость осторожнаго отношенія къ ихъ судьбѣ!

Соблазнъ былъ черезчуръ великъ.

— Слушай, дядя, — обратился я къ нему по прежнему на „ты", хотя началъ чувствовать какую-то неловкость... — Какъ ты разсудишь такую исторію? Я разсказалъ ему о бѣдѣ двухъ бабъ, разсказалъ, какое большое значеніе имѣетъ то, подняли ли онѣ вещи во время или послѣ пожара, говорилъ такъ, точно на судѣ, не называя наказанія. Всѣ доводы горячо были изложены. Всѣ, которыми я собирался подѣйствовать на судей! И, убѣжденный въ полномъ успѣхѣ, я спросилъ его:

— Ну, какъ же, оправдать этихъ бабъ въ пожарѣ или осудить?

— Осудить, батюшка, осудить!—отвѣтилъ онъ.

— За что же, развѣ онѣ во время пожара украли?—взмолился я.

— Во время пожара, батюшка! Осудить ихъ надо.

Тутъ я снова началъ доказывать старику, что это несправедливо, что въ сущности была не кража, а произошла „роковая" ошибка. Глупыя бабы сами „оклеветали" себя, будто взяли во время пожара.

Старикъ угрюмо молчалъ... Мои доводы не дѣйствовали...

— Слушай, дядя, да знаешь ли ты, что за эту кражу могутъ бабъ въ Сибирь или на три года подъ замокъ?

— Въ Сибирь?! — переспросилъ онъ изумленно. — Что ты, батюшка! За поганый гребешокъ и въ Сибирь?!

— Такъ что же сдѣлать съ бабами?

— Коли ты такъ говоришь, то надо оправдать... Я даже и другимъ скажу, чтобъ оправдали.

Мы благополучно ѣхали дальше.

На одной изъ ближайшихъ станцій, едва я вошелъ въ почтовую избу, какъ услышалъ громкіе голоса.

— Такъ говорятъ тебѣ—давай намъ лошадей! Сейчасъ же давай!

Вошелъ и увидѣлъ двухъ молодцовъ, одѣтыхъ по городскому, точно приказчики изъ богатаго магазина.

— Послушайте — говорю, — господинъ начальникъ: вотъ у меня удостовѣреніе, что я назначенъ на завтра въ судъ. Въ Г-вѣ. Будьте любезны дать сейчасъ же лошадей!

Онъ посмотрѣлъ.

— Слушаю-съ, лошади сейчасъ будутъ.

Молодцы еще ожесточеннѣе набросились на него.

— Только-что говорилъ, что нѣтъ лошадей, а вотъ и лошади нашлись! Давай намъ сію минуту.

Когда почтмейстеръ вышелъ изъ комнаты, молодцы съ яростью набросились на меня.

— Съ какой стати вы у насъ лошадей перебиваете? Почему это вамъ лошадей даютъ, а намъ не могутъ дать?

Я сообщилъ, что ѣду на защиту „по назначенію".

— Вы ѣдете на защиту, а мы судить ѣдемъ! Вы назначены— и мы назначены присяжными засѣдателями! Почему же вамъ даютъ лошадей, а намъ нѣтъ?!

Я понялъ, какая опасность грозитъ моимъ бабамъ! Они не захотятъ потомъ слушать меня, а со своей бойкостью языка легко „забьютъ" моего присяжнаго засѣдателя. Грѣшенъ, о справедливости въ это время я не думалъ: очень ужъ развязно они кричали на меня!.. Надо было наладить и это! Я сказалъ почтмейстеру, что онъ долженъ сейчасъ же дать имъ лошадей!

— Но у меня, дѣйствительно, нѣтъ свободныхъ. Отъ суда была телеграмма, а они не предупредили.

— Какъ же вы поступаете, когда не хватаетъ лошадей, а надо?

— Посылаемъ на село за земскими!

— Ну, такъ сейчасъ посылайте верхового за земскими лошадьми. Я подожду, пока онъ съѣздитъ на одной изъ моихъ...

— Хорошо, я и такъ пошлю.

Не успѣли мы тронуться, какъ лошадей для нихъ уже привели.

А черезъ нѣкоторое время молодцы даже обогнали меня! Они широко размахивали шапками и весело кричали:

— Большое вамъ спасибо, что помогли! Прекрасныя лошадки! Лучше вашихъ!..

Мы ѣхали, ѣхали.

На одной изъ станцій я засталъ обоихъ молодцевъ уже за самоварчикомъ. Они пригласили меня „отпить" чайку.

Спросили, по какому дѣлу буду защищать.

Я разсказалъ. На мой вопросъ, что же дѣлать съ бабами, болѣе бойкій отвѣтилъ:

— Да какъ что дѣлать?! Видимъ мы, что вы для людей стараетесь. Какая вамъ корысть?! Мы ихъ, вашихъ бабъ, непремѣнно оправдаемъ! Ужъ будьте спокойны!

Наконецъ, пріѣхалъ въ городъ. На околицѣ „мой" присяжный засѣдатель слѣзъ съ козелъ и пошелъ въ какой-то трактиръ, а я поѣхалъ въ единственную въ городѣ гостинницу.

Вечеръ былъ свободенъ. Я пошелъ гулять въ паркъ и заодно осмотрѣть старинный валъ, остатки крѣпости. Очевидно, это было единственное мѣсто для прогулокъ. Едва я прошелъ туда, какъ уже услыхалъ знакомые голоса.

— Подите сюда, господинъ, послушайте! Мы уже всѣ рѣшили, что бабъ оправдаемъ. Весь комплектъ присяжныхъ видали. Всѣ въ одномъ трактирѣ! Чаекъ пили и единогласно рѣшили. Можете быть совершенно спокойны.

На слѣдующій день дѣло не слушалось. Его отложили за неявкой одной изъ бабъ, которая только-что родила...

Весь составъ суда возвращался обратно, сначала на лошадяхъ, потомъ по желѣзной дорогѣ.

Я ѣхалъ съ секретаремъ и разсказалъ ему, что везъ сюда присяжнаго засѣдателя на козлахъ, точно выѣздного лакея... Въ вагонѣ секретарь сообщилъ объ этомъ судьямъ и прокурору. Они смѣялись.

Предсѣдатель того уголовнаго отдѣленія, которое должно было судить бабъ, спросилъ меня:

— Ну и что же—разсказали вы своему присяжному засѣдателю о дѣлѣ?

Старикъ былъ настоящій судья. И я чистосердечно сообщилъ ему все, какъ было, прибавивъ, что до такой степени боялся за бабъ, что не могъ не согрѣшить...

— Знаете что,—уже серьезно отвѣтилъ онъ мнѣ,—когда я прочиталъ это дѣло, мнѣ тоже стало страшно за бабъ! Хоть не моя очередь была ѣхать сюда, и тяжело мнѣ трястись столько верстъ на лошадяхъ, не выдержалъ и поѣхалъ. Я рѣшилъ въ резюме доказывать, что обвинять этихъ бабъ нельзя... Все съ прокуроромъ голову ломали, какъ бы мужичкамъ объяснить, что грозитъ бабамъ... Да что мы!.. Къ намъ въ совѣщательскую пришелъ судебный слѣдователь. Весь составъ накинулся на него, какъ онъ могъ затѣять подобное дѣло! Слѣдователь оправдывался: „Но вѣдь я тоже вышелъ изъ круга своихъ обязанностей. Когда допрашивалъ бабъ, и онѣ показали, что взяли вещи во время пожара, я имъ сказалъ: — „Да нѣтъ же, вы взяли вещи, когда пожаръ уже кончился. Такъ и для васъ лучше! Такъ будемъ писать!“ — „Нѣтъ, родимый“,— отвѣтили онѣ,—„это невѣрно. Пожаръ еще былъ. Изъ любопытства больше и взяли“.—„Ну, такъ я все-таки запишу, что пожаръ кончился, а то вѣдь васъ будутъ строже судить“.—„Нѣтъ, ты пиши такъ, какъ мы говоримъ. Изба горѣла, огонь свѣтилъ, оттого увидали и взяли“. „И ничего я съ ними не могъ подѣлать. Такъ и пришлось написать...“

— И вотъ, — промолвилъ предсѣдатель, — дѣло отложено; придется мнѣ снова сюда трястись...

— И напрасно,—замѣтилъ молодой товарищъ прокурора.— Я уже заготовилъ такую защитительную рѣчь, что ихъ обязательно оправдаютъ... Будьте спокойны!..

Я не ѣздилъ снова на это дѣло. Бабъ оправдали.

III.

Ѣду!..

Съ одной политической защиты я ѣхалъ прямо на другую. Изъ маленькаго провинціальнаго городка западной окраины нужно было проскочить въ другой небольшой городъ.

Возвратиться обратно въ Петербургъ и ѣхать оттуда не хватило бы времени. Дорожилъ каждой минутой. Поѣзда были плохо согласованы. Приходилось ждать на станціяхъ по 2—3—4 часа для того, чтобы ѣхать одинъ часъ и снова пересаживаться.

И вотъ, мой поѣздъ запоздалъ. Мы прибыли на глухую плохенькую станцію на три четверти часа позднѣе, чѣмъ надо. Тотъ поѣздъ, на которомъ я долженъ былъ слѣдовать дальше и проѣхать всего шестьдесятъ верстъ, уже ушелъ.

Дѣло принимало плохой оборотъ.

На слѣдующей станціи я долженъ былъ бы ждать четыре часа. Но за это время проѣхать шестьдесятъ верстъ на лошадяхъ по страшнѣйшей грязи было совершенно невозможно. Такимъ образомъ, я терялъ сутки и попасть на защиту не могъ. Со мной были всѣ бумаги подсудимыхъ, всѣ протоколы. Я уже изучилъ дѣло въ вагонѣ, обвиняемые могли остаться безъ защиты!.. И въ отчаяніи я метался по вокзалу. Какъ быть?!

Пришелъ начальникъ станціи. Я спросилъ.

— Пойдетъ ли сегодня товарный поѣздъ?..

— Будетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Когда?

— Черезъ полчаса!

— А когда онъ придетъ въ N.

— Часа черезъ три...

— Вотъ и прекрасно,—въ восторгѣ воскликнулъ я.—Если такъ, то я могу ѣхать на этомъ поѣздѣ и какъ разъ успѣю. Вѣдь здѣсь только два перегона?

— Да, но я васъ не могу пустить въ товарный поѣздъ. У насъ очень строго за это преслѣдуютъ...

— Почему?!

— Въ товарные поѣзда никто, кромѣ служащихъ, не допускается. Я не могу васъ пустить.

— Тогда я сяду безъ всякаго разрѣшенія. Дѣлайте со мной что хотите, штрафуйте, а я всетаки съ товарнымъ поѣздомъ уѣду!..

Мои слова произвели совершенно неожиданный результатъ.

— Иванъ,—крикнулъ начальникъ станціи сторожу громаднаго роста,—ни шагу не отходи отъ этого господина. Если будетъ садиться въ товарный поѣздъ, зови жандарма.

— Помилуйте, да вѣдь мнѣ необходимо ѣхать! Я не виноватъ, что поѣздъ опоздалъ! Меня ждетъ серьезное дѣло!..

— А у насъ циркуляръ. Въ товарныхъ поѣздахъ возить пассажировъ абсолютно запрещается... У васъ серьезное дѣло, но и у меня дѣло не менѣе серьезно. Пущу, и мнѣ грозитъ увольненіе со службы!..

— Что же мнѣ дѣлать?

— Ждать до завтра!

— Да вы смѣетесь?!

— Полно, вы не знаете, какъ строго у насъ преслѣдуется провозъ пассажировъ въ товарныхъ вагонахъ. Въ особенности теперь! Знаете, экспропріаціи... Затормозилъ поѣздъ, прислуги мало... Все, что угодно, среди открытаго поля... Вотъ намъ и объявили... Главное: свѣжій циркуляръ... Я всѣ мѣры приму, чтобы васъ не пустить. Иванъ будетъ неотступно ходить...

Я былъ совершенно подавленъ. Пробовалъ убѣждать, доказывалъ, что мнѣ предстоитъ серьезная защита, снова показывалъ документы, повѣстку. Все было напрасно. Онъ повторялъ, что не можетъ рисковать своей службой.

— Что такое защита?! А кто меня потомъ будетъ защищать?! Для насъ циркуляръ важнѣе защиты...

За мной неотступно, какъ тѣнь, ходилъ Иванъ. Никакіе „дипломатическіе“ переговоры съ этимъ дѣтиной ни къ чему не приводили...

Вдругъ въ сторонѣ я услышалъ разговоръ. Двое чуекъ бесѣдовали между собою.

— Вотъ она такъ и ѣздитъ изъ города въ городъ. И куда только не ѣздитъ... Въ Питеръ, Москву, Харьковъ, Кіевъ, въ Сибирь забиралась... И вездѣ ее знаютъ... Въ одномъ городѣ побѣгаетъ, побѣгаетъ и въ другой. Въ другомъ побѣгаетъ и опять. А я вездѣ съ нею. Такъ изъ города въ городъ. Только и дѣлаетъ, что ѣздитъ. Морока мнѣ съ нею... Сейчасъ въ имѣніи отдыхаетъ...

— Молодая?

— Какое молодая!.. Старуха, братъ, а вотъ поди!.. Молодымъ не чета!..

Меня заинтересовалъ ихъ разговоръ. Подошелъ и спросилъ:

— Кто это все бѣгаетъ да ѣздитъ?

— А это, изволите видѣть, заводская лошадь. Ее посылаютъ вездѣ на бѣга. Побѣгаетъ она и снова ѣдетъ. Побѣгаетъ и ѣдетъ. А я за ней... Какъ проводникъ ѣзжу...

Я вспомнилъ, что не разъ видѣлъ въ товарныхъ вагонахъ лошадей съ проводниками. Вспомнилъ Чеховскій разсказъ о мучительной перевозкѣ воловъ...

— Скажите,—спросилъ я,—проводниковъ пускаютъ только съ лошадьми и скотомъ, или и съ другими животными?

Чуйка отвѣтилъ тономъ человѣка бывалаго:

— А какъ же! И съ собаками пускаютъ! Курицу отправьте— и съ курицей проводника пустятъ...

— Не можетъ быть!—перебилъ я его.

— Вѣрно говорю, хошь курицу возьмите и съ той проводника пустятъ!

Я пошелъ къ начальнику станціи. Иванъ слѣдовалъ за мною, по прежнему, какъ тѣнь.

— Господинъ начальникъ, но вѣдь вы можете меня пустить на поѣздъ въ качествѣ проводника!.. Съ курицей или гусемъ?..

Не успѣлъ я договорить, какъ лицо его прояснилось. Повидимому начальника станціи грызла совѣсть, что онъ не пускаетъ меня. Да и отчаяніе мое было черезчуръ неподдѣльно...

— Конечно, конечно, могу,—заговорилъ онъ, радостно улыбаясь, — вотъ и циркуляръ! — промолвилъ онъ съ изумленіемъ.

— Ну такъ скажите, гдѣ тутъ купить курицу, утку или гуся. Я довезу ихъ до N. и подарю сторожу на станціи.

Иванъ осклабился.

— Ваше благородіе, у меня есть гусь... Возьмите его и свезите, тамъ тесть багажнымъ служитъ. Спросите: всѣ знаютъ! Такъ вотъ вы туда и отвезите, я съ васъ ничего за гуся не возьму. На чаекъ только пожалуйте!

Такъ и рѣшили. Иванъ живо досталъ гуся и принесъ его въ разваливающейся корзинкѣ.

— Въ случаѣ контроль, скажите, что ученый гусь...

Я далъ Ивану полтинникъ, заплатилъ за провозъ гуся „какъ за пудъ“ что-то девять копѣекъ, да за свой проѣздъ по тарифу четвертаго класса всего кажется тридцать копѣекъ, и, держа

гуся въ рукахъ, почувствовалъ, что готовъ взлетѣть отъ радости на воздухъ.

Милый гусь—онъ былъ смиренъ, какъ ягненокъ... А между тѣмъ, держа его подъ мышкой, я сразу пріобрѣталъ великія права „служащаго", получалъ право поспѣть на защиту...

Когда подошелъ поѣздъ, я спокойно вошелъ въ пустой товарный вагонъ. Тутъ мой, увы, не достаточно дрессированный гусь началъ отчаянно горланить и даже порывался удрать. Но я не боялся. Его лапы были предусмотрительно связаны Иваномъ... Въ вагонѣ уложилъ гуся въ уголъ, а самъ усѣлся на чемоданъ и подъ грохотъ поѣзда весело сталъ распѣвать...

Гусь, простой, необразованный гусь, везъ меня на политическую защиту!..

Владиміръ Беренштамъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Въ глубь лѣсную, въ тишину веселый бѣгъ!..
А за мною вѣтеръ—то обгонитъ,
Предъ санями заклубитъ въ лицо мнѣ снѣгъ,
То назадъ метнется и застонетъ.

Холодъ жаромъ дышитъ и лицо горитъ,
Съ двухъ сторонъ игольчатыя стѣны,
Между елей широко мой путь раскрытъ,
На коняхъ бѣлѣютъ клочья пѣны.

Есть въ лѣсу поляна, гдѣ снѣга пышнѣй,
Для нея раздвинутъ лѣсъ чудесно,
И душѣ оттуда тишина слышнѣй;
По краямъ столпились ели тѣсно.

Есть въ лѣсу глубокомъ снѣжные шатры;
Ввечеру сквозитъ въ нихъ отсвѣтъ нѣжный;
Подъ луной мерцаютъ бѣлые ковры...
Блескъ, и тишина, и запахъ снѣжный,

Тѣни голубыя,—все мое, мое!
Я пойду и стану тамъ, гдѣ тѣни;
Тишина откроетъ сердце мнѣ свое—
Царство тайныхъ, вѣчныхъ откровеній.

II.

Въ тиши лѣсной, въ зеленой колыбели,
Гдѣ полумракъ молчаньемъ углубленъ,
И душныя раскидистыя ели
Таинственно сошлись со всѣхъ сторонъ,
Есть уголокъ; всего онъ въ мірѣ тише...
Тамъ озеро... На травахъ, у воды,
Гдѣ мягкіе ковры призывнѣй, выше,
Двухъ быстрыхъ ногъ виднѣются слѣды.
Настанетъ часъ, по облачнымъ ступенямъ
Надъ озеромъ легко луна взойдетъ,—
И нѣтъ конца серебрянымъ сплетеньямъ
Въ вѣтвяхъ сквозныхъ и въ темномъ блескѣ водъ.
Веселый бѣгъ заслышится изъ чащи;
Ручей въ пути,—еще одинъ прыжокъ,—
Изъ-за ствола смѣется взглядъ блестящій;
Зеленыхъ косъ надъ головой вѣнокъ...
Всѣ хвалятся добычею своею.
— Что-жъ ты молчишь, охотникъ молодой?
Добыча гдѣ твоя? — „Я видѣлъ фею,
Лѣсную фею въ глубинѣ ночной“.

С. Парнокъ.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

(Окончаніе.)

XV *).

Есть мѣстности, гдѣ, какъ-бы ни было жарко, никогда не ощущаешь нѣгу юга.

С. И.

Почему мы не осмотрѣли Швейцарію сразу, а теперь поѣхали туда съ тѣмъ, чтобы снова вернуться въ Италію, я рѣшительно не знаю. Папа долженъ былъ остаться въ Генуѣ, чтобы не подвергаться этимъ лишнимъ передвиженіямъ. Пизу намъ некогда было осмотрѣть какъ слѣдуетъ; видѣли только соборъ, баптистерій и Campo Santo. Особенное впечатлѣніе произвело на меня послѣднее; дворикъ—просто прелесть, и тѣ изъ фресокъ на стѣнахъ Джіотто и другихъ флорентинскихъ примитивовъ, которыя лучше сохранились, прекрасны. Арно напомнило мнѣ Флоренцію. Въ Ливорно пріѣхалъ повидаться съ нами Н. В. Штрамъ, и проводилъ насъ въ экипажѣ до Спеціи. Дорога великолѣпна, особенно восхитительна отъ Спеціи до Генуи; какъ я ни сожалѣла о Римѣ, но не могла не любоваться. По живописнымъ горамъ раскинуты деревни, прелестные старые городочки — Sestri, Cavi, Chiavari, Lavagna, съ аркадами на улицахъ, съ самыми разнообразными фресками, иногда въ помпейскомъ стилѣ, на наружныхъ стѣнахъ домовъ. Каждый хва-

*) См. августъ, стр. 78.

стаетъ какими-нибудь историческими воспоминаніями. Нѣкоторые изъ нихъ утопаютъ въ зелени; многіе лежатъ около самаго моря, которое неожиданно, при какомъ-нибудь поворотѣ дороги, появляется передъ глазами и кажется, сквозь сѣрую зелень оливъ, еще синѣе, чѣмъ въ Неаполѣ. Опять, какъ и во время прежнихъ путешествій въ экипажѣ, при остановкахъ насъ окружали ребятишки и въ одномъ мѣстечкѣ пѣли хоромъ такъ хорошо, что мы были удивлены. Мѣстами встрѣчались ютившіяся подъ горой или стоявшія на перекресткѣ часовни, съ изображеніемъ Мадонны. Когда мы проѣхали тоннель, передъ нами раскинулся одинъ изъ самыхъ роскошныхъ видовъ: широкій горизонтъ моря и Генуя. Намъ подали обѣдать на террасѣ, обвитой виноградомъ, и мы долго наслаждались картиною неописанной красоты, разстилавшеюся у нашихъ ногъ. Не доѣзжая Генуи, намъ показали мѣсто, гдѣ Гарибальди сѣлъ на лодку, когда отправлялся походомъ въ Сицилію.

Въ Геную пріѣхалъ нѣсколько раньше насъ А. И. Щербаковъ, молодой человѣкъ, съ которымъ мы случайно познакомились въ Ливорно. Онъ только что сидѣлъ въ крѣпости вмѣстѣ со всѣми студентами; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые изъ чувства товарищества добровольно пошли въ тюрьму. Генуя чрезвычайно понравилась мнѣ. Въ ней соединились и красота мѣстоположенія, и старина, и оживленіе жизни. Въ улицахъ, настолько узкихъ, что крыши домовъ почти соприкасались, люди сидятъ у кофеенъ, какъ въ комнатѣ. Въ прелестномъ городскомъ саду тѣсно, весело; вездѣ снуетъ народъ, говоръ, смѣхъ, но во всемъ этомъ что-то необыкновенно уютное. Оркестръ, какъ вездѣ въ Италіи, прекрасный. А чудные генуэзскіе дворцы! Вотъ ужъ не даромъ называютъ этотъ городъ „Genova la Superba". Какія великолѣпныя лѣстницы въ этихъ дворцахъ, какіе восхитительные дворики! Какіе богатые куски старыхъ тканей сохранились во внутреннемъ убранствѣ залъ! Изъ видѣнныхъ картинъ я почему-то особенно обратила вниманіе на два портрета Вандика: мальчика въ бѣломъ, во дворцѣ Durazzo, и одной изъ принцессъ дома Бриньони — въ такъ называемомъ Palazzo Bosso. По поводу послѣдняго я написала въ своемъ дневникѣ: „Сколько выраженія, сколько благородства, граціи и правды! Кажется, что сейчасъ улыбнется оживленное лицо, зашевелятся богатыя складки ея платья,—она выйдетъ изъ рамы и скажетъ: „Да, Вандикъ былъ влюбленъ въ меня, иначе онъ не могъ-бы *такъ* написать мой портретъ". А можетъ-быть скажетъ что-нибудь другое. Не могъ-же Вандикъ быть влюбленъ

во всѣхъ женщинъ, съ кого онъ писалъ хорошіе портреты! Отчего-же нѣтъ? Я ужъ, право, начинаю вѣрить, что можно любить нѣсколькихъ заразъ...“

Неожиданно пріѣхалъ въ Геную Фрикенъ и провелъ съ нами цѣлый день. Онъ разсказалъ, что недавно произошла въ Бергамо очень непріятная исторія. Арестовали одного изъ товарищей Гарибальди; толпа требовала его освобожденія, и тутъ произошло нѣчто невѣроятное: по приказанію начальства, тѣ самые солдаты, которые шли съ Гарибальди отвоевывать свободу народа, стали стрѣлять въ этотъ народъ! Гарибальди былъ возмущенъ, назвалъ ихъ не солдатами, а палачами. Либеральныя партіи во Флоренціи и Генуѣ хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы двинуть Гарибальди на Римъ.

„Готовъ-ли на это римскій народъ?“—спросила я.—„Надо вообще больше надѣяться на народъ“—отвѣчалъ Фрикенъ.

Я совсѣмъ заволновалась: вдругъ, въ самомъ дѣлѣ Гарибальди побѣдоносно вступитъ въ Римъ, а меня, въ такую торжественную минуту, тамъ не будетъ! Я бы сейчасъ на крыльяхъ полетѣла въ Римъ.

При разговорѣ объ одной нашей общей знакомой, которой я давала болѣе тридцати лѣтъ, Фрикенъ сказалъ: „Она сама мнѣ говорила, что ей 24, а она *не можетъ лгать*“. Неужели онъ такой наивный, подумала я, но мнѣ это понравилось: если онъ вѣритъ людямъ, значитъ онъ самъ правдивъ.

Мнѣ было необыкновенно весело въ Генуѣ: со мной были два человѣка, которые мнѣ оба нравились, — недаромъ мнѣ пришла въ голову мысль, что можно любить нѣсколькихъ заразъ. Нравились они мнѣ совершенно различно. Хотя мы съ Фрикеномъ часто спорили и пикировались, но онъ имѣлъ на меня большое вліяніе; я всегда старалась передъ нимъ казаться умной, была съ нимъ осторожнѣе, чѣмъ съ другими, дорожила его мнѣніемъ обо мнѣ. Къ Щербакову я относилась какъ къ равному, съ перваго-же дня была съ нимъ за панибрата и, не стѣсняясь, болтала съ нимъ всякій вздоръ. Мнѣ нравилась его молодость и откровенность: у него не было заднихъ мыслей и онъ тоже говорилъ, что ему придетъ въ голову. Не могу безъ смѣха видѣть фразу, которую я написала по поводу его въ моемъ дневникѣ: „на этой свѣжести можно отдохнуть уму, запуганному скептицизмомъ, разсужденіемъ, софизмами“. Этотъ мой запуганный скептицизмомъ умъ не мѣшалъ мнѣ бѣгать въ горѣлки въ какой-нибудь изъ посѣщаемыхъ виллъ. Мы и маму заразили нашими шалостями. Осматривая университетъ, мы вошли въ пустую

аудиторію. „Слушайте—сказала мама,—я вамъ буду лекцію читать“. Она взошла на каѳедру и начала: „Милостивые государи и государыни, мы находимся въ храмѣ, не въ храмѣ религіи, а въ храмѣ науки...“ Вдругъ вошелъ молодцоватый студентъ; услышавъ голосъ, онъ вѣроятно, подумалъ, что опоздалъ на лекцію. Сначала онъ какъ-будто остолбенѣлъ, потомъ всплеснулъ руками и исчезъ. Не успѣла мама еще сойти съ каѳедры, какъ въ дверь ввалились студенты съ профессоромъ и всѣ, не исключая и насъ, покатились со смѣху. Съ тѣхъ поръ если кто-нибудь изъ бывшихъ тутъ молодыхъ людей, встрѣчалъ насъ на улицѣ, онъ приподнималъ шляпу и указывалъ на насъ товарищамъ.

Ѣхать на Миланъ и Комо или прямо на Туринъ, чтобы скорѣй *отбыть* Швейцарію? вотъ въ чемъ былъ вопросъ. Мы выбрали послѣднее, въ чемъ я потомъ ужасно раскаявалась, такъ какъ въ это время пріѣзжалъ въ Комо Гарибальди, и я, черезъ Фрикена, который былъ съ нимъ знакомъ, могла-бы видѣть близко моего героя и говорить съ нимъ. Къ тому-же я увидѣла-бы еще разъ и Фрикена, а мнѣ казалось, что мы съ нимъ разстались на такомъ пунктѣ разговоровъ и отношеній, который былъ похожъ на аккордъ въ музыкѣ, требующій другого, разрѣшающаго его. Это желаніе встрѣтиться еще разъ съ Фрикеномъ было вѣроятно предчувствіемъ, что я больше не увижу его въ жизни.

О красивомъ, но слишкомъ нарядномъ и аккуратномъ Туринѣ разсказывать нечего. Въ галлереѣ были интересныя картины, въ арсеналѣ — мечъ и щитъ работы Бенвенуто. И былъ Викторъ Эммануилъ, котораго мы видѣли на гуляньѣ.

Въ Швейцарію мы отправились черезъ Монъ-Сени; ѣхали въ дилижансѣ, который въ гору едва тащили 14-ть лошадей. Опять холодъ, снѣгъ, вѣтеръ, и я удаляюсь отъ возлюбленной Италіи!.. Какъ въ Швейцаріи все было холодно и безцвѣтно! Черныя избы, черные костюмы, угрюмо, уныло — тоска! Одно утѣшенье, что вернусь еще на родину души моей, какъ я называла Италію. Мы пробыли дня два или три въ Aix les Bains, единственно потому, что на насъ нашло какое-то пріятное, *дачное* чувство, когда намъ въ отелѣ отвели отдѣльный павильонъ, выходившій, безъ лѣстницы, прямо въ пустынный старый садъ, гдѣ мы были какъ дома. Мы катались на ослахъ и на лодкѣ, причемъ я гребла, правила рулемъ, и при послѣднемъ чувствовала, какъ я выражалась, „что-то особенное, силу, свободу; хотѣлось бы бороться съ бурей“... Мы осматривали небольшой водопадъ; сестра сказала Щербакову: „вотъ бы вы молодецъ

были, еслибъ туда перешли". Въ одно мгновеніе онъ былъ на той сторонѣ водопада. Туда онъ, въ азартѣ, проскочилъ, но назадъ надо было пробираться, съ болѣе охладѣвшими чувствами и бо́льшимъ сознаніемъ опасности, по узкому, едва выдающемуся надъ бушующей водой, мшистому и скользкому хребту, обливаемому волной. Я перестала дышать и закрыла глаза; съ мамой чуть не сдѣлался обморокъ. Все, слава Богу, кончилось благополучно, но и досталось же отъ насъ бѣдному юношѣ за его прыть и рыцарство!.. Въ окрестностяхъ есть замокъ, про который разсказываютъ интересную легенду. Поселился тутъ когда-то рыцарь, по имени Бертольдъ; онъ каждый день ѣздилъ по окрестностямъ и увозилъ чью-нибудь жену или дочь. Весь народъ былъ въ ужасѣ, но ничего не могъ подѣлать. Разъ рыцарь привезъ къ себѣ такую красавицу, что не захотѣлъ другой; онъ такъ влюбился въ эту женщину, что она дѣлала съ нимъ что́ хотѣла и такъ мучила его, что онъ начать блѣднѣть и худѣть. Мѣстные жители успокоились; на дѣвушекъ онъ больше не обращалъ вниманія. „Построй мнѣ, — сказала ему разъ его мучительница, — домъ, но построй собственными руками". И вотъ, послушный рыцарь самъ мѣшалъ известку, таскалъ камни и въ сорокъ недѣль построилъ домъ; но, вмѣсто ожидаемой награды, красавица заперлась въ своемъ новомъ жилищѣ и прогнала рыцаря. Онъ занемогъ и лежалъ при смерти, когда передъ нимъ явилась его возлюбленная и сказала: „насталъ твой послѣдній часъ". — „Такъ, отвѣтилъ рыцарь, твои жестокости убили меня, но скажи лишь, что любишь меня — и я умру счастливый"... — „Кайся, грѣшникъ, — сказала она, — я не женщина". Дѣйствительно Бертольдъ сталъ замѣчать, что тѣло ея понемногу исчезаетъ и передъ нимъ призракъ. „Я душа одной изъ погубленныхъ тобою, — промолвило видѣнье, — я вымолила у Бога твое прощеніе, если съумѣю на землѣ наказать тебя. Ступай, ты спасенъ". На другой день рыцаря нашли мертвымъ; красавица исчезла, а выстроенный домъ назвали „maison du diable".

Въ Женевѣ мнѣ было противно и скучно. „Мнѣ хочется въ Италію, мнѣ здѣсь темно и холодно", жаловалась я. Взяла я ради утѣшенья читать письма Герцена объ Италіи и нашла тамъ много казавшагося мнѣ вѣрнымъ, между прочимъ — слова, что, несмотря на всѣ притѣсненія, а можетъ быть и изъ-за нихъ, свобода въ Италіи никогда не потухала: она у итальянцевъ въ крови, а ихъ правительства были такъ же безпечны и безпорядочны, какъ и народъ, и эта безпорядочность поддерживала свободу.

Отъ нечего дѣлать зашли мы въ Женевѣ посмотрѣть показывавшіеся на экранѣ микроскопическіе препараты. Такого большого увеличенія я не видала раньше и пришла въ ужасъ отъ страшныхъ формъ инфузорій и отъ мысли, что каждымъ дыханіемъ, каждымъ глоткомъ мы истребляемъ такое невѣроятное количество живыхъ существъ, которымъ, какъ я выражалась, „также ненавистна смерть и также дорога ихъ мгновенная жизнь, какъ и намъ. Почему все живущее должно уничтожать другъ друга, всегда стремиться сдѣлать другому то, чего самъ больше всего боится?“... Съѣздили мы, конечно, посмотрѣть убѣжище Фернэ'скаго старца.

Щербаковъ уѣзжалъ въ Парижъ; мы дали ему рекомендательныя письма. Какъ бы взамѣнъ его пріѣхалъ Мещерскій. Съ нимъ, по обыкновенію, мы начали ссориться: онъ бранилъ Италію, хотя и не былъ тамъ, говорилъ, что не вѣритъ мнѣ, потому что я всегда увлекаюсь. Онъ сердилъ меня этими поддразниваніями. „Какъ люди не понимаютъ, что это *больно*, когда грубо трогаютъ то, любовью къ чему полна душа“, думала я. Я была въ очень дурномъ настроеніи, особенно въ Интерлакенѣ. Передо мной была картина, — видъ на Jungfrau,—сотни лѣтъ восхищавшая людей; но на меня она производила только впечатлѣніе холода и тѣсноты. Высокія и близкія горы возбуждали во мнѣ гнетущее чувство, давили меня; мнѣ казалось, что я въ котлѣ, въ тюрьмѣ. Хотѣлось заѣхать за горы, заглянуть въ ущелья между ними, чтобы узнать, что̀ дѣлается въ остальномъ мірѣ, существуетъ ли онъ еще... Небо видно только если поднять голову; со всѣхъ сторонъ напираютъ сѣрыя стѣны и некуда отъ нихъ дѣться. Завернешь за одинъ склонъ, думаешь: сейчасъ выйду на вольный просторъ, смотришь — опять стѣны кругомъ, опять въ тюрьмѣ... Вечеромъ сидишь въ комнатѣ съ закрытыми ставнями—и всетаки чувствуешь, что тутъ онѣ, близко, эти скалы и горы.

Только въ Люцернѣ я оттаяла: озеро четырехъ кантоновъ оказалось самымъ лучшимъ, что мнѣ удалось видѣть въ Швейцаріи. Горы, и здѣсь довольно близкія и сѣрыя, все-же были воздушнѣе и формы ихъ ужъ очень красивы. Я нарисовала Люцернскаго льва, стараясь передать его страдальческое выраженіе. Погода была дождливая, но мы выбрали одинъ изъ лучшихъ дней для поѣздки на Риги. Фуникулеровъ тогда еще, слава Богу, не было, и мы ѣхали верхомъ. Панорама съ Риги не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія, я не люблю видовъ à vol d'oiseau,—но по дорогѣ на вершину на каждомъ шагу откры-

вались чудные виды на озеро и горы; часто въѣзжали мы въ рощи, гдѣ вѣяло прохладой, и бѣлыя лошади Мещерскаго и Ольги ярко освѣщались прорывавшимися сквозь зелень кружками солнца. Тогда мы останавливались, чтобы набросать съ лошади понравившіяся мѣстечки; намъ подносили свѣжей, душистой земляники. Старичекъ гидъ сказалъ, что сколько ни возилъ иностранокъ, не видѣлъ женщины, которая бы такъ хорошо сидѣла на лошади, какъ я; это мнѣ было очень пріятно слышать. Хорошо было въ лунныя ночи кататься по озеру на лодкѣ. Спокойное, ясное отраженіе горъ въ зеркальной поверхности озера, вторая луна, купающаяся въ водѣ, непонятные, смутные ночные звуки—все располагало къ мечтанью, чувствовалась близость къ природѣ. Возвратясь, я написала мои первые, очень плохіе, стихи. Въ одинъ изъ вечеровъ въ нашей гостиницѣ собрался хоръ пѣвцовъ изъ Аппенцеля и задалъ намъ такой чудный концертъ, что я много часовъ просидѣла на окнѣ, слушая ихъ. Сынъ хозяина нашего отеля удивилъ насъ тѣмъ, что недурно говорилъ по русски. Оказалось, что этотъ молодой человѣкъ, кончившій университетъ, провелъ нѣсколько времени въ Одессѣ. Несмотря на полученное имъ образованіе, онъ прислуживалъ за столомъ, наравнѣ съ другими кёльнерами.

Наконецъ, къ моей великой радости, мы пустились въ обратный путь въ Италію, на этотъ разъ черезъ С. Готардъ. Эта дорога менѣе живописна, чѣмъ черезъ Симплонъ, но мѣстность около Чортова моста великолѣпна своей дикой пустынностью; также хороша перемѣна, наступающая, когда обогнешь послѣднюю скалу и откроется долина съ роскошной растительностью. Погода была не швейцарская, а настоящая итальянская, когда мы пріѣхали на Комо. Какое блаженство было, лежа на мягкихъ подушкахъ подъ защищавшей отъ солнца парусиной, подъ мѣрное покачиваніе лодки, тихо скользившей по озеру, ощущать опять знакомую истому юга!.. Мы довольно долго пробыли въ очаровательномъ мѣстечкѣ Белладжіо, дѣлая прогулки по озеру и посѣщая виллы. Находящаяся надъ городомъ вилла Сербеллони и напротивъ лежащая вилла Соммарива могутъ служить образчиками двухъ типовъ итальянскихъ виллъ: въ первой можно видѣть южную природу въ почти дикомъ состояніи, во второй—все, что могло сдѣлать искусство съ этой природой. Въ первой вамъ не показываютъ дома, а позволяютъ гулять въ тянущемся по горѣ саду, дико и пышно заросшимъ кипарисами, магноліями, пальмами и гигантскими кактусами; съ вершины чудный видъ на всѣ три рукава озера. Въ Соммарива лодка ваша пристаетъ

къ бѣлой мраморной лѣстницѣ; передъ вами открывается желѣзная рѣшетка, лакей въ ливреѣ вѣжливо провожаетъ васъ среди статуй и цвѣтовъ ко входу въ домъ, гдѣ передаетъ васъ такому-же вѣжливому товарищу; послѣдній служитъ вамъ проводникомъ по заламъ, гдѣ между другими произведеніями скульптуры находятся Марсъ и Венера Аппьяни, Амуръ и Психея Кановы и его-же Магдалина. По осмотрѣ залъ, лакей, получивъ свой франкъ, передаетъ васъ садовнику, который за такую-же монету показываетъ вамъ садъ. Тутъ террасы съ чудными points de vue, аллеи, гдѣ густыя деревья вырѣзаны на манеръ арокъ или острижены въ разныя формы, фонтаны съ раковинами и мозаикой, искусственные сталактитовые гроты, гдѣ пропущенный сверху свѣтъ освѣщаетъ какъ-бы спрятавшуюся статую, узоры и вензеля изъ цвѣтовъ и прочія затѣи. Мнѣ болѣе нравились, конечно, дикія виллы, хотя и въ другихъ есть своя прелесть, характерная для Италіи, для XV-го и XVI-го столѣтій. Моя младшая сестра откровенно признавалась, что она любитъ такія виллы, какъ Паллавичини въ Генуѣ... „Я такъ люблю разные мостики—весело лепетала она,—châlets, бесѣдки, водопады, гроты и фонтаны; конечно было-бы лучше, еслибы они были натуральные, но мнѣ очень нравятся и искусственные“.

Вернувшись въ Геную, мы застали отца моего здоровымъ, съ радостью встрѣтились съ нимъ и, пробывъ еще нѣсколько дней въ городѣ, поѣхали на лѣто въ Специю.

Въ Генуѣ мы посѣтили большое гулянье на Acquasol во время какого-то праздника. Тамъ былъ весь городъ: и высшее общество и простой народъ. Туалеты дамъ насъ поразили и очаровали. Во-первыхъ—ни одной шляпки; аристократки и простолюдинки, молодыя и старухи, богатыя и бѣдныя, носятъ на головѣ бѣлый прозрачный вуаль, спускающійся почти до земли; молоденькія дѣвушки кажутся невѣстами или видѣньями. Во-вторыхъ—никакихъ накидокъ; всѣ въ платьяхъ, и въ платьяхъ самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, серебристо-сѣраго, лиловатаго; ни одного кричащаго пятна. Весь садъ казался бальной залой.

Нашъ переѣздъ въ Специю моремъ не былъ такъ удаченъ, какъ при поѣздкѣ въ Неаполь. Пароходъ былъ крошечный, погода ужасная, всѣ были больны, и я хуже всѣхъ: мнѣ было такъ плохо, что, когда разбилось окно надъ моей койкой и меня всю обливало холодной волной, я этого не почувствовала, не замѣтила даже.

Въ Специи тогда еще не было порта, и это былъ прелестный уголокъ. Прекрасной формы темно-синій заливъ, окруженный

горами; вдали виднѣются бѣлые мраморы Карары; по горамъ ведутъ тропинки къ разнымъ живописнымъ мѣстамъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу. Надъ городомъ на горѣ каштановая роща, кругомъ развалины стариннаго замка, капуцинскаго монастыря; на ровныхъ мѣстахъ золотистая пшеница, обсаженная фруктовыми деревьями; между ними гирлянды винограда, яркіе листья котораго горятъ изумрудами; на склонѣ горъ террасы, трельяжи изъ винограда, подъ ними высокая трава; на горахъ полузасохшій, густой бурьянъ, такой душистый, съ такимъ опьяняющимъ ароматомъ, что мы на сѣверѣ ничего подобнаго и представить себѣ не можемъ. Самый городъ довольно маленькій и скучный; очень простенькій казинò, два большіе отеля на берегу. Одинъ, Croce di Malta, въ которомъ мы остановились, выходитъ въ городской садъ, тянущійся параллельно съ берегомъ и состоящій изъ трехъ аллей цвѣтущаго бѣлаго и розоваго олеандра и магнолій, перевитыхъ зелеными гирляндами, на которыхъ виднѣются еще кое-гдѣ розы. За садомъ густая рощица, куда почти не проникаетъ солнце и гдѣ всегда прохладно. Днемъ всѣ жители скрываются за закрытыми ставнями; только вечеромъ, когда спадетъ жара, всѣ высыпаютъ на улицу и усаживаются около кафé ѣсть мороженое. Я же и рисовала, и гуляла, и каталась на лодкѣ днемъ, хотя, правда, иногда вернувшись домой, я снимала съ себя все до рубашки и ложилась на полъ своей комнаты, отстраняя какъ можно дальше отъ тѣла свои руки. Температура въ Специи была не выше 26—27 гр., но надо принять въ соображеніе, что я ходила по горамъ подъ жгучими лучами Итальянскаго солнца, отъ которыхъ яйца пекутся. И въ этомъ была нѣга: солнце жжетъ, но надъ головою лазурное небо, вокругъ розовыя горы, золотистая растительность, сапфирное море! А дома ждетъ молодой виноградъ, сливы и персики, чтобы охладить разгоряченныя губы, утолить жажду... Я не только рисовала, но много писала масляными красками въ это лѣто, и живопись съ натуры доставляла мнѣ самыя лучшія минуты моей жизни.

XVI.

Мечты, желанья, о Богъ съ ними!
. . . . . .
Когда словами лишь одними
Имъ выражаться суждено.

Хвощинская.

Сознавала ли я, что путешествіе приносило мнѣ относительно мало пользы или, просто, находилась въ томъ переходномъ пе-

ріодѣ жизни, когда всѣ юноши жаждутъ чего-то, стремятся куда-то, разочарованы въ чемъ-то,—„онъ цѣлъ поблекшій жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ",—но на меня часто находило тяжелое настроеніе, находило и уходило, какъ морской приливъ и отливъ. Во время тоски я говорила матери: „Я сама не знаю, что̀ со мной... Мнѣ противно бездѣйствіе, тишина, я хотѣла бы чего-нибудь живого, бурнаго... Или броситься въ какой-нибудь водоворотъ удовольствій, ѣздить, танцовать безъ устали, безъ остановки, безъ оглядки, или быть замѣшанной въ политическую партію, имѣющую высокую цѣль, содѣйствовать этой цѣли, даже съ опасностью жизни, чтобы это поглотило меня всю..."

— Вотъ и хорошо, что мы уѣхали за границу отъ студенческихъ исторій,—отвѣчала мама, смѣясь,—а то бы ты тамъ, пожалуй, тоже какую-нибудь рѣчь начала говорить и тебя бы высѣкли въ третьемъ отдѣленіи.

Потомъ являлась веселая полоса, когда я радовалась всякимъ пустякамъ. Иногда восторгъ и тоска являлись вмѣстѣ, а мечтательность все только усиливалась.

Были въ Специи русскіе, и даже наши флорентинскіе знакомые, но русскія дамы постоянно оскорбляли мое чувство деликатности; онѣ фыркали, смѣялись надо всѣмъ. Чуткіе итальянцы отлично это понимали; мнѣ была непріятна мысль, что меня сочтутъ солидарной съ этими барынями, и поэтому я избѣгала ихъ. Очень сошлась я съ одной англійской или, точнѣе, ирландской семьей. Отецъ, англійскій консулъ въ Туринѣ или Флоренціи, не помню, извѣстный въ то время и очень плодовитый романистъ, Чарльзъ Ливеръ, былъ толстый, румяный, веселый старикъ. Старшая дочь его, Джулія, была высокая, красиво и крѣпко сложенная дѣвушка, лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ; она плавала какъ рыба и ея любимое занятіе, какъ она передавала мнѣ, было объѣзжать и дрессировать лошадей. При этомъ въ ней не было никакого ухарства; она была очень образованна и не потеряла женственности, не хвасталась своею храбростью и силой, просто была вполнѣ здоровымъ и жизнерадостнымъ человѣкомъ. Младшей дочери, Sydney, было лѣтъ двѣнадцать; это была миловидная и милая дѣвочка. Бо̀льшую часть времени я проводила съ ними и жизнь наша сама собой сосредоточивалась около моря. Утромъ мы купались вмѣстѣ, я съ Sydney—въ приличномъ разстояніи отъ купаленъ, а миссъ Ливеръ уплывала въ открытое море и доплывала иногда до чуть виднѣвшихся, стоявшихъ тамъ кораблей. Самъ Ливеръ часто каталъ

насъ на своей чудесной парусной яхтѣ. Миссъ Ливеръ разсказывала, что раньше отецъ ея, противъ ея совѣта, купилъ другую яхту, и она держала съ нимъ пари, что лодка не выдержитъ сильной волны. Они выбрали свѣжую погоду и отправились вдвоемъ, взявъ только толстую левретку, съ которой Джулія не разставалась. Въ морѣ волненіе было такъ сильно, что лодка дѣйствительно не выдержала и нашимъ спортсменамъ пришлось возвратиться домой вплавь, причемъ дѣвушка спасла и свою собаку. Каждый вечеръ мы, иногда съ миссъ Ливеръ, а большею частью вчетверомъ—я, моя сестра, Sydney и молодой англичанинъ Пирсонъ, съ которымъ познакомились, катались на лодкѣ, сами гребли, иногда брали двѣ лодки и устраивали гонки между собой или съ другими лодками. Я любила быть на водѣ, особенно при закатѣ солнца или восходѣ луны, любила грести, чувствовала тогда что-то здоровое и сильное, особенно радовалась, когда мнѣ удавалось правильнымъ движеньемъ руля обогнать противниковъ; эти ежедневныя катанья были для меня громаднымъ удовольствіемъ. Разъ, при довольно долгой прогулкѣ съ Ливеромъ и Sydney на ихъ яхтѣ, я совсѣмъ размечталась; погода была довольно спокойная, только по временамъ надувались бѣлыя крылья нашихъ парусовъ; мы летѣли, прорѣзая волны, обдававшія насъ брызгами. Взошла луна. Мнѣ казалось, что я одна среди голубого пространства; земля казалась также мало осязаемой, какъ и золотистая дорога, лежавшая на водѣ; берега являлись голубыми миражами, очарованьями фата-морганы. Я думала: „одно неосторожное движенье—и не будетъ меня, и пропадетъ навѣкъ весь этотъ чудный міръ... Но волна, которая могла бы поглотить меня, только ласково качаетъ, я чувствую *себя такой живой*, чувствую *жизнь*, ея силу и прелесть“... Зыблется, блеститъ отраженье луны, какъ куча розовыхъ брилліантовъ, парусъ рѣжетъ воздухъ, а мечты летятъ, летятъ въ туманную и невѣдомую даль... Еще болѣе мечтала я, когда, лежа поздно вечеромъ на самомъ берегу моря, смотрѣла въ небо. Большая звѣзда, на которую я глядѣла, неподвижно, какъ лампада, висѣла близко, близко надъ моей головой; то казалось мнѣ, что всѣ звѣзды движутся, подходятъ другъ къ другу, падаютъ, но не внизъ, а верхъ... Вдругъ мнѣ живо представлялось, что я люблю, что я замужемъ, и вотъ — сижу гдѣ-нибудь въ душной квартиркѣ на Фонтанкѣ... „Неужели не можетъ быть полнаго счастья? Зачѣмъ же намъ дано понятіе о немъ? Неужели ничто, даже смерть, не дастъ мнѣ отвѣта?..“ Часто повторяла я строки любимыхъ поэтовъ и находила, что „только тѣ сти-

хотворенія хороши, которыя вспомнишь, глядя на природу и тогда скажешь: да, это хорошо". Надо правду сказать: тишина, жаръ, красота располагали къ мечтамъ. Тихая волна, отбѣгая, оставляла на берегу блестящія фосфорическія полосы; огненные жучки, какъ живыя звѣзды, загорались въ воздухѣ; молодой, чудный теноровый голосъ невидимаго въ ночи пѣвца разливался подъ трепетъ мандолины. Какъ тутъ не сойти съ ума и не размечтаться, Богъ знаетъ о чемъ!.. А мое купанье ночью развѣ не было похоже на сонъ? Море не шелохнется, берегъ отражается, какъ въ зеркалѣ; звѣзды на небѣ, звѣзды на водѣ, въ водѣ, звѣзды на плечахъ, на груди; каждое движенье руки рождаетъ ихъ миріады и разсыпаетъ, какъ фейерверкъ: встряхнешь своими густыми, распущенными волосами—и они въ огнѣ, и отъ нихъ летятъ искры. Взошла совсѣмъ розовая луна; я протянула руки по сіянію и поплыла прямо къ ней... Но движенья уничтожили покой: я легла на спину и замерла, все затихло кругомъ, я смотрѣла на луну черезъ голову, скрестила на груди руки, лежала долго, совсѣмъ забылась... Вдругъ горничная схватила и чуть не потопила меня. „Не дѣлайте этого, ради Бога, закричала она, pore proprio una morta... [1]) Я разсмѣялась.

Около Специи есть маленькая сельская церковь, называемая Madonna dell'acqua santa, потому что около нея чудесный источникъ ключевой воды. Въ іюлѣ мѣсяцѣ тамъ былъ какой-то праздникъ. Церковь, украшенная всевозможными ex-voto и пестрыми флагами, была полна молящимися. Вокругъ расположилась масса сошедшагося сюда изъ всѣхъ окрестностей простого народа. Пестрота нарядовъ была невѣроятная: красныя сѣтки женщинъ, развѣвающіяся ленты дѣвушекъ, громадныя серьги на широкихъ, плоскихъ обручахъ, нитки коралловъ и бусъ, красные, желтые и оранжевые платки, бѣлые съ красными кушаками костюмы матросовъ—все это мелькало, переливалось и сіяло. Еслибъ въ Генуэзскомъ городскомъ саду или у насъ на сѣверѣ дамы одѣлись такъ пестро, это было бы отвратительно; но народные костюмы имѣютъ ту отличительную черту, что ихъ пестрота всегда бываетъ удивительно красива и гармонична. Особенно ласкала она глазъ подъ пламенными лучами итальянскаго солнца, какъ бы пронизывающаго собою всѣ предметы насквозь. И во всей веселой, разгулявшейся толпѣ во весь день не было ни одного пьянаго!

---

[1]) Совсѣмъ какъ мертвая.

Подъ конецъ нашего пребыванія въ Специи, всѣ мы пришли въ грустное настроеніе; очень ужъ плохія извѣстія получались изъ Россіи. Тетя писала о пожарахъ въ Петербургѣ, о прокламаціяхъ, въ которыхъ говорится, что будетъ истребленъ весь Петербургъ, о массѣ арестовъ. Здоровье отца было плохо; я боялась, что путешествіе истомило его, а такъ какъ путешествіе это было предпринято ради меня, я начала мучиться мыслью, что я виновата, что я не стою принесенныхъ жертвъ и даже не воспользовалась этими двумя годами заграничной жизни, чтобы усовершенствоваться въ знаніяхъ или искусствѣ. Когда я начинала терзаться, то я обыкновенно къ серьёзнымъ непріятностямъ приплетала уже рѣшительно все, даже самые пустяки, которые, какъ булавочные уколы, усиливали боль пораненнаго мѣста.

Въ Миланѣ встрѣтилъ насъ Н. В. Штрамъ, провелъ съ нами денекъ, а потомъ мы, въ довольно дурномъ расположеніи духа, тронулись въ путь на родину. Прежде, чѣмъ вернуться въ Россію, предстояло еще большое наслажденье: посѣщеніе Вероны и Венеціи. Я рѣшила отложить грустныя мысли и воспользоваться послѣдними днями, „моимъ послѣднимъ вздохомъ въ Италіи", какъ я выражалась.

Верона мнѣ понравилась въ высшей степени. „Какая оригинальная прелесть!—писала я,—и какъ тутъ пахнетъ муниципальнымъ началомъ!" Описавъ подробно городъ, я прибавляла: „такъ тутъ просто, наивно. Отъ piazza dei Signori проходятъ подъ аркой, подъ сводомъ которой виситъ огромная кость, ребро гиганта, по преданію. Andiamo bosso la costa [1]), говорятъ итальянцы".

Пріѣхали мы въ Венецію подъ вечеръ, остановились въ отелѣ „Luna" и сейчасъ же отправились на площадь Св. Марка. Ее, при вечернемъ освѣщеніи, можно сравнить только съ гигантской бальной залой. Разодѣтая публика гуляетъ, сидитъ за столиками; австрійскій оркестръ играетъ превосходно. Итальянцевъ почти совсѣмъ нѣтъ въ этой толпѣ. Коренное населеніе Венеціи какъ бы не существовало въ то время, его нигдѣ не было видно, и потому не было свойственной итальянскимъ городамъ жизни.

Тяжелое впечатлѣніе производилъ этотъ замершій городъ. Самые великолѣпные дворцы были заняты подъ казармы; въ окнахъ и на мраморныхъ балконахъ сушились принадлежности солдатскаго костюма. Тамъ, гдѣ царствовала безумная роскошь, куда съѣзжа-

---

[1]) Пойдемъ подъ ребро.

лись люди со всего свѣта полюбоваться пышными праздниками сильнаго и жизнерадостнаго народа, теперь колотились лишь кое-гдѣ оторванныя ставни и шуршали отпадающіе куски скульптурныхъ украшеній. „Венеціанскій дворецъ,—писала я,—занятый австрійскими солдатами, похожъ на человѣка, погибающаго отъ болѣзни, на тѣло, загнившее прежде, чѣмъ отлетѣлъ духъ". Театры, кромѣ одного, всѣ закрыты; карнавалъ не празднуется; черныя гондолы будто носятъ трауръ по Венеціи. Только ночью отдыхаешь, не видя оскорбляющаго глазъ безобразія. Луна свѣтитъ ярче, чѣмъ въ Неаполѣ; бѣломраморные, подъ ея лучами, дворцы отражаются въ водѣ; ритмически покачиваясь, скользитъ по блистающимъ струямъ гондола... Хороша Венеція ночью, дивно хороша, но молчитъ она, не звучатъ прежнія пѣсни, не ликуетъ жизнь... „Рабы, влачащіе оковы, свободныхъ пѣсенъ не поютъ"...

Еслибы не чувствовался этотъ гнётъ, кажется не разстаться бы съ Венеціей, такъ божественно хороша она. Здѣсь не одну какую-нибудь площадь, не одинъ дворецъ или храмъ вы должны идти смотрѣть: здѣсь *все* старина, ничего нѣтъ новаго, вы сразу попадаете прямо въ XIII, XIV вѣкъ. Это не то, что въ Помпеѣ, гдѣ только развалины; здѣсь люди живутъ въ тѣхъ же домахъ, гдѣ жили ихъ предки, ходятъ по тѣмъ-же, позеленѣлымъ отъ моха мокрымъ ступенямъ, смотрятъ въ окна, изукрашенныя тѣми же рѣшотками. И люди какіе-то отсталые, мечтательные, должно быть веселые, когда свободны, теперь грустные, какъ птицы въ клѣткахъ. А природа манитъ и сіяетъ! Воздухъ мягкій, влажный; колорита такого, какъ въ Венеціи, нѣтъ нигдѣ: облака среди дня розовыя, какъ въ другихъ мѣстахъ при закатѣ; желтые, красные и расписные паруса горятъ; въ каналахъ дрожитъ вода, отражая неисчислимыя разнообразія тоновъ и оттѣнковъ, которые блестятъ, переливаются, играютъ въ ней; каждый каналъ—живая лента, ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, и во всемъ этомъ нѣтъ кричащей яркости, тѣни бѣловатыя, общій тонъ свѣтлый, мягкій. Дѣйствительно, Венеція—это волшебный сонъ!.. Лѣниво покачиваясь въ гондолѣ, глядя на неизрѣченную красоту безшумнаго и безпыльнаго города, забываешь жить, — вѣчно бы плылъ, вѣчно качался, вѣчно смотрѣлъ ненаглядно...

Площадь Св. Марка, съ гуляющими иностранцами, съ массой голубей, одна имѣла нѣсколько жилой видъ. Чтобы окинуть взоромъ и оцѣнить оригинальную прелесть этой площади, надо стать на верху ступеней колоннады, противоположной церкви. По бокамъ тянутся аркады дворцовъ, какъ бы ведущія глазъ къ собору. Только поднявшись на эту лѣстницу можно судить о гар-

моніи формъ куполовъ, которые снизу слишкомъ закрыты самымъ зданіемъ, (фотографы всѣ дѣлаютъ ошибку, снимая снизу). Я не видала Св. Софіи, но изъ всѣхъ произведеній зодчества, видѣнныхъ мною, храмъ Св. Марка для меня самое великолѣпное, самое очаровательное. Блѣдно сіяющій, легкій, гармоничный, возносится онъ передъ вами, какъ сгустившееся облако, какъ неземное видѣніе. Пестрота его колоннъ, золото мозаикъ, разноцвѣтность камней—все сливается въ золотисто-бѣлый, сказочный тонъ, ласкающій и манящій.

Обидно стало мнѣ за себя, что и я употребляла презрительное слово „византійщина"; здѣсь меня глубоко плѣнилъ именно „византійскій духъ" Св. Марка. Войдя внутрь храма, мнѣ показалось, что я вошла въ православную церковь; на меня повѣяло чѣмъ-то старымъ, давно знакомымъ, роднымъ. Все тамъ прекрасно, таинственно, не отъ міра сего! Любовь видна въ скромной роскоши и разнообразіи убранства. Не одинъ человѣкъ это создалъ, а *всѣ*. Всякій несъ сюда свою вѣру, свое доброе желанье, свой усердный трудъ, не для себя, не для прославленія своего имени, а для украшенія святыни родного края. Не деньги были наградой художникамъ-рабочимъ, съ тщательностью и усердіемъ распиливавшимъ мраморныя доски, стараясь подобрать рисунки и жилы въ камнѣ и сложить такъ, чтобы изъ нихъ составился орнаментъ. Я какъ бы ощутила эту любовь, я чуть не расплакалась. Мнѣ казалось, что и я, еслибъ смѣла, съ радостью внесла бы сюда трудъ рукъ моихъ...

Во дворцѣ дожей также чувствовалось, что все дѣлалось здѣсь не для отдѣльной личности, а для всѣхъ, что гордились не своей славой, а славой республики, родины. Мнѣ, конечно, менѣе нравилась надменная Венеція XV-го, XVI-го столѣтій, но и тутъ, какъ въ Римѣ, все выросло естественно и составляло одно цѣлое; только Кампанилла, по моему мнѣнію, нарушала своей тяжелой массой общій характеръ и некрасиво перерѣзывала соединеніе линій церкви и дворца. Даже бронзовые гиганты, взмахивающіе своими молотами на часовой башнѣ, нравились мнѣ и шли сюда. Кромѣ этой площади,—нарядной части Венеціи,—столько въ ней еще чудныхъ старыхъ церквей, дворцовъ, двориковъ, мостиковъ, стѣнъ, обросшихъ мхомъ, узкихъ улицъ! Во всей Венеціи нѣтъ ни одного мѣстечка некрасиваго или банальнаго; видѣть надо это все, а не описывать. „Городъ до того оригинально красивъ, что умирать, не видѣвши его, не слѣдуетъ"—недаромъ сказалъ Герценъ.

Попали мы, какъ-то, въ Ghetto; около колодца стояла мо-

лодая женщина, вѣроятно еврейка. Ни въ жизни, ни на картинахъ не видала я подобной красоты. Я не спускала съ нея жадныхъ глазъ: румянецъ пробивается сквозь матово смуглый цвѣтъ лица; глаза — какъ у газели; крѣпкій и гибкій станъ; на головѣ удивительный платокъ съ разноцвѣтной длинной бахромой, мѣшавшейся съ черными косами, перевитыми серебряными бусами; длинныя звенящія серьги. Доставъ воды, она поставила на плечо длинный мѣдный кувшинъ и собралась уходить. Я не выдержала и воскликнула: „постойте, не уходите! Дайте еще полюбоваться на васъ, siete tanto bella!“ Полная спокойнымъ сознаніемъ своей красоты, она обернулась и стояла передо мной нѣсколько мгновеній, гордая, какъ богиня, нѣчто безцѣнное дарующая смертному; потомъ улыбнулась, открывъ перлы своихъ зубовъ, слегка поклонилась и пошла граціозно колыхающеюся походкой.

Венеція — это былъ заключительный аккордъ моей итальянской симфоніи. Простите, мои юные восторги! Прости, „волшебный край, страна высокихъ вдохновеній!“

XVII.

Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ.
Лермонтовъ.

Пришла пора, она влюбилась.
Пушкинъ.

Тріестъ остался у меня въ памяти только необыкновенно вкуснымъ мороженымъ, которое мы тамъ ѣли. Въ Дрезденѣ мы прожили нѣсколько дней, вспоминая пріятно проведенное здѣсь, два года тому назадъ, время, когда все было для меня ново, когда впечатлѣнія мои были такъ свѣжи. Чего, чего я не ожидала тогда отъ нашего путешествія! „Это только начало — думала я — а что будетъ дальше: во Франціи, въ Англіи, въ Италіи! Сколько знаній я наберусь, сколько будетъ интересныхъ встрѣчъ!“ Во многомъ я разочаровалась, много надеждъ не осуществилось. Я находила, что въ эти два года я пріобрѣла слишкомъ мало знаній, и вмѣсто того, чтобы усовершенствоваться, стала хуже, чѣмъ была прежде. „Я считаю нашу поѣздку неудавшеюся, — продолжала я, — не потому, чтобы она была не хороша, она была восхитительна, особенно въ Италіи, но, главное, потому, что она была не своевременна: я провела въ бездѣйствіи, въ созерцаніи два лучшіе года моей жизни!“ Что я могла пріобрѣсти больше

пользы отъ путешествія при другихъ условіяхъ—это несомнѣнно; но говорить о несвоевременности нашей поѣздки не совсѣмъ справедливо. Оторванность на такое долгое время отъ окружавшей на родинѣ среды, жизнь разсѣянная и праздная, могли дурно повліять на нравственную сторону моего развитія, но зато путешествіе наше придало силу и ясность моему стремленію заниматься искусствомъ, а это послѣднее—такое счастье, за которое нельзя достаточно благодарить судьбу. Несмотря на пессимистическій взглядъ на нашу поѣздку, чѣмъ ближе подвигались мы къ сѣверу, тѣмъ болѣе тосковала я по Италіи. „Какое разстояніе отдѣляетъ уже меня отъ моей возлюбленной Италіи,—восклицала я;—теперь уже никакія обстоятельства не заставятъ насъ возвратиться туда. Никогда не увижу я ея неба, ни языка ея не услышу! Скоро буду въ этомъ Петербургѣ, при одной мысли о которомъ у меня замерзаетъ сердце. А между тѣмъ *тамъ* начнется моя настоящая жизнь".

Такъ всегда бывало со мной: никогда я не была довольна настоящимъ, всегда ждала чего-то особеннаго, что начнется въ будущемъ. Да и со мной ли одной? Еслибъ не было этихъ неудовольствій, надеждъ, стремленій, застыло-бы въ покоѣ человѣчество и не шло бы впередъ.

Россія встрѣтила насъ холодомъ, сыростью, хотя былъ только конецъ августа, да еще невозможными безпорядками на желѣзной дорогѣ. Пріѣхали мы въ Вильну, измученные и возмущенные; попали въ гостинницу, гдѣ не было ни рукомойниковъ, ни чистаго бѣлья, ни порядочныхъ постелей. Въ два года мы отвыкли отъ русскихъ обычаевъ, и тяжелы они намъ показались. Въ Вильнѣ мы посѣтили нашихъ молодыхъ родственниковъ Барыковыхъ и услышали отъ нихъ, что отношенія между поляками и русскими все больше обостряются и что послѣднимъ жить въ Польшѣ становится невыносимымъ.

Наконецъ я была въ объятіяхъ тети! Мы съ Ольгой помѣстились у нея, а отецъ съ матерью остались въ отелѣ до пріисканія квартиры. Большая радость была для меня свидѣться съ добрыми друзьями. Къ сожалѣнію К. больше не было въ Петербургѣ. Я его никогда болѣе не видала въ жизни. Очень меня тронулъ мой кингъ-чарльсъ Тоби, остававшійся у Костомарова: онъ не только узналъ меня, но такъ обрадовался, что не могъ перестать визжать и прыгать. Онъ не пошелъ съ Н. И., хотя потомъ всякій разъ радовался его приходу къ намъ. Съ меня онъ положительно не спускалъ глазъ, какъ бы боясь, чтобъ я опять не уѣхала.

Большую перемѣну нашла я на родинѣ. Отъ прекраснаго, общаго, воодушевленнаго, радостно-добраго настроенія конца пятидесятыхъ годовъ не осталось и слѣда. Люди раздѣлились на партіи; возникъ нигилизмъ. Въ 59—60-мъ году я себя чувствовала солидарной со всей молодежью, всякій студентъ казался мнѣ братомъ; теперь они были мнѣ чужіе и я чужой была имъ. Это понятно: проживъ два года внѣ русскаго движенья, я не видѣла постепенной эволюціи взглядовъ и чувствъ молодежи, и все, что сразу предстало передо мной, показалось мнѣ дико. О томъ, что̀ я называла „соціализмомъ", я писала: „это недостижимая мечта, но, какъ идея, она облагораживаетъ стремящихся къ ней. Пусть человѣкъ никогда не достигнетъ совершенства, но пусть онъ стремится къ нему". Къ революціонерамъ я питала большую симпатію, хотя не знала никого изъ нихъ лично. Но все это было не то мирное, пышное развитіе жизни страны, котораго я ожидала, въ которомъ была такъ увѣрена прежде. Я не могла пристать ни къ одной партіи, ни къ одному кружку, не могла согласиться вполнѣ ни съ однимъ изъ ихъ „убѣжденій". О моихъ наивныхъ мечтахъ сдѣлаться какой-то Іоанной д'Аркъ я даже и не вспомнила; онѣ молча канули въ лету. Нигилизмъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе своей грубой формой: она невольно отталкивала меня. Я не могла выносить безъ глубокаго возмущенья, когда говорили при мнѣ, что всякій сапожникъ выше Пушкина, что Татьяна—пошлая дура, потому что не убѣжала съ Онѣгинымъ, что вѣрность въ любви—нелѣпый предразсудокъ; я не могла понять, почему русскія учащіяся женщины должны быть грязно и неряшливо одѣты, когда заграничныя прачки и кухарки, которыя работаютъ ужъ конечно не меньше ихъ, всегда такъ аккуратны; не понимала, какъ можно не найти времени причесаться, когда самыя густыя косы можно расчесать въ нѣсколько минутъ. И еще многое другое было мнѣ не по душѣ. Конечно, дурное скорѣе бросается въ глаза, чѣмъ хорошее; только постепенно стала я разбираться, отдѣлять пшеницу отъ плевелъ, понимать, что отталкивающее меня было неизбѣжной, при быстрой ломкѣ прежняго, оборотной стороной того направленія, которое принесло много пользы Россіи. Новые пути такъ прельстили молодыя головы, что, какъ это всегда бываетъ при крайнихъ увлеченіяхъ, *все* старое пошло на смарку, вмѣстѣ съ дурнымъ—и хорошее. Постепенно стала я присматриваться и къ тому благому, что возникало въ то время. Многіе дѣйствительно вредные предразсудки были откинуты, въ отношеніяхъ людей между собою явилось болѣе простоты и искренности; развива-

лись воскресныя школы, устраивались женскіе курсы. Молодыя женщины упорно добивались серьезнаго образованія, самостоятельности въ трудѣ, возможности принести пользу людямъ. Лучшія изъ нихъ нашли доступъ въ Медицинскую Академію. Это были чистыя души, ради идеи ломавшія свою личную жизнь; онѣ побороли невѣроятныя трудности, стоявшія на ихъ пути піонерокъ. Это были стойкія героини и имена ихъ принадлежатъ исторіи. Сколько идеализма было тогда въ людяхъ, считавшихъ себя матеріалистами!.. Все это было прекрасно.

Когда улеглось первое разочарованіе, я сама начала многимъ увлекаться. Ни на одну минуту не поддалась я отрицанію искусства и красоты, но моя любовь къ исторіи и литературѣ замѣнялась интересомъ къ естественнымъ и соціальнымъ наукамъ. Я читала еще и Курціуса, и Куно Фишера, но съ жадностью набросилась на Фохта, Спенсера, Льюиса, Чернышевскаго, Добролюбова, Помяловскаго. Больше всего увлеклась я Дарвиномъ. Онъ приводилъ къ такому торжественному единенію все мірозданіе! То, что къ духовному единству человѣка съ природой, которое я всегда чувствовала, онъ присоединялъ и физическое родство, уже болѣе не оскорбляло меня.

Я въ эту осень много читала, говорила, спорила, но не смотря на то, что въ этомъ было много интереснаго и захватывающаго, со мной вдругъ произошла казавшаяся странной и неожиданной перемѣна. „Мнѣ надоѣли ученыя рѣчи — писала я въ моемъ дневникѣ; я хочу суетности, удовольствій, молодой жизни; хочу играть на сценѣ, читать Пушкина, хочу любить!.. Я знаю, что это суета, но я хочу испытать весь этотъ прекрасный вздоръ, и если это мнѣ не удастся, я сдѣлаюсь самымъ отвратительнымъ и несчастнымъ человѣкомъ“... Мать моя только и думала о томъ, что пора меня „вывозить“, и воспользовалась моимъ новымъ настроеніемъ. Пошли балы, вечера, театры, концерты, пикники, ухаживанія, предложенія, влюбленія!.. Одинъ пикникъ остался у меня въ памяти, потому что мы чуть не погибли. Собралась насъ большая компанія ѣхать въ Стрѣльну, верстъ пятнадцать отъ Петербурга, къ знаменитому тогда Огюсту. Вслѣдствіе поднявшейся въ этотъ день вьюги, почти всѣ отказались отъ поѣздки; насъ, храбрыхъ, осталось человѣкъ шестнадцать. Я, всегда выдумывавшая что-нибудь особенное, предложила отправиться не по дорогѣ, а по Невѣ. Такъ какъ я была всеобщимъ баловнемъ, то на мое желаніе неблагоразумно согласились. Ямщики возражали, но кто же слушается свѣдущихъ людей?!

Снѣжная мятель такъ разыгралась, что мы сбились съ дороги, при чемъ наши тройки часто разъединялись и съ трудомъ отыскивали другъ друга. Наконецъ наши кучера остановились. „Поѣзжайте, ради Бога, хоть куда-нибудь, не замерзать же здѣсь!“ — молили мы. — „Нѣтъ, ужъ куда ѣхать! Въ полынью попадешь“,— отвѣчали ямщики. Они ходили кругомъ, отметали, какъ могли, снѣгъ, который грозилъ совсѣмъ замести насъ. Долго такъ оставаться было рѣшительно невозможно, надо было куда-нибудь двинуться. „Ну, Митричъ, ступай впередъ“,—говорилъ одинъ ямщикъ.—„Ишь ты!—отвѣчалъ другой;—мнѣ, чай, жизнь тоже дорога. Ступай самъ“. Послѣ разныхъ пререканій, кучеръ нашей тройки рѣшился. „Выноси, святой Сергій!“—сказалъ онъ, крестясь, и тронулъ. Застоявшіяся лошади побѣжали быстро. Вдругъ раздался подъ нами трескъ, всѣ трое саней осѣли, брызнула вода, изъ экипажей раздался отчаянный крикъ... По счастью это была не полынья: мы проломили только верхній, подмерзшій слой льда. Ночь была непроглядно черна, отъ метущаго снѣга совсѣмъ близко ничего не было видно. Мы безнадежно стояли, почти занесенные снѣгомъ. Кому-то оттирали отмороженную щеку; одна дама, съ громкимъ рыданіемъ, умоляла тѣхъ, кто спасется, не оставить ея дѣтей... Одинъ изъ нашихъ спутниковъ рѣшился хоть что-нибудь предпринять, и почти ползкомъ, отправился искать путь. Онъ исчезъ изъ виду, и къ общей заботѣ прибавился страхъ за него. Къ счастью онъ благополучно вернулся, потерявъ только калоши и шапку, и принесъ, какъ голубь въ Ноевъ ковчегъ, сломанную съ куста вѣточку: значитъ, земля была близко. Тронулись по указанному имъ направленію и подъѣхали къ какому-то забору, за которымъ вдали, когда вѣтеръ раздувалъ метель, мелькалъ огонекъ. Пришлось идти пѣшкомъ по поясъ въ снѣгу, перелѣзать какіе-то плетни. Сани, опрокидываясь, ѣхали напроломъ. „Дорога!“ — радостно закричали ямщики. Мы сѣли, съѣхали внизъ на бѣлую полосу, которую считали дорогой, и быстро понеслись по ней. „Стой, стой! Куда лѣзешь? Стой! Потонешь!“ — раздалось почти надъ нашей головой. Кучера сразу осадили лошадей и мы увидѣли надъ собою мостъ и на немъ кричавшаго намъ человѣка. Оказалось, что мы находились не на дорогѣ, а на рѣкѣ и катили прямо въ прорубь, устроенную во всю ширину рѣки, кажется,— для ловли рыбы. Такимъ образомъ мы совершенно случайно избѣгли гибели, проплутавъ часовъ десять или двѣнадцать. Зато, когда мы обсушились, вытерли ноги водкой, выпили чаю съ ромомъ, сдѣлалось такъ весело, какъ бываетъ только, когда избѣ-

гнешь явной опасности. Былъ съ нами одинъ господинъ, который ухаживалъ за мной, и другой, которымъ я интересовалась, но который былъ неравнодушенъ къ моей подругѣ. „Es ist eine alte Geschichte“...

Нѣсколько нашихъ хорошихъ знакомыхъ участвовали въ спектакляхъ, устраиваемыхъ въ Академіи Художествъ. Мнѣ въ то время страстно хотѣлось играть; я говорила, что чувствую въ себѣ талантъ. Я знала, что хорошо читаю, что обладаю подвижной мимикой и блестящей памятью, но одно удерживало меня: некрасивый тембръ и недостаточная гибкость моего голоса. Разъ давали въ Академіи переводную мелодраму: „Ролла во Флоренціи“, гдѣ на сцену являлся, между прочимъ, Микель Анджело, роль котораго исполнялъ хорошо г. Прохоровъ. Вообще всѣ играли хорошо, кромѣ самой героини, которая зато была писанная красавица. Въ виду того, что спектакль устраивался художниками, будетъ излишне говорить о безукоризненности костюмовъ и гримма. Увидѣвъ на сценѣ художника Зауервейда, дѣйствительно превосходно исполнявшаго главную роль, я тотчасъ же „заинтересовалась“ имъ, воспылала неудержимымъ желаніемъ играть съ нимъ и начала хлопотать о томъ, чтобы устроить дома немноголюдный спектакль, но, по разнымъ обстоятельствамъ, мнѣ пришлось оставить этотъ планъ.

Мы жили на Конногвардейскомъ бульварѣ, въ домѣ Мусина-Пушкина; кромѣ насъ жили въ немъ еще двѣ семьи—Козловы и Лихонины. У доктора Козлова были двѣ дочери; старшая только что вышла замужъ, вторая была еще очень молода, но уже невѣста; мы сошлись съ нею, но она мало выѣзжала. Вся семья Лихониныхъ, и сыновья, и дочери, вращались въ томъ же академическомъ кругу, который и я чаще всего посѣщала. Въ этомъ кружкѣ было рѣдкое собраніе красивыхъ дѣвушекъ, самыхъ разнообразныхъ типовъ. Были двѣ очаровательныя рыженькія англичанки, была одна барышня величественной, ослѣпительной красоты, двѣ-три прелестныя блондинки. Лимоша Бруни представляла изъ себя настоящій типъ красавицы-римлянки, Софи Брюллова—высока, стройна и красива, Юленька Тонъ—восхитительная, фарфоровая куколка; Джесси Каррикъ была хорошимъ образцемъ англійской красоты. Всѣ онѣ были моими подругами дѣтства, но теперь я ближе сошлась съ ними. Мы знали тайны другъ друга, кто за кѣмъ ухаживаетъ, кто чей „предметъ“, помогали другъ другу, если надо было устроить, чтобы подходящіе люди танцовали вмѣстѣ или чтобы дать имъ возможность поболтать. Оказывать такого рода покровительство

я очень любила и была довольна, когда довѣрялись мнѣ. Мы танцовали каждый божій день до утра. Я была абонирована въ оперѣ; не пропускала ни одного перваго представленія новой пьесы, всю масляницу бывала въ театрѣ два раза въ день, изъ театра отправлялась на балъ, бывала иногда на двухъ балахъ въ одинъ вечеръ!.: Удивительно было то, что я нисколько не уставала физически, была здорова и такъ свѣжа, какъ еслибы вела самый правильный образъ жизни въ деревнѣ. Я испытала вполнѣ тотъ „прекрасный вздоръ", о которомъ мечтала, но получила нѣкоторое удовлетвореніе только сначала, скоро стала чувствовать нравственную усталость и презрѣніе къ себѣ. Одно удовольствіе слѣдовало за другимъ и я не умѣла остановить верченіе этого колеса. „Какъ вы измѣнились! — говорилъ мнѣ Костомаровъ. — Вы стали равнодушны къ наукѣ; въ васъ проявляется суетность, чего прежде и тѣни не было. Вы постоянно заняты *вашимъ* характеромъ, *вашей* жизнью, постоянно думаете только *о себѣ*. Берегитесь этого; это доведетъ васъ до того, что вы станете дюжинной женщиной". Разъ принесъ онъ мнѣ въ подарокъ только что вышедшія книжки его послѣдней работы: „Сѣвернорусскія народоправства", и сказалъ: „вы это не прочтете".—„Отчего?" — „Скучно покажется вамъ *теперь*, ни за что не дочтете".—„Нѣтъ, прочту".—„Увѣренъ, что нѣтъ". Хотя можетъ быть съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ прежде, но я прочла эту вещь.

Въ Петербургѣ пользовался большой извѣстностью профессоръ медицинской академіи Э. А. Юнге. Онъ былъ положительно кумиромъ петербургскихъ дамъ. На его музыкальные вечера собиралась немалая часть петербургскаго общества. Одинъ разъ, узнавъ, что онъ любитъ цвѣтъ pensée, всѣ дамы пріѣхали къ нему въ платьяхъ этого цвѣта. Мнѣ такъ прожужжали уши разсказами о его красотѣ, умѣ, любезности, что мнѣ сдѣлалось противно, и я даже не нашла его красивымъ, когда мнѣ его показали въ концертѣ.

Когда мой отецъ, на обратномъ пути изъ-за границы, заѣхалъ къ Грефе и не засталъ его въ Берлинѣ, одинъ изъ ассистентовъ сказалъ: „у васъ есть свой Грефе въ Петербургѣ—проф. Юнге". По пріѣздѣ папа сейчасъ же отправился къ нему и всю зиму лечился у него. Мать моя иногда ѣздила съ отцомъ въ лечебницу и начала приставать ко мнѣ, чтобы я поѣхала посовѣтываться насчетъ увеличивавшейся у меня въ послѣднее время близорукости. Такъ какъ мама дѣлала особенное удареніе на слова: „ты должна поѣхать, хотя бы чтобъ *посмотрѣть на него*", я

всю зиму отказывалась, но наконецъ, уже весною, какъ всегда дала себя уговорить. Мы просидѣли съ докторомъ, позабывъ объ остальныхъ паціентахъ, болѣе часа, говорили обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ моей близорукости, для леченія которой онъ только посовѣтовалъ мнѣ употреблять глазные души; помню, что мы, между прочимъ, много говорили о только что вышедшемъ романѣ Чернышевскаго: „Что дѣлать".

Упомянувъ о романѣ этомъ, не могу не сдѣлать маленькаго отступленія отъ своего разсказа и не выразить моего удивленія тому, какъ долго могутъ держаться въ публикѣ распускаемыя праздными людьми басни. Недавно пришлось мнѣ прочесть въ серьезной газетѣ, что Чернышевскій, въ своемъ романѣ, описалъ событіе изъ жизни Ивана Михайловича Сѣченова. Это совершенная неправда. Чернышевскій вовсе не былъ знакомъ съ Сѣченовымъ; романъ былъ написанъ въ 1863-мъ году, а Иванъ Михайловичъ женился гораздо позже, когда авторъ „Что дѣлать" былъ въ ссылкѣ, и, стало быть, ничего объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ бракъ, знать не могъ.

Возвращаюсь къ перемѣнѣ, которая снова произошла въ моемъ настроеніи весною 1863-го года: я возненавидѣла проведенное въ безтолковыхъ увеселеніяхъ время и съ радостью уѣхала въ Финляндію. Я тогда, какъ разъ, „интересовалась" однимъ красивымъ молодымъ человѣкомъ, поѣхавшимъ, такъ же какъ и Н. А. Сѣверцевъ, съ нами. Не красотой увлекалась я,— я не обращала никакого вниманія на наружность,—а тѣмъ, что онъ показался мнѣ очень умнымъ. Мой другъ Н. А. Сѣверцевъ не одобрялъ моего расположенія къ этому человѣку, но благоразумно молчалъ, ожидая, что оно пройдетъ само собой. Такъ и вышло: узнавъ ближе N. N., я разочаровалась, это увлеченіе прошло такъ же быстро, какъ прежнія, но оно оставило во мнѣ непріятный слѣдъ. Всѣ, кѣмъ я интересовалась раньше, были прекрасные люди, здѣсь же я ошиблась въ своей оцѣнкѣ. Это было обидно моему самолюбію; кромѣ того, я, по легкомыслію, а, главнымъ образомъ, поддавшись насмѣшкамъ N. N., была причиной погибели моего бѣднаго Тоби, который положительно принесъ жизнь въ жертву своей привязанности ко мнѣ. Это, какъ преступленіе, лежало на душѣ моей, такъ что даже воспоминаніе о N. N. стало для меня тяжелымъ. Странно было, что въ самое время моего увлеченія я постоянно думала объ Юнге; при каждомъ моемъ поступкѣ, я говорила себѣ: „еслибъ онъ это зналъ, онъ вѣрно осудилъ бы меня", или „а что бы онъ на это сказалъ?"

У насъ многіе гостили это лѣто, пріѣхалъ и Юнге. Онъ могъ остаться только два дня, но мы проводили въ разговорахъ чуть не цѣлыя ночи; онъ разсказывалъ такъ много и такъ хорошо объ своихъ интересныхъ путешествіяхъ въ совершенно дикія мѣста Африки, что я заслушивалась. А днемъ мы ѣздили верхомъ со всѣмъ нашимъ обществомъ, но такія удивительныя намъ попадались лошади, что мы все оставались вмѣстѣ и отставали отъ прочихъ!.. Разсказывать ли дальше?.. Я полюбила, полюбила настоящимъ образомъ, и весь міръ показался мнѣ краше, и всѣ люди добрѣе, и родныхъ моихъ я стала любить нѣжнѣе, и больно стало мнѣ отказывать тѣмъ, кто просилъ моей руки. Послѣ трехъ мѣсяцевъ блаженства, необыкновеннаго мира душевнаго и счастья, я вышла замужъ.

Кончаю мои воспоминанія, какъ кончаются англійскіе романы, тогда, когда только начинается *жизнь*, съ ея борьбою и заботами, съ ея счастьемъ и горемъ.

Е. Юнге.

ТРАГЕДІЯ ЧЕСТИ

I.

... Да, сказалъ Симонидъ, великое дѣло—честь! Въ стремленіи къ ней люди всякій трудъ берутъ на себя, ни передъ какой опасностью не отступаютъ. И мнѣ думается, что именно этимъ мужъ отличается отъ прочихъ живыхъ существъ—своимъ стремленіемъ къ чести. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ ѣда, питье, сонъ, любовныя утѣхи—всѣмъ этимъ, насколько я понимаю, одинаково наслаждаются всѣ твари; любовь же къ чести не врождена ни безсловеснымъ животнымъ, ни даже всѣмъ людямъ. А тѣ, въ кого природа вселила жажду къ чести и хвалѣ—это именно тѣ, которые болѣе всего возвышаются надъ животными и заслуживаютъ имени уже не просто людей, а именно „мужей".

Таковы мысли, развиваемыя Ксенофонтомъ, устами поэта и мудреца Симонида, въ седьмой главѣ его маленькаго діалога: „Іеронъ". И нѣтъ сомнѣнія, что съ нимъ согласилось бы большинство тѣхъ, къ которымъ относится почетное наименованіе „мужей"—уже начиная съ древнѣйшихъ, съ Гомеровскихъ временъ. Тутъ мы имѣемъ такой примѣръ, рядомъ съ которымъ блекнутъ всѣ остальные—самого Ахилла. Дилемму своей жизни онъ знаетъ изъ устъ своей вѣщей матери (IX, 411; перев. Гнѣдича):

Жребій двоякій меня ведетъ къ гробовому предѣлу.
Если останусь я здѣсь предъ градомъ троянскимъ сражаться,
Нѣтъ возвращенія мнѣ, но слава моя не погибнетъ.
Если же въ домъ возвращусь я, въ любезную землю родную,
Слава моя погибнетъ, но будетъ мой вѣкъ долголѣтенъ.

И все-же онъ не колеблется даже цѣною долгой жизни купить славу. — Конечно не въ этомъ послѣднее слово Иліады; но здѣсь говорить о томъ не приходится, такъ какъ ея послѣднее, великое слово, развиваемое Ахилломъ 24-й пѣсни, во всѣ времена было недоступно пониманію большинства не только людей, но даже и ксенофонтовскихъ „мужей".

Такъ было на зарѣ греческой жизни, такъ было и на закатѣ ея. Какъ ни опустились „graeculi" въ римскія времена— въ одномъ имъ даже къ эпохѣ Горація нельзя было отказать:

Грековъ и творческимъ духомъ, и рѣчью изящною муза
Благословила—за то, что одной они жаждали чести.

Такъ говоритъ про нихъ римскій поэтъ (Посл. II, 3, 323).

Но если честь, какъ таковая, во всѣ времена оставалась путеводной звѣздой греческой жизни, то представленіе о ней сильно измѣнилось между эпохой, когда пѣвцы-гомериды пѣли о витязяхъ троянской войны, и эпохой, когда Зенонъ и Хрисиппъ подъ колоннадами „пестрой стои" просвѣщали свою молодежь въ духѣ почерпнутой изъ природы нравственности. Говоря кратко, мы имѣемъ дѣло съ двумя представленіями, внѣшнимъ и внутреннимъ—и на рубежѣ между обоими стоитъ „трагедія чести".

У Гомера—и въ этомъ ключъ къ пониманію Иліады, хотя и не всей—царитъ наивное, внѣшнее представленіе о чести: честь отожествляется съ ея внѣшними признаками. На этомъ представленіи построена „ссора царей". Почему Агамемнонъ затрудняется возвратить жрецу Хрису его плѣнную дочь? Причинъ у него двѣ. Первая—та, что онъ любитъ ее именно какъ личность, какъ Хриссиду. Въ этой любви онъ признается всенародно съ искренностью грека ахейской эпохи; но ею же онъ жертвуетъ, какъ царь (I, 116).

Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требуетъ польза:
Лучше хочу я спасеніе видѣть, чѣмъ гибель народа.

Но это только первая причина; вторая—та, что юная плѣнница была почетнымъ даромъ царю отъ войска, была не только (какъ бы мы сказали) символомъ оказанной ему соратниками чести, но, согласно только-что затронутому конкретному пониманію отвлеченныхъ идей, была въ данномъ случаѣ именно честью Агамемнона. Въ вопросахъ чести никакія уступки невозможны, возможна только замѣна равноцѣннымъ: Агамемнонъ, поэтому, продолжаетъ:

Вы-жъ мнѣ въ сей день замѣните награду, да въ станѣ аргивскомъ
Я безъ награды одинъ не останусь: позорно-бъ то было—

при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что русское слово „награда“ лишь очень несовершенно передаетъ греческое слово geras, означающее именно то, о чемъ говорится здѣсь: застывшую въ осязуемомъ предметѣ честь.

И въ этомъ всѣ съ царемъ согласны; если Ахиллъ ему возражаетъ, то не потому, чтобы онъ считалъ его представленіе о чести ошибочнымъ, а потому, что по случайнымъ фактическимъ условіямъ требуемое царемъ возмѣщеніе неосуществимо безъ лишенія награды, т.-е. чести, другого ахейскаго вождя. А въ отношеніи чести всѣ равны между собою: это чувствовалось тогда такъ же, какъ и во всѣ времена. И не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы въ эту роковую минуту кто-нибудь, взявъ у глашатая посохъ, обратился бы къ Агамемнону съ такимъ словомъ: „Царь, ты заблуждаешься. Твоя честь нисколько не умалится отъ того, что ты безъ возмѣщенія уступишь свой почетный даръ старцу Хрису. Она независима отъ внѣшнихъ почестей, воздаваемыхъ тебѣ людьми; уронить свою честь можешь только ты самъ своимъ безчестнымъ поступкомъ“,—то не только Агамемнонъ и Ахиллъ, но даже самъ мудрый Несторъ счелъ бы его выходцемъ изъ другого міра.

А между тѣмъ этотъ другой міръ, открывшій эллинамъ другое, внутреннее пониманіе чести, былъ уже не очень далекъ отъ нихъ въ тѣ времена, когда пѣвецъ-гомеридъ облекалъ въ форму героической поэмы старинное сказаніе о ссорѣ царей. Имѣемъ ли мы право отожествлять этотъ міръ съ тѣмъ, который завоевалъ ахейскую Грецію подъ знаменемъ религіи Аполлона? Время не противорѣчитъ этому предположенію. И, во всякомъ случаѣ, новое ученіе вполнѣ достойно бога, начертавшаго слова: „познай самого себя“ (gnôthi seauton) на стѣнѣ своего дельфійскаго храма.

Но эти слова были начертаны позднѣе; въ ту эпоху, когда миѳотворный духъ былъ еще силенъ, нравственныя ученія сами собою стремились облечься въ форму миѳа, чтобы стать и понятными, и дѣйствительными. Миѳологема—мать философемы. Надлежало найти героя для новой „трагедіи чести“, обусловленной конфликтомъ между старымъ и новымъ пониманіемъ. Въ эти герои Ахиллъ не годился; онъ былъ назначенъ для другихъ конфликтовъ, притомъ такихъ, передъ которыми блекнетъ нашъ. Человѣкъ, почувствовавшій на своей рукѣ поцѣлуй отца своей жертвы—такой человѣкъ въ такой мигъ долженъ былъ перерости не только внѣшнее, но даже и внутреннее пониманіе чести

и вознестись въ такую сферу, для которой сама честь—лишь преходящій символъ.

Нѣтъ. Героемъ нашей трагедіи долженъ былъ быть человѣкъ, все духовное существо котораго покрывалось бы понятіемъ воинской чести, который бы весь уходилъ въ нее, не зная, кромѣ нея, ничего въ мірѣ. Этимъ обусловливается, заодно, и нѣкоторая узость взглядовъ и чувствъ; но съ нашей точки зрѣнія эта черта не испортитъ ни его, ни любого изъ паладиновъ Карла Великаго. Къ этому требованію болѣе или менѣе подходитъ нѣсколько витязей Иліады, но никто въ такой степени, какъ постоянный „оплотъ ахейцевъ", сынъ Теламона—Аянтъ (Аяксъ).

II.

Сынъ Теламона, царя маленькаго Саламина, и единокровный братъ Тевкра — вотъ все, что знаетъ Иліада о происхожденіи „великаго" Аянта. Послѣдующія сказанія краснорѣчивѣе. Сходство Аянта, по силѣ и храбрости, съ Ахилломъ заставило признать въ нихъ родственниковъ: Теламонъ былъ сдѣланъ братомъ Пелея, отца Ахилла, оба—сыновьями Эака, котораго родилъ самъ Зевсъ отъ нимфы Эгины и которому онъ подарилъ названный по имени его матери пустынный островъ, населивъ его, по просьбѣ сына, превращенными въ людей муравьями-мирмидонцами (=муравлинами). Но почему-же ни Пелей, ни Теламонъ не унаслѣдовали Эгины, а очутились первый—въ Өессалійской Фтіи, второй — на Саламинѣ? Они должны были покинуть Эгину вслѣдствіе допущеннаго въ юности убійства: уступая просьбамъ своей ревнивой матери, они умертвили третьяго, любимаго сына своего отца, рожденнаго ему нереидой. Такъ-то Теламонъ сталъ царемъ Саламинскимъ. Въ жены онъ взялъ нѣкую Эрибею, которую аөиняне исторической эпохи, въ подкрѣпленіе своихъ правъ на Саламинъ, сдѣлали аөинянкой. Нѣкоторое время ихъ бракъ былъ бездѣтнымъ. Но вотъ Гераклъ, снаряжая походъ противъ троянскаго царя Лаомедонта, обратился за содѣйствіемъ къ Теламону. Тотъ пригласилъ его принести Зевсу возліяніе. Угадывая завѣтное желаніе своего хозяина, Гераклъ въ молитвѣ къ отцу своему Зевсу выпросилъ для него „смѣлаго сына отъ Эрибеи". Когда вслѣдъ за этой молитвой въ небесахъ появился орелъ, Гераклъ принялъ это знаменіе за согласіе высшаго бога и пригласилъ Теламона назвать обѣтованнаго сына, по имени орла (греч. aietos) — Аянтомъ. Такъ произошелъ нашъ герой.

Теламонъ послѣдовалъ за своимъ гостемъ подъ Трою (такъ называемая первая троянская война) и покрылъ себя такой славой, что по взятіи города Гераклъ присудилъ ему первую почетную награду—взятую въ плѣнъ дочь царя Лаомедонта, Гесіону. Отъ этой послѣдней онъ тоже имѣлъ сына, которому онъ, въ память о тевкрійскомъ (троянскомъ) происхожденіи его матери, далъ имя Тевкра.

Все это, повторяю, позднѣйшее сказаніе; для Иліады Теламонъ—простое имя. Впрочемъ можно допустить, что происхожденіе Тевкра было извѣстно творцу Иліады, такъ какъ трудно иначе объяснить его имя. Самъ же онъ сражается какъ искусный стрѣлокъ среди первыхъ героевъ и выручаетъ своихъ въ трудную минуту, при чемъ его незаконное происхожденіе ни въ его глазахъ, ни въ глазахъ его товарищей не является клеймомъ. Совершенно напротивъ: Агамемнонъ, благодаря Тевкра, говоритъ ему (VIII, 282).

Тевкръ, удалая глава, предводитель мужей, Теламонидъ!
Такъ поражай, и успѣешь, и свѣтомъ ахейцамъ ты будешь,
Славой отцу Теламону: тебя возлелѣялъ онъ съ дѣтства
И, побочнаго сына, воспитывалъ въ собственномъ домѣ:
Старца, хотя и далекаго, славой возвысь благородной.

Вернемся, однако, къ Аянту.

Его образъ хорошо знакомъ всѣмъ, когда-либо читавшимъ Иліаду (III, 226):

столько могучій, огромный
Онъ и главой и плечами широкими всѣхъ перевысилъ.

Этому росту и силѣ соотвѣтствуетъ—на то мы въ Элладѣ—и красота; но конечно, красота, подобающая мужу и воину (XVII, 279):

Сынъ Теламона и видомъ своимъ, и своими дѣлами
Всѣхъ аргивянъ превышающій послѣ Пелида героя.

Его издали можно узнать по характерной части его вооруженія—огромному щиту (VII, 219):

...Аянтъ подходилъ, предъ собою несущій, какъ башню,
Мѣдяный щитъ семикожный, который художникъ составилъ
Тихій, усмарь знаменитѣйшій, въ Гилѣ обители жившій,
Онъ сей щитъ сотворилъ, легкодвижимый, семь сочетавши
Кожъ изъ тучнѣйшихъ воловъ и восьмую изъ мѣди поверхность.

Съ этимъ пережиткомъ древнѣйшаго „микенскаго“ вооруженія быстрота бѣга, конечно, несовмѣстима: нигдѣ Аянтъ не назы-

вается легконогимъ, подобно Ахиллу. Зато онъ устойчивъ и надеженъ. Его зовутъ туда, гдѣ опасность всего грознѣе, и безъ отговорки спѣшитъ онъ на зовъ, неся „свой щитъ точно башню", какъ неизмѣнный „оплотъ" и „твердыня" для своихъ. Такова его обычная роль; въ частности же выдаются три момента изъ его воинской жизни подъ стѣнами Трои.

Первый моментъ—это его поединокъ съ Гекторомъ, описанный въ VII-ой пѣснѣ, красивый именно своей безцѣльностью и насквозь пропитанный рыцарскимъ духомъ. Безъ особаго повода, просто чтобы заполнить остатокъ дня, Гекторъ вызываетъ въ бой храбрѣйшаго изъ ахейцевъ. Принимаютъ вызовъ девять лучшихъ бойцовъ, въ томъ числѣ Аянтъ; они бросаютъ жребій; всѣ ахейцы желаютъ, чтобы выборъ судьбы палъ на Аянта—и ихъ желаніе исполняется. Радостно признаетъ Аянтъ свой жребій, но, какъ человѣкъ благочестивый, приглашаетъ своихъ къ молитвѣ (193).

Други, пока я въ рядахъ боевые доспѣхи надѣну,
Вы молитеся Зевсу, могучему Кронову сыну,
Между собою безмолвно, да васъ не услышатъ трояне;
Или молитеся громко, мы никого не страшимся.

Этотъ послѣдній стихъ, въ которомъ воинская гордость борется съ благочестіемъ, свидѣтельствуетъ объ особой чертѣ въ характерѣ Аянта, которую позднѣйшая поэзія усердно развила; не мѣшаетъ запомнить ее уже и теперь.

Передъ поединкомъ бойцы обмѣниваются учтивыми, хотя и самоувѣренными рѣчами; затѣмъ они вступаютъ въ бой. Побѣда видимо благопріятствуетъ Аянту, но до рѣшенія наступаетъ ночь; глашатаи ахейскіе и троянскіе, исполняющіе здѣсь обязанности секундантовъ, разнимаютъ бойцовъ, протягивая скипетры между ними (279).

Кончите, дѣти любезныя, кончите брань и сраженье.
Оба равно вы любезны гонителю облаковъ Зевсу,
Оба храбрѣйшіе воины.

Аянтъ великодушно предоставляетъ рѣшеніе Гектору, какъ вызвавшему его. Гекторъ, въ лестной для противника рѣчи, соглашается съ предложеніемъ вѣстниковъ и прибавляетъ отъ себя (299):

Почтимъ мы другъ друга дарами на память.
Нѣкогда пусть говорятъ и Трои сыны, и Эллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце,
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной.

И они обмѣниваются дарами: Гекторъ даритъ Аянту „мечъ среброгвоздый“, Аянтъ Гектору—пурпуровый поясъ... Позднѣе поэты-эпигоны этимъ обоюднымъ дарамъ приписали символическое значеніе, о которомъ врядъ ли мечталъ пѣвецъ нашей радостной и рыцарской пѣсни.

Съ этимъ они разстаются. Агамемнонъ, гордый успѣхомъ Аянта, устраиваетъ въ честь его торжественный пиръ (320).

Никто не нуждался на пиршествѣ общемъ,
Но Аянта-героя особо хребтомъ безконечнымъ
Царь Агамемнонъ почтилъ, повелитель ахеянъ державный.

Таковъ этотъ первый моментъ; и право, пріятно почить взоромъ на немъ. Повсюду здѣсь разлита атмосфера чести—безкорыстной, не приправленной никакими посторонними расчетами. И покоится этотъ ореолъ чести всецѣло на челѣ Аянта. Почтенный своимъ храбрымъ противникомъ Гекторомъ, съ которымъ онъ связалъ себя дружбой и обмѣномъ даровъ, почтенный своимъ вождемъ Агамемнономъ, отъ котораго онъ за общей трапезой получилъ сугубое угощеніе, почтенный, наконецъ, богами, даровавшими ему превосходство въ бою, онъ—по истинѣ центръ всеобщей почтительной любви. Съ трудомъ вѣрится, что это тотъ самый Аянтъ, который нѣкогда въ „трагедіи чести“ долженъ будетъ сказать про себя (ст. 457):

Явно ненавистенъ
Богамъ я сталъ; враждебно мнѣ все войско,
Враждебна Троя и земля кругомъ...

Но мы еще не покончили съ Аянтомъ Иліады.

Второй моментъ его чести—это его посольство къ гнѣвному Ахиллу, вмѣстѣ съ Одиссеемъ и (по нашей Иліадѣ) со старымъ воспитателемъ Ахилла, Фениксомъ, описанное въ IX-ой пѣснѣ. Красиво здѣсь оттѣняется, однимъ ихъ сопоставленіемъ, различный характеръ обоихъ оплотовъ ахейской рати, Одиссея и Аянта, объединенныхъ общею цѣлью. Одиссей говоритъ первый; его рѣчь длинна, искусно построена и психологически превосходно расчитана. Ничего подобнаго не видимъ мы у Аянта. Его рѣчь—искренній вопль, вырвавшійся изъ честнаго, безхитростнаго сердца. Для него Ахиллъ—просто воинъ, отказывающійся помочь своимъ товарищамъ въ стѣсненномъ ихъ положеніи. Конечно, къ соображеніямъ чести и онъ чувствителенъ, и даже очень, но—отожествляя и здѣсь честь съ ея внѣшними признаками—онъ полагаетъ, что Ахиллъ получилъ полное удо-

влетвореніе за то оскорбленіе, которое ему было нанесено уведеніемъ его плѣнницы, и не понимаетъ, какъ онъ можетъ продолжать гнѣваться (637):

ради единой
Дѣвы! Но семь ихъ тебѣ превосходнѣйшихъ мы предлагаемъ,
Много даровъ и другихъ!

Вообще насъ здѣсь поражаетъ его замѣчательное добродушіе, столь хорошо идущее къ богатырской силѣ — то самое добродушіе, которое его заставляетъ въ каждую данную минуту безпрекословно приходить на помощь своимъ. Именно съ этой точки зрѣнія онъ осуждаетъ непримиримость Ахилла, который, по его словамъ (630),

Дикую въ сердце вложилъ, за предѣлъ выходящую гордость!
Смертный суровый! Въ ничто поставляетъ и дружбу онъ ближнихъ,
Дружбу, какою мы въ станѣ его отличали предъ всѣми.

Позднѣйшая поэзія и эту черту измѣняетъ, надѣляя Аянта тою же гордостью, которую онъ здѣсь осуждаетъ у Ахилла.

Третій изъ рѣшающихъ моментовъ—это участіе Аянта въ сраженіи у кораблей, описанное въ XV и XVI пѣсняхъ. Это была самая тяжелая для ахейцевъ минута. Всѣ ихъ укрѣпленія были взяты, они были оттѣснены къ кораблямъ, разрушеніе которыхъ повело бы за собою ихъ собственную гибель. Лучшіе герои — Агамемнонъ, Діомедъ, Одиссей—были ранены; одинъ только Аянтъ оставался оплотомъ своихъ. И вотъ, онъ стоитъ на кормѣ корабля, у котораго происходитъ бой, съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ и поражаетъ имъ каждаго, кто съ огнемъ подходитъ къ кораблю. Двѣнадцать троянъ онъ такимъ образомъ убилъ; но Гектору удалось ловкимъ ударомъ меча отсѣчь остріе его копья (XVI, 117).

Далеко отъ Аянта
Острая мѣдь отлетѣла и о землю звякнула павши.
Сынъ Теламона позналъ по невольному трепету сердца
Дѣло боговъ, и, познавъ, что его всѣ замыслы брани
Зевсъ громоносный ничтожитъ, даруя троянамъ побѣду,
Онъ отступилъ.

И здѣсь, наконецъ, благодаря вмѣшательству Патрокла, наступаетъ поворотъ. Такъ-то до послѣдней минуты Аянтъ былъ оплотомъ своихъ.

Таковъ Аянтъ Иліады. Настоящее олицетвореніе героической чести, грозный въ бою и добродушный въ мирѣ, любящій своихъ

товарищей и любимый ими, не знающій тѣхъ страстей, которыя волнуютъ грудь Ахилла, онъ, кажется, самой судьбой предназначенъ къ тому, чтобы — если Аресъ его пощадитъ, — мирно состариться среди своихъ, покрытый лаврами неувядающей славы.

Перейдемъ, однако, отъ Иліады къ Одиссеѣ, этой поэмѣ примиренія, гдѣ съ такимъ искусствомъ сообщены свѣдѣнія объ исходѣ жизни героевъ троянской войны. И здѣсь мы находимъ нашего Аянта, но въ преисподней. Его душу встрѣчаетъ тамъ Одиссей; и какъ онъ ее встрѣчаетъ? Обрадовался ли Аянтъ своему старому соратнику, которому онъ спасъ жизнь на „мостахъ войны" между рвомъ и Скамандромъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ ублажалъ разгнѣваннаго Ахилла? Нѣтъ. (XI, 543, перев. Жуковскаго).

Душа Теламонова сына Аянта
Молча стояла вдали, одинокая, все на побѣду
Злобясь мою, мнѣ отдавшую въ станѣ аргивянъ доспѣхи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелѣла
Дать ихъ Ѳетида; судили трояне—ихъ судъ имъ Аѳина
Тайно внушила. Зачѣмъ, о зачѣмъ одержалъ я побѣду,
Мужа такого низведшую въ нѣдра земныя? Погибъ онъ
Бодрый Аянтъ, и лица красотою и подвиговъ славой,
Послѣ великаго сына Пелеева, всѣхъ превзошедшій.

Тщетно старается Одиссей ласковой, полной искренняго раскаянія рѣчью вновь расположить къ себѣ почившаго товарища: молчаливой и непримиренной уходитъ душа Аянта къ сонму прочихъ душъ, подъ мрачные своды Эреба.

Отчего же такъ измѣнился добрый и сильный Аянтъ, оплотъ ахейцевъ? Что произошло въ промежутокъ времени, отдѣляющій Иліаду отъ Одиссеи?

Произошла — „трагедія чести".

Въ чемъ она состояла—это отчасти можно извлечь изъ намековъ въ выписанныхъ выше стихахъ Одиссея. Послѣ смерти Ахилла, его мать Ѳетида предложила ахейскимъ вождямъ состязаніе изъ-за его доспѣховъ—золотыхъ доспѣховъ, работы самого бога-кузнеца, Гефеста. „Лучшій" послѣ Ахилла герой долженъ былъ ихъ получить. На основаніи—это не сразу понятно—суда троянъ, внушеннаго Аѳиной, ихъ получилъ не Аянтъ, а Одиссей. Это пораженіе свело въ могилу Аянта.

Событія между Иліадой, т.-е. похоронами Гектора, и Одиссеей, т.-е. возвращеніемъ Одиссея въ Итаку, были содержаніемъ эпосовъ, такъ называемаго эпическаго цикла. Эти эпосы намъ

не сохранены; но ихъ содержаніе намъ въ общихъ чертахъ извѣстно, благодаря тому, что ихъ эксцерпировалъ въ неизвѣстное съ точностью время грамматикъ Проклъ, въ своей „хрестоматіи". Отсюда видно, что эти эпосы составляли одну непрерывную цѣпь, но все же не примыкали другъ къ другу такъ, чтобы слѣдующему начинаться тамъ, гдѣ кончался предшествующій, а отчасти своими концами покрывали другъ друга. Такъ, споръ о доспѣхахъ Ахилла и послѣдовавшая за нимъ смерть Аянта были разсказаны въ концѣ перваго изъ продолжавшихъ Иліаду эпосовъ, „Эѳіопиды", и въ началѣ второго, „Малой Иліады". Разсказаны они были не одинаково. Скажемъ болѣе: разница между „Эѳіопидой" и „Малой Иліадой" настолько велика, что—предполагая сознательность второго поэта — пришлось бы ту знаменательную грань между внѣшнимъ и внутреннимъ пониманіемъ чести, о которой была рѣчь выше, провести какъ разъ между обѣими циклическими поэмами.

Что касается, прежде всего, разсказа „Эѳіопиды", то мы возстановляемъ его, кромѣ тощаго эксцерпта Прокла, еще изъ схоліастовъ на выписанные выше стихи Одиссеи. Получается слѣдующее. Когда Ахиллъ былъ убитъ стрѣлою Париса, изъ-за его трупа загорѣлась жестокая битва между ахейцами и троянами. Все же онъ былъ спасенъ Аянтомъ и Одиссеемъ, причемъ Аянтъ на своихъ рукахъ его вынесъ изъ сраженія, а Одиссей, тѣмъ временемъ, рубясь съ непріятелемъ, прикрывалъ отступленіе Аянта къ своимъ. На похороны Ахилла явилась его божественная мать Ѳетида, съ музами; почтивъ его смерть торжественнымъ плачемъ, она объявила ахейцамъ, что предоставляетъ его чудесные доспѣхи „лучшему" изъ ихъ среды. Указать таковаго могло только собраніе ахейцевъ—точнѣе, ахейскихъ вождей. Соперниками выступили двое—тѣ самые, которые спасли трупъ убитаго: Аянтъ и Одиссей. Они въ особой рѣчи каждый обосновывали свои права (знаменитый на всю античность „споръ о доспѣхахъ"). Мнѣнія вождей раздвоились. Тогда Агамемнонъ предложилъ спросить троянскихъ плѣнниковъ, который изъ обоихъ соперниковъ причинилъ ихъ родинѣ больше вреда. По внушенію Аѳины, трояне назвали Одиссея. Соотвѣтственно этому приговору вожди присудили доспѣхи ему. Страшнымъ гнѣвомъ сверкнули тутъ глаза Аянта. Подалирій, сынъ Асклепія, замѣтилъ это и понялъ, что онъ замышляетъ недоброе. И дѣйствительно, не успѣла ночь пройти, какъ Аянтъ умертвилъ себя собственной рукой.

Остановимся немного на этомъ изложеніи. Первое, что намъ

бросается въ глаза—это то, что пониманіе чести здѣсь такое же, какъ и въ Иліадѣ. Она отожествляется со своимъ внѣшнимъ символомъ, съ доспѣхами Ахилла. Какъ Ахиллъ нѣкогда счелъ себя обезчещеннымъ вслѣдствіе отнятія у него плѣнницы, почетнаго ему дара отъ войска, такъ и теперь Аянтъ считаетъ свою честь потерянной, вслѣдствіе того, что ему не достались доспѣхи Ахилла, назначенные „лучшему" изъ ахейцевъ. А такъ какъ честь была содержаніемъ всей его жизни, то онъ не въ состояніи пережить ея потерю. Послѣдовательность полная; ничего *новаго новый* моментъ Аянту не открываетъ, онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ и раньше.

А теперь перейдемъ къ „Малой Иліадѣ", дополняя и тутъ эксцерптъ Прокла постороннимъ источникомъ, а именно схоліастомъ на Аристофана (Всадники, 1056). Разногласіе начинается съ того момента, когда послѣ произнесенія обоими соперниками своихъ рѣчей, ахейскіе вожди совѣщаются о приговорѣ. Несторъ совѣтуетъ отправить развѣдчиковъ подъ троянскую стѣну и подслушать, что говорятъ враги. Тамъ на стѣнѣ, благодаря перемирію, собрались троянскія дѣвушки; естественно, что онѣ говорятъ о событіяхъ въ греческомъ станѣ, о спорѣ изъ-за доспѣховъ. Одна вступается за Аянта:

Поднялъ Ахилла-героя и вынесъ изъ сѣчи кровавой
Только Аянтъ; Одиссей же коснуться его убоялся.

Но другая, по внушенію Аѳины, ей отвѣтила:

Что говоришь ты? Къ чему неразумное молвишь ты слово?
Ношу снесетъ и жена, если мужъ ее сильный возложитъ.

Согласно этому безсознательному приговору троянокъ, ахейскіе вожди присуждаютъ доспѣхи Одиссею. „Аянтъ впадаетъ въ безуміе: онъ производитъ рѣзню среди стадъ ахейской добычи и затѣмъ самъ себя убиваетъ". Эти послѣднія слова Прокла понятны только въ томъ случаѣ, если развить ихъ въ соотвѣтствіи съ трагедіей Софокла: Аянтъ, впавъ въ безуміе, рѣжетъ быковъ и барановъ ахейской добычи, воображая, что онъ убиваетъ своихъ обидчиковъ-ахейцевъ, и затѣмъ, прозрѣвъ, убиваетъ самого себя. Другими словами: между обиднымъ для Аянта приговоромъ вождей и его самоубійствомъ поэтъ Малой Иліады вставилъ еще одно звено, котораго не знаетъ поэтъ Эѳіопиды, и это звено—позорный поступокъ самого Аянта. Приговоръ вождей отнялъ у Аянта только внѣшнюю честь, олицетворенную въ доспѣхахъ Ахилла; это было обидой, но не болѣе—и за эту обиду онъ рѣ-

шилъ отомстить своимъ врагамъ, но не лишить себя жизни. Планъ мести, однако, не удается: изступленный герой обращаетъ свой ретивый мечъ противъ беззащитныхъ животныхъ. Этимъ онъ опозорилъ себя—именно онъ себя, а не другіе его; отнынѣ онъ сталъ посмѣщищемъ для своихъ товарищей. Вотъ этого-то позора, этой потери внутренней чести онъ не можетъ вынести: прозрѣвъ, онъ самъ съ собою кончаетъ.

Малая Иліада — сравнительно поздняя поэма; она была составлена около середины седьмого вѣка до Р. Х., въ эпоху наибольшаго вліянія Дельфовъ и религіи Аполлона. Поэтому вполнѣ возможно допустить, что ея поэтъ сознательно ввелъ этотъ новый элементъ, чтобы на немъ произвести метаморфозу понятія чести, оторвать ее отъ внѣшняго символа и перенести въ самое сердце, въ самую душу человѣка. Но, конечно, не обладая самой поэмой, трудно утверждать навѣрное, какіе были замыслы у ея поэта. А впрочемъ, даже если бы наше предположеніе оказалось ошибочнымъ, все-таки то построеніе эволюціи чести, которое мы здѣсь допускаемъ, остается въ силѣ; придется только критическій пунктъ отнести къ болѣе позднему времени и приписать ту заслуту, о которой идетъ рѣчь, уже не автору Малой Иліады, а Софоклу.

Къ нему мы сейчасъ перейдемъ; хронологическая послѣдовательность требуетъ, чтобы мы сначала коснулись двухъ другихъ поэтовъ, писавшихъ раньше Софокла; это были Пиндаръ и Эсхилъ. Изъ нихъ Пиндаръ несомнѣнно примыкаетъ къ Эѳіопидѣ, а не къ Малой Иліадѣ. На первый взглядъ это можетъ показаться страннымъ: вѣдь онъ былъ пѣвцомъ Аполлона, пророкомъ аполлоновской религіи и морали. Да, конечно; но въ то же время онъ былъ другомъ рыцарской Эгины и упоминалъ объ Аянтѣ въ одахъ, посвященныхъ эгинетамъ; а эти послѣдніе благоговѣли передъ памятью своихъ родныхъ героевъ—эакидовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Аянтъ. Вполнѣ понятно, поэтому, что варіантъ, согласно которому Аянтъ опозорилъ себя безсмысленнымъ актомъ мести, былъ для Пиндара непріемлемымъ. Мало того: даже варіантъ Эѳіопиды, согласно которому Аянтъ былъ обиженъ приговоромъ товарищей-вождей, показался Пиндару нуждающимся въ поправкѣ. Быть не можетъ, чтобы это былъ открытый, искренній, честный приговоръ. „Рѣчи — лакомство для завистливыхъ; зависть же всегда уязвляетъ однихъ только добрыхъ, противъ худыхъ она не выступаетъ. Зависть сразила и Теламонова сына, заставивъ его броситься на свой

мечъ. Да, безъязычнаго мужа, хотя и съ храбрымъ сердцемъ, забвеніе окутываетъ въ прискорбномъ спорѣ; зато лоснящейся лжи предложена величайшая награда. Такъ и тогда данайцы въ тайныхъ голосахъ почтили Одиссея; Аянтъ же, лишенный золотыхъ доспѣховъ, добровольно пошелъ навстрѣчу смерти" (Нем. VII, 22).

„Въ тайныхъ голосахъ"... что это значитъ? Всегда въ исторіи развитія государства тайное голосованіе было оплотомъ демократической свободы; и всегда оно именно поэтому было ненавистно аристократамъ. Одиссея поэтъ охотно изображаетъ „угодникомъ народа" (Евр. Гек. 132); не хочетъ ли Пиндаръ сказать, что именно онъ ввелъ здѣсь тайное голосованіе? И не хочетъ ли поэтъ-аристократъ именно указаніемъ на неправильный судъ, свершившійся подъ покровомъ тайны, осудить это антипатичное ему учрежденіе? Это вполнѣ возможно; но возможно также, что поэтъ имѣетъ въ виду тайныя злоупотребленія, допущенныя судьями и давшія Одиссею незаконный перевѣсъ — злоупотребленія, лежавшія, разумѣется, на отвѣтственности Атридовъ, какъ предсѣдателей суда. Такъ во всякомъ случаѣ понялъ дѣло Софоклъ, какъ видно изъ сцены спора Тевкра и Менелая (ст. 1135).

Т. Судомъ кривымъ ты оскорбилъ его.
М. Вините судей, я тутъ непричастенъ.
Т. Всегда злодѣйство тайною красно!

Во всякомъ случаѣ для насъ это темное мѣсто.

Но Пиндаръ вообще не идетъ дальше краткихъ намековъ, изъ которыхъ вышеприведенный — самый интересный. Гораздо болѣе краснорѣчивымъ свидѣтелемъ былъ бы для насъ Эсхилъ, если бы его поэтическая обработка преданія о смерти Аянта намъ была сохранена. По своему обыкновенію, онъ посвятилъ ему трагическую трилогію, изъ которой мы съ увѣренностью можемъ назвать первыя двѣ драмы и съ большимъ правдоподобіемъ — третью. Сохранившіеся отрывки немногочисленны, но не лишены интереса: къ нимъ можно присоединить два-три намека грамматиковъ. Посмотримъ, насколько они даютъ намъ возможность возстановить фабулу Эсхиловой „Аянтиды".

Первой частью была трагедія, озаглавленная „Судъ о доспѣхахъ" (Hoplôn Krisis). Къ ея возстановленію мы привлекаемъ — кромѣ скудныхъ греческихъ источниковъ — еще отрывки, правда, тоже скудные, драмы „Armorum judicium" римскаго тра-

гика Пакувія, воспроизводившаго на римской сценѣ преимущественно творенія Эсхила. Но уже изъ греческихъ источниковъ видно, что въ трагедіи выступала Ѳетида: красивое мѣсто изъ ея рѣчи мы приведемъ ниже; кромѣ него сохранилось, благодаря пародіи Аристофана (Ахарняне, 883) привѣтствіе этой богини лицомъ, которое—какъ замѣчаетъ схоліастъ на это мѣсто—предлагаетъ ей предоставить судъ вышедшимъ вмѣстѣ съ нею изъ морской глубины Нереидамъ:

Ты въ сонмѣ дѣвъ, Нереемъ порожденныхъ,
Почтеннѣйшая, старшая сестра...

Конечно, Ѳетида отказалась, ссылаясь, вѣроятно, на то, что судить человѣка могутъ только лучшіе изъ равныхъ ему, какъ это установила позднѣе Аѳина въ „Евменидахъ" того же поэта.

Повидимому, изъ этого отвѣта Ѳетиды намъ сохранены два стиха въ передѣлкѣ Пакувія:

Кто ближе всѣхъ къ соперникамъ стоитъ,
Имъ всѣмъ суда я власть предоставляю.

Такъ устанавливается судъ изъ лучшихъ ахейскихъ вождей. Но все же и Нереиды не могли быть вызваны безъ причины, полагаю, что онѣ образовали хоръ трагедіи. И здѣсь аналогіей могутъ служить только что названныя „Евмениды": судятъ Ореста ареопагиты, но хоръ образуютъ не они, а тѣ богини, которыя дали свое имя трагедіи.

Итакъ, установленіе суда Ѳетидой — первая часть трагедіи; къ ней принадлежатъ еще слѣдующіе стихи, тоже извѣстные въ переводѣ Пакувія:

Ты справедливо требованье ставишь:
Пусть предъ судомъ присягу дастъ судья.

О томъ, какъ любилъ нашъ поэтъ освящать формальности судопроизводства своихъ временъ ореоломъ героической эпохи, тоже свидѣтельствуютъ все тѣ же „Евмениды"; здѣсь требованіе ставилъ, надо полагать, Аянтъ, а Ѳетида, установительница суда, признала его справедливымъ.

Вторую и главную часть трагедіи составлялъ самый судъ—и прежде всего рѣчи Аянта и Одиссея. Это, къ слову сказать, знаменитая на всѣ времена тема: самая пространная ея разработка намъ сохранена въ „Метаморфозахъ" Овидія (XIII, I — 398). Намъ она непріятна: ласковая красота гомеровскихъ героевъ теряетъ отъ того, что каждый изъ нихъ выставляетъ на видъ

собственныя достоинства и старается унизить своего соперника. Дѣлать нечего: тутъ сказался, въ противоположность къ наивной Іоніи, характеръ споролюбивыхъ Аѳинъ.

Первымъ говорилъ Аянтъ. О чемъ? Обо всемъ, начиная съ происхожденія. Своимъ онъ похвалиться можетъ, сопернику онъ припоминаетъ дурную славу, ходившую объ его матери:

Къ себѣ Сисифъ приблизилъ Антиклею —
Да, мать твою, что̀ родила тебя.

Гомеръ объ этомъ ничего не знаетъ, но позднѣйшіе любили сопоставлять хитроумнаго Одиссея съ первопреступникомъ Сисифомъ, коринѳскимъ царемъ, и сочинили варіантъ, согласно которому мать Одиссея, прежде чѣмъ выйти за Лаэрта, отдалась Сисифу, гостившему какъ разъ у ея отца Автолика. Софоклъ въ своей трагедіи тоже использовалъ въ драматическихъ цѣляхъ эту черту послѣ-гемеровскаго преданія (ст. 190).

Вообще рѣчь Аянта дышитъ гордостью и презрѣніемъ къ противнику:

Кто жъ тебя сочтетъ достойнымъ, чтобы въ споръ съ тобой вступать?

говоритъ онъ ему (у Пакувія). А впрочемъ—словъ онъ не тратитъ: краснорѣчіе ему не дано, рукою онъ сильнѣе, чѣмъ языкомъ; къ тому же

Простою рѣчью Правда говоритъ.

Другое дѣло — Одиссей. Изъ его рѣчи у Эсхила намъ ничего не сохранено, но все же—на основаніи позднѣйшихъ обработокъ—мы можетъ быть увѣрены, что онъ въ эту важную минуту его жизни всецѣло воспользовался тѣмъ даромъ, которымъ его облагодѣтельствовала природа.

Судьи потрясены; они не рѣшаются произнести своего приговора. Тогда кто-то предлагаетъ исходъ изъ затрудненія: опросить плѣнныхъ троянъ, кто изъ обоихъ противниковъ причинилъ ихъ родинѣ наиболѣе вреда. Призывается старшій между ними. Въ чемъ дѣло? — спрашиваетъ онъ и слышитъ отвѣтъ (Пак.):

Ужели ты не зналъ
Про судъ нашъ объ Ахилловыхъ доспѣхахъ?

Почетное порученіе не радуетъ плѣнника. Высказаться въ пользу одного—значитъ навлечь на себя гнѣвъ другого. Вполнѣ понятно, что предсѣдатель суда, Агамемнонъ, хочетъ снять съ себя эту обузу (Пак.).

Предпочелъ ты въ безопасномъ мѣстѣ оставаться; намъ
Должность ты свою вручаешь!

Тщетно возражаетъ царь, что гнѣвъ оскорбленнаго можетъ обратиться только на поручителей, а не на орудіе; испытанный жизнью плѣнникъ недовѣрчивъ (Пак.).

Если въ пса ты пустишь камнемъ—не тебя онъ будетъ грызть:
Онъ набросится на самый камень, что ушибъ его.

Средство одно: надо устроить такъ, чтобы гнѣвъ побѣжденнаго пересталъ быть страшенъ для судей-плѣнниковъ. Агамемнонъ на это согласенъ (Пак.):

Приговоръ безъ затрудненій правый изрекутъ они
И на непріятномъ мѣстѣ: мы свободу имъ дадимъ!

Этимъ сопротивленіе плѣнниковъ, понятно, сломлено; троянецъ возвращается къ своимъ и черезъ нѣкоторое время выноситъ ихъ вердиктъ: наиболѣе опаснымъ врагомъ признанъ Одиссей. Это еще не окончательный приговоръ, а только матеріалъ для таковаго: судить все же долженъ установленный Ѳетидой судъ. Его послѣднія колебанія побѣждаетъ — если судить по намеку въ трагедіи Софокла — Менелай, предложеніемъ, чтобы подача голосовъ была тайная. Оно принимается: большинствомъ голосовъ побѣда и доспѣхи присуждены Одиссею.

Послѣдняя часть трагедіи—дѣйствіе приговора на соперниковъ, особенно на Аянта. Оно можетъ быть высказано въ одномъ словѣ: онъ уничтоженъ. Со злобой смотритъ онъ Одиссею вслѣдъ (Пак.):

Его я спасъ, чтобъ отъ него погибнуть!

Собственная его участь для него ясна: онъ этого удара не переживетъ:

Какая цѣнность въ жизни, если горя
Она полна?

А для него радости уже невозможны:

Нѣтъ для души свободной палача
Столь бѣшенаго, какъ безчестья жало.
Ему я жертвой обреченъ. Клеймо
Неизгладимаго позора вѣчно
Меня терзаетъ: пыткой изступленья
Оно всѣ чувства, что въ глуби завѣтной
Души моей покоились, срываетъ
И на поверхность яростно влечетъ.

Тщетно стараются Нереиды утѣшить и успокоить его; онъ прощается съ ними и идетъ принять смерть отъ собственной руки.

Таково содержаніе „Суда о доспѣхахъ". Гораздо менѣе намъ извѣстно о второй трагедіи Эсхиловой трилогіи, о „Ѳракіянкахъ". По содержанію она соотвѣтствовала „Аянту" Софокла, но это-то и затрудняетъ дѣло возстановленія: нужно быть очень осторожнымъ, чтобы не приписать Эсхилу того, что могло быть у него заимствовано Софокломъ, но могло быть и собственнымъ домысломъ послѣдняго. Одно мы знаемъ навѣрное: у Эсхила самоубійство Аянта, — въ отличіе отъ Софокла, но въ соотвѣтствіи съ обычаемъ трагедіи, — происходитъ за сценой. Кромѣ того, Эсхилъ воспользовался еще одной чертой сказанія объ Аянтѣ, одинаково отсутствующей какъ у Гомера, такъ и у Софокла. Эта черта — параллель къ тому разсказу о зачатіи Аянта, который мы привели выше, слѣдуя Пиндару. Здѣсь Гераклъ, пророча Теламону о будущемъ величіи его сына, говоритъ, что онъ будетъ несокрушимымъ, подобно тому льву (немейскому), шкура котораго его покрываетъ. Такъ вотъ, продолжая далѣе въ томъ же направленіи, разсказывали, что Гераклъ, вернувшись съ похода вмѣстѣ съ Теламономъ, засталъ въ его домѣ новорожденнаго Аянта; лаская младенца, онъ закуталъ его въ львиную шкуру, которою онъ былъ покрытъ, и вслѣдствіе этого тѣло Аянта стало неуязвимымъ. Гомеръ, повторяю, этой неуязвимости Аянта не знаетъ; не признаетъ ея и Софоклъ — оба были въ извѣстныхъ предѣлахъ раціоналистами. Но Эсхилъ любилъ чудесное и охотно сохранилъ за своимъ Аянтомъ эту черту преданія. И вотъ, его Аянтъ рѣшилъ покончить съ собою, но ему не удается пронзить себя мечемъ: сталь его гнется, не будучи въ состояніи разсѣчь его неуязвимую кожу. Его мученія только увеличиваются этою невозможностью освободиться отъ ненавистной ему жизни. Наконецъ, милосердная „богиня" (неизвѣстно какая) указала ему уязвимое мѣсто его тѣла— подъ мышкой, куда не проникъ защищающій покровъ львиной шкуры. Такимъ образомъ Аянту удалось умертвить себя.

Все это происходило за сценой и было содержаніемъ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ разсказа „вѣстника". Кому же разсказывалъ объ этомъ вѣстникъ? Прежде всего, какъ это въ обычаѣ у трагиковъ, хору; хоръ же трагедіи состоялъ, какъ показываетъ ея заглавіе, изъ ѳракіянокъ, т.-е., судя по схоліи на Софоклова Аянта (ст. 134), изъ ѳракійскихъ плѣнницъ Аянта. Это несомнѣнно; но почти несомнѣнно и то, что выдающееся

участіе въ дѣйствіи принималъ и сводный братъ Аянта, Тевкръ. Отъ другихъ предположеній осторожнѣе будетъ воздержаться.

Наконецъ, третьей трагедіей трилогіи врядъ ли можетъ быть другая, кромѣ „Саламинянокъ". Правда, о ней мы ничего не знаемъ, кромѣ заглавія; но никакое другое продолженіе описанныхъ во „Ѳракіянкахъ" событій немыслимо, кромѣ того, на которое въ „Аянтѣ" Софокла указываетъ Тевкръ (ст. 1003):

О сколькихъ золъ зародышемъ мнѣ будетъ
Твоя кончина! Не помогъ въ страданьяхъ
Тебѣ ничѣмъ я; кто жъ меня привѣтитъ,
Въ какой странѣ убѣжище найду?
Отецъ нашъ общій, Теламонъ—неправда-ль,
Сколь ласковымъ, сколь милостивымъ взоромъ
Меня онъ приметъ, если одинокимъ
Къ нему вернусь, тебя оставивъ здѣсь?
Да, ласковымъ! Не видывалъ я ласки
И при улыбкѣ счастья отъ него!
Ему-ль смолчать? Ему ли скрыть зазнобу
Противъ того, что отпрыскомъ потайнымъ
Рожденъ отъ плѣнной дочери врага?
Изъ трусости, изъ жалкаго безсилья—
Такъ скажетъ онъ—тебя я предалъ, братъ;
А то и съ умысломъ, чтобъ послѣ смерти
Твоей и домъ, и царство захватить.
Онъ вспыльчивъ былъ всегда; теперь и старость
Его гнететъ и поводомъ ничтожнымъ
Склоняетъ къ гнѣву; въ завершенье землю
Покину я, взамѣнъ свободной доли,
Рабомъ поставленный изъ устъ отца.

Съ другой стороны, Тевкръ принадлежалъ къ тѣмъ героямъ Эсхила, которыми онъ наиболѣе гордился, какъ видно изъ его словъ въ „Лягушкахъ" Аристофана (ст. 1099; говорится о Гомерѣ):

Ему слѣдовалъ я, и въ мечтаньяхъ своихъ
создавалъ богатырскую доблесть,
И Патрокловъ и Тевкровъ, ретивыхъ какъ львы,
въ назиданіе гражданамъ нашимъ,
Чтобъ стремились на нихъ походить и они,
когда голосъ трубы призоветъ ихъ.

И наконецъ — мы знаемъ, что Пакувій, усердный подражатель Эсхила, въ своемъ „Тевкрѣ" описалъ именно тѣ событія, о которыхъ пророчитъ себѣ самому Софокловскій герой. Его трагедія—изъ нея сохранилось сравнительно немало отрывковъ,—пользовалась въ Римѣ большой славой; еще Цицеронъ („Объ

ораторѣ", II, 193) съ наслажденіемъ вспоминаетъ видѣнное имъ представленіе — какъ у Теламона горѣли глаза въ то время, когда отъ отвергалъ своего побочнаго сына за его мнимое предательство. Отзвуки этой трагедіи мы находимъ въ заключительныхъ стихахъ оды Горація къ Планку (I, 7, 21):

...Покидалъ вѣдь отца съ Саламиномъ
Тевкръ непреклонный—и все же листвою
Тополя кудри, виномъ увлажненныя, бодро вѣнчалъ онъ,
Такъ огорченныхъ друзей утѣшал:
Други! Куда насъ направитъ—отца оно ласковѣй—счастье,
Смѣло туда мы пойдемъ безъ оглядки.
Нѣтъ вамъ бѣды, пока Тевкръ вашъ правитель и Тевкръ вашъ гадатель.
Слово вѣщалъ непреложное Фебъ намъ,
Что намъ на новой землѣ Саламинъ обновленный воскреснетъ.
О храбрецы! Вѣдь немало невзгодъ мы
Вмѣстѣ извѣдали! Нынѣ виномъ прогоняйте заботы,
Завтра—впередъ въ безпредѣльное море!

Если бросить взглядъ назадъ на возстановленную нами по мѣрѣ возможности „Аянтиду" Эсхила, то внѣ всякаго сомнѣнія окажется одинъ результатъ: въ построеніи фабулы поэтъ примыкаетъ къ Эѳіопидѣ, а не къ Малой Иліадѣ. И у него причиной самоубійства героя является только пораженіе въ судѣ о доспѣхахъ, а не позорное нападеніе на ахейскія стада; и у него приговоръ въ судѣ произносится на основаніи рѣшенія троянскихъ плѣнниковъ, а не троянскихъ дѣвушекъ на стѣнѣ города. А это значитъ, что въ самомъ пониманіи чести въ этой трилогіи Эсхилъ стоитъ на гомеровской почвѣ, отожествляя честь съ ея внѣшнимъ символомъ. Припомню сохраненныя намъ счастливой случайностью предсмертныя слова Аянта:

Нѣтъ для души свободной палача
Столь бѣшенаго, какъ безчестья жало.

Безчестье же въ данномъ случаѣ состояло исключительно въ лишеніи доспѣховъ Ахилла, объявленныхъ наградой „лучшему" изъ ахейцевъ. Все же я недаромъ прибавилъ оговорку: „въ этой трилогіи"; было бы ошибочно полагать, что поэтъ вообще не возвысился надъ внѣшнимъ пониманіемъ чести. Противъ этого предположенія протестуетъ одинъ изъ величайшихъ, созданныхъ имъ образовъ—образъ царя-прорицателя Амфіарая, о которомъ онъ говоритъ въ своихъ „Семи вождяхъ" (ст. 579).

Онъ быть желаетъ лучшимъ, не казаться.

„Семь вождей“ была послѣдней трагедіей его „Ѳиваиды“, поставленной въ 467-мъ году; слѣдуетъ ли допустить, что „Аянтида“ была поставлена раньше? На это указываетъ одно обстоятельство: Нереиды, составлявшія хоръ „Суда о доспѣхахъ“, появляются вмѣстѣ съ Ѳетидой, приводящей въ движеніе дѣйствіе — другими словами, трагедія начиналась съ появленія хора, безъ пролога, какъ въ древнѣйшихъ трагедіяхъ Эсхила: „Персахъ“ и „Просительницахъ“. Не слѣдуетъ ли допустить, что „Аянтида“ была поставлена непосредственно послѣ Саламинской побѣды, въ 480-мъ году? Мнѣ кажется, это не только вѣроятно, но даже почти несомнѣнно: вѣдь побѣда была одержана у того же самаго острова, роднымъ героемъ котораго былъ Аянтъ. Теперь прошу припомнить молитву спартанскаго царя Архидама передъ осадой Платей въ началѣ пелопонесской войны (у Ѳукидида II, 74): „Боги и герои, блюдущіе платейскую землю... Въ этой землѣ наши отцы, помолившись вамъ, одолѣли персовъ и вы предоставили ее благосклонною эллинамъ для брани“. Не ясно ли, что и передъ саламинскимъ сраженіемъ эллины помолились саламинскимъ богамъ и героямъ и, главнымъ образомъ, Аянту, чтобы они предоставили свой островъ и его воды благосклонными эллинамъ для ихъ брани съ персами? И, стало быть, самая побѣда должна была быть приписана благословенію — скажу больше: содѣйствію Аянта, „оплота ахейцевъ“? Эсхилъ, самъ сражавшійся подъ Саламиномъ, долженъ былъ почувствовать потребность воздать и съ своей стороны благодарность своему покровителю Аянту. Думаю, что лучшаго повода для созданія „Аянтиды“ и представить себѣ нельзя. А если это такъ, то примкнуть къ Эѳіопидѣ было для Эсхила такъ же обязательнымъ, какъ и для Пиндара: разъ трилогія была создана въ честь Аянта, то ни о какомъ позорящемъ поступкѣ героя, ни о какой потерѣ внутренней чести не могло быть рѣчи. Религіозный интересъ у поэта-жреца стоялъ выше интереса нравственнаго: „Аянтида“ Эсхила не была трагедіей чести, это была лишь трагедія жизни саламинскаго героя.

Не могу не указать тутъ еще на одну черту, получающую, при указанныхъ условіяхъ, неожиданное и очень красивое освѣщеніе. Какъ извѣстно, дельфійскій Аполлонъ въ освободительной войнѣ игралъ очень двусмысленную роль, сочувствуя персамъ и запугивая эллиновъ своими прорицаніями; лишь послѣ блестящихъ греческихъ побѣдъ онъ вновь присоединился къ своимъ. Теперь сравнимъ начало „Аянтиды“ съ ея концомъ. Началомъ была — послѣ вступительной пѣсни Нереидъ — рѣчь Ѳетиды, посвященная

памяти сына, котораго убилъ стрѣлою Париса Аполлонъ. Изъ нея намъ сохранились слѣдующіе прекрасные стихи, въ которыхъ Ѳетида вспоминала о своей свадьбѣ съ Пелеемъ, почтенной самими богами и въ ихъ числѣ—прорицателемъ Фебомъ:

Отъ сына—счастье, предвѣщалъ мнѣ онъ:
И долголѣтенъ будетъ, и свободенъ
Отъ всѣхъ болѣзней онъ... чего, чего
Не говорилъ онъ про судьбу мою,
Взлелѣянную божіей любовью!
И въ завершенье даже гимнъ священный
Пропѣлъ онъ льстиво, радуя меня.
И мнила я: глаголъ правдивый Феба
Пророческой исполненъ благодати.
И что же? Мой пѣвецъ, мой сотрапезникъ,
Мой воспѣватель—собственной рукою
Убилъ коварно сына моего!

За эти слова Платонъ, въ своемъ Государствѣ (II, стр. 383 B.), упрекаетъ Эсхила, находя ихъ несовмѣстимыми съ благочестіемъ, что вполнѣ понятно, такъ какъ его точка зрѣнія—абсолютная, а не историческая. Но послѣдней трагедіей трилогіи были „Саламинянки"—и теперь мы можемъ утверждать съ увѣренностью, что онѣ были посвящены прославленію острова и его святынь. Требовалось божество для ихъ освященія, подобно Аѳинѣ въ „Евменидахъ"; кто же имъ былъ? Вспомнимъ вышеприведенные стихи Горація:

Слово вѣщалъ непреложное Фебъ намъ,
Что намъ на новой землѣ Саламинъ обновленный воскреснетъ.

Итакъ, самъ Аполлонъ являлся къ концу трагедіи; онъ въ самомъ Саламинѣ учреждалъ культъ павшаго на чужбинѣ Аянта, онъ утѣшалъ отверженнаго отцомъ Тевкра предсказаніемъ, что ему суждено основать новый Саламинъ на островѣ Кипрѣ—и врядъ ли умолчалъ о славѣ, которая предстояла Аянтову Саламину въ грядущемъ столкновеніи Востока съ Западомъ. И здѣсь, такимъ образомъ, тотъ же благоговѣйно-примирительный конецъ, что и въ „Евменидахъ".

Это—по части фабулы. Что же касается характеристики, то уже было указано на разницу между ласковыми образами нашихъ героевъ у Гомера и строгимъ впечатлѣніемъ, которое они производятъ у Эсхила. То добродушіе, которымъ отличается Аянтъ у Гомера, здѣсь уже исчезло. То же самое относится и къ его отцу Теламону. У Гомера онъ любовно относился къ

своему побочному сыну, Тевкру; если же вѣрить Эсхилу — или, что одно и тоже, слѣдующему за нимъ Софоклу,—то послѣдній

не видывалъ... ласки
И при улыбкѣ счастья отъ него.

Причина, однако, и здѣсь та же: у Эсхила и Теламонъ, и Аянтъ прежде всего — саламинскіе „герои“ въ сакральномъ смыслѣ слова. Это не сразу покажется вразумительнымъ; но у грековъ во всѣ времена „герои“ представлялись суровыми и мстительными—пережитокъ первобытнаго анимизма, съ его догматомъ о враждебной силѣ отдѣленной отъ тѣла души. Вотъ, къ слову сказать, почему и у Софокла Эдипъ въ „Эдипѣ Колонскомъ“ представленъ столь суровымъ и угрюмымъ въ сравненіи съ „Царемъ Эдипомъ“: въ послѣднемъ поэтъ имѣлъ дѣло съ Ѳиванскимъ царемъ, въ первомъ—съ Колонскимъ „героемъ“.

Этого необходимо было коснуться, такъ какъ въ обрисовкѣ характера своего героя Софоклъ находился подъ вліяніемъ своего великаго предшественника; но въ пониманіи самой идеи трагедіи онъ пошелъ своей дорогой, примыкая въ построеніи фабулы не къ Эѳіопидѣ, а къ Малой Иліадѣ. „Аянтида“ Эсхила была величавой жертвой благодарности, принесенной поэтомъ-жрецомъ герою-хранителю саламинскихъ водъ. „Аянтъ“ Софокла былъ прежде всего „трагедіей чести“.

III.

Переходя теперь окончательно къ анализу и оцѣнкѣ Софокловой трагедіи, я долженъ напомнить, что она по содержанію соотвѣтствовала средней драмѣ Эсхиловой трилогіи. То же отношеніе къ предшественнику мы имѣемъ и въ „Электрѣ“ и въ „Царѣ Эдипѣ“, не говоря уже объ утраченныхъ произведеніяхъ Софокла. Оно представляло для поэта то удобство, что онъ могъ предполагать извѣстнымъ своимъ зрителямъ все дѣйствіе, предшествовавшее его драмѣ, и поэтому не распространяться о немъ. Насколько важно было это удобство, станетъ яснымъ, если сравнить любую изъ названныхъ драмъ съ „Трахинянками“ и вспомнить, какую массу эпическаго матеріала пришлось поэту вставить въ свою трагедію тамъ. Для насъ зачастую удобство поэта представляется неудобствомъ—тамъ, гдѣ драма, дававшая предшествовавшее дѣйствіе, намъ не сохранена; но здѣсь, говоря правду, оно неособенно ощутительно.

Итакъ, судъ о доспѣхахъ Ахилла предполагается извѣстнымъ зрителямъ; судьями были ахейскіе вожди, предсѣдателями — Атриды. Именно Атриды, оба они, Агамемнонъ и Менелай; историческое двоецарствіе въ Спартѣ склоняло трагическихъ поэтовъ къ тому, чтобы и этихъ двухъ братьевъ героической эпохи ставить почти что въ одинъ рядъ, вопреки Гомеру, для котораго Менелай безусловно подчиненъ Агамемнону и является однимъ изъ „геронтовъ", членовъ его царскаго совѣта, наравнѣ съ Діомедомъ и прочими. Что заставило судей отдать предпочтеніе Одиссею — объ этомъ поэтъ не распространяется; ни о троянскихъ плѣнникахъ, ни о троянскихъ дѣвушкахъ у него не говорится. И, конечно, это неважно. Судили все-таки вожди; что при голосованіи произошли нѣкоторыя неправильности, въ которыхъ можно было винить Менелая—на это въ трагедіи имѣется намекъ, для насъ неособенно вразумительный (ст. 1135).

Одиссей побѣдилъ; а такъ какъ въ дальнѣйшемъ построеніи фабулы нашъ поэтъ уже не слѣдуетъ Эсхилу, то онъ насъ о немъ извѣщаетъ тщательно. Побѣжденный Аянтъ впалъ въ глубокое раздумье, нѣсколько дней не показывался на глаза ни вождямъ, ни даже своимъ ближайшимъ товарищамъ-саламинцамъ (ст. 193). Все время его умъ сверлила одна мысль — мысль цѣпкая, неотвязчивая: какъ бы вновь добыть потерянную внѣшнюю честь. Все неизбѣжнѣе представлялся ему одинъ исходъ: безпощадная расправа. Еслибы ему убить своихъ враговъ—а ихъ много: всѣ, кто причинили обиду, всѣ, кто содѣйствовали, всѣ, кто служили, всѣ, кто не мѣшали—Одиссей, Атриды, всѣ вожди, всѣ ахейцы. Ярче и ярче развертывалась картина мести, гуще и гуще ложился багровый туманъ вокругъ больной души Аянта. Наконецъ онъ не устоялъ противъ соблазна: темной ночью онъ поднялся съ постели, схватилъ свой мечъ—тотъ самый, который онъ нѣкогда, въ самый свѣтлый день своей жизни, получилъ въ даръ отъ Гектора. Дороги не видно въ багровомъ туманѣ: будучи уже вблизи шатровъ обоихъ полководцевъ, онъ внезапно сворачиваетъ въ сторону, мчится на выгонъ, гдѣ мирно спали быки, бараны и ихъ пастухи; принимая ихъ за своихъ враговъ, онъ ихъ отчасти убиваетъ, отчасти связываетъ и плѣнными уводитъ въ свою палатку...

Впрочемъ, мы здѣсь выразились раціоналистически: нашъ поэтъ смотрѣлъ на дѣло иначе, и современный читатель долженъ учесть эту его особенность. Софоклъ былъ врачемъ, но врачемъ до-гиппократовской медицины; въ безуміи онъ видѣлъ „божью болѣзнь" (ст. 185). Кто же наслалъ на Аянта эту бо-

лѣзнь? Очевидно, та богиня, которая болѣе всѣхъ пеклась о греческомъ войскѣ и особенно о главномъ предметѣ Аянтовой вражды, Одиссеѣ—Аѳина. А затѣмъ—для Софокла, самаго „гомерическаго" изъ трагическихъ поэтовъ, дѣйствителенъ тотъ же законъ „двойного зрѣнія", что и для творца Иліады. Всѣ событія имѣютъ двойную причину, земную и небесную, при чемъ небесная причинность существуетъ параллельно съ земной, которая вполнѣ себѣ довлѣетъ и сама по себѣ достаточно объясняетъ происходящее. Земная причинность—та, которую мы развивали до сихъ поръ; небесная сводится къ гнѣву Аѳины противъ Аянта и къ его поводамъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Отъ произведенной Аянтомъ рѣзни уцѣлѣлъ одинъ свидѣтель; признавъ Аянта, онъ бросился къ палаткамъ полководцевъ разсказать о случившемся.

Наскоро созывается царскій совѣтъ; для всѣхъ и безъ того ясно, что только уединившійся въ зловѣщемъ раздумьѣ Аянтъ могъ быть виновникомъ безумнаго дѣла, а показанія очевидцевъ ихъ еще болѣе въ этомъ убѣждаютъ. Все же требуются доказательства. Одиссей берется ихъ доставить; отправившись на выгонъ, онъ внимательно, при невѣрномъ свѣтѣ предразсвѣтной поры изучаетъ направленіе слѣдовъ виновника — и эти слѣды приводятъ его къ Аянтовой палаткѣ.

Здѣсь начинается дѣйствіе нашей трагедіи.

Одиссею, котораго слѣды Аянта уже почти довели до его палатки, является Аѳина: точнѣе говоря, онъ слышитъ ея голосъ, не видя ея самой. И здѣсь мы имѣемъ гомеровскую матеріализацію психологическаго процесса. Мы могли бы сказать: Одиссей принимаетъ возникшую у него, какъ результатъ его ночной работы, увѣренность въ виновности Аянта за внушеніе самой богини. Но для Софокла Аѳина была реальнымъ существомъ; а разъ она есть, онъ имѣлъ право воспользоваться ею и для другой цѣли. Она предлагаетъ Одиссею показать ему его врага воочію. Одиссею это предложеніе не по душѣ: къ естественному ужасу, который всѣмъ внушаетъ близость безумнаго человѣка, присоединяется и характерное именно для Одиссея благородное состраданіе къ падшему врагу, и читатель не преминетъ запомнить его прекрасный отвѣтъ на испытующій вопросъ богини (ст. 79):

Аѳ. Смѣхъ надъ врагомъ—не всѣхъ ли онъ отраднѣй?
Од. Не для меня; оставь его въ палаткѣ!

Но Аѳина настаиваетъ на своемъ: безумный Аянтъ является на ея зовъ съ бичемъ въ рукѣ — тѣмъ самымъ, которымъ онъ истязалъ своихъ мнимыхъ враговъ внутри палатки. Происходитъ сцена, надолго оставшаяся въ памяти у грековъ и доставившая всей трагедіи Софокла отличительное наименованіе „Аянта-биченосца". Аянту Аѳина является воочію; въ своемъ безумномъ экстазѣ онъ видитъ то, что скрыто отъ взора обыкновеннаго смертнаго. Такъ точно вѣдь и обезумѣвшій Орестъ въ „Хоэфорахъ" Эсхила видитъ воочію своихъ мучительницъ—Эриній, которыхъ не видятъ прочіе люди. И для Аянта Аѳина была Эриніей, хотя онъ этого и не признаетъ: напротивъ, онъ исполненъ благодарности къ своей „союзницѣ". Союзницѣ! Отъ зрителя не должна была ускользнуть трагическая иронія этой иллюзіи. Когда-то она дѣйствительно—какъ валкирія битвы—была ему союзницей, и онъ въ своемъ гордомъ самомнѣніи отвергъ ея союзъ (ст. 770):

Второй же разъ Аѳинѣ —
Когда бодрящій зовъ ея раздался,
Чтобъ съ яростью онъ грянулъ на врага —
Отвѣтствовалъ неслыханнымъ онъ словомъ:
„Владычица! Другихъ аргивянъ кликомъ
„Подбадривай. А тамъ, гдѣ я стою,
„Врагъ сомкнутаго строя не прорветъ".

Теперь, въ безумной ночной расправѣ, она вела его на гибель — а онъ чувствуетъ себя душевно обязаннымъ и благодарнымъ ей. Здѣсь двойная религіозно-нравственная наука. Первая можетъ быть выражена словами хора изъ „Антигоны" (ст. 622)

Благодать во злѣ мы видимъ,
Когда ослѣпленный умъ
Въ гибель богъ ввергаетъ.

Вторая, особенно знаменательная для религіозной морали грековъ—словами Дарія изъ „Персовъ" Эсхила (ст. 742).

Если самъ ты зло замыслилъ—богъ поможетъ въ немъ тебѣ.

Она въ связи съ исконно-греческимъ убѣжденіемъ въ независимости нравственнаго закона отъ боговъ. Человѣкъ долженъ самъ знать путь добра и слѣдовать ему: тогда богъ благословитъ его. Если же онъ добровольно избралъ вмѣсто него путь зла—богъ и тутъ ему будетъ содѣйствовать, чтобы сдѣлать его гибель быстрѣе, тяжелѣе, внушительнѣе. Такъ и здѣсь. Аянтъ долженъ былъ собрать всѣ силы своего духа, прежде чѣмъ вступить на ту роковую стезю, на которой онъ потерялъ свою

истинную честь; но разъ онъ далъ себя увлечь жаждѣ мести—богиня не только не удерживала его, а напротивъ (ст. 59):

... властнымъ маніемъ своимъ все глубже
Въ сѣть бѣдствія безумца увлекала.

Все это представлялось уму зрителя этой потрясающей сцены; но болѣе всего—общая картина преходящести и тщеты человѣческихъ дѣлъ въ сравненіи съ алмазной несокрушимостью тѣхъ высшихъ силъ, которымъ они подвластны (ст. 124):

Всѣ мы,
Всѣ, что землею вскормлены, не болѣ
Какъ легкій призракъ и пустая тѣнь.

Такъ и Одиссей настроенъ. Онъ не засчитываетъ своему врагу тѣхъ бѣшеныхъ угрозъ, которыя онъ въ своемъ безуміи произносилъ противъ него; не потому, что этотъ врагъ невмѣняемъ—онъ и въ здравомъ умѣ не будетъ ласковѣе,—а потому, что возвышенной душѣ Одиссея всѣ эти уколы личной вражды кажутся мелочными въ сравненіи съ общечеловѣческою участью, отразившейся передъ его глазами на судьбѣ Аянта, какимъ онъ былъ—и какимъ онъ сталъ.

Таково содержаніе и нравоученіе пролога.

Въ немъ насъ болѣе всего плѣняетъ его герой Одиссей. Не часто встрѣчаемъ мы въ античной трагедіи такой образъ—образъ человѣка, стоящаго душою выше волнующихъ трагедію страстей, человѣка, съ которымъ зритель невольно роднитъ самого себя, потому что видитъ въ немъ не только опытъ жизни, но и то, что̀ только у сильныхъ характеровъ является плодомъ этого опыта—истинную, просвѣтленную доброту. И тутъ намъ пріятно удостовѣрить, что нашъ поэтъ почерпнулъ и этотъ свой образъ изъ той же сокровищницы, изъ которой онъ такъ любилъ черпать. Благородное отношеніе Одиссея къ Аянту было предуказано Софоклу Гомеромъ въ той упомянутой уже нами патетической сценѣ Одиссеи, гдѣ спустившійся въ преисподнюю герой встрѣчаетъ среди другихъ душъ и душу Аянта, ласково заговариваетъ съ нею, но не получаетъ отвѣта отъ застывшей въ своей непримиримости души своего бывшаго врага.

Такіе характеры, какъ Одиссей, въ драматургическомъ отношеніи какъ нельзя лучше приспособлены, чтобы служить, если можно такъ выразиться, рамкой для разыгрывающагося въ трагедіи дѣйствія. Теперь мы съ нимъ прощаемся, и надолго; весь паѳосъ драмы развернется безъ него и помимо его. Но мы чув-

ствуемъ его позади событій; мы знаемъ, что онъ тутъ, и что онъ явится разрѣшить задачу, когда она станетъ неразрѣшимой для замѣшанныхъ въ ней лицъ.

Послѣ пролога—довольно продолжительная пауза. Чѣмъ она была заполнена на сценѣ античнаго театра — мы не знаемъ; быть можетъ, ничѣмъ. Но предполагается происходящимъ многое. Тамъ, въ палаткѣ, Аянтъ медленно приходитъ въ себя: изъ-за багроваго тумана все яснѣе и яснѣе выплываетъ безотрадная дѣйствительность, сладострастіе безумной мести смѣняется свинцовымъ гнетомъ неизгладимаго позора (ст. 307).

Тутъ съ крикомъ бѣшенымъ главу свою
Ударилъ онъ и грохнулся межъ труповъ
Зарѣзанныхъ барановъ и быковъ—
Развалиной среди развалинъ мести.

Быстрѣе движутся событія въ ахейскомъ станѣ. Одиссей принесъ своимъ товарищамъ два извѣстія: первое, что виновникомъ рѣзни былъ дѣйствительно Аянтъ, какъ они и подозрѣвали; второе, что истиннымъ смысломъ его безумнаго дѣянія было не причиненіе войску матеріальнаго ущерба уничтоженіемъ его добычи, а — какъ его научила богиня и доказали подслушанныя рѣчи самого Аянта—убійство своихъ товарищей по оружію. Только это второе извѣстіе и является дѣйствительной новостью для войска; а такъ какъ именно оно и возбуждаетъ противъ Аянта, живого и мертваго, ярость ахейцевъ и ихъ вождей, то можно спросить, почему Одиссей, разъ онъ питалъ состраданіе къ Аянту, не умолчалъ о немъ — вѣдь безъ него оно такъ и осталось бы тайной. Прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы не получаемъ: античная трагедія оставляетъ много такихъ пробѣловъ въ закулисныхъ мотивировкахъ, но обыкновенно даетъ намъ возможность ихъ заполнить. И вотъ, мнѣ думается, что Одиссей сообщилъ всему войску лишь первое извѣстіе—виновность Аянта въ избіеніи стадъ не могла быть скрыта; второе же извѣстіе онъ, по долгу вѣстника совѣта, сообщилъ лишь послѣднему. Это видно изъ того, что воины Аянта, являясь къ нему изъ ахейскаго стана, знаютъ только про первое извѣстіе (ст. 144).

Что на выгона лугъ ты коварно проникъ
И добытый данайцами скотъ перебилъ...
Такъ сплетаетъ разсказъ про тебя Одиссей

и никакъ не могутъ объяснить себѣ его; напротивъ, Менелай

и Агамемнонъ отлично освѣдомлены также и о сокровенномъ замыслѣ Аянта (ст. 1055):

Все войско вырѣзать задумалъ онъ
Мечемъ, въ предательскомъ ночномъ набѣгѣ.

Но, конечно, мало-по-малу истина должна была просочиться и до остальныхъ ратниковъ, тѣмъ болѣе, что Атриды вовсе не были заинтересованы въ томъ, чтобы хранить ее въ тайнѣ. Всеобщая злоба противъ Тевкра, о которой повѣствуетъ вѣстникъ въ ст. 722, именно тѣмъ и вызвана, что братъ Аянта считается „измѣнникомъ", пытавшимся перерѣзать все войско.

Какъ бы то ни было, но явившіеся съ восходомъ солнца саламинскіе воины-моряки, ратники Аянта, слышали только о первомъ извѣстіи. Они и его склонны приписать клеветѣ... и намъ пріятно вспомнить, что „Аянтъ" былъ написанъ при жизни великаго друга нашего поэта, Перикла, которому столько пришлось выстрадать отъ зависти своихъ мелкихъ, но мстительныхъ враговъ. При такихъ условіяхъ получаютъ особое значеніе прекрасныя слова, которыя поэтъ вложилъ въ уста своему хору (ст. 154).

Да, въ великую душу нетрудно стрѣлять:
Промахнуться нельзя...
О, безумная черны! Безъ великихъ мужей
Ненадежнымъ оплотомъ ты-бъ стала въ бою.
Лишь подъ сѣнью великаго малый цвѣтетъ,
Лишь отъ малыхъ великій могучъ и силенъ;
Но не внемлетъ глупецъ въ ослѣпленьи своемъ
Благомыслящей мудрости слову.

Они увѣрены, что Аянтъ однимъ своимъ появленіемъ можетъ разсѣять всѣ навѣты. Но его нѣтъ; все въ палаткѣ глухо молчитъ. Неужели враги говорили правду? Если да, то только безумію—или, что одно и то же, навожденію разгнѣваннаго бога—можно приписать столь безразсудное дѣяніе. Что это за богъ? Артемида-Тавропола, или Эніалій, богъ брани и ея изступленія? Нѣтъ, пусть лучше безотрадная вѣсть окажется клеветой! Ахъ, если бы только Аянтъ явился къ нимъ!

Но нѣтъ, онъ упорствуетъ: вмѣсто него къ преданнымъ друзьямъ саламинскаго вождя выходитъ женщина — Текмесса. Она — для Аянта то же, что Бриссеида для Ахилла: его плѣнница-подруга. Для насъ она впервые встрѣчается здѣсь; зналъ ли ее Эсхилъ—этого мы, при скудости нашихъ свѣдѣній объ его „Ѳракіянкахъ", сказать не можемъ. Она была дочерью одного

изъ фригійскихъ князей, Телевтанта; его городъ былъ разрушенъ Аянтомъ въ одинъ изъ многочисленныхъ набѣговъ, которые предпринимались ахейцами ради необходимой добычи во время долголѣтней осады Трои. Это было давно, лѣтъ пять-шесть тому назадъ; съ тѣхъ поръ она успѣла привязаться къ своему повелителю и полюбить его трогательной, преданной любовью греческой женщины. Она родила ему и сына, получившаго, въ честь огромнаго щита своего отца, имя „Еврисака" („Широкощита") и заняла въ домѣ Аянта почетное положеніе почти что супруги. Вообще любопытно, какъ въ этой трагедіи прославляются незаконныя, съ гражданской точки зрѣнія, но основанныя на природѣ и на любви отношенія: незаконный братъ Тевкръ, незаконная жена Текмесса, незаконный сынъ Еврисакъ—и столько нѣжности и самоотверженія... Опять вспоминается Периклъ: его незаконная жена—Аспасія, его незаконный сынъ—Периклъ Младшій.

Итакъ, къ хору выходитъ Текмесса. Изъ обмѣна извѣстій между нею и хоромъ возстанавливаются во всемъ своемъ неутѣшительномъ объемѣ событія истекшей ночи: бѣдствіе оказывается гораздо больше, чѣмъ предполагалъ хоръ. Аянтъ—уже не только виновникъ безрасудной рѣзни на выгонѣ: онъ—измѣнникъ, покусившійся на жизнь своихъ товарищей по оружію, и его несомнѣнно ждетъ кара измѣнниковъ — побитіе камнями. Одна свѣтлая точка во всемъ этомъ мракѣ: Аянтъ прозрѣлъ. Правда, для любящей Тикмессы и въ этомъ утѣшенія мало: онъ пришелъ въ себя, но зато онъ понялъ всю глубину позора, который онъ на себя навлекъ. Все же хоръ жадно хватается за эту единственную надежду: возгласы Аянта, сначала безсвязные, затѣмъ все болѣе и болѣе осмысленные, убѣждаютъ его, что его вождь дѣйствительно стряхнулъ съ себя туманъ безумія. Хоръ требуетъ, чтобы Текмесса открыла дверь, скрывающую отъ него Аянта.

И вотъ первое, послѣ потери чести, свиданіе Аянта со своими товарищами. Античный поэтъ чувствовалъ безсиліе слова для передачи такихъ сценъ: то обиліе чувства, которое они вызвали, онъ вложилъ въ напѣвы — намъ же отъ нихъ остались одни только размѣры. Въ лирической сценѣ изображается вся сила горя (ст. 364):

Вотъ, смотрите всѣ: вотъ безстрашный мужъ,
Въ яростныхъ бояхъ богатырь лихой!
Сталъ овецъ грозой беззащитныхъ онъ!
О, смѣйтесь, смѣйтесь! Нѣтъ конца позору!

Это нравственное самоистязаніе чередуется съ бѣшеными

угрозами врагамъ, тщетность которыхъ онъ самъ сознаетъ, и особенно—со все болѣе и болѣе возрастающей жаждой смерти. Ея онъ сначала проситъ у своихъ товарищей, но это только остатокъ прежней безпомощности; просьбы своей онъ не повторитъ, но самый образъ великой избавительницы все сильнѣе и неотвязчивѣе его преслѣдуетъ. Онъ видитъ въ умѣ свой курганъ у Сигейскаго мыса надъ колыбелью волнъ (ст. 412):

Шумный моря валъ, кручъ нависшихъ мракъ,
Высь зеленая!
Давно, давно гостемъ вашимъ здѣсь,
Давно подъ Троей я;
Гостемъ и впредь буду у васъ,
Но не живымъ ужъ болѣ, нѣтъ.

Но этотъ прибой нахлынувшихъ чувствъ — послѣдняя слабость Аянта; ему удается съ ней совладать. Онъ собираетъ свои мысли, чтобы неопровержимо доказать себѣ и другимъ, что для него нѣтъ другого исхода, кромѣ добровольной смерти. Его рѣчь связна, послѣдовательность его мыслей неумолима (ст. 430 сл.). Онъ сопоставляетъ себя со своимъ отцомъ, вспоминаетъ о славномъ для Теламона первомъ походѣ противъ Трои; такой же славой и онъ могъ себя покрыть, все ему благопріятствовало— и что же? Обезчещенный товарищами, онъ еще болѣе самъ себя обезчестилъ. Итакъ, что дѣлать? На родину къ отцу нѣтъ возврата — позоръ не пускаетъ. Искать смерти въ бою? Это было бы на руку его врагамъ въ собственномъ станѣ. Нѣтъ; нужно хоть для отца добыть вновь потерянную честь — а для этого средство одно (ст. 479):

Прекрасно жить, иль умереть прекрасно,
Вотъ благородства путь. Я все сказалъ.

Все, въ самомъ дѣлѣ? Съ точки зрѣнія чести — да. Но въ томъ-то и заключается трагизмъ этого чувства, что оно, будучи непреоборимо по своей силѣ, захватываетъ въ сущности очень небольшую по объему область жизни. А тутъ, рядомъ съ Аянтомъ есть нѣкто, въ комъ именно эта незахваченная честью область жизни нашла свое самое полное выраженіе; это — Текмесса. Вѣчный, раздирающій конфликтъ: здѣсь—честь, тамъ любовь.

Устами Текмессы говоритъ любовь. Любовь не ея только одной. Всѣ, любящіе Аянта, всѣ, имѣющіе право на его любовь, черезъ нее обращаютъ къ Аянту свои послѣднія мольбы (ст. 506):

Нѣтъ. Пожалѣй отца, не обрекай
Его невзгодамъ старости печальной!
Мать пожалѣй: ей столько лѣтъ въ удѣлъ
Уже досталось; много шлетъ къ всевышнимъ
Она молитвъ, чтобъ ты живымъ вернулся.
И сына своего, властитель, вспомни:
Лишенный въ дѣтствѣ нѣжнаго ухода,
Отца лишенный, подъ рукой немилыхъ
Опекуновъ—подумай, сколько зла
Ему ты смертью причинишь своею...
Ему и мнѣ. Вѣдь нѣтъ ужъ для меня
Другой отрады. Ты мою отчизну
Копьемъ разрушилъ; матерь и отца
Свела въ Аида мрачную обитель
Судьба лихая. Родина мнѣ—ты,
Ты—отчій домъ, въ тебѣ мое спасенье.
Да, вспомни и меня. Достойно мужа
Лелѣять память объ усладѣ нѣжной:
Вѣдь отъ любви рождается любовь.
А кто забвеніемъ за ласку платитъ,
Тому невѣдомъ благородства путь.

„Благородства путь"... этими словами она оканчиваетъ свое обращеніе, съ явнымъ и намѣреннымъ намекомъ на заключительныя слова Аянта. Итакъ, понятіе благородства не покрывается понятіемъ чести? Можно во всемъ слѣдовать пути чести, и все-таки уклониться отъ пути благородства? Вопросъ только ставится—не Аянту на него отвѣтить; не безъ умысла скажетъ онъ къ концу сцены (ст. 595):

Пора ученья для меня прошла.

Любовь вступила въ плѣнительный союзъ съ жизнью; Аянтъ послѣдуетъ за честью въ лоно смерти.

Все же онъ не остался безчувственнымъ къ словамъ своей подруги, хотя и скрываетъ свое волненіе подъ маской напускной суровости; онъ подумаетъ и о правахъ любви, но лишь постольку, поскольку это ему дозволитъ честь. Онъ требуетъ къ себѣ своего малютку-сына; чего хочетъ онъ отъ него? Онъ говоритъ это самъ (ст. 538):

Его увидѣть и благословить.

Передъ нами второй трогательный контрастъ нашей трагедіи: суровый до жестокости отецъ-воинъ и его дитя. И эту сцену мы уже имѣли въ греческой поэзіи: всякій зритель Софокла вспоминалъ о прощаніи Гектора съ маленькимъ сыномъ Астіанактомъ и понималъ естественную зависимость трагика, какъ

дань почтенія родоначальнику античной поэзіи вообще. Дѣйствительно, различіе перевѣшиваетъ сходство. Любимецъ боговъ Гекторъ довѣрчиво поручаетъ своимъ покровителямъ драгоцѣннѣйшее сокровище своей жизни (VI, 477).

Зевсъ и безсмертные боги! О, сотворите да будетъ
Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ.

Мятежный Аянтъ за нимъ не послѣдуетъ; недаромъ говоритъ онъ про себя въ другомъ мѣстѣ (ст. 590):

Богамъ я не должникъ. Запомни это.

Свое благословеніе онъ обращаетъ непосредственно къ сыну, вполнѣ увѣренный, что предсмертныя слова отца будутъ ему переданы въ свое время. Звучитъ оно гордо (ст. 550):

Мой сынъ, счастливѣй будь отца, но въ прочемъ
Ему подобенъ—и дурнымъ не будешь.

Приличествуетъ ли обезчещенному такая гордость? При данной обстановкѣ—да. Всегда понятіе чести въ своемъ послѣдовательномъ развитіи ведетъ къ признанію догмата, что безчестіе смывается добровольной смертью, что „мертвые сраму не имутъ". Именно твердое и неуклонное рѣшеніе послѣдовать зову чести въ обитель смерти даетъ Аянту право говорить съ сыномъ такъ, какъ онъ говоритъ. Пусть онъ своей смертью лишаетъ сына многихъ выгодъ жизни; зато онъ оставитъ ему незапятнанное позоромъ имя—и Аянтъ знаетъ, что для сына это самое драгоцѣнное наслѣдіе. А впрочемъ, какъ уже было сказано, онъ заботится по возможности и о выгодахъ жизни. Своего сына онъ оставляетъ на попеченіе своего брата Тевкра, столь же преданнаго, сколь и мужественнаго человѣка; выросши подъ его крыломъ, Еврисакъ станетъ кормильцемъ и заступникомъ и своихъ дѣдовъ, и своей матери. Это — все, что онъ можетъ сдѣлать для нихъ.

Теперь бремя жизни сложено; остается принять смерть. Аянтъ запирается въ своей палаткѣ; дѣйствіе кончено, наступаетъ жуткая, томительная пауза.

Въ слѣдующей хорической пѣсни, заполняющей антрактъ, мы имѣемъ дѣло съ одной условностью античной драмы. Съ тѣхъ поръ какъ хоръ пересталъ быть носителемъ дѣйствія трагедіи, его пѣсни стали къ этому дѣйствію въ болѣе внѣшнія отно-

шенія. Чаще всего онѣ были лирическимъ преображеніемъ какого-нибудь момента предыдущаго дѣйствія — но не необходимо послѣдняго момента. Въ нашемъ случаѣ Аянтъ предсталъ передъ нами въ трехъ моментахъ: 1) какъ безумный—въ первомъ разговорѣ Текмессы и хора; 2) какъ обезчещенный—въ лирической сценѣ, и 3) какъ готовящійся умереть—въ послѣднемъ діалогѣ. Казалось бы естественнымъ, чтобы хоръ въ своихъ размышленіяхъ остановился на послѣднемъ моментѣ, подъ впечатлѣніемъ котораго находится зритель; на дѣлѣ же поэтъ избралъ первый. Лирическія размышленія хора имѣютъ своимъ предметомъ безуміе Аянта, въ дѣйствіи уже прошедшее. Это, если угодно, нарушеніе драматической послѣдовательности; оно встрѣчается у Софокла рѣдко, но все же встрѣчается. Такъ и въ первомъ стасимѣ „Царя Эдипа" первыя пары строфъ (ст. 464 сл.) имѣютъ точкой исхода неизвѣстность, кто бы могъ быть убійцею Лаія, несмотря на то, что непосредственно передъ тѣмъ Тиресій совершенно опредѣленно этого убійцу назвалъ. Въ этихъ строфахъ мы имѣемъ такимъ образомъ, лирическое преображеніе того настроенія, въ которомъ находился хоръ до прихода Тиресія.

Также и здѣсь мы должны перенестись душою обратно къ тому моменту, когда хоръ получилъ увѣренность въ безуміи Аянта. Съ этой оговоркой наша пѣснь—прекрасная думка, плачъ ратниковъ-товарищей о своемъ обезумѣвшемъ вождѣ. Они, его друзья, здѣсь о немъ горюютъ (ст. 622).

А тамъ вдали—тамъ, подъ долгихъ обузой лѣтъ,
Сѣдая мать въ день, когда о болѣзни сына
Бѣдственной услышитъ.
Ахъ, плачъ, плачъ она
Жалкой пташки лѣсной громче подыметъ.
О несчастная! Вопль всюду раздастся сирой;
Рукъ безумныхъ удары
Грудь изранятъ царицы,
Клочья бѣлыхъ волосъ падутъ на землю.

Тѣмъ временемъ внутри палатки продолжается дѣйствіе—но глухо, безгласно, въ одинокой душѣ героя. Сначала, подъ вліяніемъ первой слабости, онъ просилъ у товарищей смерти; теперь онъ знаетъ, что ему не только придется принять ее отъ собственной руки, но даже противъ воли окружающихъ — они всѣ заодно съ любовью и жизнью, всѣ въ заговорѣ противъ него. Надо обмануть ихъ дружелюбную бдительность. И вотъ Аянтъ, этотъ прямодушный, безхитростный Аянтъ, никогда никого при жизни не обманывавшій, рѣшается одинъ разъ — въ первый и

послѣдній разъ—прибѣгнуть къ этому несвойственному его природѣ средству, чтобы добыть себѣ свободу смерти.

Неожиданно для всѣхъ онъ выходитъ къ своимъ ратникамъ—спокойный, ласковый. Правда, мечъ въ его рукахъ можетъ внушить безпокойство, но онъ его тотчасъ разсѣеваетъ: это—тотъ самый проклятый мечъ, которымъ онъ опозорилъ себя, тотъ самый, который онъ нѣкогда получилъ въ даръ отъ ненавистнаго врага, Гектора... Намъ тутъ не безъ боли припоминается свѣтлая страница изъ Иліады, поединокъ обоихъ героевъ и обмѣнъ дарами:

Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце,
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной.

Куда дѣвались эти ясныя, рыцарскія чувства!.. Но, какъ бы тамъ ни было, не на счастье получилъ Аянтъ отъ врага этотъ подарокъ; онъ хочетъ зарыть поглубже въ землю орудіе своего позора, хочетъ очиститься отъ гнѣва преслѣдующихъ его боговъ и принести имъ умилостивительную жертву, съ тѣмъ, чтобы впредь ласковѣе относиться къ властителямъ и небеснымъ, и земнымъ. Его рѣчь полна недомолвокъ и двусмысленностей: но отъ Аянта никто не подозрѣваетъ обмана—даже тогда, когда онъ прощается со своими въ слѣдующихъ зловѣщихъ словахъ (ст. 685):

Жена, войди въ нашъ домъ и помолись,
Чтобъ счастливо исполнилось желанье
Души моей. А вы, друзья, завѣтъ мой
Съ ней наравнѣ блюдите. Тевкру же,
Когда придетъ онъ, слово передайте:
Пусть чтитъ меня и вамъ съ любовью служитъ.
Простите. Въ путь отправлюсь неизбѣжный.
Вы-жъ волѣ слѣдуйте моей—и скоро
Услышите, взамѣнъ гнетущихъ бѣдствій,
Благую вѣсть спасенья моего.

Нужна ли была эта сцена притворства? Если разсуждать трезво и сухо—нѣтъ. Если бы Аянтъ хотѣлъ только освободиться отъ ненавистной жизни, онъ могъ бы это сдѣлать въ любую минуту, воспользовавшись первымъ утомленіемъ заботливаго вниманія Текмессы. Такъ, думаю, поступилъ бы современный, духовно обнищавшій человѣкъ; не могъ такъ поступить человѣкъ античной религіозности, благоговѣвшій, подобно Аянту, если не передъ властителями Олимпа, то передъ богомъ въ собственной душѣ. Не какъ воръ хотѣлъ онъ похитить даръ желанной смерти: задуманное имъ самоубійство должно было, по истинѣ, быть очистительной и умилостивительной жертвой на алтарѣ чести, а свидѣтелями этой жертвы должны были быть тѣ живыя силы

природы, о которыхъ онъ вспоминалъ тогда, когда его умъ впервые взлелѣялъ мысль о добровольной смерти:

Шумный моря валъ, кручъ нависшихъ мракъ,
Высь зеленая...

Вотъ цѣль этой маленькой интриги — по крайней мѣрѣ, цѣль психологическая. Драматургическое же ея значеніе—въ томъ, что она ведетъ къ столь излюбленной нашимъ поэтомъ перипетіи.

Слово своего вождя, никогда не говорившаго неправды, ратники принимаютъ на вѣру. Ихъ радость тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она неожиданнѣе; они призываютъ божества радости — Пана, Аполлона, Зевса — благословить этотъ поворотъ къ лучшему въ душѣ Аянта; о настроеніи войска, объ опасности со стороны вождей, они не думаютъ.

Но намъ нельзя о ней не подумать; въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить, что предвидѣнная и хоромъ (ст. 254), и самимъ Аянтомъ (ст. 408) кара—побитіе камнями—не наступаетъ, что никто Аянта не трогаетъ? Это относится къ тѣмъ подробностямъ закулисной мотивировки, о которыхъ мы говорили выше; и здѣсь поэтъ прямого отвѣта не даетъ, но все же онъ позаботился о томъ, чтобы мы могли его дать сами. Какъ видно изъ слѣдующей сцены (ст. 749), во время приготовленій Аянта къ добровольной смерти засѣдалъ царскій совѣтъ. Понятно, что событіе, подобное происшедшему, обсуждалось длительно и всесторонне; если большинство вождей было настроено противъ Аянта, то несомнѣнно раздавались голоса и въ его пользу—самого Одиссея, Калханта, вѣроятно и Нестора. Безусловно враждебно было настроено войско, какъ видно изъ встрѣчи, устроенной имъ Тевкру; но естественно, что оно, толпясь у палатки Агамемнона, выжидало рѣшенія царскаго совѣта.

Объ этой встрѣчѣ и разсказываетъ въ слѣдующей сценѣ вѣстникъ-дружинникъ Тевкра. Послѣдній, по приказу вождей, былъ отправленъ въ сосѣднюю Мисію за добычей: теперь онъ вернулся, ничего не подозрѣвая о случившемся, и едва не сдѣлался жертвой всеобщей злобы противъ его брата. Старцы совѣта спасли его жизнь: Калхантъ успѣлъ шепнуть ему слово, наполнившее его страхомъ за участь Аянта; не имѣя возможности придти самъ — надо полагать, что его задержали дѣла по только что оконченной экспедиціи — онъ выслалъ впередъ дружинника со строгимъ приказомъ позаботиться, чтобы Аянтъ до его прихода ни подъ какимъ видомъ не былъ выпущенъ изъ палатки.

И здѣсь опять въ дѣйствіе нашей трагедіи вторгается тотъ

гомеровскій „законъ двойного зрѣнія“, о которомъ рѣчь была выше. Самоубійство Аянта имѣло свою естественную, психологическую мотивировку, и поэтъ далъ ее полностью; но, кромѣ этой самодовлѣющей земной причинности, онъ допускалъ, какъ мы видѣли, и параллельную небесную. Самоубійство Аянта было допущено богами, стало быть было результатомъ ихъ воли. Его слѣдовало разсматривать, какъ кару, наложенную на гордаго героя оскорбленной имъ Аѳиной. Знаетъ объ этой небесной мотивировкѣ, конечно, только тотъ, кому вообще вѣдомы небесныя тайны—прорицатель Калхантъ. И вотъ онъ сообщаетъ то, что знаетъ: гнѣвъ Аѳины—его причину мы отчасти сообщили выше—преслѣдуетъ Аянта въ теченіе этого дня, но не долѣе; если Аянтъ его переживетъ — онъ будетъ спасенъ. Итакъ, необходимо всячески уберечь его на этотъ день, не оставляя его ни на минуту одного.

Нечего распространяться о томъ, что насъ эта небесная мотивировка не удовлетворяетъ—даже независимо отъ ненужной жестокости, которую она приписываетъ Аѳинѣ. Но это касается „закона двойного зрѣнія“ вообще. Агамемнонъ оскорбилъ Ахилла; разгнѣванный герой отказываетъ ему въ своемъ содѣйствіи, и ахейцы терпятъ пораженіе. Это земная мотивировка, вполнѣ удовлетворительная. Но пѣвецъ Иліады ею не довольствуется. Оскорбленный Агамемнономъ Ахиллъ обращается къ своей матери Ѳетидѣ за заступничествомъ; Ѳетида, напоминая Зевсу о своихъ заслугахъ передъ нимъ, упрашиваетъ его отказать ахейцамъ въ побѣдѣ до тѣхъ поръ, пока Ахиллъ не получитъ удовлетворенія. Это — небесная мотивировка, портящая на нашъ вкусъ впечатлѣніе земной. Но именно поэтому-то и слѣдуетъ помнить, что небесная причинность не разрываетъ земной, а витаетъ надъ ней, въ силу какого-то физико-метафизическаго параллелизма; мы можемъ ее устранить, ничуть не нарушая психологической обоснованности происходящихъ на землѣ событій.

То же самое и здѣсь. Правда, мы ничуть не ручаемся за то, что приди Тевкръ часомъ раньше—онъ заставилъ бы Аянта отказаться отъ его рѣшенія покончить съ собою; болѣе чѣмъ вѣроятно, что думающій только о возстановленіи своей чести герой устоялъ бы противъ убѣжденія братской любви такъ же, какъ онъ устоялъ противъ нѣжности подруги и преданности дружины. Но зато несомнѣнно, что, найдя брата мертвымъ, Тевкръ первымъ дѣломъ долженъ былъ подумать или почувствовать: „ахъ, зачѣмъ я опоздалъ, зачѣмъ его выпустили до моего прибытія“. А эта идея сама собою должна была вылиться въ

слѣдующую религіозную форму: съ прибытіемъ Тевкра гнѣвъ Аѳины пересталъ бы преслѣдовать Аянта.

Но нѣтъ: Тевкръ опоздалъ. Хоръ вынужденъ сознаться, что Аянтъ уже покинулъ палатку. Его радость, радость Текмессы смѣняется тревожнымъ предчувствіемъ почти неизбѣжнаго горя. Во всякомъ случаѣ, необходимо разыскать Аянта. Всѣ уходятъ въ различныя стороны; сцена пуста.

Данный моментъ трагедіи (ст. 814—815) интересенъ прежде всего въ драматургическомъ отношеніи. Какъ извѣстно, античная трагедія признавала требованіе единства мѣста — не въ силу теоретическихъ соображеній, а потому, что при наличности хора, постояннаго свидѣтеля дѣйствія, перемѣна мѣста была невозможна. Въ тѣхъ случаяхъ, когда перемѣна мѣста представляется необходимой, поэту приходится подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ удалить хоръ. Понятно, что это происходитъ крайне рѣдко.

Здѣсь одинъ изъ этихъ рѣдкихъ случаевъ—въ сохранившихся трагедіяхъ Софокла единственный. Поэтъ дорожилъ возможностью представить намъ воочію самоубійство Аянта именно потому, что онъ видѣлъ въ немъ очистительную и умилостивительную жертву на алтарѣ чести, что эта честь стоитъ у него въ центрѣ происходящихъ событій. Отсюда—перемѣна мѣста и удаленіе хора. Передъ нами пустынный морской берегъ; на немъ—Аянтъ передъ своимъ мечемъ, угрожающе направленнымъ противъ него изъ земли, въ которую прочно зарыта его рукоятка; кругомъ—никого.

Жертва можетъ совершиться. Съ людьми Аянтъ уже простился; остались боги. Правда, „богамъ онъ не должникъ“, мы это уже знаемъ. Къ властелинамъ судьбы онъ и при жизни относился недовѣрчиво, уповая только на себя и на свою силу; и теперь передъ смертью его обращеніе къ нимъ не будетъ многословнымъ (ст. 823).

Нынѣ жъ
Къ тебѣ, о Зевсъ,—такъ долгъ велитъ—я съ первой
Молитвой обращусь, простой и скромной.
Пусть о моей кончинѣ вѣсть лихую
Узнаетъ Тевкръ; пусть первый онъ меня
Съ меча подниметъ средь горячей крови.
Не дай, чтобъ врагъ меня, увидѣвъ раньше,
Добычей бросилъ воронамъ и псамъ.
Вотъ вся моя къ тебѣ молитва, Зевсъ.

Внезапно и безотчетно возникающая у человѣка увѣренность приписывалась греками внушенію боговъ — и преимущественно

тѣхъ, чьи очи все обозрѣваютъ. Такимъ считался еще, кромѣ Зевса, и Геліосъ. И къ нему Аянтъ обращается съ молитвой (ст. 845):

А ты, чьи кони по крутому склону
Небесъ ристаютъ, Гелій лучезарный,
Когда увидишь родину мою,
Вспять потяни поводья золотые
И вѣсть подай объ участи Аянта
Старцу-отцу и матери несчастной.
Прости, родная! плачемъ неумолчнымъ
Отвѣтишь ты на роковую вѣсть...
Но нѣтъ. Не время жалостью напрасной
Духъ изнурять; пора за дѣло взяться.

Да, но простившись сначала — не съ властителями судьбы: ихъ благодарить не за что — а съ окружающей богиней-природой, ласковой и прекрасной (ст. 857):

Привѣтъ тебѣ, златая колесница,
Тебѣ, сверкающій полудня лучъ—
Привѣтъ послѣдній и неповторимый.
О ясный свѣтъ! О ты, святая почва
Родного Саламина! О очагъ
И отчій домъ! О славныя Аѳины!
Кровь братская! О родники и рѣки!
Привѣтъ вамъ всѣмъ! Привѣтъ тебѣ, равнина
Троянская, кормилица моя!
Въ послѣдній разъ вы слышите Аянта—
Отнынѣ мракъ Аида—мой удѣлъ.

Жертва свершается.

Кончена ли здѣсь трагедія?

Она не была бы кончена даже еслибы была только трагедіей Аянта: по стариннымъ вѣрованіямъ грековъ, не смерть была концомъ земного существованія человѣка, а его погребеніе, такъ какъ отъ него зависѣла его участь на томъ свѣтѣ. Для насъ это необязательно, и будь все дѣло только въ этомъ, слѣдующія за смертью Аянта сцены могли бы разсчитывать только на историческій интересъ съ нашей стороны. Но нѣтъ: наша трагедія прежде всего—трагедія чести. Поставленная проблема не разрѣшена добровольной смертью героя: она только вступила въ новый фазисъ. Воистину ли смылъ Аянтъ пятно со своей чести, принося свою жизнь искупительной жертвой за нее? Вотъ вопросъ, господствующій надъ послѣдними сценами трагедіи. Мы жаждемъ услышать изъ авторитетныхъ устъ, что мертвые подлинно срама не имутъ, что послѣ принесенной Аянтомъ

жертвы его вина передъ его народомъ заглажена, что его переживутъ одни только его добрыя дѣянія, и вѣнецъ его славы съ неуменьшеннымъ блескомъ будетъ сіять надъ его могилой.

Мало-по-малу друзья Аянта сходятся вновь, извѣщаютъ другъ друга о безплодности своихъ поисковъ. Нѣжность души нашего поэта сказалась въ томъ, что по его представленію не ратники, какъ они ни преданы своему вождю, а его тихая и безотвѣтная подруга, ведомая своимъ вѣрнымъ чутьемъ, находитъ его бездыханное тѣло (ст. 891). Она призываетъ товарищей къ себѣ; здѣсь первымъ дѣломъ, по священному обычаю и античной трагедіи, и античной жизни, надъ трупомъ павшаго раздается плачъ друзей; это — и естественное облегченіе гнетущей боли, и дань почтенія умершему (ст. 925):

Знать, судьба тебѣ, знать, судьба была
Душу сильную объ утесъ разбить
Горя горькаго, необъятнаго...

Къ плачущимъ присоединяется Тевкръ; но прежде чѣмъ самому излить свое горе въ слезахъ, онъ вспоминаетъ о сынѣ умершаго брата. Узнавъ, что онъ въ палаткѣ, онъ поспѣшно посылаетъ Текмессу за нимъ (ст. 983):

Скорѣй сюда
Его веди. Изъ логовища львица
Ушла одна—нетрудно супостату
Дѣтеныша похитить.

Затѣмъ только онъ отдается своей скорби; но не успѣваетъ онъ кончить свой братскій плачъ, какъ уже является отъ царскаго совѣта представитель непримиримой вражды — Менелай.

Проблема чести вступаетъ въ свой послѣдній фазисъ; ея символъ отнынѣ — лежащее тутъ же на нашихъ глазахъ тѣло умершаго витязя. Будетъ ли оно съ честью предано землѣ? Въ этомъ вопросъ, движущій дѣйствіемъ въ послѣднихъ сценахъ. Не въ этой одной только трагедіи встрѣчается онъ. Въ „Антигонѣ“ онъ занимаетъ центральное положеніе, также и въ „Просительницахъ“ Еврипида; да въ сущности и послѣдняя пѣснь Иліады находится подъ его давленіемъ. Но только въ нашей трагедіи этотъ вопросъ поставленъ въ органическую связь съ проблемой чести—и въ этомъ заключается, при всемъ внѣшнемъ сходствѣ особенно съ „Антигоной“, оригинальность его постановки здѣсь.

Это—первое, что слѣдуетъ помнить; второе же заключается вотъ въ чемъ. Мы знаемъ Менелая изъ Иліады какъ человѣка не только рыцарски-безукоризненнаго, но и кроткаго и съ доброй

душой; казалось бы, отъ него всего менѣе можно ожидать такой жестокости, какъ запрета хоронить его несчастнаго соратника. Такого же рода возраженіе могли бы мы сдѣлать по поводу столь же незавидной роли его брата Агамемнона. Возможно ли допустить, чтобы тотъ самый Агамемнонъ, который въ Иліадѣ, послѣ славнаго поединка Аянта съ Гекторомъ, почтилъ его за своей трапезой, по наивному обычаю героическихъ временъ, „хребтомъ безконечнымъ" — чтобы онъ же здѣсь былъ виновникомъ этой безчеловѣчной мѣры противъ его трупа? Или, чтобъ тотъ самый Агамемнонъ, который въ Иліадѣ прославлялъ Тевкра, какъ побочнаго сына Теламона—здѣсь ставилъ ему въ укоризну его незаконное происхожденіе (ст. 1228 сл.)? Несомнѣнно, здѣсь еще болѣе, чѣмъ относительно Аянтова меча, приходится жалѣть о перемѣнѣ къ худшему, происшедшей со свѣтлыми гомеровскими образами.

Какъ это объяснить?

Вопросъ придется поставить отдѣльно для Менелая и для Агамемнона. Собственно говоря, настоящая перемѣна произошла только съ первымъ, и притомъ независимо отъ Софокла. Менелай встрѣчается не въ одномъ только „Аянтѣ": мы имѣемъ его нерѣдко у Еврипида (особенно въ „Андромахѣ" и „Орестѣ"), и онъ и тамъ приблизительно тотъ же, что и здѣсь. Это потому, что онъ по миѳологіи — царь Спарты. Когда къ серединѣ V-го вѣка отношенія Аѳинъ къ ихъ соперницѣ окончательно испортились, національная нелюбовь была перенесена и на прошлое, и миѳологическій царь ахейской Спарты былъ надѣленъ тѣми же качествами, которыя аѳиняне подъ вліяніемъ политической вражды приписывали современной имъ дорической наслѣдницѣ ея имени. Съ этимъ слѣдуетъ считаться.

Другое дѣло — Агамемнонъ. Какъ царь всегда дружественнаго Аѳинамъ Аргоса (или, что одно и то же, Микенъ), онъ имѣлъ право расчитывать на благосклонное къ нему отношеніе аѳинской трагедіи. И, въ сущности, онъ его и встрѣтилъ: достаточно указать на „Электру" Софокла, гдѣ онъ живетъ въ благоговѣйной памяти своихъ дѣтей и своего народа, какъ образецъ царственнаго величія. Если же здѣсь онъ играетъ невыгодную роль, то исключительно въ силу условій именно этой трагедіи. Запретъ хоронить трупъ Аянта не имѣлъ бы никакой силы, если бы онъ не исходилъ отъ военачальника; а запретъ этотъ былъ нуженъ для того, чтобы трагедія чести нашла свое завершеніе.

Первымъ является Менелай; царскій приказъ онъ мотиви-

руетъ преступленіемъ Аянта противъ своихъ и необходимостью подчиняться законной власти. Главный свой отвѣтъ Тевкръ приберегаетъ для главнаго вождя, Менелаю же отвѣчаетъ насмѣшливо и вызывающе. Пока послѣдній, взбѣшенный, уходитъ, возвращается Текмесса, ведя съ собой маленькаго Еврисака. Тевкру приходитъ мысль воспользоваться ихъ присутствіемъ для настоящаго „просительнаго обряда" (такъ называемой гикесіи): онъ ставитъ мальчика у головы мертваго, Текмессу у его ногъ, даетъ первому по пряди волосъ—своихъ, его собственныхъ и его матери—и велитъ имъ ни подъ какимъ видомъ не уходить съ мѣста. Для насъ это—прекрасная и трогательная живая картина, для грековъ же она имѣла и религіозный смыслъ: описаннымъ обрядомъ умершій ставился подъ покровительство Зевса-заступника просителей, и гнѣвъ бога поразилъ бы того, кто осмѣлился бы его тронуть.

Опасность не заставляетъ себя долго ждать: на смѣну брату является самъ Агамемнонъ. Его гнѣвная рѣчь обращена противъ Тевкра; обвиненій противъ Аянта онъ не повторяетъ—они достаточно развиты Менелаемъ. И тутъ-то мы слышимъ главный отвѣтъ Тевкра.

Не удостаивая своего противника даже взглядомъ, онъ обращается непосредственно къ лежащему брату (ст. 1255):

Какъ быстро къ мертвымъ благодарность таетъ,
Какъ имъ охотно измѣняютъ всѣ!
Вотъ мужъ! Его такъ часто отъ враговъ ты
Спасалъ, Аянтъ, своею за него
Душою жертвуя—и хоть бы словомъ
Онъ помянулъ тебя. Исчезло все.

Красиво и величаво изъ благодарныхъ и благоговѣйныхъ словъ брата сплетается для Аянта вѣнокъ чести—тотъ вѣнокъ, который долженъ пережить его и вѣчнымъ блескомъ сіять надъ его могилой. Дадутъ ли ему только эту могилу?

И вотъ, наконецъ, появляется человѣкъ, котораго мы не видали послѣ первыхъ сценъ трагедіи — Одиссей. Въ силу того авторитета, который ему даютъ его характеръ и его заслуги, онъ въ учтивыхъ, но твердыхъ выраженіяхъ требуетъ для себя права рѣшить споръ. И вотъ его рѣшеніе (ст. 1339):

Признать я долженъ, что изъ всѣхъ ахейцевъ,
Что противъ Трои двинулись въ походъ,
Онъ уступалъ Ахиллу одному.

Агамемнонъ,—правда, нехотя,—снимаетъ свое запрещеніе и уходитъ. Но это еще не все (ст. 1375):

Тевкру предлагаю,
Чтобъ равносильной дружбѣ уступила
Недавняя вражда. Аянта тѣло
Съ тобою я похоронить хочу,
Весь трудъ твой раздѣлить, всю чести мѣру
Ему воздать, какую лучшимъ людямъ,
Вкусившимъ смерть, установилъ законъ.

Непосредственную помощь Тевкръ учтиво отклоняетъ: онъ неувѣренъ въ томъ, что она будетъ пріятна умершему. Видно, передъ очами поэта носилась вышеупомянутая сцена изъ Одиссеи: ласковое обращеніе героя къ непримиренной душѣ Аянта. И Одиссей проявляетъ свое благородство до конца, не настаивая на своемъ предложеніи и не обижаясь за его отклоненіе.

Послѣ его ухода начинается, подъ звуки траурной музыки, простой и трогательной выносъ тѣла героя его семьей и товарищами. Тевкръ имъ распоряжается (ст. 1409):

Ты, малютка, руками къ отцу своему
Прикоснися любовно и вмѣстѣ со мной
Изо всѣхъ твоихъ силъ его грудь поддержи.
Ахъ, тепла эта грудь, и изъ стынущихъ жилъ
Еще къ горлу сочится багровая кровь.
Поспѣшите, идите, усердствуйте всѣ,
Кто когда-либо другомъ усопшаго звалъ!
Онъ былъ добрымъ изъ добрыхъ; изъ смертныхъ никто
Съ нимъ сравниться не могъ.
Объ Аянтѣ, что̀ былъ, мое слово.

Здѣсь только конецъ трагедіи чести. Искупительная жертва принята; брызнувшая изъ-подъ Гекторова меча кровь смыла пятно позора, лежавшее на имени Аянта, и вѣчнымъ блескомъ сіяетъ вѣнецъ его славы надъ его пустыннымъ курганомъ у синихъ водъ Геллеспонта.

IV.

А все же... что вынесетъ современный читатель изъ чтенія этой драмы? Надобно сознаться, что „Аянтъ-биченосецъ“ Софокла не принадлежитъ къ числу тѣхъ античныхъ трагедій, которыя нашли себѣ мѣсто въ кругозорѣ даже просвѣщенной части нашего общества. Многимъ извѣстны титаническія страданія Прометея, великодушный протестъ Антигоны, борьба съ рокомъ Эдипа, жажда праведной мести Электры, любовь Федры и ревность Медеи. Но Аянтъ? Кто такой Аянтъ? Ахъ да, это одинъ изъ „двухъ Аяксовъ“ „Прекрасной Елены“!

Откровенно говоря, нежелательность этой послѣдней ассо-

ціаціи, главнымъ образомъ, заставила меня возвратить Аянту правильную греческую форму его имени и устранить латинизированную, хотя эта послѣдняя и принята Гнѣдичемъ и Жуковскимъ. Но, разумѣется, незнакомство современнаго читателя съ нашей трагедіей должно имѣть свои внутреннія, неслучайныя причины. Думаю, что эти причины заключаются въ томъ обиліи условныхъ и, въ силу своей условности, непонятныхъ элементовъ, которые приходится преодолѣвать неспеціалисту при ея чтеніи. Не всякій способенъ уловить и оцѣнить трагическое значеніе произведенной Аянтомъ среди мирныхъ стадъ рѣзни; отгородивъ отъ себя сумашедшихъ безопасными стѣнами убѣжищъ, мы перестали испытывать передъ ними тотъ таинственный ужасъ, который внушалъ здоровому уму античнаго человѣка фактъ возможнаго землетрясенія нашего сознанія. Еще болѣе чуждой представляется намъ роль Аѳины и ея гнѣва. Еще хорошо, еслибы Софоклъ использовалъ этотъ гнѣвъ въ антитеистическомъ направленіи, подобно Еврипиду: тогда онъ этимъ сталъ бы выразителемъ вѣковой неудовлетворенности человѣчества. Но хотя элементы антитеизма и не отсутствуютъ совсѣмъ (ст. 59, 401, 450, 589), все же дѣло сводится не къ нему, а, какъ мы видѣли, къ „закону двойного зрѣнія“ очень трудно доступнаго пониманію современнаго человѣка. Непріятно дѣйствуетъ также уклоненіе отъ гомеровской ясности, ласковости и рыцарскаго благородства, особенно въ характеристикахъ Агамемнона и Менелая, но также и самого Аянта,—и этотъ изъянъ любители античности почувствуютъ даже сильнѣе, чѣмъ тѣ, кто къ ней равнодушенъ. Мотивъ запрета похоронъ въ нашу эпоху тоже можетъ показаться достаточно чуждымъ, хотя нельзя сказать, чтобы аналогичные случаи вполнѣ отсутствовали, и сыскъ на кладбищѣ былъ бы у насъ уже совершенно неслыханнымъ дѣломъ. Длинные и повторные споры (Аянта съ Текмессой, Менелая съ Тевкромъ, Агамемнона съ Тевкромъ) у насъ тоже не считаются выигрышными съ точки зрѣнія трагическаго паѳоса. Правда, этотъ „агонистическій“ элементъ характеренъ для античной трагедіи вообще, но все же въ нашей онъ особенно преобладаетъ: видно, онъ былъ еще новъ, и поэтъ и его публика особенно имъ увлекались. Наконецъ, боюсь, что кое-кому и самоубійство Аянта покажется слишкомъ театральнымъ. Что дѣлать: вмѣстѣ съ уваженіемъ къ божественной природѣ, мы потеряли и уваженіе къ самимъ себѣ, къ нашей божественной жизни.

Долгъ современнаго толкователя античной трагедіи передъ своей публикой—двойной: онъ долженъ, во-первыхъ, указать ей

на неизбѣжныя условности толкуемаго произведенія, объяснить ей, какъ при соблюденіи исторической перспективы онѣ теряютъ свою чуждость и непонятность; во-вторыхъ, онъ долженъ указать на тотъ общій и вѣчный элементъ, въ силу котораго античная трагедія—болѣе чѣмъ преходящее явленіе въ исторіи умственной культуры человѣчества, на тотъ общій и вѣчный элементъ, который присущъ ей, помимо ея условности, и даже подчасъ облекается въ эти самыя условности, какъ въ свой историческій и преходящій плащъ. Въ нашей трагедіи этотъ элементъ имѣетъ въ своемъ ядрѣ понятіе чести; я назвалъ ее, поэтому, „трагедіей чести".

Мы видѣли, что это понятіе постепенно освобождалось у древнихъ грековъ, какъ душа отъ плоти, отъ того внѣшняго символа, съ которымъ оно вначалѣ отожествляется. Въ Иліадѣ мы имѣемъ еще полное отожествленіе; Эѳіопида идетъ по ея слѣдамъ; Малая Иліада, скорѣе безсознательно, дѣлаетъ попытку перехода къ болѣе духовному пониманію; сознательно и безпощадно-послѣдовательно проводить новую идею Софоклъ.

Не лишеніе доспѣховъ Ахилла ведетъ Аянта на стезю смерти: причина его самоубійства—его собственный безумный поступокъ, которымъ онъ самъ себя опозорилъ.

И не диво: сильнѣе та рана горитъ,
Что своей же рукою себѣ ты нанесъ,
А не принялъ отъ вражьей десницы—

поясняетъ Текмесса (ст. 260), устраняя этимъ ненужный для земной причинности „законъ двойного зрѣнія".

Итакъ, честь утеряна; спрашивается, можетъ ли она быть возстановлена иначе, чѣмъ путемъ смерти? Гете сказалъ въ подобномъ случаѣ:

Честь ты утратилъ?
Много утратилъ;
Славу добудь!

Быть можетъ, онъ правъ. Но его правда — для натуръ гуманныхъ; Аянтъ же—натура героическая. Его всего наполняетъ идея чести, онъ только ею и живетъ; Текмесса его не понимаетъ, но Лукреція бы поняла. Для него возможенъ только одинъ отвѣтъ: только смертью можетъ быть смыто безчестіе.

А затѣмъ третій вопросъ: обязательно ли смывается безчестіе добровольной смертью? Атриды это оспариваютъ, полагая, что позоръ и мертваго переживаетъ: но въ концѣ концовъ они должны уступить и гуманное толкованіе беретъ верхъ.

Понятно ли это намъ? Полагаю, что да—по крайней мѣрѣ

всѣмъ тѣмъ, въ комъ жива идея чести. Не скажу, чтобы таковыми были всѣ честные люди. Если трагедію чести создалъ Софоклъ, то ея комедію написалъ Зудерманъ. Комедія Зудермана обошла всѣ сцены, трагедія Софокла осталась достояніемъ филологовъ. Зудерманъ много ласковѣе Гете; мораль его комедіи: „Честь утратилъ? Пустякъ утратилъ: не обращай вниманія!“ Рецептъ для доказательства простой: изобразите представителями чести людей, соединяющихъ внѣшнюю корректность съ внутреннею пустотой—и дѣло будетъ сдѣлано.

Откуда взялась честь? По мнѣнію многихъ, это — понятіе рыцарское, средневѣковое, столь же устарѣвшее, какъ и тѣ панцыри и шлемы, которые украшаютъ наши музеи. Не говоримъ уже о тѣхъ, которые по своей исторической невмѣняемости объявили понятіе чести „буржуазнымъ“. Отъ такихъ-то заблужденій и ихъ практическихъ послѣдствій и спасаетъ внимательное изученіе античности. Нѣтъ: чувство чести не связано съ той или другой преходящей эпохой жизни европейскаго человѣчества: какъ бы ни были преходящи его внѣшнія проявленія— само оно принадлежитъ къ гранитному кряжу нашего нравственнаго естества и будетъ жить, пока человѣкъ останется человѣкомъ. Вотъ о какой наукѣ гнѣвно рокочутъ волны Геллеспонта, понынѣ еще разбивающіяся о курганъ Аянта на пустынномъ сигейскомъ берегу.

Ѳ. Зѣлинскій.

УЗУРПАТОРЪ

Романъ Уильяма Дж. Лока.

(Окончаніе.)

XXII *).

Итакъ, Бонни умеръ, а Витторія уѣхала, проникнутая убѣжденіемъ, которое сама себѣ внушила, что вся ея дальнѣйшая жизнь должна быть достойнымъ памятникомъ усопшему. И Алиція съ Джасперомъ остались вдвоемъ—не только до окончанія вакацій Джаспера, проводимыхъ имъ въ Гертфордширѣ, но и еще на много лѣтъ. Но будущее окутано тайной, и никто изъ нихъ не зналъ, что его ждетъ впереди.

Звено, такъ странно соединявшее и въ то же время разъединявшее ихъ, распалось, исчезло. Правда, у нихъ оставались общія воспоминанія, но между ними уже не стоялъ живой человѣкъ. Правда, память усопшаго была для обоихъ дорога и священна, но, тѣмъ не менѣе, каждый сознавалъ въ душѣ, что передъ нимъ трудная задача—прожить до конца свою собственную жизнь. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый сознавалъ—насколько это допускали его темпераментъ, острота чувствъ и тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ разсматривалъ этотъ вопросъ,—что другому суждено сыграть видную роль въ разрѣшеніи этой задачи. Джасперъ видѣлъ это уже потому, что онъ любилъ Алицію, и эта невысказанная любовь была мукой и радостью его существованія. Алиція чувствовала это потому, что одинъ Джасперъ остался

*) См. августъ стр. 256.

неизмѣннымъ въ той душевной бурѣ, которая разразилась надъ ея жизнью. Это былъ единственный человѣкъ, отъ котораго она могла ждать пониманія и утѣшенія — а она сейчасъ нуждалась въ этомъ. Ея прежнее *я* было разбито въ куски, и только этотъ человѣкъ, съ серьезнымъ, изрытымъ морщинами лицомъ и грустными глазами, такой сильный и добрый, могъ помочь ей построить изъ обломковъ нѣчто новое. Она говорила объ этомъ, намеками и съ горечью, съ Элиноръ Коррей и, съ горделивымъ самоуничиженіемъ — съ Витторіей; но ни съ той, ни съ другой она не была вполнѣ откровенна. А для свѣта вообще маска была неизбѣжна. Только съ Джасперомъ не было надобности прятаться и хитрить, потому что Джасперъ зналъ все. Когда онъ нашелъ ее рыдающей на диванѣ, зарывшись лицомъ въ подушки—это было съ нею въ первый разъ въ жизни—и присѣлъ возлѣ нея, она несказанно обрадовалась ему, какъ ребенокъ, плачущій въ темнотѣ, радуется приходу кого-нибудь изъ близкихъ. Она сама просила его не урѣзывать своего отпуска, остаться еще—ради нея. Онъ отнѣкивался, говоря, что боится помѣшать ей, что можетъ быть, ей лучше одной изжить свое горе. Она возражала, что теперь она уже не прежняя Алиція, сильная и довольствовавшаяся сама собой: ей нужна помощь, нужно руководительство. А развѣ онъ не ближе всѣхъ ей изъ ея родныхъ? Къ кому же еще она обратится? Всякій другой на его мѣстѣ, зная все, сталъ бы презирать ее.

— За что?—возразилъ Джасперъ.—За ошибку сердца? Ошибаться свойственно всѣмъ людямъ, но *такъ* сознаваться въ своихъ ошибкахъ—для этого надо быть больше, чѣмъ человѣкомъ.

Она въ отвѣтъ лишь слабо улыбнулась и созналась, какъ ей стыдно чувствовать себя слабой женщиной, способной только пойти ко дну и не умѣющей безъ посторонней помощи выбраться изъ пучины. Джасперъ, какъ всегда, спокойно, принялъ на себя роль совѣтчика и утѣшителя, хотя ему и была немножко непріятна ея неискоренимо женская склонность возносить его слишкомъ высоко. Въ глазахъ Алиціи онъ былъ маякомъ, свѣтъ котораго не погасъ и послѣ кораблекрушенія.

Однажды она такъ и сказала ему, этими самыми словами. Онъ отвернулся и смотрѣлъ въ сторону, печальнымъ, страдальческимъ взглядомъ—такимъ, какой почему-то возбудилъ въ ней сожалѣніе къ нему при первой ихъ встрѣчѣ въ Норзгэмѣ.

— Маякъ? О, еслибы я былъ несокрушимъ, какъ маякъ! Но я самъ плыву на утломъ суденышкѣ, и море ежеминутно грозитъ поглотить меня.

— Полноте! Что вы говорите! Вы тверды, какъ скала.

Онъ подавилъ вздохъ. Полупризнанія были опасны.

— Чего же вы боитесь?

— Ничего. Ничего, кромѣ утраты вашей дружбы.

— Ну, это такъ же мало вѣроятно, какъ то, что подъ нашими ногами вдругъ разверзнется вулканъ.

— Въ жизни случаются и болѣе невѣроятныя вещи,—выговорилъ онъ задумчиво.—Человѣкъ склоненъ судить о своемъ будущемъ по своему прошлому. *Вы* можете быть увѣрены, что я до конца жизни останусь преданъ вамъ, но я далеко не увѣренъ, что вамъ всегда будетъ нужна моя преданность. Мало ли что̀ можетъ случиться. Вы, можетъ быть, сами не захотите ея.

— Никогда этого не можетъ случиться!

Онъ жестомъ остановилъ ее.

— Не торопитесь давать обѣщанія. Давидъ говоритъ: „Не возлагайте вашего упованія на князей міра сего". Я тоже въ своемъ родѣ „князь міра сего". Кодби увѣряетъ, будто мнѣ подвластно цѣлое царство: у него такая живописная манера говорить о непріятныхъ вещахъ. И въ этомъ царствѣ, дѣла идутъ, въ общемъ, сносно. Но я вѣдь не конституціонный монархъ, а просто авантюристъ, силою сѣвшій на тронъ, и потому тронъ мой непроченъ.

— Но вѣдь вы же ничьего трона не захватывали. Ваше царство—созданіе вашихъ же рукъ.

Это было подъ вечеръ. Они гуляли въ полѣ, за усадьбой. Какъ разъ въ эту минуту они очутились возлѣ плетня. Джасперъ помогъ своей спутницѣ перешагнуть черезъ плетень, и этотъ благодѣтельный перерывъ, помогъ ему удержаться отъ внезапнаго искушенія—повѣрить ей тайну возникновенія этого царства. Спрыгнувъ на землю и оправляя платье, Алиція невольно вскрикнула отъ восторга, при видѣ мирнаго вечерняго пейзажа,—и у Джаспера отлегло отъ сердца. Онъ поспѣшилъ дать разговору другое направленіе и искусно уклонялся отъ всякаго упоминанія о себѣ и своихъ дѣлахъ, пока они не дошли до воротъ усадьбы. Но тутъ Алиція съ легкой улыбкой всетаки вернулась къ прежней темѣ.

— Хотите вы этого, Джасперъ, или нѣтъ, но я ужъ натурализовалась въ вашемъ царствѣ и стала вашей вѣрноподданной. А я, какъ вамъ извѣстно, ярая тори и вѣрю въ божественное право монарха. И если явятся претенденты на вашъ тронъ, позовите меня на помощь.

— Вы болѣе роялистка, чѣмъ самъ король, — пошутилъ Джасперъ.

— Какъ всѣ вѣрноподданные, — отвѣтила она, съ легкимъ наклоненіемъ головы, которымъ она обыкновенно заканчивала разговоръ.

Такова была ея точка зрѣнія. Когда Джасперъ говорилъ о шаткости своего положенія, она приписывала это его скромности, его философскому убѣжденію въ непрочности всего земного,—быть можетъ, просто усталости подъ вѣчно гнетущимъ бременемъ отвѣтственности. Ея вѣра въ него не только не пошатнулась, но еще окрѣпла. И, когда Джасперъ шелъ домой, неизбѣжная ложь жгла ему, какъ огнемъ, душу и тѣло. И, какъ всегда, сурово и угрюмо, онъ соображалъ, можно ли сознаться. Предположимъ, онъ скажетъ Алиціи, что онъ не Джасперъ Веллакотъ,—не родственникъ ея,—не подлинный монархъ, а узурпаторъ, обманщикъ, безъимянный авантюристъ. Что тогда будетъ? Что сдѣлаетъ она? Вмѣсто отвѣта получалось пустое мѣсто. Еслибъ она любила его, онъ, пожалуй, и рискнулъ бы подвергнуть ее этому жестокому испытанію. Тогда онъ счелъ бы своимъ долгомъ обнажить передъ нею свою душу, чтобы она видѣла его такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Но священнаго долга любви не существуетъ для дружбы. Признаніемъ онъ ничего бы не добился и только утратилъ бы все, что у него есть дорогого на свѣтѣ. И она утратила бы опору, которая—онъ зналъ—ей сейчасъ нужна. Ради нея, какъ и ради себя, необходимо довести до конца эту мучительную игру.

И, однако, теперь, когда Бонни умеръ и отношенія Джаспера съ Алиціей стали болѣе непосредственными, теперь, когда она обращалась къ нему уже съ собственными своими душевными запросами,—обманъ еще больше тяготилъ его: прежде онъ хоть временами забывалъ о немъ, теперь ни на минуту не могъ забыть. Словно власяница, которую онъ до тѣхъ поръ носилъ волосомъ наружу, вдругъ повернулась волосомъ внутрь. И неизбѣжно эта мука сопровождалась обостреніемъ муки его безнадежной любви, съ которой онъ, какъ ни душилъ ее, не могъ совладать. Джасперъ жестоко страдалъ.

— Кажется, я ужъ больше не выдержу, Томъ,—жаловался онъ дня два спустя своему секретарю, заглянувшему къ нему по дѣламъ и нашедшему его въ состояніи необычнаго унынія.

— Голубчикъ мой, что же дѣлать? Всѣ мы смертны, всѣ тамъ будемъ. Что же тутъ ужъ такъ огорчаться,—утѣшалъ его Кодби, впервые въ жизни невѣрно понявшій настроеніе своего принципала.

— Глупый! Не въ томъ дѣло. Я не очень грущу о бѣдномъ мальчикѣ, хотя, видитъ Богъ, нѣжно любилъ его. Ибо я пришелъ къ грустному заключенію, что это для него было самое лучшее. Въ сущности, онъ все-таки былъ любимцемъ боговъ, и они взяли его къ себѣ, чтобы избавить его отъ несчастья. На которой бы изъ двухъ онъ ни женился, все равно, онъ не былъ бы счастливъ. И та, и другая, каждая по своему, подрѣзала бы крылья его генію. Онъ далъ міру лучшее, что въ немъ было, и мы съ вами избавлены отъ огорченія видѣть постепенное паденіе его таланта; а это неизбѣжно случилось бы, начни онъ жить семейной жизнью—здѣсь ли, или съ Витторіей. Боже мой, Томъ, какъ мы всегда умудряемся портить свою жизнь, завязывать на ней такіе узлы, которые можно только...

— Разрубать?

— Да, при чемъ Гордіевъ мечъ беретъ сама судьба. Вѣдь и моя жизнь завязана такимъ узломъ.

— О — сказалъ маленькій человѣкъ, склоняя набокъ свою сѣдѣющую, коротко остриженную голову.—Такъ вы вотъ о чемъ. Гоните прочь такія мысли. Я думалъ, вы ужъ справились съ этимъ. Что̀ пользы мучить себя?

— Пользы, вѣроятно, никакой, а все же мучаешься.—Джасперъ заложилъ руки за голову и вытянулъ свои длиныя ноги.— И мучаешься иной разъ такъ, что ужъ, кажется, больше терпѣть нельзя. Я вотъ уже три ночи почти не сплю и, повторяю, долго я этого не выдержу. Любили вы когда-нибудь женщину, Томъ?

Кодби выпустилъ изо рта нѣсколько колецъ дыма и, слѣдя за тѣмъ, какъ они расходились, отвѣтилъ:

— Она заставила меня взяться за Шекспира, за что я ей весьма признателенъ. Но все же одно время мнѣ было очень скверно.

Наступила пауза. Джасперъ попробовалъ затянуться, замѣтилъ, что трубка не курится, нетерпѣливо швырнулъ ее на столъ, и зашагалъ по комнатѣ, служившей ему и гостиной, и столовой.

— Послушайте, Томъ, мнѣ нестерпима эта вѣчная ложь. Она дѣйствуетъ мнѣ на нервы. Эта женщина даритъ мнѣ рай своей души, но я беру его обманомъ. Я—обманщикъ, достойный только презрѣнія. Она считаетъ меня своимъ кузеномъ, равнымъ ей по рожденію, порядочнымъ, честнымъ человѣкомъ. Какъ истая женщина, она слѣпо вѣритъ въ меня. Скажи я ей, чтобъ она шла въ монастырь молиться за душу Бонами Тредгольда, она пошла бы. Скажи я ей: выходите за меня замужъ, она

вышла бы, ей Богу вышла бы. Она меня не любитъ, но захоти я—она стала бы моей женой. Я знаю, что стала бы. Она еще не проснулась. Бонни не могъ разбудить ее: его любовь была отдана другой. Но я люблю ее каждой каплей крови и могъ бы заставить ее полюбить меня. Повторяю вамъ: она даритъ мнѣ рай своей души, а я беру его обманомъ, какъ и все остальное. И этого я уже не въ силахъ снести. Боже мой, Томъ, вы только посмотрите, какія богатства каждый день стекаются къ намъ со всѣхъ концовъ свѣта—и все это чужое, все взято обманомъ. Вы знаете, какое это для меня проклятіе.

— Я знаю, что вы раздаете эти богатства, какъ только они попадаютъ къ вамъ въ руки, и что многимъ, благодаря вамъ, веселѣе и лучше живется на свѣтѣ.

— Въ этомъ-то и иронія судьбы. Это-то и хуже всего! — вскричалъ Джасперъ, съ отчаяніемъ махнувъ рукой. — Денегъ мнѣ не жалко. Деньги я могу раздавать цѣлыми пригоршнями. Мнѣ онѣ не нужны, онѣ не властны надо мною. Я могу прожить и безъ нихъ. Могу въ любой моментъ снять съ своей души *это* бремя. Но вотъ этой чистой женской душой, которая мнѣ досталась тоже обманомъ, я пожертвовать не могу. Отъ нея отказаться я не въ силахъ. Не могу я бросить ее одинокой въ мірѣ и успокоить свою совѣсть тѣмъ, что отъ этого кому-нибудь стало легче жить на свѣтѣ. Не могу я отказаться отъ нея. И ей не могу причинить такого горя. Ей нужна моя дружба. Она сказала, — прости мнѣ, Боже! — что въ ея крушеніи я для нея — маякъ. И я долженъ выполнить роль маяка. Я вынужденъ смотрѣть въ эти ясные, правдивые глаза и каждымъ взглядомъ лгать, какъ рабъ, какъ подлый трусъ. Это — адская мука, Томъ.

Онъ отвернулся къ крохотному окошечку, уставленному геранями. Кодби озабоченно сморщилъ лицо, отъ чего еще больше сталъ похожъ на стараго коршуна, и сталъ ввинчивать въ глазъ свой монокль.

— Милый, старый товарищъ,—началъ онъ, закуривая новую папироску отъ окурка старой и внимательно вглядываясь въ профиль Джаспера, словно для того, чтобы судить объ эффектѣ своихъ словъ, — надѣюсь, вы не собираетесь сами выдать себя? Это было-бы колоссальной нелѣпостью. Болѣзненная потребность сознаться въ своемъ преступленіи — характерная черта преступниковъ-неврастениковъ. Берегитесь, Джасперъ: этотъ путь ведетъ къ безумію.

— Еслибъ она любила меня,—воскликнулъ Джасперъ, круто

поворачиваясь на каблукахъ,—я бы моментально пошелъ и разсказалъ бы ей все.

— Но она не любитъ?

— Нѣтъ... не любитъ.

— Тѣмъ лучше. Совѣтую вамъ пораздумать надъ моими словами.

— По всей вѣроятности, вы правы, Томъ,—устало согласился Джасперъ. — Да. Придется вынести и это, какъ я вынесъ все остальное. Надѣюсь, что Богъ проститъ меня.

— C'est son métier, — съ улыбкой пробормоталъ себѣ подъ носъ Кодби.

— Я дѣлалъ, что могъ... Я выбился изъ силъ...

— Не вы первый, не вы послѣдній, дружище — замѣтилъ Кодби. — Эти муки переживали до васъ и князья, и цари. Нѣкоторые изъ нихъ были солью земли—какъ вы.

Джасперъ только плечами пожалъ. Послѣ неожиданной вспышки онъ смолкъ и сталъ угрюмъ. Втеченіе нѣсколькихъ минутъ онъ усердно чистилъ свою трубку; затѣмъ, выколотивъ ее и продувъ, осторожно поставилъ ее на каминъ. Вошла хозяйка, почтенная вдова, накрыть столъ для чая: положила грубую, но чистую скатерть, поставила на столъ тарелки, каравай хлѣба, масло, варенье, салатъ, большія чашки, въ какихъ подаютъ бульонъ за завтракомъ, подносикъ съ сахарницей и сливочникомъ, и большой металлическій чайникъ, полный до верху крѣпкимъ чернымъ чаемъ. Пріятели придвинули стулья къ столу. Кодби комически пожалъ плечами, взглянувъ на своего патрона.

— Есть ли еще въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ другой милліонеръ, который бы довольствовался такимъ ужиномъ?

— Но вѣдь это во сто разъ вкуснѣе того, что подаютъ на вечерахъ—возразилъ Джасперъ, наливая въ стаканъ густой, какъ сиропъ, черной жидкости.—Это, по крайней мѣрѣ, *чай*. Вѣрьте старому жителю колоній. Помнишь былыя времена—наши оловянныя кружки, Томъ? На этой дьявольской фермѣ, гдѣ ничего не хотѣло расти? Ахъ ты, Господи! А знаешь, я иной разъ жалѣю о нихъ.

— А я нѣтъ. — Кодби долилъ свой стаканъ кипяткомъ изъ глинянаго чайника съ отбитымъ носикомъ. — Я былъ рожденъ для цивилизованной жизни. Въ смыслѣ внѣшняго устройства жизни, я бы лучше васъ съумѣлъ распорядиться милліонами. А какъ относится къ этому лэди Алиція?

— О, она считаетъ меня безобиднымъ чудакомъ, — грустно усмѣхнулся Джасперъ.

— Ну что-жъ, пока настой дубильной кислоты не причиняетъ вамъ вреда, я думаю, что это, дѣйствительно, безобидно.

Маленькій человѣчекъ отъ души радовался на своего принципала, смаковавшаго „настой дубильной кислоты". Еслибъ опіумъ или цвѣты мандрагоры могли помочь Джасперу хоть на время заглушить муки совѣсти, Кодби не задумался бы дать ему опіума или мандрагоры. Онъ перевелъ разговоръ на безразличныя темы, пытаясь заинтересовать Джаспера разсказомъ о своемъ восхожденіи на одинъ изъ швейцарскихъ ледниковъ, и наконецъ, разрѣшился новостью, которая волновала его съ самаго момента прибытія.

— Роспускъ палаты — рѣшенное дѣло. Осенью предстоятъ общіе выборы.

— Что такое?—воскликнулъ Джасперъ, роняя ножикъ.

— Общіе выборы. Вы сами знаете, что это такое. Близокъ день, когда вы перестанете быть членомъ парламента и снова будете вынуждены идти за голосами къ независимымъ обывателямъ Норзгэма.

— Откуда вы узнали?

Маленькій человѣчекъ ликовалъ. Ему только и нужно было встряхнуть Джаспера, отвлечь его мысли.

— Нынче утромъ я встрѣтилъ въ городѣ Спарлинга. Онъ экстренно вернулся изъ Тироля, вызванный срочною телеграммой Комитета. Конечно, публика пока еще не знаетъ. Газеты пока разсуждаютъ объ этомъ лишь академически.

— Я думалъ: газеты врутъ.

— Не совсѣмъ. Скоро эта новость, какъ бомба, огорошитъ всю страну. Я, въ сущности, за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы потолковать съ вами. Газеты-то вѣдь можно было бы послать и по почтѣ.

— Какого же чорта вы мнѣ раньше не сказали?!

— А чай-то вѣдь и вправду дьявольски вкусный,—усмѣхнулся маленькій человѣчекъ.

XXIII.

На другой день утромъ Джасперъ отправился въ усадьбу. Алиція приняла его въ своей уютной комнаткѣ, полной запаховъ сада, вливавшихся въ раскрытое окно. Онъ замѣтилъ, что на каминѣ уже не было портрета Бонни, на кругломъ столикѣ— переплетенныхъ томиковъ его поэмъ. Поздоровавшись съ хозяйкой,

онъ машинально оглядѣлся вокругъ, точно ища знакомые предметы. Алиція чутьемъ поняла значеніе этого взгляда.

— Я отдала ихъ,—пояснила она, глазами указывая на пустыя мѣста.—Больше она ничего отъ меня не хотѣла взять. Вы не думаете, конечно, что я не дорожила ими.

— Я знаю. Вы всегда дарите по-царски.

— А вы по-царски великодушны въ своихъ сужденіяхъ, милый мой Джасперъ. Садитесь и выкладывайте ваши новости.

— Почемъ вы знаете, что у меня есть новости?

Она улыбнулась.

— По вашему лицу.

— Будто ужъ у меня такое предательское лицо? Впрочемъ, вы правы: новости, дѣйствительно, есть. Роспускъ палаты рѣшенъ. Кодби конфиденціально сообщилъ это Спарлингъ. Осенью предстоятъ новые выборы.

— О! какъ жаль!—вскричала Алиція.

— Почему?

— Снова борьба! Мало ли у васъ и безъ того всякихъ хлопотъ. И даже здѣсь вамъ не удалось отдохнуть. Ваши вакаціи вышли такія печальныя. Вы вѣдь не изъ желѣза сдѣланы, Джасперъ.

— А я думаю — именно изъ желѣза — усмѣхнулся онъ. — Ничего, справлюсь; силы хватитъ. Волненіе борьбы будетъ мнѣ даже полезно. Боюсь только, что мнѣ придется сократить мое пребываніе здѣсь. Предвыборная борьба будетъ жестокая и, прежде чѣмъ окунуться въ нее, мнѣ надо будетъ привести въ порядокъ свои дѣла. Такъ что, пожалуй, денька черезъ два я прощусь съ вами.

— Мнѣ будетъ очень недоставать васъ,—сказала она, глядя ему прямо въ глаза.

— И мнѣ васъ тоже. Но вѣдь вы и сами скоро переѣдете въ городъ.

Она минутку подумала.

— Да, пожалуй; очень возможно. Когда вы уѣдете, этотъ домъ будетъ казаться мнѣ населеннымъ призраками, а это—нездоровое общество. Съѣзжу недѣльки на двѣ къ своимъ въ Иллингэмъ—а оттуда въ Лондонъ.

— Вы поможете мнѣ съ выборами? Мнѣ нужно мобилизировать всѣ свои силы, и ваша помощь мнѣ всѣхъ нужнѣе.

— Какая же отъ меня можетъ быть помощь?

— А вербовать голоса? Кто же сдѣлаетъ это лучше и удачнѣе васъ? Погодите: ужъ не потому ли вы отказываетесь, что на прошлыхъ выборахъ я отклонилъ вашу помощь?

— Мѣсяцъ тому назадъ я бы не задумалась снова предложить вамъ ее, но сейчасъ... Ахъ, Джасперъ! не дѣлайте такого изумленнаго лица. Мнѣ въ сто разъ больше прежняго хочется быть вамъ полезной, но какъ-то нѣтъ во мнѣ увѣренности. Къ изумленію своему я вижу, что я мало на что годна.

Джасперъ не возражалъ. Онъ зналъ, что она пережила, и зналъ, что смиреніе ея было искреннее. Чутье подсказало ему нужные тонъ и слова. Онъ сдвинулъ брови, силясь придать напускную строгость своему доброму взгляду.

— Но приказанія-то вы можете исполнять?

Она улыбнулась, бѣгло взглянула на него и вдругъ немножко оробѣла.

— Могу.

— Ну такъ вотъ. Вы получите инструкціи. Вамъ будетъ данъ списокъ домовъ, которые вамъ нужно обойти, и въ каждомъ говорить любезности хозяевамъ и цѣловать дѣтей, какіе бы они ни были грязные, чтобы завоевать сердце матери. И не уходить оттуда, пока вы не убѣдите всѣхъ въ домѣ, отъ дѣдушки до грудного младенца, что если я буду выбранъ въ парламентъ, настанетъ опять золотой вѣкъ, а если не буду, повторится всемірный потопъ. Вы видите, это все очень просто.

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, Джасперъ,—сказала она, протягивая ему обѣ руки.

Онъ взялъ ихъ въ свои.

— Такъ, значитъ, я могу на васъ разсчитывать?

— На мое послушаніе—да.

Джасперъ сжалъ ея руки и вдругъ отвернулся... Потомъ заговорилъ о выборахъ.

— Я не увѣренъ, что сохраню свое мѣсто. Мои противники уже давно подкапываются подъ меня. Не знаю только, кого они собираются выдвинуть противъ меня. Не Блайдена, конечно. У него слишкомъ мало шансовъ. Всего вѣрнѣе, Дженсона: въ Миддльтонѣ ему не пройти—теперь настроеніе слишкомъ патріотическое. Онъ выступалъ раза два въ клубѣ радикаловъ, въ Норзгэмѣ. Это, знаете, серьезный противникъ. Пожалуй, ни въ одномъ округѣ не будетъ такого жестокаго боя, какъ въ нашемъ.

— Вы выйдете изъ него побѣдителемъ, Джасперъ. Вы всегда побѣждаете.

— Кто знаетъ. Счастье капризно. Оно можетъ отвернуться отъ меня.

— Тутъ дѣло не въ счастьѣ. Вы несправедливы къ себѣ.

Въ васъ самомъ залогъ побѣды. Вы рождены для великаго. И вы побѣдите.

— Во всякомъ случаѣ постараюсь.

— Пожалуй, въ концѣ концовъ, они могутъ пойти намъ и на пользу—эти выборы,—выговорила она съ легкимъ вздохомъ.

— Я увѣренъ въ этомъ.

По уходѣ Джаспера Алиція вернулась къ начатому письму. Но эпистолярное вдохновеніе ея изсякло. Ея мысли были полны предстоящей борьбой. Ей вдругъ стало ясно, что это сейчасъ—самое важное. Отъ сохраненія Джасперомъ его депутатскихъ полномочій зависитъ успѣхъ самыхъ дорогихъ его плановъ. Онъ *долженъ* побѣдить. Ей непріятно было даже думать, что Джасперъ можетъ не попасть въ парламентъ. Она живо представила себѣ, какое это было бы для него страшное разочарованіе и, впервые съ тѣхъ поръ, какъ они подружились, задумалась о томъ, какое онъ дѣлаетъ большое и серьезное дѣло. Ея собственная игра въ благотворительность показалась ей рядомъ съ этимъ такою ничтожною... Она изорвала неоконченное письмо, машинально роняя клочки бумаги на письменный столъ, гдѣ они легли маленькой бѣлой кучкой, и долго потомъ сидѣла, сдвинувъ брови, въ глубокой задумчивости.

Джасперъ вернулся въ городъ въ самомъ боевомъ настроеніи. Онъ зналъ, что популярность его въ Норзгэмѣ сильно упала—отчасти вслѣдствіе происковъ неутомимаго Уикенса, пользовавшагося въ округѣ большимъ вліяніемъ, отчасти въ силу самой природы вещей. Округъ былъ по существу радикальный. Предшественникъ Джаспера, сэръ Самюэль Дайксъ, прошелъ случайно, незначительнымъ большинствомъ, поддержанный уніонистскимъ теченіемъ; Джасперъ — главнымъ образомъ благодаря своей популярной программѣ и тому, что его знали какъ филантропа. Но теперь, когда милліоны государственнаго долга по милости войны легли новымъ бременемъ на плечи налогоплательщиковъ, и облегченій ждать было трудно, вѣра избирателей въ правительство поколебалась, и они готовы были вернуться къ старымъ богамъ. Если онъ не вылетитъ изъ парламента, это будетъ, дѣйствительно, серьезной побѣдой... И Джасперъ чувствовалъ въ себѣ тотъ подъемъ настроенія, къ которому ведетъ увѣренность въ побѣдѣ.

Прежде всего, какъ онъ и говорилъ Алиціи, надо было привести въ порядокъ дѣла. За мѣсяцъ отдыха ихъ накопилось много,

а у Кодби не хватало ни дарованій, ни авторитета, чтобы одному справиться съ ними. Джасперъ—тотъ распоряжался, какъ Наполеонъ. Кодби уже сдѣлалъ ошибку, стоившую его патрону нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ, и Джасперу пришлось-таки пораскинуть умомъ, чтобы поправить дѣло; хоть онъ и считалъ проклятіемъ свою способность превращать въ золото все, къ чему бы онъ ни прикоснулся, однако терять онъ не любилъ. Привыкшій побѣждать, онъ былъ не чуждъ тщеславія. И теперь онъ взялся за дѣло твердою, властною рукой, и послѣ тихаго уголка, гдѣ жили только человѣческая любовь и страданіе, ему любо было снова чувствовать подъ рукой біеніе сердца огромной машины, которою онъ управлялъ,—машины, рычаги которой захватывали всѣ части свѣта. Это было острой, волнующей радостью; это рождало въ его душѣ сознаніе несокрушимой власти. Послѣ горькаго самоуничиженія, которое онъ испытывалъ послѣдніе дни возлѣ Алиціи, наступила реакція—приливъ мало свойственной ему гордости. Орлинымъ взоромъ онъ озиралъ свое царство и страстно жаждалъ править, руководить, видѣть, какъ моментально возникаетъ по его велѣнію все, чего бы онъ ни пожелалъ. Онъ ликовалъ при мысли, что все это—дѣло его рукъ, его ума, его воли. Отъ австралійскихъ рудниковъ до пенсій обездоленнымъ и неудачникамъ—всѣмъ завѣдывалъ, распоряжался онъ одинъ. Его охватила такая лихорадочная жажда дѣятельности, что ему уже было мало всѣхъ прежнихъ работъ: хотѣлось еще расширить кругъ своихъ начинаній. Будь у него достаточно милліоновъ, онъ купилъ бы Лондонъ и превратилъ бы его въ рай для бѣдняковъ.

За эти нѣсколько дней, въ ожиданіи борьбы, онъ сдѣлалъ столько, что другому понадобились бы для этого недѣли напряженнаго труда. Въ рѣдкія свободныя минуты онъ бралъ подъ руку Кодби и водилъ его по пустому скверу, позволяя себѣ роскошь—говорить о своихъ планахъ на будущее. Ихъ было много: одни — осуществимые, другіе — совершенно фантастическіе. Онъ зналъ глухое мѣсто, откуда золото можно вывозить вагонами. Что, если взять концессію, начать раскопки и весь чистый доходъ отдавать Обществу страхованія трудящихся отъ старости и неспособности къ труду? Это сразу разрѣшило бы вопросъ объ обезпеченіи старости рабочихъ. Онъ непремѣнно пріобрѣтетъ эти копи. И во всѣхъ большихъ городахъ соединеннаго королевства откроетъ кооперативныя столовыя. Онъ натворитъ самыхъ необычайныхъ вещей и, между прочимъ, пройдетъ на выборахъ. Въ послѣднюю сессію ходилъ упорный

слухъ, что, если правительство уцѣлѣетъ, предстоятъ перемѣны въ составѣ министерства. Можетъ быть и ему предложатъ видный постъ. Почему бы и нѣтъ? Ему уже намекали. А отсюда недалеко и до министерскаго портфеля. Какъ знать, быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ править всей имперіей.

— Другъ мой, остерегайтесь мегаломаніи, — сказалъ ему Кодби послѣ одной изъ такихъ вдохновенныхъ фантазій.

— А что это такое?—наивно спросилъ Джасперъ, все еще иной разъ дививший своего секретаря своимъ забавнымъ невѣжествомъ.

Они были уже у дверей своего дома. Кодби остановился, съ ключемъ въ рукахъ.

— Послѣдняя эволюція тѣхъ, кто склоненъ воображать о себѣ,—наставительно пояснилъ онъ.

Живымъ отвѣтомъ на это было неожиданное появленіе въ дверяхъ Берка, съ иронической усмѣшкой на блѣдномъ лицѣ. Какъ это уже много разъ бывало, онъ, словно тѣнь судьбы, заступилъ дорогу Джасперу, избавивъ его отъ необходимости возражать. Беркъ былъ надежной гарантіей противъ маніи величія. Но тѣнь судьбы нимало не страшила Джаспера. Беркъ сталъ приличенъ, даже почтителенъ. Джасперъ все время слѣдилъ за нимъ. Онъ былъ повидимому вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. Да и почему бы ему не быть довольнымъ? Онъ рѣшилъ наградить бѣднягу за усердіе, давъ ему болѣе отвѣтственную работу. Главное для человѣка—чтобы у него былъ какой-нибудь интересъ въ жизни. А мало ли интереснаго дѣла въ Норзгэмѣ?..

— Чертовски досадно, что онъ бросилъ пить, — сказалъ Кодби.—Я было надѣялся, что онъ сопьется окончательно и подохнетъ. Почему это васъ такъ шокируетъ, милый мой Джасперъ? Я никогда не выставлялъ себя благодушнымъ филантропомъ. Будь я королемъ, я бы велѣлъ обезглавить его, ради пользы государства. И не только поэтому, а еще и потому, что мнѣ не нравится его носъ и вся его физіономія. И не совѣтую вамъ создавать для него интересъ въ жизни, или посылать его агитировать на выборахъ. Подарите ему лучше дюжину ящиковъ съ шампанскимъ, или ящикъ сигаръ, начиненныхъ динамитомъ.

Джасперъ смотрѣлъ на него строго.

— Что за дьявольскія рѣчи, Томъ. Онѣ вамъ совсѣмъ не къ лицу.

Кодби пожалъ плечами. Когда Джасперъ переходилъ въ такой тонъ, спорить съ нимъ и убѣждать его было безполезно.

И Джасперъ сдѣлалъ по своему — отвелъ Берку довольно

видную роль въ предстоявшей выборной кампаніи. Угрюмые глаза Берка засвѣтились радостью, когда Джасперъ посвятилъ его въ свои намѣренія и объяснилъ, какія обязанности на него возлагаются. Онъ такъ искренно благодарилъ Джаспера, что тотъ былъ тронутъ. Все-таки у этого человѣка, есть сердце. Еслибы только можно было на него положиться, еслибъ онъ бросилъ пить и заинтересовался судьбами имперіи, кто знаетъ, какого высокаго положенія онъ могъ бы достигнуть. Какъ-то невольно Джасперъ включалъ и Берка въ сферу своей маніи величія. Странное дѣло: въ теперешнемъ своемъ настроеніи онъ какъ-то не чувствовалъ угрызеній совѣсти за зло, причиненное мужчинѣ. Женщина—другое дѣло.

Но, хотя упоеніе властью и заставляло его забывать свои муки, все же на днѣ души горѣла и ныла раскрытая рана и сознаніе лжи жгло его, какъ раскаленнымъ желѣзомъ. И, хотя онъ яростно гналъ отъ себя мысль о возможности пораженія, все же эта мысль преслѣдовала его. Характернымъ симптомомъ охватившей его лихорадки было то, что онъ преувеличивалъ значеніе побѣды. Въ минуты отрезвленія его терзало безразсудное и больное предчувствіе, что Норзгэмъ будетъ его Москвой. И при этой мысли его охватывалъ нестерпимый страхъ. Нѣтъ, онъ побѣдитъ. Онъ долженъ побѣдить. Этого требуетъ его престижъ завоевателя, Наполеона. Онъ утратилъ чувство мѣры.

Оффиціальное объявленіе о роспускѣ парламента и начало избирательной кампаніи отрезвили Джаспера. Непосредственно передъ нимъ стояла слишкомъ серьезная практическая задача; фантазировать было некогда. По существу, Джасперъ былъ отъ природы трезво и здраво мыслящимъ человѣкомъ. Лишь на короткое время, въ силу переживаемаго имъ психологическаго момента, его два „я"—мечтатель и человѣкъ дѣйствія—слились воедино, и мечтатель взялъ верхъ. Но теперь приступъ временнаго безумія миновалъ. И тѣмъ яснѣе сознавалъ Джасперъ настоятельную необходимость побѣды. Мечтателю мерещились грозные призраки Москвы и Ватерлоо; человѣкъ дѣйствія съ головой окунулся въ работу, напрягая всѣ свои физическія и духовныя силы.

Какъ и предвидѣлъ Джасперъ, радикалъ Дженсонъ, потерявшій всякую надежду на успѣхъ въ прежнемъ своемъ, патріотически настроенномъ округѣ, принялъ приглашеніе норзгемскаго радикальнаго клуба. Его кандидатуру въ округѣ шумно привѣтствовали; борьба пошла въ серьезъ. На улицахъ такъ и мель-

кало багровое лицо Уикенса и его свѣтлый пиджакъ, съ желтой хризантемой въ петличкѣ. Онъ не скрывалъ, что ненавидитъ Джаспера, и распространялъ про него невѣроятнѣйшія гнусности. Одна изъ нихъ дошла до ушей Дженсона, и тотъ, какъ благородный человѣкъ, публично извинился передъ своимъ противникомъ открытымъ письмомъ въ газетахъ.

То были дни страшнаго напряженія, лихорадочной, непрерывной работы. Джасперъ не помнилъ, когда онъ ѣлъ и ѣлъ ли, и спалъ безъ сновидѣній, сномъ усталаго животнаго. Онъ заражалъ своимъ энтузіазмомъ и наиболѣе трусливыхъ своихъ сторонниковъ, въ первые дни не вѣрившихъ въ успѣхъ. Самъ онъ былъ неутомимъ и слышать не хотѣлъ о пораженіи. Имперіализмъ и реформы, облегчающія положеніе народа—съ этой программой можно пройти въ любомъ округѣ. Въ своей главной квартирѣ онъ былъ доступенъ всѣмъ, никому не отказывалъ въ пріемѣ, отвѣчалъ на всѣ вопросы, разсѣивалъ сомнѣнія, говорилъ вѣско, съ явнымъ знаніемъ дѣла и съ такимъ видомъ, какъ будто онъ до поры до времени бережетъ свои силы. Говорилъ рѣчи и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, и подъ открытымъ небомъ. Убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла придавало такую силу его немудренымъ рѣчамъ, что онъ творилъ чудеса. Надежды его приверженцевъ быстро возрастали. На улицахъ давно уже примелькалась его высокая, немного сгорбленная фигура, въ мѣшковато сидящемъ платьѣ. Теперь и онъ сталъ вездѣсущимъ, какъ Уикенсъ. Чутье организатора сразу указывало ему слабые пункты, и онъ спѣшилъ туда. Во всякую погоду онъ ходилъ пѣшкомъ. Однажды, въ дождливый, сѣрый день онъ остановился передъ столбомъ, на которомъ было наклеено воззваніе его противника.

„Либеральные избиратели, не склоняйте колѣнъ передъ плутократіей“.

Улица была людная. Возлѣ Джаспера скоро собралась кучка любопытныхъ. Онъ повернулся къ нимъ, добродушно улыбаясь въ отвѣтъ на ихъ вопросительные взгляды. И несоотвѣтствіе между громкими словами и тѣмъ, къ кому они относились—человѣкомъ въ подвернутыхъ брюкахъ и забрызганныхъ грязью сапогахъ, съ намокшимъ зонтикомъ, съ котораго вода стекала ему прямо на спину—было такъ комично, такъ било въ глаза, что зрители невольно прыснули со смѣху. А Джасперъ добродушно кивнулъ головой и пошелъ дальше, очень довольный тѣмъ, что случай подорвалъ эффектъ воззванія его соперника.

Леди Алиція пріѣзжала ежедневно, агитируя вмѣстѣ съ другими и была не менѣе неутомима, чѣмъ самъ Джасперъ.

Она тоже была какъ въ лихорадкѣ: сомнѣнія въ самой себѣ, жажда успѣха, грызущая тревога не давали ей покоя. Пока она играла въ общественную дѣятельность, это было для нея милымъ и пріятнымъ занятіемъ; теперь, когда она не на шутку взялась за дѣло, ей казалось, что она пытается проломить неприступную желѣзную стѣну—и отъ этой работы у нея ломило руки и стучало въ вискахъ. Своей агитаціи за Джаспера она придавала огромное значеніе. Она тоже утратила чувство мѣры—но женщины чужды юмора, и въ нихъ это естественно.

Однажды Джасперъ встрѣтилъ ее на улицѣ. Имъ теперь, въ предвыборной суетѣ, рѣдко доводилось остаться вдвоемъ, для задушевнаго разговора. Онъ сталъ разспрашивать, что новаго. Она застѣнчиво, какъ будто извиняясь, подала ему свою записную книжку.

— Боюсь, что я немного сдѣлала.

— Что означаютъ подчеркнутыя фамиліи. Это надежные?

— Да, а крестики означаютъ сомнительныхъ, нули — не поддающихся.

— Но у васъ подчеркнута и фамилія Уилера, зеленщика на Смитъ-стритѣ.

— Ну да. Съ нимъ не трудно было сговориться.

— Но вѣдь это одинъ изъ самыхъ ярыхъ и тупоголовыхъ радикаловъ нашего округа!—вскричалъ Джасперъ. Онъ былъ въ восторгѣ.—Привлечь его, значитъ взять сразу сотню голосовъ. Какъ вамъ это удалось?

Она вспыхнула чуть не до слезъ отъ удовольствія, что онъ похвалилъ ее.

— Они, повидимому, всѣ знаютъ больше моего. Ну, я и предоставляю имъ говорить.

— Вотъ именно. Такъ и надо. Сперва дайте имъ выговориться, выложить всю ту ерунду, которую они называютъ своими взглядами, а затѣмъ вложите въ ихъ головы немножко здраваго смысла.—Онъ просматривалъ записи.—Да вы волшебница. Вы творите чудеса. Если всѣ мои агитаторы имѣютъ такой же успѣхъ, какъ вы, мнѣ будетъ легко одолѣть своего противника.

— Надѣюсь, все идетъ благополучно?—встревоженно допытывалась она.

Онъ стукнулъ зонтикомъ по тротуару.

— *Должно* итти благополучно. *Обязано.* Ну да вотъ дождемся пятницы—увидимъ.

— Почему пятницы?

— Вы же знаете. Въ пятницу вечеромъ будетъ рѣшительный бой. До сихъ поръ были только стычки. Говорилъ я вамъ, что мнѣ взялся помогать лордъ Джонъ Ривлби? Онъ—большая сила среди зажиточныхъ классовъ. Онъ и будетъ съ ними говорить. Я же буду обращаться непосредственно къ народу. Я нарочно берегу себя для этого дня. Вы будете?

— Хотѣла бы быть.

Они разстались. Джасперъ условился встрѣтиться съ нею въ этотъ день у Спарлинга на засѣданіи организаціоннаго комитета, устраивавшаго въ пятницу грандіозный митингъ. Они боялись безпорядковъ, такъ какъ публика въ Норзгэмѣ была не изъ смирныхъ. Джасперъ подбодрилъ ихъ. Ему именно и нужна враждебно настроенная публика. *Такимъ* слушателямъ у него есть что̀ сказать. Комитетъ совѣтовалъ принять мѣры предосторожности.

— Это, пожалуйста, сколько угодно,—согласился Джасперъ и сѣлъ обсуждать планъ сраженія.

Его геніальное чутье крупнаго борца говорило ему, что для него этотъ день будетъ рѣшительнымъ. Колеблющіеся либо упадутъ къ его ногамъ, либо равнодушно отвернутся отъ него. Ему надо раздуть въ яркое пламя гаснущую искру патріотизма, вернуть надежду тѣмъ, кто почти утратилъ ее, волшебствомъ своей воли опрокинуть выдвинутыя противъ него, главнымъ образомъ противъ его богатства, горы предубѣжденій, камень за камнемъ умѣло нагроможденныя его противниками. Онъ уже многое сдѣлалъ для этого и чуялъ близость побѣды, какъ чуютъ накопившееся въ воздухѣ электричество.

Ничего въ мірѣ онъ такъ страстно не желалъ, кромѣ любви Алиціи. И никогда еще ничего такъ настойчиво не домогался. Чувство не слушаетъ разсудка—а Джасперъ чувствовалъ, что эта побѣда надъ враждебными силами, объединившимися противъ него, будетъ вѣнцомъ его карьеры, докажетъ его непобѣдимость... И въ тайныхъ изгибахъ его души, хоть ложь и жгла его попрежнему, все же шевелилось смутное предчувствіе, что побѣда будетъ какъ бы знаменіемъ свыше, признаніемъ законности его монаршей власти. И онъ собирался съ силами, готовясь къ предстоящему бою.

Въ четвергъ вечеромъ, выходя изъ комитета, онъ столкнулся съ Уикенсомъ.

— Собираетесь побѣждать, м-ръ Веллакотъ? — освѣдомился мясникъ и бывшій мэръ.

— Надѣюсь,—холодно отвѣтилъ Джасперъ.

— А я—нѣтъ.

— Очень радъ, что мы съ вами не сходимся и въ этомъ,— сказалъ Джасперъ. Ему былъ ненавистенъ и противенъ этотъ человѣкъ съ толстымъ, краснымъ лицомъ и яркимъ цвѣткомъ въ петличкѣ.

— Нечему вамъ такъ ужъ особенно радоваться,—буркнулъ Уикенсъ и отошелъ.

— Какъ это не рекомендуетъ Дженсона, что онъ беретъ такую сволочь себѣ въ помощники,—замѣтилъ Джасперъ, обращаясь къ Спарлингу, который нагналъ его.

— А всетаки было бы благоразумнѣе какъ-нибудь поладить съ Уикенсомъ.

Но Джасперъ возмутился. Развѣ возможны компромиссы съ такою гадиной, сосущей народную кровь? Такихъ гадовъ нужно хватать за горло, душить и кидать въ помойную яму — туда имъ и дорога. Онъ даже радовался, что этотъ негодяй—врагъ ему. Что онъ можетъ ему сдѣлать? Всѣ силы добра будутъ за него.

Настало утро пятницы. Джасперъ поднялся съ постели въ чудесномъ настроеніи, здоровымъ и бодрымъ. Когда онъ уже собрался ѣхать въ Норзгэмъ, Кодби подалъ ему депешу. Джасперъ распечаталъ ее, прочелъ и невольно вскрикнулъ отъ изумленія. То была шифрованная каблограмма отъ горнаго инженера, котораго онъ годъ тому назадъ послалъ производить изслѣдованія почвы, и потомъ почти забылъ о немъ—до послѣднихъ дней экзальтаціи, когда онъ вслухъ, при Кодби, принялся мечтать о грандіозномъ обществѣ страхованія. Каблограмма инженера сулила новую Калифорнію. Джасперъ размахивалъ ею передъ глазами Кодби, и его собственные глаза сіяли страннымъ возбужденіемъ.

— Манія величія!—почти кричалъ онъ.—Вотъ вамъ и манія величія. Почитайте-ка!

И Кодби въ душѣ вынужденъ былъ сознаться, что Джасперъ можетъ все, что захочетъ.

— Это — даръ Божій, — говорилъ Джасперъ. — Я не могу дольше отвергать его. Я принимаю это за доброе предзнаменованіе.

Онъ надменно выпрямился.—Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не быть предназначеннымъ къ великому? — прибавилъ онъ, вспомнивъ слова леди Алиціи.

XXIV.

Слово взялъ лордъ Джонъ Ривлби. Въ послѣднемъ кабинетѣ онъ былъ товарищемъ министра; отъ него ждали интересныхъ политическихъ разъясненій и слушали его съ учтивымъ вниманіемъ. Въ рѣчи его были и юморъ, и сарказмъ, но все это въ мѣру; голосъ у него былъ мягкій, бархатный, точка зрѣнія нѣсколько академическая, но въ то же время удручающе-практическая; словомъ, это былъ типъ политика-профессіонала, которому всегда и все давалось легко. Биткомъ набитая въ залѣ публика слушала его почтительно и апатично, въ ожиданіи откровеній, которыхъ имъ такъ и не суждено было услышать. Въ ушахъ леди Алиціи его слова отдавались точно гудѣнье, лишенное смысла. Съ ея мѣста на эстрадѣ ей была видна вся зала, нескончаемые ряды человѣческихъ лицъ, сливавшіеся вдали въ розоватыя полосы. Ряды эти тянулись въ три яруса, справа и слѣва, раздѣленные только проходами, и сливались вдали, гдѣ надъ главной входною дверью шли хоры, также ярусами и также сплошь усѣянные расплывчатыми розоватыми пятнами. У всѣхъ трехъ боковыхъ входовъ толпились не нашедшіе себѣ мѣста слушатели, мужчины и женщины, а сквозь раскрытыя настежь двери смутно виднѣлась черная масса головъ тѣхъ, кому не удалось протискаться въ залу.

Мѣста на трибунѣ, расположенныя подковообразно вокругъ стоявшаго по серединѣ стола, были такъ же переполнены, какъ и вся остальная зала. Предсѣдательствовалъ въ собраніи Спарлингъ. По правую руку его стоялъ лордъ Ривлби, по лѣвую сидѣлъ Джасперъ. Неподалеку отъ него сидѣлъ Кодби, которому легко было переговариваться со своимъ принципаломъ. Для Алиціи приберегли мѣстечко въ переднемъ ряду, на самомъ концѣ подковы, справа, такъ что она сидѣла какъ разъ противъ Джаспера.

Хотя митингъ былъ общедоступный, порядокъ пока почти не нарушался. По иниціативѣ Джаспера, организаціонный комитетъ во всѣхъ наиболѣе выгодныхъ пунктахъ размѣстилъ сильные отряды его приверженцевъ. Въ ожиданіи начала митинга они такъ дружно горланили патріотическія пѣсни, что менѣе организованная и застигнутая врасплохъ оппозиція растерялась и принялась подпѣвать. Появленіе на эстрадѣ лорда Джона Ривлби, Джаспера и комитета было привѣтствовано восторженными кли-

ками, въ которыхъ потонули отдѣльные враждебные выкрики и шиканье. Но Алиція чуткимъ слухомъ всетаки уловила это шиканье, и ей стало больно. Она посмотрѣла на аудиторію, пока такую мирную, и вздрогнула при мысли о сходствѣ ея съ спящимъ звѣремъ. Аудиторія была не изъ блестящихъ: все больше рабочіе, плохо одѣтые, съ грубыми, потными лицами. Во время предвыборной агитаціи она на опытѣ убѣдилась, какая пропасть лежитъ между этими людьми и ею самой; ихъ взглядъ на жизнь, ихъ цѣли, стремленія, ихъ кодексъ общественности и морали— все было ей чуждо. Отдѣльныя личности внушали ей состраданіе, смѣшанное съ угрызеніями совѣсти, и горячее желаніе сдѣлать все возможное для того, чтобъ улучшить ихъ положеніе. Но въ массѣ они пугали ее.

По поводу шаблоннаго упоминанія оратора о національномъ флагѣ какой-то субъектъ въ центрѣ залы крикнулъ: „ура“ и принялся размахивать національнымъ флагомъ. Сидящій сзади сердито попросилъ его бросить эту комедію. По залѣ пошелъ ропотъ. Насмѣшливая улыбка, скользнувшая по тонкимъ губамъ оратора, помогла возстановить тишину.

— Съ меньшей дозой богохульства и, пожалуй, большею— патріотизма, я склоненъ поддержать требованіе этого джентльмена. Когда мы хотимъ укротить разъяреннаго быка, мы не размахиваемъ передъ его глазами ненавистнымъ ему краснымъ флагомъ—символомъ величія Британіи.

Публика гикала, и хохотала, и кричала „ура!“ Но, въ общемъ, осталась довольна и продолжала слушать, хотя уже не такъ почтительно и съ наклонностью перебивать оратора. Алиція почувствовала перемѣну и пугливо посмотрѣла на Джаспера, который отвѣтилъ ей ободряющимъ взглядомъ. Его глаза сіяли ярче прежняго увѣренностью въ предназначенномъ ему успѣхѣ. Она улыбнулась ему, вложивъ въ эту улыбку всѣ свои надежды.

Кодби нагнулся впередъ и потянулъ за рукавъ Джаспера. Тотъ подставилъ ухо.

— Хорошо, что вы выпустили впередъ эту заводную машину, — шепталъ секретарь. — Это еще больше оттѣнитъ вашу силу.

Джасперъ радостно кивнулъ ему головой и обвелъ взглядомъ несчетную массу слушателей, сознавая, что онъ съумѣетъ покорить ихъ. Все шло чудесно. На скамьяхъ, въ третьемъ ряду, близъ средняго прохода онъ замѣтилъ Уикенса, выдѣлявшагося изъ толпы своимъ краснымъ лицомъ, свѣтлымъ костюмомъ и желтымъ цвѣткомъ въ петличкѣ. Уикенсъ какъ-то испуганно ози-

рался вокругъ, словно не умѣя объяснить себѣ дружественнаго настроенія аудиторіи. Джасперъ былъ очень доволенъ: эта растерянность Уикенса — благопріятный симптомъ. Но черезъ минуту онъ уже забылъ объ Уикенсѣ. Онъ снова обводилъ взглядомъ толпу, съ которой ему черезъ нѣсколько минутъ придется схватиться, всколыхнуть ея душу яркимъ идеаломъ великой британской имперіи, владычицы міра, рынки которой завалены продуктами пяти континентовъ, житницы которой полны черезъ край, такъ что бѣдные забудутъ, что̀ такое голодъ—страны, отъ края до края застроенной дворцами, въ которыхъ найдетъ облегченіе всякая скорбь человѣческая, поощреніе—всякій благородный порывъ. Несмотря на опьяняющее волненіе, общій смыслъ его рѣчи и планъ ея былъ ему ясенъ.

Лордъ Джонъ Ривлби, обмѣнявшись взглядомъ съ предсѣдателемъ, скомкалъ конецъ своей рѣчи, перешелъ къ заключенію и рекомендовалъ сочувствію избирателей м-ра Джаспера Веллакота; затѣмъ усѣлся на мѣсто. Ему похлопали. Предсѣдатель заявилъ, что ему нѣтъ надобности представлять присутствующимъ м-ра Джаспера Веллакота. Джасперъ быстро поднялся.

Его встрѣтили оглушительнымъ шумомъ: рукоплесканіемъ, шиканьемъ и свистомъ. Видъ залы мгновенно измѣнился, словно надъ угрюмымъ сѣрымъ моремъ пронеслось дыханіе бури. Популярный, или нѣтъ, человѣкъ этотъ обладалъ даромъ волновать страсти. Онъ молча ждалъ, пока утихнетъ буря, и улыбался, не препятствуя публикѣ хлопать и свистать, размахивать національными флагами и рвать ихъ въ клочки, и переругиваться между собою. Алиція уже начинала бояться, что этотъ адскій шумъ никогда не утихнетъ. Неожиданно стоявшій на трибунѣ поднялъ руку—и, какъ-бы по волшебству, волненіе улеглось. Его самого до глубины души взволновала эта покорность толпы, граничившая съ чудомъ. Алиція облегченно вздохнула.

Джасперъ заговорилъ. Въ началѣ слова выходили изъ его устъ неувѣренно, какъ ручеекъ, нащупывающій свое естественное русло; затѣмъ они полились потокомъ. Всякая утонченность, изысканность рѣчи исчезла; онъ говорилъ грубо, просто, съ рѣзкимъ австралійскимъ акцентомъ, такимъ же простонароднымъ, какъ и у тѣхъ, кто слушалъ его: уже одинъ этотъ акцентъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ объ его происхожденіи и воспитаніи. Онъ говорилъ однимъ языкомъ съ своей рабочею аудиторіей, стоялъ на ея точкѣ зрѣнія. Каждая подчеркнутая имъ фраза, каждая пауза вызывали сочувственные или сердитые возгласы. И сочувствующихъ, и враговъ онъ умѣлъ задѣть за живое. Враждебность

аудиторіи только разгорячала его, придавала больше пламенности его краснорѣчію. Словно электрическій токъ шелъ отъ оратора къ слушателямъ и обратно. Джасперъ забылся. Все перестало существовать для него, кромѣ души его, изливавшейся въ бурномъ, вдохновенномъ потокѣ рѣчей, которымъ разрѣшилась, наконецъ, экзальтація, нароставшая за послѣднія три недѣли. Бывшій товарищъ министра смотрѣлъ на него, разинувъ ротъ отъ изумленія, словно, на его глазахъ, простой пастухъ преобразился вдругъ въ Аполлона. Алиція смотрѣла на него испуганно: теперь она боялась уже не публики, а самого Джаспера.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, возраженія и протесты становились все рѣже, все слабѣе; въ одномъ мѣстѣ вся зала, какъ одинъ человѣкъ, разразилась рукоплесканіями. Джасперъ ликовалъ: побѣда была за нимъ. Захваченный своимъ торжествомъ, онъ продолжалъ, вдохновенно, моментами совершенно забываясь въ волнующе-радостномъ сознаніи своей власти, будить въ сердцахъ высокіе порывы и стремленія. Онъ смутно сознавалъ, что обращается къ своимъ слушателямъ съ пламенной мольбой забыть о его богатствѣ, видѣть въ немъ только человѣка, когда злое, жестокое слово ударило его, словно камнемъ въ лобъ.

— *Врешь!*

Онъ запнулся на полсловѣ. Напротивъ него, въ нѣсколькихъ шагахъ, стоялъ Уикенсъ, и глаза его горѣли ненавистью. Въ первый моментъ Джасперъ недоумѣвалъ. Потомъ припомнилъ. Онъ говорилъ, что его богатство не нажито потомъ и кровью бѣдняковъ: оно свалилось на него нежданно-негаданно, оно божій даръ, посланный затѣмъ, чтобы онъ употребилъ его на божье дѣло. И тутъ Уикенсъ крикнулъ: „Врешь!“

— Врешь! — повторилъ Уикенсъ. — Твое богатство краденое.

Между этими двумя возгласами легли три секунды изумленнаго безмолвія. Затѣмъ поднялся невообразимый шумъ; хриплые, сердитые голоса выкрикивали бранныя слова, угрозы. Одна изъ группъ приверженцевъ Джаспера пыталась сбить съ позиціи Уикенса, собравшаго возлѣ себя цѣлую дружину своихъ сторонниковъ. Но напрасно. Тѣхъ было много больше. Поднялась давка; слышался визгъ и крикъ притиснутыхъ женщинъ. Осаждающіе отказались отъ своего намѣренія. Вниманіе ихъ отвлекъ какой-то человѣкъ, проталкивавшійся впередъ сквозь толпу, сгрудившуюся въ среднемъ проходѣ.

Джасперъ подскочилъ къ самому краю трибуны и громовымъ голосомъ крикнулъ: „Тише!“ Его приверженцы повиновались.

Постепенно возстановился порядокъ. Уикенсъ, не лишенный мужества, остался на мѣстѣ.

— Ну, — сказалъ Джасперъ. — Теперь говорите.

Спарлингъ, въ качествѣ предсѣдателя, попробовалъ было вмѣшаться, доказывая, что это противъ правилъ, и м-ръ Веллакотъ долженъ продолжать свою рѣчь. Но Джасперъ только рукой махнулъ:

— Пусть говоритъ.

— Я имѣю сказать, что вы недостойны быть представителемъ этого округа. Я утверждаю, что вы обманщикъ. Ваше настоящее имя совсѣмъ не Джасперъ Веллакотъ. Я утверждаю, что вы украли свое имя и свои милліоны у человѣка, который уже года два живетъ въ вашемъ домѣ и о которомъ вы думали, что онъ утратилъ память.

— Здѣсь не мѣсто отвѣчать на подобныя обвиненія,—твердымъ голосомъ возразилъ Джасперъ, — и ужъ конечно не вамъ я сочту себя обязаннымъ дать отвѣтъ.

— Я сейчасъ представлю вамъ того, передъ кѣмъ вы обязаны дать отвѣтъ.

И, круто повернувшись, Уикенсъ нырнулъ въ толпу, откуда онъ скоро, съ помощью двухъ-трехъ пріятелей, извлекъ человѣка, напрасно пробивавшагося впередъ въ среднемъ проходѣ, и поставилъ его на виду у всѣхъ, напротивъ трибуны. Беркъ угрюмо смотрѣлъ на Джаспера, Джасперъ—на Берка.

— Если этотъ человѣкъ скажетъ, что я обидѣлъ его, онъ— единственный, который вправѣ обвинять меня, — сказалъ Джасперъ.

Аудиторія притихла и, затаивъ дыханіе, ждала развязки этой, неожиданно разыгравшейся драмы.

Даже и стоя передъ лицомъ своего обвинителя, Джасперъ все еще чувствовалъ себя господиномъ положенія. Насколько можно было въ такой критическій моментъ заглянуть въ свою душу, онъ заглядывалъ и дивился, что все происшедшее такъ мало волнуетъ его и не кажется ему ненормальнымъ. Онъ былъ вполнѣ спокоенъ, вполнѣ владѣлъ собой. Въ голосѣ его не было дрожи.

— Васъ зовутъ Генри Беркъ. Я знавалъ васъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Австраліи, хотя вы и не напомнили объ этомъ, когда пришли ко мнѣ голоднымъ и бездомнымъ оборванцемъ, и я принялъ васъ въ свой домъ. Я васъ кормилъ, одѣвалъ, сдѣлалъ васъ своимъ довѣреннымъ лицомъ. Что вы имѣете сказать на это?

Беркъ откашлялся и началъ, точно повторяя заученный урокъ; еслибъ не мертвое безмолвіе, словъ его совсѣмъ не было бы слышно. Уикенсъ все время держалъ его за плечо.

— Джасперъ Веллакотъ—это я. Вы бросили меня въ лѣсу, думая, что я умеръ, и украли изъ моего кармана бумажникъ съ купчей на землю, на которой у васъ теперь оловянный рудникъ. Если вы вздумаете отрицать это, я могу доказать это на судѣ.

— Доказать это вы не можете,—спокойно возразилъ Джасперъ.

Уикенсъ подтолкнулъ Берка.

— Развѣ вы можете это отрицать?

Предсѣдатель всталъ. — Право же, м-ръ Веллакотъ, пора положить конецъ этой возмутительной сценѣ. Я не могу допустить, чтобы къ вамъ предъявлялись такія вздорныя обвиненія.

Джасперъ посмотрѣлъ на застывшія въ изумленіи лица слушателей, на Кодби, который сидѣлъ, съежившись отъ страха, на Алицію. Долго, какъ имъ обоимъ казалось, глаза ихъ не могли оторваться другъ отъ друга. Затѣмъ Джасперъ спокойно повернулся къ Спарлингу:

— Эти обвиненія совсѣмъ не вздорныя.

Уикенсъ снова шепнулъ что-то на ухо Берку. И тотъ выкрикнулъ громко.

— Ваше имя и всѣ ваши деньги, до послѣдней копѣйки, принадлежатъ мнѣ.

Послышались нетерпѣливые возгласы.

— Уберите его! Выведите его изъ залы. Пусть его свезутъ въ сумасшедшій домъ—тамъ ему настоящее мѣсто.

Джасперъ поднялъ руку. Это былъ самый торжественный моментъ въ его жизни. Ему предстояло сдѣлать выборъ, отъ котораго зависѣло все его будущее. Но съ первой же минуты, какъ только рядомъ съ Уикенсомъ появился Беркъ, онъ уже не колебался. Лишь впослѣдствіи ему стало ясно, какія силы руководили имъ въ эту минуту. Все время у него было странное чувство, что все это очень просто и обыкновенно.

— Господа,—началъ онъ,—человѣкъ этотъ сказалъ правду, и притязанія, предъявленныя имъ ко мнѣ, справедливы. Больше я ничего не имѣю прибавить.

Онъ спокойно вернулся на свое мѣсто и сѣлъ. По истинѣ, это былъ часъ его побѣды.

На трибуну выскочилъ Кодби.

— Сознайтесь, по крайней мѣрѣ, публично, что у васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, кромѣ слова м-ра Веллакота.

— Да, это я признаю,—сказалъ Беркъ.

— Болванъ!—буркнулъ Уикенсъ.

Драма кончилась. Публика могла только ротъ разѣвать отъ удивленія. Какъ-то не вѣрилось, но поднимать шумъ было не изъ-за чего: слишкомъ все это было далеко и не затрагивало ея интересовъ. По залѣ шелъ говоръ; каждый чувствовалъ потребность обсудить происшедшее съ своимъ сосѣдомъ. Многіе уже уходили.

Джасперъ взглянулъ на Спарлинга. Тотъ стоялъ въ недоумѣніи; онъ никакъ не могъ взять въ толкъ происшедшаго, дотого оно казалось ему фантастически-нелѣпымъ.

— Закройте собраніе, — сказалъ Джасперъ,—и попросите ихъ спокойно разойтись по домамъ.

Спарлингъ сказалъ, что было нужно. Публика начала расходиться, тихо, словно изъ церкви. Какъ вдругъ раздался чей-то громовой голосъ:

— Трижды „*ура!*“ м-ру Веллакоту—*нашему* м-ру Веллакоту!

Чуткая, какъ всегда, толпа откликнулась на этотъ призывъ и въ залѣ долго гремѣло и перекатывалось *ура*, мелькали шляпы и платки, и глаза всѣхъ находившихся въ залѣ были устремлены на трибуну, гдѣ сидѣлъ Джасперъ, безстрастно глядя на нихъ. Постепенно толпа начала таять.

На трибунѣ кого деликатность, кого растерянность удерживала вдали отъ Джаспера. Наконецъ, къ нему подошелъ лордъ Джонъ Ривлби, предварительно обмѣнявшись нѣсколькими словами и рукопожатіемъ со Спарлингомъ. И Джасперъ всталъ.

— М-ръ Веллакотъ, я не нахожу словъ, чтобы выразить мое сожалѣніе...

Онъ простился вѣжливымъ наклоненіемъ головы. Джасперъ, въ свою очередь, поклонился. Бывшій товарищъ министра подошелъ къ Алиціи, которая сидѣла, неподвижная, съ окаменѣвшимъ лицомъ, какое было у нея, когда Джасперъ велъ ее черезъ лужайку къ дому отъ того мѣста, гдѣ лежалъ мертвый Бонни.

— Вы мнѣ позволите проводить васъ до вашего экипажа, лэди Алиція?

— Благодарю васъ,—машинально отвѣтила она.—Меня проводитъ м-ръ Веллакотъ.

Лицо Ривлби выразило учтивое неодобреніе; онъ пожелалъ ей доброй ночи и съ придворнымъ поклономъ поспѣшилъ ретироваться.

Джасперъ, наблюдавшій за тѣмъ, какъ расходилась публика, знакомъ подозвалъ къ себѣ Кодби.

— Видѣли вы Берка? Онъ только-что вышелъ—вонъ въ ту дверь. Его другъ Уикенсъ уже отступился отъ него. Сбѣгайте, попросите кого-нибудь изъ полицейскихъ послѣдить за нимъ. Онъ очень на взводѣ: какъ бы съ нимъ не случилось бѣды.

— Да провались онъ въ преисподнюю—мнѣ-то что!—Гнѣвно воскликнулъ Кодби.

Но Джасперъ схватилъ его за плечо.

— Послушайте, Томъ! — хоть сегодня-то не перечьте мнѣ. Ступайте и сдѣлайте, что̀ вамъ говорятъ. Я подожду васъ здѣсь.

Онъ подтолкнулъ его къ двери. И маленькій человѣчекъ безъ дальнѣйшихъ возраженій пошелъ разыскивать Берка.

На трибунѣ остались только члены комитета и нѣсколько дамъ. Джасперъ подошелъ къ группѣ, центромъ которой былъ Спарлингъ.

— Господа,—сказалъ онъ,—всякія извиненія съ моей стороны звучали бы насмѣшкой. Я долженъ просить васъ снять мою кандидатуру.

Всѣ, огорченные, смотрѣли на него. Еще было время замѣнить его другимъ кандидатомъ. Стоило только протелефонировать въ главную квартиру партіи, и на другое же утро отыскался бы вполнѣ приличный и пріемлемый консервативный кандидатъ. Но на побѣду онъ, само собой, разсчитывать не могъ. Передъ ними стояла дилемма: потерять округъ, или остаться при опороченномъ кандидатѣ. Послѣдовало маленькое совѣщаніе. Двое-трое, хоть и сознавая всю безнадежность положенія, настаивали на удержаніи Джаспера. Спарлингъ взволнованно крутилъ усы. Джасперъ вывелъ ихъ изъ затрудненія.

— Господа, ваши колебанія—большая честь для меня. Но, послѣ того, что̀ произошло, моя кандидатура невозможна, скандальна. Завтра мое имя станетъ сказкой всей имперіи.

Онъ отвелъ въ сторону Спарлинга.

— Окажите мнѣ еще одну услугу. Отпустите ихъ. Мнѣ надо подождать здѣсь моего секретаря. Если когда-нибудь человѣкъ имѣлъ право остаться наединѣ съ самимъ собой—сегодня я имѣю это право. Завтра вы получите мое оффиціальное заявленіе о снятіи моей кандидатуры.

Спарлингъ протянулъ ему руку.

— М-ръ Веллакотъ, два года тому назадъ, когда я просилъ васъ попытаться завоевать для насъ этотъ округъ, я говорилъ, что вы—*человѣкъ*, а намъ именно это и нужно. Позвольте мнѣ сегодня повторить это.

Широкія двери, которыми заканчивался средній проходъ, со

стукомъ затворились за послѣднимъ изъ выходившихъ. Швейцаръ пошелъ запирать боковые входы, и въ опустѣвшемъ зданіи гулко отдавались его шаги.

Джасперъ подошелъ къ Алиціи.

— Я попрошу Спарлинга проводить васъ до кареты, — выговорилъ онъ беззвучно.—Пожалуйста, располагайте ею—она къ вашимъ услугамъ.

Она пріѣхала по желѣзной дорогѣ, но они сговорились вернуться вмѣстѣ въ закрытомъ ландо, которое Джасперъ нанялъ заранѣе.

— Я могу вернуться и по желѣзной дорогѣ, — возразила она, — вокзалъ недалеко. Но прежде мнѣ хотѣлось бы переговорить съ вами. Если это эгоистично съ моей стороны, не соглашайтесь. Я подожду, когда вамъ будетъ удобнѣе; сегодня вы и безъ того пережили слишкомъ много.

Онъ чопорно и неуклюже поклонился.

— Я всецѣло въ распоряженіи вашего сіятельства.

Онъ отошелъ и тотчасъ же за него ухватились нѣсколько членовъ комитета, нарочно для этого замѣшкавшіеся, когда другіе спѣшили уйти.

— Прощайте, м-ръ Веллакотъ. Вы храбро сражались сегодня. Намъ хотѣлось бы пожать вамъ руку на прощанье.

Онъ былъ тронутъ и горячо пожималъ протянутыя ему руки. Потомъ проводилъ ихъ до дверей и, замѣтивъ внизу у трибуны швейцара, вопросительно глядѣвшаго на него, сказалъ ему, что въ залѣ можно тушить электричество. Они съ дамой пройдутъ въ комнату засѣданій комитета. Имъ надо дождаться его секретаря, м-ра Кодби.

Джасперъ ввелъ Алицію въ небольшую комнатку, служившую и канцеляріей, и раздѣвальней. Онъ подбросилъ углей въ каминъ, развелъ большой огонь, придвинулъ ей стулъ, а самъ остался стоять.

Она смотрѣла въ огонь, не на него.

— Этотъ человѣкъ говорилъ правду?

— Истинную правду.

— И вы не кузенъ мой?

— Нѣтъ.

— Кто же вы?

— Я вѣдь сказалъ вамъ въ первую же нашу встрѣчу: человѣкъ безъ имени. Все, что̀ я разсказывалъ вамъ изъ своей жизни—правда. Моя ложь (она поморщилась при этомъ словѣ) заключалась только въ умалчиваніяхъ.

Она смотрѣла въ пространство, слегка раскачиваясь изъ стороны въ сторону.

— Мнѣ трудно представить себѣ васъ воромъ и обманщикомъ. Послѣ этого ни одному человѣку на свѣтѣ нельзя вѣрить. Я считала васъ несокрушимымъ какъ скала.

— Я же говорилъ вамъ, что я стою на зыбкой почвѣ. Вы не хотѣли мнѣ вѣрить.

— Сама не знаю, зачѣмъ я веду съ вами этотъ разговоръ,—продолжала она, помолчавъ.—Можетъ быть, потому, что мнѣ необходимо было узнать все отъ васъ самихъ. Вы не заурядный обманщикъ. Вы большой человѣкъ. Этого ничто не можетъ измѣнить—вы это доказали сегодня дважды. Вы созданы руководить толпой. Вы добились побѣды, швырнули ее прочь и добровольно обрекли себя на разореніе и позоръ. У этого человѣка нѣтъ доказательствъ?

— Никакихъ. Онъ самъ это призналъ.

— Надо имѣть колоссальное мужество, чтобы поступить, какъ вы. Я не могу понять васъ. А хочу. Хочу знать, можно ли вамъ хоть сколько-нибудь вѣрить и возможна ли между нами дружба. Не могу же я такъ сразу выкинуть васъ изъ моей жизни. Она слишкомъ тѣсно переплелась съ вашей, самыми дорогими, самыми священными нитями. Насъ связалъ усопшій. Чѣмъ вы были для меня, это вы знаете: я говорила вамъ. И вы какъ будто дорожили моей дружбой, хотя въ послѣднее время я часто спрашивала себя: почему. И я не могу отнять ея у васъ безъ серьезной причины. Не могу, да и только, несмотря ни на что... Когда-нибудь, быть можетъ, вы и разскажете мнѣ все. Но самое главное уже ясно для меня. Онъ пришелъ къ вамъ оборваннымъ, нищимъ и вы узнали въ немъ законнаго владѣльца. Вы думали, что онъ забылъ, утратилъ память. Зачѣмъ же вы оставили его въ невѣдѣніи?

— Затѣмъ,—Джасперъ подтолкнулъ ногой готовый выпасть кусокъ угля,—затѣмъ, что интересы государства иной разъ требуютъ отъ узурпатора, чтобы онъ пожертвовалъ своею совѣстью и честью ради общаго благоденствія и не возвращалъ трона законному, но недостойному монарху.

Впервые отъ начала разговора она подняла на него глаза, широко раскрытые, полные мольбы и страданія.

— Тогда зачѣмъ же вы сегодня выдали себя?

Внезапно, словно снѣгъ, быстро тающій на безбрежныхъ равнинахъ сѣвера подъ волшебною властью новой весны, растаялъ ледъ въ душѣ Джаспера, распались тѣ оковы, которыя

держали въ плѣну его душу, заставляя его скрывать свое чувство, держать въ желѣзныхъ рукавицахъ себя самого и свою судьбу. И въ сердцѣ его сразу зацвѣли цвѣты и въ ушахъ зазвенѣла ликующая пѣснь радости жизни. Ему почудилось, что воздухъ около него напоенъ благоуханіемъ всѣхъ весенъ, какія когда-либо пронеслись надъ землею, и что за спиной его ростутъ невидимыя крылья.

Ослѣпленный, ошеломленный, онъ закрылъ глаза, прижалъ ихъ руками. Онъ былъ свободенъ. Наконецъ, свободенъ. Съ плечъ его свалилось нестерпимо тяжелое для него бремя лжи.

Мгновенно, словно озаренный вспышкой молніи, передъ нимъ всталъ единственный искренній, правдивый отвѣтъ на ея вопросъ. Какъ же иначе могъ онъ отвѣтить? Его спокойное, безстрашное сознаніе было результатомъ духовныхъ воздѣйствій, которыхъ онъ, до этого момента высшаго экстаза, не сознавалъ. Развѣ ложь не жгла, какъ огнемъ, его душу? Развѣ она не доводила его до безумія? Развѣ исторія его жизни, со дня смерти Бонни и до этого дня, не была исторіей нарастанія лжи? И развѣ Богъ не послалъ ему знаменія побѣды, котораго онъ не понялъ, не съумѣлъ истолковать?

Такъ онъ стоялъ у камина въ унылой маленькой комнаткѣ, заставленной шкафами съ грудами пыльныхъ бумагъ, освѣщенной однимъ лишь громко шипящимъ газовымъ рожкомъ, даже не затѣненнымъ абажуромъ,—стоялъ, прижимая руки къ глазамъ, непроницаемый, какъ сфинксъ, для женщины, которая задала ему этотъ вопросъ.

Она встала, коснулась его руки.

— Я *должна* знать. Почему вы сегодня сознались во всемъ?

Глаза ихъ встрѣтились.

— Потому что я васъ люблю.

Она отшатнулась, словно отъ неожиданнаго удара — прямо въ сердце. Ей и въ голову не приходило, что онъ можетъ отвѣтить *такъ*. Она могла только тупо повторять про себя его слова.

— Я полюбилъ васъ съ первой же встрѣчи,—раньше, чѣмъ насъ познакомили—какъ только увидалъ васъ подъѣзжавшей къ госпиталю въ коляскѣ Дайкса. И съ тѣхъ поръ ни на одну минуту не переставалъ васъ любить.

— Почему же вы не сказали мнѣ?—Языкъ Алиціи произнесъ эти слова, но душа ея ушла въ бездонную глубь.

— Съ этой ложью въ сердцѣ? Неужели вы сами не понимаете: почему?

Языкъ Алиціи продолжалъ допытываться: — Зачѣмъ же вы теперь мнѣ это говорите?

— Я свободенъ. Вы видите меня такимъ, каковъ я есть. Есть вещи, которыя во власти человѣка, есть такія, которыя не въ его власти. Съ этой ложью въ душѣ я могъ держать свою любовь за горло и не давать ей прорваться. Теперь не могу.

Она инстинктивно пятилась отъ него назадъ. Въ болѣе спокойную минуту онъ испугался бы ея лица. Ея обычное спокойствіе, холодность и величавость мгновенно исчезли отъ прикосновенія страсти, дыханіе которой никогда еще не касалось ея. Она вдругъ стала первобытной, какъ Витторія. Губы ея были сжаты; она дышала прерывисто, быстро.

Вотъ когда передъ ней открылась, наконецъ, реальная основа жизни. И ей стало жутко. Она боролась, пытаясь задушить въ себѣ только что родившееся чувство, какъ душилъ его Джасперъ. А насмѣшливый внутренній голосъ говорилъ ей, что теперь лишь взошло и распустилось пышнымъ цвѣтомъ сѣмя, посѣянное въ моментъ ихъ первой встрѣчи: она все время любила его.

— Еслибъ вы любили меня,—продолжалъ Джасперъ—я, можетъ быть, и теперь не сказалъ бы вамъ. Не знаю. Какъ бы то ни было, теперь мнѣ легче на душѣ. Вы знаете меня, каковъ я есть безъ всякой фальши. Что будетъ со мною дальше, понятія не имѣю. Некогда было подумать. Я вѣрю въ Бога—Онъ умѣритъ бурю; я сдѣлалъ, что могъ. Любовь къ вамъ была для меня радостью, неувядаемымъ чудомъ, безумною страстью. И радостью было для меня сказать вамъ о ней. Не сердитесь на меня за это — радостей у меня было въ жизни не очень много. Если я лишился вашей дружбы, сказавъ вамъ о своей любви—что дѣлать: я не могъ удержаться. Ни любви, ни дружбы между нами быть не можетъ. Я—потерянный человѣкъ и долженъ навсегда проститься съ вами. Такъ что теперь уже все равно.

Она подошла къ нему вплотную.—Нѣтъ, не все равно.—Голосъ ея звучалъ странно, не такъ какъ всегда.—Мнѣ совсѣмъ не все равно. Для меня это страшно важно. Отъ дружбы нашей я отрекаюсь разъ навсегда. Не хочу больше и слышать о ней. Но *любить* васъ я буду до конца своей жизни.

Въ эту минуту распахнулась дверь, выходившая прямо на улицу, и на порогѣ ея появился Кодби. Онъ былъ взволнованъ, такъ взволнованъ, что кажется, даже, не замѣтилъ взволнованныхъ лицъ Джаспера и Алиціи. Онъ едва могъ говорить отъ волненія.

— Боже мой, Джасперъ! Беркъ — я едва разыскалъ его—

наткнулся на него случайно. Его такъ исколотили, что онъ еле живъ. Я свезъ его въ больницу. Онъ лежитъ безъ сознанія.

XXV.

Что она предалась ему сердцемъ и душой какъ разъ тогда, когда его постигли позоръ и безславіе—это всегда будетъ для Алиціи самымъ счастливымъ, самымъ дорогимъ воспоминаніемъ, которымъ она больше всего гордится. Въ послѣдующіе дни, принесшіе съ собой массу насмѣшекъ, униженій, тягостныхъ недоумѣній, она была ему твердой опорой и выказала себя настоящей женщиной. Каждый изъ этихъ дней врѣзался неизгладимо въ мраморъ ея памяти, и эти записи для нея — самыя цѣнныя.

Скандалъ получился огромнѣйшій; тысячи телеграфныхъ проводовъ разнесли его по всѣмъ концамъ свѣта; тысячи перьевъ строчили о немъ; тысячи голосовъ обсуждали его. Алиція смотрѣла въ лицо свѣту яснымъ и вызывающимъ взглядомъ и жила интенсивной жизнью. Тотъ, о комъ судили и рядили, былъ *человѣкъ* и для нея—*единственный*, и въ этомъ было все: начало и конецъ. Она нашла себя. Она знала, что въ ней еще много всякихъ несовершенствъ, но что великое чувство, которое она обрѣла въ себѣ, станетъ отнынѣ цѣлью и смысломъ ея жизни. Проснувшаяся женщина слушалась только голоса своего сердца, своего женскаго инстинкта, не спрашивая ничьего совѣта. Она любила: этого было достаточно. Она чувствовала за собой неоспоримое право стать рядомъ съ этимъ человѣкомъ, идти за нимъ на жизнь и смерть. Она нашла свое мѣсто въ жизни. Что бы ни послала ей судьба, радость или горе—она все готова была принять съ горячей благодарностью.

Любовь—значитъ и вѣра, безграничная вѣра въ него. Она больше не спрашивала себя, можно ли ему еще вѣрить. Въ своемъ паденіи онъ былъ великъ — еще болѣе великъ, чѣмъ на вершинѣ своего могущества. Сильный и мужественный, онъ гордо смотрѣлъ людямъ въ глаза въ эти трудные дни, когда Беркъ еще лежалъ въ больницѣ, неспособный ничѣмъ распорядиться, а его имя выкрикивали на улицахъ. Несмотря на катастрофу, въ которой погибли его доброе имя, богатство и вліяніе, онъ вовсе не смотрѣлъ убитымъ. Алиція, и прежде говорившая ему, что онъ призванъ къ великому, теперь еще горячѣе вѣрила въ это. Они почти все время были вмѣстѣ, и Джасперъ раскрылъ передъ

нею всю свою душу. Она знала, что своего отреченія онъ не возьметъ назадъ, что онъ будетъ напрягать всѣ силы, оберегая царство, отъ котораго отрекся, а затѣмъ—вручитъ его законному владѣльцу и исчезнетъ навсегда. Себѣ онъ ничего не возьметъ. Онъ начнетъ жизнь съ начала, безъ копѣйки, подъ прежнимъ полу-забытымъ именемъ. И создастъ себѣ другое царство, прочное и незыблемое, на счастье людямъ. Не даромъ онъ рожденъ завоевателемъ. Нѣтъ радуги, которая бы озаряла такимъ сіяніемъ, какъ любовь и вѣра женщины, всей душою полюбившей крупнаго человѣка.

Съ первой же минуты, когда они мчались изъ комитета въ больницу, и Джасперъ, въ страхѣ и тревогѣ, корилъ Кодби, говоря: „Это будетъ на вашей совѣсти", а тотъ увѣрялъ: „Клянусь Богомъ, нѣтъ! Я послушно выполнилъ вашъ приказъ, какъ всегда былъ и буду послушенъ вамъ, какъ вѣрный песъ", она почувствовала себя въ своей стихіи, между этими стихійными людьми. И убѣдилась, что, какой бы путь *онъ* ни избралъ, ей не будетъ трудно идти за нимъ. Отбросивъ всякія условности, она отдала въ его руки себя и свою жизнь. Она пренебрегла сужденіемъ свѣта, возмущавшагося „низостью проходимца", воспользовавшагося великодушіемъ женщины, и заставила Джаспера пренебречь этимъ. Основной чертой ея души было отсутствіе мелочности и презрѣніе къ мелочамъ; и отъ Джаспера она требовала того же. Благоразуміе и предусмотрительность, пригодныя для обуздыванія менѣе сильныхъ натуръ, были не для нихъ. Они оба прошли сквозь пещь огненную.

Однажды вечеромъ они были наединѣ, душа съ душой.

— Богъ видитъ, — сказалъ Джасперъ, — еслибъ я считалъ себя безвозвратно погибшимъ человѣкомъ, я не женился бы на васъ.

— Богъ видитъ,—отвѣтила она, глядя ему въ глаза, — что я не прошу у Него большей радости, какъ быть вашей женой.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и впился въ ея губы долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ. То былъ ихъ первый поцѣлуй. Когда онъ отпустилъ ее, лицо ея было блѣдно, и глаза закрыты.

— На горе и радость,—выговорилъ онъ.

Она открыла глаза и улыбнулась.

— Нѣтъ, на радость. Теперь намъ будетъ въ милліонъ разъ лучше прежняго.

Таково было ихъ обрученіе. И съ этой минуты Алиція жила въ новомъ мірѣ, въ которомъ ничего не осталось отъ стараго. Она дѣлила безславіе Джаспера, какъ дѣлила бы его славу.

Среди шума и гама, поднявшихся вокругъ его опрокинутаго трона, она оставалась чистой, прекрасной женщиной, только помолодѣвшей, съ живымъ румянцемъ на щекахъ и небывалой нѣжностью въ ясныхъ глазахъ. Изъ гордости она ни для кого не заперла своей двери. Зная, что она въ близкой дружбѣ съ героемъ скандальной исторіи, друзья засыпали ее вопросами. Она всѣмъ сообщила о своей помолвкѣ. Друзья возмущались. — Это безуміе. Она обрекаетъ себя на полное одиночество. Съ ней никто не захочетъ знаться.—Надменнымъ тономъ знатной дамы, но не безъ оттѣнка юмора, Алиція отвѣтила:

— Я не привыкла искать знакомствъ. Меня ищутъ.

— Вы лишитесь доступа ко двору.

— Мой домъ будетъ моимъ дворомъ, — улыбнулась Алиція, убѣжденная, что Джасперъ снова завоюетъ царство.

Одной только Элиноръ Коррей она раскрыла свое сердце, потому что изъ всѣхъ ея знакомыхъ женщинъ одна Элиноръ могла понять ее. Другія недоумѣвали и огорчались. Даже леди Люксморъ втайнѣ оплакивала безразсудство своей племянницы. Старый графъ, отецъ Алиціи, писалъ дочери скорбныя письма, въ своей набожности готовый возсылать Господу горячія мольбы о томъ, чтобы дочь его вернулась къ болѣе свѣтскимъ мыслямъ и не шла на подвигъ. Мачиха присылала нравоучительныя брошюры. Оба напоминали о ея знатномъ происхожденіи, говорили, что она роняетъ себя такимъ бракомъ. Алиція возражала, что человѣкъ, котораго она любитъ, для нея выше всѣхъ князей земли, и вся честь на ея сторонѣ. Она каждому умѣла дать рѣшительный отпоръ, и послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ ее оставили въ покоѣ. Она гордилась тѣмъ, что дѣлитъ участь Джаспера и храбро ломала копья за него.

Но для него и съ нимъ она была только женщиной, осуществляющей то обѣтованіе покоя и отдыха, которое усталый человѣкъ ощутилъ два года назадъ, при видѣ ея стройной женственной фигуры. Она открывала въ себѣ невѣдомые ей самой источники нѣжности, и видя, какъ благотворно, какъ возрождающе дѣйствуетъ на него эта нѣжность, радовалась новою для нея, волнующею радостью. Первый страстный поцѣлуй разбудилъ въ ней бездну новыхъ ощущеній, изъ которыхъ иныя наполняли ее восхитительнымъ трепетомъ. Джасперъ приходилъ къ ней суровый, взвинченный, измученный усиліями обезпечить благосостояніе тысячи людей, зависѣвшихъ отъ него, пока не выздоровѣетъ Беркъ, сознаніемъ своей тяжкой отвѣтственности, придумываніемъ новыхъ плановъ, какъ, безъ гроша въ карманѣ, вернуть себѣ

прежнее имя и положеніе и снова стать во главѣ крупнаго дѣла. Но, стоило ей заговорить, взять его за руку, и лицо его свѣтлѣло: сумерки на немъ смѣнялись яснымъ утромъ, а утро — радостнымъ полднемъ, и онъ уходилъ отъ нея съ сіяніемъ во взорѣ и въ сердцѣ. И это она, Алиція, имѣла власть совершить такое чудо... Въ такіе вечера она засыпала счастливая и гордая своимъ могуществомъ. Она жалѣла только объ одномъ: что всѣ эти годы не умѣла быть настоящей женщиной,—какъ жалѣютъ всѣ женщины, къ которымъ любовь пришла поздно.

Беркъ пострадалъ серьезнѣе, чѣмъ предполагали сначала. Медицинское изслѣдованіе обнаружило не только сломанныя ребра и проломленный черепъ. Были и серьезныя внутреннія поврежденія; озвѣрѣлые приверженцы Джаспера колотили по чемъ попало... Но объ этомъ Джасперъ не говорилъ Алиціи. Достаточно было ему одному терзаться неизвѣстностью и подавлять въ себѣ надежду, что смерть этого человѣка можетъ все уладить. Джасперу удалось отогнать отъ себя злую мысль, но онъ хотѣлъ избавить отъ этой борьбы любимую женщину.

Такимъ образомъ, извѣстіе о смерти Берка было для Алиціи полной неожиданностью. Она сидѣла съ леди Люксморъ за завтракомъ, когда доложили о м-рѣ Веллакотѣ, который желаетъ видѣть ее по неотложному дѣлу. Она вышла къ нему въ гостиную.

— Я къ вамъ съ очень важными вѣстями—началъ онъ, даже не поздоровавшись.—Вы имѣете право узнать первою. Беркъ не станетъ больше предъявлять ко мнѣ никакихъ притязаній.

Она вопросительно посмотрѣла на него—и угадала правду.

— Вы хотите сказать—онъ умеръ?

— Да. Сегодня утромъ онъ скончался.

Онъ далъ ей оправиться отъ неожиданности, затѣмъ продолжалъ тѣмъ же серьезнымъ, торжественнымъ тономъ:

— Еслибъ его притязанія были законными, эта смерть, пожалуй, легла бы тяжкимъ бременемъ на мою совѣсть. Но Богъ избавилъ меня отъ новой тяготы: человѣкъ этотъ не былъ Джасперомъ Веллакотомъ.

— Не былъ Джасперомъ Веллакотомъ?!.

Вся кровь отхлынула отъ ея щекъ. Она пыталась сообразить, что это значитъ. Беркъ не былъ тѣмъ, за кого онъ выдавалъ себя. Онъ былъ самозванцемъ. И онъ умеръ.

— И вы всего лишились, принесли эту страшную жертву—даромъ!—Горестно воскликнула она.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. — Беркъ далъ мнѣ неизмѣримо больше того, чѣмъ я ему, моя дорогая. Не надо забы-

вать этого. Онъ далъ мнѣ — васъ, и я радъ, что такъ вышло. Можетъ быть, это слишкомъ самонадѣянно, но мнѣ чудится во всемъ этомъ перстъ Божій, который направлялъ меня и руководилъ мною.

Она могла лишь согласиться. Наступила краткая пауза. Затѣмъ она вернулась къ потрясающей новости, которую сообщилъ ей Джасперъ.

— Кто же онъ былъ такой?

— Безродный бродяга, какъ и я.

— Но я не понимаю. Гдѣ же настоящій Джасперъ Веллакотъ?

— Беркъ убилъ его въ дракѣ, наканунѣ того дня, какъ я наткнулся на него въ лѣсу.

— Откуда вы это знаете?

— Онъ самъ сознался. Сперва священнику на исповѣди — онъ, оказывается, былъ католикъ, — а затѣмъ, когда узналъ, что ему недолго остается жить — публично. У меня въ рукахъ письменное его заявленіе, за подписью его самого и свидѣтелей. Присядемъ, я вамъ разскажу все сначала.

Разсказывать пришлось недолго. Беркъ убилъ въ ссорѣ случайнаго товарища и спутника и, частью изъ корысти, частью изъ желанія уничтожить слѣды и возможность установить личность убитаго, обшарилъ его карманы. Когда Джасперъ столкнулся съ нимъ, онъ терзался страхомъ и угрызеніями совѣсти. Потомъ заболѣлъ, и Джасперъ ушелъ отъ него, считая его мертвымъ. Однако, онъ оправился и кое-какъ доползъ до ближайшаго человѣческаго жилья. Его пріютили; онъ выздоровѣлъ и ушелъ далеко отъ тѣхъ мѣстъ. Встрѣтившись съ Джасперомъ въ Гауэръ-стритѣ, онъ въ первый моментъ не узналъ его. Ихъ встрѣча и три дня совмѣстнаго бродяжничанья совершенно вылетѣли у него изъ головы. Самое имя не вызвало въ немъ никакихъ опредѣленныхъ воспоминаній. Казалось только, что онъ гдѣ-то, когда-то, давно слыхалъ это имя. И только. Съ момента убійства спутника до момента пробужденія въ незнакомомъ жильѣ у чужихъ людей воспоминанія его были смутны. Проблески сознанія терзали его, какъ кошмаръ. Упоминаніе Джаспера о его болѣзни въ лѣсу опять пробудило въ душѣ его страхъ. Кто этотъ человѣкъ? Откуда онъ знаетъ? Съ этого момента Беркъ сталъ въ оборотительную позицію. Великодушіе и доброта Джаспера по отношенію къ нему изумляли его. Онъ былъ достаточно хитеръ, чтобы сообразить, что тутъ дѣло не въ одной только филантропіи. Въ школѣ жизни, воспитавшей его, люди ничего не давали даромъ. У Джа-

спера, очевидно, есть что-то на умѣ: какими-то невѣдомыми путями ему стало извѣстно злодѣяніе, отъ котораго и сейчасъ содрогается душа убійцы... Сначала онъ и боялся, и ненавидѣлъ Джаспера, признательности же къ нему не чувствовалъ. Потомъ довольно скоро замѣтилъ, что и онъ, въ свою очередь, имѣетъ какую-то таинственную власть надъ своимъ благодѣтелемъ. Небрежность, наглый тонъ прощались ему. Опираясь на свою мнимую безнаказанность, онъ потребовалъ бо̀льшаго—и получилъ отказъ. Сердце его исполнилось злобы. Одновременно съ этимъ онъ принялся доискиваться разгадки тайны. Подглядывалъ, подслушивалъ, шарилъ въ ящикахъ и, въ концѣ концовъ, нашелъ старый бумажникъ. Это былъ ключъ къ разгадкѣ. Сразу ему стало ясно все, что было ранѣе затѣнено временнымъ помѣшательствомъ и страхомъ. Человѣкъ, котораго онъ убилъ, говорилъ о концессіи на кусокъ земли, на которомъ онъ надѣялся найти олово. Беркъ вспомнилъ маленькій бумажникъ. Вспомнилъ имя убитаго. Вспомнилъ унылое шатанье по лѣсу съ другимъ случайнымъ спутникомъ. Теперь все поведеніе Джаспера стало ему понятнымъ. И тутъ онъ почувствовалъ, что Джасперъ ограбилъ его, что все его огромное богатство должно принадлежать ему, Берку. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ, ждалъ только случая предъявить свои права. И случай представился. Уикенсъ, съ которымъ онъ сначала просто бражничалъ, скоро разглядѣлъ въ немъ возможное орудіе мести ненавистному Джасперу. Постепенно онъ совершенно подчинилъ своему вліянію безвольнаго пьяницу, и когда однажды—еще въ началѣ выборной кампаніи—Беркъ разсказалъ ему, откуда взялось богатство Джаспера, Уикенсъ почувствовалъ, что Богъ предалъ его врага въ его руки. Уикенсъ восторжествовалъ, но злополучному орудію его мести это стоило жизни.

Когда разсказъ былъ оконченъ, они долго еще тихо бесѣдовали, чуя возлѣ себя рѣяніе мрачныхъ крыльевъ трагедіи.

— Теперь, Джасперъ, вы можете съ чистой совѣстью взять назадъ свое царство—сказала, въ заключеніе, леди Алиція.

— Съ чистой совѣстью—да, ибо теперь мнѣ нечего больше скрывать. Но самое царство?—Онъ грустно улыбнулся.—Смерть человѣка, которому оно не принадлежало, не дѣлаетъ его моимъ.

— Вы ошибаетесь,—возразила она, и въ глазахъ ея стояли слезы.—Оказывается, что я могу дать вамъ не только себя—это̀ слишкомъ мало; я могу вернуть вамъ ваше царство.

Онъ изумленно и вопросительно смотрѣлъ на нее. Она взяла его руки.

— Развѣ вы не понимаете? Вѣдь я—ближайшая родственница

Джаспера Веллакота и его наслѣдница. Теперь все его богатство мое, и я могу сдѣлать съ нимъ, что хочу. А я хочу отдать его вамъ, и теперь оно—ваше, ваше собственное, безраздѣльно. Никто на свѣтѣ не въ правѣ предъявлять на него никакихъ притязаній.

Передъ Рождествомъ они повѣнчались. Міръ скоро позабылъ этотъ грандіозный скандалъ, какъ вообще забываетъ все, что касается отдѣльныхъ личностей. Но тотъ мірокъ, въ которомъ прежде вращалась лэди Алиція, продолжалъ дивиться ея безразсудству и называть Джаспера авантюристомъ. Молодые супруги гордо отстранились отъ него и стали вести уединенную жизнь, посвящая бо̀льшую часть своего времени завѣдыванію своимъ огромнымъ состояніемъ на благо людямъ. Ихъ счастье имѣло слишкомъ прочную основу; его не могло нарушить неодобреніе свѣта.

Прошла весна, настало лѣто, и въ августѣ они снова поселились въ Грейбрукѣ.

Однажды, яснымъ утромъ, Алиція застала мужа на террасѣ; онъ курилъ и смотрѣлъ на лужайку такими глазами, какъ будто оттуда вставали воспоминанія. Она взяла его за руку.

— Идемъ, милый?

— Я думалъ, что можетъ быть... — началъ онъ было смущенно.

— Нѣтъ, милый. Ты и я. Мы оба, вмѣстѣ. Онъ самъ велѣлъ бы намъ, еслибы могъ сказать.

Они миновали лужайку, прошли черезъ оранжерею, постояли минутку въ уютномъ уголкѣ за рододендронами, черезъ калитку въ буксовой изгороди вышли въ огородъ, а оттуда на шоссе. Черезъ нѣсколько минутъ они были уже возлѣ тихой готической церковки, осѣнявшей своей тѣнью сѣрые кресты и зеленые холмики надъ могилами. И такъ, рука объ руку, дошли до мраморной плиты, подъ которой покоился Бонни. Алиція положила на могилу цвѣты, которые принесла съ собой. И вновь они стояли, рука объ руку, глядя на могилу. Надпись на плитѣ была самая простая. — Имя. Дата смерти — ровно годъ назадъ. Возрастъ— 25 лѣтъ. И строчка изъ „Adonais“.

Слезы стояли въ ея глазахъ и въ глазахъ Джаспера, и сквозь слезы они смотрѣли другъ на друга.

— Мы должны очень, очень любить другъ друга, Джасперъ,—сказала она.

Вмѣсто отвѣта, онъ привлекъ ее къ себѣ, словно повторяя,

передъ лицомъ усопшаго, свой обѣтъ любить и жалѣть ее. Но, какъ мужчина, онъ не вполнѣ понялъ всю сложность чувствованій, отразившихся въ ея словахъ.—Этому яркому уму суждено было погаснуть для того, чтобъ *она* могла увидѣть свѣтъ. *Ея* пробужденіе было куплено цѣною вѣчнаго сна человѣка много крупнѣй ея. Любовь, которою она теперь жила, досталась ей какъ бы въ наслѣдство—наслѣдство славы, но отягченное несчетными слезами и незабываемою мукой. Завѣтный божественный даръ, достойный быть хранимымъ въ ея святая святыхъ. Принизить его до точки зрѣнія обыденности было бы профанаціей по отношенію къ усопшему. Она чувствовала, что только нѣжно любя другъ друга они могутъ оправдать себя передъ Богомъ.

Крѣпко прижимаясь другъ къ другу, они медленно отошли отъ бѣлой плиты. Они были одни на тихомъ кладбищѣ. Легкій полуденный паръ поднимался надъ зеленой травой и обросшими мохомъ надгробными плитами. Тишина была полная, обстановка самая идиллическая. Сердца ихъ были слишкомъ полны для того, чтобы излиться въ словахъ, и неудержимо губы ихъ слились въ поцѣлуѣ.

Они обошли кругомъ церкви и, заворачивая за уголъ, увидали вошедшую въ калитку и идущую навстрѣчу имъ высокую, стройную фигуру въ черномъ, съ убогимъ букетикомъ въ рукѣ.

И поняли, что за ихъ идилліей кроется невидимая міру драма.

Перев. съ англійск. З. Журавская.

ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА
КЪ
ПОЛИНѢ ВІАРДО

*(Окончаніе *).*

Спасское, понедѣльникъ, 13 (25) октября, 1852 г.

Вообразите себѣ ураганъ, вихрь снѣга, который не падаетъ, а кружится, вѣетъ, *затемняетъ* воздухъ, хотя все кругомъ бѣло, и устилаетъ землю до высоты человѣческаго роста. Вотъ какова у насъ сейчасъ погода, дорогая, добрая m-me Віардо. Вы, европейцы, не можете себѣ представить, что такое русская *метель*. Къ счастью, не очень холодно, а не то, сколько было бы жертвъ! Два года тому назадъ въ одной Тульской губерніи погибло 900 человѣкъ въ такую метель. Но никто не запомнитъ, чтобъ метель случалась въ такое раннее время года. Зима точно поторопилась придти пораньше, чтобы утѣшить насъ за скверное лѣто. Это похоже на исторію о человѣкѣ, который женится на женщинѣ некрасивой и бѣдной, *но* глупой. И все-таки я не грущу, не смотря ни на отвратительную погоду, ни на предчувствіе шестимѣсячнаго полнаго уединенія, ожидающаго меня; на оборотъ, я чувствую радостное волненіе отъ того, что передо мною ваше дорогое письмо, написанное послѣ вашего возвращенія въ Куртавенель изъ Англіи.

Дорогой, добрый другъ, умоляю васъ писать мнѣ часто; ваши письма всегда дѣлали меня счастливымъ, а теперь они

---

*) См. августъ, стр. 175.

мнѣ особенно необходимы. Я сейчасъ прикованъ къ деревнѣ на неопредѣленное время [1]) и долженъ довольствоваться собственными рессурсами: ни музыки, ни друзей, — да что! Нѣтъ даже сосѣдей, чтобы скучать вмѣстѣ. Тютчевы — превосходные люди, но мы съ ними точно съ разныхъ планетъ. Что же остается мнѣ? Думается, я вамъ говорилъ это не разъ: работа и воспоминанія. Но для того, чтобы работа была легка, а воспоминанія менѣе огорчали, мнѣ нужны ваши письма, съ отголосками счастливой, дѣятельной жизни, съ ароматомъ солнца и поэзіи, который они ко мнѣ приносятъ. Да, кстати, вкладывайте всегда въ конвертъ немного травы или цвѣтовъ... Я чувствую, какъ жизнь моя уходитъ капля за каплей, словно вода изъ полузакрытаго крана; я не сожалѣю о ней,—пусть уходитъ... что мнѣ съ ней дѣлать?.. Никому не дано вернуться къ прошлому, но я люблю вспоминать о немъ, объ этомъ неуловимо прелестномъ прошломъ, въ такой вечеръ, какъ сегодня, когда, слушая унылое завываніе вьюги среди снѣжныхъ сугробовъ, я думаю... Нѣтъ, не хочу наводить точку ни на себя, ни на васъ... Все, что со мной происходитъ, еще очень сносно; подъ бременемъ ноши должно напречь свои силы, чтобы меньше чувствовать ее. Но пишите мнѣ почаще!

О, дорогой другъ, какъ работалось мнѣ при воспоминаніяхъ о нашихъ сіестахъ подъ тополями, листья которыхъ отдѣлялись отъ вѣтокъ, такъ легко и мягко падали на насъ! О, да! Какое синее было тогда небо... Боюсь, что уже никогда больше я не увижу такой красоты. Впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ всего этого, такъ глубоко и живо, что стóитъ мнѣ только закрыть глаза, какъ я слышу легкій, ясный шепотъ этихъ листьевъ, уже мертвыхъ, но ослѣпительно яркихъ въ синевѣ неба, поглощающей ихъ. Знаете ли, въ одномъ мѣстѣ моей книги (получили ли вы ее?) я говорю такъ же, какъ вы, о деревьяхъ, которыя какъ-будто *спускаются* въ небо? Не впервые уже намъ съ вами приходятъ въ голову однѣ и тѣ же мысли...

Et de tristesse couronnée
La terre entre dans son sommeil... [2]).

Эта фраза изъ „Осени“ Гуно звучитъ у меня въ ушахъ съ самаго начала этой страницы... Отчего я не могу думать о немъ,

---

[1]) Это было время вынужденнаго пребыванія Тургенева въ деревнѣ, послѣ высылки его изъ Петербурга за извѣстную статью о смерти Гоголя.—*Ред.*

[2]) И земля, увѣнчанная печалью,
Погружается въ свой сонъ.

какъ раньше?.. Но все равно — его „Осень“ великолѣпна. Я чувствую, что я весь охваченъ нѣжностью; надо постараться вырваться изъ ея власти — на что она? Я только что открылъ на минутку дверь моего балкона. Брр! Какая волна мрачнаго холода, ледяного вѣтра и снѣга... Діана вскочила и отшатнулась въ ужасѣ. Ахъ, бѣдная француженка! ты не привыкла къ такому климату. Давай, сядемъ рядышкомъ и будемъ вспоминать о Куртавенелѣ. До завтра. Но я не покидаю васъ.

Вторникъ. Сегодня погода странная, но довольно пріятная. Воздухъ наполненъ туманомъ; вѣтра нѣтъ вовсе: все бѣло— земля и небо. Снѣгъ таетъ съ легкимъ шумомъ: всюду слышны звуки падающихъ капель. Очень тепло. Я отправляюсь съ моими двумя охотниками въ экскурсію за нѣсколько верстъ отсюда; надѣемся убить немало зайцевъ.

Я началъ, согласно вашему желанію, маленькій очеркъ объ игрѣ крестьянина (jeu du paysan), который займетъ не меньше четырехъ страницъ, и который я отошлю вамъ въ будущій вторникъ. Я не думалъ, что онъ выйдетъ такимъ длиннымъ.

Только что вошелъ мой охотникъ и сказалъ мнѣ: „Надо ѣхать, баринъ. Земля послѣ вчерашней метели принимаетъ теплую ванну“. Я велѣлъ запречь двое саней: мы прокатимся по первопутку.

Дорогой другъ, я обожаю вашу маленькую Claudie; попросите у нея отъ моего имени позволенія расцѣловать ея маленькія лапки. Скажите Віардо, что я прочелъ его письмо съ большимъ удовольствіемъ; маленькая сказочка въ концѣ очень забавно сочинена, но такого рода вещи похожи на фокусы піанистовъ: вся трудность и всѣ достоинства ихъ заключаются въ *исполненіи.* Но рано или поздно увидимъ. Напишу въ слѣдующій вторникъ нѣсколько словъ маленькой Полинѣ. Знаете ли, вѣдь уже скоро два года, какъ она въ Парижѣ: она пріѣхала туда 5-го ноября 1850-го года. Прощайте, дорогой, добрый другъ; до слѣдующаго письма. Цѣлую нѣжно ваши руки и желаю вамъ всякаго возможнаго счастья. Тысяча привѣтствій всѣмъ.—Вашъ *И. Тургеневъ.*

P. S. Проведете ли вы всю зиму въ Парижѣ? По видимому, „Пророка“ будутъ давать этой зимой въ Петербургѣ съ участіемъ Крувелли. Я былъ очень радъ прочесть въ „Athenaeum“ то, что Cherley говоритъ о васъ и о вашемъ голосѣ.

Спасское, 28 октября (9 ноября) 1852 г.

Сегодня мой день рожденія, дорогая, добрая m-me Віардо; вотъ почему я вамъ пишу. Во всѣ болѣе или менѣе выдающіеся

дни моей жизни я естественно и неизбѣжно думаю о васъ. Мнѣ тридцать четыре года. Я думалъ, что мнѣ только тридцать три, но на дняхъ я наткнулся на записную книжку матери, гдѣ ею были вписаны, въ самый день родовъ, дни рожденія моего и моего брата. Въ ней я нашелъ слѣдующую запись: „Сегодня, 28 октября 1818-го года, въ полдень, въ Орлѣ, я родила сына, названнаго Иваномъ". Значитъ, мнѣ стукнуло тридцать четыре года. Чортъ, чортъ, чортъ! Вотъ я уже и не молодъ, вовсе, вовсе не молодъ. Что дѣлать!

Мнѣ кажется, что въ прошломъ письмѣ я говорилъ вамъ о русской метели. Сегодня — настоящій ураганъ, до того грозный и ужасный, что даже красиво. Весь домъ трясется и трещитъ, а за окнами кружится бѣлая мгла... Бѣдняга братъ долженъ былъ пріѣхать сегодня ко мнѣ послѣ большой поѣздки; надѣюсь, что онъ гдѣ-нибудь нашелъ себѣ пріютъ. Тютчевъ съ женой вернулись вчера одновременно со мною; я ѣздилъ на два дня въ Орелъ, въ 55-ти верстахъ отъ насъ. Понюхалъ немного провинціальной жизни губернскаго центра: довольно грустно. Рѣшилъ твердо не высовывать никуда носа и работать въ своихъ четырехъ стѣнахъ. До завтра, дорогой, добрый другъ. Желаю вамъ здоровья, счастья и добраго настроенія.

1 (13) ноября. Не писалъ вамъ эти дни, но сегодня я долженъ писать. Снова годовщина, и знаете, какая? Сегодня ровно девять лѣтъ, какъ я васъ встрѣтилъ въ первый разъ въ Петербургѣ, въ домѣ Демидова. Я помню этотъ визитъ такъ, какъ-будто это произошло вчера. Это было утромъ. Пришелъ я не одинъ, со мной былъ маленькій маіоръ Комаровъ... И представьте, несмотря на абсолютную комичность этого субъекта, я всегда съ удовольствіемъ думаю о немъ; его фигура вызываетъ во мнѣ множество мыслей и воспоминаній: случайно онъ оказался связанъ съ тѣмъ временемъ, которое нынѣ такъ далеко отъ меня и котораго мнѣ такъ жаль. Я чувствую, какъ возрождаются во мнѣ впечатлѣнія того сезона, 1843-1844 г.... Девять лѣтъ! Увы, пройдетъ и десять, и у меня будетъ такъ же мало надежды увидѣть васъ снова, какъ и сейчасъ.

Чего мнѣ особенно здѣсь не хватаетъ, это — музыки. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ я совершенно лишенъ ея. M-me Тютчева, по видимому, хочетъ ее забросить; вчера мнѣ стоило невѣроятнаго труда усадить ее за фортепіано. Я просилъ ее сыграть финалъ изъ „Донъ-Жуана". Она хорошо читаетъ ноты и очень музыкальна; но она любитъ уходить въ свою раковину,

особенно послѣ смерти своей дочери. Затѣмъ она слишкомъ любитъ своего мужа и счастлива только возлѣ него; она мнѣ напоминаетъ иногда тѣ маленькіе, небольшіе цвѣточки, которые называютъ inséparables, и которые растутъ всегда вмѣстѣ. Къ несчастью, ея мужъ не очень любитъ музыку, или, вѣрнѣе, любитъ ее, какъ многіе, не за то, что̀ въ ней—музыка. Существуютъ, напримѣръ, живописцы, музыкальное наслажденіе которыхъ сводится къ чувству колорита, гармоніи линій и пр. Литераторы большею частью ищутъ въ музыкѣ только литературныхъ впечатлѣній. Это, вообще говоря, плохіе слушатели и плохіе судьи. Тютчевъ, не имѣющій никакой спеціальности, любитъ въ музыкѣ лишь то, что смутно пробуждаетъ въ немъ извѣстныя впечатлѣнія, извѣстныя мысли, т.-е. въ сущности, онъ мало любитъ музыку, можетъ отлично обходиться безъ нея и предпочитаетъ то, что ему въ ней уже *извѣстно*. Никто здѣсь не ощущаетъ музыкальнаго *голода*, который меня терзаетъ. Сестра m-me Т(ютчевой)—молодая особа, очень ограниченная, очень сентиментальная и очень довольная собой,—дѣйствуетъ мнѣ на нервы своими восторгами, которые неизмѣнно появляются у нея послѣ первой же ноты и которые она расточаетъ въ такомъ готовомъ и горячемъ видѣ, точно это галеты театра „Gymnase“ [1]). Ея сестра—натура гораздо болѣе возвышенная и серьезная, но она нѣсколько суховата... А затѣмъ, повторяю, она ужасно поглощена мужемъ! Въ общей сложности, такимъ образомъ, я совершенно лишенъ музыки. Разсчитываю въ одинъ изъ ближайшихъ дней съѣздить къ одному сосѣду (въ 50-ти верстахъ отсюда), у котораго есть цѣлый оркестръ, съ капельмейстеромъ-нѣмцемъ... Но я не могу себѣ представить, каковъ можетъ быть купленный оркестръ, (этотъ сосѣдъ всѣхъ своихъ музыкантовъ купилъ). Я вамъ когда-нибудь разскажу объ этомъ.

Дорогая, добрая m-me Віардо! Сегодня, какъ и девять лѣтъ тому назадъ, какъ и черезъ девять лѣтъ, я весь вашъ сердцемъ и душою. Вы знаете это.

4 (16) ноября, вторникъ. Дорогая m-me Віардо, здравствуйте! Надѣюсь скоро получить отъ васъ письмо. Вчера было три недѣли, какъ я получилъ послѣднее. Ничего новаго не могу разсказать вамъ; погода все еще ужасная. Я такъ преслѣдовалъ m-me Тютчеву, что она вчера сѣла за рояль и съ помощью своей сестры нѣсколько разъ подрядъ сыграла мнѣ увертюру къ „Коріолану“ Бетховена (въ четыре руки). Какой

[1]) Въ то время около парижскаго театра „Gymnase“, на бульварѣ „Poissonnière“, существовала лавченка, славившаяся своими горячими лепешками.—*Ред.*

chef d'oeuvre! Я не знаю другой увертюры, которая была бы достойна этой.

Вы, вѣроятно, уже вернулись въ улицу Дуэ. Разскажите, какъ вы проводите дни. Продолжаются ли ваши субботы? Что вы читаете? Что касается меня, то я весь погрузился въ русскія лѣтописи. Когда я не работаю, то не читаю ничего другого. Какъ вамъ понравится этотъ конецъ одной старой русской пѣсни (дѣло идетъ объ убитомъ молодцѣ, который лежитъ „подъ кустомъ"):

Ce n'est pas une hirondelle
Qui s'agite autour de son nid,
C'est une mère qui s'agite autour de son fils.
Elle pleure... c'est comme une rivière qui coule;
La soeur pleure, c'est comme un ruisseau qui court;
La jeune femme pleure, c'est comme la rosée qui tombe;
Le soleil se lèvera; il séchera la rosée [1]).

Вы не повѣрите, сколько поэзіи, свѣжести и нѣжности въ этихъ пѣсняхъ. Я пришлю вамъ нѣкоторыя изъ нихъ въ переводѣ. Это обѣщаніе напоминаетъ мнѣ о другомъ переводѣ... А очерка объ игрѣ крестьянина я вамъ до сихъ поръ не послалъ! Вы получите его черезъ недѣлю, и это послужитъ для меня поводомъ написать вамъ еще разъ. Пока же будьте здоровы и счастливы. Тысяча привѣтствій всѣмъ вашимъ. Цѣлую съ нѣжностью ваши руки.—Вашъ *И. Тургеневъ*.

Спасское, 3 января 1853 года.

Такъ вотъ вы уже въ Петербургѣ, дорогіе друзья, а меня тамъ нѣтъ. Это тяжело, и мнѣ надо привыкнуть сначала къ этой мысли, чтобы написать вамъ обстоятельное письмо. Все же вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали, дорогая m-me Віардо, иначе вы потеряли бы сезонъ. А я увѣренъ, что петербургская публика приметъ васъ съ энтузіазмомъ. Пожалуйста, пишите мнѣ часто и пришлите мнѣ какъ можно скорѣе вашъ адресъ. На этотъ разъ пишу вамъ черезъ посредство графа Матвѣя (Віельгорскаго). Я получилъ маленькую записку вашу, датированную кануномъ вашего отъѣзда изъ Парижа, со штемпелемъ „Петер-

---

[1]) Что не ласточка, не касаточка,
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается родимая матушка.
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Сестра плачетъ, какъ ручей бѣжитъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ;
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

бургъ". Были ли вы уже тогда въ Петербургѣ? Завтра приходитъ почта, и я буду знать, въ чемъ дѣло. Сегодня не могу писать; напишу во вторникъ. Здоровье мое такъ себѣ; я много работалъ въ эту зиму. Прощайте, будьте счастливы, здоровы и не забывайте вашего друга *И. Тургенева.*

Для В(іардо). Спасское, 21 января 1853 года.

Дорогой другъ, еслибы у меня была увѣренность въ томъ, что ваше здоровье окончательно возстанавливается, то я готовъ былъ бы благословлять этотъ случай, который, доказавъ вамъ лишній разъ все коварство петербургскаго климата, сдѣлаетъ васъ осторожнымъ на будущее время. Надѣюсь, что вы на этотъ разъ получили хорошій урокъ и предоставите медвѣдямъ спокойно сосать свои лапы.

Я сейчасъ торгуюсь съ однимъ купцомъ, который даетъ мнѣ за четверть зерна только по 7 р. 25 коп. (ассигнаціями), а я хочу получить 8 руб. Одинъ изъ насъ на этихъ дняхъ одержитъ побѣду; тогда тотчасъ же вышлю вамъ плату за Полину и стоимость ружья, которое вы можете послать мнѣ за нѣсколько дней до вашего отъѣзда черезъ контору Языкова. Или, если поѣдете въ Москву, возьмите его съ собой: у моего брата въ Москвѣ есть домъ, гдѣ живетъ его жена; ихъ человѣкъ придетъ къ вамъ за ружьемъ—и это будетъ самое простое. А пока примите мою благодарность за вниманіе и за пороховницу.

Мой дорогой другъ, что васъ особенно отличаетъ отъ другихъ, это—ваша разсудительность и здравый смыслъ. Говорите ли вы по испански или по французски — все равно, мнѣнія ваши всегда правильны. Увидимся мы съ вами лишь тогда, когда это будетъ угодно Богу — не раньше. Будемъ надѣяться, что это случится не въ очень отдаленныя времена.

Одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, нѣкій Léon Maxel, желалъ бы познакомиться съ вами. Если онъ придетъ къ вамъ, рекомендую его отъ души. Это превосходный охотникъ и истинный „gentleman", въ лучшемъ смыслѣ слова. Увѣренъ, что онъ вамъ понравится. Его наружность располагаетъ въ его пользу, и мнѣ думается, что m-me Віардо захочется имѣть въ своемъ альбомѣ набросокъ его красивой, античной головы. Кстати, передайте ей мою просьбу выслать мнѣ ея дагерротипъ. Если вы прибавите и вашъ, то я буду очень доволенъ.

Не забудьте поклониться отъ меня милому графу А. Толстому.

Прощайте, дорогой другъ! Берегите себя, живите спокойно

въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты; гуляйте въ хорошую погоду и не забывайте, что наступаетъ самое скверное время года. Тысяча привѣтствій.—Вашъ *И. Тургеневъ.*

Спасское, 29 января 1853 года.

Дорогая, добрая m-me Віардо! Получилъ ваше третье письмо изъ Петербурга, со всѣми дурными и хорошими извѣстіями, которое оно въ себѣ содержитъ. Надо надѣяться, что дурное прекратится, а хорошее будетъ расти и расцвѣтать. Ради Бога, будьте осторожны оба. Думаю, что вы не согласитесь пѣть четыре раза въ недѣлю, а Віардо предоставитъ медвѣдямъ спокойно окончить зимнюю спячку. Не забудьте, что февраль въ Петербургѣ вообще хуже января, и что въ этомъ отношеніи хуже марта только апрѣль. Что-то подсказываетъ мнѣ, что вы оба поѣдете въ Москву и что у васъ тамъ дѣла пойдутъ отлично, если вы будете благоразумны. Напоминаю вамъ русскую пословицу: „береженаго Богъ бережетъ".

Дорогой, добрый другъ, мнѣ не хотѣлось бы напоминать вамъ о человѣкѣ, мысль о которомъ должна быть вамъ непріятна; все же—не можете ли вы мнѣ прислать арію изъ „Сафо": „Aimons, mes soeurs", съ аккомпаниментомъ фортепіано. Г(уно) вычеркнутъ изъ числа моихъ друзей, но я тѣмъ не менѣе не могу не любить его музыки; сдѣлайте это для меня — bitte! Кстати: Charley написалъ мнѣ по этому поводу длинное письмо, но я кажется уже вамъ говорилъ объ этомъ. Не забудьте также о вашемъ портретѣ.

Только что прочелъ въ московскихъ газетахъ, что Пиццолато даетъ въ Петербургѣ концертъ!.. Такъ это правда? Все тотъ же старый Пиццолато? Видѣли ли вы его въ Петербургѣ? Какъ странно возвращеніе всего этого прошлаго! А я? Гдѣ я? Что я?..

M-me Калерджи въ Петербургѣ, какъ говорятъ, производитъ фуроръ, или по крайней мѣрѣ такъ говорили до вашего пріѣзда. Нравится ли она вамъ, какъ прежде?

Скажите мнѣ, что вы думаете о княгинѣ Мещерской? Боже мой, сколько вещей я бы сказалъ вамъ, еслибы увидѣлъ васъ! Ахъ, мнѣ кажется, что если когда-нибудь я васъ увижу, то смогу только плакать отъ радости. Это мнѣ напоминаетъ слышанное мною замѣчаніе одного gamin'a, не помню ужъ, по какому поводу: „Старикъ плачетъ... чортъ возьми—это значитъ, что зимою будетъ громъ". Тѣмъ не менѣе такіе случаи уже бывали.

Не знаю, какова погода у васъ: здѣсь очень холодно. Съ удовольствіемъ вижу по газетамъ, что холера уменьшается.

Прощайте, дорогой, добрый другъ. Будьте здоровы и счастливы, насколько только возможно. Съ нѣжностью цѣлую ваши руки.—Вашъ *И. Тургеневъ.*

Спасское, 20 февраля 1853 года.

Дорогая, добрая m-me Віардо, я узналъ изъ письма княгини Мещерской объ отъѣздѣ вашего мужа, а изъ „Сѣверной Пчелы" о днѣ вашего бенефиса. Признаюсь—не въ видѣ упрека,—что я предпочелъ бы узнать это все отъ васъ. Но ваша жизнь полна сутолоки, отнимающей у васъ все время, — и лишь бы только вы не забыли обо мнѣ, мнѣ больше ничего не нужно. Значитъ, вашъ бѣдный мужъ не былъ въ состояніи противостоять петербургскому климату; надо надѣяться, что сейчасъ онъ уже чувствуетъ себя превосходно. Княгиня М(ещерская) пишетъ мнѣ также, что вы намѣрены жить въ Москвѣ въ домѣ нѣкоей княгини Голицыной; правда ли это? Деньги, которыя я долженъ вашему мужу: 150 рублей серебромъ за ружье, 400 — за Полину до 1 марта 1854 года и 35 руб. сер. (142 фр. 45 сант.), которыя онъ перерасходовалъ,—а всего 585 руб. серебромъ будутъ у меня черезъ три дня; отошлю ихъ вамъ въ будущій *вторникъ*, т.-е. 24 февраля, а вы получите ихъ въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ въ Москву. Не забудьте, пожалуйста, сообщить мнѣ вашъ московскій адресъ, а особенно не забывайте фотографіи.

Я очень радъ, что вы познакомились съ княгиней М(ещерской); подъ оболочкой нѣсколько англійской и набожной у нея скрывается любящее и преданное сердце; кромѣ того, у нея очень много ума, и ума тонкаго. Вы, навѣрное, окончательно завоевали ея расположеніе, несмотря на нѣкоторое предубѣжденіе, которое ей внушили противъ васъ и которое вы сразу разсѣяли. Она все время была очень добра ко мнѣ, и это, можетъ быть, единственный человѣкъ, на котораго я могу серьезно разсчитывать въ Петербургѣ.

О себѣ не могу сообщить вамъ ничего новаго; здоровье посредственно, работаю много; изъ-за оттепели прервано всякое сообщеніе, и я не вижу рѣшительно ни одной души. Къ счастью, газеты все же приходятъ, хотя и позже обыкновеннаго. Читаю много всякой всячины.

Разсчитываю получить письмо въ воскресенье и напишу вамъ побольше во вторникъ. Завтра годовщина смерти Гоголя, и мысль о немъ не выходитъ у меня изъ головы. Боюсь внести печаль въ свое письмо; лучше прерву его. Прощайте, дорогой, добрый другъ. Нѣжно цѣлую ваши руки и желаю вамъ всякаго возможнаго счастья.—Вашъ *И. Тургеневъ.*

P. S. Вы не пріѣдете въ Петербургъ будущей зимой? Напишите мнѣ объ этомъ.

Въ Москвѣ къ вамъ зайдутъ отъ меня за ружьемъ, если вы его захватите съ собой; если же нѣтъ, то отправьте его черезъ контору Языкова. Деньги вы получите тѣмъ же способомъ, какимъ вы получили маленькую шкатулку изъ мозаики.

Спасское, 17 апрѣля 1853 года.

Дорогая, добрая m-me Віардо, только что получилъ ваше письмецо отъ 9 апрѣля. Вы безпокоитесь, не получая отъ меня извѣстій; но въ данный моментъ вы уже знаете, что я вернулся домой изъ маленькой поѣздки только 1-го апрѣля, въ среду, и отправилъ письмо въ субботу, 4-го (почта ходитъ только два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ), такъ что вы 9-го числа еще не могли получить его, принимая во вниманіе дурное состояніе дорогъ. Написалъ вамъ еще одно письмо 11-го числа, не думая, что оно застанетъ васъ еще въ Петербургѣ; но вижу теперь, что вы остались въ немъ дольше, чѣмъ я предполагалъ.

Оба ваши письма (изъ Москвы и изъ Петербурга) чрезвычайно лаконичны, въ особенности второе, которое точно стремительный потокъ; въ немъ каждое слово рвется быть послѣднимъ. Надѣюсь, что когда вы освободитесь отъ закружившаго васъ вихря, то разскажете мнѣ болѣе подробно о томъ, чѣмъ вы заняты. О эти милыя письма, которыя я засталъ здѣсь послѣ своего возвращенія: они были совсѣмъ иныя. Да что ужъ!..

Мое здоровье все такъ же: ни шатко, ни валко, — точно заяцъ, который получилъ добрый зарядъ мелкой дроби въ ту часть тѣла, которую охотники называютъ мѣшкомъ. Думается мнѣ, что я поправлюсь вполнѣ только съ возвращеніемъ хорошей погоды, т.-е. настолько вполнѣ, насколько это вообще возможно, потому что я сильно подозрѣваю, что болѣзнь моя—довольно скверная штука, носящая на медицинскомъ языкѣ звучное и величественное имя cancer au pylore (ракъ желудка). Одного изъ щенковъ Діаны я назвалъ Pylore'омъ; этимъ словомъ удобно звать.

Дорогой другъ, прошу извинить краткость этого письма; у меня сегодня много дѣла. Одно весьма важное для меня письмо, которое я все время задерживалъ, необходимо отправить сегодня.

Тысяча привѣтствій всѣмъ добрымъ друзьямъ. Вамъ же,— вы знаете то чувство, которое я посвятилъ вамъ и которое окончится только съ моей жизнью. Цѣлую нѣжно ваши руки.— Вашъ *И. Тургеневъ.*

Спасское, 12 (24) мая 1853 года.

Вотъ снова приходится мнѣ писать вамъ, дорогая, добрая m-me Віардо, въ Парижъ, въ Лондонъ, куда письмо идетъ отсюда двѣ недѣли, и проходитъ мѣсяцъ, пока получишь отвѣтъ! Тяжело было знать, что вы въ Петербургѣ и не видѣть васъ, но было пріятно получать отвѣтъ черезъ десять дней. Да что-ужъ! Надо, какъ говоритъ вашъ мужъ, покориться судьбѣ.

Получилъ ваше письмо изъ Москвы и очень удивился тому, что вы не имѣете отъ меня извѣстій. Я вѣдь писалъ вамъ каждые десять дней. Чувствую себя въ послѣднее время лучше и былъ даже въ состояніи отправиться въ охотничью поѣздку за 150 верстъ отсюда и убить достаточное количество дупелей. Какъ вы себя чувствуете послѣ всей этой ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ? Ожидаю съ нетерпѣніемъ письма, которое вы, вѣроятно, написали мнѣ передъ отъѣздомъ въ Варшаву. Надѣюсь получить его завтра.

Далъ бы Богъ, чтобы театральное предпріятіе въ Лондонѣ, въ которое вы вошли, увѣнчалось успѣхомъ. Весьма вѣроятно, что васъ будутъ окружать только одни canі (посредственности?) и вся тяжесть борьбы ляжетъ на ваши плечи. Однимъ словомъ, надѣюсь, что скоро буду знать обо всемъ.

Вы продолжаете хранить молчаніе по вопросу о возобновленіи ангажемента въ Петербургѣ; въ газетахъ же я только что прочелъ, что m-lle де-Лагранжъ пріѣзжаетъ навѣрное, а вы—нѣтъ. Меня это извѣстіе очень огорчило бы, еслибы я могъ еще имѣть хоть какую-нибудь иллюзію о возможности моего возвращенія на зиму въ Петербургъ; но я слишкомъ увѣренъ въ томъ, что останусь здѣсь. Не оставляйте своего проэкта пріѣхать въ будущемъ году въ Россію дать концертъ. Вашъ послѣдній тріумфъ, особенно въ Москвѣ, долженъ внушить вамъ это желаніе. Если вы пріѣдете съ В(іардо) въ Москву, то я очень надѣюсь, что вы заѣдете и ко мнѣ.

Садъ мой сейчасъ великолѣпенъ; зелень ослѣпительно ярка,—такая молодость, такая свѣжесть, такая мощь, что трудно себѣ представить. Передъ моими окнами тянется аллея большихъ березъ. Листья ихъ слегка еще свернуты; они еще хранятъ форму тѣхъ почекъ, въ которыхъ они народились нѣсколько дней тому назадъ; это имъ придаетъ такой видъ, точно они въ праздникъ надѣли новыя платья, на которыхъ замѣтны еще всѣ складки матеріи. Въ моемъ саду множество соловьевъ, иволгъ, кукушекъ и дроздовъ—прямо благодать! О, еслибы я могъ думать, что вы

здѣсь когда-нибудь будете гулять! Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго... но и мало вѣроятнаго.

Вы получите мое письмо въ Лондонѣ; не забудьте спросить у Charley, получилъ ли онъ отъ меня въ февралѣ мѣсяцѣ письмо, въ которомъ я прошу у него точныхъ свѣдѣній о нѣкоемъ авторѣ, по имени Chenston (онъ знаетъ, въ чемъ дѣло). Отчего онъ не пишетъ мнѣ своего мнѣнія о Гоголѣ, а также о томъ, какъ его здоровье.

13 мая. Я назвалъ вамъ это число, какъ день рожденія маленькой Полины; согласно полученному мною недавно документу, она родилась 26 апрѣля (8 мая) 1842-го года. Она на двѣ недѣли старше, чѣмъ я думалъ. Впрочемъ, я не считаю необходимымъ измѣнять дату. Разскажите мнѣ о ней. Черезъ четыре-пять дней напишу длинное письмо maman Garcia; пожалуйста, поцѣлуйте отъ меня ея руки.

Съ нѣкоторыхъ поръ глаза m-me Тютчевой поправились, и мы много музицируемъ. Она очень хорошо читаетъ ноты и очень правильно чувствуетъ все истинно прекрасное. Ея сестра, наоборотъ, имѣетъ *естественную* склонность ко всему приторному и банальному, и слезы у нея появляются съ легкостью, могущею привести въ отчаяніе... Къ счастью, она играетъ вторую партію (басъ). У нея пальцы точно изъ ваты, а когда она начинаетъ путать, то старается придать своей игрѣ чувствительное выраженіе. Это ужасно! Въ игрѣ m-me Тютчевой много твердости и ритма. Если заставить ея сестру нѣсколько разъ повторить нѣкоторыя пьесы, то онѣ идутъ очень хорошо. Сейчасъ мы погорло ушли въ Моцарта. Я говорю *мы*, потому что я обыкновенно стою за стульями дамъ, переворачиваю ноты и изображаю дирижера. Въ моменты энтузіазма я не могу удержаться и, подъ предлогомъ пѣнія, издаю нѣкотораго рода звуки, ужасающе фальшивые, которые дѣйствуютъ на нервы всѣхъ присутствующихъ.

Я снова взялся за свой романъ; до настоящаго открытія охоты остается еще шесть недѣль.

Adieu, theuerste Freundin. Будьте счастливы. Тысяча привѣтствій B(іардо). Нѣжно цѣлую ваши милыя руки и пребываю навсегда вашъ *И. Тургеневъ.*

P. S. Передали ли вы два экземпляра моей книги?

Лейпцигъ, 24 іюля 1857-го года.

Мой дорогой другъ (Віардо), начинаю съ того, что цѣлую и поздравляю васъ отъ всего сердца, а затѣмъ благодарю васъ за память обо мнѣ. Пріятно всетаки имѣть сына — не правда ли?

А когда имѣешь трехъ дочерей, то это становится еще болѣе пріятнымъ. Вѣроятно, вамъ пришлось пережить мучительныя минуты, но теперь вы должны быть очень счастливы: „въ душѣ жаворонки поютъ“, какъ говоритъ русская поговорка. Теперь надо стараться, чтобы мать поправилась какъ можно скорѣе; что же касается маленького, то, вы увидите, онъ найдетъ свою дорогу въ жизни.

Примите еще разъ и передайте всѣмъ вашимъ мои живѣйшія поздравленія.—*Иванъ Тургеневъ.*

Для т-те Віардо. Лейпцигъ, 24 іюля 1857-го года.

Hurrah! Ура! Lebehoch! Vivat! Evviva! Zito! Да здравствуетъ маленькій Поль! Да здравствуетъ его мать, да здравствуетъ его отецъ, да здравствуетъ вся семья! Браво! Я говорилъ вамъ, что все пойдетъ хорошо и что у васъ будетъ сынъ! Поздравляю и цѣлую васъ всѣхъ.

А теперь я прошу (разумѣется только тогда, когда вы будете въ состояніи это сдѣлать) прислать мнѣ:

1) Подробное описаніе чертъ лица и цвѣта глазъ молодого человѣка и, если возможно, маленькій эскизъ карандашомъ;

2) Сообщеніе наиболѣе остроумныхъ словъ, которыя онъ произнесетъ;

3) Маленькое описаніе дня 20-го іюня, революціонной даты [1]), которую маленькій санкюлотъ избралъ для вступленія въ міръ.

Я, конечно, болтаю вздоръ, но это извинительно въ моемъ возрастѣ и при той радости, которую вызвала во мнѣ эта большая новость.

Почтальонъ получилъ деньги, чтобы выпить рейнскаго вина (но ни подъ какимъ видомъ—не пива) за здоровье маленькаго Поля-Луи-Іоахима. Я самъ тоже выпью за его здоровье. Что же касается здоровья его матери, то, вы увидите, что черезъ два-три дня вамъ не захочется больше лежать. А если черезъ недѣлю вы не будете танцовать, то это значитъ, что вы думаете о чемъ-нибудь другомъ.

Вы, вѣроятно, рады — правда? Вы пожираете глазами это маленькое существо, которое вчера еще было *вами*, но теперь имѣетъ уже свою жизнь, начало мысли, начало индивидуальности своей собственной. Не прогнѣвайтесь; я становлюсь пророкомъ и во мракѣ будущаго читаю въ Conversations Lexicon'ѣ 1950-го года:

„Віардо (Поль-Луи-Іоахимъ), знаменитый (оставляю пустое мѣсто для означенія, чѣмъ знаменитъ). . . . родился въ Куртаве-

[1]) Намекъ на 20-ое іюня 1792-го года.—*Ред.*

нелѣ.... сынъ знаменитой Полины Гарсіа.... и даровитаго писателя и переводчика „Донъ-Кихота“....

Не хочу цитировать всю статью. Вы мнѣ напишете маленькое письмецо, какъ только вы это сможете сдѣлать, не утомляясь,— не правда-ли? А пробужденіе 21-го утромъ,—не правда-ли это было пріятно? А крики маленькаго — есть ли музыка, которую можно было сравнить съ этимъ?

Словомъ, все идетъ отлично.

Напишу вамъ завтра или послѣ-завтра болѣе умное письмо; сегодня же я могу только воскликнуть: Vivat! Hurrah! Allons enfants de la patrie! Alaaf Köln! (это радостное восклицаніе употребляется только въ Кельнѣ; я нахожу его очень славнымъ). Allah! Il Allah Rezul Mohammed Allah!

И снова цѣлую васъ всѣхъ, *начиная* съ monsieur Поля, и остаюсь вашъ старый другъ *И. Тургеневъ.*

Bellefontaine, 27 августа 1857 года, четвергъ.

Дорогой мой другъ, я пріѣхалъ сюда въ одиннадцать съ половиною часовъ послѣ очень легкаго переѣзда и засталъ здѣсь князя [1]), пріѣхавшаго наканунѣ изъ Россіи. Онъ разсчитываетъ открыть охоту 4 сентября и приглашаетъ насъ 3-го числа на три или четыре дня. Повидимому, дичи здѣсь масса (я говорилъ съ его сторожемъ): куропатки, зайцы, кролики, фазаны, дикія козы. По его словамъ необходимо уничтожить 300—400 зайцевъ, на которыхъ жители очень жалуются. Мнѣ приготовили двухъ собакъ, которыхъ испробую, послѣ чего, быть можетъ, куплю одну изъ нихъ. Дѣло, значитъ, мы устроимъ слѣдующимъ образомъ: я вернусь въ Куртавенель 29-го или 30-го, а 3-го мы поѣдемъ вмѣстѣ. Въ Melun мы пріѣзжаемъ въ 10 часовъ, а поѣздъ уходитъ въ $10^1/_2$; это очень удобно. Тысяча привѣтствій всѣмъ и до свиданья!—*И. Тургеневъ.*

Парижъ, 16 октября 1857 года.

Мой дорогой другъ, наша поѣздка отложена на день; ѣдемъ завтра.

Я видѣлъ Templier и говорилъ съ нимъ о нашемъ переводѣ. Онъ говоритъ, что не можетъ выпустить его раньше, чѣмъ появится переводъ Marmier, который нѣсколько запоздаетъ изъ-за посылки корректуръ въ Римъ.

---

[1]) Вѣроятно—князя Орлова, который впослѣдствіи былъ русскимъ посломъ въ Парижѣ.—*Ред.*

Въ „Journal des Debats“ помѣщена большая статья Ratisbonne'а о Манинѣ, очень хорошо написанная.

Прошу васъ прибавить въ концѣ разсказа „Grands bois“ [1]) слѣдующія нѣсколько строчекъ:

„Allons donc, Jegor,—s'ecria Kondrat, qui pendant ce temps, s'etait installé sur le devant de la telega,—viens t'asseoir à côté de moi; a quoi rêves tu? Est-ce à ta vache?

„A la vache?“—répétais-je en levant les yeux sur le grave et placide visage de Jegor. Il semblait rêver en effet et regardait au loin dans la campagne qui commençait à s'assombrir déjà.

„Oui, — continua Kondrat, — il a perdu sa dernière vache cette nuit. Il n'a pas de chance, il faut l'avouer“.

Iegor s'assit sans mot dire dans la telega et nous partîmes... Il savait ne pas se plaindre, lui“ [2]).

Что касается „Трехъ встрѣчъ“, то я постараюсь прислать вамъ ихъ изъ Рима. Но томикъ и такъ уже достаточно полонъ, и вы можете считать его законченнымъ.

Тысяча привѣтствій всему Куртавенелю. Дружески жму вашу руку.—Вашъ искренно преданный *И. Тургеневъ*.

P. S. Если вы вставите „Соловья“, то выбросьте изъ него фразу: „Богъ, давъ ему голосъ, отнялъ у него умъ“.

Bellefontaine, 3 августа 1859 года, среда.

Мой дорогой другъ, я здѣсь со вчерашняго дня, и надо сознаться, что Bellefontaine прелестное мѣсто (однако, все же уступаетъ Куртавенелю, несмотря на сходство послѣдняго съ сыромъ бри). Не ѣду въ Германію по той причинѣ, что мнѣ выслали въ Парижъ вмѣсто 5000 франковъ, которые я ожидалъ, всего 3500. Этого мнѣ едва хватитъ на расходы по устройству Полиночки (рояль и пр.) и на путешествіе въ Россію. Значитъ, приходится

---

[1]) Такъ названа во французскомъ переводѣ „Поѣздка въ Полѣсье“.—*Ред.*

[2]) Въ русскомъ текстѣ „Поѣздка въ Полѣсье“ заканчивается слѣдующими словами:

„— Ну, что-же ты, Егоръ!—воскликнулъ вдругъ Кондратъ, который уже успѣлъ помѣститься на облучкѣ телѣги и поигрывалъ и перебиралъ вожжами:—иди, садись. Чего задумался? Аль о коровѣ все?

— О коровѣ? О какой коровѣ?—повторилъ я и взглянулъ на Егора: спокойный и важный, какъ всегда, онъ дѣйствительно, казалось, задумался и глядѣлъ куда-то вдаль, въ поля, уже начинавшія темнѣть.

— А вы не знаете?—подхватилъ Кондратъ:—у него сегодня ночью послѣдняя корова околѣла. Не везетъ ему—что́ ты будешь дѣлать?..

Егоръ сѣлъ молча на облучекъ, и мы поѣхали. „Этотъ умѣетъ не жаловаться“, подумалъ я.

отказаться отъ Швальбаха. Князь и княгиня à cor et à cris (какъ слѣдуетъ писать: cor или corps?) требуютъ m-me Віардо, m-lle Луизу и васъ. Я объяснилъ имъ причину вашего отсутствія и сказалъ при этомъ, что, быть можетъ, вы пріѣдете сюда черезъ недѣлю. Рѣшайте сами, какъ поступить въ этомъ случаѣ; я же остаюсь здѣсь до воскресенья и послѣ-завтра ѣду въ Nainville, чтобы испробовать statu quo дичи и мою собаку, которая, какъ мнѣ кажется, немногаго стоитъ. Впрочемъ, увидимъ.

Пожимаю руку вамъ и m-me Віардо. Тысяча привѣтствій всему Куртавенелю и множество поцѣлуевъ дѣтямъ и маленькому „Boschien".—Вашъ всѣмъ сердцемъ *И. Тургеневъ.*

P. S. Пріѣду въ К(уртавенель) въ будущій четвергъ съ Полиночкой [1]).

Berlin, Hotel de St.-Petersbourg 14 января 1864 года, четвергъ.

Дорогая, добрая m-me Віардо, вотъ ужъ я пишу свое первое письмо! Разлука, значитъ, дѣйствительно началась... Надо смириться и думать о возвращеніи.

Пріѣхалъ сюда два часа тому назадъ и только что вылѣзъ изъ кровати, въ которой не могъ спать, но въ которой согрѣлся, что было весьма необходимо послѣ страшнаго холода этой ночи. Въ четыре часа утра какой-то призракъ, весь бѣлый отъ инея (это былъ кондукторъ), пріоткрылъ дверь и сообщилъ намъ хриплымъ голосомъ, что на дворѣ больше 18 градусовъ по Реомюру! Хоть бы у васъ въ Баденѣ не было ничего подобнаго! Богъ знаетъ, что меня ждетъ въ Россіи. Хочу запастись большой мѣховой полостью и второй парой фланелевыхъ кальсонъ (pardon!)

Часть пути я ѣхалъ вмѣстѣ съ вырождающимся потомкомъ Мандрина, графомъ Флемингомъ, который весьма медлительно разсказалъ мнѣ о покушеніи на короля, происшедшемъ недавно въ Баденѣ. Онъ, конечно, спрашивалъ меня о васъ, и т. д. Я имѣлъ возможность убѣдиться, что онъ очень хорошо спитъ въ вагонѣ и храпитъ. Снѣга нѣтъ нигдѣ, но ледъ повсюду; во Франкфуртѣ по Майну движутся большія льдины. У меня лицо, какъ компотъ. Вотъ пока почти всѣ мои дорожныя впечатлѣнія. Не видалъ еще Пича; сейчасъ одѣнусь, позавтракаю и пойду къ нему. Уѣзжаю сегодня вечеромъ и не останавливаюсь уже больше нигдѣ до Петербурга: этотъ зубъ надо поскорѣе вырвать.

А теперь мои порученія.

1) Delenda est Carthago,—надо обить фланелью, т.-е. я хочу

---

[1]) Это письмо, какъ и два предыдущія, написано не Полинѣ Віардо, а ея мужу.

сказать, войлокомъ, окно въ вашей маленькой гостинной, съ двухъ сторонъ и сверху.

2) Повсюду положить валики; использовать двойныя рамы. Первое окно въ гостинной было незакончено. Въ особенности, обратить вниманіе на столовую.

3) Пришлите безъ замедленія метрономизацію (какое слово!) вашихъ мелодій.

4) Сообщите новости о васъ, о Віардо, о дѣтяхъ, обо всѣхъ, о кошкѣ. Не надо гулять по пруду въ этотъ холодъ.

Пошлю отсюда телеграмму Ноткевичу; завтра напишу вамъ съ прусской границы.

А теперь тысяча, тысяча привѣтствій и воспоминаній. Цѣлую нѣжно ваши руки.—Der Ihrige *И. Тургеневъ.*

Перев. съ франц. М. Славинская.

АРХАНГЕЛОГОРОДСКОЕ СИДѢНІЕ

ОЧЕРКИ ССЫЛКИ.

Посреди города Архангельска, на площади между губернскимъ правленіемъ и полицейскимъ управленіемъ, стоитъ статуя Ломоносова.

Къ ней подошелъ я въ первый же день моего подневольнаго пребыванія въ этомъ мѣстѣ отдаленномъ. Я съ удивленіемъ глядѣлъ на великаго россіянина. Римскій хитонъ едва прикрываетъ его нагое тѣло, а кругомъ трещитъ 40-градусный морозъ. Ни мало не теряя бодрости, онъ беретъ лиру изъ рукъ вовсе голаго, крылатаго генія и собирается бряцать. Хоть онъ и сынъ сѣвера, а все-таки, какъ хотите, изумительно!

И у насъ съ Ломоносовымъ произошелъ разговоръ — разумѣется, нѣмой, „конспиративный", въ силу независящихъ обстоятельствъ.

— Батюшка, Михайло Васильичъ — говорю, — неужели же вамъ не холодно среди этого мороза, безлюдья и тундры?

Смотритъ на меня и усмѣхается самою пріятною улыбкой.— Ничего,—говоритъ.—Видишь, любезный потомокъ, я пою... Слагаю для васъ, потомковъ, оду.

— Но вѣдь это тоже не совсѣмъ естественно съ вашей стороны,—возражаю я.—Что за охота воспѣвать безсмертному—бездушныхъ и безсердечныхъ? Тѣхъ самыхъ, что гонятъ людей съ душою въ эти медвѣжьи логова? Неужели вамъ до сихъ поръ не доводилось раскаиваться въ вашихъ поэтическихъ грѣхахъ?

Снова улыбается, нѣсколько лукаво.—О, потомокъ, тѣ оды... не будемъ ихъ вспоминать. Да почіютъ въ мирѣ на листахъ академическихъ изданій. Тѣ оды, почти всѣ, были дань кесарю —

неизбѣжная дань въ свирѣпыя времена. Неужели ты не разгадалъ меня? Вѣдь я былъ такой же подневольный, какъ и ты... Нѣтъ, я не *ихъ* пою. Я слагаю оды новыя, другія...

Вглядываюсь въ двухсотлѣтнее лицо. Сквозь лоскъ придворной улыбки, наведенной рукою казеннаго скульптора, проступаютъ природныя ломоносовскія черты: смѣлость, рѣшительность, непреклонность, энтузіазмъ. Я съ ними веду разговоръ.

— Дитя мое, говоритъ Ломоносовъ,—учись, на меня глядя. Ты здѣсь—мимолетомъ, я—здѣшній родомъ. Ты уйдешь отсюда, а я прикованъ злою судьбой здѣсь навѣки... Унылая моя родина! Вѣдь сколько, наканунѣ моего рожденія, поработали надъ нею мрачные московскіе правители, пытаясь вытравить живучую мысль Сѣвера изъ самаго чрева матери! А я, смѣясь надъ ними, здѣсь-то и родился, и прошелъ я по всей варварской Руси смѣлымъ вѣстникомъ свободной мысли... Вотъ моя настоящая ода. Понялъ ли ты меня—ты, малый ростокъ моихъ сѣмянъ?

Морозъ потрескивалъ. Рѣдкіе прохожіе неслышно проходили мимо въ валенкахъ; снѣгъ, словно бѣлый песокъ, разсыпался подъ ихъ шагами. Было глухо и безлюдно кругомъ. Ломоносовъ бодро и лукаво улыбался.

Я удивлялся—и вѣрилъ архангелогородскому мудрецу. У насъ съ нашимъ бронзовымъ предкомъ общая предпосылка: жестокій холодъ кругомъ и полицейское управленіе по сосѣдству. Малую посылку — горѣніе мысли — далъ вотъ этотъ самый одопѣвецъ. Умозаключеніе очевидно: и во льду, и въ снѣгахъ можетъ пылать и разгораться огонь человѣческаго сердца, и зажигать другія сердца.

Не знаю, врядъ ли наивный ваятель статуи Ломоносова даже отдаленно мечталъ о тѣхъ новыхъ одахъ, которыя тайно и свободно льются изъ бронзовой лиры. Скорѣй всего онъ замышлялъ своимъ твореніемъ явить вѣкамъ жреца россійской Минервы, имѣющей свое пребываніе на алтарѣ губернскаго правленія. Но вышло иное. Вышло то, что въ мѣстахъ отдаленныхъ ссыльные „политики“ черпаютъ противозаконное утѣшеніе въ бесѣдахъ со статуей! Право, если бы я былъ начальствомъ, я бы удалилъ неблагонадежнаго поэта изъ Архангельска — скажемъ, въ Москву, въ Петербургъ—словомъ, туда, *откуда* „политиковъ“ высылаютъ, а не *куда* ихъ ссылаютъ. Тамъ бы его оды нашли достаточное противоядіе. А здѣсь...

Я былъ, однако, не начальство, а „политикъ“. И я изъ бесѣды съ отцомъ россійской словесности запасся терпѣніемъ на годы впередъ. Безъ особаго вреда для себя я могъ пройти весь

курсъ архангельскаго „сидѣнья“, т. е. прежде всего выдержать долгую осаду со стороны одуряющей ссыльной скуки. Нестерпимо тѣсны ея сонныя, вялыя объятія! Въ дальнѣйшемъ я хочу дать рядъ образчиковъ этого ядовитаго зелья. И если хотите понять, какъ можно противостоять его замораживающей силѣ, то вспомните: за спиною стоитъ и улыбается крѣпкій туземецъ Ломоносовъ.

I.

Ни день, ни ночь.

Но гдѣ, натура, твой законъ?
Съ полнощныхъ странъ встаетъ заря...
Ломоносовъ.

Нѣтъ мочи ссыльному лѣтомъ въ Архангельскѣ. Замучиваютъ его безсонныя, свѣтлыя ночи.

Петербургъ славится бѣлыми ночами. Но въ Архангельскѣ это, скорѣй, ужъ не бѣлая ночь, а бѣлый день. Со средины мая, вмѣсто темнаго, тихаго утомленія, успокоенія, каждый вечеръ приноситъ съ собою блѣдную тоску и тревогу. Какъ будто для людей, выброшенныхъ за бортъ общества, мало дневной доли безпокойства. Какъ будто небо рѣшилось удлинить дневное мученіе земли.

Около полуночи солнце едва-едва спряталось гдѣ-то тамъ недалеко, за полюсомъ, и разливаетъ оттуда по всему краю неба, больше чѣмъ на полъ-горизонта, длинную, узкую, мутно-кровавую зарю. Безконечная полоса темно-синей тучи тянется сверху. Низкое небо, будто тяжелый, матовый колпакъ, сѣетъ равнодушное освѣщеніе на деревянные домики двухъ трехверстныхъ улицъ—Троицкаго проспекта и Петербургскаго проспекта,—которыя и составляютъ весь городъ Архангельскъ, вытянувшійся вдоль берега.

Блѣдные, скучные „политики“ бродятъ по городу, не могутъ уснуть. Тревожно ждутъ солнца.., которое имъ ничего не обѣщаетъ. Ходятъ другъ къ другу съ визитомъ... въ часъ ночи, изо-дня въ день. Они нервно зѣваютъ, глядя на усталый отсвѣтъ сѣвера въ товарищескихъ глазахъ. О, безмѣрная скука!

Потомъ, вялыми группами, ходятъ слушать архангельскаго соловья. Представьте себѣ, въ Архангельскѣ тоже есть свой соловей! Только, Господи, что же это за унылая каррикатура настоящаго, курскаго соловья! Какъ будто прямое порожденіе этой блѣдной, худосочной ночи! Соловей этотъ—просто зябликъ. На

родинѣ мнѣ тоже приходилось видѣть зяблика, но никогда не слыхивалъ я, чтобы зябликъ бралъ на себя обязанности ночного пѣвца. Здѣсь же, повидимому, отсутствіе ночной темноты и его лишаетъ сна, и заставляетъ пѣть—пѣть эту непонятную смѣсь сумерекъ и разсвѣта...

„Политики" бредутъ къ такъ называемому Лѣтнему саду, посреди города. Тамъ, на вѣтвяхъ темныхъ елей или чахлыхъ березъ, они видятъ эту чудную птицу. Дѣйствительно, ея пѣсня напоминаетъ какъ-то своими колѣнцами полнозвучныя колѣна соловьиныхъ гимновъ. Но это въ то же время такой тоненькій пискъ, такое робкое щебетанье, словно передъ вами плохой приготовишка соловьиной школы, готовый вотъ-вотъ провалиться на экзаменѣ. И оттого всѣ страстные, категорическіе музыкальные обороты соловья здѣсь принимаютъ характеръ какъ бы вопросительный, даже заискивающій. Зябликъ постоянно обрываетъ начатую фразу, будто ждетъ критики слушателя. Потомъ снова—сначала...

Стоимъ, слушаемъ, и самимъ смѣшно. До чего доѣхали насъ родимые „якобы-законы" (юридическій терминъ Салтыкова)! И ночь-то у насъ—какой-то суррогатъ ночи, какой-то ублюдокъ дня, и голоса природы какіе-то прокисшіе. Но, право, есть и доля особеннаго, щемящаго наслажденія въ этой якобы соловьиной пѣсенкѣ посреди этой обстановки.

Наслушавшись зяблика, всѣ расходятся по домамъ. Но и дóма не спится. Такъ и промаешься до восхода солнца и послѣ восхода, и ложишься спать только совершенно разморенный, въ разгарѣ яркаго утра.

А не то, надоѣстъ до смерти и „архангельскій соловей", и гулянье по грязи и ветхимъ мосткамъ Петербургскаго проспекта; надоѣдятъ и скучныя лица товарищей по неволѣ. Сидишь всю ночь у открытаго окна и зѣваешь на свѣтлую, пустынную улицу, поросшую травой. Занятіе долгое и безплодное...

Что за тусклые виды передъ глазами! Прямо напротивъ загораживаетъ поле зрѣнія сѣрая, деревянная каланча, вѣчный символъ смиренія, неуклонное напоминаніе „бунтовщику" о предѣлахъ его бунта. Направо — рукой подать — видна холодная, широкая (до 3 верстъ) Сѣверная Двина, рѣка полноводная, но совершенно пустынная; другой берегъ теряется въ дымчатой дали. Глядишь туда—и думаешь со вздохомъ: „вотъ тамъ плаваютъ окунь, селедка, камбала и навага, которыхъ завтра продадутъ мнѣ на рынкѣ къ моему обѣду. Всѣ тайны извѣстны мнѣ въ нѣдрахъ твоихъ, о рѣка! Вижу и знаю тебя до самаго дна".

А налѣво—рукой подать—видна тундра. И такъ тамъ свѣтло, и такъ ясно все тамъ видно, что, кажется, можно пересчитать на каждой кочкѣ всѣ клюквинки, и всѣ морошинки, и всѣ гонобобельки [1]). А между кочекъ различаешь рѣдко разставленныя, карликовыя сосенки и березы-„сѣдухи"... И тутъ все безотрадно-извѣстно.

Но каланча, безспорно—царица всего пейзажа. Къ ней по неволѣ обращаются загипнотизированные взоры. Въ эти пустопорожніе часы свѣтлой безсонницы единственно каланча служитъ еще источникомъ хотя бы сѣрыхъ впечатлѣній. Такъ напр., вновь назначенный полицеймейстеръ, мучимый творческими идеями, велѣлъ подвергать здѣсь предварительному заключенію бродячихъ городскихъ собакъ. Такая напасть была результатомъ своего рода провокаціи: появился сперва таинственный слухъ о бѣшеной собакѣ, которой однако никто не видалъ; потомъ по городу поѣхали клѣтки-кареты, въ сопровожденіи пожарныхъ съ собаколовнымъ снарядомъ, и начался собачій погромъ. Каланча и пожарныя конюшни переполнились жертвами.

О, если бы ихъ прямо посылали на живодерню! Но нѣтъ. Милостивый полицеймейстеръ предусмотрѣлъ возможность выкупа ошибочно захваченныхъ „хозяйскихъ" псовъ ихъ хозяевами и давалъ, поэтому, всѣмъ арестантамъ три дня отсрочки. Но ужъ корма казеннаго всѣ три дня имъ не полагалось. Можно представить себѣ, что за адскій вой поднимали бѣдные, голодные псы. И особенно, повидимому, ихъ отчаяніе усиливалось, когда день кончался, а пищи, значитъ, рѣшительно не предвидѣлось. Начиная съ вечера и всю ночь изъ чрева каланчи вырывались такія неописуемыя собачьи симфоніи, что слушателю хотѣлось утопиться. Только полицейское населеніе каланчи — приставъ, околоточные, городовые, пожарные — только они, съ ихъ казенными нервами, могли безмятежно спать въ своихъ казенныхъ квартирахъ въ тѣ ночи.

Безсонному политику некуда укрыться отъ назойливыхъ „высказываній" каланчи. Каланча, по неотъемлемымъ законамъ своего естества, не можетъ не совершать свойственной ей будничной работы. Въ памяти моей, самъ не знаю почему, особенно ярко сохраняется одна ночная картина. Въ центрѣ ея помѣщались уже не собаки.

Съ вечера засадило начальство подъ каланчу нѣкоего обывателя, должно быть—по пьянству. Сперва онъ, надо думать,

---

[1]) Гонобобель—голубика, медвѣжья ягода.

спалъ, но въ самую полночь сталъ вдругъ производить демонстрацію. Онъ изо всей силы колотилъ въ дверь „кутузки“ и вопилъ поразительной силы басомъ: „Отвори-и, ахъ, ты, приставъ, кузькинъ сынъ, отвори-и-и!“... Звучное эхо отъ его октавы и отъ грома его кулаковъ раскатывалось по всей Нѣмецкой слободѣ (такъ зовется эта часть города). Сразу стали открываться окошки во всѣхъ окрестныхъ домахъ, и сонные обыватели въ ночныхъ костюмахъ вопросительно таращили глаза на каланчу.

Вопль повторялся. Никто, какъ видно, не шелъ отворять „толкущему“. Но и не принималось мѣръ къ его укрощенію. Онъ вопилъ долго и неустанно, осыпалъ начальство самыми постыдными проклятіями, а начальство спало — или притворялось спящимъ. Въ „Россіи“ (такъ зовутъ въ Архангельскѣ прочее отечество, тамъ, вдали, за лѣсами и болотами) давно бы уже дерзкому „безобразію“ положенъ былъ суровый конецъ. Здѣсь — нѣтъ; здѣсь не тѣ нравы. Здѣсь ни одинъ замухрышка-мѣщанинъ не трепещетъ такъ передъ полиціей, какъ у насъ. Напротивъ, ее открыто презираютъ, глядятъ на нее, какъ на отпѣтый классъ паріевъ. Я не могъ себѣ уяснить, какая тому причина. „Ушкуйное“ ли, новгородское происхожденіе населенія? Отважный ли нравъ поморовъ-мореходовъ? Отсутствіе ли въ прошломъ крѣпостного права? Вѣрно лишь одно: полиція (большею частью — пришельцы изъ той же „Россіи“) спускаетъ здѣсь обывателю такія вещи, за которыя бы въ какой-нибудь Калугѣ или Владимірѣ-Волынскомъ виновный поплатился бы... ужъ никакъ не менѣе рублевки, а то и тремя рублями серебромъ.

Приставъ притаился у себя въ спальнѣ, словно бы и нѣтъ его. А арестантъ — что дальше, то энергичнѣе — продолжаетъ громогласно его поносить и честить, ко всеобщему удовольствію почтенной обывательской публики, глядящей изъ оконъ кругомъ, будто изъ амфитеатра. Позабытъ зрителями первый испугъ, позабыта досада отъ внезапнаго перерыва сна. Эффектный спектакль, хотя и остаются невидимыми дѣйствующія лица. „От-вори-и-и!“ продолжалъ пѣть великолѣпный басъ... И ко мнѣ, изъ-за каланчи, изъ-за свѣтлаго, загороженнаго ею горизонта, изъ „Россіи“ потянулись какія-то неумѣстныя, нелѣпыя ассоціаціи. Вдругъ, между Нѣмецкимъ кладбищемъ на тундрѣ и Сѣверной Двиной померещился большой оперный театръ... монастырь на сценѣ... снѣгъ... Ваня изъ „Жизни за-царя“ поетъ fortissimo, но, вопреки своей роли, голосомъ Сусанина:

— От-вори-ите!

„Какая чепуха“—мелькнуло въ головѣ; по губамъ скользнула скучная улыбка.

Таковы безплатныя развлеченія лѣтней ночи у полярнаго круга.

Безъ сомнѣнія, есть въ ней самой, въ ея холодномъ сіяніи что-то грызущее, что-то сверлящее для всякой живой души. Вотъ, мимо той самой каланчи, въ то самое время, какъ сидитъ и бунтуетъ въ ней сказанный басъ, плететься, шатаясь, домой, въ казарму, запоздалый, пьяный солдатъ въ бѣлой рубашкѣ. Идетъ, останавливается и, видимо, долго и съ сочувствіемъ вслушивается въ прекрасное исполненіе протестующей аріи. Богъ знаетъ, что за представленія проходятъ въ разстроенной хмѣлемъ головѣ. Должно быть, все же—какія-то дикія аналогіи между этою каланчей и вонъ тою казармой, ибо солдатъ грустно мотаетъ головой и безнадежно машетъ руками. Потомъ, разумѣется, по-русски ругается. Потомъ снова бредетъ, шатаясь и бормоча что-то. Надо вѣдь и дойти, наконецъ, до казармы: дѣло за полночь, а велѣно вернуться еще къ воинской „зарѣ“ — въ 9 часовъ! Эхъ, жизнь!..

Вдругъ грустный солдатъ снова останавливается на углу нашей улицы, передъ бѣлою пасущейся лошадью (улица эта представляетъ собою недурной естественный лугъ, и на нее выгоняютъ лошадей въ ночное). Бѣлая лошадь поднимаетъ на него, фыркая, удивленные глаза. Каланча, казарма, продолжающійся вопль и эта противоестественная, безтѣнная ночь — одолѣваютъ въ конецъ душу солдата. И онъ заключаетъ въ свои объятія лохматую конскую голову.

— Матушка ты моя, ро́дная!—слышу я сквозь пьяныя всхлипованья.—Тошно мнѣ, ахти, тошнехонько... Другъ ты мой единый, сирота ты горемычная!

Бѣлая лошадь поводитъ головой, жуетъ и потряхиваетъ ушами, но не уходитъ; впрочемъ она стреножена. А размякшій воинъ невнятно бормочетъ ей какія-то причитанья, хнычетъ и цѣлуетъ ее въ губы. Невѣдомо, за кого онъ принимаетъ бѣлую лошадь, но полуночная исповѣдь длится немало времени. Архангелогородцы кругомъ любуются и этою сценой. И надъ самою почти головой солдата, изъ окна углового дома молча созерцаетъ нѣжный tête-á-tête какое-то „начальство“ — судя по красному околышу фуражки, интендантскій чиновникъ. Въ концѣ концовъ, онъ окликаетъ солдата:

— Эй, ты, пьяница! Ступай-ка по домамъ, фельдфебель тебя, небось, давно дожидается.

Солдатъ возвращается къ дѣйствительности изъ міра бѣлыхъ видѣній. Старается оправиться и отдать честь начальству. — Ступай себѣ, ступай, шагомъ маршъ!—повторяетъ оно. И, покорная судьбѣ, бѣлая рубаха, спотыкаясь, продолжаетъ путь.

Изъ каланчи по прежнему исходитъ вопль. Солнце всходитъ, широкое, красное, словно не выспавшееся. Идемъ спать.

II.

Кислыя ягоды на кочкахъ ссылки.

„...ces Sibéries d'en deçà de l'Oural où les bannis vont mourir de chagrin et d'ennui sous la froide nuit du pôle". — E. Reclus, „Géographie universelle. Russie d'Europe".

(„...эти малыя „Сибири" по сю сторону Урала, гдѣ ссыльные медленно умираютъ отъ тоски и скуки среди холодной полярной ночи". — Э. Реклю „Всеобщая географія. Европейская Россія").

Что̀ именно въ ссылкѣ хуже всего? Ея отдаленность ли, полное ли безправіе въ тискахъ надзора, готоваго ежеминутно шарить безъ дальнихъ церемоній въ вашихъ ящикахъ и въ вашей душѣ? Или же слишкомъ малое пособіе отъ казны?.. Напрасные вопросы. Ссыльный бы могъ отвѣтить: все это, конечно, очень скверно само по себѣ. Но къ разстояніямъ въ Россіи не привыкать, а бѣгаютъ, кому надобно, вѣдь даже съ Колымы (правда, рѣдко). Надзоръ? Но вѣдь онъ—лишь родъ неизбѣжнаго украшенія на цѣпяхъ ссылки; претендовать и не приходится. А пособіемъ, можно сказать, много довольны, ваше высокородіе, потому—все равно имъ не проживешь. Нѣтъ, дѣло тутъ въ другомъ: *въ самой ссылкѣ*, въ ея, такъ сказать, неотъемлемой субстанціи.

Грызетъ эта субстанція душу политика, грызетъ и точитъ, медленно, но вѣрно. Такъ медлительная улитка съѣдаетъ потихоньку зеленый листъ. Самое худое въ ссылкѣ вотъ что̀.

Гдѣ-то тамъ, на далекой и бѣдной родинѣ что-то бродитъ, что-то шевелится и просится къ жизни, къ осуществленію — и все это проходитъ безъ тебя; до тебя доносится только неясное, невнятное жужжанье. Словно лежишь ты, утопленникъ, на самомъ днѣ быстрой рѣки, и твои омертвѣлыя уши, сквозь усыпительный говоръ струй, едва слышатъ слабое эхо голосовъ жизни тамъ, вверху. Твои глаза ничего не могутъ ужъ видѣть,

и только сердце рвется вонъ изъ груди. Теперь подумайте, что̀ же тутъ поможетъ, по существу, увеличеніе казеннаго пайка? Что̀ измѣнится къ лучшему, если бы даже въ инструкцію чинамъ надзора было цѣликомъ внесено „Руководство хорошаго тона и французской вѣжливости“? Перемѣна, пожалуй, будетъ, но ею не утолится неугасимая жажда быть человѣкомъ между людьми. Да еще прибавится мученіе совѣсти, что лежишь ты безъ заботъ и комфортабельно, не хуже консерва въ банкѣ—а тамъ, вдали, ждетъ-не-дождется неотложное дѣло.

Трудно противостоять ѣдкому дѣйствію ссылки. На самыхъ твердыхъ и спокойныхъ людяхъ остаются слѣды ея гнилыхъ зубовъ. Какъ темная, стоячая вода тундры, охватываетъ человѣка въ ссылкѣ вѣчное бездѣлье. Болотными туманами поднимаются призраки малодушія и сжимаютъ кругозоръ... Люди ищутъ призрачнаго забвенія въ винѣ, призрачной дѣятельности—въ дрязгахъ, въ „конфликтахъ“. Въ результатѣ—лишь похмѣлье и озлобленіе. Годы такого прозябанія отчеканиваютъ иныхъ политиковъ въ ходячіе образчики отрицательныхъ сторонъ среды. Такъ изъ дряблыхъ торфяныхъ кочекъ рождаются кислыя ягоды.

Однажды появился въ Архангельскѣ нѣкто Нилъ Зубовъ, человѣкъ уже пожилой, съ большою бородой. Присланъ онъ былъ сюда изъ еще болѣе нежилыхъ мѣстъ — изъ „Якутки“. Архангельская губернія была его родиной, и вотъ его прислали сюда доживать вѣкъ по отбытіи срока ссылки. Когда-то Нилъ Зубовъ былъ, должно быть, твердый кремень. Родомъ крестьянинъ и человѣкъ малограмотный, онъ двадцати лѣтъ, будучи солдатомъ, попалъ въ одинъ изъ знаменитѣйшихъ военныхъ процессовъ того времени, велъ себя безукоризненно, не выдалъ никого. Да и затѣмъ въ „Якуткѣ“ не сломился, не заявилъ повинной, не поклонился гнѣвному начальству. А вѣдь могъ бы... Но этотъ архангельскій мужикъ былъ землякъ и чуть что не односелецъ Михайла Ломоносова. Видно, одна закваска.

Его политическая честь уцѣлѣла. Всѣ ли „интеллигенты“ могутъ это сказать про себя, проведя, какъ онъ, четверть вѣка въ Восточной Сибири, изъ нихъ чуть не десятокъ лѣтъ—легко сказать, трудно представить—въ одной изъ ужаснѣйшихъ дыръ на землѣ, въ Верхоянскѣ? Но зато его нравственная личность носила уже яркіе слѣды разложенія заживо.

Нилъ былъ запойный пьяница. Да это бы ничего; въ нашемъ морозномъ отечествѣ вѣдь нерѣдко пьяницы—самыя теплыя души. Худо было то, что онъ въ винѣ потопилъ все лучшее, съ чѣмъ срослось у насъ званіе „политика“, все товарищеское,

все „артельное“, все придающее этому званію его, такъ сказать, самоцвѣтные лучи. Въ „артельной“ жизни Нилъ Зубовъ былъ несносный, старый эгоистъ, зло-раздражительный и мелкомстительный. Особенно некрасивы бывали его пріемы, когда его начиналъ мучить бѣсъ запоя, и дѣло шло о средствахъ добыванія „воспламенительнаго“. Тутъ, казалось, его окончательно покидала способность познанія добра и зла... Словомъ, порядкомъ-таки ядовитая ягода.

Виновенъ ли онъ былъ въ потерѣ лика человѣческаго? Врядъ ли очень виновенъ. Во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ другіе, гораздо болѣе сознательные и тоже не устоявшіе. Вѣрно лишь то, что Нилъ не всегда былъ таковъ; онъ *сталъ* такимъ послѣ долгихъ испытаній. Изъ его разсказовъ и (потомъ) отъ многихъ свидѣтелей его сибирской жизни мнѣ извѣстна исторія его постепенной метаморфозы. Сперва онъ зажилъ въ Сибири настоящимъ трудовымъ крестьяниномъ. Близъ Якутска была у него привольная заимка; развелъ онъ за нѣсколько лѣтъ до двухъ десятковъ лошадей, имѣлъ коровъ, сѣялъ огороды, даже хлѣбъ „пахалъ“. Даже женился на полу-якуткѣ. Но тутъ-то дѣло и пошло подъ горку. Жена сбѣжала съ товарищемъ-политикомъ, хуторъ погорѣлъ вмѣстѣ со скотомъ. Нилъ запьянствовалъ, забуянилъ, побилъ двухъ исправниковъ, за что̀ и попалъ въ Верхоянскъ. Это гиблое мѣсто и доканало его.

Для крестьянина здѣсь — смерть. Никакой плодъ земной не растетъ, кромѣ брюквы. Даже рыбная ловля, говорятъ, самая скудная. Словомъ, полное, принципіальное отсутствіе труда. Политикамъ остается сидѣть на казенномъ пайкѣ праздными нищими. Если припомнить, что здѣсь-то и помѣщается знаменитый земной полюсъ холода (морозы до 70°), и ночь зимою здѣсь — многосуточная, то чаша бѣдствія человѣческаго окажется до краевъ полна. Мудрено ли, что центромъ ссыльной жизни сталъ здѣсь кабакъ? Конечно, съ кабакомъ боролись, создались даже (вѣдь политики — люди идейные) двѣ партіи, кабацкая и антикабацкая; пошли конфликты, теоретическіе и практическіе... Грустно писать объ этомъ; но будущій историкъ нашей „политики“ не преминетъ указать на неслыханную безчеловѣчность условій, въ какія здѣсь были брошены живые люди. Нилъ, кажется, не примыкалъ ни къ одной партіи, а просто пилъ безъ просыпу, сколько хватало возможности доставать водку. Пусть хоть эта „безпартійность“ послужитъ въ смягченіе его вины. Пилъ, не грѣшилъ. Нѣтъ, это была не ядовитая, а, скорѣй, отравленная ссылкою ягода.

Въ Архангельскѣ я встрѣчалъ его въ одномъ ссыльномъ семействѣ. Въ составѣ отца, матери и полудесятка малолѣтнихъ дѣтей, семейство это отбывало (по отцовскому дѣлу) *предварительное заключеніе* на дальнемъ сѣверѣ, *впредь до окончанія слѣдствія* (интересно бы узнать мнѣніе спеціалистовъ по поводу этой оригинальной юридической практики!). Семейство пригрѣло старика. Старались не видѣть его печальнаго нынѣшняго образа, а помнить лишь удивительную прямизну всего его жизненнаго пути. И Нилъ Зубовъ, со своей стороны, какъ-то обмякалъ здѣсь, пряталъ грязные лохмотья житейской порчи и казался простымъ, добрымъ дѣдушкой. Возился съ ребятишками, устраивалъ имъ доску-качель на мокромъ, мшистомъ дворѣ, разсказывалъ забавныя якутскія побасенки, напр. про какую-то птицу-Краташа.

Сыскалъ-молъ Краташъ себѣ на болотѣ кочку, „вотъ, какъ твоя голова"; поклалъ туда яйца и высиживаетъ. „Сидитъ да па́ритъ, сидитъ да па́ритъ" (Нилъ ерошитъ при этомъ волоса ребенка). Потомъ стали птенцы вылупливаться: вылупился одинъ (стукъ пальцами по головѣ!), вышелъ другой (снова стукъ!), третій (стукъ!) и т. д. Когда вылупились да подрасли, научилъ ихъ Краташъ летать, забралъ все гнѣздо и улетѣлъ (Нилъ хватаетъ за волосы и тянетъ кверху).

У дѣтей и слезы, и смѣхъ! Кто бы поглядѣлъ въ эти минуты на Нила, не увидалъ бы на его лицѣ тяжкой печати Сибири. Веселыя морщины у мохнатыхъ усовъ, длинный, добродушный носъ, лучистые, сѣрые глаза, смѣшные кусты бровей... Еще одушевлялся онъ, разсказывая былыя встрѣчи съ товарищами. Но чуть кто приходилъ „чужой" изъ числа ссыльныхъ, Нилъ вдругъ мѣнялся въ лицѣ, даже какъ-то зубы оскаливались— чистый таёжный волкъ-бродяга.

И долго онъ не пилъ, ежедневно навѣщая эту семью. Въ самомъ ли дѣлѣ сознательно соблюдалъ себя старый пьяница, или же такъ, срокъ запоя долго не подходилъ, но — не пилъ. Принялъ бодрый видъ, сталъ даже строить планы возрожденія своей истраченной жизни. Мимоходомъ онъ осуществилъ одинъ маленькій планъ на пользу своихъ холмогорскихъ земляковъ. Дѣло въ томъ, что по пріѣздѣ заглянулъ онъ въ родную деревню. Разумѣется, никого своихъ не нашелъ. Отецъ-мать померли давно, даже братьевъ не было въ живыхъ, остались лишь какіе-то двоюродные племянники, да ихъ мать-старуха. И тѣ о Нилѣ едва слышали, насилу признали за своего. Нилъ увидалъ, что они бѣдствуютъ, не захотѣлъ сидѣть у нихъ на шеѣ, ушелъ сразу же въ Архангельскъ. Въ Архангельскѣ онъ хо-

дилъ работать „на берегъ“ (Двины)—сваи колотить. Нелегкое тоже дѣло, на старости лѣтъ, для ослабѣвшихъ отъ водки мускуловъ.

И вотъ, помнилъ онъ про бѣдность родныхъ, жалѣлъ ихъ захолустную глупость. Въ ихъ деревнѣ были прекрасные луга (тѣ самые, на которыхъ выращиваются холмогорскія коровы). Но косились тѣ луга самымъ первобытнымъ способомъ, не косой, а „горбушей“—вродѣ большого серпа, которымъ, въ дѣйствительности, не жнутъ и не косятъ, а рубятъ траву. Трудъ до крайности тяжелый, да и остается на корню чуть не полъ-стебля. Нилъ задумалъ помочь горю. Изъ заработка своего купилъ двѣ косы и отвезъ племянникамъ. Косы имѣли огромный успѣхъ. За племянниками взялись ихъ покупать и сосѣди. Культура торжествовала. Немного неладно вышло одно: на радостяхъ принялись пировать, и Нилъ пропилъ здѣсь весь свой архангельскій заработокъ, кстати же, помнится, и поссорился съ родными, даже передрался.

Когда онъ вернулся, мѣстное лѣто было на исходѣ, также и работа на берегу. Совѣщаніе Нила съ семьею упомянутаго подслѣдственнаго ссыльнаго (назовемъ его просто Политикомъ) привело къ рѣшенію—попытать счастья „въ Россіи“. Списались съ лицами, знавшими Нила еще по стариннымъ дѣламъ. Тѣ дали ему рекомендацію на Волгу, въ одно пароходство; выслали и денегъ на дорогу. И поѣхалъ нашъ Нилъ Михайловъ по желѣзной дорогѣ, „на ловлю счастья и чиновъ“. Проводили мы его честь-честью, вплоть до вагона.

— Пишите же, Нилъ Михайловичъ, обо всемъ, какъ и что.

— Непремѣнно, непремѣнно. Сряду же по пріѣздѣ напишу,— увѣрялъ онъ, размѣщая въ вагонѣ свое бѣдное „барахло“ (его сибирское выраженіе): мѣшокъ съ одежей, корзинку съ провіантомъ, чайникъ...

Уѣхалъ—и ни слуху, ни духу. „Должно быть, устраивается на новомъ мѣстѣ“, думали его друзья.

...Недѣли черезъ три Политикъ съ семьею грѣли душу за утреннимъ самоваромъ. Вдругъ въ окошко видятъ взбирающуюся на крыльцо, растерзанную фигуру.

— Батюшки! да это Нилъ!..—вскрикнули всѣ разомъ.

Это былъ Нилъ. Но въ какомъ дикомъ видѣ! Безъ шапки, всклокоченная бородища свилась съ обвисшими волосами въ одну плачевную сѣть, глаза почти не глядятъ, и на тѣлѣ только штаны, опорки, да, вмѣсто всякаго пиджака либо пальто,— какой-то старый, дырявый посконный мѣшокъ...

Не вошелъ, внесся въ комнату и съ размаху повалился на стулъ. Всеобщее, горестно-изумленное молчаніе. Прибѣжала изъ кухни прислуга, существо корявое, родомъ изъ Онеги, протухшее ароматомъ трески и ворвани. Даже и она покачала молча головой, глядя на павшаго Нила.

Какъ онъ ни былъ пьянъ, но, сквозь хмѣль, явно испытывалъ жесточайшія терзанія. Онъ закрылъ лицо обѣими руками и, хныча, твердилъ: „Охъ, какъ мнѣ стыдно, какъ стыдно!"

— Да что-же съ вами случилось, Нилъ Михайлычъ? Разскажите толкомъ!—возопилъ Политикъ.

Но тотъ, кромѣ стыда своего, ничего не могъ понимать и только лилъ горькія слезы на свои мохнатые усы.

— Пущай идетъ, проспится — рѣшила дѣло прислуга, немало, должно быть, видавшая на своемъ вѣку хмѣльныхъ мужиковъ.

Это была правда. Нила въ комнатномъ теплѣ, что называется, развезло, и пришлось Политику съ кухаркой тащить его полубезчувственное тѣло за руки и за ноги на лежанку. Цѣлый день онъ проспалъ въ этомъ видѣ, пугая своимъ ужаснымъ храпомъ ребятъ. Тутъ и мнѣ пришлось его поглядѣть. О, Нилъ, Нилъ, вѣчная тебѣ память! Невыносимъ былъ для „политическаго" глаза твой позорный видъ!

На утро его кое-какъ пріодѣли, и онъ разсказалъ свою одиссею. Приняли его на Волгѣ весьма тепло; отыскалось мѣсто товарнаго кассира на одной изъ пристаней, рублей на 50 въ мѣсяцъ (съ „процентными"). Мало того, снабдили его приличнымъ гардеробомъ; особенно „пальто съ бархатнымъ воротникомъ", Нилъ не могъ вспомнить его безъ слезъ. Но потомъ выяснилось, что якутскимъ начальствомъ выданъ былъ Нилу такой „волчій билетъ", съ прописаніемъ болѣе или менѣе громкихъ Ниловыхъ дѣяній, что не было никакой возможности занимать ему положеніе, столь публичное. Посудили-порядили волжскіе друзья — рѣшили: „Нѣтъ, Нилъ, ничего не будетъ, ступай домой, въ Архангельскъ, жди, не выяснится ли чего другого".

Вѣренъ ли, не вѣренъ ли былъ разсказъ Нила, одно несомнѣнно: онъ поѣхалъ домой пароходомъ до Ярославля. На пароходѣ сдружился съ какими-то „купцами", выпивалъ, игралъ съ ними въ карты. А затѣмъ — „ничего не упомню, какъ ужъ и сюда добрался; здѣсь уже, на рынкѣ, съ горя пропилъ останній пинжакъ и сапоги съ калошами, да дали мнѣ въ кабакѣ вотъ эту дерюгу одѣть". Особенно сокрушался Нилъ о какихъ-то сапожныхъ колодкахъ, подаренныхъ ему въ давніе годы, по его сло-

вамъ, В. Г. Короленко и свято сберегавшихся вплоть до нынѣшняго краха. Пропалъ также и „волчій билетъ“ Нила. Но ужъ это было врядъ ли къ худшему.

Что тутъ станешь дѣлать? Досадно, горько, жалко, но съ совершившимся фактомъ ничего не подѣлаешь. Уходила человѣка ссылка. Пробовали еще какъ-нибудь „подпереть“ Нила, но онъ снова и снова срывался. Оставалось, въ концѣ концовъ, воздвигнуть ему въ товарищескомъ сердцѣ надгробный памятникъ—и отступиться.

Нилъ такъ и пошелъ подъ гору. Гдѣ и какъ онъ зарабатывалъ, неизвѣстно; пилъ въ рыночныхъ кабакахъ, знался съ самымъ темнымъ людомъ. Одна архангелогородская мать обвиняла его въ совращеніи ея неудачнаго сына на пути беззаконія. Но тутъ материнское сердце, несомнѣнно, ошибалось. Сынокъ былъ всему граду Архангела Михаила извѣстенъ какъ человѣкъ вполнѣ самостоятельный.

До самой смерти сердце Нила все же оставалось вѣрно прошлому. Въ свѣтлые моменты онъ все строчилъ какія-то воспоминанія, которыя, кажется, и переслалъ затѣмъ кому-то изъ старыхъ товарищей. Писать онъ, впрочемъ, былъ не большой мастеръ (письму научился лишь въ Сибири), но устные его разсказы вѣяли на васъ пороховымъ дымомъ той героической эпохи.

Такъ иной разъ полусгнившіе лоскутья старой лѣтописи дышатъ на васъ всею свѣжестью давно ушедшаго момента.

III.

Ссыльная колонія и ея будни.

Въ томъ блужданіи „политическихъ“ душъ по мытарствамъ, которое именуется ссылкой, возникаютъ временами сѣрыя, липкія, вязкія исторіи, словно трясинныя „окна“ среди никому ненужной архангельской тундры. Бываютъ исторіи малыя—болѣе, конечно, многочисленныя; но періодически случается и „всеобщая исторія“, куда втягивается, противъ собственной воли, вся ссыльная колонія.

По художественному опредѣленію одного старика-ссыльнаго, крестьянина Саратовской губ., тогда „всѣ политики переѣлись“... Нѣтъ пока возможности разсказать наиболѣе широкія изъ такихъ исторій. Но вотъ одинъ изъ довольно типичныхъ случаевъ.

Мучился въ Архангельскѣ одинъ сынъ „пламенной Колхиды“, грузинъ (гуріецъ), по имени Самсонъ. Трудно вообразить себѣ,

что значитъ для жителя тепличныхъ, горныхъ долинъ ссылка въ эти прохладительныя мѣста. Даже въ средней Россіи кавказцы нерѣдко болѣютъ грудью, а отсюда мало кто возвращается, не увозя съ собой сѣмянъ чахотки, которая потомъ, въ свое время, и доканчиваетъ людей. Но Самсонъ былъ съ виду богатырь, да и по занятію—рабочій, такъ что вынесъ все безъ особаго ущерба, и послѣ трехъ лѣтъ „сидѣнія" наставало ему время отправляться домой. Родные выслали ему ужъ и денегъ на дорогу, и онъ ждалъ лишь волшебнаго слова начальства, чтобы тронуться въ путь. И тутъ-то, напослѣдокъ, настигла его бѣда.

Какъ-то послѣ обѣда спалъ онъ въ своей каморкѣ (къ Самсонамъ, должно быть, бѣда всегда подкрадывается во время сна), и снились ему, быть можетъ, миндальныя и лимонныя деревья родины. Проснулся, и сразу спохватился: со стола исчезли его часы и портмонэ со всѣми деньгами! А въ окно увидалъ онъ уходящаго товарища-политика, который, видимо, заходилъ въ комнату во время Самсонова сна. Какъ кинжаломъ пронзила голову неотразимая догадка: „Это онъ унесъ часы и деньги".

Но тутъ же Самсонъ самъ себѣ не повѣрилъ. Товарищъ?—не можетъ быть... Самсонъ, мысли твои преступны!—Самсонъ сѣлъ и сталъ размышлять. Вышло: взять-то больше некому, но, должно быть, товарищъ взялъ для шутки и сегодня же или завтра принесетъ. Но товарищъ не приносилъ.

Негодованіе, досада—и боязнь своихъ дурныхъ мыслей; желаніе вернуть утраченное—и страхъ проволочки отъѣзда изъ ненавистныхъ кочекъ (родные наскребли для него свои послѣднія крохи)—все это совсѣмъ истерзало честное сердце Самсона. Онъ не могъ больше спать или, уснувъ, видѣлъ во снѣ только какое-то черное болото. Наконецъ, собрался съ духомъ и, по святому обычаю кавказскихъ предковъ, отправился къ „старѣйшинѣ". Т.-е. выбралъ себѣ самаго сѣдого и бородатаго товарища и выложилъ ему свои ужасныя подозрѣнія, заклиная хранить тайну.

— Ти старый человэкъ; какъ скажэшь, такъ и будэтъ. Скажы, какъ по твоему: вынаватъ онъ, или нэ вынаватъ?

Старый человѣкъ обѣщалъ разслѣдовать дѣло. Но оказалось, что при этомъ онъ поступалъ недостаточно осторожно. Да и впечатлителенъ былъ очень: его самого такъ подавляла мысль о возможности кражи товарищемъ у товарища, что онъ, помимо конфиденціальной бесѣды съ заподозрѣннымъ политикомъ (это былъ „бундовецъ"), не могъ удержаться отъ сообщенія и другимъ почтеннымъ членамъ колоніи. Съ ужаснымъ лицомъ онъ шепталъ:

— Вообразите!.. Возможно ли?.. Вы подумайте...

И вѣсть разошлась въ два дня по всей колоніи, по всѣмъ квартирамъ политиковъ на двухъ архангелогородскихъ проспектахъ, вплоть до Соломбалы [1]).

Бундовецъ, вполнѣ подтверждая, что былъ тогда у Самсона, въ то же время былъ потрясенъ негодованіемъ и требовалъ немедленнаго разслѣдованія. Всѣ политики находили, что „это невозможно". И всѣ почти согласно возмущались... противъ Самсона: какъ онъ смѣлъ подумать на товарища?.. Потомъ иные рѣшили, не теряя времени, вступиться за оскорбленнаго и призвать Самсона къ строгому отвѣту. Назначили время и мѣсто предварительнаго, такъ сказать слѣдственнаго собранія; пригласили Самсона.

Сошлось человѣкъ 15. Немедля приступили къ допросу (надо впрочемъ замѣтить, что Самсонъ замѣчательно плохо не только выражался, но и понималъ по-русски):

— Товарищъ Самсонъ! Вѣрно ли, что у васъ во время сна были украдены часы и деньги?

— Такъ. Это вэрно.

— Товарищъ Самсонъ! Вѣрно ли, что при вашемъ пробужденіи вы увидѣли въ окно уходящаго товарища бундовца?

— Такъ. Вэрно.

— Вѣрно ли также, товарищъ Самсонъ, что вы *могли* приписать вину въ похищеніи часовъ и денегъ вашему товарищу?

— Мммм... Это вэрно, но... потому что... какъ...

— Отвѣчайте прямо, товарищъ Самсонъ. Вамъ хорошо извѣстно, какъ высоко стоитъ въ товарищеской средѣ репутація обвиняемаго вами товарища. *Какъ могли вы* выставить противъ него такое тяжкое и неслыханное обвиненіе?

— Товарыщы, я тоже нэ слышаль про него ничего... т.-е. я нэ выдѣль... т.-е. я тольки подумаль... поэтому что онъ ушоль... и часы и дэньги нэтъ... Ѣхать Батумъ—дэньги нэтъ...

— Товарищъ Самсонъ, но вы должны понимать, что, съ этической стороны, это совершенно непозволительная вещь пятнать такимъ образомъ личность товарища. Мы принципіально не имѣемъ права терпѣть въ нашей колоніи подобныхъ эксцессовъ. Наконецъ, если вамъ ужъ, по несчастью, пришла въ голову подобная идея—вы, говорятъ, вѣдь были въ состояніи опьяненія?—то вы не имѣли никакого нравственнаго права распространять ее, создавать сплетню...

---

[1]) Островъ, портовая и заводская часть Архангельска.

Изъ всей этой рѣчи Самсонъ ужъ совсѣмъ ничего не понялъ. Только послѣдній упрекъ—въ сплетнѣ (слово, за три года ставшее ему достаточно знакомымъ) больно рѣзнулъ ему слухъ. Досада его взяла, онъ вскипѣлъ:

— Какъ ти смэешь гàварыть „сплэтню"? Я нэ дэлалъ сплэтню!.. Мой дэньги украденъ—мэня ругаютъ...

Но тутъ явная нераскаянность Самсона возмутила противъ него всѣхъ 15 импровизированныхъ слѣдователей (изъ нихъ половина была женскаго пола). Со всѣхъ сторонъ посыпался на него градъ негодованія; со всѣхъ сторонъ глядѣли широкораскрытые глаза, мелькали сердитые жесты. Самсонъ окончательно опѣшилъ и только безпомощно озирался кругомъ...

Цѣлый день послѣ этого въ колоніи шло жесточайшее броженіе. Черная туча политической „принципіальности", „идейнаго" ожесточенія, скоплялась надъ бѣднымъ Самсономъ. Куда ни пойдешь, только и разговора, что о его неслыханной огрубѣлости. При этомъ ужъ и не вспоминали о безспорно тяжкомъ положеніи самого Самсона; никто и не думалъ о возможности выясненія дѣйствительныхъ воровъ. „Политика" нашла случай — о, какой, казалось бы, призрачный, негодный случай! — утолить свою жгучую жажду гражданской дѣятельности. За недостаткомъ подъ рукою дѣйствительнаго врага, создавали себѣ воображаемаго; ослѣпленные собственнымъ мученіемъ, набрасывались на такого же архангелогородского невольника, какъ они сами. Впрочемъ—такова изстари психологія невольниковъ.

Лишь малая часть политиковъ стояла на сторонѣ Самсона, но за это и подвергалась, заодно съ нимъ, презрѣнію и насмѣшкамъ большинства. Пошли личные „конфликты", переставали другъ другу кланяться. „Политики переѣлись"... Къ концу дня рѣшено было созвать на завтра генеральное собраніе колоніи—судить Самсона. Заранѣе предвидѣлся для него и приговоръ: исключеніе изъ колоніи.

Тогда начиналась зима. Первый снѣгъ покрылъ уже дома, дворы, улицы и замерзшую тундру. Вѣтви березъ тоже одѣлись въ бѣлое, но тѣмъ чернѣе выступали тѣ густыя, болѣзненныя сплетенія вѣтвей, которыя можно видѣть только въ Архангельскѣ и которыя съ перваго взгляда походятъ на безчисленныя вороньи гнѣзда: симптомъ прирожденной болѣзни, съѣдающей здѣсь дерево. Да вотъ и сами вороны, могильщики въ траурныхъ плащахъ, сидятъ по верхушкамъ и каркаютъ радостно, навстрѣчу зимѣ. А можетъ быть, они и тому радуются, что и деревья, и люди—все покоряется здѣсь жестокому климату и гнилой почвѣ...

Самсонъ нашъ струсилъ. Т.-е., вообще говоря, онъ былъ далеко не трусливаго десятка и, сверхъ того, онъ не признавалъ за собой никакой вины, слѣдовательно даже обижался на товарищей. Но онъ чувствовалъ себя младенчески-безсильнымъ противъ рокового оборота дѣла. Ему ясно было, что его, того и гляди, „засудятъ". И онъ упалъ духомъ, растерялся. Не представлялось другого исхода, какъ снова обратиться къ какому-либо „старѣйшинѣ". Только на сей разъ—къ другому, такъ какъ первый не оправдалъ Самсоновыхъ надеждъ. Обратился онъ теперь къ упомянутому уже Политику, вѣроятно руководясь признакомъ обширнаго семейства.

Къ счастью, Политикъ оказался достаточно ознакомленъ съ этими бурями въ стаканѣ. Подъ „ужасною" физіономіей „принципіальнаго" дѣла онъ разглядѣлъ ноющіе нервы колоніи „лишенныхъ общества". Онъ рѣшилъ попытаться безобидно разрѣшить эту спутавшуюся въ клубокъ „всеобщую исторію". Но сперва онъ спросилъ Самсона:

— Да что же вы, чудакъ, не объяснили имъ, что вовсе не распространяли въ колоніи вашихъ подозрѣній? Что, напротивъ, требовали полнаго секрета?

— Я имъ хотэль сказать. Они нэ слушаль. Я плёхо говорю русскій... И они всэ такъ закрычаль на мэня и замахаль руками: я очень испугался, я думаль—они минэ уббить ххотэль!!!

Политикъ отъ души расхохотался этому неподдѣльно-кавказскому предположенію. Онъ крѣпко пожалъ Самсону руку и пообѣщалъ свою товарищескую поддержку. Самсонъ сказалъ на прощанье, тономъ простымъ, но трагическимъ:

— Эсли мэня исключаютъ, я хорошо знаю, что будэтъ. Когда я прыэзжаю домой, и Батумскій ка̀митэтъ (соц.-демократическій) мэня спрашиваетъ:—Самсонъ, зачэмъ тебя исключиль изъ колёній?—За это и это. Тогда ка̀митэтъ минэ га̀варытъ: тэпэръ ти хорошо знаэшь, что тибэ нужно дэлать...

Это было сказано такъ естественно и категорически, какъ символъ вѣры. Политика даже морозъ подралъ по кожѣ. Онъ безъ дальнихъ словъ понялъ всю серьезность положенія для этого сына природы, для котораго „ка̀митэтъ" былъ такою же святою вещью, какъ для его полудикихъ предковъ—церковь и воинская честь. Передъ Политикомъ разыгрывался споръ о жизни и смерти, и никто изъ будущихъ судей не давалъ себѣ въ этомъ отчета. Это еще болѣе утвердило Политика въ рѣшеніи—отвратить бѣду.

Вечеромъ того же дня архангелогородская колонія собралась въ колоніальномъ домѣ. Домъ этотъ стоялъ на самомъ выгонѣ,

на тундрѣ, и былъ уже почти негоденъ для жилья: печи осѣли въ зыбкую почву, полы шли наклонно отъ стѣнъ къ печамъ, окна покосились, крыша прогнулась посрединѣ и текла; сырые разводы украшали потолокъ и стѣны. За негодностью, домъ и былъ сданъ политикамъ. Когда собрался здѣсь народъ, въ низкихъ и тѣсныхъ комнаткахъ нельзя было протолкаться. Стульевъ и скамей не хватало, многимъ пришлось весь вечеръ стоять. Скоро табачный дымъ, какъ туманъ, заходилъ изъ комнаты въ комнату; сквозь него едва свѣтила пара-другая керосиновыхъ коптѣлокъ. Настроеніе было тоже душное и полутемное.

„Политическое" собраніе проходило по своему установленному чину. Выбранъ былъ предсѣдатель, читалъ докладъ докладчикъ (изъ вчерашнихъ слѣдователей). Изъ доклада, ровнаго, долгаго, холоднаго, будто выглядывало на Самсона чье-то чужое, враждебное лицо. Слова онъ опять съ трудомъ могъ понимать, но улавливалъ общее впечатлѣніе тупого, безжалостнаго оружія, направленнаго прямо въ него. Самсонъ стоялъ въ своей воинственной черкескѣ, съ патронами на груди; лобъ его былъ жалостно-недоумѣло наморщенъ; подъ бичемъ обвиненій онъ только вздыхалъ, кряхтѣлъ да краснѣлъ. Иногда же оглядывался кругомъ, смущенно улыбаясь.

Конченъ докладъ, пошли свидѣтели: „старѣйшина", которому Самсонъ впервые повѣдалъ свои подозрѣнія; „потерпѣвшій", т.-е. заподозрѣнный въ кражѣ бундовецъ. Возмущенныя восклицанія, гнѣвное ворчаніе публики сопровождали ихъ показанія. Вечеръ не обѣщалъ ничего добраго... Но тутъ же сталъ опредѣляться новый поворотъ дѣла.

Уже когда, на вопросъ Политика, „старѣйшина" долженъ былъ подтвердить настойчивыя просьбы Самсона о молчаніи, — въ собраніи ощутительна стала какъ бы задержка въ ростѣ воинственныхъ чувствъ. Дальнѣйшіе свидѣтели согласно припоминали, что *рѣшительно никто* не слыхалъ отъ самого Самсона обвиненій по адресу бундовца. Все собраніе, своимъ молчаніемъ, утвердило ихъ показаніе. Затѣмъ нашлись политики, ранѣе Самсона проживавшіе въ той же квартирѣ, и сообщили, что тамъ издавна наблюдались таинственныя исчезновенія калошъ, пальто и проч. Двери дома на улицу стояли вѣчно настежь; хозяйки были двѣ немощныя сестры-старухи. Наконецъ, недавно прибывшій полякъ-рабочій неожиданно-энергично выступилъ за Самсона, превознося его великолѣпныя товарищескія качества и его доброе сердце. Тутъ же онъ сообщилъ и совершенно новый фактъ: онъ самъ заглядывалъ къ Самсону за четверть часа до

бундовца—Самсонъ спалъ. „Такъ что, товарищъ Самсонъ, если хочешь, считай, что я укралъ“... Тусклая атмосфера внутри полуразрушеннаго домишка на болотѣ прояснялась.

Странно: почти всѣ новые факты, по существу своему, какъ будто должны были еще больше отяготить вину Самсона, съ „принципіальной точки зрѣнія“: не потрудясь разобрать дѣла, онъ, такъ или иначе, выставилъ бундовца къ позорному столбу. Въ этомъ смыслѣ была затѣмъ и произнесена обвинительная рѣчь. Но, повидимому, вопреки всякой логикѣ, собраніе уже неудержимо отворачивалось отъ острой постановки вопроса. Интересъ падалъ. И Политику, взявшему на себя защиту Самсона, оставалось, въ дѣйствительности, лишь подвести болѣе ясный итогъ пережитому всѣми за весь вечеръ въ этомъ спертомъ помѣщеніи.

Политикъ указалъ, что бундовецъ слишкомъ нервно отнесся къ мимолетному недоразумѣнію, что, на самомъ дѣлѣ, честь его и колоніи ни минуты не пострадала. Призракъ, овладѣвшій Самсономъ противъ его воли, рожденъ его естественнымъ отчаяніемъ и внушенъ стеченіемъ обстоятельствъ; при всемъ томъ, Самсонъ принялъ заботливо *всѣ мѣры*, чтобы оберечь покой и честь товарища. Заключилъ Политикъ такъ: „Кто же тутъ виноватъ, если секретъ не держится въ губчатой почвѣ архангельской тундры?“

Въ комнатѣ совсѣмъ повеселѣло. Не кланявшіеся еще утромъ другъ другу люди стали оживленно другъ съ другомъ бесѣдовать. Вся дальнѣйшая процедура вдругъ утратила свой „принципіальный“, „организованный“ видъ. Заговорили, загалдѣли всѣ разомъ, не хуже любой мужицкой сходки. Раздались голоса: „резолюцію, резолюцію!“

Резолюція? Она гласила, что Самсонъ поступалъ, какъ почтенный товарищъ, а бундовецъ, къ сожалѣнію, потерпѣлъ безъ вины. И имъ слѣдуетъ помириться.

Лицо Самсона вдругъ осклабилось самою дружеской изъ улыбокъ, какія виданы отъ Кавказа до рѣки Двины. Онъ шагнулъ на середину и широкимъ жестомъ протянулъ руку бундовцу:

— Просты минэ, товарищъ!

Жаль: бундовецъ не поступилъ такъ же открыто. Онъ отвернулся и отказался простить. Впрочемъ это могло служить выраженіемъ протеста не столько противъ Самсона или резолюціи, сколько противъ насмѣшекъ судьбы. Право, ни прежде, ни послѣ я не встрѣчалъ человѣка, кто бы такъ часто терпѣлъ по чужой винѣ. Приходилось ему и битымъ быть, и даже подвергаться

утопленію, и все оказывалось—по напраслинѣ. Какой-то особый даръ подворачиваться подъ обухъ обстоятельствъ!

Но худо ли, хорошо ли, всѣ были рады: дѣло окончилось, такъ сказать, „безъ пролитія крови". И всѣ расходились изъ старой избенки, по легкому, свѣжему снѣгу, шумно и весело. Былъ морозъ. Пушистыя березки привѣтливо посыпали сверху холоднымъ снѣжкомъ. Замерзшая тундра ярко звенѣла подъ каблуками. Воздухъ былъ здоровъ и пріятенъ, какъ ключевая вода.

Самсонъ уѣхалъ вскорѣ въ свою жаркую страну, на собранныя деньги. Потомъ онъ кончилъ жизнь, какъ часто кончаютъ Самсоны—не то на висѣлицѣ, не то подъ разстрѣломъ.

IV.

Жмурки въ ссыльномъ подпольѣ.

Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

На пустыряхъ ссылки политики ухитряются продолжать что-то вродѣ политическаго строительства. Если усугубленный надзоръ вовсе не позволяетъ строить на поверхности, то не прекращается лихорадочная, кротовая работа въ подземныхъ норахъ. Нельзя вести въ Архангельскѣ прямую борьбу съ хозяевами современности — ведутся потайные ходы, по которымъ жаждущіе борьбы проскальзываютъ, какъ тѣни, туда, „въ Россію". Никакія стѣсненія начальства не въ силахъ одолѣть эту глухую работу.

Но во всякомъ случаѣ начальство вынуждено вести, со своей стороны, свои контръ-мины. Иной разъ, большею частью совершенно случайно, подпольные ходы перекрещиваются, и въ точкахъ пересѣченія возникаютъ порой смѣшные—но не всегда веселые — анекдоты.

Политики любили гнѣздиться у одной мѣстной старухи-вдовы. Въ незапамятныя времена вдова тоже была прикосновенна къ политическому кругу: родомъ архангельская купеческая дочь, она была замужемъ за политикомъ, который вскорѣ померъ, не дождавшись свободы. И стала она жить одиноко, съ единственной дочкой Аней, въ своемъ наслѣдственномъ домѣ.

Домъ ея находился въ коренной, купеческой части города, за соборомъ, гдѣ деревянные дома поражаютъ взоръ прихотливою, сѣверно-русской архитектурой—древней, но все еще бодрой и живой. Волнистыя и крутоломаныя линіи, причудливыя кры-

лечки, слуховыя окна, галлерейки... Иной домишко до того похожъ на какое-то сказочное существо, что, кажется, тутъ обязательно должны проживать Баба-Яга или Кощей-Безсмертный. Трубы... въ такія трубы только и летать Змѣямъ-Горынычамъ. Удивительныя постройки! Одно изъ утѣшеній заброшеннымъ сюда людямъ, не лишеннымъ склонности къ поэтическому. Какъ и въ архангельскихъ „козуляхъ" (святочныхъ расписныхъ пряникахъ) и „туесахъ" (расписныхъ берестяныхъ буракахъ) здѣсь отпечатлѣна живая, самостоятельная, изящная народная культура, питавшая въ колыбели Ломоносова.

Домъ вдовы былъ просторенъ и въ своемъ родѣ, по старорусски, даже комфортабеленъ. Множество сѣнецъ, кладовушекъ, боковушекъ, клѣтушекъ, свѣтличекъ—все это сливалось въ какое-то гармонически-уютное цѣлое. И Анна Луковна (имя вдовы), у которой, кромѣ дома, ничего не было, стала жить тѣмъ, что давала пріютъ изгнанникамъ и кормила ихъ. Сверхъ того, всячески ихъ пригрѣвала душевно и, въ случаѣ нужды, укрывала ихъ тайны.

Когда иному политическому сиротѣ изъ ея жильцовъ станетъ тошно прозябать среди болотнаго вереска (можжевельника) и больныхъ, узловатыхъ березъ, онъ сбривалъ себѣ бороду, одѣвалъ другую шапку и пальто—и пускался въ даль, искать свою затерянную долю, свою „работу". Тогда Луковна свято берегла секретъ его побѣга, доколѣ было возможно. Затѣмъ, недѣли черезъ 2—3 (всѣ ссыльные разъ въ мѣсяцъ обязаны были являться въ полицію за „пособіемъ") заявляла, наконецъ: такой-то молъ со вчерашняго числа пропалъ, невѣдомо куда. А „такой-то" тѣмъ временемъ уже „работалъ" въ Екатеринославѣ или Баку, прячась по конуркамъ рабочихъ, подъ мало-надежною защитой самодѣльнаго „капустнаго листа" (паспорта). Или—уныло блуждалъ у синихъ струй Лемана. Полиція бросалась его искать, телеграфировала въ Петербургъ, въ Москву, въ Ярославль и Харьковъ... Напрасно!

При неизбѣжной недостаточности полицейскихъ силъ на дальней окраинѣ, при третьяго сорта персоналѣ, для начальства было безусловно немыслимо лучше углядѣть за своими кліентами. А у политика вѣдь душа тревожная, ноги легкія, мысли всегда прикованы къ покинутому дѣлу...

Но одинъ случай, навѣрное, стоилъ Луковнѣ волненія, памятнаго на всю жизнь.

„Пропалъ" отъ нея, сказаннымъ порядкомъ, одинъ соціалистъ-революціонеръ (Луковна болѣе имъ сочувствовала), по имени

Прокофьевъ. Пропалъ какъ-то среди бѣлой, лѣтней ночи, проѣхалъ рѣкою на лодкѣ, прошелъ берегомъ до слѣдующей желѣзнодорожной станціи, сѣлъ тамъ на утренній поѣздъ да покатилъ въ Ярославль и Москву. Въ ту пору жильцовъ у Луковны было совсѣмъ мало, знали о его побѣгѣ лишь хозяйка съ дочкой да другой ея постоялецъ и нахлѣбникъ Любомудровъ, соціалъ-демократъ, сосланный—по странной игрѣ полицейскихъ судебъ—за дѣла с.-рскія; бываютъ этакіе „прецеденты" въ практикѣ россійскихъ жандармскихъ управленій... Знали всѣ трое и молчали. Приходящимъ товарищамъ говорили, что Прокофьевъ отправился съ разрѣшенія начальства „на дачу" въ архангельскую „Италію" — въ Шенкурскъ (это довольно охотно разрѣшалось, а политики со скуки готовы были ѣздить „на дачу" хоть на Новую Землю—и ѣздили).

И все бы сошло вполнѣ благополучно, не вмѣшайся непредвидѣнный случай. Бѣглый с.-р. еще прошлою осенью подавалъ прошеніе о выдачѣ ему „одежныхъ денегъ" отъ казны (т.-е. денегъ на „постройку" зимней одежды). Въ свое время заявлялась къ нему полицейская „одежная коммиссія", произвела подробный осмотръ и перепись наличнаго у него тряпья—и ушла. Затѣмъ цѣлую зиму и весну — молчокъ. И вотъ вдругъ теперь, лѣтомъ, на второй день по его исчезновеніи съ квартиры, является запоздалый благовѣстникъ казенной милости — околоточный съ бумагой о выдачѣ оному просителю-политику слѣдуемой суммы 23 руб. 34 коп.

— У васъ проживаетъ Василій Прокофьевъ?

— У меня, у меня, батюшка. Пожалуйте, батюшка—отвѣчаетъ Луковна, а у самой (по ея разсказу) со страху-то языкъ не ворочается. Она провела полицейскаго въ комнату жильца, гдѣ всѣ вещи стояли на своихъ мѣстахъ, и даже книжки и папиросныя гильзы съ „машинкой" живописно разбросаны были по столу.

— Да гдѣ же онъ-то самъ?—освѣдомляется околоточный.

— Кого тебѣ еще, батюшка?—спрашиваетъ Луковна, будто глуховатая. Надо прибавить, что по рѣчи и обличью она казалась типичною „обывательницей", на самомъ же дѣлѣ усердно читала газеты, слѣдя за прогрессомъ въ Европѣ, и иной разъ ночи напролетъ, съ очками на носу, просиживала за нелегальной литературой, требуя потомъ подробныхъ объясненій у друзей-политиковъ.

— Кого тебѣ еще?—повторила она.—Это господина Прокофьева комната.

— Его-то мнѣ и нужно, сударыня,—околоточный сталъ говорить громче.—Гдѣ же Прокофьевъ?

— Господинъ Прокофьевъ-то? А не знаю я, миленькій. Ушелъ онъ со двора.

— Куда же ушелъ такую-то рань? — (Было восемь часовъ утра).

— А не знаю вѣдь я, голубчикъ. Ушелъ со двора, и чаю не пивши. Не спрашиваю я, батюшка, куда они отлучаются.

— Гмъ, странно,—произнесъ смущенный „чинъ".—А тутъ, вотъ, ему бумага, подписать бы надобно да деньги получить. Да онъ не сказалъ ли, когда вернется?

— Какъ же, какъ же, сказалъ, батюшка. Говоритъ: вернусь я, Луковна, послѣ—говоритъ—обѣда, этакъ ужо къ вечеру. Такъ и сказалъ.

— Ну, ладно, такъ я вечеркомъ еще забѣгу; скажите, чтобы подождалъ меня...

Онъ удалился, оставивъ за собой переполохъ. Луковна съ Аней, въ смятеніи, стали совѣщаться, какъ быть — ничего не придумали, кромѣ аховъ да оховъ. Наконецъ, всталъ жилецъ Любомудровъ. Онъ тоже испугался за бѣглеца, но посовѣтовалъ ожидать дальнѣйшихъ событій, не спѣша съ извѣщеніемъ объ исчезновеніи Прокофьева. На томъ и порѣшили.

Вечеромъ—снова околоточный съ визитомъ.

— Дома Прокофьевъ?

— Нѣту, батюшка, не бывалъ.

— Какъ, до сихъ поръ не ворочался?

— Нѣтъ, не ворочался.

— Гммъ... — промычалъ тотъ, подозрительно поглядывая.— Ну, ладно-съ, я утречкомъ снова забѣгу.

Весь вечеръ у доброй вдовы сердце было не на мѣстѣ. „Всю мнѣ это спину разломило,—повѣствовала она потомъ.—И зубы тутъ, словно нарочно, разболѣлись, и голова тоже. Аня моя тоже ходитъ блѣдная, и жилецъ хмурый сидитъ, все чай пьетъ, да что-то пишетъ..."

Не могъ никто изъ нихъ уснуть. А ночи стояли какъ разъ самыя свѣтлыя. Близкая тундра глядѣла прямо въ окна безгласно и печально; тявкали собаки по сосѣднимъ купеческимъ дворамъ; гдѣ-то заунывно ревѣлъ медвѣдь-овсяникъ [1]) на цѣпи. Солнце изъ-за полюса давало свой алый, словно воспаленный отсвѣтъ на сине-черную группу елей въ саду вдовы.

[1]) Малая порода сѣверныхъ медвѣдей, предпочитающая всякой другой пищѣ зеленый овесъ. Медвѣдей не въ рѣдкость видѣть въ городѣ Архангельскѣ.

Вдругъ, глядя въ окно на улицу и во дворъ, Луковна съ дочкой примѣтили какую-то человѣческую фигуру, бродящую подъ окнами. Человѣкъ ночью—рѣдкость въ этихъ переулкахъ.

Онѣ сперва подумали—воръ. Но человѣкъ ничего не ломалъ и даже не прятался, только похаживалъ и поглядывалъ на окна. Луковна не рѣшилась тревожить Любомудрова, который къ тому времени уже уснулъ; она сама вышла на крыльцо и спросила „проходящаго“:

— Что вамъ, добрый человѣкъ, здѣсь надобно?

Человѣкъ будто испугался, но затѣмъ подошелъ къ крыльцу и какимъ-то таинственнымъ, тихимъ голосомъ сказалъ:

— Здѣсь живетъ Прокофьевъ?

— Прокофьевъ?..—Луковна прикрыла рукой глаза отъ полночной зари, мѣшавшей разсмотрѣть говорящаго, и остро на него прищурилась. — Прокофьевъ, можетъ, и здѣсь живетъ, да только что-жъ ты, отецъ мой (незнакомцу было на видъ не болѣе двадцати лѣтъ), среди ночи къ людямъ добиваешься?

„Проходящій“ смутился, покраснѣлъ и попросился все же войти къ Прокофьеву.

— Не стану я для тебя человѣка подымать. Уходи съ Богомъ, завтра придешь!—и захлопнула дверь.

Незваный гость окончательно растревожилъ мать съ дочерью. Связь его появленія съ визитами околоточнаго бросилась въ глаза. Было очевидно, что это — злой человѣкъ, подосланный слѣдить за Прокофьевымъ. Обѣ хозяйки притаились въ своихъ комнатахъ, какъ двѣ мышки—будто спать легли; а сами, снявъ башмаки, въ однихъ чулкахъ, перебѣгали отъ окна къ окну, наблюдая изъ-за занавѣсокъ, что дѣлается снаружи.

Ночной гость не уходилъ. Сперва продолжалъ бродить кругомъ дома, потомъ сѣлъ на березовый пенекъ во дворѣ и все поглядывалъ на домъ, понуро, но упорно. Луковна примѣтила—когда онъ ходилъ, онъ шатался. „Пьяный“—чуть слышно шепнула она дочкѣ.

Наконецъ, Луковна и Аня не въ силахъ были больше терпѣть волненія. Онѣ разбудили Любомудрова и шопотомъ сообщили ему новость. Всѣ трое пошли затѣмъ, крадучись, въ большую комнату, откуда лучше всего было видно. „Онъ“ сидѣлъ на пенечкѣ, ярко выдѣляясь въ холодномъ сіяніи ночи. Роса блистѣла на немъ, какъ и на травѣ и на березахъ.

Любомудровъ съ одного взгляда рѣшилъ:

— Шпикъ!..

И вдругъ, нарушая всякую „конспирацію“, закричалъ:

— Изобью въ дребезги мерзавца! — и бросился открывать окно...

Женщины насилу его оттащили. Онъ все продолжалъ кипятиться и кидаться то въ дверь, то въ окно... „Шпикъ", повидимому, ни о чемъ не догадывался и сидѣлъ все такъ же неподвижно. Подъ утро онъ ушелъ.

Поутру снова позвонилъ околоточный. Луковна, едва только уснувшая, какъ была ночью, въ чулкахъ, выскочила на крыльцо и съ мѣста взялась бранить „чина". „Очень ужъ у меня накипѣло", говорила она потомъ.

— Что же это вы, каланчевые жители, добрымъ людямъ спать не даете? Ты говори, зачѣмъ прислалъ тутъ ночью своего соглядателя высматривать, что у меня, благородной [1]) вдовы, дѣлается? У меня дочка на возрастѣ, а вы меня срамите! Да что ты, любезный, думаешь—я на тебя управы не сыщу?..—и прочее „живописное" въ этомъ духѣ.

Околоточный оказался не изъ твердыхъ. Атака энергичной вдовы сшибла его съ позиціи. Онъ пытался-было „рапортовать" ей:—„Да, мадамъ, да успокойтесь же, да повѣрьте, да я ничуть..." И, наконецъ, съ внезапнымъ порывомъ досады воскликнулъ:

— А, понимаю! это жандармовъ штуки! Всегда они впередъ забѣгаютъ, гдѣ ихъ не просятъ...—И скрылся—на этотъ разъ окончательно.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, полиція, дѣйствительно, заподозрила уже побѣгъ, но не подсылала никакого „шпика". Узчавъ же о послѣднемъ, сейчасъ же рѣшила, что жандармы тоже пронюхали дѣло и хотятъ предупредить ее въ раскрытіи. Изъ этого, какъ водится, возникъ конфликтъ двухъ вѣдомствъ. Въ то же время, боясь нагоняя свыше, полиція стала сама стараться о сокрытіи побѣга до-поры, до-времени.

Благодаря этимъ осложненіямъ, сутки прошли спокойно. Луковна и Аня спали. Любомудровъ самъ себѣ варилъ кофе и готовилъ несложный обѣдъ. Раза два онъ замѣчалъ въ окошко все того же „шпика". Подходилъ онъ къ дому лишь издали и имѣлъ до странности убитый и усталый видъ. Потомъ, ни вечеромъ, ни ночью, не показывался вовсе.

Новое утро настало. Только что Луковна съ постояльцемъ отпили кофе, вдругъ—звонокъ, рѣзкій и раскатистый. „Такъ у меня сердце и покатилося", говорила потомъ Луковна. Она поспѣшила открыть: жандармы!.. Рослый унтеръ и старый, сѣдо-

[1]) За неимѣніемъ въ Архангельскѣ благорожденнаго дворянства, всякій „чисто" живущій уже слыветъ тамъ за „благороднаго".

бородый вахмистръ. Оба подтянутые, какъ на смотръ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, шпоры бренчатъ. Но голоса... голоса самые почтительные, даже до нѣжности.

— Сударыня! извините!—говоритъ сѣдой вахмистръ.—Кажется, случилось недоразумѣніе (повидимому, начальникъ сдѣлалъ ему нѣсколько репетицій передъ походомъ).

— Въ чемъ дѣло-то, голубчикъ, въ чемъ дѣло? А у самой-то (говорила Луковна) на умѣ: ну, что угодно, а потащатъ теперь къ Іисусу за этого Прокофьева. Но оказалось—Прокофьевъ тутъ уже не играетъ никакой роли; дѣло приняло прихотливо-путаное направленіе.

— Сударыня! Намъ изъ участка сообщили, будто кто-то изъ нашихъ агентовъ васъ прошлою ночью обезпокоилъ-съ. То намъ ничего не извѣстно-съ. И какъ народъ это, довольно вѣрно-съ, безпокойный и которые — пьющіе-съ, то г. подполковникъ просятъ васъ извинить и именно указать, который... Т.-е. для принятія необходимыхъ мѣръ (жандармъ повелъ кулакомъ въ перчаткѣ справа налѣво).

Любомудровъ, присутствовавшій при объясненіи, говорилъ, что уморительнѣе сцены онъ никогда не видывалъ. Луковна вытаращила свои темные, острые глазки и сперва, какъ видно, ничего не разумѣла. Но во время рѣчи вахмистра быстро освоилась съ положеніемъ и отвѣчала:

— Какъ же, какъ же, мой милый, я его всего разглядѣла. Вотъ какой: рыжій, блѣдный лицомъ, въ грязи весь, шапка и пальто рваныя. А самъ пьяный, шатается, какъ бы отъ вѣтру.

Вахмистръ попросилъ позволенія выйти за дверь, и слышно было, какъ онъ тамъ совѣщался съ товарищемъ: „Не Мишка ли?“ — Нѣтъ. — „Не Пѣтуховъ ли?“ — Нѣтъ. „Ну, братъ, не иначе это, какъ отъ департаменту присланъ...“ Черезъ минуту они снова вошли въ комнату.

— Такъ что, сударыня, это не изъ нашихъ. Должно быть, петербургскій, отъ департаменту (полиціи). Г. подполковникъ справятся... Прощенья просимъ, сударыня!—и брякнувъ въ разъ шпорами, оба жандарма откланялись. „Просто наказаніе божеское съ этими департаментскими“—слышно было роптанье вахмистра въ передней и сѣнцахъ.

Долго Луковна съ Любомудровымъ надрывались отъ хохота по ихъ уходѣ. Вся эта путаница имъ теперь ясно говорила, что начальство было совершенно ни при чемъ въ ночныхъ передрягахъ и что, значитъ, загадочный гость былъ — совсѣмъ другая птица...

Но между вѣдомствами пошла расти и вѣтвиться сугубая кутерьма недоразумѣній. Жандармы, въ свою очередь, вообразили, что департаментъ хочетъ тайкомъ контролировать бдительность надзора въ Архангельскѣ—вмѣшивается въ прерогативы корпуса жандармовъ! Вотъ и подсылаетъ своихъ „агентовъ“ (что агентъ оказывался рванъ и пьянъ—это ничего не значитъ: переодѣваніе и хитрость). Поэтому жандармы нажаловались въ свой округъ, завѣряя доподлинно, что у нихъ все благополучно. Округъ немедля обрушился на департаментъ, тотъ сейчасъ же „отпѣлъ“ жандармамъ, а самъ—за справками къ архангельскому губернатору, губернаторъ — къ полиціи... Словомъ, бумажная машина завертѣлась лихорадочно, пока не дала, наконецъ, неотразимый итогъ: = 0.

Любомудровъ же сталъ искать слѣды незнакомца совсѣмъ въ другой сторонѣ. Вечеромъ того же дня онъ побывалъ въ политической столовой (въ томъ же колоніальномъ домѣ, что описанъ въ предыдущей главѣ), которая служила заразъ и клубомъ, и своего рода газетой, гдѣ узнавалась хроника всѣхъ происшествій въ колоніи. Тутъ ему сообщили, что въ столовую заходилъ тотъ же самый рыжій, блѣдный и оборванный молодой человѣкъ; столовую ему указали — говорилъ онъ — уличные мальчишки. И здѣсь онъ опять таки спрашивалъ Прокофьева, а, узнавъ, что послѣдняго нѣтъ въ городѣ, умолялъ о пріютѣ у кого-либо изъ „товарищей“, ибо онъ... бѣглый изъ Пи́неги (250 верстъ отъ Архангельска). Сперва къ нему въ столовой отнеслись подозрительно, но затѣмъ одинъ изъ вновь пришедшихъ туда политиковъ призналъ въ немъ стараго пріятеля, по фамиліи Куренного. Но призналъ съ трудомъ. Онъ такъ оказался истомленъ длинною дорогой—пѣшкомъ! —по лѣсамъ и болотамъ губерніи, что едва-едва можно было разглядѣть его подлинныя черты.

Когда „политическая благонадежность“ бѣглеца была, наконецъ, установлена, онъ отъ радости истерически разрыдался. Его бросились утѣшать, поить водой, онъ отказался отъ воды и едва промолвилъ сквозь плачъ:

— Дай-те ѣсть... Три-дня-не-ѣлъ...

Слѣдовательно, онъ шатался — отъ голода... Недѣлю цѣлую онъ брелъ отъ Пи́неги, и запаса провіанта хватило едва на половину пути. Заходить же въ деревни опасался — какъ бы мужички не выдали. По такой же причинѣ онъ былъ столь робокъ съ Луковной.

Любомудровъ поспѣшилъ разыскать бѣднягу и изо всѣхъ

силъ принялся, какъ тертый архангелогородскій калачъ, хлопотать объ устройствѣ для него дальнѣйшаго пути „въ Россію“. Луковна тоже повидала юношу и не могла достаточно наахаться, какъ это она человѣка чуть было не выдала властямъ головою.

— Ужъ вы, миленькій, голубушка моя, не взыщите съ меня, старухи. Со страху все. Вѣдь вотъ боялася за Прокофьева, а васъ было до бѣды довела. Страхъ этотъ! живетъ онъ тутъ, видно, у насъ на болотахъ да людей путаетъ... Да какъ же ты мнѣ это, скажи-пожалуй, за пьянаго-то объявился? Ты бы сказалъ, что ли, что голоденъ... Да нѣтъ, не повѣрила бы я ни за что!

Побѣгъ Куренного удался какъ нельзя лучше. Прокофьевъ тоже благополучно успѣлъ добраться до своей „работы“, ранѣе оффиціальнаго „доноса“ о немъ Луковны. И начальству архангельскому до сихъ поръ остается неизвѣстно, какой ему привелось разыграть водевиль—гдѣ, впрочемъ, часть актеровъ ходила по самому краю скользкаго обрыва!

V.

Прощай, Архангельскъ!

Послѣ летаргическихъ годовъ тундряной скуки на берегахъ холодной и сѣрой Двины, сподобился, наконецъ, и я, заплѣснѣвшій отъ „сидѣнія“ политикъ, дождаться часа свободы. Срокъ мой кончился, получена изъ полицейскаго управленія драгоцѣнная бумага — „проходное свидѣтельство“ вплоть до мѣста моей родины, гдѣ я и долженъ поступить подъ „гласный надзоръ“ мѣстнаго начальства. Въѣздъ мнѣ разрѣшается—съ дозволенія каждый разъ начальства—во всѣ мѣста Россійской имперіи, кромѣ столицъ, губернскихъ городовъ и цѣлаго алфавита мѣстностей, въ коихъ пребываніе мое могло бы грозить слишкомъ большою опасностью.

„Свобода“, какъ видите,—не изъ важныхъ. По этому поводу мнѣ самъ собою пришелъ на память одинъ разговоръ. Когда я сидѣлъ еще въ питерскихъ Крестахъ, въ корридорѣ за моею запертою дверью—слышу я—два тюремныхъ надзирателя перебросились между собою бѣглыми фразами:

— Лавровъ, у тебя нынче сколько свободъ?

— У меня четыре. А у тебя?

— Эхъ, счастливецъ! у меня всего три свободы.

„Однако!“ подумалъ я. „Какъ много въ тюрьмѣ свободъ!“

Надо, впрочемъ, объяснить читателю, мало освѣдомленному по части тюремныхъ свободъ: у надзирателей дѣло шло о числѣ „выходныхъ дней“ въ мѣсяцъ. Такъ какъ служба идетъ и по воскресеньямъ, то надзиратели, дежурившіе въ воскресенье, получаютъ „свободу“—одинъ день среди недѣли. Но начальство, стремясь къ экономіи, нерѣдко похищаетъ одну изъ „свободъ“ втеченіе мѣсяца.

Моя свобода была тоже изъ тѣхъ, что можно считать по штукамъ... Какъ-никакъ, я былъ веселъ, ибо предстояло избавиться хотя отъ этого подлинно-тюремнаго вида на окрестности, увидѣть близкихъ людей, любезную родину. Вотъ въ послѣдній разъ я вернулся на свой дворъ, покрытый высокимъ снѣгомъ: говорю „высокимъ“, ибо по двору можно было проходить лишь своего рода туннелями, прорытыми въ снѣгу, а снѣгъ надъ вами возвышался почти въ человѣческій ростъ.

Погода была неописуемо-прекрасная. Солнце, янтарно-яркое, сѣверное, зимнее солнце играло золотомъ въ кристаллахъ нетающаго, сыпучаго снѣга. Низкія березы въ густомъ инеѣ стояли неподвижно, словно въ парчевыхъ сарафанахъ. Длинныя, голубыя тѣни лежали на снѣгу и на березахъ.

На кучѣ плотно-утоптаннаго снѣга близъ крыльца бѣгала юркая, востроухая, изумительно-пушистая, бѣлая звѣрушка, вродѣ собачки; пушистый, бѣлый хвостъ ея оканчивался клочкомъ темно-бураго мѣха, единственнымъ остаткомъ лѣтней шубы звѣрка. То былъ полярный песецъ (по-архангельски—„псецъ“), привезенный моимъ домохозяиномъ изъ Самоѣдіи (не поручусь, что страна именно такъ называется, но—очень ужъ подходящее названіе). Песецъ былъ прикованъ на цѣпочкѣ къ колышку, крѣпко вбитому въ снѣгъ, но бѣгалъ очень весело. Увидавъ меня, онъ затявкалъ привѣтственно, какъ на знакомаго.

— А, Песька (такъ его звалъ хозяинъ), здравствуй, Песька! Каково, другъ, себя чувствуешь?—и я сталъ гладить песца, съ нѣкоторою впрочемъ опаскою, такъ какъ онъ имѣлъ обычай, ласкаясь, кусаться—и пребольно.

— Ахъ, ахъ, ахъ!—протявкалъ Песька. Я понялъ—онъ тявкалъ: „Какой чудный, полезный моему здоровью морозецъ!“

— Вѣрно, вѣрно, Песька,—говорю я.—Но для меня, право, онъ не такъ пріятенъ. Я предпочитаю—сказать тебѣ по совѣсти—нашу полу-мокрую южную зиму. И я ѣду сегодня туда, на югъ. Понимаешь, Песька? Я свободенъ! Тра-ля-ля... и я сдѣлалъ кругомъ Песьки два дикихъ тура, вѣроятно, изъ пляски индѣйцевъ-команчей.

Песецъ повертѣлъ раза два своею умной головкой и критически понюхалъ воздухъ: танецъ мой не показался ему особо ловкимъ. Потомъ онъ самъ легко и змѣисто поскакалъ кругомъ своей снѣжной арены, какъ можно туже натягивая цѣпочку; какъ мячикъ вскочилъ, потомъ, на свою будку и оттуда прохихикалъ:

— Хи, хи, хи! Ты свободенъ!.. Ты свободенъ такъ, какъ я—вотъ на моей прелестной цѣпочкѣ. Ухъ, и ненавижу я ее!— завизжалъ онъ вдругъ и сталъ грызть цѣпочку съ какимъ-то безнадежнымъ остервенѣніемъ.

— Цѣпи не разгрызешь, другъ мой Песька; ее только разбиваютъ,—съ грустью не то подумалъ я, не то произнесъ вслухъ.

Песька закончилъ свою напрасную попытку и, какъ молнія, вскочилъ ко мнѣ на плечо — честь, которую изо всѣхъ людей онъ оказывалъ только своему хозяину. И своей усастой физіономіей онъ сталъ навизгивать мнѣ въ самое ухо:

— О, какъ чудно-хорошо сейчасъ на моей невозвратимой родинѣ. Тамъ—тундра. О, ты воображаешь, что и здѣсь видишь тундру? Какое заблужденіе! Здѣшнее болотце ничуть не напоминаетъ моей великой, вѣчно-мерзлой пустыни. Тамъ не пыжится кверху эта дерзкая береза; нѣтъ, она трусливо и покорно стелется по землѣ. Тамъ вѣчно сѣро-зеленоватый оленій мохъ кроетъ землю съ востока до запада, съ полдня до полуночи. О, какой безпредѣльно-ровный видъ! Тамъ человѣкъ— рѣдкое животное, а песецъ—свободный хозяинъ пустыни. Ты скажешь: тамъ теперь ночь, тьма? О, жалкій невѣжда! Тамъ живое, волнующееся небо цѣлые часы разговариваетъ съ тобою безчисленными языками, многоцвѣтною, электрическою рѣчью. О, Самоѣдія, Самоѣдія! не видать мнѣ тебя никогда!..

И Песька завылъ тутъ такъ жалостно—какъ можетъ только выть душа заточеннаго въ Архангельскѣ. И я почувствовалъ его печаль, хотя онъ вылъ по далекомъ, страшномъ для человѣка сѣверѣ, а я душою уже уносился на югъ. Я почувствовалъ, потому что я и въ Архангельскѣ видалъ раза два сѣверное сіяніе, правда, слабое, одноцвѣтное, но и его зеленые лучи отозвались захватывающимъ восторгомъ во всемъ моемъ существѣ. То полюсъ, казалось, дышалъ мрачнымъ величіемъ земного предѣла. Небо жило, и пульсировало, и радостно двигалось — тамъ, гдѣ земная жизнь прекращалась...

Я понялъ чуждую мнѣ тоску моего пушистаго товарища. Я понялъ и то, что меня пускаютъ на мою родину лишь бѣгать на цѣпочкѣ. Одинъ кругъ, два круга, три по „закономъ пред-

указанной", тѣсной аренѣ — а потомъ, если хочешь, полѣзай въ родную будку. Не распрыгаешься. И сердце у меня грузнымъ камнемъ опустилось и легло на дно души. Что-то не хотѣлось ужъ и ѣхать „отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ".

Я разсѣянно глядѣлъ на Пеську, который снова весело заигралъ и забрехалъ, шутливо взрывая снѣжную пыль. И я подумалъ: да вѣдь не я одинъ—всѣ мои дорогіе соотечественники такъ же коротко привязаны къ своимъ очагамъ и тамъ, на югѣ, вкушаютъ мертвыя прелести всеобщаго и равнаго „сидѣнія". Всѣ — такіе же политики подъ гласнымъ надзоромъ, какъ и я грѣшный. Нечѣмъ имъ передо мною хвастаться!

Удивительно, какъ эта мутная, воистину-ссыльная мысль освѣжила меня. Вдругъ негодованіе вспыхнуло въ груди, какъ полярное сіяніе среди ночи. Разбить надо жестокую цѣпь! разбить всѣ цѣпи, помочь всѣмъ совершить побѣгъ на свободу — настоящую свободу! Всѣмъ объяснить, что ихъ мелкія „свободы", считаемыя по-дюжинно—просто тюремное навожденіе.

Въ такомъ настроеніи я и поѣхалъ домой. Въ Архангельскѣ я мало, съ кѣмъ попрощался, кромѣ милаго Песьки, архангельскаго плѣнника, да еще статуи свободомыслящаго архангелогородца Ломоносова.

Когда я ѣхалъ мимо Ломоносова въ розвальняхъ, управляемыхъ жёнкой" (т.-е. бабой; женщины часто занимаются тамъ извозомъ), онъ со смѣхомъ указывалъ мнѣ лирою на губернское правленіе, а другою, свободною рукой на полицейское управленіе, и, комично ежась въ коротенькомъ римскомъ хитонѣ, точно говорилъ:

— Какъ морозъ полезенъ моему здоровью!

Прощай, Архангельскъ. Прощай, бронзовый Ломоносовъ!

А. Дивильковскій.

НЕХРИСТІАНСКОЕ ИМЯ

„КАИНЪ“

(Совершенно невѣроятное происшествіе).

Въ Д — скомъ отдѣленіи крестьянскаго поземельнаго банка докладъ у управляющаго шелъ самымъ обыкновеннымъ порядкомъ. Сидя въ креслѣ у стола, заваленнаго бумагами, управляющій молча слушалъ неторопливо излагавшаго дѣло старшаго дѣлопроизводителя, барабанилъ пальцами по столу и изрѣдка опускалъ глаза на развернутыя передъ нимъ бумаги. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ, поспѣшно нагнулся къ столу, взялъ красный карандашъ и сильнымъ жестомъ подчеркнулъ одну изъ строкъ развернутой передъ нимъ бумаги.

— Каинъ Перепелица,—прочелъ управляющій. Голосъ его звучалъ сурово.

— Одинъ изъ членовъ восьмого Тимошкинскаго товарищества,—отозвался дѣлопроизводитель.

— Недосмотръ, — еще суровѣе сказалъ управляющій, — а вѣдь сегодня я могъ бы подписать удостовѣреніе о выдачѣ ссуды. Что бы вышло? я васъ спрашиваю. Ни на кого изъ васъ, господа, я не могу положиться. Ни о чемъ не думаете; только бы двадцатое число, а что дальше—вамъ все равно!

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство,—виновато возразилъ дѣлопроизводитель, — я самъ провѣрялъ посемейные списки: число десятинъ и лицъ мужского пола въ полномъ соотвѣтствіи.

— Да развѣ я объ этомъ говорю? — вскрикнулъ управляющій.—Вы православный?

— Да,—смущенно отвѣтилъ дѣлопроизводитель.

— А я лютеранинъ; это вамъ извѣстно? И не смотря на это, я знаю, что въ вашей церкви не можетъ быть такого святого, который носилъ бы имя Каина. Каинъ—это убійца Авеля; вы слышали? Дѣти Адама.

— Ахъ — Каинъ. Да, мнѣ извѣстно, — совершенно растерялся дѣлопроизводитель.—Мнѣ не пришло въ голову.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. Всегда такъ бываетъ; никогда вамъ не приходитъ въ голову то, что сразу должно приковать ваше вниманіе,—строго говорилъ управляющій.—И вы, еслибы я не замѣтилъ, готовы были помѣстить въ купчую имя несуществующаго святого. Вѣдь это документъ, утверждаемый крѣпостнымъ порядкомъ — и вдругъ въ немъ вымышленное имя. Такое отношеніе, господа, съ своимъ обязанностямъ — не выдерживаетъ критики.

— Виноватъ, ваше превосходительство,—сконфузился дѣлопроизводитель.

— Товариществу предложить этого члена съ несуществующимъ именемъ выкинуть изъ своего состава, и написать преосвященному; я подпишу,—рѣшилъ управляющій.

— Но дѣло совершенно готово, выкинуть этого Перепелицу—значитъ передѣлывать всѣ документы; чуть ли не ста его товарищамъ грозитъ крупная неустойка и полное разстройство дѣла. Послѣдній срокъ на дняхъ; помѣщикъ, продающій землю, не преминетъ воспользоваться всякимъ пустякомъ, чтобы оставить задатокъ въ свою пользу,—торопливо и смущенно докладывалъ дѣлопроизводитель.

— Всегда такъ бываетъ; русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Сами виноваты: зачѣмъ себѣ въ товарищи приняли человѣка съ нехристіанскимъ именемъ!—настаивалъ управляющій.—И затѣмъ, чтобы вы ни говорили—я никогда, слышите-ли, и ни за что не пропущу ни одной купчей съ подобнымъ именемъ. Отправляйтесь и пишите архіерею. Сейчасъ, какъ будетъ готово, принесите мнѣ.

Дѣлопроизводитель ушелъ; управляющій, взволнованный и возбужденный, долго ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету.

Письмо архіерею писалось нѣсколько разъ, редакція его не удовлетворяла управляющаго. Наконецъ, оно было составлено, подписано и отправлено.—Оно гласило:

„Ваше высокопреосвященство.— Считаю для себя тяжелымъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія, что при провѣркѣ посемейныхъ списковъ 8-го Тимошкинскаго товарищества (Страстотерпинскаго уѣзда, Вольномысленной волости, села Тимошки) мною обнаружено, что одинъ изъ членовъ этого общества носитъ имя: „Каинъ“.—Таковой несомнѣнный фактъ явился причиною того, что я не нашелъ возможнымъ разрѣшить выдачу ссуды означенному товариществу, а слѣдовательно и совершеніе купчей крѣпости. Сообщая объ этомъ вашему высокопреосвященству, прошу о соотвѣтствующихъ указаніяхъ“.

Бумага Д—скаго отдѣленія попала въ руки архіерея на слѣдующее утро вмѣстѣ со всею остальною корреспонденціею. Преосвященный перечелъ ее нѣсколько разъ и былъ настолько взволнованъ, что волненіе это, несмотря на его спокойный нравъ, вырывалось даже наружу. Онъ немедленно позвонилъ и велѣлъ позвать къ себѣ отца Никодима Богоявленскаго, завѣдывавшаго при немъ частнымъ образомъ перепиской и отпиской.

Вошелъ полный, грузный священникъ, издали еще поклонился архіерею и подошелъ подъ благословеніе.

— Вотъ до чего мы дожили,—съ дрожью въ голосѣ сказалъ архіерей, благословивъ предварительно отца Никодима и протягивая ему бумагу. — Читай и возрадуйся. Всегда говорилъ, что здѣшніе отцы не о паствѣ своей пекутся, а о земныхъ благахъ помышляютъ. И что же изъ сего происходитъ? Иновѣрецъ, еретикъ, иноплеменникъ, какой-то тамъ нѣмецъ меня, православнаго архіерея, въ нерадѣніи уличаетъ и еще указаній спрашиваетъ.

— Да будетъ воля Господня,—глубокимъ басомъ протянулъ отецъ Никодимъ.—Владыка, вы изволили обратить вниманіе, что сей нѣмецъ, однако, упущеніе сдѣлалъ и того Каина фамиліи не упомянулъ.

— Не можетъ быть?—обрадовался архіерей.

— Истину возвѣщаю, непреложную истину, — возразилъ отецъ Никодимъ и протянулъ бумагу.—Сей нѣмецъ къ намъ отъ правительства поставленъ и посему мы ему учинимъ вѣжливую отписку.

Управляющему отписаться; по дѣлу же о „Каинѣ“ слѣдствіе произвести и Тимошкинскаго священника за упущеніе перевести на менѣе доходный приходъ,—постановилъ архіерей.

„Ваше превосходительство, милостивый государь Оскаръ Генриховичъ. Изъ вашего сообщенія за № 3145 отъ 15 мая съ великою скорбію узналъ о нахожденіи въ селѣ Тимошкахъ

нѣкоего крестьянина, себя именующаго Каиномъ. Поелику оный Каинъ братоубійцею былъ, отъ Господа Бога проклятъ и великій грѣшникъ, ни единый православный христіанинъ онымъ именемъ называемъ быть не можетъ. Вашего превосходительства христіанское рвеніе и усердіе весьма должны быть хвалимы и другимъ въ примѣръ полагаемы. Засимъ долгомъ считаю на то обратить вниманіе ваше, что фамилію онаго Каина вы намъ сообщить не изволили, чѣмъ весьма затруднили съ нашей стороны производимое по сему печальному событію слѣдствіе".

Благочинному II округа, Страститерпинскаго уѣзда.

„Ваше Высокопреподобіе.—Симъ, по распоряженію его преосвященства, вы поставляетесь въ извѣстность, что въ селѣ Тимошкахъ нѣкій крестьянинъ проживаетъ, оный же неизвѣстно по чьему наименованію именемъ великаго грѣшника Каина самопроизвольно именуется. Объ ономъ Каинѣ вамъ поручается слѣдствіе произвести съ выясненіемъ того, по чьей винѣ сіе произошло и почему объ ономъ во благовременіи донесено не было. Оное все выяснить и донести предписывается въ наикратчайшій срокъ".

Въ тотъ же день 16-го мая, подъ вечеръ, мѣстный губернаторъ Набатовъ заѣхалъ на минутку къ архіерею переговорить по кое-какимъ дѣламъ, не терпящимъ отлагательства.

— Да будетъ вѣдомо вашему превосходительству,—сказалъ между прочимъ, прощаясь, архіерей, — что въ нашей губерніи открылся нѣкій Каинъ.

— Какъ такъ? — пробасилъ губернаторъ, бравый военный.

— Объ этомъ событіи, къ прискорбію, я поставленъ въ извѣстность г-номъ управляющимъ мѣстнаго отдѣленія банка,— продолжалъ архіерей, — а не соотвѣтствующимъ священникомъ или чиномъ полиціи, коимъ о томъ же надлежало бы знать.

— Ага!—рявкнулъ губернаторъ.

— Къ моему удивленію, г-нъ управляющій не нашелъ нужнымъ сообщить мнѣ фамилію онаго Каина, и я поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе, — вздохнулъ архіерей.

— Управляющій — нѣмецъ-лютеранинъ? — отрѣзалъ губернаторъ.

— Совершенно правильно,—поддакнулъ архіерей.—А между тѣмъ, появленіе сего Каина не можетъ не почитаться большимъ соблазномъ для православныхъ, понеже имя сіе не есть установленное и весьма возможно повлечетъ за собой отпаденіе отъ церкви нѣкоторыхъ колеблющихся.

— Дознаніе черезъ полицію,—произнесъ губернаторъ.

— Помѣшать не помѣшаетъ, а полезно будетъ,—согласился архіерей.

— Немедленно, и ежели виновенъ, вышлю изъ предѣловъ ввѣренной мнѣ губерніи. Не нуждаюсь я въ подобныхъ богоотступникахъ,—басилъ губернаторъ.

Губернаторъ испросилъ благословеніе и откланялся. По пріѣздѣ онъ приказалъ правителю канцеляріи справиться по телефону въ банкѣ о фамиліи Каина и написать соотвѣтствующему исправнику.

Секретно.

Исправнику Страститерпинскаго уѣзда.

„Стало мнѣ извѣстно, что въ ввѣренномъ вамъ уѣздѣ, въ селѣ Тимошкахъ, Вольномысленной волости проживаетъ нѣкій крестьянинъ Каинъ Перепелица. Предписывается немедлено произвести дознаніе о политической благонадежности и вліяніи на своихъ односельчанъ въ религіозномъ и другихъ направленіяхъ означеннаго Каина Перепелицы, а также откуда это нехристіанское имя взяться могло. О послѣдующемъ мнѣ донести“. Собственною рукою губернатора было приписано: „Извѣстно, что Каинъ, сынъ Адама, братъ Авеля—братоубійца и грѣшникъ; православнаго святого такого нѣтъ, а потому никто именемъ этимъ называемъ быть не можетъ“.

Весьма секретно.

Становому Приставу II Стана.

Г. Начальникомъ губерніи я поставленъ въ извѣстность, что въ стану вашемъ, въ селѣ Тимошкахъ, проживаетъ нѣкій крестьянинъ Каинъ Перепелица. Предписываю немедленно произвести дознаніе о политической благонадежности и вліяніи означеннаго Каина Перепелицы на своихъ односельчанъ. Не штундистъ ли онъ? Каинъ былъ братоубійца и грѣшникъ, посему что же можетъ быть общаго между вышеназваннымъ Перепелицею и Каиномъ, дабы онъ его именемъ называемъ былъ. О послѣдующемъ мнѣ донести“. Исправникъ (подпись).

Весьма секретно.

Уряднику, завѣдующему третьимъ участкомъ.

„Предписываю немедленно отправиться въ село Тимошки, гдѣ проживаетъ нѣкій крестьянинъ Каинъ Перепелица и объ его политической и другихъ прочихъ благонадежностяхъ дознаніе произвести. Подозрѣвается высшимъ начальствомъ въ братоубійствѣ въ соучастіи съ другимъ Каиномъ, коего фамилія еще не выяснена“. Становой приставъ (подпись).

— Плохо, отецъ Меѳодій,—говорилъ благочинный, вылѣзая изъ своей брички у крыльца дома священника села Тимошекъ.— То-есть такъ плохо, что и не высказать.

— Что же такое произошло, отецъ Елевферій? — заволновался отецъ Меѳодій.

— Отъ самого преосвященнаго бумагою въ извѣстность поставленъ насчетъ васъ и нерадѣнія вашего и попустительства въ дѣлахъ святой православной церкви?—медленно, слово за словомъ, тянулъ благочинный.

— Отъ преосвященнаго? — всплеснулъ руками отецъ Меѳодій.—Спаси, Господи...

— Проживаетъ въ вашемъ приходѣ, яко волкъ заблудшій промежду овецъ, нѣкій Каинъ; ему же имя есть Каинъ, а фамилія неизвѣстна и объ томъ Каинѣ предписываетъ владыко слѣдствіе произвести и въ наикратчайшій срокъ донести,—продолжалъ благочинный.

— Что же сей Каинъ совершилъ или въ чемъ онъ заподозрѣнъ?—спросилъ отецъ Меѳодій.

— Ранѣе всего надлежитъ выяснить, кто именно сей Каинъ и есть, а затѣмъ, что имъ сдѣлано и на какомъ основаніи онъ самопроизвольно именемъ столь великаго грѣшника называться себѣ позволяетъ,—отвѣчалъ благочинный.

— Пошлю за старостой, онъ долженъ знать,—рѣшилъ отецъ Меѳодій.

Послали. Отъ старосты узнали, что въ селѣ всѣ крестьяне называютъ Каиномъ нѣкоего домохозяина Перепелицу, что мужикъ онъ спокойный, тихій и зажиточный, а откуда у него имя это взялось, никому неизвѣстно, такъ какъ много лѣтъ тому назадъ, еще парнишкой лѣтъ десяти, присталъ онъ въ домъ старика Перепелицы, женился потомъ на его единственной дочери, получилъ хату, усадьбу, землю, да такъ и остался въ селѣ.— Послали старосту за самимъ Перепелицей.

Въ самомъ непродолжительномъ времени благочинный увидѣлъ испрашивавшаго у него благословенія крестьянина, средняго роста, коренастаго, сильно обросшаго бородой, самой обыкновенной наружности, чисто одѣтаго.

— Имя какъ?—спросилъ благочинный.

— Каинъ Перепелица,—отвѣчалъ крестьянинъ.

— Такого имени нѣтъ, — строго сказалъ благочинный, — ибо, извѣстно, Каинъ убилъ Авеля, своего брата, а были они дѣти Адамовы и былъ тотъ Каинъ великій грѣшникъ, Богомъ отверженный и потому ни единый православный христіанинъ

симъ именемъ нарекаемъ быть не можетъ. При крещеніи святомъ какъ названъ былъ?

— Якъ я можу знати; сюды ще хлопчикомъ прійшелъ, якъ Каиномъ назвалы, то такъ я и остався, — возразилъ крестьянинъ.

— Не къ добру это!—важно произнесъ благочинный.—Ты что-же, былъ у преосвященнаго?“

— Николы не былъ,—удивился крестьянинъ.

— Откуда же объ имени твоемъ преосвященный узнать могъ?—въ свою очередь недоумѣвалъ благочинный.

— Не иначе, какъ по великой праведности Господь Богъ ясновидѣніемъ сподобилъ,—догадался староста.

— Ишь чушь-то заплелъ,—возразилъ отецъ Меѳодій.—Попросту кто изъ пріятелей моихъ на пакость донесъ.

— Такъ-то вѣрнѣе, — согласился благочинный. — У святаго причастія бываешь?

— Що року въ великій постъ,—отвѣчалъ крестьянинъ.

— Ну, съ миромъ отправляйся, — сказалъ благочинный и впредь называйся Акакіемъ, чтобы соблазну другимъ не было.

Крестьяне ушли. Распорядился благочинный принести исповѣдные списки; приходъ большой, велъ эти списки дьячекъ; просмотрѣли, нашли, оказался Перепелица записаннымъ подъ именемъ „Каина“. Позвали дьячка; долго благочинный и священникъ его стыдили да усовѣщевали. Долго потомъ отецъ Меѳодій о чемъ-то упрашивалъ благочиннаго, долго они ужинали. И уже подъ утро, когда благочинный садился въ свою бричку, чтобы уѣзжать, онъ говорилъ:—Ничего, отецъ Меѳодій, съ Божьей помощью, какъ-нибудь уладимъ по сосѣдству.—Выяснилось, что въ нерадѣніи здѣсь и попустительствѣ уличить надлежитъ дьячка, который и есть всему вина и первопричина.

Спустя недѣлю послѣ благочиннаго село Тимошки посѣтилъ урядникъ. — Онъ остановился у сельской расправы и послалъ старосту за Перепелицей.

— Отвѣчай: ты—Каинъ Перепелица?—глядя въ глаза пришедшему и стоявшему передъ нимъ Перепелицѣ, строго и сурово спросилъ урядникъ.

— Я—отвѣчалъ, растерявшись, крестьянинъ.

— Ты убилъ своего брата?—неожиданно скороговоркой продолжалъ урядникъ и не сводя своего испытующаго взгляда съ Перепелицы, подошелъ къ нему совсѣмъ близко.

— Брата... николы не убивалъ,—забормоталъ ошеломленный крестьянинъ.

— Ага, ты еще не сознаешься, запираешься, — загремѣлъ урядникъ и бацъ Перепелицу въ самые зубы. Тотъ невольно отскочилъ въ противоположный уголъ.

— У меня и брата николы не було... — взмолился крестьянинъ.

— Ага, ты вотъ какъ, чортовъ сынъ!—не унимался урядникъ. — Брата не было... выдумалъ еще... высшему начальству все извѣстно... меня подводишь, пакость мнѣ дѣлаешь... безъ моего вѣдома брата убиваешь и у меня въ участкѣ живешь.— И урядникъ наступалъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе, а крестьянинъ попрежнему упорно отрицалъ взводимое на него преступленіе.

— Ты значитъ, вотъ какъ, — рѣшилъ урядникъ, — упрямствомъ меня хочешь взять. Хорошо. Посадить его въ холодную, пусть одумается.

И какъ ни клялся и ни божился Перепелица въ томъ, что онъ не только никогда не убивалъ брата, но брата у него никогда и не было, онъ былъ водворенъ въ мѣсто заключенія при расправѣ. Урядникъ, распорядившись такимъ образомъ и плотно закусивъ у одного изъ мѣстныхъ кулаковъ, благополучно отбылъ къ себѣ домой.

Въ Д—скую Консисторію.

„Во исполненіе порученія я отбылъ въ село Тимошки. Онаго Каина я лично видѣлъ; фамилія его, какъ опредѣлилось, Перепелица. Онъ спокойный, хорошій хозяинъ; въ селѣ Тимошкахъ проживаетъ съ 10-лѣтняго возраста, когда старикомъ Перепелицей былъ взятъ въ пріймы; послѣ чего женился на его дочери. Всѣ документы о бракахъ и книги сгорѣли при послѣднемъ пожарѣ священническаго дома, посему на основаніи сихъ документовъ ничего невозможно было выяснить. Разспросами же установлено, что имя онаго Перепелицы — Акакій, а вовсе не Каинъ, каковаго имени даже по ученію святой православной церкви вовсе не полагается. Каинъ же есть того Перепелицы отъ своихъ односельчанъ прозвище, какъ есть Перепелицъ много, то, чтобы легче отличался; и тому другой причины нѣтъ. Виноватъ же сему Тимошкинской церкви дьячокъ Никонъ Согановскій, ибо, ведя за многолюдствомъ прихода исповѣдныя росписи, онъ по неразумѣнію и глупости того Перепелицу записывалъ не подъ настоящимъ име-

немъ, а подъ прозвищемъ его „Каинъ“. Въ отношеніи коего дьячка и ожидаю распоряженія“. Подпись благочиннаго.

Г. Становому Приставу II-го стана. Донесеніе.

„По приказанію Вашего Благородія я произвелъ дознаніе въ селѣ Тимошкахъ по дѣлу объ убійствѣ Каиномъ Перепелицей своего брата. Насчетъ другихъ благонадежностей означенный Перепелица благополученъ; ни въ чемъ замѣченъ не былъ — хозяинъ зажиточный и спокойный, по опросу всѣхъ односельчанъ; насчетъ политической благонадежности — то въ подозрѣніи, самъ водки не пьетъ и другихъ отговаривалъ неоднократно, указывая, что отъ питія водки бываетъ одинъ вредъ, а не польза. Можно сказать, что онъ, Каинъ Перепелица, по отношенію къ водкѣ въ забастовкѣ состоитъ. — По симъ поводамъ, какъ поступить, ожидаю указаній Вашего Благородія. По дѣлу же о братоубійствѣ учиненъ былъ допросъ безъ пристрастія; но онъ ни въ чемъ не сознался и даже показалъ, что никогда не имѣлъ брата, что подтвердили и всѣ опрошенные мною люди — его сосѣди; почему и посаженъ мною въ холодную, дабы сознался, а чтобы это ему облегчить, посаженъ мною вмѣстѣ съ нимъ въ холодную извѣстный Вашему Благородію Гнатка Крутъ, мѣщанинъ и конокрадъ, который по части выпытываемости правды отъ преступниковъ очень ходокъ и для сей цѣли мною неоднократно употребляемъ былъ. Надѣюсь, что вышеназванный Гнатка Крутъ приведетъ онаго Перепелицу къ сознанію и тогда подозрѣнія высшаго начальства подтвердятся. Прошу Ваше Благородіе сообщить мнѣ на предметъ уличенія, въ какомъ именно мѣстѣ сіе убійство совершено было, а также онаго Каина Перепелицу держать ли въ сельской расправѣ или немедленно по сознаніи препроводить въ уѣздную тюрьму“. Подпись урядника.

Г. Исправнику.

Согласно приказанію вашему въ село Тимошки былъ мною отправленъ на дознаніе урядникъ III-го участка, который въ обнаруженіи всякихъ преступленій весьма опытенъ. Изъ донесенія его, при семъ прилагаемаго, а равно и засимъ послѣдовавшаго устнаго доклада оказалось: что означенный Каинъ Перепелица, происхожденія малорусскаго, зажиточный и спокойный хозяинъ, во всѣхъ благонадежностяхъ благополученъ, кромѣ политической, т.-к. водки не пьетъ и другихъ отъ ея употребленія, въ убытокъ казнѣ, со злымъ умысломъ, отговариваетъ. Засимъ по дѣлу о братоубійствѣ—упорно отпирается, почему и заключенъ въ сельскую расправу для образумленія, хотя всѣ односельчане тоже показали единогласно, что у Каина Перепелицы никогда брата

не было. Почему покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе для облегченія дознанія сообщить мнѣ, гдѣ именно означенное преступленіе совершено было, а также указать, долженъ ли быть означенный Каинъ Перепелица препровожденъ въ уѣздную тюрьму". Подпись станового пристава.

Когда черезъ три дня исправникъ получилъ донесеніе станового, онъ прочелъ его нѣсколько разъ и ничего не понялъ. Были позваны помощникъ исправника и секретарь; донесеніе было прочитано вслухъ и послѣ нѣкотораго напряженія секретарь вспомнилъ, что по этому дѣлу была получена бумага отъ губернатора. Нашли предписаніе губернатора, копію предписанія становому — прочли, перечли еще разъ донесеніе станового и долго, очень долго хохотали надъ догадливостью пристава, расторопностью урядника, глупостью ихъ обоихъ; но въ концѣ концовъ рѣшили, что и догадливость, и расторопность — качества, а не недостатки. Становому было предписано немедленно, не дѣлая шуму и чтобы кругомъ не болтали зря, выпустить Перепелицу на свободу. — Послѣ этого всѣ втроемъ принялись за составленіе отвѣта губернатору.

„Во исполненіе преписанія Вашего Превосходительства мною черезъ полицію въ селѣ Тимошкахъ Вольномысленной волости было произведено дознаніе. Онымъ дознаніемъ выяснено: въ селѣ Тимошкахъ дѣйствительно проживаетъ крестьянинъ Каинъ Перепелица, а на счетъ Адама и Авеля ничего неизвѣстно. Принимая-же во вниманіе, что православнаго святого такого — нѣтъ, возможно допустить, что говоря объ Адамѣ и Авелѣ, Ваше Превосходительство изволили подразумѣвать оныхъ лицъ въ священномъ писаніи упомянутыхъ; въ такомъ случаѣ считаю долгомъ донести, что означенный Каинъ Перепелица — происхожденія малорусскаго и не жидъ, почему въ родствѣ съ ними, болѣе близкомъ, чѣмъ остальные люди, заподозрѣнъ быть не можетъ. Дознаніемъ-же установлено, что означенный Каинъ Перепелица — хозяинъ зажиточный и спокойный, политически благонадеженъ и если въ чемъ и можетъ быть обвиняемъ, то въ неупотребленіи водки, какъ имъ непосредственно, такъ и въ убѣжденіи къ этому своихъ односельчанъ; изъ чего слѣдуетъ, что означенный Каинъ Перепелица можетъ быть заподозрѣнъ въ религіозной неблагонадежности, ибо извѣстно, что водки не пріемлютъ штундисты. По каковому поводу мною сдѣланъ запросъ мѣстному священнику и по полученію отъ него отвѣта, таковой будетъ немедленно сообщенъ Вашему Превосходительству". Подпись исправника.

Священнику села Тимошки.

„Ваше Высокопреподобіе. Во исполненіе предписанія г-на Начальника Губерніи не откажите съ ближайшею почтою сообщить: крестьянинъ села Тимошекъ, Каинъ Перепелица, не отпалъ ли въ штунду, такъ какъ дознаніемъ выяснено, что самъ онъ водки не пьетъ и отъ употребленія ея другихъ отговариваетъ, тогда какъ извѣстно, что отличительною чертою исповѣдующихъ штунду является невоспріятіе внутрь себя водки“. Подпись исправника.

Архіерею отъ Управляющаго отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка.

„Честь имѣю принести мои искреннѣйшія извиненія насчетъ сдѣланнаго въ моемъ отношеніи отъ 15 мая с. г. пропуска. Въ семъ виноватымъ оказался переписчикъ, такъ какъ въ оригиналѣ фамилія Каина упоминается. Виновный понесъ должное возмездіе. Фамилію-же Каина спѣшу сообщить Вашему Высокопреосвященству: по семейнымъ спискамъ онъ значится подъ фамиліей Перепелица, № посемейнаго списка 81. Прошу меня не оставить безъ соотвѣтствующихъ указаній“.

Управляющему отдѣленіемъ Банка отъ Архіерея.

„Настоящимъ считаю долгомъ поставить Ваше Превосходительство въ извѣстность о нижеслѣдующемъ. По моему приказанію въ селѣ Тимошкахъ отцомъ благочиннымъ II округа произведено слѣдствіе, коимъ съ достовѣрностью выяснено, что никакого крестьянина, именующаго себя „Каиномъ“ въ селѣ Тимошкахъ не проживаетъ, а есть Акакій Перепелица. Мы, православные христіане, весьма чтимъ тѣхъ угодниковъ и святителей, въ честь коихъ при святомъ крещеніи сподоблены были именоваться, а посему предположеніе Вашего Превосходительства, высказанное въ письмѣ отъ 15 мая, для насъ, православныхъ христіанъ, считаю весьма обиднымъ. А что касается того, что нѣкіе изъ односельчанъ означеннаго Акакія Перепелицы называютъ его въ шутку „Каиномъ“, то до сего ни мнѣ, ни святой православной церкви никакого дѣла быть не можетъ“.

Получивъ отвѣтъ исправника, губернаторъ лично поѣхалъ къ архіерею.

— Мои-то напутали, владыко,—пробасилъ губернаторъ, подойдя подъ благословленіе,—такого написали, что и самъ чортъ ногу сломитъ.

— Это по какому дѣлу?—недоумѣвалъ архіерей.

— А по дѣлу Каина Перепелицы — отвѣчалъ губернаторъ.

— Нѣтъ, такого никогда не было и не могло быть,—рѣши-

тельно произнесъ архіерей. — Это все нѣмецъ напуталъ. Намъ съ вами, православнымъ христіанамъ, вѣдомо, какъ мы чтимъ тѣхъ угодниковъ и святителей, въ честь коихъ при святомъ крещеніи сподоблены были именоваться, а нѣмецъ сего не разумѣетъ и потому вообразилъ, что могъ быть христіанинъ, который имя Каина себѣ присвоилъ.

— Однако, какъ-же такъ, вы говорили, владыко,—замѣтилъ губернаторъ.

— Онымъ нѣмцемъ былъ введенъ въ заблужденіе,—продолжалъ архіерей,—а въ селѣ Тимошкахъ проживаетъ крестьянинъ Акакій Перепелица; его же односельчане иногда въ шутку называютъ Каиномъ.

— Но онъ, по дознанію, произведенному полиціей, оказался штундистомъ,—заявилъ губернаторъ.

— Это потому произошло, что полиція не въ свое дѣло вмѣшалась; Акакій Перепелица — примѣрный христіанинъ, — возразилъ архіерей.

— Но вы же сами просили, владыко,—волнуясь, замѣтилъ губернаторъ.

— Ибо введенъ былъ въ заблужденіе; а вообще не надлежитъ полиціи въ дѣла церкви вмѣшиваться, изъ сего ничего добраго не выходитъ,—подтвердилъ архіерей.

— Вотъ вы какъ, владыко, буду знать, — сурово сказалъ губернаторъ; принялъ благословеніе и откланялся очень взволнованный и недовольный.

Г-ну Исправнику Страститерпинскаго уѣзда.

„Считаю долгомъ сообщить, что между прихожанами моими никакого Каина Перепелицы не находится, а есть Акакій Перепелица, который со стороны урядника подвергся неправильному задержанію и избіенію. Означенный Акакій Перепелица есть усердный христіанинъ, ежегодно исповѣдающійся и принимающій св. тайны; штундистовъ у себя въ приходѣ не имѣю и вовсе имѣть не могу, ибо паства моя мое объ себѣ пастырское попеченіе пріемлетъ. Священникъ Меѳодій Преображенскій“.

Телеграмма.—Г-ну Начальнику губерніи.

„Счастливъ донести о полномъ благополучіи ввѣреннаго мнѣ уѣзда. По лично произведенному дознанію оказалось: въ селѣ Тимошкахъ никакого Каина Перепелицы нѣтъ, а есть Акакій Перепелица, усердный христіанинъ. Урядникъ за превышеніе власти посаженъ мною подъ арестъ“. Подпись исправника.

Вышеприведенная телеграмма попала къ губернатору въ мо-

ментъ возвращенія его отъ архіерея. Немедленно былъ позванъ правитель канцеляріи.

— Пишите,—сказалъ грозно губернаторъ и началъ ходить по кабинету.

Правитель канцеляріи сѣлъ къ столу, взялъ перо въ руки и приготовился писать.

— „Г-ну исправнику Страститерпинскаго уѣзда,—диктовалъ губернаторъ.—Вамъ и подчиненнымъ вамъ чинамъ полиціи, производившимъ дознаніе по дѣлу Каина Перепелицы, объявляю строгій выговоръ. Въ этомъ дознаніи вами проявлены излишнія поспѣшность, философствованіе и безтактность, каковыя не должны были бы вами быть допускаемы. Въ будущемъ запрещаю вамъ безусловно вмѣшиваться въ дѣла православной церкви иначе, какъ по особому каждый разъ моему на то разрѣшенію“.

— Хорошо!—протянулъ губернаторъ и остановился.

— По заслугамъ, — поддакнулъ правитель и привсталъ со стула, на которомъ сидѣлъ.

— Хотѣлось бы ихъ по карману нажать въ наказаніе, не любятъ они этого,—вздохнулъ губернаторъ.

— Осмѣлюсь доложить, — сказалъ правитель, — я отъ себя вышлю имъ подписные листы въ пользу дѣтскихъ пріютовъ, съ частнымъ указаніемъ на то, что ваше превосходительство изволите быть увѣрены, что листъ исправника будетъ покрытъ не менѣе, какъ въ пятистахъ рубляхъ, а станового пристава—въ двухстахъ.

— Валяйте, да понастойчивѣе,—согласился губернаторъ.— А теперь пишите этому управляющему мѣстнымъ-то отдѣленіемъ банка; имя и отчество найдите,—продолжалъ онъ.—„Милостивый государь такой-то. Вашимъ обращеніемъ непосредственно къ преосвященному я былъ поставленъ въ крайне неудобное положеніе, ибо, какъ человѣку, состоящему на государственной службѣ, вамъ должно быть извѣстно, что по закону я, какъ хозяинъ губерніи, обо всемъ въ ней происходящемъ долженъ быть своевременно освѣдомленъ,—диктовалъ губернаторъ.—Между тѣмъ о дѣлѣ Каина Перепелицы мнѣ сообщили изъ третьихъ рукъ, чѣмъ означенное дѣло было чрезвычайно осложнено. Во избѣжаніе повторенія подобныхъ явленій прошу ваше превосходительство въ будущемъ по всѣмъ дѣламъ, выходящимъ изъ предѣловъ компетенціи вашего учрежденія, предварительно обращаться ко мнѣ“.

Отвѣтъ управляющаго.

„Ваше Превосходительство. Получивъ ваше письмо отъ 23 іюня сего года, я просмотрѣлъ весь Уставъ Крестьянскаго Банка, въ

коемъ не нашелъ указаній соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя вамъ угодно было преподать мнѣ въ означенномъ письмѣ, почему и счелъ себя обязаннымъ за разъясненіемъ сего вопроса обратиться къ г-ну товарищу министра, управляющему Крестьянскимъ Банкомъ".

Благочинному II Округа Страститерпенскаго уѣзда.

„Ваше Высокопреподобіе. — Настоящимъ, по распоряженію Его Преосвященства, передаю вамъ выраженіе удовольствія Его Преосвященства за быстро произведенное вами слѣдствіе объ Акакіи Перепелицѣ, для нашего соблазна умышленно переименованнаго въ Каина. Оное имя не должно болѣе нигдѣ встрѣчаться, а въ исповѣдныхъ спискахъ поручить, въ назиданіе Никону Согановскому, оное имя преобразить въ его надлежащій видъ, т.-е. въ Акакія. Сіе дѣло, бывъ благопріятно окончено, никто никакому возмездію не подвергается; на будущее предписывается, дабы не было большаго соблазна, объ ономъ Каинѣ забыть и всѣмъ и каждому вопрошающему твердо отвѣчать: былъ и есть Акакій Перепелица, ибо Каинъ имя есть нехристіанское, православною церковью не установленное".

Въ кабинетѣ управляющаго отдѣленіемъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка стоятъ четверо крестьянъ, уполномоченные 8-го Тимошкинскаго Товарищества; въ числѣ ихъ и Акакій Перепелица.

— Что же намъ теперь дѣлать, Ваше Превосходительство?— говоритъ высокій, крѣпко сбитый крестьянинъ, отставной солдатъ.—Какъ вы значитъ намъ ссуду ко времени не дали, то помѣщикъ теперь говоритъ: срокъ пропустили, купчей и не дѣлать, а задатокъ чтобы ему оставался.

— При чемъ же я тутъ?—отвѣчаетъ управляющій.—Дѣйствительно, по закону такъ, если въ срокъ не сдѣлали купчей, то покупщики не устояли и продавецъ имѣетъ право оставить задатокъ въ свою пользу.

— Не мы-жъ тому вынны,—замѣчаетъ другой крестьянинъ, постарше.—Це вы не далы намъ ссуды.

— Неправильно, что такъ вышло,—говоритъ отставной солдатъ.—Все было готово, а тутъ при концѣ скрутили. Не наша вина, что въ волости или оцѣнщикъ членъ при провѣркѣ ошибку допустилъ.

— Вы вообще должны быть благодарны, что Крестьянскій

Банкъ даетъ ссуды, а не лѣзть ко мнѣ со своими замѣчаніями и претензіями,—сурово обрываетъ управляющій и строго смотритъ на крестьянъ.

— Це-жъ просто нещастя! — вырывается у Перепелицы.— За що вы насъ заставляете платыти наново ще симъ зъ половыною тысячъ?

— Что онъ сказалъ?—грозно спрашиваетъ управляющій.

— Онъ сказалъ,—отвѣчаетъ отставной солдатъ,—что помѣщикъ согласился дать намъ купчую, а только потребовалъ еще семь съ половиною тысячъ, по пятнадцати рублей отъ десятины больше, такъ что, говоритъ, ему много убытковъ отъ вашей задержки произошло.

— Такъ и платите, если хотите покупать землю. Мнѣ какое дѣло? Вамъ же платить, не мнѣ,—раздраженно возражаетъ управляющій.

— Какъ вся ошибка оттого вышла, что имя перепутали,— вразумительно продолжаетъ отставной солдатъ,—всему значитъ причина волость и членъ; пусть съ нихъ и взыскивается.

— Что?—кричитъ управляющій.—Еще указанія мнѣ дѣлать! Совсѣмъ ссуды не выдамъ, безъ земли останетесь.

Крестьяне топчутся на мѣстѣ и переминаются съ ноги на ногу; наконецъ, отставной солдатъ выступаетъ чуть впередъ и просительно говоритъ.

— Отъ что, ваше превосходительство, вы ссуду намъ прикажите выдать, а мы эти семь съ половиной тысячъ промежъ себя соберемъ, да заплатимъ; а то иначе совсѣмъ безъ земли останемся.

— Намъ безъ цеи земли ниякъ не можна прожыты,—хоромъ подтверждаютъ остальные.

— Такъ-то лучше!—успокаивается управляющій.—На пятьсотъ-то десятинъ это деньги не большія—живо отработаете, да земля вамъ ихъ назадъ вернетъ хлѣбушкомъ всякимъ.

— Далъ бы Богъ, чтобъ урожай только былъ!—вздыхаетъ отставной солдатъ.

— А впередъ, братцы, наука вамъ, — уже весело продолжаетъ управляющій. — Православные вы христіане, а не язычники. Сами знать должны, что нѣтъ такого имени Каинъ, нѣтъ такого святого, нѣтъ и быть не могло, потому что Каинъ, сынъ Адама, братъ Авеля — великій грѣшникъ былъ и братоубійца. Понимаете?

— Добре разуміемъ,—вздыхаютъ крестьяне.

— Ну вотъ и прекрасно, — улыбается управляющій. — Хорошо, что я замѣтилъ, иначе бы что̀ выйти могло? Дали бы купчую на несуществующее имя. Ну, а теперь идите съ Богомъ и приступайте къ совершенію купчей!

— Счастливо оставаться, — кланяются крестьяне.

З—о.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ
И
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

I.

Однимъ изъ интересныхъ моментовъ предстоящей сессіи Государственной Думы будетъ обсужденіе законопроектовъ о страхованіи рабочихъ отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Правда, общія пренія по этому предмету уже закончены, и суммарная оцѣнка законопроектовъ была уже дана въ рѣчахъ представителей различныхъ думскихъ партій; тѣмъ не менѣе постатейное ихъ обсужденіе обѣщаетъ быть весьма живымъ и любопытнымъ. Во время преній по поводу главныхъ деталей законопроектовъ, должно еще болѣе рѣзко и опредѣленно выясниться отношеніе думскихъ партій къ даннымъ вопросамъ; въ области постатейныхъ поправокъ, должно окончательно опредѣлиться то значеніе, которое будутъ имѣть для рабочихъ новые законы; наконецъ, третья Дума должна будетъ высказать свое общее отношеніе къ рабочему вопросу, который впервые въ столь широкомъ масштабѣ ставится передъ нашими законодательными учрежденіями.

Прежде, чѣмъ дойти до Таврическаго дворца, страховые законопроекты имѣли длинную и весьма характерную исторію; какъ солнце въ каплѣ воды, отразилась въ ней эволюція взглядовъ на рабочій вопросъ, совершившаяся за послѣднія шесть-семь лѣтъ нашей общественной жизни. Задуманные въ моментъ первыхъ грозныхъ признаковъ рабочаго движенія 1905-го года, выработанные въ періодъ

1906—7 гг., законопроекты получили окончательную отдѣлку въ то время, когда рабочее движеніе и рабочія организаціи были сведены на нѣтъ, а организаціи предпринимателей расцвѣли, какъ никогда раньше. Неудивительно, поэтому, что думская оппозиція не одинъ разъ отмѣчала въ своихъ рѣчахъ преимущества первыхъ правительственныхъ редакцій надъ положеніями, выработанными думской коммиссіей.

Дѣйствительно, если мы обратимся, напримѣръ, къ протоколамъ особаго совѣщанія, происходившаго, совмѣстно съ представителями торговли и промышленности, въ декабрѣ 1906-го года, подъ предсѣдательствомъ министра торговли и промышленности, Философова, насъ поразитъ прежде всего тотъ широкій масштабъ, съ которымъ правительство подходило тогда къ соціальному законодательству. Въ программѣ совѣщанія значились такіе вопросы: страхованіе отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, инвалидности, договоръ найма, рабочій день, промысловые суды, фабричная инспекція, жилищный вопросъ. Это былъ болѣе или менѣе законченный планъ рабочаго законодательства, съ которымъ правительство выступало передъ приглашенными въ совѣщаніе промышленниками, призывая ихъ къ уступкамъ во имя успокоенія рабочаго движенія. Однако, эта программа, намѣченная еще въ началѣ 1906-го года [1]), въ моментъ наивысшаго напряженія рабочаго движенія, встрѣтила довольно рѣзкую оппозицію. „Какъ люди, стоящіе ближе всего къ рабочему населенію,—заявлялъ отъ имени промышленниковъ С. П. Глезмеръ,—мы приходимъ къ заключенію, что это (необходимость широкой программы рабочаго законодательства) не есть послѣдствіе дѣйствительной нужды, того самосознанія, о которомъ мы такъ часто слышимъ и которое якобы проявилось среди нашихъ рабочихъ, а это есть только послѣдствіе посторонней агитаціи, которая несравненно болѣе имѣетъ политическую цѣль, чѣмъ экономическое рѣшеніе вопроса“. Сначала успокоеніе, а потомъ реформы,—вотъ къ чему сводились аргументы представителей капитала.

При первыхъ признакахъ „успокоенія“ программа соціальныхъ реформъ начала очень быстро суживаться въ своемъ объемѣ. Уже на упомянутомъ совѣщаніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Д. А. Философова, остался безъ обсужденія цѣлый рядъ вопросовъ изъ намѣченной за восемь мѣсяцевъ передъ тѣмъ программы. Слѣдующее междувѣдомственное совѣщаніе, состоявшееся въ февралѣ-мартѣ 1907-го года, еще болѣе ограничило прежніе планы, а

---

[1]) На междувѣдомственномъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ М. М. Ѳедорова.

черезъ полтора года (іюнь 1908-го года) въ Государственную Думу поступило всего только два законопроекта—государственнаго страхованія отъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ, дополненные двумя проектами чисто организаціоннаго свойства: о совѣтѣ и присутствіяхъ по дѣламъ страхованія рабочихъ. Но „успокоеніе", достигнутое къ этому времени, было настолько полно и прочно, что съ обсужденіемъ законопроектовъ можно было не торопиться: почти три года прошло, прежде чѣмъ Дума приступила къ ихъ разсмотрѣнію, затянувъ его настолько, что врядъ ли этимъ проектамъ удастся до слѣдующихъ выборовъ пройти всѣ законодательныя инстанціи и войти въ кодексъ дѣйствующаго фабричнаго законодательства.

Государственное страхованіе рабочихъ является одною изъ крупнѣйшихъ проблемъ современнаго соціальнаго законодательства. Естественно, поэтому, было бы ожидать, что, готовясь къ осуществленію столь серьезнаго шага, правительство сочтетъ нужнымъ изложить свои общія, принципіальныя соображенія по этому предмету. По тѣмъ или инымъ мотивамъ этого сдѣлано не было: объяснительная записка касается лишь данныхъ конкретныхъ законопроектовъ. Этотъ пробѣлъ постарались восполнить думская рабочая коммиссія и ея докладчикъ, баронъ Тизенгаузенъ. Объяснительная записка коммиссіи, равно какъ и рѣчь барона Тизенгаузена, развиваютъ передъ нами общіе взгляды на соціальную реформу и обосновываютъ тѣ принципы, которыми руководствуются составители проектовъ въ дѣлѣ осуществленія государственнаго страхованія. Ничего новаго и оригинальнаго эта программа въ себѣ не заключаетъ. Если она и интересна въ какомъ-либо отношеніи, то только для характеристики той растерянности, тѣхъ противорѣчій и той скудости взглядовъ, съ которыми представители большинства третьей Думы приступаютъ къ рѣшенію серьезныхъ проблемъ рабочаго законодательства.

„Я лично считаю верхомъ цинизма и политической близорукости,—говорилъ въ Думѣ баронъ Тизенгаузенъ—ставить рѣшеніе вопроса по страхованію рабочихъ въ зависимость отъ эгоистическихъ и узкихъ интересовъ класса" [1]). А полтора года передъ тѣмъ, на четвертомъ съѣздѣ представителей промышленности и торговли, — организаціи, не скрывающей своего классоваго характера,—тотъ же баронъ Тизенгаузенъ по вопросу о врачебной помощи рабочимъ говорилъ нижеслѣдующее: „Но спрашивается, посильно ли это будетъ для промышленности и можно ли, говоря по существу, задачу государственную, и притомъ первостепенной важности, возложить только на плечи про-

---

[1]) Стенограф. отчетъ Государствен. Думы.—Пренія по поводу законопроектовъ происходили 19-го, 22-го и 25-го апрѣля и 2-го мая 1911 г.

мышленности. Рабочая коммиссія хотѣла бы получить на этотъ счетъ отъ представителей промышленности ясныя указанія и разъясненія" [1]). И думская рабочая коммиссія не только просила объ указаніяхъ промышленниковъ, но и довольно точно руководствовалась ими [2]), игнорируя въ то же время всѣ пожеланія, исходившія отъ рабочихъ.

Ближайшимъ результатомъ подобной дѣятельности явилось то, что законопроектъ, выработанный коммиссіей, въ противоположность заявленіямъ ея представителя, построенъ всецѣло на принципѣ узко классовыхъ интересовъ промышленниковъ. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться, познакомившись съ содержаніемъ проекта.

II.

Внесенные правительствомъ законопроекты касаются страхованія отъ болѣзни и отъ несчастныхъ случаевъ. Наибольшій интересъ представляетъ первый законопроектъ, такъ какъ второй является лишь какъ бы дополненіемъ дѣйствующаго закона 1903-го года: онъ устанавливаетъ коллективную отвѣтственность объединенныхъ въ товарищества предпринимателей, взамѣнъ индивидуальной отвѣтственности, возникающей въ настоящее время по отношенію къ пострадавшему отъ несчастнаго случая рабочему. Между тѣмъ, страхованіе отъ болѣзней предполагаетъ созданіе совершенно новой организаціи — страховыхъ кассъ, средства которыхъ принудительно собираются съ рабочихъ и съ предпринимателей въ опредѣленной пропорціи. Кассы должны будутъ выдавать пособія больнымъ, роженицамъ и на похороны, а также оказывать рабочимъ врачебную помощь. Не имѣя возможности разсматривать проекты во всѣхъ деталяхъ, мы остановимся на основныхъ пунктахъ будущаго закона: на вопросѣ о кругѣ страхуемыхъ, на организаціяхъ, осуществляющихъ страхованіе, на вопросѣ о врачебной помощи, а также отмѣтимъ тѣ новые моменты, которые законопроектомъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ устанавливаются по отношенію къ обезпеченію увѣчныхъ рабочихъ.

Кругъ лицъ, подлежащихъ страхованію, обоими законопроектами, чрезвычайно ограниченъ: это только рабочіе и служащіе фабрикъ и заводовъ, на которыхъ число занятыхъ рабочихъ болѣе 20, при примѣненіи механическихъ двигателей, и болѣе 30, при отсутствіи таковыхъ. Внѣ сферы примѣненія закона остаются болѣе мелкіе фабрики

---

[1]) Труды четвертаго очередного съѣзда представителей промышленности и торговли. (Спб., 1910, стр. 22).

[2]) Многія поправки коммиссіи буквально воспроизводятъ текстъ проекта, выработаннаго совѣтомъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли.

и заводы, а также приказчики, ремесленники, строительные и сельско-хозяйственные рабочіе, извозчики, транспортные рабочіе, домашняя прислуга и рабочіе рыбныхъ промысловъ. Законъ охватитъ, такимъ образомъ, лишь около двухъ съ половиной милліоновъ рабочихъ. „Наше правительство,—аргументировалъ передъ Думой министръ торговли и промышленности необходимость этого ограниченія,—рѣшило по возможности упростить дѣло, дать основной законъ, а засимъ, по примѣру Германіи, дѣйствовать новеллами, дополнять законъ новыми видами страхованія, новыми профессіями; это, по нашему убѣжденію, есть самый вѣрный путь къ скорѣйшему достиженію цѣли".

Четыре года тому назадъ, когда „успокоеніе" еще не наступило, министерство нѣсколько иначе смотрѣло на этотъ вопросъ: первоначальный проектъ, похороненный въ междувѣдомственныхъ и особыхъ совѣщаніяхъ и не дошедшій до Государственной Думы, включалъ въ кругъ обязательнаго страхованія всѣ заведенія съ механическимъ двигателемъ, а безъ двигателя—съ числомъ свыше десяти рабочихъ [1]), распространяясь при этомъ факультативно на ремесленныя и торговыя заведенія, на строительныхъ, ремонтныхъ, транспортныхъ рабочихъ, на лицъ, занятыхъ извозомъ, убоемъ скота, даже на домашнюю прислугу. Промышленники сначала не только не протестовали противъ этого, но настаивали даже на распространеніи обязательнаго страхованія на всѣ виды наемнаго труда, быть можетъ надѣясь путемъ расширенія рамокъ закона сдѣлать его неосуществимымъ. Вскорѣ, однако, они перемѣнили тактику: на февральскомъ междувѣдомственномъ совѣщаніи 1907 г. они, устами В. И. Тимирязева, уже настаивали на повышеніи нормы до 10 рабочихъ въ предпріятіяхъ съ двигателями и до 20 безъ двигателей; черезъ годъ указанныя нормы были еще повышены и правительственный проектъ, получившій одобреніе думской коммиссіи, остановился на приведенныхъ выше нормахъ: двадцать съ двигателями и тридцать безъ двигателей.

Если раньше, въ закрытыхъ междувѣдомственныхъ совѣщаніяхъ, настаивая на ограниченіи сферы страхуемыхъ, промышленники мотивировали это неудобствомъ включенія въ страховыя товарищества мелкихъ предпринимателей и ремесленниковъ, т.-е. желаніемъ создать въ видѣ товариществъ сплоченную организацію крупнаго и средняго капитала, то теперь, въ стѣнахъ Думы, фигурировали аргументы иного порядка. И объяснительная записка думской коммиссіи, и докладчикъ ея, и министръ торговли и промышленности ссылались на затрудненія

[1]) Эти нормы были взяты изъ прежняго германскаго закона. Въ текущемъ году обязательное страхованіе распространено въ Германіи на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, прислугу, поденщиковъ, странствующихъ ремесленниковъ и рабочихъ, работающихъ на дому.

чисто техническаго характера. Включеніе въ кругъ страхованія только крупныхъ сравнительно предпріятій должно, по ихъ словамъ, значительно упростить всю страховую организацію; въ видѣ иллюстраціи приводились данныя фабричной инспекціи, согласно которымъ заведенія съ числомъ рабочихъ менѣе 20 составляютъ 37% всѣхъ предпріятій, въ то время, какъ число занятыхъ въ нихъ рабочихъ равно 3,7% общаго числа. Врядъ-ли, однако, доказательны эти цифры [1]) и убѣдительны эти аргументы. Техническія затрудненія неизбѣжны разъ дѣло идетъ о проведеніи сложнаго закона; выключать, изъ сферы страхованія, во имя удобства, милліоны рабочихъ, значитъ изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса. Правда, при болѣе широкомъ разрѣшеніи вопроса пришлось бы отказаться отъ того типа организаціи больничныхъ кассъ, который предполагается въ законопроектѣ и который, какъ мы увидимъ ниже, широко обезпечиваетъ власть предпринимателя въ страховыхъ организаціяхъ. Но чѣмъ значительнѣе вѣсъ подобныхъ скрытыхъ, невысказываемыхъ аргументовъ, тѣмъ меньше шансовъ, что будутъ услышаны голоса оппозиціи, настаивавшей, въ лицѣ соціалъ-демократовъ, на распространеніи страхованія на всѣ виды наемнаго труда, а въ лицѣ кадетовъ—на всѣ виды труда вообще.

Если рабочая коммиссія рѣшительно отказалась раздвинуть рамки правительственнаго законопроекта по отношенію къ новымъ категоріямъ рабочихъ, то по отношенію къ служащимъ, получающимъ сравнительно высокое содержаніе, она оказалась значительно болѣе щедрой. Правительственный законопроектъ ограничивалъ обязательное страхованіе рабочими, получающими не свыше 1.500 руб. въ годъ, установляя факультативное страхованіе для болѣе высоко оплачиваемыхъ категорій; согласно поправкѣ рабочей коммиссіи обязательное страхованіе распространяется на всѣхъ служащихъ и рабочихъ, независимо отъ получаемаго ими содержанія. Такимъ образомъ въ кругъ страхуемыхъ войдутъ директора, старшіе служащіе, завѣдующіе отдѣленіями инженеры—словомъ, весь административный персоналъ фабрики. Всѣ эти лица получатъ право голоса въ больничныхъ кассахъ въ качествѣ рабочихъ и при распредѣленіи числа голосовъ, предоставляемыхъ владѣльцу и рабочимъ, будутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ сводить на нѣтъ тотъ перевѣсъ голосовъ, который проектъ предоставляетъ въ больничныхъ кассахъ страхуемымъ, по сравненію съ владѣльцами. Рѣшеніе вопроса о сферѣ примѣненія страховыхъ законопроектовъ будетъ имѣть значеніе не только по

---

[1]) Не надо забывать, что цифры фабричной инспекціи касаются лишь части рабочихъ.

отношенію къ будущему государственному страхованію: нормы, установленныя новымъ закономъ, получатъ, по всей вѣроятности, распространительное толкованіе и явятся признакомъ отличія фабрики отъ ремесленнаго заведенія, т.-е. предпріятій, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи и рабочему законодательству, отъ неподчиненныхъ имъ. До сихъ поръ яснаго различенія въ данномъ отношеніи не существовало, и спорные вопросы рѣшались главнымъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіемъ [1]). Сколь ни неопредѣленна была эта граница, но фактически она проходила значительно выгоднѣе для рабочихъ, чѣмъ будетъ проходить въ случаѣ распространительнаго толкованія страховыхъ законопроектовъ. Рабочіе мелкихъ предпріятій—напримѣръ типографій,—рискуютъ, при дѣйствіи новыхъ законовъ, быть отнесенными къ ремесленнымъ заведеніямъ и, слѣдовательно, лишиться того немногаго, что даетъ имъ наше дѣйствующее фабричное законодательство.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, возникающихъ при проведеніи государственнаго страхованія, является вопросъ объ устройствѣ тѣхъ организацій, которыя призваны осуществлять задачу страхованія. Благодаря раціонально поставленнымъ учрежденіямъ можетъ быть упрощена вся практика страхованія и уменьшены организаціонные расходы; путемъ того или иного метода организаціи все дѣло можетъ быть передано въ руки рабочихъ самоуправляющихся кассъ—или, наоборотъ, подчинено предпринимателямъ. Словомъ, типъ организаціи въ значительной степени опредѣляетъ тѣ конкретныя формы, въ которыя выливается государственное страхованіе рабочихъ на практикѣ. Разсматриваемые законопроекты весьма далеки отъ того, чтобы предоставлять сколько-нибудь широкія права самоуправленія самимъ застрахованнымъ. Наоборотъ, въ видахъ ограниченія правъ рабочихъ и усиленія власти предпринимателей и администраціи, наши законодатели, готовы поступиться тѣми условіями цѣлесообразности, простоты и дешевизны управленія, которыя выработаны западно-европейской практикой.

Основнымъ типомъ организаціи страхованія отъ болѣзней проектируется у насъ фабричная касса; подобныя кассы учреждаются при всѣхъ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ не менѣе двухсотъ. Имъ предоставляется право сливаться другъ съ другомъ, но при условіи согласія на это владѣльцевъ данныхъ предпріятій. Болѣе мелкіе фа-

---

[1]) О тѣхъ противорѣчіяхъ, къ которымъ приводила эта неопредѣленность, можно судить, напр., по тому, что къ фабрикамъ была причислена мукомольная мельница съ локомобилемъ и 6 рабочими, а къ ремесленнымъ мастерскимъ — хлѣбопекарня съ 350 рабочими, или кирпичный заводъ съ 40—50 рабочими. Ср. Эліяссонъ, „Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими“ (Спб., 1908, стр. 7—8).

брики и заводы (менѣе 200) объединяются между собою съ цѣлью учрежденія одной общей кассы. „Въ виду неорганизованности нашихъ рабочихъ и зависимости ихъ отъ нанимателей,—писалъ когда-то одинъ изъ отцовъ нашихъ страховыхъ законопроектовъ, г. Литвиновъ-Фалинскій,—законъ долженъ поощрять устройство кассъ, общихъ для нѣсколькихъ заводовъ. При этомъ условіи представители рабочихъ въ правленіи кассъ чувствовали бы себя болѣе независимо отъ нанимателей, чѣмъ въ кассахъ, учрежденныхъ при отдѣльныхъ заведеніяхъ" [1]). Иного мнѣнія по этому предмету были предприниматели: на междувѣдомственныхъ совѣщаніяхъ они настаивали на предоставленіи владѣльцу права налагать veto на рѣшенія кассы (Г. А. Крестовниковъ) и были готовы даже повысить взносы, лишь бы имъ было дано одинаковое съ рабочими число голосовъ въ фабричныхъ кассахъ (М. И. Люксембургъ). Правительство пошло на встрѣчу этимъ пожеланіямъ: предполагавшійся ранѣе типъ мѣстныхъ кассъ (общихъ для ряда заведеній) былъ упраздненъ, и во главу страховой организаціи была поставлена фабричная касса, учреждаемая во всѣхъ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ не менѣе 400. Рабочая коммиссія сдѣлала еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи и предположила учрежденіе отдѣльныхъ фабричныхъ кассъ во всѣхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ не менѣе 200 рабочихъ [2]).

Итакъ, съ цѣлью усиленія власти предпринимателей въ больничныхъ кассахъ, большинство рабочей коммиссіи не остановилось передъ тѣмъ, чтобы съ одной стороны создать рядъ мелкихъ фабричныхъ кассъ, которыя рискуютъ не выдержать возложенныхъ на нихъ страховыхъ обязательствъ, а съ другой—совершенно отказаться отъ типа мѣстныхъ кассъ, этой наиболѣе раціональной формы страховой организаціи [3]). При этомъ было сдѣлано все возможное, чтобы закрѣпить власть предпринимателя по отношенію къ кассѣ вплоть до мелочныхъ деталей. Уставъ кассы составляется владѣльцемъ предпріятія, который долженъ выслушать по этому поводу представителей своихъ рабочихъ, но не обязанъ подчиняться ихъ пожеланіямъ. Измѣненія устава допускаются тоже лишь съ согласія владѣльца. Предсѣдателемъ общаго собранія является хозяинъ предпріятія или лицо, имъ

---

[1]) Литвиновъ-Фалинскій, „Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи" (Спб., 1903, стр. 238).

[2]) Эту норму предлагалъ и проектъ совѣта съѣздовъ.

[3]) Въ 1907 г. въ Германіи въ мѣстныхъ кассахъ состояло болѣе половины застрахованныхъ; въ отдѣльныхъ городахъ кассы эти достигаютъ очень внушительныхъ размѣровъ (Дрезденская касса включаетъ 135.000 членовъ). Во время недавняго пересмотра законовъ о страхованіи рабочіе настаивали на сохраненіи мѣстной кассы въ качествѣ единственнаго типа организаціи.

назначенное; правленіе кассы состоитъ изъ представителей отъ рабочихъ и владѣльца, причемъ рабочіе имѣютъ перевѣсъ только на одинъ голосъ, предсѣдателемъ правленія можетъ быть назначенъ владѣлецъ предпріятія. Наконецъ, храненіе капиталовъ кассы тоже поручается предпринимателю.

Вся организація больничныхъ кассъ поставлена подъ строгій контроль присутствія по дѣламъ страхованія, составъ котораго—преимущественно бюрократическій. Присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ восьми чиновниковъ (прокурора, управляющаго казенной палатой, врачебнаго инспектора, старшаго фабричнаго инспектора, двухъ членовъ по назначенію и одного фабричнаго инспектора), трехъ представителей земскаго и городского самоуправленія (1 отъ гор. думы и 2 отъ губернскаго земства), двухъ представителей предпринимателей и двухъ рабочихъ, выбираемыхъ правленіями больничныхъ кассъ. Власть присутствія по отношенію къ больничнымъ кассамъ чрезвычайно широка: оно утверждаетъ уставы кассъ, можетъ кассировать рѣшенія общихъ собраній и выборы правленія, можетъ отстранять членовъ правленія вслѣдствіе нарушенія ими устава или закона, или—по представленію губернатора — вслѣдствіе неблагонадежности, можетъ передавать дѣла одной кассы временно другой кассѣ, можетъ, наконецъ, закрыть кассу временно или упразднить ее окончательно. Неблагонадежность отдѣльныхъ членовъ кассы и кассъ въ цѣломъ оказывается, такимъ образомъ, предусмотрѣнной самымъ тщательнымъ образомъ. Наконецъ, не надо забывать, что общія собранія больничныхъ кассъ будутъ происходить въ присутствіи полиціи, согласно временнымъ правиламъ о собраніяхъ, и что у администраціи остается уже испытанное по отношенію къ легальнымъ рабочимъ организаціямъ средство—административная высылка наиболѣе вліятельныхъ и выдающихся рабочихъ.

Какъ бы съ цѣлью еще болѣе ярко оттѣнить безправіе больничныхъ кассъ, страховые законопроекты предоставляютъ самыя широкія права организаціямъ предпринимателей, имѣющимъ возникнуть для осуществленія страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Владѣльцы всѣхъ предпріятій, входящихъ въ сферу страхованія, должны будутъ, согласно закопроекту, войти въ составъ страховыхъ товариществъ, учреждаемыхъ по округамъ. Число такихъ товариществъ будетъ невелико: министерство предполагаетъ, что ихъ будетъ не болѣе 15 на всю Россію. Впрочемъ, законопроектъ предоставляетъ владѣльцамъ широкія права: они могутъ участвовать въ товариществѣ не своего раіона, объединяться по профессіямъ, а не территоріально, такъ что число товариществъ, по всей вѣроятности, будетъ нѣсколько больше. Рабочіе совершенно устранены отъ какого-бы то ни было участія въ

дѣлахъ товариществъ. Только въ одномъ случаѣ—при обсужденіи мѣръ предупрежденія несчастныхъ случаевъ—приглашаются представители рабочихъ на собранія владѣльцевъ, и то лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса. Что касается до другихъ функцій этихъ организацій—раскладки и собиранія взносовъ, леченія инвалидовъ труда, вознагражденія пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ—то этимъ вѣдаютъ полновластно одни владѣльцы.

Такимъ образомъ, осуществленіе законопроекта поведетъ къ возникновенію могущественныхъ предпринимательскихъ организацій, участіе въ которыхъ для владѣльцевъ будетъ обязательно и дѣятельность которыхъ будетъ протекать, по всей вѣроятности, въ той-же атмосферѣ замкнутости, которая характерна для существующихъ въ настоящее время предпринимательскихъ союзовъ. Хотя эти организаціи и гарантируютъ, согласно законопроекту, инвалиду труда уплату пособій и пенсіи съ большей прочностью, чѣмъ дѣйствующая въ настоящее время индивидуальная отвѣтственность владѣльцевъ, тѣмъ не менѣе, опасеніе, высказанное въ Думѣ деп. Кузнецовымъ (с.-д.), что „товарищества явятся могучимъ орудіемъ борьбы съ рабочимъ движеніемъ", имѣетъ всѣ шансы стать вѣрнымъ предсказаніемъ.

Контроль надъ дѣятельностью страховыхъ товариществъ, равно какъ общій высшій надзоръ за органами государственнаго страхованія сосредоточены въ Совѣтѣ по дѣламъ страхованія. Это учрежденіе, въ противуположность внѣвѣдомственному и относительно независимому Reichsversicherungsamt въ Германіи, находится въ самой тѣсной зависимости отъ министерствъ торговли и промышленности и внутреннихъ дѣлъ. Составъ его несмотря на небольшія измѣненія, внесенныя въ правительственный проектъ со стороны рабочей коммиссіи, остается по преимуществу бюрократическимъ. Совѣтъ собирается подъ предсѣдательствомъ министра торговли и промышленности или его товарища; въ составъ его входятъ шестнадцать чиновниковъ, одинъ представитель Петербургскаго губернскаго земства, одинъ — отъ Петербургской город. думы и по пяти человѣкъ отъ рабочихъ (избираемыхъ больничными кассами С.-Петербурга) и отъ предпринимателей (избираемыхъ правленіями страховыхъ товариществъ). Совѣтъ является высшимъ органомъ управленія по дѣламъ страхованія, апелляціонной инстанціей по большинству вопросовъ, разсматриваемыхъ въ присутствіяхъ по дѣламъ страхованія, и ближайшимъ органомъ надзора за дѣятельностью товариществъ, страхующихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Итакъ, вся организація страхованія построена на принципахъ, въ высокой степени неблагопріятныхъ для рабочихъ: опека предпринимателей въ больничныхъ кассахъ, полное устраненіе рабочихъ въ дѣлѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, безграничная власть

администраціи, начиная съ пристава, присутствующаго на собраніяхъ больничныхъ кассъ и кончая Совѣтомъ, состоящимъ въ большинствѣ своемъ изъ представителей высшей бюрократіи,—такова та система, къ принятію которой, если вѣрить словамъ барона Тизенгаузена „мы подходимъ, такъ сказать, трансцендентально, подражательно и умозрительно, глядя на сосѣдей". Ниже мы попытаемся разсмотрѣть, какія осложненія готовитъ эта „трансцендентально" надуманная система, коль скоро она воплотится въ конкретной россійской дѣйствительности.

III.

Самымъ боевымъ пунктомъ страховыхъ законопроектовъ,—пунктомъ, вокругъ котораго, вѣроятно, сосредоточатся думскія пренія во время предстоящаго постатейнаго обсужденія, — является, безъ сомнѣнія, вопросъ о врачебной помощи. Дѣло въ томъ, что рабочая коммиссія внесла своимъ рѣшеніемъ этого вопроса значительное ухудшеніе въ правительственный проектъ, возложивъ обязанности по оказанію врачебной помощи на больничныя кассы, въ то время какъ правительственный проектъ возлагалъ эту обязанность на предпринимателей. Помимо рѣзкой критики, съ которою выступили противъ этой поправки представители думской оппозиціи, большинству рабочей коммиссіи пришлось выслушать также довольно рѣшительный отпоръ по этому пункту и со стороны министра Тимашева. „Правительство рѣшительно возражаетъ,—заявлялъ онъ,—противъ всѣхъ поправокъ рабочей коммиссіи по вопросу о врачебной помощи и настаиваетъ въ этомъ отношеніи на сохраненіи прежней редакціи". Такимъ образомъ, постатейныя пренія представятъ собою, вѣроятно, довольно рѣдкую картину столкновенія правительства съ думскимъ большинствомъ. Исходъ голосованія по этому вопросу въ настоящее время предвидѣть невозможно. Правительственный законопроектъ, возлагавшій врачебную помощь на предпринимателей, мотивировалъ такое рѣшеніе ссылками на дѣйствующее рабочее законодательство: Высочайше утвержденное 26-го августа 1866-го года положеніе Комитета Министровъ предписало (въ виду надвигавшейся холеры) учредить при всѣхъ фабрикахъ и заводахъ больницы для рабочихъ, съ числомъ кроватей по разсчету одной койки на 100 человѣкъ. Въ 1867-мъ году эта мѣра получила подтвержденіе въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, который отказался обсуждать представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ больничныхъ помѣщеній на фабрикахъ и заводахъ, мотивируя это тѣмъ, что законъ 1866-го года не ограниченъ ни мѣстомъ, ни срокомъ примѣненія. Фактически выполненіе этого закона про-

исходило, однако, далеко не повсемѣстно: согласно даннымъ 1899-го года, врачебная помощь оказывалась, въ той или иной формѣ (амбулаторная, первоначальная, больничная), лишь въ 18% всѣхъ предпріятій, охватывая при этомъ все же около 70% рабочихъ. Болѣе или менѣе полно, т.-е. въ видѣ больничнаго лѣченія, врачебная помощь оказывалась лишь по отношенію половины фабрично-заводскихъ рабочихъ [1]).

Исходя изъ нормъ дѣйствующаго законодательства, правительственный законопроектъ предполагалъ организовать врачебную помощь слѣдующимъ образомъ: расходы на первоначальную, амбулаторную и больничную помощь должны были лежать на предпринимателяхъ; послѣдніе могли организовать это дѣло самостоятельно, учреждая собственныя больницы, могли также вступать въ соглашенія съ больничными кассами, съ городами и земствами, уплачивая, согласно нормамъ, установленнымъ въ соглашеніи, всѣ расходы этихъ организацій на врачебную помощь. Въ случаѣ, еслибы такое соглашеніе не состоялось, оказаніе первоначальной и амбулаторной помощи возлагалось на владѣльцевъ, а больничная помощь—на города и земства, при чемъ владѣльцы должны были уплачивать по таксѣ, установленной для данной мѣстности присутствіемъ по дѣламъ страхованія.

Эти положенія законопроекта вызвали сильнѣйшее неудовольствіе въ средѣ промышленниковъ. Еще въ междувѣдомственныхъ совѣщаніяхъ 1906-1907 гг. представители промышленниковъ, въ лицѣ фонъ-Дитмара, Триполитова и другихъ, рѣшительно отказывались согласиться съ предположеніями правительства; дѣло дошло до того, что на совѣщаніи 1907-го года, въ отвѣтъ на заявленіе И. И. Ясюковича, что въ сущности „мнѣнія промышленниковъ во вниманіе приняты не были“, Д. А. Философовъ заявилъ: въ Думу будетъ внесено то, что министру желательно, что онъ, по своему крайнему разумѣнію, считаетъ нужнымъ и необходимымъ сдѣлать, и Государственная Дума и Государственный Совѣтъ разсудятъ, кто правъ—министръ или промышленники.

Когда, позднѣе, правительственный проектъ былъ въ прежнемъ своемъ видѣ внесенъ въ Государственную Думу, онъ вызвалъ противъ себя цѣлый походъ со стороны промышленныхъ организацій и предпринимательской прессы. Рядъ статей въ журналахъ, резолюціи съѣздовъ, спеціальныя брошюры, доклады — вотъ тотъ арсеналъ, который былъ выдвинутъ промышленниками съ цѣлью измѣненія правительственной редакціи. Въ пылу этой полемики предприниматели

---

[1]) См. труды перваго всероссійскаго съѣзда фабричныхъ врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, т. II.

отрицали обязательность законодательныхъ нормъ, возлагающихъ на нихъ врачебную помощь рабочимъ (доказательствомъ того служилъ, между прочимъ, фактъ безнаказаннаго нарушенія закона), предсказывали гибель мелкой промышленности подъ тяжестью „новаго" обложенія, дѣлали ссылки на заграничные порядки и, въ частности, на Германію, гдѣ врачебная помощь возложена на больничныя кассы.

Противъ предоставленія дѣла врачебной помощи больничнымъ кассамъ, при условіи достаточнаго самоуправленія ихъ, не возражаютъ сами рабочіе; наоборотъ, поскольку наши профессіональныя рабочія организаціи имѣли возможность высказаться, онѣ отстаивали именно этотъ типъ организаціи [1]). Весь споръ шелъ о томъ, кто будетъ оплачивать расходы—и вопросъ этотъ ставился тѣмъ острѣе, что, при скудномъ заработкѣ нашихъ рабочихъ, больничныя кассы не могутъ располагать достаточными средствами. Поэтому даже большинство рабочей коммиссіи, измѣнившее, согласно желаніямъ промышленныхъ круговъ, правительственный законопроектъ, вынуждено было компенсировать свою поправку нѣкоторымъ повышеніемъ доли взносовъ, падающихъ на предпринимателей. Однако, какъ констатировалъ въ своей рѣчи министръ торговли и промышленности, „эта разница между взносами по проекту правительства и по проекту рабочей коммиссіи очевидно не покрываетъ стоимости врачебной помощи".

Помимо этого переложеніе обязанностей врачебной помощи на тѣ зависимыя отъ предпринимателя, лишенныя всякаго самоуправленія мелкія фабричныя кассы, которыя проектируются коммиссіей, должно привести, какъ это совершенно правильно было отмѣчено въ думскихъ преніяхъ деп. Степановымъ (к.-д.), къ цѣлому ряду практическихъ неудобствъ. Небольшая фабричная касса, бюджетъ которой не будетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ достигать 5.000 рублей въ годъ, обязанная выдавать, къ тому же, пособія, не въ состояніи будетъ, разумѣется, выстроить, оборудовать и содержать больницу; она будетъ вынуждена искать соглашенія съ земствомъ или городомъ и заранѣе идти на всѣ условія, которыя будутъ ей поставлены. Въ крупныхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ уже оборудованныя больницы, та же зависимость, быть можетъ еще въ бо̀льшей степени, возникнетъ по отношенію къ хозяину больницы — владѣльцу. И въ результатѣ, дѣло врачебной помощи рабочимъ рискуетъ быть отброшеннымъ назадъ, принять еще болѣе неприглядныя формы, чѣмъ въ настоящее время.

Намъ остается еще коснуться вопроса о срокахъ, въ теченіе ко-

[1]) См. резолюцію, предложенную по этому поводу представителями профессіональныхъ рабочихъ союзовъ на I-мъ съѣздѣ фабричныхъ врачей, и принятую съѣздомъ— (Труды, т. II, стр. 169—170).

торыхъ оказывается врачебная помощь, разсмотрѣть правила о пособіяхъ, выдаваемыхъ больничными кассами, и вернуться къ законопроекту страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, чтобы отмѣтить то новое, что обѣщаетъ онъ принести по сравненію съ дѣйствующимъ закономъ русскимъ рабочимъ. По вопросу о срокѣ лѣченія рабочая коммиссія внесла опять-таки довольно существенное измѣненіе въ правительственный проектъ: согласно послѣднему, при заболѣваніяхъ, не сопровождающихся потерею трудоспособности, леченіе должно было продолжаться вплоть до расторженія договора найма; коммиссія продлила этотъ срокъ и предоставила лицамъ, уволеннымъ изъ предпріятія, въ теченіе мѣсяца послѣ увольненія право на врачебную помощь (а также на денежныя пособія). За то по отношенію къ лицамъ тяжело больнымъ, т.-е. лишившимся трудоспособности, рабочая коммиссія внесла довольно значительное ухудшеніе. По проекту эти лица должны были имѣть право на лѣченіе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, причемъ срокъ этотъ могъ быть продленъ до двухъ лѣтъ „для леченія хроническаго отравленія вредными газами, ядовитыми парами и веществами". Коммиссія отбросила это добавленіе и оставила для всѣхъ одинаково только одинъ четырехмѣсячный срокъ.

Въ отдѣлѣ о пособіяхъ работа коммиссіи сказалась сравнительно мало; также какъ и въ правительственномъ проектѣ, право на пособія имѣютъ: 1) больные и пострадавшіе отъ несчастнаго случая, первые въ теченіе 26 недѣль, вторые—въ теченіе 13 недѣль [1]), въ размѣрѣ: одинокіе—отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ заработка, семейные отъ $^1/_2$ до $^2/_3$; 2) роженицы — въ размѣрѣ половины (правит. проектъ — $^2/_3$) заработка, въ теченіе 2 недѣль до и 4 недѣль послѣ родовъ (правит. проект.—только 4 недѣли послѣ родовъ) и 3) въ случаѣ смерти члена кассы, семья его получаетъ единовременное пособіе въ размѣрѣ 20—30-кратнаго ежедневнаго заработка умершаго. Таковы тѣ матеріальныя выгоды, которыя сулитъ рабочимъ новый законъ.

Наконецъ, что касается страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, въ общемъ почти цѣликомъ совпадающаго съ закономъ 1903-го года, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить небольшія улучшенія, которыя были внесены новыми проектами въ дѣйствующее законодательство: такъ, понятіе грубой неосторожности, которая лишала рабочаго права на пособіе и пенсію, теперь откинуто, и такимъ образомъ, всякій несчастный случай, за исключеніемъ только тѣхъ, которые вызваны злымъ умысломъ потерпѣвшаго, будетъ получать извѣстную матеріальную компенсацію. Исчисленіе заработной платы производится помноже-

[1]) Такимъ образомъ, на больничныя кассы возлагается обязанность, лежащая теперь на предпринимателѣ—оказывать врачебную помощь и выдавать пособія пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ въ теченіе первыхъ 13 недѣль.

ніемъ поденнаго заработка не на 260, какъ раньше, а на 280 дней: капитализація пенсіи (единовременная выдача суммы годовой пенсіи, помноженной на десять) допускается лишь въ томъ случаѣ, если она не достигаетъ 36 рублей въ годъ, не превышая въ то же время 15% заработка; вмѣстѣ съ тѣмъ вычеркнуто предположеніе министерскаго законопроекта, лишавшаго пострадавшихъ пенсіи въ случаяхъ потери 5% трудоспособности. Но способъ полученія пенсій обставленъ гораздо менѣе выгодно для рабочихъ, чѣмъ раньше: свидѣтельство о несчастномъ случаѣ составляется уполномоченнымъ страхового товарищества, т.-е. лицомъ, заинтересованнымъ въ опредѣленіи размѣра пенсій: соглашеніе пострадавшаго съ товариществомъ не свидѣтельствуется, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время, фабричнымъ инспекторомъ, а предоставляется всецѣло усмотрѣнію сторонъ, т.-е. могущественному товариществу предпринимателей съ одной стороны и отдѣльному рабочему—съ другой. Споры рабочихъ съ товариществами, въ противоположность западноевропейской практикѣ, разсматриваются общими судами: рабочая коммиссія, какъ и правительство, не нашла нужнымъ вернуться къ первоначальному проекту министерства, который проектировалъ организацію промысловыхъ судовъ, включавшихъ въ свой составъ представителей рабочихъ и предпринимателей. Такимъ образомъ, если законопроектъ гарантируетъ рабочихъ при полученіи пособій и пенсій отъ случайностей, сопряженныхъ въ настоящее время съ банкротствомъ, или смертью отдѣльнаго предпринимателя, повиннаго выплачивать пенсію, то для полученія этой пенсіи онъ ставитъ условія болѣе тяжелыя, чѣмъ нынѣшнія.

По отношенію къ судьбѣ страховыхъ законопроектовъ наиболѣе интереснымъ и важнымъ представляется намъ не столько исходъ думскихъ преній или голосованія Государственнаго Совѣта, сколько вопросъ о дальнѣйшихъ перспективахъ примѣненія закона. Само собою разумѣется, матеріаловъ для точнаго отвѣта на этотъ вопросъ у насъ не имѣется. Но нѣкоторыя послѣдствія примѣненія закона, казалось бы, въ настоящее время отмѣтить все же возможно.

Первое обстоятельство, которое при этомъ обращаетъ на себя вниманіе—это тѣ своеобразныя условія, въ которыхъ происходитъ у насъ насажденіе страхованія рабочихъ. Въ Германіи и въ Австріи при введеніи страхованія законодатель могъ воспользоваться тѣми организаціями, которыя преслѣдовали цѣли взаимопомощи и возникновеніе которыхъ относилось къ цеховому строю; въ Англіи проектъ Ллойдъ-Джоржа всецѣло опирается на существующія уже болѣе столѣтія рабочія общества взаимопомощи и профессіональные союзы. У насъ, напротивъ, страховыя учрежденія возникаютъ на совершенно

дѣвственной почвѣ: длительныхъ организацій взаимопомощи наши рабочіе, если не считать окраинъ—Польши и Прибалтійскаго края,—не знали вовсе; профессіональное движеніе, вслѣдствіе стараній администраціи, отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть; немногіе союзы, продолжающіе функціонировать въ настоящее время, крайне незначительны по своему объему и лишены возможности сколько-нибудь широкой экономической дѣятельности. Такимъ образомъ, имѣющія возникнуть больничныя кассы являются для громаднаго большинства рабочихъ совершенно новой и къ тому же почти единственной въ настоящій моментъ формой организаціи.

Съ другой стороны, надо полагать, что отношеніе рабочихъ къ вновь возникающимъ кассамъ отнюдь не будетъ пассивнымъ и равнодушнымъ. Вѣрнымъ противоядіемъ противъ этого явятся тѣ высокіе взносы, которые будутъ принудительно взыскиваться при каждой получкѣ заработной платы. Къ подобнымъ взносамъ наши рабочіе совершенно не привыкли: достаточно просмотрѣть уставы нашихъ профессіональныхъ союзовъ и литературу, ими издававшуюся, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ неохотно давали рабочіе свое согласіе на повышеніе тѣхъ скромныхъ взносовъ, которые въ рѣдкихъ случаяхъ превышали 1% заработка. Среди такихъ даже сравнительно обезпеченныхъ профессій, какъ печатники и металлисты, повышеніе мѣсячныхъ взносовъ на пятачокъ вызывало иной разъ оппозицію и отпаденіе отъ союзовъ цѣлыхъ слоевъ. Между тѣмъ новые законы устанавливаютъ взносы въ размѣрѣ отъ 1% до 3% съ заработка, и такъ какъ при этомъ обязательства, возлагаемыя на больничныя кассы, сравнительно очень велики, то надо полагать, что онѣ вынуждены будутъ облагать своихъ членовъ по наивысшимъ нормамъ. Если, наконецъ, принять еще во вниманіе тотъ размѣръ бюджета нашихъ рабочихъ, который, согласно изслѣдованіямъ С. Н. Прокоповича, д-ра Шапошникова и др., не можетъ удовлетворить самыхъ элементарныхъ потребностей, то легко себѣ представить, какъ сильно будутъ задѣты интересы самыхъ широкихъ слоевъ рабочихъ.

Понятно, поэтому, что отношеніе рабочихъ къ дѣятельности больничныхъ кассъ, быть можетъ нѣсколько вялое на первыхъ порахъ, должно будетъ очень быстро принять самый живой и активный характеръ. Но чѣмъ активнѣе будетъ вмѣшательство рабочихъ въ дѣятельность страховыхъ учрежденій, чѣмъ живѣе будетъ развертываться вся организація государственнаго страхованія, тѣмъ рѣзче будутъ сказываться тѣ внутреннія противорѣчія, которыя положены въ основу будущихъ законовъ. Столкновеніе принципа хозяйской и административной опеки съ принципомъ рабочаго самоуправленія, борьба страхуемыхъ съ произволомъ владѣльцевъ въ предѣлахъ боль-

ничной кассы, вмѣшательство рабочихъ въ дѣятельность присутствія и Совѣта по дѣламъ страхованія, безконечныя осложненія, возникающія вслѣдствіе вторженія администраціи въ дѣла страховыхъ учрежденій—такова та перспектива, которую сулитъ примѣненіе даннаго закона въ условіяхъ нашей дѣйствительности. Наконецъ, не надо забывать, что законопроектъ, худо ли, хорошо ли, создаетъ цѣлую сѣть рабочихъ организацій; эти организаціи явятся чуть-ли не единственной формой легальнаго рабочаго движенія, систематически подавляемаго въ настоящее время. Поэтому можно предполагать, что рабочіе будутъ стремиться къ расширенію рамокъ дѣятельности больничныхъ кассъ, и столкновенія и осложненія на этой почвѣ будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока за рабочими не будетъ признано права свободно организовываться и отстаивать свои интересы.

В. Ш.

МОЛОДАЯ НОВАЯ РЕСПУБЛИКА

(Письмо изъ Португаліи.)

I.

Какое поразительное несоотвѣтствіе существуетъ иногда между богатствомъ природы и благосостояніемъ населенія! Вотъ уже мѣсяцъ какъ я восторгаюсь здѣсь великолѣпнымъ небомъ. Цвѣтъ его, повидимому, составляетъ секретъ одной Португаліи. Можно думать, что небожители ежедневно выгоняютъ на барщину всѣхъ старухъ-нищенокъ, попавшихъ туда (въ Португаліи имъ нѣтъ числа). Каждый день старухи не только тщательно выметаютъ небо, такъ что на немъ не остается даже тѣни облачка, но еще густо-густо синятъ его самымъ темнымъ индиго, смѣшаннымъ съ какимъ-то блестящимъ лакомъ. Не смотря на ослѣпительное солнце, почва не выжжена, какъ въ Испаніи, а похожа скорѣе на громадный ботаническій садъ. Здѣсь можно найти растительность всѣхъ широтъ: вѣеровидныя пальмы рядомъ съ соснами, евкалипты и дубы, перечныя деревья и платаны, варварійскія фиги и вязы. Всюду вьются виноградныя лозы, вино которыхъ какъ-будто представляетъ собою консервированные солнечные лучи. Отъ этого вина разливается огонь по всѣмъ жиламъ, и человѣкъ чувствуетъ то же что̀ Фаустъ, послѣ того какъ выпилъ волшебный кубокъ.

Страна, почти не знающая, что такое зима, омываемая прекраснымъ, величественнымъ океаномъ, приносящимъ съ собою тепло и пищу— тутъ, казалось, долженъ быть земной рай. Но какъ мало похоже населеніе на обитателей садовъ Гесперидъ! По французской поговоркѣ: „les Portugais sont toujours gais“ (португальцы всегда веселы). Посмотримъ на „веселыхъ“ людей. Вотъ идетъ смуглый, съ черными бакенбардами, коренастый, опаленный солнцемъ человѣкъ въ черномъ или зеленомъ колпакѣ. Платье его, правда, не представляетъ такой коллекціи заплатокъ и дырокъ, какъ одежда русскаго крестьянина, но бѣднѣе всего того, что я видѣлъ въ Западной Европѣ. Это — португальскій крестьянинъ, или Zé povinho (т.-е. Бѣдный Оська), какъ называютъ его. Крестьянинъ этотъ кормитъ всю страну. Онъ забитъ, запуганъ и въ каждомъ одѣтомъ „по-господски“ видитъ Vossa Excellencia“ (ваше превосходительство). Крестьянинъ этотъ пользуется землей на условіяхъ, свойственныхъ только Португаліи (aforamento— вѣчная аренда, при которой фермеръ можетъ продать или передать по наслѣдству dominium utile), но характеръ фермера напоминаетъ мнѣ что-то близкое и жалкое. Португальскіе беллетристы-націоналисты [1]) посвятили сотни страницъ восхваленію смиренія „Бѣднаго Оськи“, его долготерпѣнія и кротости. Онъ, по словамъ беллетристовъ, не только „soffredor“ (страстотерпецъ), но еще „любитъ страданіе“, а потому великъ. Къ немалому изумленію русскаго читателя онъ найдетъ у португальскихъ націоналистовъ тезисъ, что „Zé povinho“ — народъ-богомолецъ, такъ какъ онъ великій страдалецъ. Въ одномъ изъ романовъ Eça de Queiroz'a (скончался въ 1900-мъ году) мы видимъ, какъ крестьянинъ проситъ прощенія у всѣхъ („у всего міра“— сказалъ бы русскій). Писатели-націоналисты восхваляли *pacencia* (долготерпѣніе) Бѣднаго Оськи и умилялись имъ. Чѣмъ же жилъ духовно *Zé povinho?* У всѣхъ португальскихъ беллетристовъ мы находимъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: Бѣдный Оська „создалъ пѣсню, подобную стону“. Эти народныя пѣсни—fados—очень многочисленны. *Fado* по португальски значитъ *судьба*. Въ *fados* неизмѣнно содержится жалоба на „несчастную долю“. Поэтъ жалуется на неудачно сложившуюся жизнь, на несчастья родины, на нераздѣленную любовь. Читая *fado*, иногда вспоминается: „Плаче козакъ передъ дівчиной, долю проклинае“. *Fados* очень поэтичны, но отъ нихъ вѣетъ покорностью, смиреніемъ и отчаяньемъ. Нѣкоторыя пѣсни такъ жалобны, что ихъ называютъ „fados charrinhos“, т.-е. плаксивыми. „Я ненавижу наши fados,—восклицаетъ одинъ изъ героевъ Eça de Queiroz'a—онѣ выражаютъ всю нашу неспособность бороться со зломъ“.

---

[1]) Жуліо Динизъ, Дамилло-Кастелло Бранко, Эса де-Кейрозъ и др.

Въ деревняхъ и въ портахъ приморскихъ городовъ вы можете встрѣтить преждевременно состарившуюся, обожженную солнцемъ босоногую жену Zé povinho. Если вѣрно утвержденіе англійскаго соціолога, что степень культуры данной страны измѣряется положеніемъ, которымъ пользуется въ ней женщина, то Португалія—одна изъ самыхъ отсталыхъ странъ въ мірѣ. Здѣсь женщина въ портахъ исполняетъ такую тяжелую работу, какъ нагрузка угля. Жена Zé povinho таскаетъ тяжести на головѣ. Съ этой цѣлью на головѣ у всѣхъ встрѣчныхъ женщинъ изъ низшаго класса можно всегда видѣть спеціально приспособленный кружокъ, въ видѣ чернаго кренделя.

Дѣти Zé povinho бѣгутъ за проѣзжими и жалобно просятъ „только пять рейсовъ" (около копейки). Милостыню просятъ всѣ дѣти въ деревнѣ. Надо прибавить, что Zé povinho не только смиренъ, но еще очень трудолюбивъ и трезвъ. Наряду съ бѣдностью поражаетъ (т.-е. поражаетъ пріѣзжаго изъ Англіи, Германіи, Франціи или Швейцаріи) страшное невѣжество. Уже больше шестидесяти лѣтъ, какъ скончалась королева, которую льстивые историки назвали „Просвѣтительницей" [1]), а между тѣмъ 75% всего населенія неграмотно. Португальская газета „A Lucta" на дняхъ помѣстила выдержку изъ отчета министра народнаго просвѣщенія республики Уругвай за 1910-ый годъ. Отчетъ, какъ отчетъ. Изъ него мы узнаемъ, что въ республикѣ въ 1877-мъ году было 208 школъ съ 17.033 учениками, а въ 1910-мъ году—793 школы съ 74.717 учениками. Португальская газета, приведя этотъ отчетъ, восклицаетъ: „Feliz terra! Feliz gente!" (Счастливая земля! Счастливые люди!). Бѣдной Португаліи приходится завидовать даже Уругваю. Таковъ результатъ почти трехвѣкового пребыванія Браганцевъ на престолѣ! „Мы находимся теперь въ началѣ новаго режима,—суммируетъ португальская газета наслѣдіе, оставленное монархіей.—Монархія очень мало сдѣлала добра, зато также мало такого зла, котораго бы она не сдѣлала. Она разстроила наши финансы, разорила страну, подорвала народный кредитъ, забила всякій духъ иниціативы и задушила всѣ стремленія къ свѣту. Печально наслѣдіе, полученное нами. Чтобы внуки не жаловались на насъ, какъ мы жалуемся на дѣдовъ, терпѣвшихъ такъ долго, намъ надо напречь всѣ усилія, дабы возродить нашу прекрасную родину" [2]).

Мы имѣемъ нѣкоторое представленіе о массахъ. Скажу нѣсколько словъ о португальской интеллигенціи, совершенно оторванной отъ

---

[1]) На лестныя названія португальскіе историки не скупятся: Альфонсъ IV, посаженный братомъ въ тюрьму и умершій тамъ, называется *Побѣдоноснымъ*, Педро II, посадившій брата въ тюрьму и отнявшій у него престолъ и жену, называется *Миротворцемъ*, бездарный Іоаннъ V, разорившій страну, названъ *Великолѣпнымъ* и т. д.

[2]) „A Lucta", 6-го августа 1911.

народа, какъ у насъ. Романистъ Eça de Queiroz называетъ слѣдующія характерныя черты португальской интеллигенціи: „Смѣсь доброты, мягкости и энтузіазма. Неустойчивость. Чувство чести, доходящее до ребячества; пылкое воображеніе, граничащее съ ложью—и въ то же время практическій умъ, умѣющій использовать все. Живость пониманія, тщеславіе, страсть къ нарядамъ—и въ тоже время такая простота въ обращеніи, что богатый человѣкъ подаетъ руку нищему на улицѣ. Португалецъ—болтунъ, но въ глубинѣ души—меланхоликъ, неувѣренный въ своихъ силахъ. Онъ долго терпитъ, но внезапно дѣйствуетъ рѣшительно и тогда поступаетъ, какъ герой". Португальскіе беллетристы даютъ цѣлую коллекцію безвольныхъ, слабыхъ, тоскующихъ людей, значительная часть жизни которыхъ посвящена разрѣшенію семейныхъ вопросовъ. Адюльтеръ въ португальской беллетристикѣ играетъ еще бо̀льшую роль, чѣмъ во французской или русской. Кажется, нигдѣ въ Европѣ не пишутъ такъ много лирическихъ стихотвореній, какъ въ Португаліи; нигдѣ они не читаются такъ усиленно и нигдѣ они не отражаютъ въ такой степени настроенія общества. Я приведу одно крайне типичное и характерное стихотвореніе Антьеро де-Кенталя, пользующееся здѣсь громадной популярностью. Называется оно—Redempção (Искупленіе).

„Голоса моря, деревьевъ и вѣтра! Когда иной разъ въ болѣзненномъ снѣ меня убаюкиваетъ ваше мощное пѣніе, я думаю, что ваше страданіе равно моему.

„Ты—сумрачный глаголъ и внутреннее дуновеніе нѣмыхъ вещей! Ты—таинственный псалмъ. Не являешься ли ты жалобой воздуха, вздохомъ міра и его рыданіемъ?

„Въ безмѣрности обитаетъ духъ. Тоскливое стремленіе къ свободѣ волнуетъ и потрясаетъ скоротечныя формы.

„Я понимаю вашъ таинственный языкъ, голоса моря, лѣса и горъ: вы—родственны моей душѣ. Вы тоже—плѣнныя души.

„Не плачьте, о вѣтеръ, деревья и моря! Голоса ваши составляютъ извѣчный хоръ. То голоса первобытные, болѣзненные и страшные, какъ полуночный плачъ поднявшихся изъ могилъ ларвовъ.

„Вы освободитесь когда-нибудь отъ тѣни сумеречныхъ видѣній, радостно пробудитесь отъ сна и избавитесь отъ той тоски, которую выражаютъ ваши странныя жалобы.

„Вы, души, облеченныя еще въ существующую оболочку! Вы пробудитесь нѣкогда, какъ чистая мысль.

„Вы увидите, какъ формы, эти дочери заблужденія, разсѣиваются подобно тяжелому сну. И тогда кончатся ваши мученія".

И вотъ, пятаго октября 1910-го года въ Португаліи произошелъ политическій переворотъ. Восьмивѣковая монархія рухнула. Въ третьемъ

томѣ собранія сочиненій Гексли [1]) есть одно очень интересное мѣсто, которое позволяю себѣ привести здѣсь. „Жизнь, благосостояніе и счастье каждаго изъ насъ зависятъ отъ того, имѣемъ ли мы какое-нибудь представленіе о правилахъ игры, неизмѣримо болѣе трудной и запутанной, чѣмъ шахматы. То—игра, тянущаяся отъ вѣка. Каждый изъ насъ садится за эту игру. Шахматной доской является міръ, фигурами — всѣ явленія въ немъ, а правилами игры — то, что мы называемъ законами природы. Другой партнеръ скрытъ отъ насъ. Мы знаемъ, что онъ ведетъ игру всегда честно, правильно и справедливо. Но по горькому опыту мы знаемъ также, что невидимый партнеръ замѣтитъ малѣйшую нашу ошибку и не упуститъ ее. Наше незнаніе не является извиненіемъ въ его глазахъ. Хорошій игрокъ выигрываетъ у невидимаго партнера колоссальныя ставки. Плохой же игрокъ не торопко, но неизбѣжно получаетъ матъ“. Эти слова Гексли справедливы и въ области исторіи. Глупый и бездарный игрокъ, не смотря на то, что онъ можетъ окружить себя безсовѣстными льстецами, восторгающимися каждымъ ложнымъ ходомъ, получаетъ матъ отъ невидимаго и безстрастнаго партнера. Матъ съ потерей всей ставки неизбѣжно объявляется глупому игроку, а не льстецамъ, подсказывавшимъ безсмысленный ходъ. Такой же матъ получили Браганцы 5-го октября 1910-го года. Снялись они внезапно и бѣжали за границу, вѣроятно — навсегда. Во дворцѣ, сдѣлавшемся теперь національной собственностью, все осталось, какъ было 5-го октября. И по безчисленному множеству мелочей видно, что Браганцы, какъ и всѣ плохіе игроки, меньше всего думали, что матъ такъ близокъ. Браганцы ушли. Мальчишки стали выводить на всѣхъ стѣнахъ: „A morte da Monarchia!“ А жизнь страны потекла по прежнему, какъ будто династія, занимавшая тронъ 270 лѣтъ, никогда не существовала.

II.

Всѣмъ недовольнымъ монархіей казалось, что достаточно замѣнить ее республикой, чтобы сразу разрѣшить всѣ вопросы, накопленные вѣками. Республика должна сразу превратить Португалію въ лучезарную страну сказочнаго благоденствія. Такъ думали многіе. Можетъ ли быть иначе, если—

„Republica é a Res—publica, a Naçâo;
É a Patria, ou o Povo, em abstracto“.

какъ говоритъ поэтъ революціи, Александре Фонтесъ („Республика

[1]) T. H. Huxley, „Collected Essays. Science and Education“, т. III стр. 78.

это—Res-publica, это—нація, отечество, или весь народъ въ абстракціи“) [1]). И когда возникалъ какой-нибудь важный соціальный вопросъ, тогда казалось, что абстрактное и прекрасное слово „Свобода“ разрѣшитъ рѣшительно все. Въ только что цитированномъ сборникѣ есть характерный сонетъ: „Quem és?“ (Кто это?) Онъ заучивался всѣми наизусть; мальчики выводили его палочками на пескѣ, на морскомъ берегу послѣ отлива. „Кто ты, о ослѣпительная дѣва, лицо которой такъ долго скрывали отъ насъ? — говоритъ поэтъ. — Невѣдомое ли ты божество или океанида? Сладостенъ видъ твой. Отъ твоего прекраснаго чела вѣетъ любовью и миромъ“. Дѣва приноситъ угнетенной странѣ возрожденіе. Гдѣ она появляется, тамъ новая жизнь начинаетъ бить ключемъ. Кто же эта таинственная дѣва?

„Es tu, outra não és, oh estrenua Liberdade!“

Такъ заканчивается сонетъ („То ты, и никто другая не можетъ быть, — мощная Свобода!“) [2]).

До такой степени сильна была увѣренность, что республика и свобода распутали всѣ мертвые узлы, завязанные монархіей, что послѣ переворота самымъ серьезнымъ вопросомъ казался вопросъ о національномъ знамени. Каковъ долженъ быть флагъ новой республики: голубой и бѣлый, какъ раньше, или красный съ зеленымъ? Умѣренныя партіи были за голубое съ бѣлымъ знамя, предлагая только замѣнить королевскій гербъ на немъ глобусомъ, символомъ прежняго морского величія Лузитаніи. Крайнія партіи предлагали новое знамя: красное съ зеленымъ. Поэтъ революціи, успокаивая умѣренныхъ, объяснялъ значеніе цвѣтовъ:

„Bem symboliza o verde a esperança e a juventude;
O verde—mar é bello, ou o verde da esmeralda“.

(„Зеленый цвѣтъ символизируетъ надежду и молодость; прекрасное зеленое море и ярь изумруда“). Что касается краснаго цвѣта, то онъ означаетъ не только анархію:

„O rubro não está só alem na ferrea incude,
Nem está o rubro só na chamma que te escalda;
O rubro é o da romã, o rubro é álem na falda
Suavissima do monte, ou na popoula rude“.

(„Алый цвѣтъ можно видѣть не только на наковальнѣ, не только въ обжигающемъ тебя пламени. Красна также кожура гранатоваго яблока; алѣетъ нѣжная вершина горы; красенъ лепестокъ мака“).

---

[1]) Alexandre Fontes, „A Bandeira“ (Лиссабонъ, 1911, стр. 5).
[2]) „A Bandeira“, стр. 4.

Республика окрылила чрезвычайно воображеніе не только португальцевъ, но и испанцевъ. У меня подъ руками вырѣзка изъ республиканской испанской газеты „El Paiz", озаглавленная: „Слава Португаліи". Газета рекомендуетъ всѣмъ крайнимъ португальскимъ партіямъ держаться дружно и доказываетъ, что судьбы всего Иберійскаго полуострова находятся теперь въ Лиссабонѣ. „Окрѣпшая португальская республика, имѣющая вмѣстѣ съ колоніями населеніе въ 22 милліона, явится надеждой для всего Иберійскаго полуострова. Очень можетъ быть, что центръ гегемоніи на полуостровѣ будетъ находиться не въ Мадридѣ, какъ предполагаютъ имперіалисты-монархисты, не въ Барселонѣ, какъ хотятъ каталонцы, а въ Лиссабонѣ. Все это зависитъ всецѣло отъ мужества, осторожности и единенія португальскихъ республиканскихъ партій. Онѣ должны служить намъ примѣромъ, быть нашей надеждой. Онѣ научатъ насъ любви къ республикѣ и къ родинѣ. Судьба наша зависитъ отъ судьбы португальской республики. Вотъ почему испанскіе монархисты симпатизируютъ смѣшнымъ заговорамъ Браганцевъ. Разрушеніе республики въ Португаліи сдѣлаетъ ее невозможной въ Испаніи. Гибель новаго режима раздѣлитъ навсегда два славныхъ народа, союзъ которыхъ можетъ создать въ Европѣ новую первоклассную державу, имѣющую обширныя колоніи въ Африкѣ и родственныя республики въ латинской Америкѣ. Португальская республика знаменуетъ собою воскресеніе иберійской расы, ея главенства на моряхъ и стариннаго вліянія на континентахъ. Вотъ почему Англія, Франція и Германія не спѣшатъ съ признаніемъ новаго режима... Европа, предвидя возрожденіе иберійскихъ народовъ, подозрительно относится къ португальской республикѣ и ставитъ ей всякія препятствія".

Португальскимъ республиканцамъ казалось, что съ изгнаніемъ іезуитовъ и отдѣленіемъ церкви отъ государства все будетъ сдѣлано. Девятнадцатаго іюня 1911-го года національное учредительное собраніе, собравшись въ Лиссабонѣ, торжественно провозгласило три тезиса, которые воспроизведены на безчисленныхъ открыткахъ: 1) Монархія уничтожена на вѣчныя времена, а династія Браганцевъ изгоняется; 2) формой правленія въ Португаліи провозглашается республика; 3) всѣ тѣ, которые боролись съ монархіей и содѣйствовали паденію ея, провозглашаются національными героями, которымъ родина безконечно признательна". Учредительное собраніе приступило дальше къ обсужденію органическаго статута, начинающагося торжественнымъ провозглашеніемъ слѣдующихъ тезисовъ: „Португальскій народъ вводитъ какъ форму правленія демократическую республику... Всѣ португальцы свободны отъ рожденія и равны передъ закономъ... Законы должны уважаться всѣми, какъ выраженіе воли португальскаго

народа. Никто, кромѣ суда, не можетъ отнять у гражданъ, какова бы ни была ихъ вѣра или происхожденіе, ни одной частицы ихъ вольностей (qualguer parcella das suas liberdades)". Увы! Мы всѣ знаемъ, что бываютъ случаи, когда подобные тезисы, формулированные самымъ торжественнымъ образомъ, остаются пустымъ звукомъ и носятъ характеръ обидной насмѣшки!.. Но португальцы глубоко вѣрили, что провозглашеніе тезиса равносильно введенію его въ жизни. Они вѣрили, кромѣ того, что провозглашеніе тезисовъ сразу пересоздастъ Португалію.

Между тѣмъ на пути новой республики очутилось безчисленное множество препятствій. Начну съ агитаціи враговъ ея. Сторонники монархіи имѣютъ въ своихъ рукахъ телеграфныя агентства, при помощи которыхъ въ заграничныя газеты передаются сообщенія, рисующія въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ все то, что происходитъ въ республикѣ. Цѣль этихъ сообщеній—подорвать довѣріе Европы къ новому режиму и поселить тревогу. Каждая ничтожная уличная драка изображается какъ вооруженное возстаніе противъ республики. Седьмого іюля въ Лиссабонѣ была маленькая стачка лодочниковъ [1]). Я какъ разъ въ тотъ день прибылъ на пароходѣ и имѣлъ полную возможность наблюдать все. Стачка была дотого незначительна, что ничего особеннаго нельзя было замѣтить. Между тѣмъ телеграфное агентство сообщило, что въ Лиссабонѣ произошли „большіе безпорядки", что были „вызваны войска", которыя „расположились бивуаками на всѣхъ площадяхъ". Ничего болѣе лживаго мнѣ не приходилось читать. Агенты монархіи изображаютъ республику при послѣднемъ издыханіи, а вождей ея—въ видѣ какихъ-то безумцевъ. Вотъ, напр., что говоритъ Сильва Дорія въ майской книжкѣ „Oxford and Cambridge Review" о министрѣ юстиціи новой республики, Аффонсо Костѣ. „Въ немъ много ребяческаго и примитивнаго. Его образованіе крайне несовершенно". Читатель представитъ себѣ, вѣроятно, малограмотнаго „краснаго Тимошкина" и очень удивится, когда узнаетъ, что Аффонсо Коста окончилъ университетъ въ Коимбрѣ и въ Парижѣ, былъ профессоромъ государственнаго права и выдающимся адвокатомъ. „Его (Косты) отрицательная ненависть къ церкви,—пишетъ Сильва Дарія,—болѣе замѣтна, чѣмъ положительная любовь къ народу... У него нѣтъ никакой программы, кромѣ анти-клерикализма. И даже какъ анти-клерикалъ онъ никуда не годится... Онъ чрезвычайно тщеславенъ и честолюбивъ, но лишенъ здраваго смысла...

[1]) Стачки считались преступленіемъ при монархіи. Временное правительство разрѣшило стачки и профессіональные союзы. Оно ввело также обязательный воскресный отдыхъ. И теперь по воскресеньямъ въ Лиссабонѣ лавки заперты, какъ въ Лондонѣ.

Аффонсо Коста употребилъ почти цѣлую армію на то, чтобы арестовать совершенно невинное пастырское посланіе, запрещенное министромъ юстиціи. И такъ какъ большинство солдатъ—ревностные католики, то ихъ отвращеніе къ правительству должно доходить теперь почти до мятежа... Своею нетерпимостью новая республика подписала себѣ смертный приговоръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ монархія снова будетъ возстановлена въ Португаліи". Стоитъ пожить въ Потугаліи нѣсколько дней, стоитъ пробѣжать только два-три парламентскихъ отчета, чтобы убѣдиться, насколько фантастична только что приведенная характеристика. Мы узнаемъ, что Аффонсо Коста, котораго клерикалы такъ ненавидятъ, не только всесторонне образованный, но, сравнительно, очень умѣренный человѣкъ. Въ парламентѣ онъ выступилъ съ тщательно разработаннымъ проектомъ судебной реформы. Мы узнаемъ, что Коста пользуется громадной популярностью всюду въ Португаліи. Умѣренная газета, обсуждая проектъ Косты, выражаетъ „admiração pelo colossal talente d'esse homem tão extraordinario" (изумленіе передъ колоссальнымъ талантомъ этого исключительнаго человѣка) [1]). Что касается „арміи, близкой къ мятежу", то о томъ, насколько это вѣрно, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Армія радостно и охотно пошла на сѣверъ Португаліи, чтобъ помѣшать роялистамъ вторгнуться изъ Испаніи.

„Долгомъ всѣхъ португальцевъ должно было бы явиться терпѣливое ожиданіе результатовъ переворота",—говоритъ Hermano Neves, авторъ только-что вышедшей книги „Guerra Civil". „Въ самомъ дѣлѣ: финансы не возраждаются въ четыре мѣсяца; новое поколѣніе нельзя воспитать въ одинъ годъ. Между тѣмъ, двѣ силы соединились, чтобы нанести ударъ только-что народившейся республикѣ. Съ одной стороны, упрямые португальскіе капиталисты, живущіе въ Бразиліи, дали деньги авантюристамъ, желающимъ возстановить монархію; съ другой стороны, изгнанные іезуиты употребили всѣ усилія, чтобы представить въ глазахъ Европы республику въ видѣ шайки пьяныхъ, обезумѣвшихъ тирановъ. Съ этой цѣлью іезуиты начали распространять совершенно невѣроятные слухи" [2]). Приведу здѣсь кое-какіе примѣры. Недавно всѣ европейскія газеты помѣстили телеграмму, въ которой описывается невѣроятная анархія, будто бы существующая въ португальскихъ войскахъ: поручики бьютъ генераловъ, солдаты заставляютъ офицеровъ плясать и т. д. Португальскія газеты перепечатали эту телеграмму, какъ помѣстили бы русскія газеты сообщеніе иностранной прессы, скажемъ, о томъ, что по Нев-

---

[1]) „O Seculo", 9-го августа 1911.

[2]) Hermano Neves, „Guerra Civil", Лиссабонъ, 1911, стр. 186.

скому проспекту обскакивали другъ друга двѣ телѣги, запряженныя тройками бѣлыхъ медвѣдей. Теперь извѣстно, откуда телеграфныя агентства почерпнули свои сообщенія. Въ испанскомъ городкѣ Туи (въ провинціи Понтеведжа) выходитъ іезуитская газетка „La Integridad", которая теперь стала лейбъ-органомъ португальскихъ роялистовъ. Въ этой крошечной, сѣренькой газеткѣ, въ нумерахъ отъ 1-го и 2-го августа, появились статьи: „Португальская комедія" и „Революціонное воинство", немедленно переданныя по телеграфу во всѣ концы Европы. „Нѣсколько дней тому назадъ,—читаемъ мы въ газеткѣ,—въ Опорто кавалерійскій поручикъ нанесъ тяжкое оскорбленіе дивизіонному генералу Барроуфейро. Желая проявить свой авторитетъ, генералъ приказалъ поручику сѣсть на коня.

— Нѣтъ, старина, сперва полѣзай ты на коня! Дурачина ты этакій!—крикнулъ поручикъ.

Генералъ, чувствуя себя героемъ, выхватилъ саблю и началъ выкидывать ею фортели.

— Негодяй ты этакій! Мерзавецъ! Я тебя сейчасъ зарублю!—заревѣлъ генералъ.

Но поручикъ кинулся на генерала, выхватилъ у него саблю и закатилъ ему два хорошихъ пинка въ животъ. Бѣднаго генерала отнесли безъ чувствъ въ госпиталь, гдѣ онъ теперь находится при смерти. Во всякой другой цивилизованной странѣ поручика немедленно предали бы военному суду и разстрѣляли бы въ двадцать четыре часа, — заканчиваетъ поповская газетка,—въ Португаліи же все происходитъ наоборотъ. Поручикъ не только остался безнаказаннымъ, но говорятъ даже, что журналисты Опорто устроили ему обѣдъ съ шампанскимъ". Надо ли говорить, что весь этотъ разсказъ—выдумка отъ первой буквы до послѣдней? Изъ той же газетки исходитъ сообщеніе, также переданное телеграфнымъ агенствомъ во всѣ страны, что португальскіе солдаты невѣроятно грубы съ офицерами. „Разъ трубачъ вошелъ въ офицерскую казарму, — разсказываетъ поповская газетка [1]),—и обратился къ офицеру, находившемуся при оружіи:

— Гражданинъ поручикъ! Да здравствуетъ республика!

— Да здравствуетъ она!

— Очень хорошо. Теперь знаю, что ты нашъ. Теперь почеши мнѣ лопатку.

— Какую, правую или лѣвую?—спросилъ офицеръ.

— Правую.—И офицеръ полчаса чесалъ спину солдата, а тотъ называлъ его дуракомъ и идіотомъ. Наконецъ кончился процессъ чесанія; но негодяй-солдатъ не былъ еще доволенъ, а потребовалъ,

---

[1]) „La Integridad", 2-го августа 1911.

чтобы начальникъ проплясалъ *матчишъ* и танецъ рака (tango del cangrejo).

— Послушай! Не могу я теперь,—молилъ поручикъ.—Я усталъ.

— Вотъ еще упрямецъ! Пляши, говорятъ тебѣ! Иначе я съ тобою посчитаюсь!

Офицеръ тяжело вздохнулъ и принялся вывертывать ногами. Черезъ нѣкоторое время,—продолжаетъ газета,—вошелъ полковникъ. Желая угодить солдату, онъ произнесъ рѣчь противъ Паивы Кусейро (вождь роялистовъ). Все это закончилось обильными возліяніями". По словамъ той же газетки, въ Фигейрѣ (модный португальскій курортъ) подпоручики и солдаты врываются въ казино, танцуютъ съ „дочерьми аристократовъ" и заставляютъ ихъ декламировать безстыдные стихи Рубѐна Даріо (испанскій поэтъ—модернистъ). Португальскія газеты удивляются не тому, что іезуитская, крошечная, провинціальная газетка помѣщаетъ всю эту наглую ложь, но тому, что большія телеграфныя агентства передаютъ ее европейскимъ изданіямъ, а тѣ—печатаютъ, нисколько не колеблясь.

III.

Въ то время, какъ агенты монархіи снабжаютъ французскія, англійскія, нѣмецкія и испанскія газеты совершенно невѣрными свѣдѣніями о республикѣ, священники стараются расположить Zé povinho (крестьянство) въ пользу бѣглаго короля. Я видѣлъ нѣкоторыя картины, распространяемыя іизуитами среди крестьянъ Миньо (сѣверная провинція Португаліи). Одна изображаетъ Св. Амелію, молящуюся у алтаря. У святой—лицо королевы Маріи Амеліи. На алтарѣ—портретъ дона Мануэля. Подъ картиной напечатана „Молитва за королевство и короля": „Боже, избавь насъ отъ нечестивцевъ, таящихъ въ груди злыя мысли! Избавь насъ также отъ людей кровожадныхъ". Другая картина замысловатѣе. Изображаетъ она Бога-Саваоѳа, поражающаго молніей гидру республики. Другая молнія сбиваетъ *зонтикъ*, подъ которымъ скрывается стулъ съ изображенными на немъ треугольникомъ и циркулемъ. Зонтикъ—наивный символъ для *убѣжища* (abrigo). Треугольникъ и циркуль символизируютъ масонство, а стулъ—университетскую каѳедру. Другими словами, Господь поражаетъ масонство, укрывшееся при республикѣ на университетской каѳедрѣ (вожди республики, какъ извѣстно, профессора университета). Надо сказать, что крестьяне провинціи Миньо врядъ ли сослужатъ роялистамъ такую же службу во время гражданской войны (если она будетъ), какъ баски—дону Карлосу. „Zé povinho въ Миньо религіозенъ до край-

ности, но онъ чрезвычайно смиренъ и совершенно лишенъ воинственнаго духа. Вслѣдствіе этого роялисты не могутъ разсчитывать на помощь крестьянъ. Въ случаѣ гражданской войны Zé povinho будетъ стоять на колѣняхъ въ церкви передъ алтаремъ и молиться, вѣроятно, за монархистовъ. Но этимъ ограничится вся помощь, которую крестьяне окажутъ роялистамъ" [1]).

Іезуиты и роялисты не ограничиваются пропагандой, а собираютъ на испанской территоріи войска для насильственнаго ниспроверженія республики. Во время великой революціи вождями контръ-революціи были маркизы и графы. Въ Португаліи дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Хотя титулованной аристократіи здѣсь очень много (въ Португаліи почти каждый богатый человѣкъ если не „senhor marquez", то ужъ непремѣнно „senhor conde"; продажа дипломовъ составляла petit commerce Браганцевъ), хотя „маркизы" и „графы" очень недовольны потерей мѣстъ, которыя они занимали при монархіи, но одно дѣло ворчать, а другое—рисковать жизнью. Маркизы и графы хотѣли бы видѣть опять монархію въ Португаліи, но чтобы это сдѣлали *другіе*. Покуда аристократія выжидаетъ въ сторонѣ, за границей или въ своихъ великолѣпныхъ виллахъ въ Монтъ-Эсторилѣ и въ Каскаесѣ. Вождь роялистовъ Paiva Couceiro—фанатикъ, находящійся всецѣло въ рукахъ іезуитовъ. Остальные конспираторы, въ большинствѣ случаевъ, или бывшіе агенты полиціи и муниципальной гвардіи, прогнанные при республикѣ, или бродяги съ бора и сосенки, навербованные въ трущобахъ французскихъ и испанскихъ большихъ городовъ. Въ португальскомъ журналѣ я встрѣтилъ недавно „Сценку на границѣ", не особенно сильно впадающую въ шаржъ и не слишкомъ далеко уклоняющуюся отъ истины. Вождь роялистовъ сулитъ республиканцамъ:

Erguer uma fogueira em cada esquina.

(„Воздвигнутъ костеръ на каждомъ углу"). Конспираторы съ необыкновеннымъ одушевленіемъ кричатъ: „Pela bandeira azul e branca„ (за голубое съ бѣлымъ знамя!)

— Смѣлѣй, товарищи!—взываетъ командиръ.—Да здравствуетъ король! Впередъ: За алтарь и законъ!" Но вотъ появляются испанскіе карабинеры, и храброе воинство разсыпается по кустамъ. Карабинеры восклицаютъ въ изумленіи:

Pero que hombres, Dios mio! que embusteros!
Con que gana se marchan los guerreros!

(„Но что за люди, Боже мой! Что за хвастуны! Съ какой охотой убѣгаютъ эти воины!")

[1]) Hermano Neves, „Guerra Civil" (Лиссабонъ, 1911, стр. 37).

„Большая часть заговорщиковъ пали духомъ, потому что умираютъ съ голода, — пишетъ докторъ Eusebio Leão. — Вожди пытаются подбодрить ихъ разсказами про фантастическіе военные корабли, будто бы находящіеся въ распоряженіи бѣглаго кароля. Заговорщики начинаютъ убѣждаться, что не въ силахъ ничего сдѣлать для ниспроверженія Португальской республики".

У нѣкоторыхъ заговорщиковъ робость обусловливается голодомъ, а у другихъ—чрезмѣрной сытостью. Паива Кусейро и падре Кабраль увѣряютъ въ прокламаціяхъ, что король располагаетъ арміей въ тридцать тысячъ солдатъ и тремя военными кораблями, экипажъ которыхъ навербованъ въ Бразиліи и въ Калифорніи". Я не знаю, какими силами располагаетъ монархія (говорятъ, отъ 3 до 4 тысячъ волонтеровъ); могу только сказать, что она выбираетъ не особенно умныхъ агентовъ. Вотъ, напримѣръ, статья „Os Conspirantes" (Заговорщики), которую я нашелъ въ „O Seculo" отъ восьмого августа. На пароходѣ, идущемъ изъ Виго въ Фунчалъ, находится португальскій священникъ Теодоро Энрикесъ. Онъ бранитъ во всеуслышаніе республику и восхваляетъ монархію. Священникъ заявляетъ, что ему доподлинно извѣстно, что теперь въ Лиссабонѣ идетъ сраженіе между монархистами и республиканцами. Побѣждаютъ первые, и черезъ нѣсколько дней Браганцы возвратятся. Болтливаго священника обыскиваютъ и находятъ при немъ цѣлую сумку съ письмами, отправленными агентами короля къ гарнизону въ Фунчалѣ. Въ этихъ письмахъ офицеровъ и солдатъ убѣждаютъ измѣнить республикѣ. Такимъ образомъ монархія не въ силахъ была даже найти сколько-нибудь осторожнаго и умнаго агента для столь важнаго и опаснаго порученія, какъ передача подобныхъ писемъ!

IV.

Молодой республикѣ, въ концѣ концовъ, страшны не эти враги. Великій поэтъ говоритъ, что каждый „muss immer thun wie neu geboren". Этому совѣту государство, какъ бы оно ни было Neugeboren, не всегда можетъ слѣдовать. Португальская республика не можетъ въ восемь мѣсяцевъ исправить ошибки восьми вѣковъ. На придачу, „задерганная" травлей въ иностранныхъ газетахъ, она сдѣлала попытку опереться на имущіе классы. И тутъ она, какъ будто, повернула направо; такъ, по крайней мѣрѣ, поняли недавніе союзники правительства. Я сказалъ уже, что временное правительство разрѣшило стачки и проффессіональные союзы, строго преслѣдовавшіеся при Браганцахъ. Право стачекъ признано за рабочими проектомъ органическаго статута, внесеннымъ въ Учредительное собраніе (Assembléa Nacional Constituinte). Когда

дошло до права стачекъ, парламентъ большинствомъ пятидесяти голосовъ вычеркнулъ изъ органическаго статута этотъ параграфъ. Наиболѣе крайнія партіи, какъ напримѣръ Assambléa Popular de Vigilancia Social, усмотрѣли въ этомъ походъ вообще противъ права стачекъ, предпринятый въ угоду буржуазіи. Напрасно умѣренный „O Seculo" поспѣшилъ съ несомнѣнно инспирированной статьей: „O direito à gréve" (Право на стачку). „Въ проектѣ конституціи, представленномъ Національному собранію, былъ параграфъ, признающій право на стачку, который теперь вычеркнутъ. Что доказываетъ это? Не то ли, что республиканская партія отказывается отъ одного изъ главныхъ пунктовъ своей программы, признаннаго временнымъ правительствомъ, которое гарантировало право на стачку? Нѣтъ. Республиканская партія всегда утверждала, что стачка является въ рукахъ рабочихъ законнымъ средствомъ борьбы противъ чрезмѣрныхъ требованій капитала. Вотъ почему временное правительство признало то, что при монархіи считалось преступленіемъ. Можетъ ли Національное собраніе думать иначе? Такое предположеніе совершенно нелѣпо. Республиканская партія признаетъ стачку рабочихъ столь же законной, какъ и отвѣтную стачку предпринимателей (локаутъ)". Но почему же параграфъ вычеркнутъ изъ органическаго статута? Ничего нѣтъ проще,—объясняетъ газета. Въ конституціяхъ всѣхъ странъ говорится только объ *основныхъ* законахъ, тогда какъ право на стачки относится къ *обыкновенному* законодательству, которое покуда не обсуждается. Самыя крайнія партіи, относящіяся теперь нѣсколько подозрительно къ нѣкоторымъ членамъ министерства, не совсѣмъ удовлетворились такимъ объясненіемъ, и на этой почвѣ возникла манифестація второго августа, описанная телеграфнымъ агентствомъ какъ серьезный мятежъ. Дѣло происходило такъ. Партія общественной бдительности (Assemblea Popular de Vigilancia Social) выработала резолюцію, которую отправила, со спеціальной делегаціей, парламенту. Въ резолюціи требовались: „утвержденіе демократической республики, находящейся въ гармоніи со современными принципами", уничтоженіе поста президента республики, муниципальная автономія, уничтоженіе второй камеры и полная отмѣна всѣхъ монополій". Старый режимъ, нуждаясь въ деньгахъ, уступилъ иностраннымъ капиталистамъ (большею частью англичанамъ) многія монополіи. Въ результатѣ—дороговизна предметовъ первой необходимости, въ частности—оливковаго масла, составляющаго столь важный предметъ питанія въ Португаліи. На придачу въ послѣднее время крупные торговцы (açambarcadores) составили синдикатъ, задушили мелкую торговлю и подняли потомъ цѣны. Республиканское правительство не можетъ затронуть монополистовъ, потому что это вызвало бы вопль противъ новаго порядка въ англійской печати. Объ

этихъ монополіяхъ и говорится въ резолюціи партіи общественной бдительности. Къ делегаціи присоединились еще нѣсколько сотъ человѣкъ и получилась политическая манифестація. По дорогѣ къ парламенту толпа кричала, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ:

— Viva à liberdade! (Да здравствуетъ свобода!). Но раздавались также и другіе крики:

— Morra dos monopolisadores! (Смерть монополистамъ!)

— Долой монополію!

— Долой крупныхъ скупщиковъ!

— Долой эксплуататоровъ пролетаріата!

— Долой прессу, находящуюся на откупу у буржуазіи!

У парламента манифестантовъ встрѣтили полиція и республиканская гвардія. Впередъ пропустили только делегацію, съ которой сталъ объясняться министръ внутреннихъ дѣлъ. На упрекъ, что республиканское правительство возстаетъ противъ права стачекъ, министръ отвѣтилъ протестомъ. А манифестанты между тѣмъ кричали: „Abaixo"! (долой). Наиболѣе нетерпѣливые стали швырять камни по направленію къ порталу парламента. Затѣмъ въ толпѣ послышались два револьверныхъ выстрѣла, къ счастью произведенные въ воздухъ. Потомъ республиканская гвардія оттѣснила толпу. Значительная часть ея разошлась раньше, послѣ того какъ къ ней обратились съ рѣчами наиболѣе популярные депутаты. Даже и тогда, когда возбужденіе манифестантовъ достигло особаго напряженія, они привѣтствовали апплодисментами президента республики Теофиля Брагу, министровъ Бернардино Мачаду и Аффонсо Косту. Вотъ въ чемъ состоялъ „мятежъ второго августа", закончившійся четырнадцатью арестами. Соціалистическая партія въ резолюціи, вынесенной ночью второго августа, „выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что правительство, не проявивъ достаточно энергіи при уничтоженіи монополій, разоряющихъ народъ, довело массы до отчаянія; проявленіемъ послѣдняго былъ бурный протестъ второго августа". Партія полагаетъ, что толпа была раздражена отношеніемъ части депутатовъ къ закону о стачкахъ [1]).

Мы видѣли, что массы ставятъ въ пассивъ новому правительству безразличное отношеніе къ монополистамъ и къ трестамъ. Крайнимъ партіямъ хотѣлось бы, чтобы республика сдѣлала какой-нибудь рѣшительный шагъ и такимъ образомъ сразу уничтожила бы дороговизну предметовъ первой необходимости. Правительство отвѣтило инспирированной статьей въ „O Seculo" „На почвѣ дороговизны предметовъ первой необходимости,—читаемъ мы, здѣсь—возникла сильная

---

[1]) „O Intransigente", 3-го августа 1911.

агитація. И это вполнѣ понятно. Португальская пословица говоритъ, что „въ домѣ, гдѣ нѣтъ хлѣба, кричатъ всѣ и никто не слушаетъ доводовъ“ (Em casa onde nâo ha pâo, todos berram e ninguem tem razâo). Причины, которыми многіе объясняютъ дороговизну продуктовъ, не выдерживаютъ критики. Явленіе обусловливается не дурной администраціей, не слабостью правительства и не отсутствіемъ у него иниціативы, а строго опредѣленными экономическими законами. Въ самомъ дѣлѣ, дороговизну съѣстныхъ продуктовъ мы наблюдаемъ не только въ Португаліи, но и во всѣхъ европейскихъ странахъ. Она обусловливается многими причинами, лежащими внѣ нашего контроля: космическими явленіями, состояніемъ рынковъ, организаціей торговли и пр. Въ Испаніи отмѣнены теперь consumos (внутренніе налоги на съѣстные продукты), и тѣмъ не менѣе цѣны на предметы первой необходимости не подверглись сколько-нибудь замѣтнымъ колебаніямъ. Республиканское правительство ничего не можетъ сдѣлать противъ крупныхъ скупщиковъ (açambarcadores), образовавшихъ картель и скупающихъ продукты, чтобы поднять цѣны. Правительство тутъ безсильно. Не надо требовать отъ него больше, чѣмъ оно можетъ дать. Общество должно содѣйствовать развитію кооперацій (новое слово въ Португаліи, пріобрѣтающее характеръ панацеи). Только этимъ путемъ можно бороться съ чрезмѣрной жадностью эксплуататоровъ. Не слѣдуетъ только обращаться рѣшительно за всѣмъ къ правительству, — заканчиваетъ газета, — какъ будто оно представляетъ собою Провидѣніе. Поможемъ сами себѣ“.

Въ общемъ, республика всетаки популярна. Монархія, собственно говоря, не имѣетъ сторонниковъ, готовыхъ на жертвы для ея возстановленія. „Пусть республиканцы попробуютъ, — говорятъ рядовые обыватели: — хуже чѣмъ при монархіи, во всякомъ случаѣ, быть не можетъ!“ Дѣйствительно, ввести худшій порядокъ, чѣмъ существовавшій при Браганцахъ—мудрено. Въ „Посланіи“ временнаго правительства къ Учредительному Собранію (отъ 21 іюня 1911-го года) говорится, между прочимъ: „Безконечно длиненъ списокъ преступленій, совершенныхъ послѣдней династіей. Одни и тѣ же дѣянія совершали основатель династіи и послѣдній представитель ея... Диктатура, учрежденная 10-го мая 1907-го года и кончившаяся 1-го февраля 1908-го года (т.-е. послѣ трагической смерти короля дона Карлоса и наслѣдника престола), представляла собою безпримѣрное посягательство на права португальскаго народа. Покуда продолжалась диктатура, происходили неслыханныя насилія надъ личностью гражданъ и самое безстыдное расхищеніе народныхъ суммъ. Члены королевскаго дома широко пользовались государственными финансами для погашенія личныхъ долговъ. Для прикрытія хищеній выполненъ былъ рядъ подлоговъ“.

Именно тѣмъ, что республика популярна, объясняется, почему жизнь страны такъ быстро приняла нормальный характеръ, какъ только Браганцы бѣжали. Торговые классы относятся къ республикѣ, въ общемъ, сочувственно, что доказывается, между прочимъ, крайне характерной резолюціей, принятой Лиссабонскимъ муниципалитетомъ 9-го августа и широко распространенной теперь въ Португаліи. Перевожу дословно этотъ интересный документъ.

„Принимая во вниманіе, что республиканское правительство, въ рукахъ котораго находятся теперь судьбы народа, нашло дѣла совершенно запутанными, а государственные фонды почти истощенными;

„что въ жизни цѣлой націи, какъ и въ жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ, матеріальный прогрессъ обусловливается экономическими причинами;

„что героизмъ народа проявляется не только конвульсивной энергіей въ драматическіе часы революцій, но и упорнымъ трудомъ въ мирное время, съ цѣлью содѣйствія экономическому возрожденію страны, разоренной безчисленными преступленіями монархіи;

„что со времени славной революціи 5-го октября 1910-го года прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ, т.-е. слишкомъ короткій срокъ для радикальнаго разрѣшенія самыхъ сложныхъ соціальныхъ вопросовъ, оставленныхъ въ наслѣдство монархіей и требующихъ страшныхъ жертвъ, вслѣдствіе совершенной запутанности финансовъ при старомъ режимѣ;

„что народъ, ясно понявшій важность историческаго момента и ставшій всецѣло на сторону республики, терпѣливо ждетъ, отнюдь не одобряя выступленій, нарушающихъ общественное спокойствіе;

„что безпорядки и волненія могутъ быть выгодны только реакціи, да врагамъ республики и родины,—

„Лиссабонскій муниципалитетъ привѣтствуетъ выборныхъ представителей героическаго и трудолюбиваго народа, занятыхъ теперь возстановленіемъ порядка, укрѣпленіемъ республики и возрожденіемъ страны“ [1]).

По резолюціи, вынесенной партіей Общественной Бдительности и приведенной выше, нельзя судить о требованіяхъ крайнихъ партій вообще. Онѣ отнюдь не претендуютъ на совершенно неисполнимое. Вотъ, напримѣръ, требованія организованнаго пролетаріата, выраженныя въ петиціи, представленной министру 7-го августа делегаціею отъ самаго обширнаго и наиболѣе организованнаго трэдъ-юніона въ Португаліи: отъ союза ткачей. „Восьмичасовой рабочій день на всѣхъ фабрикахъ; минимальная заработная плата, въ основу которой положена плата maximum, существующая теперь; уничтоженіе системы расплаты

---

[1]) „O Seculo“, 10-го августа 1911.

натурой; примирительныя камеры, состоящія изъ представителей хозяевъ, рабочихъ и правительства" [1]). Газеты съ „страшными" названіями отнюдь не выставляютъ страшныхъ требованій. Газета „A Lucta" (Борьба), напримѣръ, требуетъ широкаго мѣстнаго самоуправленія по англійскому образцу и всеобщаго образованіе. Требованіе независимой отъ вмѣшательства администраціи земской единицы понятно, если мы вспомнимъ, что въ прежнихъ португальскихъ провинціяхъ губернаторъ былъ безконтрольнымъ хозяиномъ. Республиканское правительство, — какъ заявилъ недавно министръ иностранныхъ дѣлъ Бернардино Мачадо въ рѣчи, произнесенной въ Калкаесѣ,— готово пойти навстрѣчу такимъ требованіямъ. Оно желаетъ, прежде всего, придти на помощь „пролетаріату и женщинамъ", наиболѣе обойденнымъ теперь въ Португаліи, а затѣмъ намѣрено „провести широкую реформу мѣстнаго самоуправленія".

Діонео.

Лиссабонъ, 13 августа.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ КУСТАРНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ ВЪ ИТАЛІИ

Кустарные промыслы распространены и въ сѣверной, и въ южной Италіи; такъ напр., въ Фріулѣ съ давнихъ поръ процвѣтаетъ кустарное производство деревянной кухонной посуды, въ южныхъ провинціяхъ—изготовленіе льняныхъ и бумажныхъ тканей и джута, въ Тосканѣ и Эмиліи — плетеніе соломенныхъ шляпъ и кружевъ. Въ послѣднее время на состояніе кустарной промышленности въ странѣ было обращено особенное вниманіе со стороны парламентскихъ и общественныхъ дѣятелей, въ виду значительной заболѣваемости и смертности рабочихъ отъ туберкулеза, вслѣдствіе антисанитарныхъ и тяжелыхъ условій труда. Въ 1908-мъ году было предпринято парламентское изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ въ Базиликатѣ, Кампаніи, Сициліи и другихъ провинціяхъ, результатомъ котораго было появленіе въ печати шести томовъ трудовъ такихъ ученыхъ, какъ Бордига (Кампанія), Ациманти (Базиликата), Маренга (Калабрія) и Лоренцони (Сицилія) [2]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1910 г. въ Моденѣ состоялся многолюдный національный конгрессъ представи-

[1]) „A Lucta", 8-го августа.

[2]) L'Industria domestica nella Basilicata, nella Campania e in Sicilia. Inchiesta parlamentare sulle condizioni dei contadini nelle provincie meridionali e nella Sicilia etc. (Римъ, 1909—1910).

телей различныхъ политическихъ партій, на которомъ обсуждался вопросъ объ улучшеніи экономическаго положенія кустарей и объ организаціи особой лиги для сбыта кустарныхъ издѣлій. Въ тоже время въ Падуѣ „Общество поощренія труда“ назначило конкурсъ на соисканіе преміи въ 5.000 лиръ за сочиненіе на тему: „Организація мелкой кустарной промышленности; какую экономическую и соціальную функцію она можетъ выполнять и какими средствами можно способствовать ея дальнѣйшему развитію“. Еще ранѣе Миланская рабочая палата предприняла изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ въ г. Миланѣ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія санитарныхъ условій труда кустарей. Изслѣдованіе промысловъ сапожнаго, башмачнаго, портняжнаго, бѣлошвейнаго, перчаточнаго, кружевного, бахромочнаго, бумажно-коробочнаго, гончарнаго, деревянныхъ издѣлій и др. производилось делегатами миланскаго муниципалитета. Оно было подворное или поквартирное. Изслѣдователи, подходя къ дому, спрашивали привратника, есть ли въ домѣ квартиранты, занимающіеся промысломъ и сколько такихъ хозяевъ; затѣмъ они входили въ квартиры кустарей, предупреждая, что единственная цѣль—помочь кустарямъ въ улучшеніи условій труда. Нѣкоторые изъ кустарей совсѣмъ, однако, не захотѣли отвѣчать на вопросы, изъ боязни, какъ бы изслѣдованіе не повлекло за собой стѣсненія ихъ труда со стороны санитарной коммиссіи или увеличенія налоговаго бремени со стороны фиска. На бланкѣ записывались улица, № дома, этажъ, въ которомъ находилась квартира кустаря-хозяина, имя и фамилію его, возрастъ и полъ, а также число, полъ и возрастъ рабочихъ—своихъ, семейныхъ и наемныхъ,—и родъ промысла, на кого работаютъ—на рынокъ, на заказчика или на предпринимателя, число занимаемыхъ комнатъ, ихъ размѣръ, число и величина оконъ, выходятъ ли они на улицу, или на дворъ, въ коридоръ и пр. Означались, дальше, какъ согрѣвается помѣщеніе, не служатъ ли помѣщеніемъ для мастерской спальная комната, кухня, или та и другая вмѣстѣ, чѣмъ освѣщается помѣщеніе. Вслѣдъ затѣмъ изслѣдователи составляли краткую характеристику помѣщенія со стороны его удобствъ и санитарныхъ условій.

Частью лѣтомъ, частью зимой 1909-1910 г. было произведено другое, болѣе детальное экономическое изслѣдованіе двумя женщинами: учительницей элементарной школы Лаурой Казартелли „всегда интересовавшейся вопросомъ организаціи женскаго труда на кооперативныхъ началахъ“, и инспектрисой труда Сантой Волонтери. Предпологалось осмотрѣть сто квартиръ, но на самомъ дѣлѣ осмотрѣно, по разнымъ причинамъ, только 51. Первая группа изслѣдователей представила результаты своихъ изслѣдованій въ табличной формѣ; послѣдняя дала рядъ отдѣльныхъ монографій о каждомъ кустарѣ и

составила краткую таблицу, съ означеніемъ профессіи, пола, возраста, количества часовъ дневного труда и средняго недѣльнаго заработка. Изслѣдованію подверглись по первой программѣ 1.362 мужчины и 3.155 женщинъ, всего 4.517 лицъ, занимающихся 139 различными промыслами, т. е. 3,3% къ общему числу рабочаго населенія въ гор. Миланѣ (134.662 чел. обоего пола). Личный составъ кустарныхъ промышленниковъ распредѣлялся такъ:

		Мужч.	Женщ.	%
Хозяевъ		970	2072	67,35
Рабочихъ:	членовъ семьи	82	362	9,83
	наемныхъ рабочихъ и учениковъ	310	721	22,82

Рабочіе и ученики по своему возрастному составу распредѣляются такъ:

	Свои.	Наемные.
	въ %.	
Отъ 10 до 15 лѣтъ	17,57	31,33
„ 16 „ 20 „	23,42	41,80
„ 21 „ 40 „	36,71	20,28
„ 41 „ 60 „	12,84	2,62
Выше 60 „	1,58	0,19
Неизвѣстн.	7,88	3,78

Изъ двухъ категорій рабочихъ—своихъ и чужихъ,—большинство первыхъ было въ старшемъ возрастѣ, большинство послѣднихъ — въ младшемъ. Наемныхъ рабочихъ было больше у хозяекъ, чѣмъ у хозяевъ; у первыхъ они составляли 52,2%, у послѣднихъ—40,4%. Всѣ миланскіе кустари живутъ и работаютъ въ наемныхъ квартирахъ, уплачивая за одну комнату отъ 105 до 125, за двѣ—отъ 190 до 260, за три—отъ 300 до 350 лиръ въ годъ. По квартирамъ они распредѣляются такъ:

	Хозяевъ.	%
Въ нижнемъ этажѣ, ниже уровня земли	356	11,70
„ 1-мъ этажѣ	715	23,50
„ 2-мъ „	733	24,10
„ 3-мъ „	666	21,89
„ 4-мъ „	416	13,68
„ 5-мъ „	133	4,37
„ 6-мъ „	17	0,56

Если считать квартиры, помѣщающіяся въ трехъ первыхъ этажахъ, наиболѣе удобными для жилья, то онѣ составятъ 69,49% общаго числа квартиръ; остальныя квартиры слѣдуетъ считать неудобными. Еще большее зло для квартирантовъ-кустарей заключается въ томъ, что они распредѣляются по квартирамъ очень скученно: 990 хозяевъ (32,52%) помѣщаются въ одной комнатѣ, 1.489 (48,95%)—въ двухъ, 365 (12%)—въ трехъ. Въ большинствѣ случаевъ въ одной комнатѣ

живутъ по 6 человѣкъ, въ двухъ—по 11, въ трехъ—по 14 человѣкъ. Въ числѣ особенно неблагопріятныхъ условій труда является также и то обстоятельство, что только 301 хозяинъ (9,89%) работаютъ въ особой отъ жилища мастерской; 165 хозяевъ (5,43%) работаютъ въ той же комнатъ, гдѣ и спятъ, 1.598 (52,53%) — въ кухнѣ, 916 (30,11%)—въ кухнѣ и спальной, 24 (0,79%) живутъ и работаютъ въ помѣщеніи привратника. Въ 285 помѣщеніяхъ (29,09%) показано керосиновое освѣщеніе, въ 2.529 (83,14%) газовое и въ 42 (1,38%) электрическое.

Большинство кустарей работаетъ на предпринимателя, живущаго въ томъ же городѣ; нѣкоторые работаютъ на заказчиковъ—на магазинъ, на торговую компанію и пр. Абажурное производство находится въ рукахъ рабочей артели, которая сама закупаетъ матеріалъ и сама сбываетъ издѣлія на рынокъ; въ рукахъ артели также работа нанизыванья коралловъ на нитки. Изъ всѣхъ отраслей кустарной промышленности наибольшій заработокъ падаетъ на сапожный и башмачный промыселъ, который даетъ кустарю, при 14—15 часовомъ ежедневномъ трудѣ, отъ 5 до 8 руб. въ недѣлю; промыселъ сгибанія и сшиванія богослужебныхъ книгъ даетъ работницѣ заработокъ отъ 2 до 2 руб. 50 коп. въ недѣлю. Въ Миланѣ существуетъ женская артель, занимающаяся тѣмъ, что, получая отъ предпринимателя деревянныя кукольныя головки, прикрѣпляетъ къ нимъ сшитое изъ тряпокъ туловище, шьетъ и надѣваетъ на куклы соотвѣтствующее платье. Работа эта, продолжающаяся 8—9 часовъ въ день, даетъ заработка отъ 2 до 3 руб. въ недѣлю. Наемные рабочіе получаютъ отъ 25 до 30 и болѣе чентезимовъ въ день, на хозяйскихъ харчахъ (бахромочное и галстучное производство). Но даже тѣ изъ кустарей, которые зарабатываютъ отъ 17 до 20 лиръ въ день, жалуются на свое тяжелое положеніе. Большую часть заработка поглощаетъ квартирная плата, отопленіе и освѣщеніе, стирка бѣлья; немало времени и средствъ отнимаютъ хожденіе за работой и отнесеніе издѣлій предпринимателю, живущему иногда на другомъ концѣ города, причемъ нерѣдко въ обоихъ случаяхъ приходится тратиться на трамвай, и не одинъ, а два и три раза въ недѣлю (напр. портнымъ). Работа кустарей не постоянная: въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ въ году бываетъ мертвый сезонъ, вызывающій необходимость подыскивать какую-либо другую работу. Изслѣдователями констатировано плохое питаніе кустарей: полента, минестра и хлѣбъ,—почти единственные предметы питанія; мясо потребляется въ небольшомъ количествѣ разъ въ недѣлю.

2-го мая текущаго года въ „Соціальномъ Музеѣ“ города Милана состоялось совѣщаніе нѣсколькихъ ученыхъ, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей для обсужденія результатовъ изслѣдованія. Со-

вѣщаніе пришло къ заключенію, что наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ улучшенія матеріальнаго положенія кустарей была бы замѣна кустарнаго производства фабричнымъ и организація кустарной промышленности на кооперативныхъ началахъ. То и другое осуществимо лишь длительнымъ процессомъ приспособленія рабочихъ къ новымъ формамъ труда. Совѣщаніе остановилось на палліативныхъ мѣрахъ. Постановлено организовать лигу для сбыта кустарныхъ издѣлій; просить санитарную коммиссію чаще посѣщать жилища кустарей и настаивать передъ домохозяевами на улучшеніи санитарныхъ условій; добиваться повышенія заработка кустарей, для чего войти въ сношенія съ предпринимателями; обязать хозяевъ и предпринимателей вести особыя книги, въ которыя должны быть внесены всѣ рабочіе поименно, количество дневныхъ и ночныхъ часовъ труда рабочихъ и сумма ихъ вознагражденія. Наконецъ, предположено изслѣдовать кустарную промышленность на возможно большемъ районѣ, и особенно тѣ промыслы, которые всецѣло находятся въ рукахъ предпринимателей.

И. Красноперовъ.

ВЪ СТРАНѢ НЕГУСА

Время отъ времени въ европейской печати появляется телеграфное сообщеніе о далекой, невѣдомой Абиссиніи. Странно звучатъ имена и титулы, и чѣмъ-то чуждымъ, незнакомымъ и экзотическимъ вѣетъ отъ нихъ. Правда, имя негуса Менелика хорошо извѣстно Европѣ, но этимъ, въ большинствѣ случаевъ, и ограничиваются наши познанія о странѣ въ высшей степени оригинальной и своеобразной, странѣ, въ которой дѣйствительность, а не усилія воображенія, переноситъ насъ, какъ по мановенію волшебства, въ тьму временъ. Кажется, что жизнь здѣсь остановилась за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Вотъ Ревекка у колодца, съ амфорой, наполненной водою. Вотъ женщина съ ребенкомъ, верхомъ на мулѣ, завернутая въ бѣлое покрывало; спутникъ ея опирается на посохъ — и невольно чудится вамъ переселеніе въ Египетъ. Далѣе—черные невольники несутъ въ даръ хлѣбъ въ большихъ плетеныхъ корзинахъ, покрытыхъ пурпуромъ; одинъ изъ нихъ тащитъ на привязи барана... Почтенные старцы, задрапированные въ бѣлыя тоги, ведутъ бесѣду объ общественныхъ дѣлахъ... Вождь, окруженный солдатами и слугами, спѣшитъ ко двору императора; блестятъ на солнцѣ бѣлыя съ пурпуромъ тоги и щиты,

украшенные серебромъ; ихъ головы уснащены масломъ, на плечи наброшены шкуры пантеръ и леопардовъ. И образы далекаго прошлаго встаютъ передъ вами.

Европейская цивилизація не проникла въ Абиссинію. Абиссинцы даже не говорятъ ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ; они далеки отъ современности, но ошибочно было бы считать ихъ дикарями. У нихъ своя исторія, своя культура, нетронутая и самобытная, охраняемая отъ чуждыхъ вліяній высокимъ хребтомъ Абиссинскихъ горъ.

Впервые объ Абиссиніи упоминаетъ Марко-Поло. Онъ смутно говоритъ о какомъ-то христіанскомъ принцѣ, котораго онъ называетъ Prêtre-Jean; этотъ король-священникъ живетъ въ странѣ ароматовъ (Amoriférique), какъ называли въ то время берега Африки, прилегающіе къ Красному морю, благодаря массѣ растущихъ тамъ пахучихъ кустарниковъ. И только въ 1499-мъ году португальцамъ Covilhem и de Païva, посланнымъ въ Красное море, удается собрать болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ черномъ христіанскомъ государствѣ. Covilhem рѣшается проникнуть въ сказочное царство, но назадъ оттуда уже не возвращается. Онъ становится почетнымъ плѣнникомъ Абиссинскаго государя. Таковъ былъ законъ страны, запрещавшій иностранцу, проникнувшему въ Абиссинію, выходъ оттуда. Но, тѣснимые арабами-мусульманами, абиссинцы, по совѣту того же Covilhem, отправляютъ къ португальскому королю посломъ армянина Матѳея съ просьбой о помощи, и португальцы снаряжаютъ туда довольно многочисленное посольство. Описаніе этого путешествія, сдѣланное однимъ изъ его участниковъ, Francises de Alvarez, дало европейцамъ первыя свѣдѣнія объ Абиссиніи. Путь въ Абиссинію остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ тѣ времена; только, можетъ быть, наше воображеніе, болѣе сухое, наша нелюбовь къ таинственному, населяютъ его меньшими ужасами. Впрочемъ, достаточно ступить на африканскій берегъ въ Джибути, откуда начинается путь въ Абиссинію, чтобы и современнаго путешественника охватилъ страхъ передъ пустыней, называемой Сомалійскимъ берегомъ. Сомалійская пустыня тянется въ глубь материка и, еще болѣе дикая и знойная, подъ именемъ Данкалійской разстилается у самаго подножія Абиссинскихъ плоскогорій. Здѣсь все выжжено солнцемъ. Бѣлесоватое море мертво и пустынно, и не свѣжестью, а удушьемъ вѣетъ отъ этой металлической влаги. На землѣ хаосъ черныхъ, обугленныхъ камней: это—пейзажъ какой-то давно разрушенной планеты. Подъ раскаленнымъ, блестящимъ небомъ стелется путь къ туманнымъ, далекимъ горамъ, охраняющимъ входъ въ страну „Амара"—Абиссинію. Тамъ, за этими неясно голубыми горами, скрывается столица царя царей—Новый-Цвѣтокъ (Адиссъ-Абеба).

Правда, часть пустыни, по крайней мѣрѣ французскую территорію, можно проѣхать на какомъ-то подобіи желѣзной дороги. Эта пародія на желѣзную дорогу, которая иногда дѣйствуетъ, иногда какъ бы перестаетъ существовать на цѣлые мѣсяцы, идетъ на протяженіи 600 километровъ въ глубь пустыни и доходитъ до мѣстечка Деридауа, гдѣ формируются караваны. Деридауа—это, такъ сказать, авангардъ цивилизаціи; здѣсь еще можно найти постоялый дворъ, содержимый какимъ-то предпріимчивымъ грекомъ. На этомъ постояломъ дворѣ pêle-mêle живутъ и представители европейскихъ державъ, и купцы-индусы, и европейскіе авантюристы, и титулованные путешественники, и какіе-то подозрительные левантинцы, армяне, греки и смирніоты, стремящіеся въ Абиссинію въ надеждѣ заполучить концессію на страусовыя перья или на каучукъ, а можетъ быть и на золотыя розсыпи. Живутъ иногда недѣлями и даже мѣсяцами, пока не удастся образовать караванъ: найти необходимое количество погонщиковъ и вьючныхъ животныхъ дѣло нелегкое.

Весь этотъ людъ толпится тутъ же, въ оградѣ постоялаго двора; тутъ же сложены сѣдла, ящики съ консервами, тутъ же разставляютъ для пробы палатки, чтобы осмотрѣть, все ли въ исправности; пробуютъ вновь приведенныхъ лошадей и муловъ, кричатъ и торгуются. По цѣлымъ часамъ, ничего не дѣлая, сидятъ въ ожиданіи выступленія нанятые слуги: абиссинцы въ бѣлыхъ тогахъ,—стройные, бронзовые, голые сомали, съ кинжаломъ, заткнутымъ за поясомъ, вмѣсто всякаго одѣянія,—черные, какъ сапогъ, негры изъ далекихъ экваторіальныхъ провинцій,—забредшіе сюда изъ Адена арабы въ яркихъ и пестрыхъ чалмахъ, держащіе себя далеко и неприступно. Все это вооружено, такъ какъ первое, что спрашиваютъ, нанимаясь на службу, и абиссинецъ, и сомаліецъ, и негръ—какое ружье, какую „фужигра“ (fusil Gras — первыя ружья, которыя были привезены въ страну и посейчасъ очень распространены), и сколько патроновъ вы ему дадите.

Этотъ лагерь-базаръ скорѣе всего похожъ на большую человѣческую конюшню; но одного дня караваннаго пути достаточно, чтобы Деридауа показалась вамъ центромъ цивилизаціи. Это—послѣдняя нить, которая связывала васъ съ Европой, хотя все здѣсь даетъ чувствовать, что передъ вами не обыденное путешествіе, а долгій караванный путь, съ ночевками въ палаткѣ, подъ открытымъ небомъ. Все необходимое должно быть припасено заранѣе, такъ какъ ничего ни найти, ни купить въ дорогѣ будетъ нельзя. Главная забота—конечно вьючныя животныя; безъ нихъ вы пропадете въ дорогѣ, о нихъ больше заботятся, чѣмъ о людяхъ. Правда, можно устроиться съ купцами-нагади: за извѣстную плату они берутся доставить васъ и вашъ багажъ въ Адиссъ-Абебу. Но сколько времени продлится тогда

вашъ путь—это неизвѣстно. Будутъ безконечныя дневки, такъ какъ усталыя, замученныя животныя не въ состояніи будутъ двигаться дальше, и вмѣсто 20 дней вы проведете въ пути дней 30, а иногда и больше. Къ вамъ каждое утро будутъ приходить нагади и жаловаться, что вашъ багажъ тяжелъ, что колья отъ палатокъ и сундуки натерли спины муламъ; они будутъ ссориться съ вашими слугами; скандаловъ и брани вы не оберетесь, а потому лучше имѣть своихъ грузовыхъ муловъ и своихъ погонщиковъ.

Абиссинскихъ слугъ называютъ „ашкерами", т.-е. солдатами; это дѣйствительно солдаты, изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитанные въ войнахъ и походахъ. Абиссинецъ любитъ лагерную, кочевую жизнь; онъ скучаетъ, долго оставаясь на одномъ мѣстѣ. Къ этимъ безпрерывнымъ походамъ пріучила его вся воинственная исторія его народа, и потому нѣтъ людей болѣе удобныхъ, болѣе приспособленныхъ для трудныхъ экзотическихъ путешествій. Эти удивительные ходоки изо дня въ день, безъ устали, могутъ карабкаться по своимъ непроходимымъ горамъ, подгоняя муловъ, столь же, впрочемъ, привычныхъ, какъ и они, къ головоломнымъ спускамъ и подъемамъ. Никто такъ быстро и умѣло не поставитъ палатки, не нагрузитъ мула; никто такъ искусно въ проливной тропическій дождь, сложивъ въ видѣ печурки два камня, не разведетъ костра, какъ абиссинскій ашкеръ.

Но вотъ вы купили муловъ, наняли достаточное количество слугъ, распредѣлили между ними ихъ обязанности и завтра выступаете въ путь. Надо выйти до разсвѣта, чтобы пройти ту часть пустыни, въ которой расположено Деридауа и подойти къ горамъ, пока солнце еще не очень палитъ. Въ часъ ночи, а по абиссинскому счету въ шесть, вы покидаете Деридауа. Передъ вами двадцать дней глубокаго молчанія. Никакихъ вѣстей о жизни не будетъ доходить до васъ. Съ высоты 2.000—3.000 метровъ вы будете любоваться восходами солнца въ Данкалійской пустынѣ, которая разстилается у вашихъ ногъ; будете видѣть, какъ тамъ внизу поднимается ночной туманъ и таютъ розовыя облачка; будете всматриваться въ эту яркую, неизмѣнно освѣщенную, неумолимо-блестящую полоску земли, эту желтой лентой вьющуюся пустыню, которая идетъ къ морю, къ Европѣ.

Отъ Деридауа до Адиссъ-Абебы, столицы Абиссиніи, считаютъ около 700 верстъ, по такъ называемой Черчерской дорогѣ, если дорогой можно назвать ложе тропическихъ потоковъ, которые высыхаютъ во время абиссинскаго лѣта и составляютъ вѣковой путь Абиссиніи къ морю. Существуетъ, впрочемъ, еще другой путь, прямо черезъ Данкалійскую пустыню, начиная отъ Деридауа вплоть до подъема на Абиссинскія плоскогорья, собственно Абиссинію, или Шоа, гдѣ расположена Адиссъ-Абеба. Но путешественники, въ большинствѣ

случаевъ, избираютъ дорогу идущую по Черчерскому хребту, какъ наиболѣе живописную и пріятную. По пустынѣ перевозятся товары, которые, вслѣдствіе ихъ вѣса, трудно грузить на муловъ и приходится отправлять по болѣе плоской мѣстности на спинахъ верблюдовъ.

Въ разстояніи трехъ часовъ отъ Деридауа начинается подъемъ въ страну полудикихъ галасовъ, въ это преддверіе Абиссиніи—на Черчерскій хребетъ, нѣкоторыя вершины котораго достигаютъ 4.000 метровъ. Онъ тянется параллельно Данкалійской пустынѣ. Дивные лѣса, столь таинственные и темные, что въ нихъ, по словамъ португальскихъ путешественниковъ XV-го вѣка, страшно жить даже злымъ духамъ, почти сплошь покрываютъ горы. Все зелено въ Черчерскихъ горахъ: это—какое-то удивительное сочетаніе альпійскаго пейзажа и знойнаго юга. Странные цвѣты, причудливые, какъ птицы—и яркія, пестрыя птицы, какъ большіе цвѣты, блестятъ и переливаются всѣми красками въ темно-зеленой, сочной листвѣ. Уродливо-прекрасны громадныя кактусовыя деревья; съ ихъ чудовищныхъ вѣтвей свѣшивается, точно сѣдая, лохматая борода, зеленовато-пепельный мохъ-паразитъ. Пахучія травы покрываютъ всадника съ головой; живительно бодритъ воздухъ высокихъ горныхъ вершинъ. Въ чащѣ лѣса мелькаютъ граціозныя козочки; дикія цесарки медленно пересѣкаютъ дорогу и спокойно, съ любопытствомъ, смотрятъ на путника. Здѣсь все первобытно; человѣка мало знаютъ и не боятся его. Съ вершинъ могучихъ сикоморъ бросаютъ въ васъ листьями и сухими вѣтками черныя, съ блестящей шерстью, съ бѣлой, какъ манишка крахмальной рубашки, грудью, злыя священныя обезьяны—„гуарезы". Въ нихъ есть что-то непріятно-человѣческое; ихъ свободно можно принять за маленькихъ, черныхъ демоновъ. Вечеромъ, когда вы становитесь лагеремъ на ночевку, издалека, изъ какого-нибудь селенія, осторожно подходятъ къ вамъ женщины-галаски и приносятъ лепешки изъ теффа (Poa Abyssinica), похожія вкусомъ на нашъ ржаной хлѣбъ, и большія глиняныя амфоры съ тела (нѣчто вродѣ хлѣбнаго кваса). Галасы—земледѣльческое, осѣдлое населеніе Черчерскихъ горъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ они спустились, по словамъ абиссинскихъ хроникъ, изъ области верхнихъ озеръ, по всей вѣроятности—изъ области верхняго Египта. Воинственные, дикіе, на такихъ же дикихъ коняхъ, они заняли всѣ плодородныя долины Абиссиніи, оттѣснивъ абиссинцевъ на вершины горъ, и только послѣ долгой и упорной борьбы абиссинцамъ удалось подчинить ихъ себѣ. Они составляютъ теперь крестьянское населеніе Абиссиніи и находятся какъ бы въ крѣпостной зависимости отъ феодаловъ.

Внезапная темнота и холодъ смѣняютъ знойный, блестящій день. Въ шесть часовъ вечера вы уже на стоянкѣ и, сидя на складномъ

стулѣ у входа въ палатку, видите, какъ быстро спускается черная завѣса тропической ночи. Изъ мрака вырастаетъ передъ вами фигура дворецкаго-абиссинца, вашей заботливой и преданной няньки, на обязанности котораго лежитъ быть подлѣ васъ въ пути, и охранять входъ въ вашу палатку, и смотрѣть, хорошо ли осѣдланъ мулъ, и подавать чай, держать ваши деньги и знать всѣ ваши вкусы и привычки. Но вотъ и поваръ-арабъ, одинъ изъ знатныхъ сановниковъ вашей свиты, предшествуемый торжественно двумя поварятами. Приложивъ почтительно руку къ сердцу, онъ спрашиваетъ, когда прикажете подать обѣдъ. Вѣрнѣе было бы сказать—двѣ бараньи котлетки.

Колеблющееся, красноватое пламя освѣщаетъ темныя, закутанныя въ бурнусы фигуры слугъ. Они собрались вокругъ костра и смотрятъ, какъ ихъ поваръ готовитъ на кругломъ желѣзномъ листѣ плоскія, прѣсныя хлѣбныя лепешки. И фантастическія тѣни животныхъ и людей танцуютъ и расплываются въ пламени костра.

Десять дней пути по Черчерскому хребту—и передъ вами спускъ въ Данкалійскую пустыню. Это самая трудная, самая утомительная часть всего путешествія. Серьезно готовятся люди къ этому переходу: осматриваютъ животныхъ, провизію, фляги для воды, точно морякъ, пускающійся въ путь и заботливо вывѣряющій паруса. А внизу ровная, блестящая, залитая солнцемъ поверхность пустыни, которую вы должны пересѣчь поперекъ. Въ туманѣ, точно отдаленный берегъ, рисуются плоскія вершины высокихъ Абиссинскихъ плоскогорій—это видна Шоа, чисто абиссинская провинція, и ваши ашкеры съ радостью указываютъ вамъ на эти высоты; тамъ они будутъ дома.

Очаровательна эта послѣдняя стоянка передъ спускомъ въ пустыню, называемая Лагардимъ. Чудные альпійскіе луга, развѣсистые кактусы, подъ которыми разбита палатка... А на завтра предстоитъ спускъ съ высоты 2.000 метровъ. Спускъ ужасный; люди и животныя выбиваются изъ силъ, камни скользятъ изъ-подъ ногъ муловъ и глухо падаютъ въ отвѣсныя пропасти. Все ниже и ниже спускаетесь вы по узкимъ стремнинамъ, сдавленнымъ черными, обугленными солнцемъ скалами. А передъ вами еще долгій, знойный, безводный, 12-ти-часовой переходъ на другой день до береговъ Ауаша, одного изъ притоковъ Бѣлаго Нила. Пустынно и дико вокругъ, не видно даже кустика. Какой контрастъ послѣ Черчера! Только громадныя постройки термитовъ, этихъ гигантскихъ муравьевъ пустыни, скучно останавливаютъ вашъ взоръ. Къ этимъ муравьинымъ сооруженіямъ слуги абиссинцы относятся всегда подозрительно. Въ прежнее время зачастую дикіе данкали устраивали за этими громадными муравьиными кучами

засады и грабили караваны. Впрочемъ и самыя данкалійскія жилища по своей формѣ и цвѣту мало чѣмъ отличаются отъ термитныхъ построекъ. Термиты—это ужаснѣйшее зло, съ которымъ постоянно приходится бороться во время стоянокъ въ пустынѣ. Они ѣдятъ буквально все, кромѣ камня и желѣза, заползаютъ въ сундуки и въ одну ночь могутъ уничтожить все имущество. Поэтому первая забота слугъ при разгрузкѣ тюковъ, подложить подъ каждый сундукъ, подъ каждый ящикъ камешки, чтобы термиты не могли заползти туда.

Изрѣдка по дорогѣ попадаются стада крупныхъ антилопъ, величиной съ крупнаго быка, съ развѣсистыми рогами; издали ихъ можно принять за домашній рогатый скотъ. Онѣ идутъ на далекій водопой, къ берегамъ Ауаша, туда же, куда торопится и вашъ караванъ. Иногда по дорогѣ вамъ указываютъ на слѣды слоновъ. Гонимые человѣкомъ, они ушли изъ абиссинскихъ лѣсовъ въ дебри пустыни. А по ночамъ вы слышите рыканье льва; гіены и шакалы рыскаютъ вокругъ вашего лагеря и въ густой, неподвижной тьмѣ тропической ночи слышится ихъ отвратительное ау-уа-а. На разсвѣтѣ вы всегда можете видѣть, какъ нѣсколько шакальчиковъ дѣловито и серьезно торопятся къ себѣ домой. И все же пустыня обладаетъ неизъяснимымъ очарованьемъ. Я не говорю уже о лунныхъ ночахъ, которыя нигдѣ такъ не хороши, какъ въ пустынѣ. Небо перестаетъ тогда быть твердью: оно прозрачно и глубоко, оно все свѣтится; прозрачна и призрачна пронизанная свѣтомъ земля. И нѣтъ границы между небомъ и землей: они слились и потонули въ одномъ сіяніи. И душа приподнимается въ странномъ мечтательномъ созерцаніи. Кто пожилъ въ пустынѣ, тому не уйти изъ-подъ ея чаръ. Въ большомъ, многолюдномъ городѣ, среди всѣхъ благъ и удобствъ цивилизаціи, вдругъ проснется неудержимая тоска и снова потянетъ васъ туда, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ солнца и зноя, но гдѣ, какъ никогда, вы чувствовали свою внутреннюю свободу, чувствовали, какъ растетъ и ширится духъ вашъ и развертывается ваше „я“, не стѣсненное и не загроможденное никакими условностями, никакими лишними впечатлѣніями внѣшняго міра. Я часто слышала это отъ европейцевъ самыхъ разнообразныхъ національностей и общественныхъ положеній. Но еще ярче эта тоска по пустынѣ чувствуется у ея исконныхъ обитателей—данкалійцевъ и сомалійцевъ, которые, хотя и изрѣдка, попадаются въ качествѣ слугъ въ Адиссъ-Абебѣ. Этихъ властителей пустыни вы видите на берегахъ Ауаша. Гордо опершись на копье, бронзовые, нагіе, съ высокаго, крутого берега смотрятъ они, какъ переправляется черезъ стремительныя воды потока вашъ караванъ. Въ черные, курчавые волосы воткнуто страусовое перо—знакъ воина и мужа, уже свершившаго подвигъ, убившаго хоть одного врага. Встрѣчаете вы ихъ

и по дорогѣ въ пустынѣ, ведущими караваны верблюдовъ. Впереди, высоко поднявъ голову, выступаютъ тонкія данкалійскія дѣвушки. Кажется, что онѣ только что вышли изъ тьмы египетскихъ могилъ; такіе же, какъ у ихъ отдаленныхъ сестеръ, изображенныхъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ на стѣнахъ египетскихъ гробницъ, тонкіе члены и граціозныя угловатыя движенія, тотъ же профиль, тотъ же удлиненный разрѣзъ глазъ. И такъ же причесаны черные локоны, обрамляющіе ихъ лицо, и задрапированы вокругъ бедръ ихъ платья.

По всей вѣроятности, данкали и сомали, какъ и галасы, спустились изъ верхняго Египта. Родственная связь ихъ несомнѣнна, и можетъ быть, благодаря расовой близости, всѣ эти три племени одинаково легко приняли мусульманство, занесенное первоначально съ Аравійскаго берега въ Сомалійскую пустыню и вслѣдъ затѣмъ проникнувшее къ данкалійцамъ и галасамъ.

Между данкали и сомали нѣтъ большой разницы, какъ нѣтъ разницы между пустынями Данкалійской и Сомалійской. Правда, береговые сомали породнились съ арабами изъ Адена; но какъ тѣ, такъ и другіе, ведутъ кочевой образъ жизни, водятъ многочисленныя стада барановъ и занимаются перевозкой тяжелаго груза, который нельзя отправить на мулахъ по Черчерской дорогѣ и сподручнѣе везти въ Шоа прямо по пустынѣ, на верблюдахъ. Впрочемъ доставка товара по пустынѣ имѣетъ свои неудобства, такъ какъ можетъ продлиться не только мѣсяцы, но даже годы. Данкали—народъ воинственный; ихъ племена находятся въ безпрерывныхъ войнахъ между собой. Достаточно вашимъ возчикамъ-данкалійцамъ узнать, что племя ихъ выступило въ походъ противъ другого, сосѣдняго съ нимъ, чтобы они, очень впрочемъ аккуратно, сложили вашъ багажъ и ваши товары гдѣ-нибудь въ пустынѣ, а сами отправились бы воевать. Враждебное племя можетъ перебить и перерѣзать всѣхъ вашихъ верблюдовожатыхъ, но товаровъ вашихъ не тронетъ: таковъ рыцарскій законъ пустыни. Ихъ вамъ доставятъ, если племя, съ которымъ вы сговорились, случайно не будетъ праздновать свадьбу. Тогда опять сгрузятъ всѣ ваши ящики и тюки, и свободныя дѣти пустыни отправятся къ себѣ пить молоко и танцовать въ честь новобрачныхъ. Не ихъ вина, если къ тому времени подоспѣетъ періодъ тропическихъ дождей, и тогда уже верблюды откажутся двигаться. Да и къ чему торопиться. Не все ли равно, получите ли вы ваши тюки годомъ раньше или годомъ позже? Суетливость—скверная европейская привычка, несвойственная серьезнымъ и воинственнымъ мужамъ. Да и во всей Абиссиніи, если вы просите что-нибудь сдѣлать поскорѣе, вамъ ласково и вѣжливо отвѣ-

чаютъ „нега“, т.-е. завтра, при чемъ, конечно, это завтра можетъ настать и черезъ мѣсяцъ, и черезъ годъ, и черезъ десять лѣтъ.

Номинально данкалійцы признаютъ власть абиссинскаго негуса, но только номинально, хотя при дворѣ негуса держатся, въ видѣ почетныхъ плѣнниковъ, заложниками предводители нѣкоторыхъ племенъ, если ихъ удалось захватить солдатамъ императора. Я знавала одного изъ нихъ—вождя самаго дикаго данкалійскаго племени, „караю“. Его звали Гудети-Аба-Роба. Отданный подъ присмотръ одного изъ абиссинскихъ губернаторовъ, онъ не получалъ всего, что ему полагалось по штату и обратился къ намъ съ просьбой заступиться за него передъ Менеликомъ. Несмотря на его горестное положеніе плѣнника, престижъ его власти нисколько не былъ поколебленъ въ глазахъ его подданныхъ. И черезъ „пять лунъ“ послѣ нашего свиданія, когда мы были въ пустынѣ въ странѣ „Караю“, отъ имени Гудети-Аба-Роба намъ въ лагерь привели въ даръ быка и нѣсколько барановъ.

Еще одинъ день, и даже не день, а сутки безводнаго пути отъ береговъ Ауаша до береговъ другой рѣки, Тадичамалки—мѣста, излюбленнаго скорпіонами, змѣями и лихорадками. Пахучій, мимозный лѣсъ, полный обезьянъ, растетъ на берегу этой свѣтлой рѣчки. Хочется искупаться въ этихъ прозрачныхъ водахъ, но останавливаетъ сознаніе, что и здѣсь водятся крокодилы; ихъ меньше, чѣмъ въ Ауашѣ, но все же бываютъ случаи, когда они непрочь поживиться насчетъ неосторожнаго пловца. Отъ береговъ Тадичамалки начинается подъемъ на Абиссинскія плоскогорья, расположенныя террасами и окруженныя горными цѣпями вулканическаго происхожденія. Абиссинскія плоскогорья почти лишены лѣса. Это—или луга или пашни. Въ большинствѣ случаевъ абиссинцы выжигаютъ лѣса, чтобы распахивать землю, но иногда—вслѣдствіе вкоренившейся вѣковой боязни засадъ или внезапныхъ нападеній. Селенія ихъ всегда расположены на вершинахъ горъ, на наиболѣе господствующихъ пунктахъ, тоже вслѣдствіе этой постоянной борьбы за существованіе, а можетъ быть и въ силу гигіеническихъ условій, такъ какъ низменныя мѣста несомнѣнно лихорадочны. Лихорадки въ Абиссиніи ужасны; онѣ особенно свирѣпствуютъ въ пустынѣ. Иногда вымираетъ чуть не весь караванъ. На берегахъ Тадичамалки я видѣла лагерь одного нѣмецкаго инженера; большая часть его слугъ погибла отъ лихорадки въ пустынѣ, изъ двадцати человѣкъ осталось только трое, и онъ самъ былъ такъ плохъ, что не могъ двинуться дальше. Плоскія равнины Абиссинскихъ плоскогорій красивы только абиссинской весной, т.-е. въ сентябрѣ, послѣ четырехмѣсячнаго періода непрерывныхъ тропическихъ дождей — „кремта“, какъ называютъ ихъ Абиссинцы, — когда

все покрыто высокой, густой травой и сплошной стѣною стоятъ различные хлѣбные злаки. Въ Абиссиніи собственно два времени года: долгое, знойное лѣто, длящееся съ конца сентября до конца мая, и періодъ тропическихъ дождей, которые льютъ, не переставая, отъ начала іюня до конца августа. Вся жизнь тогда замираетъ. Это абиссинская зима. Небольшія горныя рѣчки Абиссиніи становятся бурными потоками и затопляютъ берега, а непрерывныя грозы съ градомъ обращаютъ землю въ жидкую грязь, доходящую людямъ чуть ли не до колѣнъ. И вся почва намокаетъ и пропитывается водой, какъ губка. Вы становитесь плѣнникомъ въ своемъ домѣ на цѣлыхъ четыре мѣсяца, такъ какъ иногда нѣтъ возможности даже перейти черезъ дворъ, или выйти въ садъ.

Ровно, тягостно жжетъ солнце на высокихъ, равнинахъ (2.500—3.500 метровъ). Хлѣбныя поля смѣняются лугами, усѣянными—точно гигантскими ландышами — громадными бѣлыми, пахучими лиліями. Безчисленныя стада быковъ и барановъ покрываютъ эти тучныя пастбища. Мирныя картины сельскаго быта проносятся передъ вами одна за другой. Утомительно однообразно тянется путь. Рѣзкій зной этихъ высотъ ожигаетъ вамъ лицо, и такъ же тягостенъ непрерывный вѣтеръ, который дуетъ на плоскогорьяхъ съ девяти часовъ утра до полуночи, только немного затихая на ночь. На шестой день пути по этимъ хлѣбнымъ полямъ, по необозримымъ пастбищамъ, съ небольшой возвышенности вамъ показываютъ на бѣлѣющее въ необъятной равнинѣ пятно. Это и есть „Новый Цвѣтокъ", Адиссъ-Абеба, „столица царя царей" и цѣль вашихъ стремленій. На послѣдней стоянкѣ вы оставляете погонщиковъ и грузовыхъ муловъ и во всемъ блескѣ и великолѣпіи совершаете свой въѣздъ въ Адиссъ-Абебу. Блеститъ вашъ мулъ, въ первый разъ за всю дорогу прилично вычищенный. Вокругъ тѣснятся и бѣгутъ ваши слуги, вѣтеръ развѣваетъ бѣлоснѣжныя, чистенькія ихъ тоги; солнце играетъ на штыкахъ и копьяхъ, на щитахъ и на кинжалахъ, заткнутыхъ за поясомъ, такъ какъ ваши ашкеры для этого торжественнаго случая нацѣпили на себя все имѣющееся у нихъ оружіе. Удивительные всадники мчатся вамъ навстрѣчу. Это „Новый Цвѣтокъ" высылаетъ своихъ воиновъ привѣтствовать васъ. Развѣваются на плечахъ ихъ звѣриныя шкуры, несутся по вѣтру зеленыя и оранжевыя ленты—національные цвѣта Абиссиніи. Косматыя, львиныя гривы украшаютъ ихъ головы. Дико носятся они по полю, бросая на всемъ скаку копья; сверкаютъ украшенные серебромъ и золотомъ щиты и пестрые, вышитые цвѣтными шелками чепраки сѣделъ. Это—такъ называемая „Фантазія", нѣчто въ родѣ рыцарскаго турнира, устраиваемаго въ честь прибывшихъ издалека именитыхъ путниковъ.

Два года провела я въ столицѣ негуса, и въ силу того, что мой

„гета“ (господинъ-мужъ) былъ „тылыкъ-московъ-хакимъ“ („великій московскій докторъ“), перевидала въ нашемъ домѣ чуть ли не всю Абиссинію, начиная съ послѣдняго раба и кончая императоромъ. Это было какъ разъ въ дни свободъ, съ 1904-го по 1906-й годъ. Слабые, заглушенные отзвуки гдѣ-то волновавшейся жизни чуть долетали до Абиссиніи. Да и что общаго могли имѣть событія XX-го вѣка, гдѣ бы они ни совершались, въ Россіи или въ западной Европѣ, съ этимъ старымъ міромъ, съ этими библейскими образами, когда даже обыденные предметы европейской жизни здѣсь кажутся излишними и ненужными? Тѣмъ не менѣе Абиссинія понятнѣе и ближе европейцу, чѣмъ другія восточныя страны. Въ ея говорѣ, въ ея улыбкѣ, въ ея одеждѣ и чувствованіяхъ намъ вспоминается историческое наше прошлое. И мягкія, благородныя складки абиссинской тоги, и библейскій языкъ ея хроникъ, и свободное, почетное положеніе женщины— все это ближе европейцу, нежели пестрыя, вышитыя причудливыми цвѣтами одежды Китая или Японіи, или темныя фигуры женщинъ, съ опущенными на лицо вуалями, скользящія по улицамъ Константинополя. Да и самыя лица абиссинцевъ, съ тонкимъ профилемъ, съ большими темными глазами, напоминаютъ намъ потемнѣвшіе лики византійскихъ иконъ. Знатные абиссинцы гордятся свѣтлой кожей, похожей по цвѣту на старую слоновую кость. Несомнѣнно, что долголѣтнее рабство сильно отозвалось на чистотѣ первоначальнаго типа; негритянскія черты встрѣчаются иногда въ самыхъ родовитыхъ семьяхъ — достаточно взглянуть на Менелика. Конечно, самъ негусъ отвергъ бы съ негодованіемъ подобное предположеніе. Шанкала, т.-е. негры, считаются у абиссинцевъ существами низшими. Какъ-то разъ къ Менелику пріѣхалъ чрезвычайный посолъ отъ одной изъ негритянскихъ республикъ Южной Африки съ предложеніемъ всѣмъ чернымъ расамъ объединиться. Долго слушалъ императоръ блестящіе проекты самозащиты и борьбы съ бѣлыми. И наконецъ очень вѣжливо спросилъ чернаго посланника, какое отношеніе имѣетъ все это къ нему и къ Абиссиніи, и предложилъ „Тукуръ-Фаранжи“ (черному иностранцу) обратиться къ царямъ шанкала — тамъ-де это будетъ умѣстнѣе.

„Тарыкъ-Негистъ“ — абиссинская хроника—возводитъ родъ абиссинскихъ царей отъ Соломона и царицы Македа, т.-е. царицы Савской. Чисто семитическія лица встрѣчаются особенно часто среди тигрейцевъ, на сѣверо-западѣ. Шоанцы сохранили европейскій окладъ головы и профиль, несмотря на темный цвѣтъ кожи и нѣсколько развитую нижнюю часть лица. Да и многія черты характера сильно приближаютъ абиссинцевъ къ европейцамъ. Типъ отважнаго воина, непреклоннаго государственнаго мужа, преисполненнаго сознаніемъ

долга, какими рисуются намъ герои древняго міра, нерѣдко можно встрѣтить въ Абиссиніи. Я помню нѣсколько чисто римскихъ фигуръ среди абиссинскихъ военноначальниковъ, великолѣпныхъ въ своей суровой простотѣ. И чувство собственнаго достоинства, иногда даже переходящее въ высокомѣріе, благородная изысканность манеръ, ясность ума, отсутствіе фанатизма одинаково свойственны какъ знатнымъ, такъ и простымъ абиссинцамъ. Пожалуй, самымъ непріятнымъ элементомъ въ Абиссиніи, какъ и повсюду въ колоніяхъ, являются европейцы. Своей грубостью и жестокостью, неразборчивостью въ выборѣ средствъ для достиженія цѣлей, они даютъ абиссинцамъ очень печальное представленіе объ европейской культурѣ. Недаромъ, провожая французскаго путешественника и посланника д'Абади въ Европу, абиссинцы говорили: „Тебѣ трудно будетъ жить среди твоихъ соотечественниковъ. За двѣнадцать лѣтъ, которыя ты провелъ съ нами, ты привыкъ къ вѣжливому и деликатному обращенію. Какими грубыми и невоспитанными теперь тебѣ должны показаться европейцы".

Абиссинецъ—прежде всего воинъ. Быть солдатомъ—это единственное, что онъ умѣетъ, знаетъ и любитъ. Ремесла находятся въ полномъ пренебреженіи; къ земледѣлію абиссинцы относятся также свысока и предоставляютъ его галасамъ. Галасы составляютъ крестьянское населеніе Абиссиніи. Они обязаны платить дань натурой—т.-е. хлѣбомъ, скотомъ, кожами, медомъ,—господину, на землѣ котораго сидятъ. Домашнія работы исполняются въ Абиссиніи рабами-неграми, шанкала. Рабы набирались изъ военноплѣнныхъ при усмиреніи какой-нибудь изъ многочисленныхъ негритянскихъ провинцій, управляемыхъ царьками, подвластными абиссинцамъ, или при покореніи какой-нибудь новой области со стороны экваторіальныхъ провинцій или озера Рудольфа. Десять лѣтъ тому назадъ императоръ Менеликъ издалъ законъ, по которому рабы перестали быть частной собственностью, а стали какъ бы собственностью государства. Право распредѣленія рабовъ между абиссинцами принадлежитъ императору, продать другому лицу своего раба господинъ не имѣетъ права, подъ страхомъ тяжелаго наказанія—продавшему раба отсѣкаютъ руку. Если рабъ недоволенъ своимъ господиномъ, онъ можетъ жаловаться. Его отбираютъ и отдаютъ другому лицу, или берутъ во дворецъ.

Чрезвычайно развитое понятіе государственности, строго опредѣленныя правовыя отношенія дѣлаютъ изъ Абиссиніи далеко не первобытное государство. По своему политическому строю Абиссинія ближе всего подходитъ къ типу средневѣковыхъ феодальныхъ государствъ. Каждый феодалъ есть начальникъ и судья своимъ вассаламъ и военноначальникъ во время войны. Каждый начальникъ области обязанъ доставлять извѣстное количество продуктовъ ко двору болѣе крупнаго

феодала. Самымъ крупнымъ властителемъ является императоръ, распредѣляющій области между расами или военноначальниками. Расы—только пожизненные, несмѣняемые владѣльцы пожалованной области. Какъ жалованное имущество, такъ и самый титулъ не наслѣдственны; дарованіе ихъ вполнѣ зависитъ отъ воли императора. Дѣти расовъ могутъ всю жизнь остаться только „Іабетъ-Лиджочи", т.-е. дѣтьми знатныхъ. Наслѣдованію подлежитъ вообще только родовое имущество, а благопріобрѣтенное—лишь въ томъ случаѣ, если оставлено завѣщаніе; иначе оно признается выморочнымъ и переходитъ въ казну.

При каждомъ зажиточномъ абиссинскомъ домѣ живетъ цѣлый сонмъ священниковъ, а также воспитываются дѣти бѣдныхъ родственниковъ, которыя наряду съ хозяйскими дѣтьми обучаются воинскимъ упражненіямъ: метанію копій, ѣздѣ верхомъ, стрѣльбѣ въ цѣль и грамотѣ по псалтырю. Слуги и рабы также входятъ въ составъ семьи. Съ утра толпятся въ абиссинскомъ домѣ знакомые и кліенты. Они торопятся принести сплетни и новости лицу, которое имъ покровительствуетъ. Они же будутъ сопровождать своего патрона, если онъ поѣдетъ въ „геби", т.-е. во дворецъ къ императору, или къ другому крупному вассалу. Сидя на низкомъ диванѣ, устланномъ восточными коврами, и попивая тейчъ, абиссинскій вельможа слушаетъ всевозможные разсказы о происшествіяхъ въ городѣ и во дворцѣ, или принимаетъ равныхъ себѣ гостей, которые усаживаются тутъ же, на устланномъ цыновками или коврами, полу. Дворецкій подаетъ гостю такой же „брилли" (графинчикъ) тейча, обернутый въ пурпуръ, предварительно сливъ себѣ на руку и отхлебнувъ, чтобы засвидѣтельствовать безвредность напитка, такъ какъ все возможно въ Абиссиніи: чашка кофе или графинчикъ вина, предложенные въ какомъ-нибудь гостепріимномъ домѣ опасному сопернику, часто имѣютъ смертельныя послѣдстія. Облокотившись у дверей, стоятъ главные слуги, спустивъ тогу съ плечъ и задрапировавъ ее вокругъ бедеръ, какъ-то полагается передъ лицами высшими, и зачастую фамильярно вмѣшиваются въ разговоръ своихъ господъ. И также тѣснятся, точно ища покровительства вокругъ большого господскаго дома, маленькіе круглые домики, въ которыхъ живутъ слуги и бѣдные родственники. Въ такихъ же домикахъ расположены и всевозможныя службы: „мадъ-бидъ" — кухня, гдѣ готовятъ сильно приправленные перцемъ соуса и рагу, обжигающіе непривычному человѣку ротъ, но очень любимые абиссинцами: „тейджа-бидъ"—для приготовленія „тейча" или меда (національный абиссинскій напитокъ, напоминающій польскіе меды); „фарасъ-бидъ"—конюшни и т. д.

Широко и безпорядочно раскинулись всѣ эти маленькія усадьбы по обширной равнинѣ, на которой расположена Адиссъ-Абеба. Гор-

ныя цѣпи разступились, чтобы дать побольше мѣста столицѣ царя-царей, и синѣютъ на горизонтѣ въ видѣ довольно ровной кольцеобразной стѣны. Только на юго-востокѣ одиноко возвышается верхушка одного изъ давно потухшихъ вулкановъ Абиссиніи, Зокуала.

Екатерина Малиновская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ШАРЛЬ ВАНЪ-ЛЕРБЕРГЪ [1])

Въ каждомъ трудѣ, посвященномъ современной бельгійской литературѣ, можно найти имя Ванъ-Лерберга, въ связи съ литературнымъ движеніемъ „Молодой Бельгіи.“ Критика не можетъ обойти молчаніемъ, наряду съ меланхолическими, глубоко печальными стихами Жоржа Роденбаха, съ яркимъ, красочнымъ творчествомъ Эмиля Верхарна, стихотворенія Ванъ-Лерберга—гимнъ свѣтлой, чистой радости, гимнъ солнцу и красотѣ.

Скромный, робкій доминиканскій монахъ Фра-Анджелико, одинъ изъ первоклассныхъ итальянскихъ художниковъ XV-го вѣка, отличавшійся чистотою души и непорочною жизнью, прославившійся своимъ проникновеннымъ изображеніемъ неземной, идеальной, глубокой красоты ангеловъ, не умѣвшій передавать сильныя, жгучія страсти; Сандро Боттичелли, съ необыкновеннымъ мастерствомъ передававшій скрытый въ его душѣ разладъ, вѣчное исканіе, неудовлетворенные порывы; англійскіе прерафаэлиты, съ ихъ утонченнымъ творчествомъ, съ ихъ проникновеніемъ въ мистическую, наивную вѣру, особеннымъ пониманіемъ красоты, умышленнымъ скрываніемъ своихъ чувствъ—вотъ въ комъ надо искать источникъ поэзіи Ванъ-Лерберга, если считать необходимымъ вліяніе того или другого писателя или художника на вполнѣ самостоятельное творчество.

Біографія поэта очень несложна и не богата внѣшними фактами: раннее сиротство, опасная болѣзнь, пребываніе въ духовномъ коллежѣ, путешествія и снова болѣзнь, на этотъ разъ, съ роковымъ концомъ.

[1]) Біографическія данныя о жизни поэта заимствованы изъ книги А. Моккеля и нѣкоторыхъ статей, посвященныхъ Ванъ-Лербергу.

Родился Ванъ-Лербергъ въ Гентѣ (Gand) 21-го октября 1861 г. Отецъ его происходилъ изъ буржуазной фламандской среды, занимался коллекціонированіемъ старинныхъ фламандскихъ и голландскихъ гравюръ, былъ очень суроваго характера, поздно женился и умеръ, когда поэту было только 7 лѣтъ. Мать Ванъ-Лерберга была гораздо моложе отца, по происхожденію валлонка, очень мечтательная, нѣжная, красивая женщина, необыкновенно религіозная; ея душа была охвачена какой-то мучительною тайною, глубокою грустью, скрытою меланхоліей. Она имѣла большое вліяніе на характеръ сына и была имъ горячо любима. Послѣ смерти мужа она, съ сыномъ и дочерью, переѣхала въ другой, очень старинный домъ, съ большимъ фруктовымъ садомъ, доходившимъ до рѣки.

Въ обществѣ сестры и матери поэтъ выросталъ до тринадцатилѣтняго возраста, когда онъ опасно заболѣлъ и ему пришлось получить первое причастіе одновременно съ соборованіемъ. Нѣсколько дней спустя скончалась его мать, и жизнь мальчика рѣзко измѣнилась. Послѣ выздоровленія его помѣстили въ пансіонъ, затѣмъ его опекунъ, дядя Мориса Метерлинка, отдалъ его въ іезуитскій коллежъ святой Барбары, гдѣ воспитывались раньше его Жоржъ Роденбахъ и Эмиль Верхарнъ. Этотъ коллежъ нѣсколько разъ былъ описанъ Ж. Роденбахомъ. Онъ былъ замкнутъ какъ семинарія; священники говорили юношамъ проповѣди о томъ, что надо готовиться къ праведной смерти, произносили рѣчи объ адѣ и не позволяли посѣщать музеевъ, не давали читать поэтовъ; но юноши тайкомъ зачитывались и увлекались Мюссе, Ламартиномъ и, позднѣе Бодлэромъ.

Въ коллежѣ Ванъ-Лербергъ сблизился съ двумя другими поэтами, Морисомъ Метерлинкомъ и Грегуаромъ Ле-Руа; ихъ дружба осталась на всю жизнь незыблемой и вѣрной. Послѣ смерти Ванъ-Лерберга, Метерлинкъ писалъ Грегуару Ле-Руа: „Насъ теперь только двое!“ Всегда сдержанный, скромный, почти холодно-суровый въ обращеніи, Ванъ-Лербергъ рѣдко съ кѣмъ сходился, но настоящимъ его друзьямъ удалось узнать его чуткую, утонченную душу и они глубоко полюбили его.

Уже въ коллежѣ Ванъ-Лербергъ началъ писать стихи. Основанный тогда въ Брюсселѣ новый журналъ „La Jeune Belgique“, желавшій положить начало національной литературѣ и бороться съ равнодушіемъ бельгійской публики, внушалъ ему желаніе работать самостоятельно, творить.

Послѣ коллежа онъ не попадаетъ сразу въ университетъ, такъ какъ не выдерживаетъ экзамена; одно время хочетъ посвятить себя живописи, затѣмъ отдается навсегда поэзіи. Онъ на короткое время ѣдетъ въ Парижъ, печатаетъ тамъ первые свои стихи, въ жур-

налѣ „La Pléiade“, который редактировалъ тогда Rodolph Darzens (1886 г,). Черезъ нѣкоторое время въ журналѣ „La Jeune Belgique“ появляется статья Жоржа Роденбаха, уже составившаго себѣ имя, гдѣ онъ впервые обращаетъ вниманіе читателей на трехъ новыхъ поэтовъ: Шарля Ванъ-Лерберга, Грегуара Ле-Руа, Мориса Метерлинка. Эта статья ввела трехъ друзей въ кругъ пишущей братіи, указала имъ ихъ настоящее призваніе. Благодаря Роденбаху, стихи Ванъ-Лерберга скоро находятъ мѣсто на столбцахъ журнала „La Jeune Belgique“.

Въ этотъ періодъ времени, до 1889-го года, душа Ванъ-Лерберга была охвачена мыслею о смерти. Страхъ смерти, ужасъ при мысли о неизбѣжности рокового конца захватывалъ его душу еще съ дѣтства, подъ вліяніемъ печальныхъ настроеній его матери, затѣмъ подъ внушеніемъ католическихъ наставниковъ въ коллежѣ, отравлявшихъ всѣ радости въ жизни юношей. Ванъ-Лербергъ медленно, съ трудомъ сбрасывалъ съ своей души эти мрачныя наслоенія, чтобы стать впослѣдствіи поэтомъ свѣта, чистой радости и непорочной красоты. Его одноактная пьеса: „Les Flaireurs“ (*„Они почуяли“*—переводъ на русскій языкъ С. А. Полякова) является послѣднею жертвою, принесенною имъ на алтарь тяжелой и гнетущей тоски, связанной съ идеей о смерти. Пьеса была напечатана впервые въ 1889 г. въ журналѣ „La Wallonie“, который редактировалъ большой другъ Лерберга, тонкій и изящный поэтъ Альбертъ Моккель.

Съ 1889 до 1898 г. Лербергъ ничего не пишетъ или, во всякомъ случаѣ, ничего не печатаетъ; его душа охватывается то свѣтлою радостью, то глубокимъ сомнѣніемъ; онъ еще не увѣренъ въ своихъ творческихъ силахъ. Онъ покидаетъ Гентъ, устраивается въ Брюсселѣ и ступаетъ въ университетъ. Вскорѣ онъ получаетъ дипломъ доктора философіи и словесности и ищетъ мѣсто преподавателя въ какомъ-нибудь провинціальномъ заведеніи. Но это только временная уступка заботѣ о насущномъ хлѣбѣ; онъ не получаетъ никакой каѳедры и рѣшаетъ отдаться всецѣло поэзіи.

Бельгійскій поетъ Фернандъ Северэнъ, по характеру творчества близкій къ Лербергу, разсказываетъ въ статьѣ, посвященной поэту, что онъ нашелъ выгодное мѣсто въ администраціи одного изъ главныхъ музеевъ Брюсселя, но новыя обязанности, которыя онъ выполнялъ очень усердно, отнимали у него все время, и онъ не могъ писать стиховъ. Всѣ сулили ему хорошую карьеру, но прослуживъ два мѣсяца, онъ неожиданно для всѣхъ покидаетъ свое мѣсто, вызывая этимъ не только недоумѣніе, но и насмѣшки. Только одинъ Э. Верхарнъ, къ которому онъ пріѣхалъ посовѣтоваться передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на такой шагъ, одобрилъ его намѣреніе. „Faites des vers,—

сказалъ онъ Ванъ-Лербергу,—et soyez pauvre!" Эти слова навсегда рѣшили судьбу поэта. Онъ умѣетъ оставаться гордымъ и бѣднымъ; всѣ свои дни онъ проводитъ въ своихъ мечтахъ, все житейское, обыденное не имѣетъ для него никакого значенія. Онъ довольствуется одной небольшой комнатой, самой необходимой мебелью, и только благодаря такимъ ограниченнымъ потребностямъ получаетъ возможность путешествовать. Обрекая себя на скромную почти аскетическую, отшельническую жизнь, онъ идетъ по пути Фра-Анджелико, котораго такъ напоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ отрекается отъ всѣхъ житейскихъ благъ и наслажденій, въ міру словно становится монахомъ, и при помощи маленькихъ средствъ, которыми онъ располагалъ по наслѣдству, всецѣло отдается искусству. Онъ всегда интересовался и увлекался англійскими прерафаэлитами и флорентинскими художниками XV-го вѣка, но произведенія ихъ зналъ только по снимкамъ. Теперь онъ рѣшаетъ увидѣть ихъ въ подлинникѣ. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ онъ посѣщаетъ музеи, почти ни съ кѣмъ не знакомясь; подолгу остается въ Германіи, поселяется временно въ Мюнхенѣ, Берлинѣ; затѣмъ ѣдетъ въ Италію, проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ, переѣжаетъ во Флоренцію, въ ея окрестности. Въ 1902—1903 гг., работая надъ сборникомъ „*Пѣснь Евы*", онъ живетъ на границѣ валлонскихъ и французскихъ Арденскихъ горъ, въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ Буйонѣ, гдѣ вся обстановка, полное одиночество, красивые виды изъ окна, способствуютъ созданію гармоническихъ, музыкальныхъ стиховъ. Въ Брюсселѣ, нервный недугъ подтачиваетъ его силы и доводитъ до рокового конца. За годъ почти до смерти съ нимъ дѣлается первный ударъ въ домѣ его друга, Грегуара Ле-Руа. Болѣзнь подкрадывалась къ нему давно, но послѣднимъ толчкомъ къ ней былъ простой случай, происшедшій съ поэтомъ наканунѣ постигшаго его удара. Онъ возвращался домой поздно ночью: какой-то пьяный набросился на него и хотѣлъ сорвать съ него шляпу—и это неожиданное нападеніе слишкомъ сильно потрясло его больные нервы. Послѣ удара, за которымъ послѣдовали цѣлыя недѣли безсознательнаго состоянія, онъ нѣсколько оправляется; можетъ даже писать, но говоритъ съ трудомъ. Послѣ второго и третьяго ударовъ надежда на выздоровленіе исчезаетъ. Онъ забываетъ даже свои стихи: онъ только помнитъ, что сборникъ „*Пѣснь Евы*"—его книга, но что было въ ней написано, онъ уже не знаетъ. Затѣмъ у него вовсе пропадаетъ способность говорить начинается постепенное духовное и физическое умираніе, съ рѣдкими просвѣтами сознанія. Его помѣщаютъ родные сначала въ клинику, а потомъ въ больницу Institut St-Jean, гдѣ когда-то лежалъ больнымъ Бодлэръ.

Въ воспоминаніяхъ Грегуара Ле-Руа, напечатанныхъ вскорѣ послѣ

смерти Ванъ-Лерберга, мы находимъ два очень трогательныхъ мѣста: „Онъ долженъ былъ покинуть мой домъ, и свой домъ также, чтобы отдаться иллюзіи выздоровленія въ клиникѣ; я поддерживалъ его, помогая ему идти; когда мы вышли на террасу, съ какимъ-то намѣреннымъ порывомъ онъ повернулъ голову и бросилъ послѣдній взглядъ на садъ; его уста скривились отъ скрытаго рыданья и за все время пути, онъ, всегда стыдившійся грусти, не могъ прогнать съ своего лица этого печальнаго слѣда глубокой и безнадежной тоски... Въ первый разъ я видѣлъ его печальнымъ. Было-ли это предчувствіе, что онъ навсегда покидаетъ насъ? Этотъ несчастный садъ не казался-ли онъ ему вообще олицетвореніемъ природы и жизни? Увы! Это не было единственнымъ его рыданіемъ. Во время моего послѣдняго посѣщенія его въ больницѣ, онъ, можетъ быть, предчувствуя свой близкій конецъ, былъ необыкновенно со мною ласковъ; слезы не позволяли ему говорить, но онъ держалъ меня за руку, не хотѣлъ отпускать меня, когда я долженъ былъ уйти, тянулъ меня за одежду, какъ ребенокъ, точно онъ въ первый разъ боялся одиночества. Бѣдный, бѣдный мой другъ! Онъ былъ правъ. Мнѣ не суждено было больше его увидѣть!“

Ванъ-Лербергъ скончался 27-го октября 1907-го года. Его родные, порвавшіе съ нимъ изъ-за его пьесы „*Панъ*“, въ которой они, какъ и многіе критики видѣли антиклерикальную подкладку, мало заботились о немъ во время болѣзни; они даже не извѣстили объ его кончинѣ такихъ преданныхъ друзей, какъ Метерлинкъ и Моккель,— и только одинъ Ле-Руа скрасилъ ему послѣдніе дни своимъ трогательнымъ участіемъ.

Короткая, но очень сильная по настроенію пьеса Ванъ-Лерберга „Les Flaireurs“ вызвала много нареканій. Критика и публика увидѣли въ ней чуть-ли не плагіатъ пьесы Метерлинка „L'Intruse“ („*Непрошенная гостья*“). Но всѣ эти наговоры и упреки, можетъ быть и оказавшіе на Ванъ-Лерберга нѣкоторое дѣйствіе, оттолкнувшіе его отъ сцены, фактически невѣрны. Пьеса Ванъ-Лерберга была написана имъ въ 1888 г. и напечатана въ 1889 г., — въ журналѣ „La Wallonie“. Черезъ годъ въ томъ же журналѣ появилась пьеса Метерлинка „L'Intruse“. И Ванъ-Лербергъ и Метерлинкъ оба работали въ этомъ журналѣ. Ихъ пьесы, близкія только по настроенію, сильно рознятся по выполненію намѣченныхъ авторами плановъ. Очень возможно, какъ допускаютъ многіе критики, что оба поэта, связанные дружбой и всегда дѣлившіеся другъ съ другомъ своими сокровенными мыслями и настроеніями, были оба захвачены идеей смерти; но Ванъ-Лербергъ изобразилъ въ своемъ произведеніи приближеніе

смерти скорѣе съ пластической стороны, Метерлинкъ — съ философской. Самъ Метерлинкъ при первомъ же представленіи пьесы Ванъ-Лерберга (5-го февраля 1892-го года, въ Парижѣ, въ „Théatre d'Art"), высказывался въ томъ смыслѣ, что авторъ „Les Flaireurs" ничего не заимствовалъ изъ „L'Intruse", и, наоборотъ, „l'Intruse" является какъ бы дочерью этой пьесы. „Les Flaireurs" были поставлены въ 1896 г. на сценѣ парижскаго театра „l'Oeuvre" и переведены на англійскій, нѣмецкій, итальянскій, русскій и чешскій языки.

Подъ впечатлѣніемъ суроваго коллежа, гдѣ священники заставляли учениковъ постоянно думать о кончинѣ, поэтъ свѣтлой радости, счастья, любви, переживалъ въ теченіе многихъ лѣтъ ту мучительную тревогу неизвѣстности, которую вноситъ въ человѣческую душу мысль о смерти. Какъ католикъ, фламандецъ, онъ долженъ былъ испытать эту тревогу—и ея результатомъ явилась небольшая, но сильная пьеса, предназначенная авторомъ для театра фантошей. Дѣйствительно, при чтеніи ея, а тѣмъ болѣе при ея представленіи, мы чувствуемъ себя захваченными ожиданіемъ смерти; мы ощущаемъ, какъ что-то роковое, надвигается на насъ и что напрасна всякая борьба.

Содержаніе пьесы очень несложно: въ дождливую, грозовую ночь, среди порывовъ сильнаго вѣтра, у постели умирающей матери сидитъ любящая, молоденькая дочь, которая хочетъ бороться съ надвигающимся на нее горемъ. Старуха уже покорилась, она начинаетъ даже привѣтствовать ту, которая должна сейчасъ придти за ней; но дочь не можетъ допустить еще мысли о смерти матери. Она борется... Но въ дверь стучатъ постоянно слуги смерти, почуявшіе ея близость; приходитъ люди то съ водою, то съ бѣльемъ, то, наконецъ, съ гробомъ; они стучатъ, требуютъ, чтобы дочь открыла дверь, и когда она не соглашается и прогоняетъ ихъ, они въ полночь выламываютъ дверь—и старуха умираетъ... Діалогъ очень простой, сжатый; вся пьеса вѣрно и сильно передаетъ жуткое настроеніе, тревогу передъ неизбѣжнымъ концомъ. Ванъ-Лербергъ, любившій жизнь, все же задался цѣлью передать въ своей пьесѣ чисто физическій страхъ смерти, и это ему безспорно удалось.

Очень возможно, что Ванъ-Лербергъ указалъ новый путь для театральныхъ пьесъ, по которому пошелъ Метерлинкъ и добился міровой извѣстности. Но, бросивъ первое зерно, Лербергъ никогда не заглядывалъ больше на это поле, даже не поинтересовался узнать, что выросло изъ его сѣмянъ. Онъ не возвращался болѣе къ этому жанру пьесъ, съ короткимъ, сжатымъ діалогомъ, вызывающимъ глубокое настроеніе у зрителя; если онъ и написалъ впослѣдствіи, подъ конецъ жизни, еще пьесу „*Панъ*", то уже совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Послѣ большаго промежутка времени, въ 1898 г. вышелъ въ свѣтъ сборникъ стиховъ Лерберга: Les Entrevisions, т.-е. *„Просвѣты“*— то, что можно подсмотрѣть сквозь туманъ, скорѣе даже угадать, о чемъ можно мечтать, но чего нельзя и не слѣдуетъ ясно видѣть.

Этотъ сборникъ доставилъ ему тотчасъ же извѣстность, по крайней мѣрѣ въ литературной средѣ. Стихи Ванъ-Лерберга, проникнутые таинственною прелестью, нѣжною, цѣломудренной красотою, дышатъ свѣтлою радостью, скорѣе внушаютъ, чѣмъ опредѣляютъ гармоничную мелодію. Изъ всей его поэзіи вырисовывается какъ бы въ туманѣ прекрасный дѣвическій образъ, который остается надолго въ памяти.

Далекая отъ жизни, не знающая никакихъ житейскихъ заботъ, ничего обыденнаго, не понимающая ни злобы, ни ненависти, не испытавшая еще никакихъ яркихъ жгучихъ наслажденій, свѣтлая отъ внутреннихъ предчувствій, отъ предугадыванья радостей и счастья, блѣдная отъ скрытыхъ, на глубинѣ ея существа, экстазовъ любви, сотканная изъ всего хрупкаго и призрачнаго (une fragilité de verre), эта дочь солнца, божественная фея, полуребенокъ, полудѣвушка, юная богиня блещетъ неземною красотою. Это Ботичеллевскій ангелъ или Ботичеллевская мадонна! Она показывается поэту такъ же неожиданно, какъ внезапно забившій источникъ, въ его таинственной, едва уловимой, но глубокой мечтѣ (paradis enchanté d'un illusoire). Поэтъ готовъ умереть, созерцая ея божественную красоту, не осмѣливается промолвить слова и встрѣчаетъ ее только улыбкой, такъ какъ чувствуетъ, что переживаетъ одну изъ минутъ вѣчности, которую никогда не забудетъ, которою будетъ захваченъ въ теченіе всей своей жизни. Она божественно прекрасна, и ея красота такъ близка къ красивымъ женскимъ образамъ англійскихъ прерафаэлитовъ. Она вся— мечта! Въ ея глазахъ, надъ которыми опущены длинныя рѣсницы, отражается голубое небо, далекое, безконечное; они сверкаютъ и насквозь пронизываютъ, сжигаютъ поэта; онъ чувствуетъ въ нихъ точно чье-то дыханіе, чей-то трепетъ, шепотъ любовныхъ признаній, но въ такой туманной, едва уловимой формѣ!

Золотистые, длинные волосы, въ которыхъ играютъ солнечные лучи, полуоткрытыя уста, на которыхъ какъ бы дрожатъ ея будущіе поцѣлуи, звонкій смѣхъ, длинная, падающая складками одежда, божественный голосокъ, тихо напѣвающій нѣжныя слова, окружающіе ее цвѣты, воды, золотистый песокъ и раковинки,—все это окутано таинственною дымкою и вся она кажется вѣчнымъ символомъ радости и красоты! Поэтъ, увидѣвъ ее, забываетъ обо всемъ остальномъ, объ окружающей жизни; онъ ничего больше не ждетъ, ни къ чему не стремится, кромѣ нея; она, только она—его мечта! Онъ любитъ ее, soeur divine aux blanches ailes, всей глубиною своей души; онъ съ

перваго же момента ихъ встрѣчи отдалъ ей себя всего, все свое существо; съ нею связана каждая его надежда, каждая его тревога, каждое его желаніе, вездѣ она одна! Toi seule et toi toujours!

Такимъ мы видимъ Ванъ-Лерберга въ его „Entrevisions", такимъ онъ является и въ послѣдующихъ стихахъ, такимъ же онъ былъ въ жизни. Изъ разсказовъ его друзей, напечатанныхъ послѣ его смерти, видно, какъ онъ всегда искалъ олицетворенія своей мечты, какъ часто ему казалось, въ минуту увлеченія, что онъ нашелъ ее и какъ онъ всегда во время остонавливался и не шелъ до конца. До самой смерти онъ оставался одинокимъ, хотя такъ сильно хотѣлъ любить и такъ глубоко любилъ свою Мечту!

„Пѣснь Евы", второй стихотворный сборникъ Ванъ-Лерберга, появился въ свѣтъ въ 1904 г.; поэтъ работалъ надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ глубокаго раздумья, тихаго проникновенія въ свою мечту. Въ это время онъ почти ни съ кѣмъ не встрѣчался, весь отдался внутреннимъ переживаніямъ. Такъ работали примитивные художники, въ родѣ Фра-Анджелико, обращавшагося передъ созданіемъ своихъ фресокъ съ молитвою къ Богу.

За нѣсколько мѣсяцевъ до появленія въ печати „Пѣсни Евы", поэтъ писалъ своему другу Фернанду Северэну, въ творчествѣ котораго много общаго съ творчествомъ Ванъ-Лерберга: „Я буду печатать мою книгу въ теченіе этого года. Она окончена, но еще заполнена буйною растительностью всякихъ плевелъ. Я боюсь, не понадобится ли цѣлаго года на то, чтобы ихъ повыдергивать. Мои стихи не стоятъ очень многаго, такъ какъ это длинная поэма подъ единственнымъ названіемъ „Пѣснь Евы"; только въ нихъ есть красивыя строки, лучшія, какія я написалъ и можетъ быть, благодаря имъ, все остальное будетъ нравиться?!"

Въ сборникѣ „Пѣснь Евы", написанномъ музыкальными стихами, мы снова находимъ красивый образъ юной дѣвушки, но съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ. Красота и чистота остались тѣ же, но прибавились глубина и безуміе. Божественная, Ева, окруженная яркими лучами солнца, голубыми волнами моря, свѣжимъ дыханіемъ вѣтра, чудными цвѣтами и разнообразными звуками, отличается тѣми же голубыми, нѣжными глазами, тѣми же пламенными и жгучими устами, той же трепещущей душой, полной стремленія къ красотѣ. Въ минуту созданія Евы, въ чудное весеннее утро, Господь говоритъ ей: „Не думай ни о чемъ, всякое знаніе тщетно, люби только красоту и пусть только въ ней для тебя вся истина" (Toute science est vaine, n'aime que la Beauté et qu'elle soit pour toi toute la vérité). Ева—цвѣтокъ и дѣвственная пѣснь земли, пробуждающійся ребенокъ, чистая красота! Она чувствуется вездѣ и во всемъ, въ воздухѣ, въ

волнахъ моря, въ огнѣ, въ вѣтрѣ, во всѣхъ оттѣнкахъ красоты, во всѣхъ гармоническихъ звукахъ, во всѣхъ переливахъ свѣта, въ цѣломудренныхъ, чистыхъ рѣчахъ, въ разнообразныхъ цвѣтахъ, въ неподвижной тишинѣ ночи, въ сверкающихъ звѣздахъ, въ чуть колышащихся верхушкахъ лѣса, въ таинственныхъ глубинахъ моря, пѣнистыхъ волнахъ... Ева счастлива, беззаботна и весела—счастлива благодаря своему незнанію; для нея ничего не существуетъ, кромѣ красоты—она счастлива sans rien voir, rien entendre... Но когда наступаетъ для нея искушеніе, она сначала испытываетъ смущеніе: что-то большое надвинулось на нее, что-то чужое, постороннее заволокло ее всю, окутало какою-то непонятною дымкою. Она сомнѣвается, колеблется, переживаетъ что-то для нея непривычное; иногда она ощущаетъ жгучую тоску по прошломъ, по своей беззаботности; она готова плакать, рыдать; она медленно ходитъ, точно во снѣ, смотритъ на окружающее мрачными, иногда потускнѣвшими отъ ужаса глазами, прислушивается къ чему-то, что̀ говоритъ ей тамъ, въ ея душѣ, что-то новое, глубокое, сильное, опьяняющее, наполняющее необыкновенной радостью ея душу. Она задумывается: свѣтѣ все сосредоточено только въ Немъ (peut-être n'est-il rien au monde, que Lui, que Toi, songeur divin, tranquille et solitaire, qui sourit en m'ouvrant tes ailes de lumière). Она мечтаетъ о забвеніи, глубокомъ забвеніи всего.

Наконецъ, сомнѣнія проходятъ, и Ева понимаетъ, что она *любитъ*—любитъ глубоко, страстно, нѣжно и безумно. Она отнынѣ не боится слѣдовать своему влеченію (n'a pas peur de suivre ton désir et d'aller où ton cœur mystérieusement dans l'inconnu l'entraîne). Она все видитъ только въ немъ, все слышитъ только чрезъ него; ея прежде закрытые глаза вдругъ открылись, она стремится къ нему, и переживаетъ съ нимъ минуты, которыя близки къ вѣчности, тѣ минуты,

Où tout atteint son âme,
Où tout se lève en son bonheur, et chante,
Où le monde n'est plus qu'une flamme,
Et qu'une fleur,
Qu'une vague murmurante,
Qui vient mourir en nous.
Regarde, c'est l'instant radieux
Où toute la terre atteint son Dieu.

Она достигла, наконецъ, своей мечты, она поняла, чего ждала всегда, къ чему стремилась— и ея душа теперь готова ликовать, глаза широко раскрыты и сверкаютъ, она чувствуетъ себя равной Богу — je suis égale à Dieu. Новый міръ разстилается въ ея мечтахъ: все окружающее приняло иной видъ, все тягостное прошло, исчезли и

страхъ, и сомнѣнія, и колебанія. Душа Евы поднялась на необыкновенную высоту, познала истину, слила глубину съ безуміемъ. Въ ней столько восторга, столько счастья, что она готова подняться высоко на радужныхъ, огненныхъ крыльяхъ любви. Но хрупкость Евы не выдерживаетъ такого перерожденія и она умираетъ, растворяется, таетъ во всемъ окружающемъ.

Въ стихахъ Ванъ-Лерберга мы находимъ самыя утонченныя настроенія, едва уловимыя переживанія, въ соединеніи съ большой чистотою и красотою женскаго образа; мы встрѣчаемъ всѣ размѣры французскаго стиха, начиная съ александрійскаго до свободнаго. Никому изъ поэтовъ онъ ничѣмъ не былъ обязанъ; если онъ принадлежалъ къ группѣ символистовъ, то вполнѣ самобытно, не придерживаясь ни какой школы или теоріи искусства.

Пьеса „Панъ" была поставлена впервые въ Парижѣ въ 1906 г. Автора упрекали за антиклерикальную подкладку пьесы, но это въ дѣйствительности не самое важное въ произведеніи Ванъ-Лерберга. „Панъ" — возвращеніе къ наслажденію, къ настоящей, глубокой и сильной любви. Въ пьесѣ ярко очерчено языческое прославленіе радости жизни и торжество ея надъ католическимъ миросозерцаніемъ.

Нѣсколько разсказовъ, написанныхъ Ванъ-Лербергомъ, изысканны по формѣ и всегда оригинальны по замыслу.

Въ современной бельгійской поэзіи имя Ванъ-Лерберга имѣетъ большую будущность. При жизни всегда скромный, ушедшій въ свою мечту, избѣгавшій людей, Ванъ-Лербергъ не прилагалъ никакихъ стараній, чтобы прославиться, чтобы другіе узнали о немъ. Онъ отрекся отъ міра, быть можетъ—для того, чтобы надолго остаться въ немъ послѣ своей кончины. „Pour vivre après ta mort, sois donc mort dans la vie!"—говорится въ одномъ стихотвореніи Роденбаха. И можетъ быть теперь, когда его творчество начинаетъ все дальше проникать въ среду истинныхъ любителей поэзіи, Ванъ-Лербергъ не почувствовалъ бы себя такимъ одинокимъ и непонятымъ, какъ при жизни.

Марія Веселовская.

НОВАЯ КНИГА О ВИЛЬГЕЛЬМѢ II

Jules Arren. Guillaume II, ce qu'il dit, ce qu'il pense. Préface par Paul Adam. Парижъ, 1911. Съ 8 иллюстраціями. Ц. 5 фр.

Оригинальная личность Вильгельма II занимаетъ совершенно исключительное мѣсто въ политической жизни современной Европы. Когда въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ говорятъ о международномъ положеніи великихъ культурныхъ націй, объ опасности войны или о шансахъ прочнаго мира, то прежде всего ставится вопросъ: что думаетъ и что намѣренъ предпринять германскій императоръ? По общему убѣжденію, миръ и война въ нашей части свѣта находятся всецѣло въ его власти.

Императоръ Вильгельмъ II—говоритъ Поль Аданъ въ предисловіи къ книгѣ Жюля Аррана,—„недавно еще разъ показалъ всемогущество Германіи, которою онъ повелѣваетъ. Французы, русскіе, англичане—мы всѣ должны признать реальное значеніе этой силы въ часъ марокскаго кризиса, какъ и въ часъ боснійской проблемы. Этому властелину мы всѣ подчиняемся въ данное время,—соціалисты, радикалы и консерваторы, интернаціоналисты и патріоты всѣхъ странъ. Вильгельмъ II управляетъ теперь не только судьбами Германской имперіи; онъ управляетъ почти всѣмъ старымъ міромъ, скандинавскимъ, латинскимъ и славянскимъ. Лондонъ, Петербургъ, Парижъ—только столичные центры провинцій въ настоящее время. Останутся ли они навсегда въ этой зависимости? Это невѣроятно. Тѣмъ не менѣе это положительный фактъ въ серединѣ текущаго 1911-го года".

Французскій писатель, конечно, преувеличиваетъ: Вильгельмъ II не управляетъ всѣми народами стараго міра; но нельзя отрицать, что онъ оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на самые жизненные интересы всѣхъ европейскихъ націй. Располагая огромною, образцовою арміею и стоя во главѣ тройственнаго союза, онъ фактически можетъ налагать свое veto на всякое нежелательное ему предпріятіе другихъ державъ, и прямо или косвенно диктовать Европѣ свою волю. Такъ поступилъ онъ въ боснійскомъ вопросѣ: онъ заставилъ Россію безусловно подчиниться требованіямъ Австро-Венгріи и прекратить начатые переговоры съ западно-европейскими кабинетами по поводу аннексіи. Такъ же дѣйствуетъ онъ и въ марокскомъ дѣлѣ: онъ не позволяетъ Франціи распоряжаться въ занятой ею странѣ безъ его согласія—и французы вынуждены ограничивать и измѣнять свои планы сообразно его указаніямъ.

Эта роль верховнаго контролера и распорядителя, по мнѣнію Поля Адана, удается Вильгельму II, до поры до времени, только потому, что Франція, погруженная въ безплодныя религіозныя распри, стала боязливою, неловкою, Россія отличается непостоянствомъ и непослѣдовательностью, а Англія отяжелѣла, одряхлѣла и потеряла способность къ смѣлой иниціативѣ; но все-таки нужна была выдающаяся, почти Наполеоновская умственная энергія, чтобы воспользоваться этимъ положеніемъ вещей и утвердить надъ Европою единую волю Германіи. Императоръ и его приближенные до сихъ поръ пріобрѣтали всѣ выгоды великихъ побѣдъ простыми категорическими требованіями и угрозами; но сила этихъ дипломатическихъ угрозъ, какъ полагаетъ Поль Аданъ, можетъ со временемъ притупиться, и ихъ высокомѣріе сдѣлается слишкомъ невыносимымъ для достоинства и энергіи французской республики. Французы не всегда останутся „пассивными, смиренными и безоружными, готовыми отдавать лучшія свои пріобрѣтенія въ жертву экономической и имперіалистской прожорливости германскаго орла“; можетъ наступить моментъ, когда задѣтое чувство національной чести побудитъ французовъ оказать отпоръ германскимъ притязаніямъ, и тогда „ни Вильгельмъ II, ни воинственная аристократія Пруссіи не замедлятъ потребовать суда Божія на полѣ битвы“. Это—по предположенію Адана,—можетъ случиться завтра и можетъ никогда не случиться. Возможность катастрофы устраняется каждый разъ не миролюбіемъ Германіи, а уступчивостью другихъ государствъ. При такихъ условіяхъ истинныя цѣли, мысли и побужденія германскаго императора, всѣ качества и особенности его психики получаютъ громадное практическое значеніе и должны представлять большой интересъ не для однихъ нѣмцевъ, но и для всей Европы. Въ теоріи мы можемъ отрицать или умалять роль отдѣльныхъ личностей въ исторіи, но на практикѣ мы видимъ, что внѣшній ходъ событій опредѣляется немногими властными руководителями, въ ряду которыхъ наиболѣе выдвигается Вильгельмъ II.

Дать возможно полный, безпристрастный и всесторонній анализъ главныхъ характерныхъ чертъ этой крупной индивидуальности, на основаніи подлинныхъ ея проявленій, словесныхъ и письменныхъ,—задача трудная и щекотливая, исполненная въ книгѣ Жюля Аррана съ большимъ тактомъ и въ замѣчательно объективномъ тонѣ. Авторъ старается добросовѣстно изучить и понять психологію Вильгельма II и пользуется для этого тщательно провѣреннымъ документальнымъ матеріаломъ—преимущественно собраніемъ его рѣчей, распредѣленныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Многое въ идеяхъ и чувствахъ императора кажется современному читателю чуждымъ и непонятнымъ; еще болѣе удивительнымъ представляется совмѣщеніе

этихъ традиціонныхъ идей и чувствъ съ широкимъ пониманіемъ новѣйшихъ культурныхъ задачъ и интересовъ.

Жюль Арранъ разлагаетъ сложное міросозерцаніе Вильгельма II на составные его элементы и анализируетъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, освѣщая ихъ соотвѣтственными цитатами изъ собственныхъ изреченій императора. Прежде всего наслѣдникъ прусскихъ королей, третій императоръ Германіи, воплощаетъ въ себѣ божественное монархическое право, унаслѣдованное отъ средневѣковой эпохи; онъ серьезно считаетъ себя „орудіемъ неба", предназначеннымъ исполнить на землѣ опредѣленную миссію для блага и величія германской націи. Какъ искренно вѣрующій христіанинъ, онъ часто ссылается на Библію и Евангеліе, приводитъ изъ нихъ назидательные примѣры, самъ беретъ на себя обязанности пастора, когда находится въ плаваніи на своей яхтѣ „Гогенцоллернъ", и произноситъ проповѣди въ повышенномъ церковномъ стилѣ; иногда онъ принимаетъ даже слишкомъ фамильярный тонъ по отношенію къ Господу Богу, называя его запросто „старымъ союзникомъ" и вѣрнымъ помощникомъ прусскихъ королей. Свои королевскія права и обязанности, какъ и свои отношенія къ народу, онъ рисуетъ себѣ въ старинномъ, патріархальномъ видѣ; онъ не признаетъ оппозиціи, относится враждебно къ соціалъ-демократіи и требуетъ отъ всѣхъ безусловнаго къ нему довѣрія, но въ то же время честно соблюдаетъ конституцію, ни въ чемъ не умаляетъ правъ парламента и общественнаго мнѣнія, не пытается стѣснять свободу печати, терпѣливо переноситъ нападки оппозиціи и сознательно мирится съ стихійнымъ ростомъ соціалъ-демократическаго движенія. Будучи набожнымъ послѣдователемъ и истолкователемъ ученія Христа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ громко провозглашаетъ культъ внѣшней силы и смотритъ на армію какъ на основу и фундаментъ національнаго существованія и развитія. Онъ не забываетъ, однако, что въ сущности армія есть только средство, а не цѣль. Гордясь военнымъ могуществомъ Германіи, онъ умѣетъ гордиться и другими ея успѣхами и преимуществами. „Нашъ языкъ и наша культура — говорилъ онъ въ 1902-мъ году въ Аахенѣ—постоянно завоевываютъ все новыя области за морями. Наша наука и наши открытія далеко распространяютъ свой полетъ; въ кругу современныхъ знаній нѣтъ работы, которая не была бы написана на нашемъ языкѣ, и нѣтъ такой мысли, которая не была бы высказана у насъ раньше, чѣмъ восприняли ее другіе народы. Вотъ міровое владычество, къ которому стремится германскій духъ".

Вильгельмъ II повторяетъ неоднократно, что нѣмцы—избранный народъ, „соль земли", „гранитная скала, на которой Богъ можетъ довершить дѣло цивилизаціи міра"; онъ сознаетъ себя главою пер-

ваго народа и сильнѣйшаго государства, но видитъ въ этомъ только трудный долгъ отвѣтственнаго служенія, а не поводъ къ личному самовозвеличенію и тщеславію. Онъ никогда не обнаруживалъ склонности злоупотреблять своимъ положеніемъ и привилегіями монарха. „Во время моего долгаго царствованія — сказалъ онъ въ 1908-мъ году въ Мюнстерѣ, — мнѣ приходилось имѣть сношенія съ большимъ числомъ людей; я долженъ былъ выносить многое; часто безъ намѣренія, а нерѣдко и съ умысломъ, мнѣ причиняли непріятности, и когда въ такія минуты мною начинало овладѣвать чувство гнѣва и во мнѣ являлась мысль о возмездіи, я спрашивалъ себя, какое средство скорѣе всего смягчитъ гнѣвъ и укрѣпитъ кротость. И я не находилъ лучшаго средства, какъ сказать себѣ: всѣ—такіе же люди, какъ ты, и хотя они сдѣлали тебѣ зло, они имѣютъ душу, пришедшую свыше изъ свѣтлыхъ сферъ“... Ему случалось произносить рѣзкія слова и воинственныя фразы, но въ дѣйствіяхъ своихъ онъ былъ всегда корректенъ и даже скроменъ. Замѣчательнымъ примѣромъ его внутренняго смиренія можетъ служить извѣстный инцидентъ съ его англійскимъ „интервью“, напечатаннымъ въ „Daily Telegraph“ въ ноябрѣ того же 1908-го года и возбудившимъ противъ него горячіе протесты не только въ Англіи, но и въ Германіи. Послѣ непріятныхъ для императора преній въ имперскомъ сеймѣ князь Бюловъ передалъ ему единодушное желаніе націи, чтобы онъ воздерживался на будущее время отъ публичныхъ рѣчей и частныхъ бесѣдъ по вопросамъ внѣшней политики безъ предварительнаго соглашенія съ канцлеромъ. Хотя въ данномъ случаѣ Вильгельмъ II не выступилъ изъ роли строго-конституціоннаго правителя и заблаговременно переслалъ доставленный ему отчетъ объ интервью канцлеру, который по странной небрежности оставилъ рукопись безъ просмотра, тѣмъ не менѣе онъ принялъ общественное негодованіе на свой личный счетъ и тотчасъ подчинился предъявленному ему требованію: онъ формально обѣщалъ не касаться политическихъ вопросовъ ни въ публичныхъ рѣчахъ, ни въ частныхъ разговорахъ, безъ вѣдома и согласія министерства. Его убѣдили, что такое заявленіе требуется отъ него высшимъ интересомъ имперіи, и этого было достаточно.

Кажущіяся внутреннія противорѣчія въ психикѣ Вильгельма II сглаживаются и объединяются этимъ кореннымъ сознаніемъ или чувствомъ первенства государственнаго интереса предъ всѣми другими. Предпріимчивый и воинственный по натурѣ и традиціи, онъ миролюбивъ по убѣжденію. „Я буду сохранять миръ со всѣми народами, насколько это будетъ зависѣть отъ меня, — говорилъ онъ еще въ 1888-мъ году: — моя любовь къ арміи и мое положеніе вождя не за-

ставятъ меня отдаться искушенію лишить страну благодѣяній мира, если война не будетъ намъ навязана нападеніемъ на имперію или на ея союзниковъ. Наша армія должна намъ обезпечить миръ и, если понадобится, съ честью завоевать этотъ миръ силою оружія. Мы въ состояніи это сдѣлать, благодаря принятымъ парламентомъ мѣрамъ національной обороны. Отъ меня далека мысль—использовать эту силу для наступательной войны. Германская имперія не нуждается ни въ новой военной славѣ, ни въ новыхъ завоеваніяхъ, съ тѣхъ поръ какъ она завоевала для себя право на жизнь въ качествѣ единой и независимой націи". Постоянное поддержаніе военнаго могущества необходимо для упроченія мира; созданіе сильнаго флота вызывается настоятельною потребностью охраны возростающей міровой германской торговли и промышленности—таковы основныя, чаще всего повторяющіяся идеи Вильгельма II. Жюль Арранъ подчеркиваетъ искренность его миролюбія по отношенію къ Франціи, допуская возможность недоразумѣній вслѣдствіе непониманія имъ французскихъ политическихъ чувствъ и стремленій. Съ другой стороны, по словамъ автора, было бы въ высшей степени ошибочно и опасно сомнѣваться въ единодушной солидарности нѣмецкаго народа съ императоромъ въ моментъ международнаго кризиса или конфликта. Вильгельмъ II—монархъ вполнѣ современнаго типа. „Рядомъ съ героями и императорами среднихъ вѣковъ, съ великимъ курфюрстомъ, съ Вильгельмомъ I, для него служатъ образцами и такіе дѣятели, какъ Рузевельтъ, Сесиль Родсъ, Чамберлэнъ, Морганъ. Онъ—не только король прусскій, опирающійся на свое дворянство и свою армію; онъ также императоръ городовъ Ганзы, промышленныхъ центровъ Рейна; онъ думаетъ о развитіи пароходной линіи между Гамбургомъ и Америкою, о процвѣтаніи сѣверо-германскаго Ллойда; онъ хлопочетъ о сооруженіи каналовъ, о торговыхъ договорахъ. Его военная сила позволяетъ ему предписывать миръ другимъ: эта формула въ точности выражаетъ его руководящую мысль, указывая на желаніе гегемоніи великой Германіи и на рѣшимость не допускать никакой войны, которая задержала бы ея экономическое развитіе". Эта безпристрастная характеристика „наслѣдственнаго врага" Франціи въ трудѣ французскаго автора составляетъ сама по себѣ симптомъ крупной перемѣны въ отношеніяхъ обѣихъ націй за послѣдніе годы. Французы начинаютъ понимать нѣмцевъ и ихъ правителей, а взаимное пониманіе есть первое условіе прочнаго мира и сближенія между народами.

Въ концѣ интересной книги Аррана помѣщенъ подробный хронологическій указатель, съ извлеченіями изъ рѣчей и писемъ Вильгельма II, не использованныхъ въ текстѣ.

Л. Слонимскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Печальные побочные плоды казенной отрубно-хуторской реформы.—Избіенія, поджоги, бойкотъ и всякія столкновенія общинниковъ съ выдѣленцами.—Сходство отношенія крестьянъ къ выдѣленцамъ и къ конокрадамъ. — Опасное усердіе администраціи.—Тульскіе „союзники" въ роли возстановителей правды.—Твердое уклоненіе ярославскихъ агрономовъ отъ казенно-земельной политики.

Мрачные предсказатели когда-то говорили, что казенная отрубно-хуторская реформа имѣетъ одну главную цѣль: раздѣлить крестьянство на два лагеря, поселить между ними вражду и поддерживать междуусобицу въ теченіе многихъ лѣтъ. Боязнь новой революціи заставляетъ-де прибѣгать къ старому, испытанному средству: „раздѣляй и господствуй".

Были-ли въ какой-либо бюрократической головѣ подобные странные, обоюдоострые проекты, связанные съ принудительной земельной реформой—неизвѣстно; но печальная дѣйствительность какъ бы подтверждаетъ предсказанія мрачныхъ пессимистовъ. Съ каждымъ годомъ дѣлается явственнѣе, какимъ острымъ камнемъ опрокинулась отрубно-хуторская реформа въ крестьянскую жизнь и сколько внесла она въ деревню лишняго зла, раздраженія, взаимной свары, разрастающагося озлобленія. Въ лѣтнюю пору земельный вопросъ обычно рельефнѣе обнажаетъ свои раны, и среди новыхъ язвъ большое, едва-ли не главное мѣсто занимаетъ крестьянская межеусобица, возбуждаемая примѣненіемъ новаго аграрнаго закона. Газеты несутъ изъ многихъ мѣстъ печальныя извѣстія. Корреспондентъ „Саратовскаго Вѣстника" сообщаетъ изъ с. Нидермонджъ, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи: „Года два тому назадъ поселяне с. Нидермонджа раздѣлились на два лагеря: сторонниковъ общиннаго землевладѣнія и выдѣленцевъ. Общинники, которыхъ насчитывалось болѣе двухъ третей домохозяевъ, избрали сельскимъ старостой противника отрубного землевладѣнія, Шмидта. Въ 1910-мъ году общинники составили приговоръ, которымъ было опредѣлено: одно поле оставить подъ паръ, другое подъ залежь, третье для пастбища. Выдѣленцы обжаловали приговоръ общинниковъ, и дѣло это до сихъ поръ находится на съѣздѣ. Весной текущаго года выдѣленцы, которыхъ насчитывается около 200 домохозяевъ, порѣшили свою часть, вопреки приговору общинниковъ, засѣять пшеницей. Было засѣяно до 400 десятинъ, и одновременно усиленно хлопотали у самарскаго губернатора, во время объѣзда имъ губерніи, чтобы ихъ надѣлы были разграничены отъ на-

дѣловъ общинниковъ. Общинники-же были противъ землеустроительныхъ работъ. Вражда между обѣими группами возрастала. Считая неправильнымъ произведенный выдѣленцами посѣвъ на поляхъ, предназначенныхъ для пастбища, общинники рѣшили было загнать на засѣянныя поля скотъ. Во время были приняты мѣры, и потрава предотвращена. 12-го мая въ село прибыли четыре землемѣра, командированные новоузенской землеустроительной коммиссіей, которые предложили сельскому старостѣ Шмидту созвать сходъ и избрать уполномоченныхъ для участія въ землеустроительныхъ работахъ. Староста созвалъ сходъ, объяснилъ цѣль пріѣзда землемѣровъ, но предложилъ общинникамъ не производить никакихъ выборовъ уполномоченныхъ, а сейчасъ-же расходиться по домамъ. Всѣ общинники, вмѣстѣ со старостой Шмидтомъ, ушли со сходки. Остались одни выдѣленцы. Землемѣры дали знать земскому начальнику Н. К. Лисовскому, который и прибылъ въ село въ ночь на 14-е мая. Утромъ 14-го мая земскій начальникъ арестовалъ старосту Шмидта, отстранилъ отъ должности кандидата старосты, сотскаго и сельскаго писаря, и на 15-е мая назначилъ сельскій сходъ. Когда собрался сходъ, г. Лисовскій объяснилъ собравшимся о причинахъ ареста старосты и устраненіи другихъ должностныхъ лицъ и предложилъ избрать новаго старосту, кандидата и сотскаго. На сходѣ были избраны: старостой—г. Муль, кандидатомъ—г. Функъ. Земскій начальникъ совѣтовалъ нидермонджцамъ, чтобы положить конецъ распрямъ и враждѣ, перейти всѣмъ обществомъ къ подворному землевладѣнію. Выдѣленцы встрѣтили это предложеніе радостными возгласами, общинники-же пробовали протестовать. Когда г. Лисовскій поставилъ вопросъ о переходѣ всѣмъ обществомъ на отруба, общинники подняли такой крикъ, что земскій начальникъ пригрозилъ имъ жалобой губернатору, при чемъ приказалъ сотскому, чтобы тотъ наблюдалъ за тѣми сходчиками, которые позволятъ себѣ нарушать порядокъ, и записывалъ ихъ. Послѣ этого сходъ прошелъ сравнительно спокойно. Было признано необходимымъ приступить къ землеустроительнымъ работамъ. Избраны уполномоченные. Признавъ дѣло улаженнымъ, земскій начальникъ уѣхалъ, но послѣ его отъѣзда въ селѣ разыгралась драма. Вечеромъ на улицахъ въ разныхъ мѣстахъ толпились поселяне, обсуждая злобу дня. Кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что виновникомъ пораженія общинниковъ былъ нѣкто Ф. Штоппель, молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ домъ своего отца, у котораго останавливался и земскій начальникъ, въ одинъ вечеръ съ послѣднимъ. Дѣйствительно, къ старику Штоппелю пріѣхалъ часа за два до земскаго начальника молодой Штоппель съ женой, груднымъ ребенкомъ и пятилѣтнимъ сыномъ. Штоппель служитъ въ г. Кіевѣ и въ Нидермонджѣ не былъ двѣнадцать

лѣтъ. Днемъ, во время схода, Штоппель нѣкоторое время былъ среди другихъ участниковъ схода, не принимая, однако, никакого участія въ рѣшеніи вопроса. Въ 9-мъ часу вечера 15-го мая Штоппель съ женой и дѣтьми отправился изъ дома отца въ гости къ тестю. Вмѣстѣ съ нимъ пошли два его пріятеля, жители села. Когда въ домѣ тестя началось обычное въ подобныхъ случаяхъ угощенье, на улицѣ, противъ дома, собралась большая толпа озлобленныхъ общинниковъ. Слышались крики: „Бей!" Скоро въ окна полетѣли полѣнья, камни, и всѣ окна были разбиты. Толпа человѣкъ въ тридцать ворвалась въ домъ, чтобы избить Штоппеля. Нападавшіе были вооружены палками и камнями. Штоппель съ семьей спрятался въ одной изъ комнатъ, и его не нашли. Толпа, повѣривъ, что въ домѣ нѣтъ Штоппеля, удалилась. Пробывъ въ домѣ тестя до полуночи, Штоппель отправился съ женой, дѣтьми и двумя знакомыми обратно въ домъ отца. Въ это время на улицѣ собралось двѣ толпы, человѣкъ по тридцать въ каждой. Изъ ближней толпы выдѣлилось нѣсколько человѣкъ съ палками и камнями въ рукахъ, которые съ криками: „бей его!"—бросились на Штоппеля и начали его избивать. Жена Штоппеля, державшая на рукахъ пятилѣтняго ребенка, перепугавшись, упала въ обморокъ среди улицы. Съ другой стороны улицы бѣжала новая толпа, изъ которой доносились тѣ-же крики: „Бей, бей!.." Штоппель, выскользнувъ изъ рукъ озвѣрѣвшихъ людей, пустился бѣжать. Нѣсколько разъ Штоппель во время преслѣдованія ускользалъ изъ рукъ нагонявшихъ его и спасся какимъ-то чудомъ, получивъ сравнительно легкіе ушибы рукъ и головы. При этомъ онъ лишился серебряныхъ часовъ, шляпы, пенсне, тросточки и бумажника съ 156 руб. Въ тотъ-же моментъ толпа избила до полусмерти сопровождавшаго Штоппеля знакомаго, К. Х. Рыбъ. Послѣдняго били камнями, палками, ногами и кончили расправу послѣ того, когда уже онъ лежалъ безъ движенія. Другой знакомый Штоппеля, съ помощью вышедшихъ изъ сосѣднихъ домовъ людей, доставилъ жену и дѣтей Штоппеля въ домъ ея родителей. Узнавъ о расправѣ съ Штоппелемъ и К. Х. Рыбъ, встревожились отрубщики. Около сорока человѣкъ вооружились вилами, топорами, кольями и т. п. съ намѣреніемъ отомстить общинникамъ, не успѣвшимъ еще разойтись съ улицы. Потерпѣвшій Штоппель едва упросилъ собравшихся „подворниковъ" не прибѣгать къ насилію. На утро въ село пріѣхалъ урядникъ. Жена Штоппеля до сихъ поръ не оправилась отъ потрясенія; тяжело занемогъ и грудной ребенокъ. Избитый Рыбъ лежитъ въ постели. Штоппель обратился съ жалобой къ земскому начальнику. Землеустроительныя работы начались и пока производятся безпрепятственно".

Нечего и говорить, что избивать людей возмутительно и преступно.

Нарисованная корреспондентомъ картина деревенской жизни къ тому-же и достаточно нелѣпа: какимъ образомъ, дѣйствительно, случайный человѣкъ Штоппель могъ оказаться виновникомъ земельной перетряски въ с. Нидермонджѣ? И какимъ образомъ крестьянская логика дошла до вывода, что весь накопленный гнѣвъ слѣдуетъ излить именно на Штоппелѣ? Только крайняя степень раздраженія, длительнаго и безвыходнаго, можетъ довести крестьянъ до такого очевиднаго заблужденія. И въ данномъ случаѣ,—какъ и во многихъ подобныхъ,—интересно, какіе-же факты подготовляютъ безпорядки въ деревнѣ. Изъ той-же корреспонденціи можно сдѣлать нѣкоторые выводы. Плохо или хорошо, но жизнь села течетъ въ условіяхъ, налаженныхъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ. Земельныя дѣла община привыкла рѣшать большинствомъ голосовъ. Привыкла подчиняться большинству, считать его ближайшимъ закономъ. И вотъ, врывается нѣчто, сокрушающее привычные устои. Является меньшинство—„подворники". Имъ покровительствуетъ внѣшняя крупная сила, и для „подворниковъ" ломаются законы быта. „Болѣе двухъ третей села"—общинники. Они распредѣлили землю, избрали должностныхъ лицъ. Они—большинство. Внѣшняя сила—въ лицѣ земскаго начальника—сметаетъ постановленія большинства, смѣщаетъ должностныхъ лицъ, запугиваетъ общинниковъ и клонитъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ въ пользу меньшинства. Корреспонденція, въ сущности, выхватываетъ кусочекъ изъ средины жизни села. Несомнѣнно, и раньше уже были всякія мелкія и крупныя столкновенія стараго большинства съ народившимся меньшинствомъ. И понятіе о законности и справедливости, несомнѣнно, колебалось въ глазахъ большинства, когда оно наблюдало одностороннее усердіе администраціи въ интересахъ меньшинства, т.-е. отрубниковъ и хуторянъ. Можно еще добавить, что въ приведенной корреспонденціи рѣчь идетъ о поселянахъ-нѣмцахъ, которыхъ нѣкогда пригласили изъ-за границы и поселили въ Самарской губерніи для культурнаго примѣра русскому населенію. Нѣмцы дѣйствительно отличались своимъ умѣньемъ вести сельское хозяйство, и показательный примѣръ ихъ образцовыхъ полей, такъ же, какъ и всего уклада жизни, не прошелъ, вѣроятно, безслѣдно для окружающаго ихъ русскаго населенія. И вотъ, въ эту выдержанную среду ворвалось теперь извнѣ нѣчто такое, отъ чего накипаетъ озлобленіе въ цѣлыхъ селеніяхъ и возникаютъ на улицахъ безсмысленныя побоища...

Общія причины вызываютъ одинаковыя послѣдствія. Примѣръ села Нидермонджа, къ сожалѣнію, не единиченъ. Всюду примѣняется казенная земельная реформа, всюду администрація проявляетъ испол-

нительное усердіе. И взаимная вражда населенія растетъ, разражаясь вспышками, во многихъ мѣстахъ.

„Новому Времени“ телеграфируютъ изъ Саратова: „Среди крестьянъ идетъ усиленная агитація противъ отрубного хозяйства, возбуждающая въ общинникахъ вражду противъ отрубщиковъ. Въ Саратовскомъ уѣздѣ произошло новое нападеніе общинниковъ на отруба, съ поджогомъ строеній. Общинники портятъ у отрубщиковъ посѣвы, калѣчатъ скотъ, угрожаютъ убійствами. Производится слѣдствіе“. Телеграмма характерна своимъ тономъ. Газета, сочувствующая отрубникамъ, готова уже считать всѣхъ общинниковъ сплошными разбойниками. Тутъ же кстати выступаетъ на сцену какая-то „агитація“. Какимъ же это „агитаторамъ“ и для какихъ странныхъ цѣлей потребовалось стравливать одну часть крестьянскаго населенія съ другою? Къ сожалѣнію, дѣло глубже и сложнѣе. И если есть „агитація“, возбуждающая крестьянъ къ взаимной враждѣ, то эта „агитація“ идетъ совсѣмъ не съ той стороны, гдѣ думаетъ усмотрѣть ее націоналистическая газета.

Корреспондентъ „Кубанскаго Края“ сообщаетъ: „Крестьяне-собственники села Пелагіады, Ставропольской губерніи, подали земскому начальнику слѣдующее заявленіе: 26-го апрѣля с. г. нашъ волостной старшина Коневъ возбудилъ на волостномъ сходѣ вопросъ о томъ, согласно ли общество крестьянъ села Пелагіады постановить приговоръ, чтобы крестьяне, оставшіеся въ общинѣ, не имѣли права ничего купить у собственниковъ, а также и продать что-либо комунибудь изъ нихъ; не покупать ничего у лавочниковъ-собственниковъ и не давать помола собственникамъ, имѣющимъ мукомольныя мельницы. Крестьяне-общественники, нарушившіе это постановленіе, платятъ штрафъ въ общественный капиталъ въ размѣрѣ 10 руб. Кто же купитъ у собственника усадебное мѣсто или землю и сдастъ таковыя собственнику, тотъ подвергается штрафу въ размѣрѣ 50 руб. Подлежатъ также штрафу общественики, продавшіе собственникамъ камень (въ Пелагіадѣ имѣются богатыя каменоломни). Дальше просители говорятъ: на томъ же сходѣ старшина приказалъ полицейскимъ и самъ принялъ участіе силою выгнать со схода всѣхъ собственниковъ, предупреждая общество, что мы, собственники, не имѣемъ права присутствовать на сходѣ. Кромѣ того, предложилъ сходу постановить, чтобы никто изъ собственниковъ не могъ поступить на какую-либо общественную должность, какъ-то: сторожей, полицейскихъ и т. д., а церковнаго сторожа, который сейчасъ служитъ при Покровской церкви, смѣнить и нанять другого, только не собственника.—Просьба заканчивается указаніемъ на необходимость разъяснить права собственниковъ, притѣсняемыхъ сельскимъ сходомъ.

Изъ той же Ставропольской губерніи пишетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“: „Борьба съ крестьянами, выходящими изъ общины, принимаетъ въ нашей мѣстности все болѣе и болѣе острыя формы. Несмотря на покровительство начальства выдѣлившимся, общинники пытаются бороться съ разрушителями общины. Въ мѣстной печати зарегистрированъ цѣлый рядъ такихъ попытокъ. Въ селѣ Петровскомъ, напримѣръ, 20-го марта общество постановило приговоръ, коимъ воспрещается крестьянамъ, вышедшимъ изъ общины, пользованіе камнемъ и пескомъ изъ мѣстъ общиннаго владѣнія, а также воспрещается общинникамъ продажа означенныхъ предметовъ крестьянамъ-собственникамъ. За нарушеніе этого приговора установленъ съ виновныхъ штрафъ въ пользу общества въ 25 руб. Приговоръ этотъ, принятый громаднымъ большинствомъ голосовъ членовъ схода, представленъ земскому начальнику на утвержденіе. Въ с. Московскомъ общественный сходъ постановилъ приговоръ: не давать крестьянамъ-собственникамъ воды для поливки огородовъ изъ рѣки Ташлы ни за какія деньги, а такъ какъ с. Московское подгородное и главный доходъ крестьянъ представляетъ огородническій промыселъ, невозможный безъ искусственной поливки, то этимъ самымъ крестьяне-собственники лишаются очень крупнаго дохода, и ихъ огороды совершенно обезцѣниваются. Въ с. Дурноселовкѣ крестьяне постановили: не выпускать впредь изъ рукъ ни одной пяди земли, укрѣпленной въ собственность за отдѣльными крестьянами, покупая эти земли для общины при содѣйствіи крестьянскаго банка, если средства будутъ отпущены“.

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ раздраженіе на выдѣленцевъ, видимо, перекипѣло въ теченіе долгаго времени, и борьба постепенно вылилась въ тщательно обдуманныя, организованныя формы. Поучительна эта стойкость общины. Такъ сплачивать вокругъ себя защитниковъ и охранителей способна только живая и жизнеспособная организація. Однако живому тѣлу естественно, кромѣ обдуманной, спокойной борьбы, отвѣчать также на боль и судорожными движеніями. Поэтому не только суроваго осужденія, но и пристальнаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе факты. „Крестьяне дер. Ханеневки, Саратовскаго уѣзда, — сообщаетъ „Саратовскій Вѣстникъ“, — неоднократно требовали отъ ихъ односельца Серегина, чтобы онъ не устраивалъ хутора на участкѣ; при этомъ за ослушаніе грозили поджогомъ. Серегинъ угрозъ не послушался. Ночью человѣкъ 20 ханеневцевъ явились на хуторъ и, заперевъ караульщика Тихонова съ семьей въ избѣ, обложили ее и другія службы хутора хворостомъ и подожгли. Проснувшійся Тихоновъ выломалъ окно и, вытащивъ чрезъ него дѣтей, принялся тушить горѣвшій хворостъ. Стоявшіе около

хутора крестьяне требовали отъ караульщика, подъ угрозой убить, чтобы онъ прекратилъ тушеніе. Когда же онъ не послушался, то начали въ него стрѣлять, къ счастью,—безрезультатно. Теперь 10 подозрѣваемыхъ въ поджогѣ арестованы и заключены въ тюрьму".

Корреспондентъ той же газеты пишетъ: „Одинъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ и хлѣботорговцевъ Самарской губерніи, нѣкто Гаасъ, скупилъ 70 надѣловъ выдѣленцевъ с. Екатеринталь. Получивъ за свои надѣлы деньги, выдѣленцы отправились на поиски „новыхъ" земель въ Сибирь. Поиски ихъ однако не увѣнчались успѣхомъ: новой земли они не добились, деньги израсходовали и возвратились въ Екатеринталь чуть не голыми, безъ всякихъ средствъ. Положеніе для крестьянъ создалось безвыходное, и крестьяне стали распахивать надѣлы, которые были проданы ими Гаасу. Былъ составленъ протоколъ; дѣло перешло въ судъ, который рѣшилъ его въ пользу Гааса и присудилъ взыскать съ отвѣтчиковъ убытки. Черезъ нѣкоторое время крестьяне-выдѣленцы явились съ косами и косилками на участокъ Гааса и начали косить траву. Гаасъ пригласилъ пристава съ двумя стражниками. Крестьяне вооружились вилами и косами. Не подходите! Это наша трава!—кричали они".

Еще рядъ фактовъ, отмѣченныхъ газетами: „Въ Великихъ Лукахъ, Новогрудскаго уѣзда, (Минской губ.), произошли безпорядки. Когда прибыли землемѣры для производства работъ по разбивкѣ на хутора, нѣсколько крестьянъ съ угрозами насиліемъ и поджогами не допустили другихъ крестьянъ пойти на работы, на помощь землемѣрамъ. Прибывшей полиціей 16 человѣкъ задержаны и постановленіемъ губернатора подвергнуты аресту. Въ дер. Окуловой, Оханскаго уѣзда (Пермской губ.), при нарѣзкѣ земли выдѣляющимся на хутора крестьянамъ между землемѣромъ и крестьянами-общинниками вышли недоразумѣнія. Когда стали прирѣзывать выселяющимся хуторянамъ (ихъ 13 человѣкъ, все богачи, имѣющіе въ Оханскѣ свои дома) землю у самой деревни и огородовъ, крестьяне-общинники, не желая отдать удобряемую ими нѣсколько лѣтъ пахотную землю, собрались всей деревней, около 100 человѣкъ, и пришли на мѣсто работъ. Крестьяне предлагали богачамъ селиться на неудобренной землѣ, подальше отъ деревни и самимъ уже начать удобрять пашню. Когда переговоры ни къ чему не привели, крестьяне наступили на землемѣрную цѣпь и воспрепятствовали дальнѣйшимъ работамъ. Чтобы успокоить крестьянъ, землемѣръ попросилъ ихъ подождать до завтра. На другой день въ дер. Окулову прибылъ полицейскій чиновникъ со стражниками. Изъ села Вознесенки, Александровскаго уѣзда, (Екатеринославской губ.) сообщаютъ „Екатеринославской Русской Правдѣ", что туда выѣзжала, по распоряженію губернскаго начальства, особая

коммиссія для провѣрки послѣдовавшихъ со стороны противниковъ отрубного землепользованія заявленій о тѣхъ неправильностяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, были допущены землемѣрами при размежеваніи земель на отрубные участки. Упомянутая коммиссія, при участіи мѣстнаго начальства, въ теченіе нѣсколькихъ дней производила провѣрку всѣхъ заявленій крестьянъ о неправильностяхъ разверстки и обнаружила, по ея мнѣнію, несущественные и легко устранимые дефекты, о чемъ и было объявлено крестьянамъ. Но противники отрубного землепользованія заявили непремѣнному члену землеустроительной коммиссіи, что они все-таки будутъ пахать землю по старому, т.-е. по общинной разверсткѣ. Послѣ этого у одного изъ сторонниковъ отрубного землепользованія былъ совершенъ поджогъ.

Изъ Ярославля „Русскому Слову" телеграфируютъ отъ 9-го августа: „Въ Мышкинскомъ уѣздѣ, въ дер. Исаковѣ произошло столкновеніе между крестьянами. Общинники отказались выдѣлить хуторянину землю, отведенную землеустроительной коммиссіей. Правительственнаго землемѣра Ласточкина общинники встрѣтили бранью и не дали произвести нарѣзъ. Вызванные стражники разогнали толпу. Виновные привлекаются къ отвѣтственности за сопротивленіе властямъ".

Изъ Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи, сообщаютъ: „Общинники всячески стараются противостоять желающимъ выдѣлиться на хуторъ. Какъ на характерный въ этомъ отношеніи, можно указать на случай съ членомъ порѣчской землеустроительной коммиссіи В. М. Перебякинымъ. Этотъ послѣдній 14-го іюня выѣзжалъ въ дер. Исачки, Касилянской волости, для отвода хутора крестьянину Никанору Петрову, многодушнику. Увѣщанія деревенцевъ не подѣйствовали. Исачковцы рѣшили міромъ противостоять выдѣлу — накинулись на измѣрявшаго поле своего волостного старшину и на члена землеустроительной коммиссіи Перебякина и принудили ихъ удалиться съ поля, поломавъ отобранные у нихъ шесты и инструменты. Въ результатѣ, конечно, наѣздъ полиціи и протоколъ о привлеченіи всѣхъ деревенцевъ къ отвѣтственности за противленіе".

И вотъ, когда читаешь одно за другимъ грустныя извѣстія о „сопротивленіяхъ", избіеніяхъ „міромъ", „противодѣйствіяхъ" власти, столкновеніяхъ общинниковъ съ отрубниками, поджогахъ, ссорахъ, дракахъ, покушеніяхъ на убійство,—невольно убѣждаешься, что черезъ деревню идетъ новая, черная полоса бытового несчастья. Легко рѣшить вопросъ, если отдѣлаться обычнымъ заключеніемъ правыхъ газетъ: „Деревня дика, преступна и невѣжественна". Дикость дикостью, но почему хлынула черезъ деревню эта новая волна безпорядковъ? Нѣтъ ли общей, вызывающей причины? Въ „Русскомъ Словѣ", рядомъ съ приведенной выше телеграммой изъ Ярославля, на-

напечатано такое телеграфное сообщеніе изъ Чернигова: „Близъ мѣстечка Новая Басань, Козелецкаго уѣзда, толпой крестьянъ совершенъ самосудъ надъ пойманнымъ главаремъ шайки конокрадовъ, Губкой. Послѣ жестокихъ истязаній и побоевъ крестьяне убили Губку". Извѣстіе краткое и обычное. Въ теченіе многихъ лѣтъ читаемъ мы или слышимъ, что здѣсь или тамъ забили до полусмерти конокрада. И еще, вѣроятно, въ теченіе многихъ лѣтъ придется встрѣчать среди телеграммъ такія же краткія извѣстія. Явленіе темное, жестокое, преступное, но чрезвычайно прочно сросшееся съ крестьянскимъ бытомъ. Очень часто избиваютъ конокрадовъ „міромъ". Истязателей судятъ, сурово наказываютъ. И все безрезультатно. Остается въ силѣ для деревни особое жестокое, первобытное право самосуда надъ конокрадами, и этотъ темный, бытовой законъ сильнѣе писаныхъ законовъ.

Какъ это ни жутко сказать, но въ крестьянской средѣ наростаетъ нѣчто въ родѣ новаго жестокаго права: самосуда надъ отрубниками. Чрезвычайно характерная черта: съ ними также расправляются „міромъ", и очень часто общинники настолько убѣждены въ своей правотѣ, что прямо и публично заявляютъ начальству о своемъ противодѣйствіи отрубникамъ. Выше было отмѣчено, что даже общественные приговоры о бойкотѣ отрубниковъ общинники направили на утвержденіе земскаго начальника. Убѣжденіе въ правотѣ, доходящее уже до наивности.

Жестокость крестьянъ въ расправахъ съ конокрадами часто пугаетъ своей странной, почти злодѣйской преувеличенностью. Мирные, благодушные въ обычное время мужики озвѣряются, бьютъ, калѣчатъ живого человѣка съ кошмарной яростью. Близкіе наблюдатели деревни объясняютъ эту невѣроятную жестокость той необычайной привязанностью, которую имѣетъ всякій мирный, хозяйственный мужикъ къ своей лошади, коровѣ, къ своей землѣ, ко всему своему укладу. Конокрадъ посягаетъ на разрушеніе хозяйства, которое близко до святости крестьянину, кровно срослось съ его душой. Здѣсь нѣкоторая тайна деревенскаго быта, гдѣ святое и жестокое переплетены неизвѣстными для насъ нитями, гдѣ свои полусознательныя, темныя, но прочныя, вѣковыя воззрѣнія на правду жизни, на охрану права и на законъ возмездія. Можно возмущаться и негодовать, можно бороться съ этими сторонами деревенской жизни. Но далеко не лишней является здѣсь осторожность и предварительное, вдумчивое изученіе деревенскаго уклада.

Казенная земельная реформа подошла къ деревнѣ слишкомъ рѣшительно, рѣзко и прямолинейно. Единоличное хозяйство,—какъ мы не разъ оговаривались,—несомнѣнно, можетъ въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ крестьянской Россіи оказаться значительнымъ шагомъ впередъ, освобождая крестьянскую иниціативу. Но и община, внѣ всякаго со-

мнѣнія, во многихъ мѣстахъ Россіи остается жизнеспособной. Къ тому же она,—и это главное,—сросталась въ рядѣ поколѣній съ крестьянской душой. И если за простую лошадь деревня способна „міромъ“ совершить преступленіе, то не удивительна борьба и за общину вплоть до „сопротивленій“ и преступленій.

Вполнѣ вѣроятно, что взаимная свара деревни не доходила бы до такой рѣзкой степени, если бы назрѣваніе и выдѣленіе единоличныхъ хозяйствъ совершалось повсюду спокойно, постепенно и естественно. Главная бѣда въ томъ, что новый земельный законъ, а еще больше его исполнители, неестественно торопятъ ходъ жизни. Отрубниковъ выдѣлили въ излюбленный классъ населенія. Имъ покровительствуютъ, за нихъ заступаются по всякой ихъ жалобѣ на односельчанъ, имъ даютъ субсидіи, ихъ подталкиваютъ поскорѣе дѣлаться выдѣленцами. И общинники видятъ, что на сторонѣ „разрушителей общины“ властная сила, вооруженная для отрубниковъ деньгами, милостями, покровительствомъ, а для общинниковъ—угрозами, репрессіями, нагайками стражниковъ. Понятіе о правдѣ, справедливости и законности для крестьянина въ такихъ случаяхъ подвергается опасному искривленію. Если для него общинный укладъ жизни является привычнымъ вѣковымъ закономъ, то рѣзкое разламыванье этого уклада должно вызывать скорбь, гнѣвъ и возмущеніе. Немудрено сосѣда-выдѣленца, дѣйствующаго нахрапомъ, приравнять и къ конокраду.

Новая, печальная смута деревни настолько крупна и повсемѣстна, что приходится, видимо, и администраціи обратить на нее, волей-неволей, вниманіе. „Русскому Слову“ пишутъ изъ Рязани: „Мѣстнымъ губернаторомъ разосланъ всѣмъ земскимъ начальникамъ слѣдующій циркуляръ: „Вслѣдствіе появившихся въ печати свѣдѣній о томъ, что примѣненіе указа 9-го ноября 1906 г. и закона 14-го іюня 1910 г. породило множество столкновеній и судебныхъ споровъ между домохозяевами, выходящими изъ общины, и домохозяевами, остающимися въ общинномъ владѣніи,—земскій отдѣлъ проситъ доставить въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о томъ, дѣйствительно ли число гражданскихъ судебныхъ дѣлъ, возникающихъ на почвѣ примѣненія означенныхъ узаконеній, возросло въ Рязанской губерніи, съ показаніемъ числа таковыхъ дѣлъ за послѣдніе три года, а также и о томъ, не произошло ли за указанный періодъ времени какихъ-либо серьезныхъ столкновеній на аграрной почвѣ (поджоги, убійства и т. п.) между домохозяевами означенныхъ выше категорій, и въ утвердительномъ случаѣ, какія по такимъ дѣламъ приняты мѣры“. Губернаторъ предлагаетъ земскимъ начальникамъ доставить ему означенныя свѣдѣнія не позже 10-го августа сего года“.

Весьма желательно, чтобы министерство получило, наконецъ, по-

лезныя и поучительныя свѣдѣнія. Однако, большого успѣха ожидать трудно. Съ одной стороны, министерство, все еще увлеченное своей отрубно-хуторской реформой, едва ли сумѣетъ вникнуть въ отрезвляющіе уроки жизни (отчасти на это намекаетъ и предвзято-скептическій тонъ циркуляра). Съ другой стороны, свѣдѣнія собирать поручено земскимъ начальникамъ, т.-е. лицамъ, которыя приложили и прилагаютъ на мѣстахъ наибольшее усердіе для торжества отрубниковъ надъ общинниками. Выяснять правду непріятно и чрезвычайно трудно, когда самъ принималъ участіе въ дѣлѣ и въ немалой степени содѣйствовалъ неправильному уклону его.

Чтобы внести значительное успокоеніе въ деревню, полезнѣе всего, можетъ быть, было бы обслѣдовать какимъ-либо безпристрастнымъ путемъ именно дѣйствія земскихъ начальниковъ и другой мѣстной администраціи. Газеты довольно много удѣляютъ вниманія этой сторонѣ дѣла. Но, во-первыхъ, изъ большинства мѣстъ крестьянской Россіи не доходитъ никакихъ извѣстій, по неимѣнію тамъ корреспондентовъ и отзывчивыхъ наблюдателей. Во-вторыхъ, газеты принуждены проявлять сдержанность и чрезвычайную осторожность въ обличеніи „должностныхъ лицъ". Поэтому очень часто краски блекнутъ на газетныхъ столбцахъ, а въ этихъ краскахъ, по большей части, главная суть. Для примѣра можно привести слѣдующій фактъ, случайно освѣщенный съ двухъ сторонъ. „Крестьяне села Ведимова, Богородицкаго уѣзда (Тульской губ.),—пишутъ „Русскому Слову" изъ Тулы,—по совѣту мѣстнаго земскаго начальника г. Борисова, составили приговоръ о переходѣ на отруба. Черезъ нѣсколько дней крестьяне заявили земскому начальнику, что на отруба переходить передумали. Началось разслѣдованіе, которымъ, между прочимъ, установлено, что противъ перехода на отруба энергично агитировали члены ведимовскаго отдѣла „союза русскаго народа", крестьяне М. Юрьевъ, Н. Мартьяновъ, А. Никоновъ и Ф. Бурцевъ. За эту агитацію на-дняхъ всѣ четверо были подвергнуты губернаторомъ аресту при тюрьмѣ на три мѣсяца каждый. За ведимовскихъ „союзниковъ" вступились тульскіе „союзники", которые послали на дѣйствія земскаго начальника и губернатора жалобу въ Петербургъ. Жалобу поѣхалъ поддерживать лично предсѣдатель желѣзнодорожнаго союза В. П. Разнопольскій. Въ результатѣ министерство телеграфомъ затребовало отъ губернатора объясненій по этому дѣлу".

Обычный фактъ на лицо: за то, что крестьяне „передумали" выходитъ на отруба, ихъ сажаютъ въ тюрьму. Но дѣятельность администраціи въ тѣни. Краски отсутствуютъ. Неожиданно выступаютъ онѣ въ другомъ мѣстѣ. „Рѣчь" извлекаетъ изъ „Русскаго Знамени" такія свѣдѣнія: „сотрудница „Русскаго Знамени" опубликовала полу-

ченную ею телеграмму. „Тула, 23-го іюля. Сегодня, якобы за агитацію противъ отрубовъ, схвачены и заключены въ тюрьму извѣстные вамъ: Матвѣй Юрьевъ, Никаноръ Мартьяновъ, Антонъ Никоновъ, Филиппъ Бурцевъ,—самые благонадежные крестьяне села Дѣдилова. Ради Бога выручайте. Арестъ рабочей порой—умышленное разореніе крестьянъ. Виновники сего беззаконія: земскій начальникъ Борисовъ, приставъ Тихоновъ, урядникъ Саложинъ, при попустительствѣ губернатора Кобеко". Сотрудница „Русскаго Знамени" пишетъ, что арестованнымъ нынѣ крестьянамъ, ѣздившимъ жаловаться на Борисова въ Петербургъ, земскій начальникъ при свидѣтеляхъ сказалъ: „Здѣсь я вамъ и богъ и царь, что хочу, то съ вами и сдѣлаю". Далѣе, она обвиняетъ Борисова: „Онъ, уговаривая крестьянъ выходить на отруба, заставлялъ ихъ подписываться подъ заранѣе составленными и привезенными съ собой приговорами. Когда-же крестьяне отказываются принять эти приговоры, то онъ приступаетъ къ насильственному подписанію и притомъ такъ усердно, что рукавъ свитки одного изъ крестьянъ остался, въ видѣ трофея, въ рукахъ „подводившаго" урядника. Интересно знать, заплатилъ ли г. Борисовъ бѣдняку за испорченную свитку? Не говорю уже о выбитыхъ зубахъ и фонаряхъ подъ глазами".

Обходнымъ путемъ частица истины проскочила на свѣтъ. „Царь и богъ" въ лицѣ земскаго начальника ломаетъ бытъ деревни, выравнивая путь для казенной отрубно-хуторской реформы. Если съ такимъ же или сходнымъ жаромъ администрація работаетъ на пользу реформы и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи,—а указаній и намековъ на это встрѣчается въ газетахъ достаточное количество,—то земельная смута въ деревнѣ дѣлается болѣе понятной и легче объяснимой.

Еслибы администрація была способна искренно сознавать свои ошибки и могла бы слѣдовать доброму примѣру, то ей можно было бы указать на мудрое поведеніе земскихъ и казенныхъ агрономовъ. Изъ Ярославля сообщаютъ „Русскимъ Вѣдомостямъ": „19-го іюля въ г. Ярославлѣ открылось совѣщаніе агрономовъ, правительственныхъ спеціалистовъ и представителей губернскаго и уѣздныхъ земствъ Ярославской губерніи. Всего на совѣщаніе съѣхалось до 60-ти человѣкъ. Первымъ былъ прочитанъ докладъ объ организаціи агрономической помощи населенію Ярославской губерніи, при чемъ докладчикъ приходилъ къ выводу, что для агронома ни община, ни хуторъ не должны быть цѣлью, но только лишь средствомъ; агрономъ долженъ быть безусловно нейтраленъ и не долженъ быть агитаторомъ, проводящимъ идею единоличнаго владѣнія. Онъ, какъ врачъ, долженъ быть совершенно свободнымъ отъ политики. Такъ какъ въ агрономической

работѣ довѣріе населенія есть главный двигатель, то агрономъ не долженъ, напримѣръ, участвовать въ непосредственной раздачѣ сѣмянъ травъ единоличнымъ владѣльцамъ, такъ какъ онъ этимъ можетъ вызвать къ себѣ со стороны остального населенія враждебное отношеніе. Докладъ былъ встрѣченъ дружными апплодисментами собранія, которое приняло предложенія докладчика".

Весьма характеренъ со стороны агрономовъ этотъ твердый отводъ отъ себя правительственной „политики". Видимо, для этихъ ближайшихъ къ деревнѣ культурныхъ работниковъ отрубно-хуторская „политика" слишкомъ непріемлема въ своей пристрастной несправедливости. Агрономы желаютъ сохранить „довѣріе" населенія, желаютъ приносить пользу общему дѣлу, а не сомнительной идеѣ отрубной реформы: „для агронома ни община, ни хуторъ не должны быть цѣлью, но только лишь средствомъ". Безъ особаго, можетъ быть, умысла ярославскіе агрономы наносятъ ударъ по самому чувствительному нерву бюрократической политики. Въ томъ-то и дѣло, что для нынѣшняго правительства хуторъ и община—совсѣмъ не средства для справедливаго и равномѣрнаго подъема хозяйственной культуры крестьянской Россіи. Для него хуторъ — опредѣленная, упрямо преслѣдуемая политическая цѣль. Ради этой цѣли, ради фантастической надежды на переустройство Россіи съ укрѣпленіемъ старыхъ государственныхъ корней, вносится разложеніе въ крестьянское населеніе, теряется не только „довѣріе" деревни, но воспитывается по отношенію къ власти раздраженіе и озлобленье: деревня разбивается на два враждебныхъ лагеря, между которыми неизбѣжно вспыхиваютъ споры, свары, ссоры, доходящія до поджоговъ и убійствъ.

Печальна „политика", сѣющая на своемъ пути такія сомнительныя сѣмена.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Продленіе дѣйствія положенія объ охранахъ.—Связь между этимъ фактомъ и другими явленіями государственной жизни.—Сперва наказаніе, потомъ разслѣдованіе.—Министерство народнаго просвѣщенія и Академія Наукъ.—Новый фазисъ финляндскаго вопроса.—Открытіе земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ.—Вѣсти изъ голодающаго края.

Продленіе дѣйствія экстраординарныхъ охранъ—продолженіе административнаго вмѣшательства въ дѣла высшей школы—новое услож-

неніе финляндскаго вопроса—энергично-торопливая организація западнаго земства: вотъ характерныя черты переживаемаго нами момента, характерныя какъ каждая сама по себѣ, такъ и въ ихъ совокупности. Какъ это ни странно, но наиболѣе яркій свѣтъ на всѣ остальныя бросаетъ та изъ нихъ, въ которой всего меньше новаго. Изданію положенія объ охранахъ минуло на дняхъ тридцать лѣтъ; можно было бы, по видимому, привыкнуть къ нимъ и не считать ихъ типичнымъ признакомъ господствующихъ настроеній. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Чѣмъ дольше держится явная аномалія, давно осужденная опытомъ, тѣмъ яснѣе раскрывается внутренній складъ тѣхъ сферъ, которыя ищутъ въ ней свою опору. Составители положенія 14-го августа 1881-го года говорили о „печальной необходимости допустить на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства"; они были далеки отъ мысли о замѣнѣ этими мѣрами „общихъ законовъ", составляющихъ „залогъ благоденствія и преуспѣянія". Если эти благодушныя, но близорукія ожиданія не оправдались, если „преходящія" мѣры пережили множество „общихъ законовъ", то это объясняется слабымъ развитіемъ самой идеи о законности, постоянными нарушеніями „общихъ законовъ", господствомъ произвола, не нуждавшагося, въ сущности, ни въ какихъ особыхъ „положеніяхъ". Припомнимъ, что всѣ орудія власти, созданныя или, лучше сказать, ретроспективно оформленныя правилами 14-го августа, пускались въ ходъ и раньше: рядомъ съ судомъ нормальнымъ дѣйствовалъ, отъ времени до времени, судъ чрезвычайный, рядомъ съ уголовными карами широко практиковались кары административныя, зависимость печати была безгранична, закрытіе собраній и обществъ встрѣчалось рѣдко только потому, что мало было собраній и обществъ. Усиленная охрана, въ первую четверть вѣка своего существованія, была, собственно говоря, не чѣмъ инымъ, какъ нѣкоторымъ подспорьемъ для администраціи, упрощавшимъ и облегчавшимъ пользованіе фактически и безъ того принадлежавшею ей властью. И только поэтому „преходящая мѣра" становилась безконечно длительной, прочно входя въ административные нравы. Ея безплодность уже тогда была очевидна для всѣхъ, кто умѣлъ смотрѣть и хотѣлъ видѣть; не было тайной, что предупредить распространеніе и обостреніе „вредныхъ ученій" она не въ силахъ—не въ силахъ, слѣдовательно, предотвратить ихъ переходъ изъ области мысли въ область дѣла. Какъ только раскрылись намѣренно или ненамѣренно закрытые глаза, это было признано даже тѣми, кто раньше принадлежалъ къ числу наиболѣе усердныхъ „охранителей". Отмѣна положенія объ охранѣ была рѣшена, въ принципѣ, Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904-го года, подготовлена, въ 1905 г., комитетомъ министровъ, подтверждена манифестомъ 17-го октября. Оставалось только сдѣлать послѣдній шагъ—но вмѣсто

того положеніе 14-го августа получило такое широкое примѣненіе, о которомъ и не снилось его творцамъ, въ критическую минуту государственной жизни. Тотъ періодъ времени, когда можно было ссылаться на только что происходившіе безпорядки, на опасность ихъ повторенія, прошелъ давно; осуществленіе конституціоннаго строя настоятельно требовало возвращенія къ закону; болѣе чѣмъ спорной стала юридическая основа охранъ—и все же онѣ возобновляются изъ года въ годъ, какъ кошмаръ тяготѣя надъ страною.

Нельзя — могутъ сказать присяжные апологеты власти — нельзя оставлять правительство безоружнымъ на случай всегда возможныхъ волненій; нельзя прекращать дѣйствіе положенія объ охранахъ, пока не проведенъ черезъ всѣ инстанціи законопроектъ объ исключительномъ положеніи. Но почему онъ до сихъ поръ не прошелъ черезъ Госуд. Думу? Не потому ли, что онъ слишкомъ мало отличается отъ нынѣ дѣйствующаго положенія, и приложить къ нему руку не рѣшаются даже октябристы? Не потому ли, что существенно измѣнить его къ лучшему неспособно большинство третьей Думы? Не потому ли, наконецъ, что изданія его не желаетъ министерство, свыкшееся съ удобнымъ instrumentum regni и опасающееся промѣнять его на новую, неизвѣстную величину? Какъ бы ни раздѣлялась между Думой и министерствомъ отвѣтственность за медленность, допущенную по вопросу первостепенной важности, препятствіемъ къ формальной отмѣнѣ положенія объ охранахъ, потерявшаго всякое право на существованіе, отсутствіе новаго закона объ исключительномъ положеніи служить не можетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ случаѣ возникновенія серьезныхъ волненій Государственная Дума не отказала бы правительству въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ, а въ промежуткахъ между сессіями они могли бы быть установлены въ порядкѣ, указанномъ ст. 87-ою основныхъ законовъ; не подлежитъ сомнѣнію и то, что такихъ волненій теперь нѣтъ на лицо и что они не предвидятся въ близкомъ будущемъ.

Но развѣ—таково другое возможное возраженіе, — развѣ исключительное положеніе естественно и необходимо только при волненіяхъ уже происходящихъ и, притомъ, достигшихъ извѣстной распространенности и силы? Да: именно такъ понимаютъ исключительное положеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ, и только такъ оно и можетъ быть понимаемо безъ нарушенія истинныхъ основъ государственности. Для предупрежденія опасности еще не наступившей, для защиты противъ отдѣльныхъ посягательствъ, всегда и вездѣ неизбѣжныхъ, государство достаточно вооружено обыкновенными, общими законами; выходить за ихъ предѣлы—значитъ совершать „превышеніе обороны“, столь же недопустимое въ государственной, какъ и въ ча-

стной жизни. И, притомъ, такое превышеніе въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказывается безцѣльнымъ. Отрицать это могутъ только тѣ, которые разсуждаютъ по правилу: post hoc — ergo propter hoc. Теперь чаще чѣмъ когда-нибудь введенію положенія объ охранѣ приписывается ослабленіе революціонной агитаціи въ восьмидесятыхъ годахъ, между тѣмъ какъ настоящей его причиной послужили неисполнившіяся ожиданія революціонеровъ: цареубійство прошло безслѣдно, въ народной массѣ ничто не шевельнулось—и самъ собою пріостановился приливъ новыхъ силъ къ безнадежному дѣлу. Прошло нѣсколько лѣтъ, сгладилось потрясающее впечатлѣніе—и опять правительственный горизонтъ заволокли грозовыя тучи. Напрасно министры, смѣнявшіеся у власти въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка, старались разогнать ихъ старыми пріемами: онѣ сгущались до тѣхъ поръ, пока не была сознана своевременность новаго способа дѣйствій. Къ несчастію, она была сознана слишкомъ поздно и слишкомъ неохотно: отсюда событія зимы 1905-го и лѣта 1906-го года. Теперь опять повторяется прежняя ошибка: изъ того, что такія событія болѣе не повторялись, выводится заключеніе, что имъ положили конецъ чрезвычайныя мѣры—по истинѣ чрезвычайныя, затмившія собою всю предшествовавшую вереницу сверхъ-репрессій и сверхъ-расправъ. На самомъ дѣлѣ за приливомъ всегда слѣдуетъ отливъ: за неудавшимся движеніемъ всегда наступаетъ періодъ сравнительнаго спокойствія. Весь вопросъ въ томъ, что таится подъ наружной тишиной — и разрѣшеніе этого вопроса въ значительной степени обусловливается тѣмъ, какими средствами водворяется и поддерживается тишина. Чѣмъ больше они имѣютъ чисто-внѣшній, насильственный характеръ, тѣмъ болѣе обманчиво упокоеніе, тѣмъ сомнительнѣе конечная побѣда.

Можно ли, однако, говорить объ отмѣнѣ экстраординарныхъ охранъ именно теперь, когда учащаются террористическіе акты, когда опять наблюдается подъемъ революціонной волны? Въ какой степени достовѣрны факты, которыми мотивируется, въ реакціонной печати, этотъ вопросъ—мы судить не беремся; для насъ достаточно указать на внутреннюю его несообразность, Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ бы понятенъ, еслибы рѣчь шла не о продленіи охранъ, а о введеніи ихъ вновь, послѣ временной отмѣны; тогда имѣлась бы на лицо хоть какая-нибудь возможность утверждать, что безъ охранъ позволительно было обходиться, пока не было или почти не было предусматриваемыхъ ими посягательствъ, но нельзя медлить съ ихъ возобновленіемъ, разъ что снова возникаетъ устраняемая или смягчаемая ими опасность. Въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ не то: охраны не переставали существовать ни на одну минуту—и все-таки преступность извѣстнаго рода вновь идетъ въ гору. Не ясно ли отсюда, что охраны не дости-

гаютъ цѣли, что пора обратиться къ другимъ, болѣе раціональнымъ средствамъ огражденія спокойствія и порядка? Изъ современной жизни, какъ и изъ тридцатилѣтняго прошлаго, вытекаетъ лишь одинъ урокъ: не только несогласна съ требованіями нравственности и права, но и въ корнѣ ошибочна политика, всѣ свои надежды возлагающая на обостреніе репрессій, на неотразимость физической силы. То, что можетъ быть годнымъ для короткаго, исключительнаго момента, безусловно негодно для ежедневнаго, нормальнаго обихода.

Положеніе объ охранахъ, обращенное въ обычное орудіе управленія, оказываетъ тлетворное вліяніе не только въ сферѣ непосредственнаго его примѣненія: оно кладетъ особую печать на весь характеръ правительственной дѣятельности. Если авторитетъ закона никогда еще не падалъ такъ низко, если „усмотрѣніе“ администраціи, центральной и мѣстной, никогда не достигало такихъ колоссальныхъ размѣровъ и никогда не облекалось въ такія чудовищныя формы, то въ значительной степени это объясняется именно навыками, выростающими на почвѣ „исключительнаго положенія“—когда это положеніе перестаетъ, въ сущности, быть исключительнымъ. Все тверже и тверже укрѣпляется вѣра власти въ собственную непогрѣшимость, хотя все чаще и все ярче становятся ея прегрѣшенія. Не даромъ же жалобы на упадокъ уваженія къ закону идутъ, въ послѣднее время, даже оттуда, откуда всего меньше можно было ожидать ихъ—напр. изъ нѣдръ праваго думскаго крыла, отъ такого столпа „націонализма“, какъ бессарабскій депутатъ Синадино. На всѣхъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы, начиная съ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, повторяются проявленія необузданнаго произвола. Ни при гр. Д. А. Толстомъ, ни при В. К. Плеве не были такъ многочисленны администраторы того типа, представителей котораго мы видимъ теперь въ Одессѣ и Нижнемъ Новгородѣ, въ Ялтѣ, Калугѣ, Тамбовѣ. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ Москвѣ открылся на дняхъ общеземскій съѣздъ по народному образованію. Не говоримъ уже о томъ, что разрѣшеніе его состоялось лишь подъ условіемъ значительнаго сокращенія его программы, что не всѣ делегаты, избранные земскими собраніями, получили къ нему безпрепятственный доступъ, что далеко не вездѣ удавалось устроить предварительныя совѣщанія ихъ съ мѣстными учителями: насъ теперь въ особенности интересуетъ распоряженіе московскаго губернатора, устранившаго изъ числа членовъ съѣзда кн. П. Д. Долгорукова, Г. А. Фальборка, В. И. Чарнолускаго и еще одного провинціальнаго дѣятеля. На чемъ основано такое распоряженіе? Во всякомъ случаѣ—не на общемъ законѣ. Временныя правила о собраніяхъ, утвержденныя 4-го марта 1906-го года, опредѣляютъ съ точностью (пун. 8), кто именно не допускается къ участію

въ собраніяхъ (само собою разумѣется, что ни къ одной изъ этихъ категорій названныя выше лица не принадлежатъ), и не даютъ администраціи, въ этомъ отношеніи, никакой дискреціонной власти. Подъ дѣйствіе правилъ о собраніяхъ подходятъ (пун. 17) и съѣзды, съ тою только особенностью, что они разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Очевидно, слѣдовательно, что московскій губернаторъ счелъ себя въ правѣ примѣнить, въ настоящемъ случаѣ, положеніе объ усиленной охранѣ. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы оно давало ему такое право — и совершенно несомнѣнно, что для пользованія имъ не было никакого повода. Какую опасность представляло присутствіе лицъ, никакимъ законнымъ правоограниченіямъ не подлежащихъ, въ собраніи, имѣющемъ опредѣленный кругъ дѣйствій и происходящемъ подъ надзоромъ власти? Конечно — никакой. При В. К. Плеве, въ эпоху расцвѣта полицейской опеки, въ самый разгаръ недоброжелательнаго отношенія ко всѣмъ видамъ общественной дѣятельности, бывали случаи закрытія съѣздовъ—закрытія, имѣвшаго характеръ разгона,—но мы не помнимъ, чтобы отдѣльнымъ лицамъ запрещалось участіе въ однажды разрѣшенномъ съѣздѣ. Дойти до этой черты предоставлено было нашему времени—времени образованія той Zwittergestalt, которую порождаетъ соединеніе формальнаго конституціонализма съ худшими преданіями полицейскаго государства.

Мы едва ли ошибемся, если найдемъ слѣды этого соединенія и въ образѣ дѣйствій центральной власти—напримѣръ министра народнаго просвѣщенія. Оставаясь номинально автономной, высшая школа обращается, подъ рукою Л. А. Кассо, въ арену такихъ экспериментовъ, какихъ не знало даже время наибольшей зависимости ея отъ административнаго произвола. Прямымъ продуктомъ „охраннаго настроенія“ является систематическое отступленіе отъ порядка, въ силу котораго слѣдствіе должно предшествовать приговору, истребованіе объясненій—наложенію кары. Сначала массовое исключеніе изъ института, а потомъ разборъ обстоятельствъ, касающихся каждой исключенной слушательницы въ отдѣльности; сначала предложеніе подать въ отставку, а потомъ выслушаніе увольняемыхъ профессоровъ—таковъ образъ дѣйствій, усвоенный министерствомъ народнаго просвѣщенія. Не ясенъ ли его генезисъ, не очевидна ли его внутренняя связь съ пріемами, традиціонно-практикуемыми при административной ссылкѣ? И не правы ли мы были, называя новое продленіе срока охранъ особенно характерною чертою настоящей минуты?.. Никогда, въ добавокъ, самыя „энергичныя“ правительственныя мѣры не встрѣчали такого восторженнаго одобренія въ извѣстной части общества и

печати. Политическіе клакеры имѣются у насъ на лицо не со вчерашняго дня, но никогда еще, кажется, они не апплодировали такъ шумно, никогда не примѣшивали къ возвеличенію побѣдителей такую ожесточенную травлю побѣжденныхъ. Не въ однихъ только откровенно оффиціозныхъ органахъ поется хвала послѣднимъ распоряженіямъ Л. А. Кассо: ихъ оправдываютъ или прославляютъ писатели, претендующіе на оригинальность, въ газетахъ, претендующихъ на независимость. Создается какое-то подобіе общественнаго мнѣнія, безсильное, конечно, служить дѣйствительной опорой для власти, но дающее ей иллюзію опоры. До чего доходитъ усердіе „добровольцевъ"— объ этомъ можно судить по слѣдующему эпизоду. Опалѣ подвергся, въ числѣ другихъ преподавателей женскаго медицинскаго института, профессоръ Чистовичъ. Услужливая газета поспѣшила приписать ему— со словъ, какъ она утверждаетъ, одной изъ жертвъ министерскаго распоряженія—давленіе на слушательницъ, съ цѣлью заставить ихъ согласиться на перенесеніе слушанія его курса съ весенняго семестра на осенній. Профессоръ Чистовичъ напечаталъ въ той же газетѣ письмо, изъ котораго видно, что никакихъ подписокъ о подобномъ согласіи онъ ни отъ кого не требовалъ и не бралъ. Совѣтъ института постановилъ, что весенній семестръ можетъ быть зачтенъ лишь по тѣмъ предметамъ, къ слушанію которыхъ уже приступлено до 16-го мая. Двѣ слушательницы впервые явились къ проф. Чистовичу по истеченіи этого срока, 17-го мая. Зачесть имъ семестръ было невозможно, но г. Чистовичъ засвидѣтельствовалъ передъ совѣтомъ, что ими было выполнено, хотя и поздно, требованіе начальства—явиться къ слушанію лекцій. И вотъ, это удостовѣреніе, данное въ интересахъ слушательницъ, обращается въ принужденіе ихъ къ выдачѣ какой-то подписки! Но проф. Чистовичъ навлекъ на себя неудовольствіе министра—и для апологетовъ власти этого было достаточно, чтобы стать на сторону его обвинителей, какъ бы неправдоподобно или нелѣпо ни было обвиненіе.

Неожиданный отпоръ по весьма серьезному вопросу министръ народнаго просвѣщенія встрѣтилъ въ оффиціальныхъ сферахъ. Академія наукъ возвысила голосъ противъ задуманнаго г. Кассо способа подготовки будущихъ русскихъ профессоровъ въ особо избранныхъ для того заграничныхъ университетахъ. Вице-президентъ академіи заявилъ отъ ея имени, что, принявъ такую мѣру, „русское министерство народнаго просвѣщенія объявитъ русскую школу несостоятельной; тѣмъ самымъ оно открыто признаетъ и слабость русскаго государства, будто бы лишеннаго того источника жизни, которымъ является самостоятельное развитіе науки. Оно всенародно заявитъ, что наше государство не въ состояніи создать въ нашемъ отечествѣ условія, необходимыя

для свободнаго и здороваго ея роста. Оно поколеблетъ вѣру въ силу и значеніе русской науки, безъ которой не можетъ быть и могущественнаго государства". О мѣткости этого удара можно судить по ярости, которую онъ возбудилъ въ прямолинейныхъ защитникахъ министерства. Чтобы уменьшить эффектъ обвиненія, они стараются унизить обвинителя. „Это почтенное учрежденіе"—такъ говоритъ объ Академіи „Новое Время" (№ 12.707),—„насчитывающее въ своемъ составѣ такихъ корифеевъ кадетской науки, какъ академикъ Марковъ, успѣвшій пріобрѣсти громкую извѣстность своими письмами въ редакціи газетъ и выступленіями въ пользу забастовщиковъ въ 1905-6 гг., какъ г. Бодуэнъ-де-Куртенэ, прославившійся своимъ „исправленіемъ" словаря Даля, который онъ „модернизировалъ", какъ профессора Вернадскій, Мензбиръ, Виноградовъ, демонстративно подавшіе въ отставку во время послѣднихъ университетскихъ безпорядковъ въ Москвѣ и уволенные согласно ихъ прошеніямъ, какъ Максимъ Ковалевскій, отличающійся своими quasi-учеными выступленіями въ засѣданіяхъ Госуд. Совѣта, какъ извѣстный украинофилъ профессоръ Лучицкій, прославившійся своими выходками въ Госуд. Думѣ въ защиту студенческихъ безобразій болѣе, чѣмъ своими учеными трудами, и обратившій законодательную трибуну въ митинговую каѳедру—это почтенное учрежденіе, забаллотировавшее нѣкогда красу и гордость русской науки, покойнаго Менделѣева, поспѣшило присоединить свой авторитетный голосъ къ протестамъ остальныхъ кадетовъ, не успѣвшихъ еще проникнуть въ Императорскую Академію". Мы не будемъ, конечно, разбирать каждую изъ „благосклонныхъ" аттестацій, раздаваемыхъ газетою, не будемъ, напримѣръ, говорить о томъ, что слава академика Маркова основана на математическихъ изслѣдованіяхъ, сдѣлавшихъ его извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей, и открывшихъ ему, *четверть вѣка тому назадъ*, доступъ въ Академію Наукъ; но мы не можемъ не остановиться на характеристикѣ профессора Лучицкаго, въ которой слишкомъ ужъ откровенно отразилось злобное чувство, руководившее авторомъ газетной замѣтки. Оставляя въ сторонѣ замѣчательные труды И. В. Лучицкаго о формахъ землевладѣнія въ Малороссіи, напомнимъ, что онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ знатоковъ исторіи французскаго крестьянства, особенно въ послѣднія десятилѣтія передъ великой революціей, и что работы его по этому предмету, а также по эпохѣ религіозныхъ войнъ XVI-го вѣка, высоко цѣнятся въ западной наукѣ. Но вотъ что всего интереснѣе: за исключеніемъ А. А. Маркова и В. И. Вернадскаго, всѣ лица, названныя газетой, состоятъ не дѣйствительными членами, а членами-корреспондентами Академіи, и, слѣдовательно, не принимаютъ участія въ ея постановленіяхъ. Только

одинъ изъ нихъ, И. В. Лучицкій, возведенъ въ это званіе недавно (въ 1908 г.); всѣ остальные избраны въ члены-корреспонденты еще тогда, когда ни о „кадетахъ", ни о другихъ политическихъ партіяхъ не было и рѣчи, (П. Г. Виноградовъ — въ 1892-мъ, М. А. Мензбиръ—въ 1896-мъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ—въ 1897-мъ, М. М. Ковалевскій—въ 1899-мъ году). Во что обращаются, въ виду этихъ фактовъ, всѣ инсинуаціи усердной газеты? Какой цѣной она пріобрѣла возможность назвать Академію „коллегіей маститыхъ кадетовъ"?.. За неимѣніемъ данныхъ для опороченія настоящаго состава Академіи, пришлось обратиться къ отдаленному прошлому. Забаллотированіе Менделѣева было, безспорно, прискорбной и крупной ошибкой,—но вѣдь со времени ея совершенія прошло около тридцати лѣтъ, и болѣе чѣмъ странно ставить ее въ пассивъ нынѣ здравствующихъ академиковъ, изъ которыхъ, если мы не ошибаемся, *никто* не входилъ тогда въ составъ Академіи.

Чтобы объяснить озлобленіе, вызванное въ извѣстныхъ сферахъ заявленіемъ Академіи, необходимо привести изъ него еще одинъ отрывокъ: „Индивидуальность, необходимая для каждаго ученаго, не можетъ свободно развиваться при подобныхъ (т. е. проектированныхъ министерствомъ) условіяхъ. Сосредоточеніе всѣхъ студентовъ въ институтѣ, гдѣ будетъ постоянный наблюдатель, или въ особой семинаріи, поведетъ къ вредной нивеллировкѣ индивидуальныхъ качествъ и особенностей каждаго. Всѣхъ она будетъ дѣлать адептами одного направленія, учениками одной иностранной школы". Опровергая эти соображенія, газета распространяется о хорошихъ сторонахъ преподаванія въ заграничныхъ университетахъ, о пріобрѣтаемой, благодаря ему, самостоятельности и прямотѣ сужденія; но развѣ Академіи неизвѣстны эти стороны, развѣ она отрицаетъ ихъ значеніе? Возраженія ея направлены не противъ посылки будущихъ профессоровъ за границу, а противъ „сосредоточенія" ихъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, противъ подчиненія ихъ „постоянному наблюдателю". Намъ думается, что защитникъ, въ данномъ случаѣ, разошелся съ своимъ подзащитнымъ. Меньше всего министерство народнаго просвѣщенія озабочено выработкою въ будущихъ профессорахъ самостоятельности сужденія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить заключительныя слова бесѣды, которую велъ недавно Л. А. Кассо съ корреспондентомъ газеты „Neues Wiener Tageblatt" [1]). „Мое самое большое желаніе"—сказалъ министръ,—„имѣть такія учебныя заведенія, въ которыхъ работы учащихся контролируются, такъ сказать—среднія школы съ курсами высшихъ школъ и полугодовыми экзаменами. Тогда можно будетъ учащуюся молодежь

---

[1]) См. „Рѣчь", № 207.

крѣпко держать въ рукахъ, только тогда она будетъ учиться какъ слѣдуетъ, и изъ нея выйдутъ хорошіе люди: себѣ на пользу, родителямъ на радость и отечеству на славу". Совершенно ясно, что при такомъ взглядѣ на высшую школу „самостоятельность сужденія" не можетъ считаться желательною; наоборотъ, развитію ея слѣдуетъ ставить всяческія преграды, какъ на своей, домашней почвѣ, такъ и на заграничной, если и здѣсь занятія пойдутъ подъ указкой и ферулой. *Средняя школа съ курсами высшихъ школъ* — эта формула должна быть тщательно сохранена въ исторіи нашего оффиціальнаго просвѣщенія: она характеризуетъ какъ нельзя лучше цѣлое направленіе, принимающее различныя формы, то слабѣющее и стушевывающееся, то усиливающееся и выступающее прямо и открыто, но, въ сущности, со временъ Магницкаго и до настоящей минуты остающееся вѣрнымъ самому себѣ. Его торжество знаменовало бы собою такое паденіе высшей школы, которое отразилось бы не только на судьбахъ русской науки, но и на судьбахъ русскаго общества и русскаго народа. Неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ было бы, притомъ, затрудненіе доступа къ высшему образованію. Свой идеалъ высшей школы Л. А. Кассо вынесъ, безъ сомнѣнія, изъ лицея цесаревича Николая, директоромъ котораго онъ состоялъ до призыва его на министерскій постъ—а это учебное заведеніе существуетъ лишь для немногихъ, вся организація его университетскаго отдѣленія приспособлена не къ тысячамъ, не къ сотнямъ, а къ десяткамъ слушателей. Такой „контроль надъ работами учащихся", какой рисуетъ себѣ министръ народнаго просвѣщенія, неизбѣжно повлекъ бы за собою не только пониженіе уровня преподаванія, но и ограниченіе числа студентовъ, путемъ установленія комплекта или значительнаго повышенія платы за ученье. Не знаемъ, входитъ ли такое ограниченіе въ область „самаго большого желанія" Л. А. Кассо, но думаемъ, что оно во всякомъ случаѣ ему не противорѣчитъ. Уже теперь, подъ вліяніемъ отдѣльныхъ мѣръ министерства народнаго просвѣщенія, замѣчается уменьшеніе числа лицъ, ищущихъ высшаго образованія; что же будетъ тогда, когда осуществится вся система?... Остается только надѣяться, что этотъ моментъ никогда не настанетъ.

Закончимъ нашу экскурсію въ сферу народнаго просвѣщенія — или, правильнѣе, въ сферу министерства народнаго просвѣщенія: вѣдь это далеко не одно и тоже—ссылкою на небольшой, но весьма характерный фактъ. Въ прошломъ году скончался А. В. Перелешинъ, бывшій сначала членомъ Государственнаго Совѣта по выбору Костромского земства, потомъ членомъ второй Государственной Думы отъ Костромской губерніи, и передъ выборами въ третью Думу преданный суду, вмѣстѣ съ другими членами Костромской губернской земской

управы, по одному изъ тѣхъ обвиненій, главная задача которыхъ — увеличеніе числа лицъ, лишенныхъ, хотя бы на время, права участія въ выборахъ [1]). Буйское уѣздное земство постановило почтить его память учрежденіемъ стипендіи его имени. Утвердить это постановленіе собственною властью костромской губернаторъ не рѣшился и представилъ его на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія. И вотъ какой онъ получилъ отвѣтъ: „принимая во вниманіе необезпеченность учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и въ Костромской въ частности, министерство полагало бы возможнымъ учрежденіе въ означенной семинаріи стипендіи отъ названнаго земства, но лишь при условіи, чтобы этой стипендіи не присваивалось просимаго наименованія“ А если это условіе не будетъ принято земствомъ? Тогда пускай остается въ полной силѣ „необезпеченность“ учащихся въ Костромской учительской семинаріи?... Развѣ возможны были бы такія рѣшенія, еслибы не внушаемая „охраннымъ настроеніемъ“ непріязнь не только къ „несогласно мыслящимъ“, но и къ ихъ именамъ—враждебность, не смягчаемая даже смертью?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что между продленіемъ дѣйствія охранъ и приступомъ къ отторженію отъ Финляндіи двухъ приходовъ выборгской губерніи нѣтъ ничего общаго. На самомъ дѣлѣ между тѣмъ и другимъ существуетъ несомнѣнная связь. Привычка разсчитывать на покорность, вынуждаемую угрозой, искать не внутренней, а внѣшней опоры, развиваетъ пренебреженіе къ чужимъ взглядамъ и чувствамъ, внушаетъ увѣренность, что нѣтъ такой цѣли, которой нельзя было бы достигнуть съ помощью „превосходящей силы“. Есть что-то символическое въ томъ, что ближайшимъ результатомъ присоединенія двухъ финляндскихъ приходовъ къ петербургской губерніи будетъ введеніе въ нихъ усиленной охраны... Въ другое время, при другихъ условіяхъ неизбѣжно былъ бы поставленъ вопросъ, какъ отнесутся къ своему новому положенію мѣстные жители, съ какими чувствами они превратятся изъ финляндскихъ гражданъ въ русскихъ подданныхъ. При томъ настроеніи, которое мы назвали „охраннымъ“ для такого вопроса нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Въ

---

[1]) Еще недавно въ газетахъ сообщалось о возбужденіи рязанскимъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ уголовнаго преслѣдованія противъ двухъ составовъ скопинской уѣздной земской управы—преслѣдованія, которое такой достовѣрный, въ данномъ случаѣ, свидѣтель, какъ членъ думскаго центра, г. Леоновъ, приписываетъ исключительно желанію администраціи отстранить обвиняемыхъ отъ участія въ выборахъ вообще и особенно въ приближающихся выборахъ въ четвертую Государственную Думу.

средствахъ вынудить повиновеніе недостатка нѣтъ—слѣдовательно нѣтъ повода къ колебаніямъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятны упреки, дѣлаемые правительству со стороны наиболѣе прямолинейныхъ націоналистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ довольствоваться двумя приходами, когда ничто не мѣшаетъ присоединить цѣлую губернію? Зачѣмъ довольствоваться одной губерніей, когда можно идти и дальше, ссылаясь на необходимость обезпечить спокойствіе Петербурга? Усердствующимъ поклонникамъ насилія не приходитъ въ голову мысль, что истинной гарантіей спокойствія, насколько оно зависитъ отъ сосѣдей, служитъ не большая ихъ отдаленность, а общность чувствъ и интересовъ, сознаніе связи, поддерживаемой не однимъ только страхомъ...

Присмотримся поближе къ аргументамъ, которыми мотивируется присоединеніе. Прежде всего указывается на то, что выборгская губернія со временъ Петра Великаго входила въ составъ имперіи и только сто лѣтъ тому назадъ включена, свободной волей императора Александра I-го, въ составъ великаго княжества финляндскаго. Оффиціальное сообщеніе ограничивается констатированіемъ этого факта, „обратившаго многія тысячи русскихъ подданныхъ въ полуиностранцевъ"; оффиціозные комментаторы видятъ въ немъ „глубокую государственную ошибку", уступающую только той, еще большей, которую сдѣлалъ Александръ II-ой, установивъ въ Финляндіи „сеймовое законодательство". Элементарная историческая справедливость требуетъ оцѣнки каждаго событія съ точки зрѣнія условій, при которыхъ оно совершилось. Въ 1811 г. русское правительство, только что гарантировавшее завоеванному краю его особые законы, имѣло полное основаніе вѣрить въ лояльность его жителей и, слѣдовательно, безъ всякихъ опасеній могло поступиться въ его пользу раньше пріобрѣтенною областью, родственною ему по происхожденію и языку жителей. Оно знало, при этомъ, что отъ перехода къ Финляндіи населеніе выборгской губерніи многое выиграетъ и ничего не потеряетъ—до такой степени было очевидно превосходство финляндскихъ порядковъ передъ тогдашними русскими. Что оно не ошиблось — о томъ свидѣтельствуетъ съ одной стороны отсутствіе, въ теченіе многихъ десятилѣтій, какихъ бы то ни было неудобствъ отъ близости границы къ Петербургу, съ другой — несомнѣнно большее благосостояніе населенія выборгской губерніи сравнительно съ его петербургскими и олонецкими сосѣдями. Если и допустить, что теперь существуетъ непредусмотрѣнная тогда опасность, то не вызвана ли она новыми усложненіями, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ никто не думалъ—усложненіями, которыя можетъ только обострить присоединеніе къ имперіи всей выборгской губерніи или хотя бы небольшой ея части? Наконецъ, если въ 1811 г. и была сдѣлана ошибка, то не упущенъ ли

моментъ, когда ее сравнительно легко можно было исправить? Въ оффиціальномъ сообщеніи говорится о передѣлкахъ границы, происшедшихъ или проектировавшихся въ первой четверти XIX-го вѣка; но если въ то время онѣ могли не встрѣтить серьезныхъ препятствій, то слѣдуетъ ли отсюда, что онѣ столь же легко осуществимы теперь, при существенно измѣнившемся настроеніи умовъ въ Финляндіи? Изъ самаго сообщенія видно, притомъ, что съ теченіемъ времени многое, по ту сторону р. Сестры, существенно измѣнилось: выкуплены „донаціонныя" имѣнія крупныхъ русскихъ землевладѣльцевъ, значительно увеличилась земельная площадь, находящаяся въ рукахъ финляндской казны и мѣстныхъ крестьянъ. Очень подробно сообщеніе останавливается на положеніи с. Райвола, жители котораго, коренные русскіе, несутъ обязанности и по отношенію къ имперіи, и по отношенію къ великому княжеству, ни тамъ, ни тутъ не являясь полноправными гражданами. Это, конечно, весьма прискорбная аномалія; но развѣ нельзя положить ей конецъ болѣе простыми средствами? Неужели, напримѣръ, финляндскій сеймъ отклонилъ бы законопроектъ объ уравненіи райволовскихъ крестьянъ съ другими финляндскими гражданами? Если это до сихъ поръ не было сдѣлано, то не упадаетъ ли по меньшей мѣрѣ часть вины на русскія власти, недостаточно принимавшія къ сердцу интересы злополучнаго села? Доказано ли, впрочемъ, что оно находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ многія села по сю сторону границы? И не странно ли читать въ оффиціальномъ сообщеніи жалобу на то, что финляндскія власти не признавали и не признаютъ неотчуждаемости райволовскихъ крестьянскихъ надѣловъ, когда въ имперіи усилія правительства направлены именно къ уничтоженію такой неотчуждаемости?

Коренного, постояннаго населенія въ обоихъ приходахъ, по словамъ сообщенія, насчитывается около 31 тыс. — въ томъ числѣ собственно финновъ, какъ сообщаетъ „Россія", около 25 тысячъ [1]). Лѣтомъ эта цифра, вслѣдствіе наплыва дачниковъ—бо́льшею частью русскихъ—увеличивается во много разъ (по разсчету „Россіи"—впятеро). Но если пограничные финляндскіе приходы оказались обладающими такою притягательною силой, то не ясно ли, что русскимъ здѣсь жилось и живется недурно и при дѣйствіи финляндскихъ законовъ и порядковъ? Если имъ приходится терпѣть какія-нибудь, ничѣмъ не оправдываемыя неудобства, то неужели нельзя было устранить ихъ менѣе рѣшительными способами? Въ послѣднее время главнымъ поводомъ къ жалобамъ дачниковъ служили особенности пограничнаго

[1]) Во всей выборгской губерніи, по свѣдѣніямъ 1901-го года, финновъ (т.-е. считающихъ финскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ) было 407.817, шведовъ—8.821, русскихъ—3.960.

осмотра—не въ Теріокахъ, на финляндской территоріи, а въ Бѣлоостровѣ, по сю сторону русской границы... Какіе интересы, притомъ, имѣютъ право на бо̀льшее вниманіе: интересы коренныхъ жителей или пришлаго элемента, который сегодня здѣсь, завтра тамъ? Мы очень хорошо помнимъ, что анти-финляндская кампанія началась, четверть вѣка тому назадъ, отъ имени русскихъ дачниковъ—но едва ли по ихъ уполномочію и желанію; едва ли и теперь ихъ радуетъ, въ массѣ, перспектива перехода подъ попечительную опеку исправниковъ, становыхъ, земскихъ начальниковъ, волостныхъ судей. Но для нихъ этотъ переходъ будетъ еще не такъ чувствителенъ: они привыкли къ русскимъ порядкамъ у себя дома. Другое дѣло—коренное населеніе, для котораго эти порядки будутъ чѣмъ-то новымъ. Да и помимо этого, какая будетъ предстоять ломка многаго, глубоко коренящагося въ мѣстной жизни! Чего стоитъ хотя бы перемѣна оффиціальнаго языка, съ отраженіемъ ея въ начальной школѣ! Чего стоитъ введеніе винной монополіи, появленіе урядниковъ и стражниковъ, измѣненіе монетной системы, связанное съ нимъ повышеніе цѣнъ! Отъ стараго уклада мѣстной жизни уцѣлѣетъ, можетъ быть, немногое—и трудно сказать, чѣмъ будутъ уравновѣшены неизбѣжныя утраты.

Оба прихода—читаемъ мы въ оффиціальномъ сообщеніи—„сливаются съ береговой полосой столичнаго района, важной въ стратегическомъ отношеніи“. Больше объ этой сторонѣ вопроса не сказано ни слова. Не зная подробно фактовъ, къ ней относящихся, и не считая себя компетентными въ ея оцѣнкѣ, мы не коснулись бы ея вовсе, еслибы не видѣли изъ варіацій на данную тему, разыгрываемыхъ услужливыми перьями, что удлиненіе „береговой полосы столичнаго района“, обусловливаемое присоединеніемъ двухъ выборгскихъ приходовъ, очень мало повышаетъ ея оборонительное значеніе. Едва ли, также, удаленіе на 30—40 верстъ границы великаго княжества существенно облегчитъ задачи политической полиціи, несомнѣнно сыгравшія роль въ рѣшеніи совѣта министровъ. И противъ внутреннихъ, и противъ внѣшнихъ враговъ правительство далеко не беззащитно и на финляндской территоріи... Не безразлично, наконецъ, то обстоятельство, что одновременно съ извѣстіемъ о присоединеніи двухъ приходовъ въ печати возобновились требованія покончить съ финляндскимъ вопросомъ, завершить дѣло, начатое закономъ 17-го іюня прошлаго года. Въ „Новомъ Времени“ съ такими требованіями выступилъ одинъ изъ иниціатировъ этого закона, г. Дейтрихъ. „Вдохновителямъ финляндской смуты“ онъ грозитъ неизбѣжнымъ концомъ „русскаго добродушія и долготерпѣнія“. „Мы хорошо помнимъ,—восклицаетъ онъ,—что Финляндія можетъ быть объявлена на военномъ положеніи и дѣйствіе сейма пріостановлено въ порядкѣ верховнаго

управленія, а на основаніи п. 5-го ст. 2-ой закона 17-го іюня сеймовой уставъ 1906-го года можетъ быть не только пересмотрѣнъ въ русскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, но и совершенно отмѣненъ... Для успѣшной борьбы съ финляндской смутой нужно прежде всего издать въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства рядъ законовъ, опредѣляющихъ служебное положеніе финляндскаго чиновничества, его отвѣтственность за преступленія должности; должны быть изданы законы, которыми были бы изъяты изъ вѣдѣнія финляндскихъ судовъ всѣ преступныя дѣянія, имѣющія характеръ посягательства на цѣлость и безопасность россійскаго государства, и реорганизована полиція". Статья г. Дейтриха заканчивается выраженіемъ увѣренности, что „при желаніи и нѣкоторой энергіи эти законопроекты могли бы быть изготовлены и приняты законодательными учрежденіями еще нынѣшнею зимою". Точное исполненіе программы, начертанной г. Дейтрихомъ, сдѣлало бы, пожалуй, ненужнымъ присоединеніе къ имперіи какой бы то ни было части великаго княжества: Финляндія, передѣланная по этому рецепту и подчиненная дѣйствію усиленной, а въ случаѣ надобности — и чрезвычайной охраны, перестала бы существенно отличаться отъ коренной Россіи... Только возможны ли подобные эксперименты надъ страною, полною жизни и проникнутою сознаніемъ своего права?

Комическую ноту въ печально серьезное дѣло внесла „Россія". „Если простой даръ"—читаемъ мы въ одной изъ ея статей, рядомъ съ перефразированіемъ оффиціальнаго сообщенія, — „если простой даръ отбирается назадъ за непочтеніе одареннаго къ дарителю, то русскимъ защитникамъ финляндскихъ сепаратистовъ будетъ нелегко доказать почтительное отношеніе финляндцевъ къ одарившему ихъ такъ щедро народу-завоевателю". Нужна была особая... неосвѣдомленность—или особая безцеремонность,—чтобы перенести въ область государственной жизни частно-правовое понятіе, примѣнимое только къ гражданскимъ отношеніямъ отдѣльныхъ (физическихъ) лицъ. Едва ли найдется цивилистъ, который рѣшился бы доказывать возможность отобранія дара отъ юридическаго лица, за непочтеніе, оказанное дарителю. Еще менѣе мыслима почтительность или непочтительность на политической почвѣ. Скажемъ болѣе: здѣсь не можетъ даже быть рѣчи о *дарѣ*, въ обычномъ смыслѣ этого слова. Присоединеніе выборгской губерніи къ Финляндіи было вызвано вовсе не желаніемъ *одарить* великое княжество, а предположеніемъ, что это согласно съ интересами мѣстнаго населенія и не противно интересамъ имперіи... Еслибы „Россія" не только называлась, но и была на самомъ дѣлѣ „частнымъ изданіемъ", мы не остановились бы на допущенномъ ею смѣшеніи частнаго и публичнаго права; но ошибки оффиціозной га-

зеты имѣютъ иногда особый характеръ, и это не позволяетъ оставлять ихъ безъ вниманія.

Въ дѣлѣ организаціи западнаго земства также слышатся отголоски „охраннаго настроенія". Мы говорили въ предыдущемъ обозрѣніи о перенесеніи въ земскую сферу совершенно чуждаго ей понятія политической благонадежности, о „собираніи свѣдѣній", предшествовавшемъ земскимъ выборомъ, о граничившемъ иногда съ насиліемъ стѣсненіи свободы избирателей. Все это было предпринято съ цѣлью обезпечить полную побѣду тѣхъ элементовъ, которые принято объединять подъ именемъ „націоналистовъ". Еще въ началѣ августа въ націоналистическихъ газетахъ приводились цифры, свидѣтельствовавшія о повсемѣстномъ преобладаніи правыхъ гласныхъ надъ умѣренными и лѣвыми. Провозглашалось, съ торжествомъ, что „земская избирательная кампанія въ шести западныхъ губерніяхъ дала неопровержимое доказательство правильности и жизненности началъ, на которыхъ построенъ законъ 14-го марта". Правильнѣе было бы сказать, что она доказала дѣйствительность средствъ, которыми имѣлось въ виду создать „благонадежное" западное земство. И въ этомъ видѣ, однако, предсказаніе оправдалось не вполнѣ. Обманула разсчеты именно та губернія, на которую возлагались наибольшія надежды, въ которой поощряемая властью агитація принимала наиболѣе обостренныя формы: губернія волынская. И достается же, за то, волынскому земству! Та самая пресса, которая восхваляла „твердость" острогскаго уѣзднаго предводителя, возмущается теперь вліяніемъ, которымъ пользуются предводители въ волынскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. „Что же это за выборное земство,—читаемъ мы въ „Новомъ Времени",—если оно находится въ полномъ распоряженіи блока назначенныхъ предводителей дворянства!.. Встаетъ предводитель—и съ нимъ встаетъ вся его группа; сидитъ предводитель — и вся уѣздная группа сидитъ". Не нравится газетѣ и то, что „двѣнадцать крестьянъ разсажены за двѣнадцатью столами, подлѣ своихъ предводителей". Ничего хорошаго въ руководительствѣ предводителей не видимъ и мы; но подобаетъ ли возставать противъ него тѣмъ, кто возлагалъ свои упованія на представителей власти (какими въ западномъ краѣ являются, по общему правилу, назначенные предводители дворянства), кто и теперь готовъ радоваться ихъ вліянію, разъ что оно благопріятно для націоналистическихъ вожделѣній?.. До какой степени нарушено душевное равновѣсіе волынскихъ „патріотовъ"—это видно съ особенною ясностью изъ другого мѣста той же корреспонденціи. Негодуя противъ соглашенія, заключеннаго, будто бы, между кадетами, аграріями и поляками, корреспондентъ восклицаетъ: „дѣло доходило до полнаго

неприличія. Въ члены губернскаго училищнаго совѣта одновременно баллотировались заслуженный протоіерей Николай Абрамовичъ и яркій прогрессистъ чехъ Вондракъ, только что передъ этимъ присоединившійся къ протесту поляковъ противъ посылки привѣтственной телеграммы П. А. Столыпину. И что же? Протоіерей Абрамовичъ забракованъ, а Вондракъ избранъ". Итакъ, „полнымъ неприличіемъ" провозлашается выраженіе свободной воли гласныхъ, признавшихъ, что въ училищномъ совѣтѣ, больше чѣмъ въ какомъ-либо другомъ учрежденіи, особенно полезны могутъ быть именно прогресисты! [1]) Избраннику собранія вмѣняется въ вину, что онъ не захотѣлъ присоединиться къ привѣтственной телеграммѣ, тактичность которой представляется болѣе чѣмъ сомнительною. Въ самомъ дѣлѣ, удобно ли было начинать дѣятельность собранія такимъ актомъ, которому не могли искренно сочувствовать многіе гласные? Умѣстно ли было создавать лишній поводъ къ отдѣленію овецъ отъ козлищъ, безъ того уже почти неизбѣжному при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ состоялся указъ 14-го марта и происходили земскіе выборы?.. Съ другой стороны, такъ ли нейтрально держало себя, во время выборной кампаніи, волынское духовенство, чтобы его представитель, именно какъ таковой, имѣлъ особое право на участіе въ училищномъ совѣтѣ? Разъ что волынское губернское земское собраніе оказалось, въ своемъ большинствѣ, свободнымъ отъ модной націоналистической окраски, можно ли было ожидать отъ него особаго довѣрія и вниманія къ ставленнику архіепископа Антонія и архимандрита Виталія?.. Еслибы характеръ движенія, создавшаго западное земство, не былъ и безъ того совершенно ясенъ, его иллюстрировала бы какъ нельзя лучше травля, поднятая противъ волынскихъ земцевъ.

При господствѣ „охраннаго настроенія" нельзя даже мечтать объ общественной организаціи для помощи голодающимъ, столь необходимой во многихъ мѣстностяхъ восточной Россіи. То, что было возможно—хотя и нелегко осуществимо—двадцать лѣтъ тому назадъ, въ годину бѣдствій 1891 и 1892 гг., представляется немыслимымъ теперь, при соединеніи новаго государственнаго строя съ старыми административными правами. Нетрудно вообразить себѣ, какой отпоръ встрѣтили бы на мѣстахъ столовыя или другія однородныя учрежденія, открытыя частными лицами. Опасеніе пропаганды, хотя бы ни на чемъ не основанное, моментально заставило бы забыть о растущей народной нуждѣ, о недостаточности оффиціальныхъ средствъ борьбы

[1]) Другимъ членомъ училищнаго совѣта избранъ г. Андро, котораго корреспондентъ называетъ „лидеромъ прогрессистовъ".

съ послѣдствіями неурожая. А между тѣмъ, размѣръ этихъ средствъ, сравнительно съ продовольственными кампаніями девяностыхъ годовъ, будетъ существенно ограниченъ. Выдачу продовольственныхъ ссудъ предполагается заключить въ тѣсныя рамки; на первый планъ выдвигаются общественныя работы, доступныя далеко не для всѣхъ и далеко не всегда достигающія цѣли. Чтобы судить о размѣрахъ бѣдствія и о недостаточности палліативныхъ мѣръ, стоитъ только прочесть корреспонденцію, помѣщенную въ „Новомъ Времени" (№ 12730) и, слѣдовательно, не навлекающую на себя подозрѣнія въ оппозиціонной тенденціозности. Рѣчь идетъ о Челябинскомъ уѣздѣ (Оренбургской губерніи). Вотъ резюмэ того, что говорили корреспонденту (г. Носилову) мѣстные крестьяне. Хлѣба собрано по пяти кучъ съ десятины; овса совсѣмъ не взяли съ поля—только одна мякина; травъ накосили по копнѣ, много-много по двѣ копны на душу; въ казенномъ лѣсу есть трава, да ею пользуются одни лѣсники, или она пропадаетъ задаромъ — а если и выйдетъ разрѣшеніе косить въ казенныхъ участкахъ, такъ сразу крестьянъ туда не пустятъ. На обсѣмененіе нельзя добыть даже зернышка; старшина только руками машетъ, земскій начальникъ говоритъ: не мое дѣло. Какъ пробиться крестьянамъ, когда уже теперь ѣсть нечего въ деревнѣ? Все, что было можно, уже заложено въ городскихъ ломбардахъ. Говорятъ: „общественныя работы, иди работай". Да въ чемъ идти, когда вся одежда заложена и продана, и всю зиму придется сидѣть на печкѣ? Деревня уже на половину пуста; бѣгутъ въ Сибирь искать работы—а нѣкоторые уже вернулись оттуда и говорятъ, что тамъ нѣтъ никакой работы. „А въ пособіи, сказываютъ, будетъ отказано. Просто не знаемъ, что дѣлать. Хоть ложись и умирай... Если дадутъ работы далеко, въ отходъ—едва ли кто выйдетъ изъ деревни. Другой и вышелъ бы, да какъ оставить семью? Вѣдь (безъ хозяина) ребятишки, бабы—погибшій народъ: не увидишь, какъ погибнутъ отъ голода".

А продовольственнаго закона все нѣтъ; все въ этомъ дѣлѣ остается неустроеннымъ и неопредѣленнымъ. Еслибы къ нему была приложена хоть часть той энергіи и торопливости, съ какою проведены, напримѣръ, законопроекты о западномъ земствѣ и объ общегосударственномъ законодательствѣ, кризисъ, обрушившійся на среднее и нижнее Поволжье, не достигъ бы тѣхъ размѣровъ, какіе онъ принимаетъ въ настоящее время. Въ частности положеніе Оренбургской губерніи было бы не такъ безотрадно, еслибы на нее было распространено дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Много разъ это преобразованіе ставилось на очередь—и до сихъ поръ его напрасно ждетъ богатый край, обиженный судьбою.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Русско-германское соглашеніе и персидскія дѣла. — Мнимая или дѣйствительная перемѣна въ группировкѣ великихъ державъ. — Ошибки русской дипломатіи. — Марокскій вопросъ.—Конецъ конституціоннаго кризиса въ Англіи.

Русско-германское соглашеніе, подписанное въ Петербургѣ 6 (19-го) августа, обратило на себя большое вниманіе въ Европѣ, хотя оно касается предметовъ и вопросовъ, довольно отдаленныхъ отъ западно-европейской злобы дня. Дѣло идетъ о разграниченіи интересовъ обѣихъ державъ въ Персіи, о чемъ велись переговоры еще со времени потсдамскаго свиданія. Основные пункты соглашенія были извѣстны съ конца прошлаго года, благодаря „нескромности“ одной изъ англійскихъ вечернихъ газетъ. Содержаніе заключенной теперь конвенціи несомнѣнно представляетъ гораздо болѣе выгодъ для Германіи, чѣмъ для Россіи. Нѣмцы уступаютъ русскимъ право на первенство и преобладаніе въ сѣверной Персіи, гдѣ они сами никакихъ правъ и интересовъ не имѣютъ, а взамѣнъ обезпечиваютъ для себя успѣхъ багдадской желѣзнодорожной линіи соединеніемъ ея съ будущею сѣтью персидскихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя Россія великодушно берется построить на свой собственный счетъ.

Нѣмецкіе капиталисты и предприниматели, какъ не безъ ядовитости отмѣтила оффиціозная „Kölnische Zeitung“, обнаруживали до сихъ поръ очень мало склонности тратить свои средства въ Персіи, такъ какъ желѣзнодорожныя и промышленныя предпріятія мыслимы тамъ только при соотвѣтственныхъ гарантіяхъ и субсидіяхъ, о которыхъ не можетъ быть рѣчи при хроническомъ разстройствѣ персидскихъ финансовъ; притомъ крайне непрочное политическое положеніе не способствуетъ привлеченію въ Персію нѣмецкихъ капиталовъ, и дѣлать крупныя затраты при такихъ условіяхъ можетъ только Россія, имѣющая въ виду свои особые политическіе интересы. Разорительныя предпріятія въ чужихъ краяхъ составляютъ какъ-будто спеціальность русской политики, и это обстоятельство откровенно подчеркивается въ заграничной печати.

Вступительная часть конвенціи подтверждаетъ „принципъ равноправія въ отношеніи торговли всѣхъ націй въ Персіи“ и признаетъ, что „съ одной стороны, у Россіи имѣются въ этой странѣ спеціальные интересы, и что, съ другой стороны, Германія преслѣдуетъ тамъ лишь коммерческія цѣли“. Въ виду важности состоявшагося соглашенія для

ближайшаго будущаго приводимъ самый текстъ его, изложенный въ пяти статьяхъ:

Статья I. Императорское германское правительство заявляетъ, что оно не имѣетъ намѣренія ни добиваться для себя самого, ни поддерживать домогательствъ со стороны германскихъ или иностранныхъ подданныхъ концессій желѣзнодорожныхъ, дорожныхъ, навигаціонныхъ и телеграфныхъ къ сѣверу отъ линіи, идущей отъ Касри Ширина, пролегающей черезъ Исфаганъ, Іездъ и Хакъ и кончающейся на афганской границѣ на широтѣ Гязика.

Статья II. Съ своей стороны, русское правительство, имѣя въ виду получить отъ персидскаго правительства концессію на созданіе сѣти желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ Персіи, обязуется, въ числѣ прочихъ, испросить концессію на постройку пути, который долженъ исходить изъ Тегерана и окончиться въ Ханекинѣ для смычки, на турецко-персидской границѣ, означенной сѣти съ линіею Садидже-Ханекинъ, какъ только эта вѣтвь Конія-Багдадской желѣзной дороги будетъ окончена. Разъ эта концессія будетъ получена, работы по постройкѣ означенной линіи должны будутъ быть начаты не позже какъ черезъ два года послѣ окончанія Садидже-Ханекинской вѣтки и окончены въ теченіе четырехъ лѣтъ. Русское правительство предоставляетъ себѣ опредѣлить въ свое время окончательное направленіе означенной линіи, считаясь съ пожеланіями германскаго правительства по этому предмету. Оба правительства облегчатъ международное сообщеніе на линіи Ханекинъ-Тегеранъ, а также на линіи Ханекинъ-Багдадъ, избѣгая всякихъ мѣръ, которыя могли бы препятствовать ему, какъ, напримѣръ, установленія транзитныхъ пошлинъ или примѣненія дифференціальнаго тарифнаго обложенія. Если по истеченіи двухъ лѣтъ съ момента, когда Садидже-Ханекинская вѣтка Конія-Багдадской желѣзной дороги будетъ закончена, не будетъ приступлено къ постройкѣ линіи Ханекинъ-Тегеранъ, русское правительство увѣдомитъ германское правительство, что оно отказывается отъ концессіи, относящейся къ этой послѣдней линіи. Германское правительство въ этомъ случаѣ будетъ вольно домогаться, со своей стороны, этой концессіи.

Статья III. Признавая общее важное значеніе, которое имѣло бы для международной торговли осуществленіе Багдадской желѣзной дороги, русское правительство обязуется не принимать мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы воспрепятствовать постройкѣ ея или помѣшать участію иностранныхъ капиталовъ въ этомъ предпріятіи, при условіи, разумѣется, что это не повлечетъ за собою для Россіи никакой жертвы денежнаго или экономическаго свойства.

Статья IV. Русское правительство сохраняетъ за собою право

поручить осуществленіе проекта желѣзнодорожной линіи, имѣющей связать ея сѣть въ Персіи съ линіей Садидже-Ханекинъ, иностранной финансовой группѣ по своему выбору, вмѣсто того, чтобы озаботиться самому ея постройкою.

Статья V. Независимо отъ того, какимъ образомъ постройка означенной линіи будетъ осуществлена, русское правительство предоставляетъ себѣ право на всякое участіе въ работахъ, какое оно могло бы пожелать, а равно право выкупить означенную желѣзную дорогу по цѣнѣ дѣйствительныхъ затратъ, понесенныхъ строителемъ. Высокія договаривающіяся стороны обязуются, кромѣ того, предоставить другъ другу участіе во всѣхъ привилегіяхъ тарифныхъ и иныхъ, которыя одна изъ нихъ могла бы получить въ отношеніи этой линіи.

Во всякомъ случаѣ, остальныя постановленія настоящаго соглашенія останутся въ силѣ".

Какъ видимъ, Германія ограничивается выраженіемъ доброжелательныхъ намѣреній и никакихъ положительныхъ обязательствъ на себя не принимаетъ, тогда какъ Россія „обязуется" строить для персовъ и нѣмцевъ желѣзныя дороги безъ всякаго разсчета на ихъ доходность. Германія ничего не даетъ и не предлагаетъ Россіи, а Россія связываетъ себя даже опредѣленными сроками, въ теченіе которыхъ должно быть начато и окончено ею сооруженіе желѣзнодорожныхъ путей въ сѣверной Персіи, для пользы иностранной торговли. Германія получаетъ рядъ существенныхъ гарантій относительно своей багдадской желѣзной дороги, а Россіи предоставляется все болѣе втягиваться въ персидскій политическій кризисъ, который ничего, кромѣ непріятностей и разочарованій, ей принести не можетъ. Насъ утѣшаютъ политическимъ преобладаніемъ въ пограничныхъ персидскихъ провинціяхъ; но это преобладаніе въ чужой, запущенной странѣ, раздираемой междоусобіями, безпорядками и грабежами, составляетъ лишь тяжкое бремя, связанное съ матеріальною и нравственною отвѣственностью, а нерѣдко и съ рискомъ опасныхъ военно-политическихъ осложненій. Горькій опытъ съ Манчжуріей и Кореею долженъ былъ, кажется, научить нашу дипломатію избѣгать соблазновъ, могущихъ вовлечь насъ въ новыя международныя приключенія; между тѣмъ мы опять втягиваемся въ чужія дѣла съ сомнительнымъ промышленно-политическимъ оттѣнкомъ, подъ предлогомъ спеціальныхъ интересовъ, которые въ дѣйствительности требовали бы еще внимательной провѣрки. Каковы бы ни были эти интересы, они ни въ какомъ случаѣ не оправдываютъ рѣшимости возложить на наше государственное казначейство заботу объ устройствѣ завѣдомо бездоходныхъ и дефицитныхъ желѣзныхъ дорогъ въ предѣлахъ Персіи. Сколько десятковъ и сотенъ милліоновъ понадобится для доведенія этого дѣла до благо-

получнаго конца? Неужели намъ мало тѣхъ огромныхъ финансовыхъ жертвъ, которыхъ стоила манчжурская дорога? Или у насъ существуетъ такой избытокъ народнаго богатства, что мы можемъ позволить себѣ роскошь періодическаго облагодѣтельствованія чужихъ территорій?

Къ сожалѣнію, въ нашей внѣшней политикѣ не замѣчается ни сознательнаго плана, ни строгой разсчетливости, ни послѣдовательности: все дѣлается какъ бы случайно, по неизвѣстнымъ мотивамъ, безъ руководящей идеи, не соображаясь со средствами. Въ персидскихъ дѣлахъ мы заняли какое-то двусмысленное положеніе, дающее поводъ къ обвиненіямъ и нападкамъ; намъ приписываютъ цѣли, которыхъ вѣроятно не имѣетъ наша дипломатія, и насъ считаютъ отвѣтственными за событія, въ которыхъ мы, быть можетъ, вовсе неповинны. Никто не знаетъ, въ какомъ смыслѣ и съ какими намѣреніями мы готовимся играть роль распорядителей и предпринимателей въ сѣверной Персіи; а знать это было бы полезно уже потому, что въ текстѣ русско-германской конвенціи, вопреки общепринятымъ правиламъ, ни однимъ словомъ не упоминается о независимости персидскаго государства, о цѣлости и неприкосновенности его территоріи. Обѣ стороны говорятъ о Персіи, какъ о странѣ безхозяйной, въ которой кругъ дѣйствія иностранныхъ державъ зависитъ всецѣло отъ ихъ доброй воли. Нѣтъ и рѣчи о согласіи шахскаго правительства на сдѣлки, касающіяся Персіи и ея будущихъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ этихъ умолчаній можно бы вывести заключеніе, что мы имѣемъ въ виду утвердить свою власть въ персидскихъ земляхъ и что ничто не препятствуетъ превращенію политическаго преобладанія въ окончательное владычество. Соотвѣтствуетъ ли это, однако, дѣйствительности?

Противъ Россіи создается и поддерживается враждебное настроеніе въ Персіи на основаніи фактовъ, толкуемыхъ въ извѣстномъ духѣ, но не всегда достовѣрныхъ. Многіе, напримѣръ, увѣрены, что возвращеніе бывшаго шаха Мохамеда-Али въ предѣлы Персіи произошло при участіи и подъ покровительствомъ русскихъ властей. Съ точки зрѣнія правильно понимаемыхъ русскихъ интересовъ такое предположеніе представляется намъ мало правдоподобнымъ, какъ мы имѣли уже случай высказать въ прошломъ обозрѣніи; но внѣшніе признаки говорятъ противъ насъ, и нельзя утверждать, что реальные русскіе интересы служатъ единственнымъ и надежнымъ критеріемъ, опредѣляющимъ способъ дѣйствій центральныхъ и мѣстныхъ органовъ нашего правительства. Безпристрастные наблюдатели находятъ, что попытка реставраціи бывшаго шаха пользуется явнымъ поощреніемъ и поддержкою со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей Россіи; извѣстно, между прочимъ, что главная, наилучше организованная часть персидскихъ войскъ — ка-

зачья бригада, находящаяся подъ командой русскаго офицера, — не участвуетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нашествія Мохамеда-Али, и это обстоятельство не могло пройти незамѣченнымъ въ иностранной печати. Законное персидское правительство, ведущее борьбу за свое существованіе, отказывается отъ услугъ главнѣйшаго ядра своей арміи—персидской казачьей бригады—и въ тоже время прибѣгаетъ къ такимъ отчаяннымъ и возмутительнымъ средствамъ, какъ обѣщаніе крупной денежной награды за голову бывшаго шаха. Публичный, оффиціальный призывъ къ убійству врага—бывшаго властителя,—дѣлаемый отъ имени правительства, состоящаго при сынѣ этого властителя, свидѣтельствуетъ о крайнемъ ожесточеніи борьбы, которое отчасти вызвано невозможностью полагаться на лучшую часть правительственной арміи, вслѣдствіе тѣсныхъ связей ея командировъ и инструкторовъ съ иностраннымъ правительствомъ. Прежній начальникъ персидской казачьей бригады, полковникъ Ляховъ, былъ послушнымъ исполнителемъ воли коварнаго деспота и пріобрѣлъ печальную извѣстность жестокимъ разгромомъ персидскаго парламента и его народной партіи; теперешній замѣститель его, князь Вадбольскій, остается пассивнымъ зрителемъ междоусобной войны, предпринятой бывшимъ шахомъ противъ законнаго правительства Персіи,—потому что послѣднее считаетъ Россію солидарною съ Мохамедомъ-Али и его кликою. Фактъ устраненія казачьей бригады отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ невольно связывается съ предполагаемыми симпатіями оффиціальной Россіи и съ цѣлями ея дипломатіи. Если такія симпатіи къ вѣроломному эксъ-шаху гдѣ-нибудь у насъ существуютъ, то, конечно, онѣ не имѣютъ ничего общаго съ разсчетами и соображеніями разумной внѣшней политики.

Русско-германское соглашеніе о персидскихъ дѣлахъ подписано какъ разъ въ самый критическій моментъ переговоровъ между Франціею и Германіею по марокскому вопросу. Для берлинскаго кабинета было чрезвычайно важно поколебать или ослабить увѣренность французовъ въ прочности русскаго союза именно въ то время, когда они наиболѣе нуждались въ сознаніи неизмѣнной силы этого союза. Опираясь на прямую поддержку Англіи и на союзныя связи съ Россіею, Франція могла надѣяться на успѣхъ въ своемъ стремленіи ограничить притязанія Германіи; эта надежда слабѣетъ, когда союзники отклоняются въ сторону и обнаруживаютъ готовность примкнуть къ враждебному лагерю. Намеки на новѣйшее сближеніе Россіи съ Германіею, высказанные берлинскими оффиціозами по поводу потсдамскаго визита и авторитетно подкрѣпленные извѣстнымъ заявленіемъ канцлера Бетманна-Голльвега, наглядно подтверждаются теперь формальнымъ актомъ, который самымъ моментомъ своего заключенія долженъ

былъ произвести тягостное впечатлѣніе не только во Франціи, но и въ Англіи. Косвенно давалось понять обѣимъ державамъ, что онѣ напрасно разсчитываютъ на Россію, что русское правительство неудержимо тяготѣетъ къ Берлину, что оно успѣло основательно столковаться съ германской дипломатіею по разнымъ спорнымъ вопросамъ и даже положительно обѣщало не участвовать ни въ какихъ политическихъ комбинаціяхъ, остріе которыхъ можетъ быть обращено противъ Германіи. Предполагалось, что встревоженная Франція тотчасъ пойдетъ на уступки и подчинится нѣмецкимъ требованіямъ или во всякомъ случаѣ сдѣлается болѣе сговорчивою подъ вліяніемъ русской „измѣны". Берлинскія увѣренія находили нѣкоторую опору и въ томъ обстоятельствѣ, что не всѣ подробности русско-германскихъ переговоровъ были извѣстны въ Парижѣ и Лондонѣ; отсюда легко было сдѣлать выводъ, что кое-что умышленно скрывалось и что возможны секретные пункты, касающіеся уже не персидскихъ и азіатскихъ, а общихъ европейскихъ дѣлъ. Съ нашей стороны опровергались только слишкомъ широкіе выводы и обобщенія, но фактическія данныя, служившія для нихъ основаніемъ, не были и не могли быть опровергнуты.

Чѣмъ же объяснить эти странныя противорѣчія нашей дипломатіи, неизбѣжно подрывающія къ ней довѣріе въ западной Европѣ? Было бы несправедливо заподозрить добросовѣстность оффиціальныхъ руководителей и дѣятелей нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Для насъ очевидно, что мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣми же органическими недостатками русской политики, которые указаны выше. Слишкомъ слабое чувство отвѣтственности предъ страною, господство случайныхъ побужденій и постороннихъ вліяній, отсутствіе ясной практической программы, — все это создаетъ почву для недоумѣній, увлеченій и ошибокъ, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ оказаться роковыми. У насъ часто говорятъ о національной русской политикѣ; но для того, чтобы быть національною, политика должна опираться на широкіе національные интересы, на сознаваемыя всѣми насущныя потребности и стремленія народныхъ массъ, на общественное мнѣніе наиболѣе прогрессивныхъ и просвѣщенныхъ элементовъ націи, а не на сантиментальныя и перемѣнчивыя фантазіи обскурантовъ, промышляющихъ ложнымъ патріотизмомъ. Цѣлая пропасть отдѣляетъ нынѣшнюю дипломатію отъ національной политики въ истинномъ смыслѣ этого слова; иначе немыслимо было бы добровольное принятіе на себя ненужныхъ, разорительныхъ обязательствъ по отношенію къ Персіи, въ то самое время, когда массамъ коренного русскаго народа угрожаетъ голодъ.

Франко-германскіе переговоры относительно Марокко приняли болѣе успокоительное направленіе съ той минуты, когда правительство и общественное мнѣніе Франціи перестали проявлять стихійный страхъ предъ опасностью войны. На первыхъ порахъ германское требованіе компенсаціи вызвало нѣчто въ родѣ скрытой паники; французы растерялись и сами заговорили о тѣхъ территоріальныхъ уступкахъ, которыя могли бы удовлетворить Германію. Нѣкоторые доходили до того, что стали серьезно предлагать нѣмцамъ весь французскій Индо-Китай. Въ послѣдней книжкѣ „La Revue" (отъ 15-го августа) помѣщена по этому предмету большая редакціонная статья, въ которой подробно доказывается преимущество даннаго проекта предъ всякими другими.

„Только относительно Индо-Китая,—говорится въ этой статьѣ,—возможны и допустимы какія-либо соглашенія. Въ послѣднее время выдвинутъ былъ вопросъ о французскомъ Конго. Германія, будто бы, сначала требовала уступки всей нашей колоніи, а впослѣдствіи ограничилась притязаніемъ на незначительную ея часть. Но уступка Конго была бы прелюдіей къ будущимъ и неизбѣжнымъ осложненіямъ; сосѣдство создавало бы постоянную опасность новыхъ конфликтовъ. Другое дѣло—французскій Индо-Китай. Германія сразу окажется во главѣ обширной колоніи, пріобрѣтеніе которой будетъ тѣмъ болѣе справедливо, что, благодаря своимъ безспорнымъ производительнымъ силамъ, Германія принесетъ большую пользу міровой цивилизаціи. Она съумѣетъ внушить уваженіе къ своему знамени, и китайцы, точно такъ-же какъ и японцы, легко примирятся съ своею новою предпріимчивою и упорною сосѣдкою. Пользуясь своими новыми владѣніями, Германія сможетъ завладѣть китайской торговлей, которая откроетъ колоссальные рынки ея промышленному труду и энергіи. Франція съ своей стороны легко приспособится къ этой комбинаціи, которая обезпечитъ миръ. Германія въ Азіи, Франція въ Африкѣ — это дастъ по крайней мѣрѣ столѣтіе мира и спокойнаго сочетанія взаимныхъ интересовъ обѣихъ державъ".

Для того, чтобы французскій публицистъ считалъ возможнымъ обсуждать подобныя комбинаціи, нужно особое подавленное состояніе, близкое къ отчаянію. Отдавать нѣмцамъ цѣлую колоніальную имперію, созданную кровавыми усиліями нѣсколькихъ поколѣній, — Тонкинъ, Аннамъ, Кохинхину и Камбоджу,—въ обмѣнъ на дозволеніе свободно дѣйствовать въ Марокко,—это идея, которая еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ показалась бы совершенно нелѣпою и невѣроятною; а теперь она печатно излагается и оправдывается въ распространенномъ французскомъ журналѣ, претендующемъ на солидность. Мысль объ Индо-Китаѣ, впрочемъ, не нашла достаточнаго отголоска въ Германіи, гдѣ гораздо большею популярностью пользовался проектъ да-

рового пріобрѣтенія части Конго. Въ этой области французская дипломатія, повидимому, не возражала принципіально противъ возможности территоріальныхъ уступокъ, и весь вопросъ сводился къ опредѣленію ихъ размѣра.

Нѣсколько позднѣе, подъ вліяніемъ ободряющихъ рѣчей англійскихъ министровъ, французское правительство начало ставить вопросъ нѣсколько иначе; оно старалось добиться выясненія, что̀ именно предлагаетъ Германія въ обмѣнъ на требуемыя ею территоріи, и указывало на необходимость нѣкотораго соотвѣтствія между уступками и получаемыми за нихъ выгодами. Что придется такъ или иначе удовлетворить Германію для избѣжанія опасныхъ споровъ и столкновеній—это признавалось несомнѣннымъ. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ переговоры затягивались, во Франціи все чаще и яснѣе высказывалось убѣжденіе, что отвѣчать уступками на угрозы—значитъ только усиливать аппетиты противника, ухудшать свое положеніе безъ всякихъ гарантій для будущаго и сознательно идти на встрѣчу неминуемой катастрофѣ. Въ такомъ духѣ раздавались рѣчи въ провинціи, во многихъ генеральныхъ совѣтахъ, собиравшихся въ августѣ. Въ департаментѣ Пюи-де-Домъ депутатъ Клемантель развивалъ мысль, что чрезмѣрное миролюбіе иногда ускоряетъ войну. „Франція, которая часто увлекалась иллюзіею всеобщаго мира, перестала считать невозможнымъ вооруженный европейскій конфликтъ. Безъ сомнѣнія, никто въ Европѣ не желаетъ этого конфликта, который по размѣрамъ и ужасамъ превзошелъ бы всѣ столкновенія послѣднихъ столѣтій. Но нѣкоторые дипломатическіе методы, основанные на ложной психологіи, могутъ сдѣлать неизбѣжною войну, ни для кого не желательную“. Въ Мааскомъ департаментѣ сенаторъ Пуанкаре заявилъ, что „вся страна не имѣетъ другихъ притязаній, какъ только не быть обязанною жертвовать чѣмъ-либо изъ своихъ правъ и отдавать больше, чѣмъ получитъ сама“. Предсѣдатель генеральнаго совѣта Марны, сенаторъ Валле́, высказалъ мнѣніе, что не слѣдуетъ вообще бояться войны и обнаруживать передъ міромъ эту боязнь. „Миръ можетъ имѣть цѣну въ нашихъ глазахъ,—сказалъ онъ, между прочимъ,—только въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ этимъ миромъ мы сохраняемъ нашу законную гордость и все наше достоинство. Лучше было бы подвергнуться самому крупному риску и сосредоточить всѣ наши силы, нежели потерять долю столь драгоцѣннаго наслѣдія“.

Спокойное и твердое настроеніе французскихъ провинціальныхъ собраній внесло отчасти свѣжую струю въ ходъ дипломатическихъ бесѣдъ, продолжающихся, съ одной стороны, въ Берлинѣ, между Камбономъ и Кидерленъ-Вехтеромъ, съ другой — въ Парижѣ, между фонъ-Шеномъ и де-Сельвомъ. Чувство паники прошло во Франціи;

французскіе дипломаты сознаютъ уже, что сдѣлали оплошность, допустивъ съ самаго начала обсужденіе территоріальныхъ домогательствъ, для которыхъ въ сущности не было никакихъ разумныхъ основаній. Тѣмъ не менѣе переговоры еще ведутся относительно уступокъ въ области Конго и въ другихъ мѣстахъ. Франція все-таки соглашается на предоставленіе нѣмцамъ какой-то компенсаціи за Марокко—и эта коренная ошибка, опасная для будущаго, едва ли можетъ быть вполнѣ исправлена въ настоящее время. Бисмаркъ когда-то соблазнялъ Наполеона III разными „компенсаціями" передъ войною 1866-го года и въ послѣдующій періодъ, до окончательнаго разрыва; тогдашнее французское правительство давало себя подкупить перспективами заманчивыхъ даровыхъ пріобрѣтеній, и впослѣдствіи Бисмаркъ жестоко посмѣялся надъ довѣрчивымъ честолюбіемъ императора, мечтавшаго то о присоединеніи лѣваго берега Рейна, то о занятіи Люксембурга, то о захватѣ Бельгіи. Германія возмущалась тогда этими настойчивыми требованіями компенсаціи за успѣхи ея естественнаго роста и объединенія, а теперь она сама примѣняетъ ту же систему, возбуждая вопросъ о вознагражденіи за то, что французы впутались въ марокскія дѣла. Прежде всего, Франція оффиціально признавала неприкосновенность марокской территоріи и, слѣдовательно, не имѣла въ виду дѣлать какія-либо земельныя завоеванія или пріобрѣтенія въ Марокко; поэтому ей нечѣмъ дѣлиться съ другими державами и не за что назначать имъ вознагражденіе на счетъ своихъ колоніальныхъ владѣній. Вступивъ на путь разговоровъ о компенсаціи, французское правительство тѣмъ самымъ отреклось отъ принципа безкорыстія, санкціонированнаго алжесирасскимъ договоромъ, и подтвердило существовавшія у нѣмцевъ подозрѣнія относительно истинныхъ цѣлей и намѣреній Франціи. Если французы соглашаются обсуждать вопросъ объ уступкѣ части Конго въ обмѣнъ за Марокко, то, очевидно, они рѣшили фактически завладѣть марокской имперіею; но въ такомъ случаѣ они должны считаться не съ одной Германіею, а со всѣми государствами, подписавшими актъ 8-го апрѣля 1906-го года, особенно же съ Испаніею и Италіею, наиболѣе заинтересованными въ сохраненіи политическаго равновѣсія на Средиземномъ морѣ.

Дѣло откровенно сводится теперь къ раздѣлу марокскихъ земель между двумя или тремя державами, при руководящемъ участіи Франціи, съ назначеніемъ доли Германіи въ другомъ мѣстѣ—по всей вѣроятности въ области Конго. Кромѣ сдѣлки съ Германіею, потребуется еще соглашеніе съ Испаніею и Италіею, что̀ представитъ также немалыя затрудненія, въ виду обостреннаго чувства недовольства названныхъ странъ территоріальными захватами Франціи въ сѣверной Африкѣ. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ дипломатическихъ стадій на-

ступитъ заключительный періодъ осуществленія раздѣла на практикѣ—періодъ насильственнаго покоренія Марокко, періодъ тяжелой борьбы съ туземными полунезависимыми племенами. Очень можетъ быть, что рано или поздно Марокко должно было подпасть подъ власть европейсккхъ державъ, территоріи которыхъ прилегаютъ къ Средиземному морю; но, не будь германскаго вмѣшательства, не было бы и соблазна нарушить алжесирасскую конвенцію и ускорить процессъ раздѣла и завоеванія Марокко. Первый толчокъ къ ускоренію этого процесса дается тою самою Германіею, которая въ 1905-мъ году въ Танжерѣ, въ лицѣ императора Вильгельма II, громко выступила въ защиту самостоятельности и неприкосновенности правъ марокккскаго султана. Съ своей стороны Франція поддалась соблазну и послѣдовала новѣйшему призыву Германіи, сначала изъ боязни конфликта, а потомъ подъ вліяніемъ проснувшейся жажды колоніальныхъ пріобрѣтеній.

Дипломатія, какъ германская, такъ и французская, сыграла далеко не почетную роль въ марокккскомъ вопросѣ. Ошибочно было бы утверждать, что за дипломатіей въ данномъ случаѣ стоитъ общественное мнѣніе. Во Франціи противъ марокккскихъ плановъ настойчиво возставали передовыя радикальныя группы, вдохновляемыя Жоресомъ; въ Германіи только весьма немногіе интересовались дѣлами Марокко до появленія нѣмецкаго крейсера въ гавани Агадиръ. Позднѣе нѣмецкіе патріоты пришли въ волненіе и создали искусственную агитацію, чтобы поддержать смѣлую иниціативу правительства; они доказывали, что Германія имѣетъ право и обязанность требовать свою долю участія въ каждомъ чужомъ предпріятіи, не останавливаясь предъ рискомъ войны. Патріотическій подъемъ извѣстной части нѣмецкаго общества вызвалъ энергическіе протесты въ демократическихъ слояхъ населенія, особенно въ рабочемъ классѣ; средніе промышленные классы, разумѣется, ничего не имѣли противъ новыхъ колоніальныхъ пріобрѣтеній на счетъ Франціи, если съ этимъ не связана необходимость жертвъ. Воинственный пылъ нѣмецкихъ патріотовъ долженъ былъ лишь служить орудіемъ психическаго воздѣйствія на французовъ, такъ какъ всѣ отлично понимали заранѣе, что Франція не станетъ воевать изъ-за Марокко. Этотъ разсчетъ оправдался въ томъ отношеніи, что миролюбивые французы дѣйствительно испугались и пошли по пути сомнительныхъ компромиссовъ; но эффектъ нѣмецкихъ угрозъ былъ значительно испорченъ тѣмъ рѣзкимъ отпоромъ, какой онѣ встрѣтили въ Англіи. Заявленіе британскаго правительства о полной солидарности его съ Франціею въ марокккскомъ дѣлѣ сразу положило конецъ шумному бряцанію оружіемъ со стороны нѣмецкихъ патріотовъ, ибо невозможность для Германіи вступить въ борьбу съ британскимъ флотомъ была уже слиш-

комъ очевидна. На этой почвѣ возникло сильное раздраженіе противъ Англіи, и нѣмецкая патріотическая печать, оставивъ въ покоѣ французовъ, занялась полемикою противъ англичанъ. Газеты заговорили о систематическомъ противодѣйствіи Англіи нѣмецкимъ колоніальнымъ планамъ и интересамъ, объ ея непримиримой враждѣ къ Германіи, и стали жаловаться на несправедливость судьбы, вмѣсто того, чтобы угрожать кому-либо войною. Англичанамъ приписывали взгляды, опасные, будто бы, для общаго мира; это доказывалось иногда при помощи двусмысленныхъ и не всегда добросовѣстныхъ полемическихъ пріемовъ.

Особенно много толковъ возбудила анонимная статья, помѣщенная въ вѣнской „Neue Freie Presse" отъ 25-го августа, подъ заглавіемъ: „Вѣроятное и возможное въ вопросѣ о мирѣ. Размышленія англійскаго дипломата, занимающаго важный постъ". Въ этой статьѣ обращали на себя вниманіе не столько вѣскіе аргументы противъ вызывающей внѣшней политики берлинскаго кабинета, сколько неблагопріятные отзывы о закулисныхъ совѣтникахъ германскаго императора, толкающихъ его, будто бы, на путь международныхъ конфликтовъ, въ противность общественному мнѣнію націи. Конечно, никакой дипломатъ, занимающій оффиціальное положеніе, не могъ-бы печатно или вообще публично, или въ бесѣдахъ съ журналистами, затрогивать такія щекотливыя темы, какъ вопросъ о придворной кликѣ, окружающей иностраннаго монарха и направляющей, будто бы, его иностранную политику. Между тѣмъ, въ оффиціозныхъ нѣмецкихъ газетахъ,—напр. въ „Kölnische Zeitung",—былъ прямо названъ, въ качествѣ автора статьи, британскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ, сэръ Фэрфаксъ Картрайтъ, и противъ него была предпринята въ журналистикѣ кампанія, съ цѣлью добиться его смѣщенія. Сэръ Ф. Картрайтъ (котораго здѣшнее телеграфное агентство въ своихъ телеграммахъ почему-то называло Картриджемъ) считается противникомъ германской дипломатіи, и нѣмецкіе патріоты относятся къ нему недоброжелательно; этимъ и объясняется та рѣшительность, съ какою обрушилась на него нѣмецкая пресса Германіи и Австріи. Сама „Neue Freie Presse" молчала и своимъ молчаніемъ давала утвердиться мнѣнію, обвиняющему британскаго посла. Наконецъ, спрошенный о своемъ авторствѣ по телеграфу изъ Берлина, Картрайтъ далъ не совсѣмъ ясный дипломатическій отвѣтъ: „Я отклоняю отвѣтственность за появляющіяся въ газетахъ анонимныя статьи, происхожденіе которыхъ мнѣ приписываютъ дурно освѣдомленныя лица". Печатая у себя этотъ отвѣтъ, редакція вѣнской газеты ни однимъ словомъ не подтверждаетъ и не опровергаетъ заявленія британскаго посла, а довольствуется указаніемъ на то, что довѣрившійся ей дипломатъ „находится подъ безусловною защитою

редакціонной тайны". Газета даетъ, однако, понять, что этотъ „дипломатъ"—извѣстный публицистъ, пользующійся отличною репутаціею не только въ журналистикѣ, но и въ дипломатическихъ кругахъ; а имя Картрайта треплется съ прежнимъ усердіемъ, въ виду туманности объясненій „Neue Freie Presse" и загадочности его собственнаго отвѣта. Картрайтъ „отклоняетъ отвѣтственность", когда его спрашиваютъ объ авторствѣ, и ссылается на анонимность, когда рѣчь идетъ именно о раскрытіи анонима; а „Neue Freie Presse" говоритъ о таинственномъ оффиціальномъ дипломатѣ, который затѣмъ оказывается публицистомъ. Среди этихъ темныхъ разоблаченій продолжаются газетные англо-германскіе споры, которые не могутъ не отражаться на взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ націй. Миръ, однако, не будетъ нарушенъ изъ-за Марокко—въ этомъ всѣ теперь увѣрены.

Конституціонный кризисъ въ Англіи закончился историческимъ засѣданіемъ палаты лордовъ 10-го августа (нов. ст.), когда большинствомъ семнадцати голосовъ былъ, наконецъ, принятъ парламентскій билль въ томъ видѣ, въ какомъ его одобрила палата общинъ, съ устраненіемъ внесенныхъ лордами ограничительныхъ поправокъ.

Этому заключительному рѣшенію верхней палаты предшествовала долгая и упорная борьба. Два раза пришлось народу продѣлать трудную и дорого стоющую избирательную кампанію — въ 1909-мъ и въ концѣ 1910-го года; дважды обновлялась палата общинъ и своими голосованіями подтверждала рѣшимость добиться уничтоженія присвоеннаго лордами права налагать свое veto на всѣ прогрессивныя законодательныя реформы. Лорды не сдавали оружія до тѣхъ поръ, пока премьеръ Асквитъ не объявилъ о полученномъ имъ согласіи короля на назначеніе новыхъ пэровъ въ достаточномъ количествѣ для обезпеченія безпрепятственнаго принятія парламентскаго билля. Кризисъ достигъ своего апогея, когда билль изъ верхней палаты поступилъ въ нижнюю, съ поправками и дополненіями, противъ которыхъ министерство категорически высказалось заранѣе. Засѣданіе палаты общинъ, 23-го іюля имѣло исключительно бурный характеръ и ознаменовалось небывалымъ въ лѣтописяхъ англійскаго парламентаризма эпизодомъ: глава правительства лишенъ былъ возможности говорить вслѣдствіе оглушительнаго шума, поднятаго небольшою оппозиціонною группою, среди которой наиболѣе выдѣлялся своими яростными криками лордъ Гюгъ Сесиль, сынъ маркиза Сольсбери. Когда Асквитъ всталъ для произнесенія своей рѣчи по поводу сдѣланныхъ лордами поправокъ къ парламентскому биллю, онъ былъ остановленъ громкими, не прекращавшимися возгласами: „измѣнникъ!" Оппозиція

не хотѣла дозволить премьеру сообщить палатѣ о данномъ имъ королю „измѣнническомъ“ совѣтѣ назначить до пятисотъ новыхъ пэровъ въ случаѣ непринятія лордами билля въ его первоначальномъ видѣ. Соотвѣтственное обѣщаніе короля, данное имъ Асквиту въ принципѣ, еще передъ послѣдними парламентскими выборами, угрожало палатѣ лордовъ настоящею катастрофою, которая не только обезсилила бы, но и унизила бы ее, по мнѣнію консерваторовъ. Оффиціальные вожди оппозиціи, лордъ Лэнсдоунъ и Бальфуръ, признали дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ и нежелательнымъ, но разногласія продолжались: часть лордовъ, съ престарѣлымъ Гэльсбери во главѣ, оставалась непримиримою; другіе спорили о формѣ подчиненія—активной, путемъ участія въ голосованіи, или пассивной, въ видѣ воздержанія отъ подачи голосовъ. Большинство, предводимое лидеромъ палаты, маркизомъ Лэнсдоуномъ, рѣшило воздержаться отъ голосованія, такъ какъ при этомъ условіи было уже обезпечено принятіе билля незначительнымъ большинствомъ. Единственнымъ удовлетвореніемъ, какое могла доставить себѣ оппозиція, было внесенное ею въ обѣ палаты предложеніе выразить порицаніе министерству за то, что своимъ совѣтомъ королю оно допустило „грубое нарушеніе конституціонной свободы, которое, въ ряду многихъ другихъ дурныхъ послѣдствій, будетъ имѣть своимъ результатомъ отнятіе у народа возможности вновь высказаться о политикѣ гомруля“. Отнынѣ всякій билль, хотя бы самый радикальный, дважды принятый палатою общинъ въ теченіе двухлѣтняго срока, становится закономъ помимо согласія лордовъ, и потому не понадобится уже прибѣгать къ роспуску парламента и къ новымъ выборамъ, чтобы могъ осуществиться проектъ ирландской автономіи, служащій издавна пугаломъ для средней англійской публики. Попытка повліять на робкіе умы посредствомъ этого стараго пугала имѣла на этотъ разъ мало успѣха. Послѣ рѣчей Бальфура, Асквита и Черчилля палата общинъ, 7-го августа, отвергла предложеніе порицанія большинствомъ 365 противъ 245 голосовъ; а на слѣдующій день палата лордовъ, какъ и слѣдовало ожидать, высказалась за порицаніе 282 голосами противъ 68. Очистивъ такимъ образомъ свою совѣсть, лорды подчинились и двумя днями позже приняли спорный билль большинствомъ 131 противъ 114 голосовъ.

Крупная парламентская реформа, проведенная министерствомъ Асквита съ необыкновенною стойкостью и искусствомъ, завершаетъ собою одинъ изъ послѣдовательныхъ фазисовъ вѣкового процесса демократизаціи англійскихъ конституціонныхъ учрежденій. Болѣе подробная оцѣнка этой важной реформы составитъ вѣроятно предметъ спеціальной статьи въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего журнала.

Въ нѣкоторой связи съ расширеніемъ полномочій палаты общинъ

находится финансовая мѣра, облегчающая доступъ въ парламентъ для представителей бѣдныхъ и трудящихся классовъ населенія. Въ засѣданіи 10-го августа—въ день принятія парламентскаго билля лордами,—канцлеръ казначейства Ллойдъ Джорджъ въ остроумной рѣчи объяснилъ, что въ наше время парламентская карьера не можетъ быть почетною синекурою для богатыхъ людей; она требуетъ большой, постоянной работы, оставляющей мало времени для частныхъ профессіональныхъ занятій, а люди обезпеченные не всегда склонны и способны къ полезному труду; притомъ „демократія желаетъ имѣть свободный выборъ врачей для леченія своихъ недуговъ". Поэтому будетъ вполнѣ справедливо назначить жалованье въ размѣрѣ 400 фунтовъ стерлинговъ въ годъ „каждому члену палаты, не получающему вознагражденія какъ должностное лицо палаты, какъ министръ или какъ чиновникъ придворнаго вѣдомства". Лордъ Уольмеръ указалъ на то, что столь важное конституціонное нововведеніе слѣдовало бы провести особымъ парламентскимъ актомъ, а не въ обычномъ бюджетномъ порядкѣ; но Ллойдъ-Джорджъ успокоилъ оратора замѣчаніемъ, что для самой оппозиціи выгоднѣе имѣть возможность обсуждать эту мѣру ежегодно, при разсмотрѣніи бюджета. М-ръ Пиль предложилъ уменьшить цифру депутатскаго жалованья до 300 фунтовъ на томъ основаніи, что либеральная партія всегда защищала принципъ скромности и бережливости въ расходахъ, и что для членовъ рабочей группы, привыкшихъ къ физическому труду, 300 фунтовъ въ годъ болѣе чѣмъ достаточно. Ироническія возраженія Пиля и лорда Уольмера были съ большою находчивостью подхвачены однимъ изъ представителей рабочихъ, Сноуденомъ, давъ ему случай напомнить нѣкоторые любопытные факты. Отецъ м-ра Пиля былъ спикеромъ палаты общинъ съ 1884-го по 1895-ый годъ. Если этотъ депутатъ такъ заботится объ экономіи, — замѣтилъ ядовито Сноуденъ,—то почему онъ не обратилъ вниманіе на платежи одному бывшему спикеру, который за время десятилѣтняго исполненія своей должности получилъ изъ національныхъ средствъ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ и со времени своей отставки вытянулъ изъ кармановъ плательщиковъ податей еще 64.000 фунтовъ, въ видѣ пенсіи за 16 лѣтъ? Что касается другого оппонента, лорда Уольмера, то онъ принадлежитъ къ плодовитой семьѣ графа Сельборна, члены которой, въ числѣ 24-хъ человѣкъ, успѣли получить отъ страны въ видѣ жалованья и пенсій за 33 года, съ 1850-го по 1883-ій годъ, въ общемъ итогѣ, 316.750 фунтовъ стерлинговъ. Вѣроятно, оба оратора—и Уольмеръ, и Пиль—были не рады, что заговорили о ненужности или чрезмѣрности жалованья для недостаточныхъ чле-

новъ парламента. Правительственное предложеніе было принято большинствомъ 241 противъ 128 голосовъ.

Одновременно съ проведеніемъ парламентскаго билля, знаменующаго торжество демократическаго принципа въ конституціонномъ строѣ Англіи, англійскій рабочій классъ демонстрировалъ свое могущество предъ промышленными хозяевами и предъ всею страною, устроивъ грандіозную забастовку и обезпечивъ ей практическій успѣхъ, вопреки всѣмъ испытаннымъ мѣрамъ и усиліямъ капитала. Объ этомъ внушительномъ выступленіи британской рабочей демократіи намъ придется поговорить уже въ слѣдующемъ нашемъ обозрѣніи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елизаветы Ив. Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Спб., 1911.

Е. И. Попова — дочь книготорговца и содержателя университетской типографіи И. В. Попова, который, слывя, по словамъ Кс. Полевого, „величайшимъ оригиналомъ“ и чудакомъ, былъ первымъ издателемъ и даже основателемъ „Вѣстника Европы“, такъ какъ первый обратился къ Карамзину съ предложеніемъ взять на себя редактированіе задуманнаго имъ журнала. Онъ пописывалъ и стихи, которые появлялись въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ уже съ 1791 г., и велъ знакомство съ Жуковскимъ. Умеръ онъ въ 1839 г., не оставивъ, повидимому, состоянія своимъ дѣтямъ (сыну и дочери), но какъ бы завѣщавъ въ наслѣдство связи и знакомства съ видными литературными и общественными дѣятелями начала XIX-го вѣка, среди которыхъ Е. И. провела свою молодость и на всю жизнь сохранила близкія отношенія съ Елагиными, Валуевыми, Пановыми, Языковыми, Кирѣевскими, Хомяковыми, Аксаковыми, Свербеевыми и т. д. Главный ея очагъ—ранніе славянофильскіе кружки.

Неизвѣстно, сколько было лѣтъ Е. И. Поповой, когда она принялась за свой дневникъ, въ 1847 г. Обрывается онъ черезъ пять лѣтъ, но сама Е. И. дожила до глубокой старости, скончавшись въ 1876 г. Редакторъ изданія справедливо замѣчаетъ, что дневникъ Е. И. Поповой не представляетъ въ строгомъ смыслѣ исторической цѣнности. Въ немъ мелькаютъ громкія историческія имена, но нѣтъ ни историческихъ событій, ни характеристикъ дѣятелей и писателей, ни

какихъ-либо новыхъ данныхъ для ихъ біографій. Ограничимся однимъ примѣромъ: подъ 15 іюня 1849 г. Е. И. заноситъ въ свой дневникъ: „Вечеромъ была у Хомяковыхъ, гдѣ были, кромѣ любезныхъ дамъ, Гоголь и Самаринъ (Ю. Ѳ.)“. Подъ 21 февраля 1852 г.: „Кончина Николая Вас. Гоголя“, а двумя днями позже: „Погребеніе Гоголя въ Даниловскомъ монастырѣ. Отпѣвали покойника въ университетской церкви“. Такія свѣдѣнія о Гоголѣ болѣе чѣмъ лаконичны. Издатель добавляетъ, со словъ Д. Д. Свербеева, что Е. И. Попова читала въ университетской церкви псалтырь у гроба Гоголя. Эта черта до извѣстной степени характеризуетъ личность автора дневника: Е. И. отнюдь не претендовала на какую-нибудь роль въ умственной жизни своего времени, но вся отдавалась импульсамъ сердца. Строго религіозная и вполнѣ по христіански отзывчивая ко всякому горю и къ несчастьямъ ближняго, она отдавалась дѣламъ милосердія, поскольку ей позволяли ея скудныя средства, сочувствовала, утѣшала, молилась, заказывала обѣдни и панихиды, вышивала разныя приношенія въ церкви, жила исключительно заботой о другихъ, и представляетъ трогательный въ своемъ родѣ образъ беззавѣтно преданной близкимъ и памяти близкихъ людей, самоотверженной, скромной, но безъ рѣзко выраженной индивидуальности „доброй души“. Она заносила въ свою записную книжку, изо дня въ день, а иногда съ промежутками, главнымъ образомъ событія своей внутренней жизни. Интересъ дневника—интимный, для близкихъ; его значеніе—отчасти историко-бытовое, отчасти психологическое. Онъ прекрасно написанъ—это его первое достоинство. Онъ даетъ и нѣсколько любопытныхъ штриховъ для характеристики интимной жизни русскаго общества въ 40-хъ и 50-хъ годахъ и мѣстами читается какъ романъ изъ того времени, и даже сантиментальный романъ еще въ стилѣ Ричардстона или Руссо. Въ такомъ родѣ главы, въ которыхъ описывается культъ Е. И. къ скончавшемуся въ молодыхъ годахъ Д. А. Валуеву, преданность тоже рано умершему В. А. Панову, и любовь къ своему „внуку сердца“, доктору Ѳ. Б. Тидебелю, къ которому она даже совершаетъ „паломничество“ въ Воронежъ.

Въ связи со своими отношеніями къ семьямъ разныхъ славянофиловъ, Е. И. заявляетъ себя патріоткой, любящей „все русское“. Но иногда она впадаетъ въ прелестныя противорѣчія, свидѣтельствующія о душевной чистотѣ, чрезвычайной искренности и большой любви къ правдѣ. Когда она узнала, что диссертація Конст. Аксакова о Ломоносовѣ подверглась запрещенію, она, считая, что въ ней заключается настоящая правда, спѣшитъ къ Аксакову, предлагая взять къ себѣ на храненіе запрещенную книгу, въ своемъ родѣ „нелегальную литературу“, и очень огорчена, что опоздала, такъ какъ

Аксаковъ уже далъ слово никому не передавать ея. „Болѣе, нежели Вольтерова Альзира,—замѣчаетъ при этомъ Е. И. Попова,—(К. Аксаковъ), сохраняющій честность, говоритъ: J'ai promis, il suffit, n'importe à quel diable (вмѣсто dieu у Вольтера). Избави Богъ, чтобы я стала отвращать кого-либо отъ правилъ честности, хотя бы то было и въ отношеніи къ чертямъ и дьяволамъ, т.-е. квартальнымъ и частнымъ приставамъ; но мнѣ прискорбно, что я не предупредила этого" (стр. 11).

Жуковскаго она готова укорять за то, что онъ „все откладываетъ возвращеніе въ Россію и забываетъ, что дѣти его выростутъ въ Германіи нѣмцами". Она неоднократно намекаетъ на свою антипатію къ нѣмцамъ, но когда ея возлюбленный докторъ, Ѳедоръ Борисовичъ Тидебель, сообщаетъ ей, что командированный на холеру врачъ, нѣмецъ Броссе, поѣхалъ на Донъ, „а лекарствъ ему никакихъ не дали" и онъ самъ за свой счетъ долженъ былъ покупать лекарства, и прибавилъ: „Русскій никогда бы не пожертвовалъ въ такомъ случаѣ своими деньгами", Е. И. Попова пишетъ: „я молчала, потому что чувствовала, что это было сказано справедливо" (110 стр.).

Е. И. Попова избѣгаетъ касаться вопросовъ политики. Однако, мимоходомъ, у нея проскальзываютъ замѣчанія, интересныя въ устахъ „патріотки". Такъ, прочтя какую-то книгу, она сообщаетъ о своемъ огорченіи по поводу того, что она узнала въ ней о Мордвиновѣ (гр. Ник. Сем.), котораго считала „органомъ истины передъ престоломъ". Но тутъ же прибавляетъ: „Мордвинову хотѣлось создать здѣсь (т.-е. въ Россіи) такую же аристократію, какая существуетъ въ Англіи; судьба людей подвластныхъ нисколько его не занимала. Н. И. Тургеневъ (декабристъ), напротивъ того, только о томъ и думалъ". Ясно, на чьей сторонѣ ея симпатіи.

Сообщая о запрещеніи стихотворенія гр. Растопчиной „Насильный бракъ", по заподозрѣнному намеку на наши отношенія къ Польшѣ, Е. И. Попова приводитъ отвѣтъ гр. Орлова государю Николаю I, сдѣлавшему ему „замѣчаніе о томъ, какъ прошли эти стихи". Отвѣтъ Орлова, сославшагося на то, что въ стихотвореніи говорится о „законномъ бракѣ", авторъ дневника называетъ „смѣшнымъ", ибо „Орловъ какъ будто самъ признаетъ, что Польша намъ незаконно принадлежитъ". И вслѣдъ затѣмъ она пишетъ: „Если же разъ мы сознаемся въ этомъ, то должны видѣть въ ея возмущеніяхъ необходимое возстаніе угнетенныхъ и *прощать ихъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ), а не карать. Тогда мы выиграемъ ихъ любовь и возмущенія прекратятся" (стр. 35).

У Е. И. Поповой особый, свой умъ, котораго источникъ въ велѣніяхъ сердца, неподкупно-искренняго. Она не скрываетъ тяжелыхъ

картинъ разореннаго населенія, съ которыми ей пришлось встрѣчаться во время поѣздки въ Воронежъ, описывая бѣдствія послѣ пожаровъ. „Какое тягостное состояніе имѣть дома и не смѣть пользоваться правомъ своимъ! Какой вѣкъ, если столько является поджигателей, которые всѣ русскіе!“ Она не распространяется о причинахъ поджоговъ, но любовь „ко всему русскому“ отнюдь не побуждаетъ ее хвалить и превозносить „все русское“, и только русское. При ея чрезвычайной честности воззрѣній и душевной чуткости, можно пожалѣть, что она какъ бы скупится на сужденія. Заботы о близкихъ всецѣло ее поглощали; къ тому же ей приходилось добывать средства къ существованію своимъ трудомъ и прямо таки трогательны ея разсчеты, какъ изъ скуднаго жалованья за уроки удѣлить побольше нуждающимся въ ея помощи. Она часто гостила у знакомыхъ и замѣчаетъ при этомъ, что пребываніе у чужихъ людей нѣсколько облегчало ея финансовыя затрудненія; но за то приходилось подчасъ жертвовать своей независимостью и личной свободой. Въ ней вспыхиваетъ, правда—въ слабой и очень деликатной формѣ, протестъ личности противъ несправедливыхъ условій общественной жизни. Она не возстаетъ противъ нихъ, но возмущается ихъ гнетомъ надъ личнымъ чувствомъ. Такъ напримѣръ, когда Е. И. Попова гостила у Елагиныхъ, которымъ Тидебель приходился сродни, она принуждена была выслушивать нѣкоторые уколы за преданность своему любимцу, который, дескать, ей все-таки не пара. Она пишетъ по этому поводу: „Сознаю умственное превосходство Елагиныхъ и превосходство ихъ породы предо мною, но чувствую въ душѣ моей, что по праву, данному всѣмъ людямъ отъ Бога, праву любить, я имѣю также право и на взаимность. Всякій человѣкъ свободно, въ самомъ себѣ, оцѣниваетъ дружбу и любовь чью бы то ни было, и вслѣдствіе своей свободной оцѣнки удѣляетъ отъ сердца своего столько участья и вниманія къ своимъ любителямъ, сколько можетъ и сколько хочетъ. Къ чему наши собственныя требованія и опредѣленія: „меня онъ настолько-то долженъ любить, а тебя настолько-то“. Я не спрашиваю, любятъ ли меня, не могу и не хочу вѣшать любовь на золотники и просто люблю сама, вотъ и все. Любить могутъ и знатные и незнатные, и умные и невѣжды, и прекрасные и безобразные. Право любить имѣютъ всѣ, требовать любви—никто“.

Вся эта тирада—прекрасный протестъ личности противъ ограничивающихъ ея права общественныхъ условій. Если въ этомъ самосознаніи индивидуума сказалось вліяніе того „утопическаго идеализма“, который характеренъ для нашихъ раннихъ славянофиловъ,—а съ ними Е. И. Попова, повидимому, изрѣдка и переписывалась, принимая заказы на переводы,—то уже одна эта черта придаетъ несомнѣнную

цѣнность ея „жизни и дѣятельности“ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ минувшаго вѣка. Записки ея служатъ живымъ документомъ претворенія отвлеченнаго ученія въ жизнь и раннимъ побѣгомъ того переворота въ общественномъ сознаніи на пути къ демократизаціи, который полнѣе завершится со временемъ уже на иныхъ основахъ.— Ѳ. Батюшковъ.

— Ю. Айхенвальдъ. Предисловіе къ третьему изданію книги: „Силуеты русскихъ писателей“. Москва, 1911.

Извѣстныя характеристики русскихъ писателей, изданныя г. Айхенвальдомъ подъ названіемъ „Силуэты“, только теперь дождались введенія, дающаго общія теоретическія предпосылки автора. Его популярность побуждаетъ ближе ознакомиться съ его основоположеніями. Онъ исходитъ изъ мысли, что исторія литературы не есть наука, ибо ея матеріалъ слишкомъ неустойчивъ и не поддается никакому строго опредѣленному методу. Обычный нынѣ типъ историко-литературныхъ изученій, разсматривающихъ данное произведеніе въ тѣсной связи съ условіями среды, момента и біографіи его творца, вызываетъ со стороны критика-импрессіониста желчныя и крайне одностороннія нападки. Писателя, его сущность необходимо разсматривать „внѣ историческаго пространства и времени. Если такому анализу онъ не поддается, такого испытанія не выдерживаетъ, то, значитъ, онъ не писатель, не художникъ. Только реакція на вѣчность опредѣляетъ его истинную силу и величіе; только абсолютное служитъ для него окончательной мѣркой“. Средоточіе и сердце литературнаго явленія— индивидуальность автора: „ирраціональная сила талантливой личности—вотъ на что слѣдовало бы обращать преимущественное вниманіе изслѣдователямъ художественной литературы. Самое реальное и несомнѣнное, съ чѣмъ они могутъ имѣть дѣло, это—писатель. Только онъ—фактъ. Все другое сомнительно. Нѣтъ направленій: есть писатели. Нѣтъ общества: есть личности“... „Писатель—не правило, а исключеніе. Живая единственность, особь, уникумъ, онъ дорогъ и цѣненъ именно этой благодатной особенностью своею. Отъ среды онъ внутренно не зависитъ и то, что ему и намъ—единое на потребу, отъ нея не получаетъ. Писатель не беретъ, а даетъ. Не историческія и культурныя вліянія, не предки, не сосѣди, а онъ самъ—вотъ центръ, къ которому должна бы тяготѣть вся работа изысканія“. „Такъ пусть же лже-историки литературы, новые схоластики наполняютъ свои страницы мнимой и пустой роскошью суетной обстановки къ дѣлу не относящихся изысканій,—мы же, примѣняя *имманентный* методъ, будемъ изучать факты. А факты словесности, это—слова“. Этотъ „имманентный“ методъ характеризуется какъ проникновеніе

въ ирраціональный міръ художественнаго творчества сочувственной души критика; весь вопросъ только въ томъ, „какова субъективность, кто воспринимѣтъ, въ чью душу проникаетъ художество... Импрессіонизмъ долженъ быть искрененъ и добросовѣстенъ,—иначе онъ теряетъ свой смыслъ. Не только писать, но и читать надо честно“... Эта импрессіонистская критика высшей своей цѣлью имѣетъ связать творчество писателя непосредственно съ космосомъ. „Связать писателя съ конкретною гражданской соціальностью нельзя, и слишкомъ поверхностно, и хрупко было бы это соединеніе; но пріобщить писателя къ міру,—это и можно, и должно. Личность глубже связана со вселенной, чѣмъ съ государствомъ“. „Космическая основа искусства, его пріобщенность ко вселенской тайнѣ, дѣлаетъ художника выразителемъ первозданной сущности, которая и подсказываетъ и нашептываетъ ему все то, что онъ повторяетъ въ своихъ произведеніяхъ... Въ своихъ глубинахъ недоступныя даже для своихъ творцовъ, они хранятъ въ себѣ этотъ естественный символизмъ, они развертываютъ безконечныя перспективы и въ земную, и въ небесную даль; понять искусство въ этой его многосторонности, истолковать хотя бы нѣкоторые изъ его священныхъ гіероглифовъ—вотъ что составляетъ одну изъ высокихъ задачъ критика“... „Не живые цвѣты искусства, а только его обездушенный гербарій способенъ стать объектомъ научной дисциплины. Но съ отсутствіемъ науки объ искусствѣ слишкомъ примиряетъ существованіе самого искусства. Гдѣ качественности и цѣнности, тамъ нѣтъ науки, за то есть религія. И къ ней принадлежитъ эстетика, неотъемлемое достояніе всего человѣчества“.

Таковы общія основоположенія автора, невольно вызывающія въ своей стремительной рѣзкости возраженія и недоумѣнія. Все здѣсь спорно и апріорно до послѣдней степени. Если литература въ извѣстномъ смыслѣ, съ чего начинаетъ г. Айхенвальдъ, „беззаконная комета въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ“, ибо своей основной стихіей имѣетъ безбрежное море чувства, то не въ меньшей степени приходится сказать тоже самое и о многихъ другихъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія и наукообразнаго изученія, начиная съ исторіи. Справедливо, что исторія литературы въ рукахъ ея представителей иногда заслоняетъ отъ читателя писателя, какъ неумирающій центръ вліянія на умъ и чувство, обиліемъ привходящаго матеріала. Но неумѣлость этихъ представителей, или отсутствіе у нихъ чуткаго критическаго такта, не должны служить основаніемъ для того, чтобы отвергать самую необходимость изученія литературы въ связи съ общими условіями среды и момента, съ біографіей ея дѣятелей. Самое обиліе внѣшняго матеріала, такъ пугающее критика-импрессіониста, должно подводить къ той неразложимой ирраціональной особенности, которая

выдѣляетъ даннаго писателя изъ ряда его современниковъ, предшественниковъ и преемниковъ; въ результатѣ анализа, какъ остатокъ временнаго, должно получиться абсолютное. Безграничный индивидуализмъ и увѣренность въ свободѣ индивидуальнаго сознанія подсказываютъ г. Айхенвальду парадоксы въ родѣ слѣдующаго: „законы для души не писаны, а потому не писаны они и для искусства". „Имманентный" методъ, ограниченный только требованіемъ искренности, открываетъ безграничный просторъ самымъ произвольнымъ построеніямъ и искаженіямъ дѣйствительной физіономіи литературныхъ дѣятелей. Это мы видимъ отчасти и у самого г. Айхенвальда, въ его „Силуэтахъ", гдѣ Тургеневъ превращенъ въ Кармазинова à la Достоевскій, а Островскій объявленъ страдающимъ нравственной тупостью и отсутствіемъ честности. Въ общемъ, думается намъ, г. Айхенвальдъ совершенно неосновательно смѣшиваетъ понятіе объ ирраціональной безсознательности творчества съ представленіемъ о его мнимой незакономѣрности, и слишкомъ умаляетъ значеніе психологическаго метода. Послѣдній даетъ плодотворные результаты не только для психологіи творчества, но иногда съ осязательной ясностью выявляетъ соціальную органическую связь художественнаго творчества. Это сдѣлано, напр., г. Овсянико-Куликовскимъ, блестяще объяснившимъ форму художественныхъ воспріятій Льва Толстого, такъ тѣсно связанную съ его соціальнымъ положеніемъ. А именно здѣсь, кажется г. Айхенвальду, геній писателя паритъ внѣ времени и пространства. Столь же непріемлемо и основное метафизическое представленіе г. Айхенвальда о мнимой непосредственности общенія художественнаго генія съ космосомъ помимо соціальности (г. Айхенвальдъ лукаво подмѣнилъ въ приведенной выше цитатѣ соціальность словомъ „государство"; эффектъ былъ бы еще сильнѣе, если сказать, что „личность глубже связана со вселенной, чѣмъ съ министерствомъ Столыпина 1911 г."). До какой степени соціальность владѣетъ самимъ критикомъ, провозгласившимъ „имманентный", независимый отъ соціальности, методъ—яснѣе всего обнаруживается во второй части его введенія. Онъ предлагаетъ здѣсь „схему къ изученію русской художественной литературы" и съ перваго слова сознается: „чѣмъ больше углубляешься въ замкнутые міры нашихъ писателей, въ эти живыя монады, тѣмъ яснѣе становится, что они—не только литераторы, но и литература; что есть извѣстныя проблемы, сюжеты и мотивы, которые объединяютъ ихъ въ одно цѣлое; что наша словесность, разсматриваемая какъ бы въ разрѣзѣ, обнаруживаетъ явственныя линіи духовныхъ преемственностей". Эту истину нельзя назвать новою для „лже-историковъ"... Для изученія преемственности авторъ предлагаетъ схемы: тоска по родинѣ и тоска по чужбинѣ, осѣдлость и скитальчество, деревня и

городъ, патріотизмъ и космополитизмъ, и т. д. Но вѣдь эти рубрики подсказаны критику вовсе не приложеніемъ его имманентнаго метода, вовсе не раскрытіемъ связи творчества писателей съ абсолютнымъ, съ вселенною, а устойчивыми, неявно сопутствовавшими мысли автора представленіями о соціальномъ содержаніи русской литературы, представленіями, развитыми не разъ у тѣхъ самыхъ историковъ, которыхъ авторъ клеймитъ именемъ схоластиковъ. Гони природу (въ данномъ случаѣ—соціальность) въ дверь, она влетитъ въ окно. Пока г. Айхенвальдъ слѣдуетъ непосредственному тяготѣнію своему къ чистому эстетизму и выступаетъ съ объясненіями, что̀ именно и какъ говоритъ ему данный художникъ, независимо отъ своего историко-литературнаго значенія, мы читаемъ его импрессіонистскіе силуэты съ интересомъ и нерѣдко съ большимъ удовольствіемъ. Но когда этотъ импрессіонизмъ возводится въ новый воинствующій методъ, и эстетическая критика противопоставляется исторіи литературы, какъ нѣчто имѣющее замѣстить ее, а не только полноправно стоящее съ ней рядомъ — это непріемлемо и нимало не оправдывается парадоксальной, хотя временами и поэтически развитой аргументаціей.

— Чуковскій. Критическіе разсказы. Книга первая. Спб., 1911. Ц. 1 р. 25 к.

— А. Измайловъ. Литературный Олимпъ. Москва, 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Автора первой изъ названныхъ выше книгъ—по его словамъ—„очень часто обвиняли въ томъ, что его статьи есть, въ сущности, беллетристика. Отсюда и заглавіе книжки: „Критическіе разсказы“. На самомъ дѣлѣ это не беллетристика, а типическая импрессіонистская критика, въ противоположность вылощенной акварели г. Айхенвальда отличающаяся обиліемъ рѣзкихъ чертъ, грубыхъ общихъ очертаній предмета. Она напоминаетъ размашистой кистью набросанныя, кричащія уличныя афиши-иллюстраціи. Чѣмъ проще предметъ подобной критики, тѣмъ легче поддается онъ этимъ пріемамъ, и очерки о г-жѣ Вербицкой и Натѣ Пинкертонѣ и современной литературѣ—едва ли не лучшее въ „критическихъ разсказахъ“ г. Чуковскаго. Разнести въ пухъ и прахъ автора „Ключей счастья“ и современную рядовую массу читателей—Ната Пинкертона и зрителей кинематографовъ—дѣло не хитрое. Образцомъ пріемовъ г. Чуковскаго здѣсь можетъ служить, напр., то, что онъ, какъ на нѣчто очень доказательное для характеристики низменности современнаго читательскаго вкуса, совершенно серьезно и хлестко ссылается на милліоны пинкертоновщины и на немногія тысячи экземпляровъ „Преступленія и Наказанія“ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. сравниваетъ разныя времена, книги разнаго удѣльнаго вѣса, объема, цѣны, и распространенныя въ совершенно разныхъ кругахъ. Вѣрно указывая на постепенное огрубѣніе и

опошленіе литературы сыщиковъ со временъ Шерлокъ Хольмса (точнѣе было бы указать, въ качествѣ родоначальника Пинкертоновъ, не Конанъ Дойля, а Эдгара По, съ его классическимъ Дюпеномъ), и на торжество кинематографа, съ его грубыми и пошлыми внѣшними эффектами, г. Чуковскій, можно сказать, вопитъ о гибели интеллигенціи и о нашествіи готтентота городской культуры. Что слѣдуетъ изъ этого вопля? Да ничего, ибо и самъ г. Чуковскій вѣритъ, что Пинкертонъ и Верхарнъ—два полюса одной и той же культуры. Обыкновенный пріемъ г. Чуковскаго при характеристикахъ отдѣльныхъ авторовъ — рѣзкое подчеркиванье въ каждомъ одной излюбленной имъ черты: Сергѣевъ-Ценскій—поэтъ бездѣйствія и страха жизни, Сологубъ—пѣвецъ смерти, Горькій—доктринеръ, Короленко—идилликъ. Получаются угловато и каррикатурно схожіе наброски, нѣчто въ родѣ извѣстныхъ каррикатуръ г. Каррика. Иногда поражаетъ неразборчивость аргументаціи; чтобы доказать, напр., неизмѣнный у г. Ремизова ужасъ передъ жизнью, авторъ „Критическихъ разсказовъ“ выуживаетъ изъ свѣтлой „Посолони“ юмористическія, въ чисто народномъ стилѣ сказочныя, условно „страшныя“ черты и детали („амъ! съѣмъ!“ сказочнаго волка и т. п.). Притянутыя за волосы и выисканныя въ массѣ страницъ художественнаго произведенія отдѣльныя черточки и выраженія производятъ, въ подборѣ г. Чуковскаго, большею частью впечатлѣніе менѣе всего убѣдительное. Въ итогѣ „разсказовъ“ „паѳосъ современной души“, характеризуемый въ предисловіи какъ вселенская тошнота, чувство обреченности, ужасъ жизни и воля къ нирванѣ, вырисовывается слабо. Подобная импрессіонистская критика, напоминающая газетное свое происхожденіе, имѣетъ право на существованіе, если она талантлива. Но устойчивое значеніе она можетъ имѣть только при большой вдумчивости и меньшей претенціозности. Въ противномъ случаѣ, къ ней такъ же мало захочется возвращаться, какъ ко вчерашней газетѣ.

Въ книгѣ г. Измайлова собраны очерки о Львѣ Толстомъ, Чеховѣ, Горькомъ, Андреевѣ, Сологубѣ, Куприпѣ, Брюсовѣ, І. Ясинскомъ, графѣ Саліасѣ и Всеволодѣ Соловьевѣ. Объединеніе именъ столь разнаго литературнаго значенія въ одной книгѣ авторъ объясняетъ тѣмъ, что „вмѣстѣ съ великимъ громовержцемъ Зевесомъ возсѣдаютъ на Олимпѣ и боги меньшихъ племенъ“, и предъ всѣми ими одинаково останавливается съ золотой чашей юная Геба. Авторъ связываетъ разборъ литературной физіономіи писателя съ своими встрѣчами съ нимъ, иногда съ автобіографическими признаніями, и это придаетъ его очеркамъ извѣстную живость и нѣкоторую длительную цѣнность. Въ противоположность г. Чуковскому, онъ не стремится, поразить читателя неожиданными откровеніями и открытіями. Эта простота

и благожелательный тонъ подкупаютъ читателя, хотя нѣсколько утомительны многословіе и повторенія, неизбѣжныя въ газетныхъ статьяхъ, изъ которыхъ составилась книга, и однообразная передача довольно длинныхъ рѣчей нѣкоторыхъ лицъ. Коробятъ нерѣдко черезчуръ спѣшныя сужденія и lapsus'ы, напр., увѣреніе, будто Левъ Толстой „принялъ цѣликомъ ренановское пониманіе Христа" (стр. 21). На самомъ дѣлѣ, Толстой въ 1876-мъ году удивлялся пристрастію Страхова къ Ренану, примѣненіе метода Ренана къ Христу называлъ „дѣтской, пошлой и подлой шалостью", а въ 1890 г. раздражался его „нравственнымъ оскопленіемъ" (см. письма, т. I, №№ 100 и 156). Крайне спѣшной представляется намъ и оцѣнка отношеній къ Чехову критики, будто бы 25 лѣтъ шедшей по ложному слѣду; въ дѣйствительности, Чеховъ встрѣчалъ, и очень рано, не только враждебную, но и весьма сочувственную оцѣнку; напр., тотъ же Оболенскій, у котораго г. Измайловъ беретъ только отзывъ объ „Ивановѣ", горячо привѣтствовалъ „Пестрые разсказы" и не усумнился поставить талантъ Чехова несравненно выше таланта Короленка, переживавшаго тогда медовый мѣсяцъ своей славы.

— О Ѳедорѣ Сологубѣ. Критика. Статьи и замѣтки. Составлено Анас. Чеботаревской. Спб., 1911. Цѣна 2 р.

Сологубъ, безспорно, одно изъ самыхъ популярныхъ нынѣ именъ, но его популярность носитъ своеобразный характеръ; какъ и популярность другихъ модернистовъ, она возбуждаетъ рядомъ съ сочувствіемъ и рѣшительные, непримиримые протесты. Собранная г-жей Чеботаревской критическая литература о Сологубѣ (за 1905—1911 гг.) уже довольно богата, и сборникъ, поэтому, не излишенъ. Предисловіе, къ нему гласитъ, что есть два пути критики: „одинъ—путь *правый*, путь ищущихъ и вопрошающихъ, вѣрующихъ и пребывающихъ въ чаяніи чуда. Другой путь—*нечестивый*, путь фарисеевъ, бьющихъ себя въ перси и восклицающихъ: Благодарю тебя, Господи, что я не таковъ... Задача первыхъ—сосредоточить вниманіе читателя на основныхъ замыслахъ автора, сблизить его съ нимъ, выявить потайные родники его творчества; задачей вторыхъ является—отвлеченіе, отвращеніе читателя отъ автора и уничтоженіе этимъ самымъ дѣла критики, какъ таковой"... Думаемъ, что и „нечестивые" критики, если творчество даннаго автора кажется имъ больнымъ, извращеннымъ или праздно риторическимъ и увлекающимъ читателя съ пути подлиннаго искусства, остаются въ предѣлахъ своего права. Внутренняя сила аргументаціи и убѣжденія рѣшитъ дѣло на судѣ читателей и потомства. Вѣдь и Бенедиктовъ, Марлинскій могли бы претендовать на Бѣлинскаго, что онъ не старался „сблизить съ ними читателей", а наоборотъ, отвлекалъ

отъ нихъ. Ставъ на точку зрѣнія, что вниманія заслуживаютъ только критики „правые“, то есть сочувствующіе въ томъ или иномъ отношеніи Ѳедору Сологубу, г-жа Чеботаревская совсѣмъ обошла „нечестивыхъ“ и не нашла нужнымъ даже дать библіографическаго указателя литературы о Сологубѣ, гдѣ были бы упомянуты эти нечестивцы. Между тѣмъ, съ указаніями, напр., гг. Айхенвальда и Рѣдько, на темныя стороны несомнѣнно больного таланта Ѳ. Сологуба, таланта, такъ часто отталкивающаго вычурами и извращенностями, несомнѣнно придется считаться будущему историку литературы.—Ч. В—скій.

— И. Ф. Масановъ. Русскіе сатиро-юмористическіе журналы. Библіографическое описаніе. Вып. I. „Весельчакъ“. „Искра“. Изд. подъ ред. А. В. Смирнова. Владиміръ-на-Клязьмѣ, 1911. Стр. 259, съ прилож. 2 портр. и 65 рисунковъ на отдѣл. листахъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Г. Масановъ задумалъ и началъ предпріятіе, интересное не въ одномъ только библіографическомъ отношеніи—„рядъ библіографическихъ указателей къ русскимъ сатирическимъ и юмористическимъ журналамъ, выходившимъ въ 1858—1900 годахъ. Эти журналы заслуживаютъ внимательнаго изученія: тамъ историкъ русской жизни найдетъ массу матеріала, характеризующаго состояніе въ данное время, на той или иной степени, культурности нашего общества. Помимо этого, въ описываемыхъ журналахъ историкъ нашей литературы найдетъ массу произведеній ставшихъ извѣстными русскихъ писателей, начавшихъ свою литературную дѣятельность въ подобныхъ еженедѣльникахъ“. Въ слѣдующихъ выпускахъ составитель обѣщаетъ описать юмористическіе листки 1858—1859 гг., „Арлекинъ“, „Гудокъ“, „Развлеченіе“, „Осу“, „Занозу“, „Маляръ“, „Будильникъ“ (первыя 25 лѣтъ изданія) и „Стрекозу“ (всѣ 34 года), а также другіе журналы этого рода, выходившіе до 1900 г. Описаніе ведется по слѣдующему плану. Въ главномъ и наиболѣе обширномъ отдѣлѣ („Хронологическій указатель“) излагается содержаніе каждаго номера журнала въ хронологическомъ порядкѣ; затѣмъ даются алфавитные указатели именъ авторовъ, переводчиковъ и сотрудниковъ художественнаго отдѣла (каррикатуристовъ, иллюстраторовъ, составителей виньетокъ) и систематическій указатель, въ которомъ изложено содержаніе изданія по рубрикамъ (поэмы, басни, пѣсни, эпиграммы, разсказы, анекдоты и проч.). Въ предѣлахъ этого плана работа г. Масанова, судя по первому выпуску,—а въ слѣдующихъ можно ожидать, конечно, только улучшеній,—исполняется совершенно удовлетворительно, но самый планъ далеко не удовлетворителенъ со стороны метода. Имѣя въ виду интересы историка общественности и литературы, составитель не долженъ былъ ограничиваться однимъ внѣшнимъ опи-

саніемъ содержанія журналовъ, изъ которыхъ онъ приводитъ только заглавія статей и стихотвореній. Такъ напримѣръ, въ описаніе 36-го № „Искры“ 1860 г. онъ кратко вноситъ „Литературныя варіаціи“, не указывая, что въ нихъ говорится о К. К. Павловой и К. К. Случевскомъ (то же и въ описаніи № 49, гдѣ не указано, что въ „варіаціяхъ“ осмѣиваются Н. Н. Страховъ и А. А. Фетъ). Желательно было бы, конечно, раскрытіе и объясненіе множества разбросанныхъ тамъ и сямъ намековъ; но его нельзя требовать отъ библіографа. А какъ интересно было бы, напримѣръ, указаніе, что курочкинская пародія на Пушкина: „Эпитафія Бавію“—не что иное, какъ эпиграмма на кн. П. А. Вяземскаго. Общественное значеніе сатирико-юмористическихъ журналовъ, особенно шестидесятыхъ годовъ, еще выше историко-литературнаго. Если бы г. Масановъ умѣлъ сколько-нибудь оцѣнить его, онъ не удовольствовался бы механической перепиской заглавій отдѣльныхъ статей, пьесъ и замѣтокъ и постарался бы систематически изобразить отношеніе этихъ изданій къ крѣпостному праву, къ суду, къ бюрократіи, къ администраціи и т. д. Эта мысль, очевидно, приходила ему въ голову: онъ сознательно отбросилъ иллюстраціи, относящіяся къ общественной жизни, говоря, что онѣ „вполнѣ понятны только въ связи съ подписями къ нимъ, но эти подписи не входятъ (!) въ нашу программу, и потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ“. Такимъ образомъ, и совершенно напрасно, „оставлены въ сторонѣ“ такіе интересные моменты, какъ смѣлая каррикатура на М. Н. Муравьева, съ язвительными стихами подъ ней („Искра“ 1863 г.). Въ приложеніи къ книгѣ составитель далъ воспроизведенные на отдѣльныхъ листахъ 64 рисунка изъ „Искры“, съ подписями подъ ними и краткими объясненіями, но подъ заглавной виньеткой „Весельчака“ забылъ объяснить, что въ ней изображены Плюшаръ, Смирдинъ, Я. Григорьевъ и Сенковскій. Впрочемъ, изъ того, что работа г. Масанова могла бы и даже должна была бы быть лучше, еще не слѣдуетъ, что она нехороша. Хотя она далеко не характеризуетъ, даже въ узко-библіографическомъ смыслѣ, описываемыхъ изданій, къ ней все же можно обращаться, какъ къ полезному до извѣстной степени справочнику.

— Сѣверные Цвѣты на 1911 годъ, собранные книгоиздательствомъ „Скорпіонъ“. М. 1911. Цѣна 1 р. 50 к.

Альманахъ появился въ той самой обложкѣ, съ рамкою работы К. Сомова, въ которой онъ вышелъ впервые, десять лѣтъ тому назадъ. Сгруппировавшіеся подъ знаменемъ „Скорпіона“ молодые участники сборника, которыхъ С. А. Венгеровъ впослѣдствіи такъ вѣрно назвалъ „побѣжденными“, чувствуя свою несвязанность съ общимъ ходомъ рус-

ской литературы, запинаясь и заикаясь, писали тогда, что „желали бы стать внѣ существующихъ литературныхъ партій, принимая въ свой сборникъ все, гдѣ есть поэзія, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ авторъ“. Они слабо цѣплялись за „преданія“ старинныхъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ пушкинской эпохи, которые надѣялись даже „возобновить послѣ семидесятилѣтняго перерыва“... Прошло десять лѣтъ. „Скорпіонъ“ выпустилъ еще три альманаха; „молодые“ перестали быть молодыми, за выслугою лѣтъ—а возъ и нынѣ тамъ, и еще съ большею робостью издатели лепечутъ, что „альманахъ не задается цѣлью объединить какую-либо опредѣленную, рѣзко отграниченную отъ другихъ, группу писателей“, и что его вкладчиковъ роднитъ „одно общее убѣжденіе—вѣра въ высокое значеніе искусства, какъ таковаго, которое не можетъ и не должно быть средствомъ къ чему-то иному, будто бы высшему“... „Темно и вяло“! Но дѣло не въ этой туманной и безсодержательной, никого ни къ чему не обязывающей и по существу излишней программѣ, а въ томъ, какъ служитъ альманахъ „высшему искусству“. Служеніе начинается „Неумѣстными риѳмами“ З. Гиппіусъ, неумѣстными не только въ буквальномъ смыслѣ слова. Вотъ какъ риѳмуетъ г-жа Гиппіусъ:

Ищу напѣвныхъ *шо-*
потовъ
Въ несвязномъ *шу-*
мѣ,
Ловлю живые *шо-*
рохи
Въ ненужной *шу-*
ткѣ.

„Ненужная шутка“ эта слишкомъ тяжела для шутки, да и оригинальнаго въ ней ничего нѣтъ. Изобрѣтательскій патентъ на такіе языколомные „стихи“ съ незапамятныхъ временъ принадлежитъ автору знаменитаго анекдотическаго двустишія:

Вѣтры сѣверные ду-
ютъ, гулять я не пойду.

„Голландка Лиза, комедія въ одномъ дѣйствіи, съ танцами и пѣніемъ“, г. М. Кузмина, плохо стилизована подъ старинную интермедію и пропитана той нарочитой наивностью, которую суровый и справедливый читатель назоветъ нѣсколько иначе и рѣзче. Немало „наивностей“ и въ интересной по намекамъ и нѣкоторымъ остроумнымъ аналогіямъ статьѣ г. М. Волошина: „Аполлонъ и мышь“. Некстати и невольно авторъ веселитъ читателя такими выходками, какъ разсказъ о Бальмонтѣ и неизвѣстно откуда прибѣжавшей на его столъ „бѣлой мышкѣ“, которая, сѣвъ на ладонь поэта, „запѣла“ тоненькимъ голосомъ, и потомъ являлась не разъ, пока онъ не раз-

давилъ ее нечаянно. „Нѣтъ никакого сомнѣнія“—серьезно заключаетъ г. Волошинъ, — „что бѣлая мышка о чемъ-то ему пророчила, и, вѣроятнѣе всего (sic!), это была сама его муза; послѣднее подтверждается той миѳологической связью, которая существуетъ между Аполлономъ и мышью“. Прибавлять къ этому нечего; извѣстно, что г. Волошинъ любитъ подобныя сближенія и даже о самомъ себѣ, не имѣя возможности похвалиться какой-нибудь мышиной музой, съ гордостью писалъ, что родился въ день Усѣкновенія Главы... Фигурируетъ въ альманахѣ и самъ Бальмонтъ, давшій нѣсколько перепѣвовъ эротическихъ мотивовъ древняго Египта. Если повѣрить г. Бальмонту, самое сильное вліяніе на египетскую любовную поэзію долженъ былъ оказать не кто иной, какъ... г. Бальмонтъ. Всѣ эти „зябкости“ и „осѣненности“ слишкомъ отзываются „бальмонтностью“, а Ра, Фта и Мемфисъ никакъ не могутъ перенести читателя въ Египетъ; но два-три просто хорошія стихотворенія въ этомъ циклѣ найдутся, хотя г. Бальмонту не удалось смѣшать масло поэзіи съ водою исторической этнографіи. Такъ же неудачна попытка В. Я. Брюсова перенести насъ въ царство будущаго, изображаемое имъ въ отрывкѣ изъ занимающаго его уже давно романа. Ни цѣльнаго замысла, ни стилистическихъ достоинствъ въ отрывкѣ не видно; это слабый фрагментъ, внезапно обрывающійся на самой серединѣ развивающейся интриги. Г. Брюсова часто упрекаютъ въ искусственности его работы. Упрекъ этотъ самъ по себѣ неоснователенъ, такъ какъ „искусственность“ столь же законна въ искусствѣ, какъ „стихійность“, но данную вещь нельзя не назвать „сдѣланной“, и притомъ плохо сдѣланной. Прибавимъ также, что благополучно здравствующему автору не слѣдуетъ печатать незаконченныхъ вещей и обрывковъ; съ фрагментами Пушкина и Толстого мы по необходимости миримся, но стружки изъ мастерской г. Брюсова едва ли кому-нибудь, кромѣ г. Брюсова, интересны. Въ общемъ, новый выпускъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“—блѣдное и слабое повтореніе пройденнаго. „Иванъ Кирилловичъ потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ“, но его музыка давно пріѣлась старымъ слушателямъ, а новыхъ что-то не видать.—Н. Л.

— Людвигъ Бернгардъ. Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи (Die Polenfrage. Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat). Пер. А. С. Изгоева. Съ предисловіемъ П. Б. Струве и вступительной статьей А. С. Изгоева. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Людвигъ Бернгардъ—профессоръ берлинскаго университета, либералъ по политическимъ убѣжденіямъ, нѣмецкій націоналистъ и государственникъ, убѣжденный противникъ поляковъ и польскаго національнаго возрожденія, — по крайней мѣрѣ, поскольку идетъ рѣчь о

польскихъ провинціяхъ Пруссіи. Польскій вопросъ и польскую общественную жизнь въ Пруссіи онъ изучаетъ какъ врагъ, ищущій средствъ борьбы и нападенія; ни на одно мгновеніе не упускаетъ онъ изъ виду интересовъ нѣмецкой національности и прусской государственности и лишь подъ этимъ угломъ зрѣнія расцѣниваетъ всѣ наблюдаемыя имъ явленія. Но націоналистическій шовинизмъ Людвига Бернгарда, непріятно окрашивающій всѣ его выводы и общія сужденія, не ослѣпилъ его и не помѣшалъ ему обращаться съ фактами безстрастно, безъ подтасовки, съ методической планомѣрностью. И потому его книга, независимо отъ ея политической окраски и отъ политическихъ цѣлей автора, представляетъ значительный интересъ, какъ попытка дать серьезное монографическое изслѣдованіе, рисующее картину національнаго возрожденія поляковъ Пруссіи. Въ этомъ заключается интересъ данной книги и для современнаго русскаго читателя, являющагося зрителемъ совершающагося національнаго возрожденія многочисленныхъ народностей нашего отечества.

Въ качествѣ эпиграфа къ своей книгѣ Людвигъ Бернгардъ беретъ цитату изъ рѣчи на одномъ съѣздѣ польскихъ товариществъ: „Присоединенные къ государству, на внутреннее развитіе котораго мы не можемъ оказывать почти никакого вліянія, мы вынуждены изъ собственнаго чрева прясть нити, необходимыя для согрѣванія нашего тѣла и духа, созидая учрежденія для защиты нашихъ, почти со всѣхъ сторонъ угрожаемыхъ интересовъ“. За этой польской пряжей, нити которой образовали сложную и мощную сѣть національныхъ учрежденій, способную выдержать даже крайности гакатистской политики на прусскомъ востокѣ, Людвигъ Бернгардъ съ напряженнымъ вниманіемъ врага слѣдитъ на протяженіи всей своей книги. Онъ точно и детально рисуетъ пережитую въ послѣднія десятилѣтія прусскими поляками соціально-политическую эволюцію, въ результатѣ которой на стражѣ національнаго польскаго дѣла оказался весь народъ — крестьянинъ, рабочій, ремесленникъ, купецъ, священникъ, интеллигентъ, смѣнившіе недостаточно бдительно несшихъ этотъ долгъ представителей историческаго дворянства. Онъ описываетъ постепенное соціальное и политическое увяданіе польскаго дворянства, зарожденіе среднихъ классовъ, выступленіе на національную арену польскаго крестьянина и рабочаго. Шагъ за шагомъ слѣдитъ нѣмецкій авторъ за возникновеніемъ польскихъ организацій. Для новыхъ классовъ, вступившихъ въ борьбу за національное существованіе, понадобились и новыя средства защиты—и поляки нашли эти средства въ массовомъ созданіи сберегательныхъ кассъ, въ разнаго рода кооперативныхъ учрежденіяхъ, въ союзныхъ и центральныхъ банкахъ, организованныхъ и дѣйствующихъ если не всецѣло по одному общему плану,

то во всякомъ случаѣ координировано. Соціальную, а значитъ и политическую, силу отдѣльныхъ единицъ смѣнила мощная сила сотрудничающихъ въ предѣлахъ національности классовъ. Лишенные участія въ оффиціальной мѣстной жизни, поляки, силою общественной самодѣятельности, создали собственный самоуправляющійся организмъ, который оказался въ силахъ противостать агрессивному движенію прусской государственности. Людвигъ Бернгардъ находитъ даже возможнымъ опредѣлить, изъ какихъ лицъ состоитъ польское „правительство", безъ котораго ничто не дѣлается въ Прусской Польшѣ. Вотъ этотъ любопытный списокъ: 1) патронъ товариществъ (кредитныхъ), 2) директоръ союзнаго банка, 3) директоръ промышленнаго банка, 4) патронъ крестьянскихъ союзовъ (кооперативныхъ), 5) и 6) нѣкоторые выдающіеся по заслугамъ вице-патроны, 7) президентъ центральнаго союза крупныхъ землевладѣльцевъ, 8) и 9) президентъ и генеральный секретарь союза рабочихъ, 10) президентъ „Соколовъ" (гимнастическія общества), 11) президентъ „Стража" (общество для защиты польскихъ интересовъ въ Германіи). Сюда присоединяются еще нѣсколько носителей высокаго духовнаго сана и представителей дворянства, добившихся вліятельнаго положенія своимъ богатствомъ и работой въ національномъ духѣ. Представителемъ во-внѣ этого „правительства" должна служить польская парламентская фракція въ Берлинѣ.

Въ книгѣ Бернгарда масса подробностей и точно провѣренныхъ и сведенныхъ въ систему фактовъ; она можетъ служить прекраснымъ введеніемъ къ изученію положенія поляковъ въ Пруссіи. Недостатки книги вытекаютъ изъ отношенія автора къ своему предмету. Національное возрожденіе поляковъ въ Пруссіи изображено Людвигомъ Бернгардомъ какъ вполнѣ самостоятельное явленіе, не приведенное въ связь не только съ національнымъ возрожденіемъ другихъ народовъ вообще и славянскихъ въ частности, чѣмъ характеризуется вся исторія XIX-го вѣка, но даже съ національнымъ движеніемъ въ средѣ всего польскаго народа, части котораго, волею историческихъ судебъ, оказались въ границахъ трехъ государствъ. А между тѣмъ сравнительный методъ оказалъ бы автору въ этомъ случаѣ незамѣнимую услугу. Онъ увидѣлъ бы, что та же эволюція, которая его поражаетъ у поляковъ Пруссіи, пройдена ранѣе ихъ чехами, что въ различныхъ стадіяхъ той же эволюціи находится нынѣ національное движеніе украинцевъ въ Галиціи, словинцевъ въ южной Австріи, нѣкоторыхъ народностей въ Россіи, и т. д.

Аналогичнымъ недостаткомъ страдаютъ включенныя въ книгу Бернгарда „Предисловіе" П. Б. Струве и „Нѣсколько словъ отъ переводчика" А. С. Изгоева. Оба автора не только рекомендуютъ книгу

нѣмецкаго профессора какъ интересную монографію о прусскихъ полякахъ, но находятъ въ ней „множество полезнѣйшихъ указаній, частичныхъ аналогій, наводящихъ фактовъ и даже тактическихъ правилъ“ (А. С. Изгоевъ), усматриваютъ въ ней „факты и выводы, имѣющіе общее значеніе и въ то же время полные такого жизненнаго смысла для насъ, русскихъ“ (П. Б. Струве). Русскіе публицисты совершенно не замѣтили, что рѣчь идетъ о такъ называемой „недержавной“ народности, національные интересы которой находятся въ опасности, которая вынуждена „прясть нити изъ собственнаго чрева“ и которая только въ національзаціи всѣхъ сторонъ своей жизни можетъ найти твердое убѣжище отъ инонаціональныхъ посягательствъ. Къ чему ведетъ національзація въ пользу „державной“ народности—на это указываютъ прусскій гакатизмъ и русскіе проекты національзаціи кредита, хлѣбной торговли и т. п.

Переводъ книги, въ общемъ, удовлетворителенъ; можно упрекнуть переводчика лишь въ варварской транскрипціи польскихъ фамилій: нельзя передавать польское *ie* русскимъ *ie*, а нужно ставить либо, какъ это дѣлали въ старину, букву *ѣ*, либо простое *е*; не слѣдуетъ также Вавжиняка называть Вавжиньякомъ, превращая эту демократическую польскую фамилію въ нѣчто французское.

— Сергій Ефремов. Історія українського письменства. Спб., 1911 р. Ц. 2 карб.

Книга С. Ефремова представляетъ собою систематическій курсъ по исторіи украинской литературы, отъ начатковъ письменности до нашихъ дней. Въ обширномъ предисловіи авторъ выясняетъ свою точку зрѣнія на исторію литературы вообще и украинской въ частности. Критикуя труды своихъ украинскихъ предшественниковъ (Огоновскаго, Лепкого, Франка и др.), построенные частью на принципѣ эстетическомъ, частью на принципѣ библіографическомъ, С. Ефремовъ отвергаетъ оба эти пути. Эстетическая оцѣнка—дѣло критика, а не историка; въ руки историка попадаетъ литературный матеріалъ, эстетическая оцѣнка котораго является для него уже данной. Съ другой стороны исторія литературы не есть исторія книгъ. Исторія литературы идентична исторіи идей: эта мысль является для С. Ефремова руководящей. Литература тѣснѣйшимъ образомъ связана съ жизнью народа; она—самое мощное орудіе, какимъ только располагаетъ народъ въ борьбѣ за лучшее будущее. Первѣйшею задачей общества, красною нитью проходящей во всей исторіи человѣчества, является освобожденіе человѣка отъ всѣхъ узъ и цѣпей, наложенныхъ на него формами человѣческаго существованія. Въ борьбѣ съ этими формами, въ борьбѣ за свою индивидуальность народъ наилучшаго помощника находитъ въ литературѣ. Основа всякой литературы — идея освобо-

жденія, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Прилагая этотъ руководящій принципъ къ украинской литературѣ, С. Ефремовъ находитъ въ ней тотъ же неизмѣнный „элементъ свободы“ (выраженіе академика Веселовскаго), которымъ насыщены всѣ литературы; элементъ этотъ окрашенъ въ національные цвѣта, какъ въ смыслѣ внутренняго содержанія (идея національнаго освобожденія), такъ и въ смыслѣ формы (національный бытъ, національный языкъ).

Исторію украинской литературы г. Ефремовъ дѣлитъ на три періода: 1) эпоха національно-государственной самостоятельности до объединенія съ Литвою и Польшей (конецъ XIV-го вѣка); 2) эпоха національно-государственной зависимости, характеризуемая безпрерывными попытками вернуть утраченную свободу; она обнимаетъ четыре столѣтія, отъ конца XIV-го до конца XVIII-го вѣка, когда политическая жизнь на Украйнѣ окончательно замираетъ; 3) эпоха національнаго возрожденія, начавшаяся въ концѣ XVIII-го вѣка съ появленіемъ на литературной сценѣ Котляревскаго, и продолжающаяся до нашихъ дней. Поясняя указанное дѣленіе на эпохи, авторъ даетъ слѣдующую характеристику соотношенія письменностей трехъ русскихъ племенъ: украинскаго, великорусскаго и бѣлорусскаго, одинаково возводящихъ традицію своихъ литературъ къ княжескому періоду исторіи Россіи. „Въ первую эпоху господствовалъ перенесенный изъ Болгаріи мертвый церковно-славянскій языкъ съ кое-какими, довольно, впрочемъ, замѣтными мѣстными отличіями въ лексикѣ, выговорѣ и правописаніи. Это была литература,—не говоря уже объ южномъ славянствѣ,—общая для всѣхъ тогдашнихъ русскихъ племенъ, настоящая „общерусская литература“, идеалъ, къ которому стремятся нынѣшніе обруситель и централисты. Идеалъ этотъ, какъ видимъ, лежитъ не впереди, а позади насъ, въ далекомъ прошломъ, въ пыли вѣковъ, и характерно, что приблизиться къ осуществленію онъ могъ лишь на основѣ мертваго, для всѣхъ русскихъ племенъ равно чуждаго языка, какъ ни оживлялся онъ свѣжими мѣстными наслоеніями. Вторая эпоха характеризуется дифференціаціей письменности въ этомъ отношеніи: крѣпнетъ національный элементъ въ языкѣ, и письменность, ранѣе общая для всѣхъ, разбивается теперь на юго-западную (украинско-бѣлорусскую) и сѣверно-восточную (великорусскую). Та письменность этой эпохи, которую мы имѣемъ право внести въ нашу (украинскую) исторію, является теперь общей лишь юго-западнымъ русскимъ племенамъ, т. е. украинскому и бѣлорусскому, и обоимъ этимъ племенамъ она ближе и роднѣе, чѣмъ старая письменность. Наконецъ, третья эпоха характеризуется уже подлиннымъ народнымъ языкомъ въ письменности, а потому и окончательной ея дифференціаціей, соотвѣтственно племеннымъ группамъ: въ данную эпоху мы имѣемъ на лицо три литературы, какъ и три народа: ве-

ликорусскую, украинскую и бѣлорусскую". Характеристика, данная С. Ефремовымъ, не является новостью для ученыхъ изслѣдователей, но она представляетъ значительный интересъ для широкихъ круговъ читателей, въ средѣ которыхъ господствуетъ донынѣ давно оставленная учеными изслѣдователями школьная традиція о національномъ тождествѣ всѣхъ русскихъ племенъ и о единой русской литературѣ. Книга С. Ефремова, безъ сомнѣнія, является цѣннымъ вкладомъ въ украинскую науку. Цѣльныя и сжатыя характеристики эпохъ, направленій и отдѣльныхъ писателей, изложеніе, проникнутое одной идеей, идеей плодотворной и жизненной, придаютъ этой книгѣ значеніе документа, опредѣляющаго извѣстный уровень національнаго сознанія. Книга г. Ефремова по своему содержанію шире ея заглавія: ознакомившись съ нею, читатель ознакомится не только съ исторіей украинской литературы, но и съ національнымъ возрожденіемъ украинскаго народа вообще.

Книга С. Ефремова издана авторомъ на украинскомъ языкѣ. Было бы весьма желательнымъ и полезнымъ изданіе ея, быть можетъ—въ нѣсколько переработанномъ видѣ, и на языкѣ русскомъ. Очеркъ украинской литературы въ извѣстной книгѣ Пыпина и Спасовича: „Исторія славянскихъ литературъ" устарѣлъ, и къ тому же сама книга давно стала библіографической рѣдкостью; устарѣли также и работы проф. Петрова и Дашкевича, посвященныя этому вопросу.—М. Славинскій.

— Б. А. Тураевъ, проф. Спб. университета. Исторія древняго Востока. Часть I. С.-Петербургъ, 1911 г.

До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было курса исторіи древняго Востока, резюмирующаго современныя научныя данныя и грандіозныя открытія послѣднихъ лѣтъ. Переводныя сочиненія Ленормана, Масперо, Гоммеля, Бецольда, Биссинга частью устарѣли, частью носятъ слишкомъ общій характеръ; популяризаціи г-жи Рагозиной предназначены преимущественно для учащихся въ средней школѣ. И потому можно горячо привѣтствовать появленіе русскаго оригинальнаго труда по исторіи Востока, составленнаго такимъ крупнымъ спеціалистомъ, какъ проф. Б. А. Тураевъ, давно пользующійся заслуженной популярностью и въ Россіи и на Западѣ. Въ новомъ своемъ трудѣ онъ выступаетъ съ общимъ построеніемъ исторіи древняго Востока. Всѣ отличительныя черты автора ярко выразились въ этомъ трудѣ: обширное и глубокое знаніе первоисточниковъ, исчерпывающая начитанность въ литературѣ предмета, детальный анализъ мельчайшихъ данныхъ, осторожное и строго-провѣренное общее построеніе, выдержанность и точность метода. Съ воодушевленіемъ говоря о великихъ завоеваніяхъ послѣдняго времени, проф. Тураевъ одинаково отрицательно относится къ скоро-

спѣлымъ обобщеніямъ модернистскаго пошиба и къ столь моднымъ еще недавно „панвавилонскимъ откровеніямъ“. Большую цѣнность книгѣ придаютъ многочисленные отрывки изъ первоисточниковъ, приводимые въ образцовомъ переводѣ и подвергнутые мастерскому разбору.

Начинается курсъ главой, посвященной обзору источниковъ по исторіи древняго Востока. Эта глава, какъ и послѣдующая—увлекательно написанная „Исторія науки“,—служатъ великолѣпнымъ введеніемъ въ изученіе судебъ древняго Востока. Глава о хронологіи представляется нѣсколько сжатой и конспективной; въ виду сложности и трудности вопроса было бы желательно нѣкоторое расширеніе ея и разъясненіе. Прекрасно составленная глава объ этнографіи древняго Востока заключаетъ рядъ главъ вводнаго характера. Первый отдѣлъ книги трактуетъ о Сеннаарско-египетской эпохѣ, открываясь характеристикой древнѣйшихъ сумерійскихъ государствъ. Сумерійскій періодъ, вторженіе семитовъ, древнѣйшія судьбы Вавилона — все это представлено прекрасно; особенно хороша глава о Вавилонѣ и Хаммураби, гдѣ данъ образцовый анализъ знаменитаго законодательнаго памятника — древнѣйшаго кодекса. Обильно иллюстрирована текстами изъ источниковъ глава о вавилонской религіи и культурѣ; здѣсь въ ясной и доступной формѣ изложено все то установленное и достовѣрное, что является результатомъ новѣйшихъ открытій въ области культуръ Междурѣчья. Придавая большое значеніе вавилонской культурѣ и ея вліяніямъ, авторъ, однако, предостерегаетъ отъ крайнихъ увлеченій. Архаическій Египетъ представленъ въ книгѣ не особенно подробно; здѣсь авторъ напрасно нѣсколько сжимаетъ изложеніе; археологическія открытія въ области египетской преисторіи захватывающе интересны. Глава о древнемъ царствѣ составлена зато чрезвычайно подробно и обстоятельно; особенно много мѣста удѣлено религіознымъ представленіемъ египтянъ. Такой же полнотой отличаются главы о переходномъ времени и о среднемъ царствѣ; весьма любопытна по подобранному матеріалу глава о религіи и литературѣ въ эпоху средняго царства. „Гиксосы“ замыкаютъ этотъ отдѣлъ. Второй отдѣлъ посвященъ эпохѣ египетскаго преобладанія, едва ли не самому интересному и богатому событіями періоду древней исторіи Востока. Могучее движеніе фараоновъ-завоевателей въ переднюю Азію и въ глубины Африки, образованіе обширной державы, съ извѣстнымъ приближеніемъ къ типу всемірной монархіи, новыя миграціи азіатскихъ насельниковъ, кризисъ завоевательной политики Египта — все это въ связи, съ замѣчательнѣйшими данными открытыхъ источниковъ (переписка Эль-Амарна) представляетъ исключительный интересъ. Искусно комбинируя характернѣйшія данныя первоисточниковъ, проф. Тураевъ въ рядѣ главъ рисуетъ основные

моменты этого періода. Соотвѣтствующее мѣсто удѣлено и великимъ воинамъ—фараонамъ Тутмосамъ—и женщинѣ на священномъ престолѣ фараоновъ—царицѣ Хатшенсутъ, а также своеобразному реформатору-творцу религіознаго возрожденія, Аменхотепу IV (Ехпатону). Главы о хеттахъ, о Рамессидахъ и о состояніи Египта въ эпоху XIX и XX династій замыкаютъ первую часть курса; здѣсь слѣдуетъ отмѣтить свѣжесть и новизну данныхъ о хеттахъ (открытія Винклера въ Богазкеоѣ) и страницы, посвященныя соціальному и экономическому укладу Египта эпохи XIX и XX династій.—И. Бороздинъ.

— А. А. Евдокимовъ. Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Харьковъ, 1911.

— Н. Макаровъ. Новая кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ и картофеле-крахмальное производство. Кострома, 1911.

Время послѣ освободительнаго движенія характеризуется у насъ широкимъ стремленіемъ трудящихся классовъ къ организаціи съ хозяйственными цѣлями вообще и къ устройству въ деревнѣ разнаго рода кооперативныхъ предпріятій въ частности. Двѣ вышеназванныя книжки —не касаясь вопроса о политическихъ возбудителяхъ даннаго движенія—посвящены именно тѣмъ видамъ и случаямъ сельско-хозяйственной коопераціи, которые объявились преимущественно въ послѣдніе годы. Г. Евдокимовъ приводитъ справку о новомъ, весьма важномъ явленіи въ области сельско-хозяйственной коопераціи—объ организаціи кооперативнаго сбыта продуктовъ земледѣлія и технической ихъ переработки и разсматриваетъ экономическія условія, вызывающія такую кооперацію и содѣйствующія ея распространенію; г. Макаровъ производитъ статистическое изслѣдованіе эволюціи крестьянскаго хозяйства въ ограниченномъ раіонѣ Костромской губ., сбыта главнаго его продукта—картофеля и технической его переработки, естественно клонившихъ дѣло къ тому, чтобы оно приняло кооперативную форму. Прошло уже то время, когда кооперація разсматривалась исключительно какъ средство избавленія производителя отъ эксплуатаціи ростовщика, торговца и т. п. Въ настоящее время и по своему происхожденію, и по результатамъ, она тѣсно связана съ усовершенствованіемъ самаго хозяйства. Въ работахъ обоихъ авторовъ эта сторона вопроса не оставлена безъ вниманія. И хотя одна изъ разсматриваемыхъ книгъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ общій характеръ, а другая посвящена частному предмету и очень ограниченному раіону, но такъ какъ въ этомъ частномъ случаѣ проявляются общіе законы, то заключенія обоихъ авторовъ во многомъ сходятся между собою.

Г. Евдокимовъ начинаетъ свою книгу съ разъясненія того, почему

систематическія попытки сельско-хозяйственной коопераціи вообще и кооперативной организаціи сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній въ частности появились лишь въ послѣднее время, съ разрушеніемъ натуральнаго крестьянскаго хозяйства, съ разореніемъ, подъ вліяніемъ новыхъ хозяйственныхъ условій, сельскаго населенія и съ порабощеніемъ его посредниками по сбыту сельско-хозяйственныхъ произведеній, при чемъ торговое посредничество въ его господствующихъ формахъ уже „исполнило свою миссію агента, подчиняющаго деревню новымъ условіямъ денежнаго хозяйства... и обрисовывается какъ тормазъ для хозяйственнаго прогресса націи". Выходъ изъ такого положенія торговли намѣчается въ двухъ направленіяхъ: захвата посредническихъ операцій синдицированными русскими и иностранными капиталами и „вмѣшательства въ дѣло посредничества по сбыту муниципалитетовъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ и другихъ общественныхъ учрежденій". „Но коренная реформа въ дѣлѣ сбыта возможна лишь при условіи объединенія непосредственныхъ производителей продуктовъ". Такое объединеніе, однако, представляется пока „лишь первымъ шагомъ общественной иниціативы въ этой области", и за исключеніемъ немногихъ сельско-хозяйственныхъ отраслей, не опредѣлились даже формы организаціи, наилучше удовлетворяющія поставленной цѣли.

Небольшое, но содержательное статистическое изслѣдованіе г. Макарова касается условій и результатовъ кооперативной переработки картофеля въ крахмальную муку въ данномъ раіонѣ вообще и по отношенію къ хозяйственнымъ интересамъ различныхъ группъ крестьянъ въ частности. Недавно появившіеся въ Костромской губ. артельные крахмальные заводы интересуютъ автора не только потому, что представляютъ новое явленіе въ области сельско-хозяйственной коопераціи, но и потому, что удачное разрѣшеніе даннаго вопроса имѣетъ важное значеніе для многихъ губерній со сходными хозяйственными условіями. Новая кооперація, возникшая въ Костромской губерніи, „представляетъ интересъ, далеко выходящій за предѣлы даннаго небольшого раіона". Съ экономической стороны г. Макаровъ, какъ и г. Евдокимовъ, ставитъ развитіе данной коопераціи въ зависимость отъ усилившейся эксплуатаціи поставщиковъ картофеля скупщиками его — крахмальными заводчиками, послѣ того какъ переработка картофеля въ крахмалъ изъ стадіи кустарнаго промысла перешла на ступень чисто капиталистическаго производства. При этомъ выясняется то интересное обстоятельство, что какими бы мотивами ни вызывался обмѣръ крестьянъ при поставкѣ на заводы картофеля, выгоды отъ такого обмѣра не сохранились въ рукахъ крахмальныхъ заводчиковъ, а достались паточнымъ заводамъ, покупав

шимъ ихъ муку. При сложившихся такимъ образомъ условіяхъ, обмѣръ при пріемѣ картофеля становится необходимымъ условіемъ крахмальнаго производства, отъ котораго на первыхъ порахъ не могло отступить и кооперативное предпріятіе, постаравшееся лишь урегулировать это злоупотребленіе. Въ книжкѣ г. Макарова не имѣется свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ отнятой у крестьянина части его дохода. Но еслибы оказалось, что паточный заводъ вынужденъ былъ конкуренціей передать его потребителю, то мы имѣли бы здѣсь повтореніе случая, наблюдаемаго, напр., въ конфекціонной промышленности и заслуживающаго бо̀льшаго вниманія ученыхъ, чѣмъ то, какое ему отдается—случая выжиманія изъ трудящихся пота для того, чтобы удовлетворить стремленіе потребителя къ возможному пониженію цѣны покупаемыхъ имъ предметовъ.—В. В.

Ф. М. Блюменталь. Общественная борьба съ туберкулезомъ въ Западной Европѣ и Америкѣ. Часть первая (Германія, Англія, Франція и Бельгія). Изданіе второе. Москва, 1911 г.

Въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ интересъ къ туберкулезу, какъ къ народной болѣзни, и къ общественнымъ мѣрамъ борьбы съ нею значительно увеличился, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ повсемѣстный успѣхъ, выпавшій недавно на долю „праздника бѣлаго цвѣтка". И съ этой точки зрѣнія появленіе новаго, значительно дополненнаго изданія интересной книги д-ра Ф. М. Блюменталя представляется чрезвычайно цѣннымъ.

Д-ръ Блюменталь — одинъ изъ первыхъ и усерднѣйшихъ у насъ популяризаторовъ крестоваго похода противъ „современной чумы"— туберкулеза. Его обширныя и единственныя въ своемъ родѣ коллекціи по данному вопросу уже много разъ были предметомъ выставокъ при съѣздахъ врачей, да и помимо съѣздовъ показывались во многихъ городахъ Россіи. Не довольствуясь собираніемъ коллекцій, д-ръ Блюменталь объѣздилъ чуть ли не всю Европу для ознакомленія съ постановкой дѣла борьбы съ туберкулезомъ на мѣстахъ. Вотъ почему книга его, посвященная этому вопросу, пользуется успѣхомъ не только у насъ, но и за границей.

Въ вышедшей первой части книги по справедливости больше всего мѣста и вниманія удѣлено Германіи, которой принадлежитъ пальма первенства въ дѣлѣ веденія планомѣрной борьбы съ туберкулезомъ. Германіи принадлежитъ честь созданія и научной разработки гигіено-діэтетическаго способа лѣченія чахотки; ей же удалось, благодаря закону объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ болѣзни и инвалидности, сдѣлать этотъ способъ доступнымъ для широкихъ массъ населенія.

Въ книгѣ Блюменталя читатели найдутъ точныя свѣдѣнія обо всѣхъ многочисленныхъ организаціяхъ, занятыхъ борьбой съ туберкулезомъ въ Германіи, о мѣрахъ, принимаемыхъ ими для распространенія правильныхъ представленій объ этой болѣзни, о больничныхъ кассахъ и страховыхъ учрежденіяхъ, объ отношеніи къ этому дѣлу общинъ, отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, общеимперскаго правительства, работодателей и т. д., спеціальныя свѣдѣнія о борьбѣ съ туберкулезомъ дѣтей, туберкулезомъ въ арміи и, наконецъ, данныя о степени распространенности туберкулеза и о результатахъ, достигаемыхъ разными способами борьбы съ нимъ. Такъ какъ связь между жилищами и чахоткой твердо установлена, д-ръ Блюменталь считаетъ нужнымъ посвятить хотя краткую главу вопросу о мѣрахъ, принимаемыхъ въ Германіи по улучшенію жилищныхъ условій населенія. Англія, сравнительно лишь недавно присоединившаяся ко всеобщему движенію противъ туберкулеза, начала, однако, одерживать надъ нимъ побѣду раньше другихъ, благодаря тѣмъ общимъ и широкимъ санитарнымъ мѣропріятіямъ, которыя проводятся тамъ еще съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ законодательномъ порядкѣ. Рядомъ съ улучшеніемъ общихъ условій жизни населенія и, въ частности, жилищныхъ условій шло и продолжаетъ идти прогрессивное уменьшеніе смертности отъ туберкулеза. Увлеченная общимъ потокомъ, Англія въ послѣднее время создаетъ у себя и спеціальныя учрежденія по борьбѣ съ туберкулезомъ. Франція и Бельгія, благодаря своему сосѣдству и сходству многихъ бытовыхъ и соціальныхъ условій, ведутъ борьбу съ туберкулезомъ почти по одному и тому же плану: на ряду съ пропагандой противотуберкулезныхъ идей идетъ созданіе большого количества санаторій, амбулаторій, пріютовъ для отдыха и т. д.

Для насъ, только теперь присоединяющихся къ общеевропейскому движенію противъ туберкулеза, подробныя практическія свѣдѣнія, сообщаемыя книгой д-ра Блюменталя, представляютъ исключительный интересъ. Доходъ отъ продажи книги поступаетъ въ пользу амбулаторіи Тульскаго общества борьбы съ туберкулезомъ.—В. Б—ъ.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги:

Богольповъ, М. И. и *Соболевъ*, М. Н. — Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиція въ Монголію 1910-го года. Томскъ, 1911 г. Цѣна 4 р.

Вейхельтъ, К. О., *Коваленскій*, М. Н., *Петрушевскій*, В. А., и *Улановъ*, В. Я. — Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ. Москва, 1911 г. Цѣна 55 коп.

Войничъ-Саноженскій, А. А. — Въ страданіяхъ — Богъ... Цѣпи — святыня. Вып. I. Спб., 1911 г. Цѣна 5 коп.

Грюнбергъ, Ю. К. — Новое о „606“, о его дѣйствіи и примѣненіи при сифилисѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

Д'Аннунціо, Габріэле.—Собраніе сочиненій, Т. II. Франческа да Римини. Пер. Валерія Брюсова и Вячеслава Иванова. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Езерскій, Ѳ. В.—Нравственность, ея природа, развитіе, упадокъ. I. Семья. Москва, 1911 г.

Закржевскій, Александръ. — Сверхчеловѣкъ надъ бездной. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Игорь-Сѣверянинъ. — Ручьи въ лиліяхъ. Поэзы. Пятая тетрадь третьяго тома. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Кисель, А. А.—Черноморское побережье Кавказа ранней весной. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Клочковъ, М.—Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Томъ первый. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб., 1911 г.

Курчинскій, М. А.—Городскіе финансы. Эволюція налоговой системы въ городахъ Пруссіи въ концѣ XIX-го и началѣ XX-го вѣка. Спб., 1911. Цѣна 3 р.

Мопассанъ-де, Гюи.—Полное собраніе сочиненій. Т. XXIII. На водѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Новгородцевъ, П. И. и *Покровскій*, I. А.—О правѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюды. Спб., 1911 г.

Ольховскій, В. А.—Курсъ алгебры. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Оффнеръ, Максъ.—Умственное утомленіе. Пер. съ нѣм. Ф. Э. Кнопъ, подъ ред. А. П. Нечаева, съ предисловіемъ и дополненіемъ автора къ русскому изданію. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Панюринъ, Г.—Для дѣтей. Разсказы и сказки. Вып. III. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Родниковъ, В.—Какъ выработать убѣжденія. Москва, 1911 г.

Семеновъ, М. Н.—Птицеводство въ Полѣсьѣ. Мозырь, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Сюлли-Прюдомъ въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Фаусекъ, В.—Великій гражданинъ Александръ Ивановичъ Герценъ и его участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Чернышевъ, В. — Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики. Спб, 1911 г. Цѣна 1 р. 70 коп.

— Въ помощь семьѣ и школѣ. Составили К. Н. Бахтинъ, Е. С. Дедюлинъ, М. В. Новорусскій, Л. Г. Оршанскій и В. В. Рахмановъ. Подъ общей ред. А. П. Нечаева. Москва, 1911 г.

— Для крестьянина. Сборникъ статей и свѣдѣній, полезныхъ въ деревенскомъ обиходѣ. Въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Воронежъ, 1911 г. Цѣна 35 коп.

— Изданія „Посредника“. № 2. Л. Н. Толстой. Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. № 8. Спасенный и др. разсказы. № 60. А. С. Пушкинъ. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. № 130. В. К. Трутовская. Дурная болѣзнь, или сифилисъ. № 187. И. З. Суриковъ. Дѣтскіе годы. № 234. Маленькій оборвышъ. По Гринвуду изл. В. Лукьянская. № 559. Ѳ. Поступаевъ. Дитя нужды. № 581. Л. Н. Толстой. Три старца. Кающійся грѣшникъ. № 693. Ив. Наживинъ. Подъ властью звѣря. № 835. Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшаго. № 837. Добрая душа. По Ф. Коппе изл. Е. Б. № 838. Ф. Коппе. Свѣтлый день. № 842. Сивка. По Гюи Мопассану. Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Книжка 15. Какъ дѣлаютъ посуду глиняную и фарфоровую. Книжка 61-ая. С. Т. Семеновъ. Крестьянскія бѣды. „Маякъ“, № 5. „Свободное воспитаніе“, № 9.

— Историческій обзоръ 25-тилѣтней дѣятельности кишиневскаго общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ. Кишиневъ. 1911 г.

— Исторія нашего времени. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 4. Изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Москва, 1911 г.

— Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1911—1912 акад. годъ. Годъ 4-ый. Москва, 1911 г.

— Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Отчетъ Спб. столичнаго мирового судьи В. А. Окунева за 1910 годъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

— Отчетъ дѣятельности библіотекъ по Сибирской жел. д. за 1899—1910 г. Сост. К. Н. Васьковъ. Томскъ, 1911 г.

— Отчетъ отдѣла промышленности м-ва торговли и промышленности за 1910 годъ. Спб., 1911 г.

— Первая Россійская Сергіевская школа трезвости. Спб., 1911 г.

— Политика Аристотеля. Перев. С. А. Жебелева. Москва, 1911 г. Цѣна 3 р.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1910 годъ. Спб., 1911 г.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питій за 1910 годъ. Спб., 1911 г.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1909 годъ. Херсонъ, 1911 г.

— Сѣверные цвѣты на 1911 годъ, собранные книгоиздательствомъ „Скорпіонъ". Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Энциклопедическій словарь. 7-ое совершенно-переработанное изданіе подъ ред. В. Я. Желѣзнова. М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева. Томъ 7-ой, Брюгге-Варъ. Изд. т-ва „бр. А. и И. Гранатъ и К°". Москва, 1911 г.

— Записки наукового товариства імени Шевченко. Т. CIII, кн. III. У Львові, 1911 р.

— Земледѣлска статистика (Посѣви и реколта за 1909 година). София, 1911. Цѣна 2 лева.

XV АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ НОВГОРОДѢ

Послѣ цѣлаго ряда южныхъ съѣздовъ, очередной XV-ый всероссійскій археологическій съѣздъ состоялся въ Новгородѣ. Далеко еще не все достаточно изучено на югѣ, наши классическія древности ожидаютъ своего спеціальнаго съѣзда (какъ ожидаетъ его и нашъ средне-азіатскій Востокъ); но обслѣдованіе нашей сѣверной старины давно уже нуждается въ большей интенсивности и систематичности. Выборъ Новгорода мѣстомъ сѣвернаго съѣзда нельзя не признать удачнымъ; въ былыя времена господинъ великій Новгородъ являлся центромъ русскаго сѣвера, широко распространяя свою колонизаціонную дѣятельность. Цѣлый отдѣлъ исторіи древне-русскаго искусства связанъ съ Новгородомъ и съ новгородскими храмами. Нако-

нецъ, за Новгородомъ и старинныя взаимоотношенія Руси и Запада—Европы скандинавскихъ викинговъ и Европы ганзейскихъ купцовъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы возлагавшіяся на съѣздъ надежды оправдались вполнѣ; многое, нуждающееся въ освѣщеніи или въ пересмотрѣ, было оставлено безъ вниманія, многое совсѣмъ не было затронуто. За три года, истекшіе со времени послѣдняго—Черниговскаго—археологическаго съѣзда, подготовительныхъ работъ было сдѣлано сравнительно мало, что объясняется отчасти скудостью мѣстныхъ силъ. Несмотря на указанія Московскаго Археологическаго Общества, не было подготовлено ни одной археологической раскопки; пріѣхавшимъ на съѣздъ скандинавскимъ ученымъ-спеціалистамъ по первобытной археологіи пришлось на слово вѣрить въ драгоцѣнные памятники Новгородской преисторіи. Попытку пробной раскопки въ Коломцахъ (гдѣ поднимался любопытный вопросъ о подледниковомъ слоѣ) пришлось дѣлать чуть не по горло въ водѣ. Если совершенно отсутствовала практическая работа въ области древностей первобытныхъ, то не всегда и менѣе древніе, болѣе доступные памятники находились въ удовлетворительномъ состояніи; достаточно сказать, что всѣхъ пріѣхавшихъ археологовъ поразило запустѣнье и неприглядное состояніе знаменитаго Новгородскаго Кремля. Этотъ же недостатокъ предварительной работы по обслѣдованію мѣстныхъ древностей сказался и въ рефератахъ; изъ 90 прочитанныхъ докладовъ лишь 36 такъ или иначе касались Новгородской окраины.

Не смотря на неблагопріятныя условія, работа Новгородскаго археологическаго съѣзда оказалась плодотворной и интенсивной. Вѣдь если, по словамъ поэта „Новгородъ Великій тихо опочилъ“, то и въ сонной дремѣ производятъ сильное и незабываемое впечатлѣніе его древніе памятники. Кремлевскія стѣны, соборъ Св. Софіи, Спасо-Нередицкая церковь, церковь Ѳедора Стратилата, Варлаамо-Хутынскій монастырь, Волотовская церковь и многое другое—все это ярко и краснорѣчиво свѣдѣтельствуетъ о быломъ величіи. Нельзя не любоваться Св. Софіей — этимъ замѣчательнымъ памятникомъ искусства; пусть даже совершенно обезображена она позднѣйшей варварской мазней, но высится грозный и скорбный ликъ Бога-Вседержителя, выдѣляются двѣ древнія фрески и былой красотой чаруетъ внѣшній обликъ. Благодаря упорной и осторожной работѣ выявляются замѣчательныя фрески церкви Ѳедора Стратилата (о фрескахъ и объ открытіи ихъ на съѣздѣ читалъ докладъ г. Анисимовъ). Надо ли говорить о Спасо-Нередицкой церкви и ея фрескахъ, единственномъ въ своемъ родѣ памятникѣ древне-русскаго искусства XII-го вѣка? Много споровъ вызываютъ только способы промывки Спасо-Нередицкихъ фресокъ, примѣняемые молодыми петербургскими учеными. Въ стильномъ Варлаамо-Хутын-

скомъ монастырѣ большой культурно-историческій интересъ представляетъ икона, изображающая видѣніе діакона Тарасія (на этой иконѣ изображенъ весь древній Новгородъ). Какъ отличается отъ этихъ старинныхъ храмовъ Юрьевскій монастырь—созданіе Фотія и графини Орловой! Въ пышныхъ сводахъ храма, надъ усыпальницей, такъ и вѣетъ духомъ мрачнаго фанатика-реакціонера. На ряду съ памятниками на мѣстахъ интересъ представляли выставки и коллекціи музея; особенно церковная выставка въ архіерейскомъ домѣ, съ цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ экспонатовъ. На выставкѣ въ дворянскомъ собраніи обращали вниманіе серіи фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ по предложенію Московскаго Археологическаго Общества и знакомящихъ съ интереснѣйшими образцами церковной архитектуры и живописи, таящимися въ захолустныхъ уголкахъ новгородской епархіи. Въ мѣстномъ музеѣ, помѣщающемся въ одной изъ Кремлевскихъ башенъ, опять-таки всего лучше и полнѣе представленъ церковный отдѣлъ.

Съѣздъ былъ чрезвычайно многолюденъ (около 450 членовъ), украшенъ присутствіемъ многихъ крупныхъ ученыхъ силъ и обиленъ рефератами. Ученая работа шла по отдѣленіямъ; въ иные дни приходилось въ день по 5—6 засѣданій (параллельныхъ), съ нѣсколькими рефератами каждое. Въ отдѣленіи первобытныхъ древностей особый интересъ представили доклады шведскихъ археологовъ: проф. Арне—о сношеніяхъ Швеціи съ Россіей въ эпоху викинговъ, проф. Гольштрема—о каменномъ вѣкѣ у Бѣлаго моря и Онежскаго озера (съ любопытнѣйшими демонстраціями первобытныхъ рисунковъ — писаницъ) и проф. Альшгрена—о каменномъ вѣкѣ у Балтійскаго моря. Нѣсколько парадоксаленъ былъ докладъ Кенигсбергскаго проф. Бецценбергера, читавшаго о взаимоотношеніяхъ Кавказа и восточной Пруссіи. Изъ русскихъ докладовъ въ этомъ отдѣленіи выдаются доклады г. Колмогорова о Тихвинскихъ курганахъ и г. Аничкова о жальникахъ. Въ интенсивно работавшей секціи древностей юридическихъ и бытовыхъ особенное вниманіе возбудили глубокая, вдумчивая рѣчь о Ключевскомъ предсѣдателя отдѣленія, академика Лаппо-Данилевскаго, блестящій докладъ проф. Багалѣя о городскомъ самоуправленіи въ лѣвобережной Украйнѣ, цѣнные рефераты проф. Зигеля о видахъ древнѣйшаго земельнаго владѣнія у славянъ и о понятіяхъ преступленія и наказанія въ древне-славянскомъ правѣ, докладъ проф. Данилевича о приказѣ Великой Россіи, докладъ проф. Гаусмана о дворѣ Св. Петра въ Новгородѣ, докладъ архіепископа Арсенія о сношеніяхъ Новгорода и Пскова съ южными славянами. Въ отдѣленіяхъ памятниковъ искусствъ и памятниковъ церковной старины доклады были посвящены, главнымъ образомъ, мѣстнымъ памятникамъ искусствъ. Интересенъ былъ докладъ проф. Покровскаго объ іерусалимахъ и сіонахъ

изъ Софійской ризницы; оживленныя пренія вызвало сообщеніе Новгородскаго владыки о печальномъ положеніи Св. Софіи послѣ реставраціи; нѣсколько особнякомъ стоялъ докладъ вѣнскаго профессора Стриговскаго, прочитанный одною изъ его учениць и трактующій о новѣйшихъ открытіяхъ въ области средне-азіатскаго искусства. Въ единственномъ засѣданіи классическаго отдѣленія великолѣпный докладъ о жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ Черноморскаго побережья сдѣлалъ фонъ-Штернъ, теперь уже гость нашъ (онъ состоитъ профессоромъ въ Галле); на основаніи добытыхъ при раскопкахъ дѣтскихъ игрушекъ и азбуковниковъ референтъ нарисовалъ мастерскую картину жизни греческаго ребенка до-школьнаго періода. Въ отдѣленіи памятниковъ письменности и литературы можно отмѣтить рѣчь проф. Шляпкина о разработкѣ Новгородскаго фольклора и доклады гг. Долгова, Тарабрина, Е. Аничкова. Изъ докладовъ другихъ секцій и общихъ собраній заслуживаютъ упоминанія доклады проф. Линниченко о поддѣлкѣ древностей и г. Трутовскаго о ногатѣ. Немало было на съѣздѣ диллетантскихъ и чисто-ученическихъ упражненій, къ наукѣ имѣвшихъ очень отдаленное отношеніе. Ученый комитетъ съѣзда недостаточно строго отнесся къ подбору рефератовъ и не всегда въ должное русло были направлены пренія, уклонявшіяся отъ чисто-научныхъ основъ.

И. Бороздинъ.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Начало учебнаго года. — Бесѣда г. Кассо съ иностраннымъ корреспондентомъ. — Напрасные споры и резолюціи.—Судьба родительскихъ организацій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Упраздненіе организацій въ порядкѣ циркуляра и „въ соотвѣтствіе“ съ указаніями опыта.—Какъ „карабкаются вверхъ“ сверхпатріоты.—Н. М. Соколовскій, П. М. Романовъ, Кн. Д. Н. Цертелевъ и В. В. Гофманъ †.

Какъ ни многострадальна русская школа, но давно она не начинала учебнаго года въ условіяхъ, подобныхъ нынѣшнимъ. Высшая школа приступаетъ къ занятіямъ, имѣя позади разгромъ профессорскаго состава московскаго университета и состава учащихся женскаго медицинскаго института. Кромѣ того, въ ближайшемъ прошломъ каждаго высшаго учебнаго заведенія—десятки и сотни сосланныхъ, арестованныхъ или просто, безъ охраннаго придатка, исключенныхъ студентовъ. Г. Пермиловскій подсчиталъ, что успокоеніе высшей школы куплено цѣною семи тысячъ пострадавшихъ. Эта цифра осно-

вана на газетныхъ данныхъ и потому, конечно, меньше дѣйствительной, но ни въ какомъ случаѣ не больше. Въ средней школѣ, наканунѣ ея открытія, упразднены родительскія организаціи. Непосредственное прошлое для низшей, а также для средней школы—смотръ „потѣшныхъ".

На смѣну этому прошлому, что новое раскрывается передъ школою на частью наступающій, частью наступившій, учебный годъ? Какіе предстоятъ въ школьномъ дѣлѣ реформы и эксперименты? Реформъ законодательныхъ не предстоитъ вовсе, и не о нихъ мы говоримъ. Съ ликвидаціей внутренняго смысла „обновленнаго" строя, подразумѣвать подъ реформами измѣненіе законовъ, по волѣ законодательныхъ учрежденій, приходится весьма условно, даже въ отношеніи организаціи мѣстнаго самоуправленія. Въ отношеніи же школы цѣликомъ вернулось то, съ чѣмъ школа встрѣтила „обновленіе": законъ—самъ по себѣ, а всѣ рѣшительныя и коренныя измѣненія въ жизни школы—тоже сами по себѣ. О законѣ вспоминалъ г. Шварцъ, когда это было ему удобно въ борьбѣ противъ закона же, даровавшаго университетскую автономію. А г. Кассо, за время его управленія министерствомъ, вспомнилъ лишь одинъ законъ—вѣрнѣе, „сверхзаконъ": тотъ, который, по его пониманію и по пониманію совѣта министровъ, безгранично и во всемъ раздвигаетъ рамки министерской власти. Для измѣненій въ ходѣ учебной жизни—а порою и въ ея постановкѣ—издавна существовали циркуляры и правительственныя сообщенія. Какъ продуктъ „обновленнаго" строя, сюда прибавились оповѣщенія „Освѣдомительнаго бюро" и личный починъ мѣстныхъ представителей учебной и обще-административной власти, съумѣвшихъ угадать „желанія" въ самый важный и нужный моментъ,—когда „желанія" еще только нарождаются и имъ не хватаетъ примѣра и опыта. Что же можетъ и должна ждать для себя школа въ нынѣшнемъ учебномъ году, въ порядкѣ циркуляровъ, сообщеній и личнаго почина гг. Толмачевыхъ и Луцкевичей?

Оффиціальныя сообщенія, касающіяся профессоровъ и слушательницъ женскаго медицинскаго института, мотивировка отказа министерства удовлетворить ходатайство совѣта петербургскаго университета объ ускореніи пересмотра дѣлъ, касающихся увольненія студентовъ, бесѣда г. Кассо съ корреспондентомъ „Neues Wiener Tageblatt" и все то, чѣмъ былъ окруженъ смотръ „потѣшныхъ",—даютъ возможность, если не исчерпывающаго, то достаточно полнаго отвѣта на поставленный вопросъ.

Школа всѣхъ типовъ должна ждать самаго страстнаго насажденія политики. „Моя сокровенная цѣль,—говорилъ г. Кассо иностранному корреспонденту,—достиженіе которой я намѣтилъ себѣ, когда всту-

палъ въ управленіе министерствомъ, весьма простая: изгнать забастовку изъ высшихъ школъ,—искоренить политическіе ростки въ университетахъ". И изъ буквальнаго смысла приведенной цитаты ясно видно, что подъ искорененіемъ „политическихъ ростковъ изъ университетовъ" г. Кассо разумѣетъ „изгнаніе забастовки", т.-е. что недопустимою въ университетахъ политикою онъ считаетъ лишь политику слѣва. Если же сопоставить эти его слова со ссылкою на московскій, такъ называемый катковскій лицей, гдѣ онъ былъ директоромъ и который онъ противопоставляетъ университетамъ, и если вспомнить постоянныя подчеркиванія казенныхъ и добровольныхъ интерпретаторовъ министерскихъ мыслей, то падутъ послѣднія сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Отъ принципа: „школа, въ лицѣ учащихъ и учащихся, должна стоять внѣ политики"—современная правящая Россія категорически отказалась. Школа, напротивъ, вся цѣликомъ—и въ отношеніи преподаванія, и въ отношеніи пріемовъ воспитанія дѣтей, юношей и университетской молодежи,—должна быть проникнута политикой. Каждый шагъ ея жизни долженъ быть подчиненъ политической тенденціи, — конечно, скажемъ отъ себя, той, которая въ данный моментъ торжествуетъ и торжество которой правящая власть мечтаетъ закрѣпить навѣки. А потому слова г. Кассо, что его „сокровенная цѣль"—„искоренить политическіе ростки въ университетахъ", мы, русскіе, хорошо знаемъ, какъ надо понимать. Ихъ истинный смыслъ въ томъ, что „сокровенная цѣль"—искоренить лѣвые политическіе ростки путемъ насажденія правыхъ. И къ попыткамъ осуществленія этой цѣли школа въ настоящій моментъ подведена вплотную. Какъ средства радикальныя, для низшей и средней школы вырисовались „потѣшные" и полное устраненіе общественнаго воздѣйствія, для высшей—обращеніе студентовъ въ гимназистовъ, которыхъ „можно будетъ крѣпко держать въ рукахъ", и созданіе особаго типа профессоровъ-чиновниковъ изъ „достойныхъ" студентовъ, приготовленныхъ въ заграничныхъ семинаріяхъ.

Но, будучи средствами радикальными, два послѣднія лишь въ отдаленномъ будущемъ могутъ оказать свое „оздоровительное" дѣйствіе на высшую школу. Г. Кассо это сознаетъ и на предстоящій годъ университетской жизни съ неменьшей ясностью обрисовались одинаково рѣшительныя мѣры палліативнаго свойства. Теоретическимъ обоснованіемъ ихъ послужилъ всегда любезный бюрократіи принципъ частно-правового найма: „я плачу деньги; мысли такъ, какъ я, и дѣлай то, что я хочу",—принципъ, въ которомъ бюрократія отождествляетъ себя съ государствомъ или, вѣрнѣе, государство съ собою. Въ откровенности признанія этого принципа, а также въ объемѣ его приложенія г. Кассо превзошелъ всѣхъ своихъ доконституціонныхъ и послѣ-

конституціонныхъ предшественниковъ. Предложеніе подать въ отставку профессорамъ женскаго медицинскаго института Левину, Тилле, Хлопину, Чистовичу, Виноградову и Савваитову было, какъ извѣстно, мотивировано въ такой формѣ, что разъ институтъ существуетъ, „главнымъ образомъ, на ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначейства", то профессора не имѣли права разсуждать, цѣлесообразно ли читать лекціи и вести клиническія занятія въ пустыхъ аудиторіяхъ и клиникахъ. „Ни въ одной странѣ, кромѣ нашей,—говорилъ г. Кассо корреспонденту „Neues Wiener Tageblatt"—нѣтъ столькихъ стипендій. Но что же мы видимъ? Тѣ самые студенты, которые изъ семестра въ семестръ бастуютъ, появляются весьма аккуратно каждое первое число въ казначействѣ, чтобы получать, какъ любой чиновникъ государства, свое жалованье. Они съ спокойной совѣстью кладутъ въ карманъ деньги того государства, съ которымъ борются". Такимъ образомъ, принципъ соблюденія обязанностей, вытекающихъ изъ договора найма, получилъ примѣненіе и къ студентамъ. При этомъ г. Кассо, повидимому, рѣшилъ вовсе игнорировать то обстоятельство, что подавляющее большинство университетскихъ стипендій образовано за счетъ пожертвованій частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, кассы которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ кассой государственнаго казначейства. Съ точки зрѣнія „энергичнаго" министра, восхищающаго своей „смѣлостью" правую печать, это, конечно, не заслуживающая вниманія подробность.

Одинаково законченное признаніе получилъ въ отношеніи высшихъ учебныхъ заведеній вытекающій изъ договора найма другой принципъ: „не хочешь посѣщать лекцій или вести фиктивныя занятія—уходи". Если въ силу послѣдовательнаго проведенія этого принципа отъ учебнаго заведенія останутся пустыя стѣны, государству,—объявилъ министръ народнаго просвѣщенія,—это безразлично. Если при массовомъ исключеніи слушателей и слушательницъ будетъ нарушена индивидуальная справедливость—задумываться надъ этимъ не стоитъ. „Когда тушатъ пожаръ, не думаютъ о разбиваемыхъ стеклахъ". Такъ оправдывалъ въ концѣ 1905-го года П. Н. Дурново разстрѣлы по ошибкѣ...

„Мы не закрыли женскій медицинскій институтъ; напротивъ, мы открыли дорогу туда тѣмъ, кто желаетъ заниматься",—говорилъ въ той же бесѣдѣ г. Кассо. Да, стѣны института не разрушены и вывѣска съ его зданія не снята. Штатъ профессоровъ—предложено подать въ отставку „только" шестерымъ—и администраціи остался, „ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначейства" сохранены. Но тѣхъ, кого институтъ въ теченіе четырехъ лѣтъ готовилъ для служенія русскому народу,—ихъ нѣтъ. Вмѣсто тысячи слишкомъ слуша-

тельницъ, на четырехъ старшихъ курсахъ института осталось 12. На томъ, для чего и во имя чего институтъ кипѣлъ научной жизнью,— однимъ росчеркомъ пера поставленъ крестъ. Институтъ возвращенъ въ положеніе, въ которомъ находился въ первый годъ существованія. Его двери какъ бы вновь впервые открываются. Въ отношеніи же всей его прошлой, тяжелой работы—онъ закрытъ. По словамъ г. Кассо, „въ женскомъ медицинскомъ институтѣ трудоспособность ослабѣвала съ каждымъ семестромъ. Результаты экзаменовъ были совершенно не серьезные. Это тоже—говорилъ министръ—одна изъ причинъ принятыхъ нами строгихъ мѣръ". Такъ ли? Что трудоспособность въ институтѣ съ каждымъ семестромъ ослабѣвала и что результаты экзаменовъ были несерьезные—слышать объ этомъ русскому обществу ранѣе не доводилось. Но допустимъ, что оцѣнка г. Кассо вѣрна. Что-же отсюда слѣдуетъ? Можно ли, въ виду паденія „трудоспособности" въ учебномъ заведеніи, исключать весь составъ учащихся? Не останется ли государство, если идти по этому пути, безъ учебныхъ заведеній, а народъ—безъ средствъ удовлетворенія его первѣйшей потребности?

Исключеніе тысячи слишкомъ слушательницъ женскаго медицинскаго института—живой урокъ всему студенчеству. Въ институтѣ не оказалось въ минувшемъ году внутренней розни. Въ немъ почти вовсе не нашлось политическихъ ростковъ академизма. Отсюда—„примѣрная" и до сихъ поръ еще безпримѣрная расправа. Укоряя совѣтъ петербургскаго университета въ томъ, что онъ „совершенно, повидимому, не интересуясь необходимой выработкой дѣйствительныхъ мѣръ для установленія надзора за учащимися и предупрежденія безпорядковъ, въ то же время озабоченъ лишь скорѣйшимъ дозволеніемъ студенческихъ сходокъ и возвращеніемъ въ университетъ лицъ, уволенныхъ за безпорядки", и повторяя свое „предложеніе озаботиться, на случай новыхъ попытокъ къ производству безпорядковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ предстоящемъ академическомъ году, принятіемъ всѣхъ мѣръ, способныхъ парализовать старанія зачинщиковъ безпорядковъ и забастовокъ",—министерство народнаго просвѣщенія никакихъ прямыхъ положительныхъ указаній совѣту не давало. Изъ этого, однако, еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы у министерства не было законченнаго сужденія о „дѣйствительныхъ" мѣрахъ для предупрежденія безпорядковъ и того представленія объ университетѣ, когда, по выраженію г. Кассо, можно признать, что университетъ „достаточно спѣлъ" для автономіи, дабы „пользоваться ею для труда и работы, а не для прогрессивнаго ухудшенія". Въ текстѣ отвѣта совѣту петербургскаго университета есть ссылка на тѣ университеты, гдѣ, „сообразуясь съ мѣстными условіями, были выработаны и приняты разныя мѣры, спо-

собствовавшія почти повсемѣстному сохраненію порядка и поддержанію правильнаго теченія учебныхъ занятій". И нетрудно догадаться, что ссылка имѣла въ виду, конечно, университетъ новороссійскій. Тамъ въ химической лабораторіи была стрѣльба. Тамъ былъ убитъ студентъ Иглицкій. Но тамъ совѣтъ профессоровъ находится въ полномъ согласіи и единеніи съ союзомъ русскаго народа и съ градоначальникомъ. Тамъ въ студенчествѣ глубоко заложены правые политическіе ростки. Тамъ „доминирующій голосъ" остался не за „устроителями и подстрекателями забастовокъ". Тамъ академисты нашли активную поддержку въ ректорѣ и секретарѣ совѣта и—правда, цѣной крови,—но все-таки обезпечили за собой побѣду. Тамъ „порядокъ" былъ сохраненъ и „правильное" теченіе учебныхъ занятій было „поддержано"... Новороссійскій университетъ и прекращеніе дѣла о студентахъ-академистахъ, стрѣлявшихъ въ товарищей—также живой урокъ, краснорѣчиво говорящій и студенчеству, и профессорамъ.

Что касается „оздоровленія" профессорскихъ совѣтовъ, то впредь до образованія заграничныхъ семинарій министерство, въ самое послѣднее время, отъ увольненія неблагонадежныхъ профессоровъ перешло къ назначенію и къ переводу въ „зараженные" неблагонадежностью столичные университеты такихъ членовъ совѣта, которые завѣрили свою достаточную „спѣлость" дла автономіи. Профессоромъ московскаго университета назначенъ одинъ изъ „истинно-русскихъ" столповъ „истинно-русской" Одессы, г. Головинъ. Что подобные переводы и назначенія вводятся въ систему—объ этомъ писалъ октябристскій „Голосъ Москвы". Газета сообщала, что г. Кассо „намѣренъ въ наступающемъ учебномъ году произвести значительныя перемѣны въ составѣ профессоровъ въ столичныхъ и провинціальныхъ университетахъ. Многіе профессора петербургскаго и московскаго университетовъ будутъ переведены въ провинціальные университеты, а на ихъ мѣста будутъ назначены молодые профессора провинціальныхъ университетовъ". „По слухамъ—прибавляла газета—однимъ изъ главныхъ мотивовъ такого перемѣщенія является желаніе болѣе равномѣрно распредѣлить научныя силы по высшимъ учебнымъ заведеніямъ". Нѣтъ основанія не довѣрять освѣдомленности органа октябристовъ, поскольку сообщеніе относится къ „намѣреніямъ" г. Кассо. Но поскольку оно объясняетъ его намѣренія, въ точномъ соотвѣтствіи воспроизводимыхъ слуховъ дѣйствительнымъ желаніямъ министра болѣе, чѣмъ позволительно сомнѣваться.

Итакъ, въ предстоящемъ академическомъ году высшую школу ожидаютъ самыя тяжелыя испытанія. Въ заключеніе бесѣды, корреспондентъ нѣмецкой газеты спросилъ г. Кассо, можно ли ожидать осенью студенческихъ безпорядковъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Министръ отвѣ-

тилъ отрицательно. Мы всегда высказывались противъ забастовокъ въ высшей школѣ и не измѣнили того взгляда, котораго держались въ бурные годы освободительнаго движенія. Не даютъ основанія для забастовки и нынѣ создавшіяся условія. Ни для кого не тайна, какой надолго непоправимый ударъ она могла бы нанести и русской наукѣ, и ряду поколѣній молодежи. Мы горячо желаемъ, чтобы академическій годъ начался и прошелъ спокойно, чтобы студенчество нашло въ себѣ силы превозмочь тяжесть испытанія. Продолжительнымъ— мы въ томъ убѣждены—оно быть не можетъ.

Въ другой политическій моментъ крупнымъ событіемъ въ жизни низшей школы былъ бы московскій съѣздъ по народному образованію. Въ канунъ введенія всеобщаго обученія передъ дѣятелями народной школы не могъ не выдвинуться цѣлый рядъ жгучихъ и больныхъ вопросовъ: о церковно-приходскихъ школахъ, о начальной школѣ повышеннаго типа, о продолжительности обученія, о подготовкѣ кадра учителей, о доступности для прошедшихъ низшую школу средняго образованія, о школахъ спеціальныхъ — техническихъ и профессіональныхъ, и т. д. Съѣздъ обсуждалъ эти вопросы и принялъ резолюціи. Но практическаго значенія резолюціи съѣзда, само собою разумѣется, имѣть не будутъ. Какъ ни фильтровали членовъ съѣзда министерство внутреннихъ дѣлъ — спеціально созданными правилами, и московская администрація—личными запретами,—все же, однако, тонъ рѣчей на съѣздѣ былъ таковъ, что даже рѣчи г. Гурко, представителя тверского земства, можно было читать въ отчетахъ безъ возмущенія.

Съѣздъ не прогремѣлъ восторгомъ по адресу „потѣшныхъ". И этого совершенно достаточно, чтобы работы съѣзда постигла судьба быть, въ лучшемъ случаѣ, сданными „къ дѣламъ" того или другого департамента. Въ „потѣшныхъ", для народной школы, въ данную минуту—все. „Безъ лести преданный" Аракчеевъ не возлагалъ такихъ надеждъ на военныя поселенія и на кантонистовъ, какія сейчасъ связываются съ „потѣшными". Энергіей въ ихъ созданіи исключительно оцѣнивается и пригодность лицъ, и пригодность для завѣдыванія школой вѣдомствъ и учрежденій. Совершенно напрасны были на съѣздѣ споры о сосредоточеніи завѣдыванія всѣмъ дѣломъ низшаго народнаго образованія въ учрежденіяхъ и органахъ министерства просвѣщенія. На смотру въ Петербургѣ школы церковныя, желѣзнодорожныя и всякія вѣдаемыя спеціальными учрежденіями были представлены гораздо полнѣе, нежели школы общаго типа. Могутъ ли возникать сомнѣнія въ томъ, что отъ церковнаго вѣдомства и отъ

вѣдомствъ спеціальныхъ брать школъ нельзя?! Къ чему заботы о подготовкѣ учителей, когда главнымъ учителемъ школы, на котораго возложено „укрѣпленіе въ дѣтяхъ религіозности, любви къ царю и отечеству и уваженія къ законности и порядку", объявленъ унтеръ-офицеръ, дѣйствующій подъ наблюденіемъ „старшаго мѣстнаго военнаго начальника"?! На съѣздѣ говорилось, что законодательныя учрежденія вынуждены будутъ считаться съ резолюціями съѣзда. Печальное утѣшеніе! Много ли считаются съ резолюціями самихъ законодательныхъ учрежденій, съ вотируемыми ими пожеланіями?

Судьба родительскихъ организацій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, получившая разрѣшеніе въ новыхъ правилахъ о родительскихъ собраніяхъ и комитетахъ, заслуживаетъ вниманія не только сама по себѣ, но и какъ симптомъ, значеніе котораго далеко выходитъ за предѣлы того, что за время ихъ недолгаго существованія сдѣлали и могли сдѣлать эти организаціи. Организаціи были созданы въ ноябрѣ 1905 г., когда, съ одной стороны, средняя школа была захвачена революціоннымъ вихремъ и учебная администрація въ безсиліи справиться съ безпорядками опустила руки, и когда, съ другой стороны, идея общественности и вѣра въ общественныя творческія силы только что получила признаніе въ манифестѣ 17-го октября. Разладъ между семьей и школой былъ вѣчнымъ укоромъ бюрократіи, не желавшей прислушиваться къ голосу семьи и считаться съ нею въ дѣлѣ обученія и воспитанія юношества. Такое отношеніе къ семьѣ было однимъ изъ наиболѣе яркихъ и уродливыхъ проявленій бюрократическаго принципа управленія государствомъ и направленія народной жизни. Разъ поколебался принципъ, естественно пало его проявленіе. Школа раскрыла двери для семьи. Безсиліе, безъ содѣйствія семьи, справиться съ безпорядками ускорило образованіе родительскихъ организацій, и, подобно автономіи университетовъ, организаціи получили жизнь независимо отъ готовившейся общей школьной реформы.

Семья, въ лицѣ общихъ собраній родителей, родительскихъ комитетовъ и предсѣдателей комитетовъ, введенныхъ въ составъ педагогическихъ совѣтовъ, быстро помогла возстановленію порядка. Съ этого момента она не стала нужна школѣ. Начались тренія, и семья ясно почувствовала, что для ея воздѣйствія на школу дверь открыта такъ, что можетъ быть въ каждую минуту захлопнута. Дѣйствительно, высочайшее повелѣніе 1905-го г. говорило лишь о томъ, что родителямъ учениковъ учебнаго заведенія и замѣняющимъ ихъ лицамъ предоставляется собираться въ общія собранія и въ поклассныя совѣщанія, что поклассныя совѣщанія могутъ выбирать представителей, изъ которыхъ образуется постоянный органъ—родительскій коми-

тетъ—и что предсѣдатель комитета участвуетъ въ педагогическомъ совѣтѣ и въ хозяйственномъ комитетѣ учебнаго заведенія и пользуется правами, предоставленными почетнымъ попечителямъ гимназій. Это былъ не регулирующій дѣятельность родительскихъ собраній и комитетовъ законъ, а только схема будущаго закона, раскрывавшая самыя широкія рамки для разъяснительнаго творчества. И разъясненія не замедлили. Появились циркуляры, общая тенденція которыхъ, по мѣрѣ ликвидаціи всего созданнаго и намѣченнаго въ 1905-мъ и 1906-мъ гг., все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе давала понять, что родительскія организаціи—докучная помѣха. Все же, однако, организаціи пережили трехъ министровъ и дожили до четвертаго, который циркулярнымъ порядкомъ, не отмѣняя высочайшаго повелѣнія 1905-го г., жизнь ихъ прекратилъ.

Это не фраза, а несомнѣнный фактъ. Составители новыхъ правилъ прекрасно изучили слабыя стороны родительскихъ организацій и отлично знали, что они имъ готовятъ. Высочайшее повелѣніе 1905 г. вовсе не касалось вопроса о томъ, при какомъ числѣ явившихся родителей должно считать родительское собраніе законно состоявшимся. И въ первыхъ собраніяхъ этотъ вопросъ не возникалъ: нѣтъ ограниченія—полагали тогда, — значитъ родительское собраніе, сколько бы ни прибыло родителей, всегда законно. Но уже къ осени 1906 г. явился циркуляръ, поставившій вопросъ и разрѣшившій его въ томъ смыслѣ, что для дѣйствительности родительскаго собранія должно присутствовать не менѣе половины всѣхъ постоянно живущихъ въ городѣ родителей и опекуновъ. При этомъ условіи почти нигдѣ собранія не могли состояться. Тогда слѣдующимъ циркуляромъ обязательная норма была понижена до одной пятой, какъ для перваго, такъ и для повторнаго собранія. Въ большинствѣ случаевъ норма въ одну пятую не препятствовала образованію комитетовъ, но бывали примѣры, что и на первое, и на повторное собраніе являлось родителей менѣе и отдѣльныя учебныя заведенія оставались на годъ безъ родительскихъ комитетовъ. Очевидно, „въ соотвѣтствіе“ съ этими указаніями опыта, новыя правила приняли за норму „двѣ трети всѣхъ постоянно живущихъ въ городѣ родителей и опекуновъ учащихся“. Присутствіе двухъ третей требуется для перваго и для второго собранія, а послѣ несостоявшагося второго собранія образованіе родительскаго комитета отлагается до слѣдующаго года“.

Какъ ни невѣроятно, чтобы гдѣ-нибудь и когда-нибудь родители и опекуны явились въ собраніе въ числѣ двухъ третей „постоянно живущихъ въ городѣ“, но составители правилъ были осторожны. Они предусмотрѣли и такую маловѣроятную возможность. Они такъ конструировали правила, что въ собраніе могутъ придти двѣ трети, и

комитета, всетаки, не будетъ образовано. Необходимо, чтобы выборы поклассныхъ представителей состоялись отъ $^2/_3$ всѣхъ классовъ, при наличности въ каждомъ поклассномъ собраніи тоже $^2/_3$ всѣхъ родителей и опекуновъ, и чтобы избранные были утверждены попечителемъ учебнаго округа. Кромѣ того, для столицъ и для большихъ городовъ, гдѣ развита дачная жизнь и гдѣ зимній съѣздъ затягивается позже начала учебнаго года, весьма благотворное для смерти родительскихъ организацій дѣйствіе несомнѣнно окажетъ требованіе, чтобы сформированіе родительскаго комитета, выборы предсѣдателя и его замѣстителя происходили въ началѣ учебнаго года, до 15 сентября включительно. „По истеченіи этого срока—гласятъ правила—выборныя совѣщанія уже не могутъ быть быть больше созываемы". Для уѣздныхъ городовъ, гдѣ лица съ высшимъ образованіемъ наперечетъ, не менѣе вѣрно можетъ, въ крайнемъ случаѣ, подѣйствовать требованіе высшаго образовательнаго ценза для права быть предсѣдателемъ комитета или его замѣстителемъ... Конечно, абсентеизмъ лицъ, имѣющихъ право участвовать въ общественномъ дѣлѣ и не считающихъ осуществленіе этого права обязанностью—явленіе весьма печальное. Конечно, не заслуживаютъ похвалы родители гимназистовъ и гимназистокъ, если и теперь изъ ихъ среды едва одна пятая является въ родительскія собранія. Но спросимъ: какое общественное собраніе, насчитывающее, какъ собраніе родителей учениковъ средняго учебнаго заведенія, 300—500 членовъ, выдержало бы искусъ нормы въ двѣ трети? Какіе и когда при этой нормѣ можно было бы произвести выборы? Что сталось бы съ Государственной Думой, съ земствомъ, съ городскимъ самоуправленіемъ, съ корпоративной организаціей присяжныхъ повѣренныхъ, съ дворянскими выборами и т. д., и т. д., если бы для дѣйствительности выборовъ требовалось участіе двухъ третей лицъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ? Законный кворумъ въ Государственной Думѣ—$^1/_3$. А отъ родительскихъ собраній министерство народнаго просвѣщенія требуетъ, чтобы всегда являлись двѣ трети того числа, изъ котораго не исключаются ни больные, ни умирающіе, ни лица, въ данный моментъ находящіяся за тысячи верстъ отъ мѣста собранія.

Нигдѣ профессіонализмъ и его отрицательныя стороны не развиваются въ той мѣрѣ, какъ среди педагоговъ средней школы. Люди, въ теченіе долгихъ лѣтъ—изъ года въ годъ и изо дня въ день—ведущіе одно и то же тяжелое, изматывающее нервы и въ матеріальномъ отношеніи крайне неблагодарное дѣло, неминуемо усваиваютъ формальныя воззрѣнія. Собирательное цѣлое—классъ—закрываетъ въ ихъ глазахъ отдѣльныхъ учениковъ. Успѣхи класса закрываютъ то, чѣмъ эти успѣхи въ отдѣльныхъ случаяхъ—какой цѣной здоровья и

психическаго напряженія—достигаются. Индивидуальная судьба каждаго юноши въ отдѣльности, педагогамъ не можетъ быть близка. Отдѣльный юноша проходитъ передъ ними, какъ единица въ массѣ. Проходитъ и, уступая мѣсто пришедшимъ ему на смѣну, уходитъ изъ ихъ поля зрѣнію навсегда. Для семьи, на оборотъ, сынъ или дочь закрываютъ классъ. Семья видитъ и знаетъ отдѣльныхъ учениковъ, и ей наиболѣе близка ихъ дальнѣйшая судьба, а не прохожденіе курса школы. Никакіе успѣхи школьнаго обученія въ глазахъ семьи не могутъ искупить разстроеннаго здоровья сына или дочери, привитыхъ дурныхъ привычекъ, издерганной съ дѣтства души. Словомъ, педагогъ въ школьномъ дѣлѣ видитъ передъ собой, прежде всего, собирательныя цѣлыя и потому въ основу своихъ дѣйствій и сужденій всегда кладетъ, главнымъ образомъ, отвлеченныя обобщенія и среднія данныя. А семья видитъ конкретныхъ, „своихъ" дѣтей; для семьи среднихъ данныхъ и обобщеній не существуетъ. Едва ли есть надобность доказывать, что лишь при дружномъ взаимодѣйствіи этихъ двухъ факторовъ воспитанія возможна правильная постановка учебно-воспитательнаго дѣла и что если необходимо взаимодѣйствіе, то нужны такія регулирующія его нормы, при которыхъ школа не закрывала бы своихъ дверей для семьи. Въ эпоху ненавистнаго реакціи „освободительства" и то, и другое подразумѣвалось само собою. Даже совѣтъ министровъ, предсѣдательствуемый И. Л. Горемыкинымъ, былъ настолько захваченъ „освободительствомъ", что въ отвѣтной декларацiи на адресъ первой Думы писалъ: „озабочиваясь правильной постановкой средняго образованія, совѣтъ министровъ внесетъ въ ближайшемъ будущемъ на разсмотрѣніе Государственной Думы проектъ преобразованія средней школы, открывающаго просторъ для общественнаго и частнаго въ этой области почина". „Ближайшимъ" будущимъ оказались пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ министръ народнаго просвѣщенія „освободилъ" среднюю школу отъ родительскихъ организацій.

Главное, чѣмъ „докучали" учебной администраціи родительскіе комитеты, были вопросы, такъ или иначе связанные съ здоровьемъ учащихся. Затѣмъ—вопросы, связанные съ общимъ развитіемъ воспитанниковъ и воспитанницъ. Съ точки зрѣнія здоровья комитеты единодушно протестовали противъ возстановленія экзаменовъ и сокращенія каникулярнаго времени. Комитетамъ принадлежала инициатива устройства ученическихъ экскурсій и введенія сокольской гимнастики. Кое-гдѣ комитетамъ удалось ввести въ гимназическій обиходъ завтраки. До „потѣшныхъ"—не до ихъ зарожденія, а до захватившаго школу увлеченія „потѣшной" гимнастикой, „потѣшнымъ" строемъ и „потѣшнымъ" укрѣпленіемъ религіозности и патріотизма въ дѣтяхъ—

дожить родительскимъ организаціямъ не довелось. Но, конечно, комитеты не прошли бы мимо оцѣнки этого явленія во всемъ объемѣ и, въ частности, остановили бы вниманіе на замѣнѣ гимнастики сокольской гимнастикой военной, разсчитанной на организмъ взрослыхъ людей, и на унтеръ-офицерахъ въ роли учителей гимнастики и укрѣпителей патріотизма и религіозности. Прямого вмѣшательства со стороны комитетовъ въ дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ, въ общемъ правилѣ, не было. Не потому его не было, чтобы оно было ненужно, а потому, что въ распоряженіи родительскихъ комитетовъ для того не было никакихъ средствъ. Комитеты могли лишь обращаться къ совѣтамъ и къ директорамъ съ просьбами. Но самый фактъ существованія родительскихъ организацій,—т. е. фактъ пріокрытыхъ хотя бы только для родителей, дверей школы,—безъ сомнѣнія учитывался совѣтами, и совѣты, особенно въ вопросахъ о наложеніи взысканій на воспитанниковъ, чаще и легче спускались съ высотъ обобщеній и отвлеченныхъ сужденій.

Насколько въ нашей средней школѣ кары, притомъ наиболѣе суровыя, налагаются на основаніи чисто отвлеченныхъ соображеній, безотносительно къ тому, что даже уголовный законъ относитъ къ причинамъ, уменьшающимъ размѣръ отвѣтственности или вовсе освобождающимъ отъ нея,—характерный тому примѣръ лѣтомъ обошелъ многія газеты. Въ одномъ изъ городовъ на Кавказѣ ученики седьмого класса гимназіи собрали сорокъ рублей для врученія, въ видѣ взятки, преподавателю за сообщеніе имъ темы экзаменнаго сочиненія. При разслѣдованіи было установлено, что такіе же сборы денегъ, съ тою же цѣлью и въ пользу того же преподавателя, производились и въ прошломъ году. „Въ округѣ—писалъ корреспондентъ „Рѣчи“ (№ 174)—нашли, что нравственный, благовоспитанный юноша и помышлять даже не долженъ о томъ, чтобы подкупать преподавателя, если бы даже послѣдній и протягивалъ руку для полученія, а потому такіе ученики оставаться въ стѣнахъ учебнаго заведенія не должны“. Въ силу этого рѣшенія, двадцать пять учениковъ подверглись исключенію: одни—безъ права поступленія въ какія бы то ни было учебныя заведенія, другіе—безъ права поступленія въ учебныя заведенія того же города, третьи — съ правомъ поступленія обратно въ гимназію въ VIII классъ съ экзаменомъ по всѣмъ предметамъ. Относительно преподавателя-взяточника корреспондентъ сообщалъ нѣчто прямо невѣроятное, — что будто бы онъ „принималъ участіе въ педагогическомъ совѣтѣ, когда вырабатывались мѣры наказанія учениковъ, и соглашался съ самыми суровыми предложеніями“.

Остановимся на отправномъ пунктѣ соображеній начальства учебнаго округа. Съ этической точки зрѣнія оно безспорно; поступокъ

воспитанниковъ-взяткодателей заслуживаетъ осужденія. Но за моральнымъ осужденіемъ для воспитанниковъ послѣдовала реальная кара—въ формѣ лишенія права окончить среднее и получить высшее образованіе, или въ формѣ возстановленія этого права путемъ вторичной сдачи уже однажды сданныхъ съ успѣхомъ экзаменовъ. Кара, подобная лишенію правъ состоянія въ первой половинѣ, и явно нелѣпая — во второй. А между тѣмъ, передъ лицомъ уголовнаго закона воспитанники-взяткодатели были бы безотвѣтственны: законъ караетъ тѣхъ, кто беретъ взятки, а не тѣхъ, кто ихъ даетъ. То обстоятельство, что подобный сборъ денегъ производился и годъ назадъ, тоже съиграло бы въ глазахъ уголовнаго закона и уголовнаго суда немаловажное значеніе; въ глазахъ учебной администраціи оно не имѣло никакого. Приведенный примѣръ принадлежитъ, по счастью, къ числу рѣдкихъ фактовъ въ школьной жизни. Но такъ ярко вылившіяся въ немъ воззрѣнія на наказаніе въ школѣ чрезвычайно типичны. „Что будетъ, если воспитанники станутъ грубить и наносить оскорбленія учителямъ“? Такъ обыкновенно ставится въ педагогическихъ совѣтахъ вопросъ, если изъ устъ воспитанника раздастся бранное слово или невѣжливый отвѣтъ по адресу учителя. И это: что будетъ?—принимается въ основу карательнаго рѣшенія, почти всегда лишь въ самомъ маломъ соотношеніи съ конкретными условіями и обстановкою даннаго случая.

„По спинамъ маленькихъ потѣшныхъ кое-кто карабкается вверхъ“. Такъ опредѣлилъ свое отношеніе, если не къ „потѣшнымъ“, то къ окружившему ихъ всеобщему угару, А. И. Гучковъ. Въ устахъ главы октябристовъ, во имя „пріученія къ конституціи“ привѣтствовавшаго военно-полевые суды, а затѣмъ положившаго всѣ силы на то, чтобы, оберегая „новый строй“, привести его къ возрожденію и къ пышному разцвѣту старыхъ „навыковъ“,—это опредѣленіе пріобрѣтаетъ особую цѣнность. „Карабкаться вверхъ“ по спинамъ людей и событій—одинъ изъ вѣковѣчныхъ въ нашей жизни „навыковъ“. И онъ дѣйствительно возродился. Интрига, угодливость, стремленіе забѣжать впередъ, заявить о себѣ, затихшія было, какъ и „придворный шепотъ“, снова стали чуть не главными стимулами, направляющими ходъ русской жизни. Но А. И. Гучковъ не хочетъ сдаваться. Другому газетному интервьюеру онъ говорилъ: „мы еще поборемся!“ Не поздно ли это говорить тому, чьи пріемы „пріученія къ конституціи“ дали такіе плоды?

Предстоятъ два юбилейныхъ года. „Карабкающіеся вверхъ“ учли значеніе готовящихся торжествъ и взапуски другъ передъ другомъ

изощряютъ умъ, чтобы вѣрнѣе вскарабкаться. Пока что, всѣхъ превзошелъ шталмейстеръ П. В. Родзянко. До сихъ поръ о немъ, въ общественномъ смыслѣ, было извѣстно немногое. Его называли однимъ изъ учредителей „всероссійскихъ національныхъ союза и клуба". При открытіи клуба, правыя газеты писали, что онъ на льготныхъ условіяхъ далъ помѣщеніе клубу въ своемъ домѣ-особнякѣ. Теперь передъ нами докладъ петербургской городской управы „по вопросу, возбужденному шталмейстеромъ П. В. Родзянко, объ ознаменованіи 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ разбивкою „царскаго сада Романовыхъ" въ мѣстности городского питомника". Докладъ рисуетъ во всю ширь полетъ фантазіи г. Родзянко. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вскрываетъ и то, чѣмъ его патріотическая мысль подогрѣта.

„Приближаются знаменательные историческіе дни трехсотлѣтняго юбилея царствующаго дома Романовыхъ"—напоминаетъ городу г. Родзянко. „По всей необъятной Россіи—пишетъ онъ,—даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ, обсуждается вопросъ объ ознаменованіи этихъ торжественныхъ дней. Настало время подумать объ этомъ и столицѣ Россійской Имперіи, городу С.-Петербургу". Отвергая „скоропреходящіе" способы ознаменованія юбилея, г. Родзянко заявляетъ, что, по его мнѣнію, „наилучшимъ выраженіемъ чувствъ населенія столицы и подаркомъ, наиболѣе достойнымъ вѣнценоснаго юбиляра", было бы „учрежденіе парка подъ названіемъ: царскій садъ Романовыхъ". Подъ паркъ авторъ заявленія предлагаетъ отвести громадный участокъ городской земли по берегу малой Невы, между Биржевымъ и Тучковымъ мостами. По его проекту, „предполагается длинная аллея, замѣняющая Александровскій проспектъ, а противъ середины этой аллеи, въ центрѣ парка, большая круглая площадка съ грандіознымъ фонтаномъ. Фонтанъ изображаетъ древне-русскую ладью съ государственнымъ гербомъ спереди и со щитами по бортамъ. На щитахъ гербы губерній и царствъ. У кормила ладьи статуя Великой Руси, около нея статуи Малой Руси и Бѣлой Руси. Около ладьи, среди гребней волнъ—бѣлые медвѣди, моржи, тюлени, дельфины. Вокругъ центральной группы, по краямъ круглаго бассейна, аллегорическія изображенія главнѣйшихъ рѣкъ Россіи, въ видѣ фонтановъ, воды которыхъ, общимъ широкимъ потокомъ соединяясь въ бассейнѣ, будутъ вливаться въ царственную рѣку Неву. На красивѣйшихъ мѣстахъ парка, на холмахъ, среди боскетовъ зелени и въ соотвѣтствующей каждой эпохѣ обстановкѣ, будутъ выситься статуи царей и императоровъ дома Романовыхъ".

Проектъ—что и говорить!—грандіозный. Его г. Родзянко безвозмездно даритъ городу. Но городское самоуправленіе вѣчно жмется. У него никогда ни на что грандіозное нѣтъ денегъ. Г. Родзянко и

тутъ готовъ великодушно придти на помощь. Въ своемъ заявленіи онъ пишетъ: „По длинѣ главной аллеи парка можетъ быть отмежевана полоса земли, которую можно разбить на участки, удобные для постройки на нихъ или небольшихъ красивыхъ особняковъ съ отдѣльными садиками, или же особо стоящихъ жилыхъ домовъ. Число такихъ участковъ можетъ быть доведено до 20-ти, по 300 кв. саж. каждый, всей же земли, слѣдовательно, 6.000 кв. саженей. Постепенная продажа участковъ, въ виду новизны мѣста, могла бы затянуться на долгое время, и если бы с.-петербургское городское управленіе нашло это для себя неудобнымъ, то я выражаю готовность пріобрѣсти у города всѣ эти участки, предлагая за квадратную сажень земли по 50 рублей, и представляю въ распоряженіе с.-петербургскаго городского управленія сразу сумму въ 300.000 рублей, которая и можетъ быть обращена на осуществленіе проекта Царскаго сада Романовыхъ“.

Заявленіе пошло обычнымъ порядкомъ на заключеніе городского землемѣра, городского садовника и оцѣночной коммиссіи и вернулось въ управу со слѣдующими справками. Мѣстность, которую г. Родзянко предлагаетъ отвести подъ паркъ, занимаетъ 38.800 кв. саженей и по городской оцѣнкѣ представляетъ цѣнность въ 11.640.000 рублей. При осуществленіи проекта, подлежатъ сломкѣ городскіе товарные склады и одно изъ немногихъ въ Петербургѣ историческихъ зданій— дворецъ Бирона. Расходы по устройству сада и на перенесеніе городского питомника во много разъ превзойдутъ 300.000 руб., „предоставляемые въ распоряженіе городского управленія“. А земля, которую г. Родзянко „выражаетъ готовность“ пріобрѣсти у города, стоитъ 1.800.000 рублей. Управа предлагаетъ проектъ отклонить. Нѣтъ сомнѣнія, что и дума не дастъ г. Родзянко „нажить“ на патріотическомъ полетѣ фантазіи полтора милліона.

Скончавшійся на дняхъ Николай Михаиловичъ Соколовскій былъ однимъ изъ старѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты. Онъ поступилъ въ сословіе въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, очень скоро выдвинулся въ первые его ряды и нѣсколько разъ былъ избираемъ въ члены Совѣта. Его блестящія защиты по уголовнымъ дѣламъ не забыты, безъ сомнѣнія, тогдашними посѣтителями судебныхъ засѣданій. Онъ участвовалъ, какъ защитникъ, во многихъ политическихъ процессахъ того времени; особенное впечатлѣніе произвела его рѣчь за Дементьеву, въ такъ называемомъ Нечаевскомъ процессѣ. Еще до вступленія въ адвокатуру, будучи судебнымъ слѣдователемъ, Н. М. помѣщалъ въ журналахъ статьи юриди-

ческаго содержанія; позднѣе, ставъ землевладѣльцемъ въ лужскомъ уѣздѣ петербургской губерніи, онъ хорошо ознакомился съ бытомъ своихъ сосѣдей-крестьянъ и посвятилъ ему нѣсколько интересныхъ статей, изъ которыхъ три напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" („Исторія одного хозяйства и крестьянскій банкъ", 1892, январь; „Мыза и деревня", 1893, октябрь, и 1895, августъ). Позднѣе онъ возвращался къ однороднымъ темамъ въ „Русскомъ Богатствѣ". Знаніе народныхъ нуждъ и стремленіе быть полезнымъ народу чувствовались и въ дѣятельности Н. М., какъ гласнаго лужскаго уѣзднаго земскаго собранія.

Не были чужды „Вѣстнику Европы", изъ числа скончавшихся въ минувшемъ мѣсяцѣ, П. М. Романовъ, кн. Д. Н. Цертелевъ и В. В. Гофманъ. Первый помѣстилъ въ нашемъ журналѣ, за подписью П. Р—въ, статью: „Наша золотопромышленность и ея условія" (1880, мартъ). Кн. Цертелевъ печаталъ иногда въ „Вѣстникѣ Европы", начиная съ 1877-го года, свои стихотворенія, оригинальныя и переводныя. В. В. Гофманъ, молодой, даровитый писатель, помѣстилъ у насъ очеркъ: „Наша переводная литература" (1910, мартъ), а въ предыдущей (августовской) книжкѣ появился его разсказъ: „Перемѣна", котораго ему уже не суждено было увидѣть въ печати. Въ его лицѣ русская литература потеряла много обѣщавшаго критика и поэта.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Высочайше учрежденной Коммиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ.

Состоящая при Императорской Академіи Наукъ Высочайше учрежденная Коммиссія по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ, желая наглядно ознакомить русское общество съ задачами проектируемаго ею Пушкинскаго Дома и имѣя въ виду усилить средства на сооруженіе его, устраиваетъ въ Москвѣ, съ 1 декабря 1911 г.

по 1 февраля 1912 г., выставку, посвященную исторіи жизни и творчества русскихъ писателей XIX вѣка. На выставкѣ этой будутъ представлены выдающіеся дѣятели на поприщѣ русскаго художественнаго слова, критики и публицистики отъ Державина до Чехова включительно.

Программа выставки намѣчена въ слѣдующихъ чертахъ:

I. Портреты: писателей, критиковъ и публицистовъ, въ разные періоды ихъ жизни; лицъ имъ близкихъ и крупнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей ихъ времени.

II. Скульптура.

III. Картины: 1) Писатели въ семейномъ кругу или въ иной обстановкѣ,—современныя и позднѣйшія; 2) Мѣстности, связанныя съ именами писателей; 3) Могильные памятники.

IV. Рукописи.

V. Экземпляры современныхъ каждому писателю изданій его сочиненій въ современныхъ же обложкахъ и переплетахъ.

VI. Иллюстраціи къ произведеніямъ.

VII. Каррикатуры.

VIII. Вещи, принадлежавшія писателямъ.

IX. Театръ (типичные представители различныхъ эпохъ его развитія).

X. Миніатюры (какъ иллюстрація костюмовъ эпохи).

XI. Виньетки изданій 1810—1840-хъ годовъ.

Принявъ на себя порученіе Коммиссіи организовать Комитетъ по устройству упомянутой выставки, я обращаюсь отъ лица Коммиссіи и Комитета выставки ко всѣмъ лицамъ, которыя сочувствуютъ задачамъ предположенной выставки, съ просьбою придти на помощь присылкою предметовъ, подходящихъ къ программѣ ея, или же указаніемъ на то, гдѣ таковые находятся.

По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ выставки, можно обращаться до 1 октября 1911 г.: 1) въ С.-Петербургѣ въ Высочайше учрежденную Коммиссію по постройкѣ памятника А. С. Пушкину; 2) въ Москвѣ, къ Алексѣю Александровичу Бахрушину (Лужнецкая у., свой домъ); 3) въ Одессѣ, къ профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Борису Васильевичу Варнеке; 4) въ Казани, къ профессору Императорскаго Казанскаго университета Нестору Мемноновичу Петровскому; 5) въ Симбирскѣ, къ директору гимназіи Борису Николаевичу Некрасову; 6) въ Саратовѣ, къ директору Радищевскаго Музея Петру Николаевичу Боеву; 7) въ Орлѣ, къ кн. Константину Владиміровичу Кекуатову, и 8) въ Харьковѣ, къ редактору газеты „Утро“, Анатолію Андреевичу Жмудскому, а послѣ 1 октября 1911 г. исключительно къ Алексѣю Александровичу Бахрушину.

Членъ Коммиссіи А. Бахрушинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.—СЕНТЯБРЬ.

СТРАН.

I. ЯНТАРОВЪ. — Повѣсть. — XI-XXI. — Окончаніе. — **А. Тырковой** 3
II. ВЪ МОНАСТЫРСКОМЪ САДУ. — ВЪ ГРЕЦІИ. (На мотивъ изъ Гейбеля).—Стихотворенія **Анатолія Доброхотова** . . 82
III. ГЛИЦИНІЯ.—**Бориса Лазаревскаго** 84
IV. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА. — I. Первый выходъ.—II. Всѣ заодно.—III. Ѣду!..—**Владиміра Беренштама** 93
V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-II.—**С. Парнокъ** 105
VI. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. — XV-XVII. — Окончаніе. — **Е. Ѳ. Юнге** 107
VII. ТРАГЕДІЯ ЧЕСТИ.—I-IV.—**Ѳ. Зѣлинскаго** 131
VIII. УЗУРПАТОРЪ. — Романъ Уильяма Дж. Лока. — XXII-XXV.— Окончаніе.—Перев. съ англ. **З. Журавской** 176
IX. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ПОЛИНѢ ВІАРДО.—Окончаніе.— Перев. съ франц. **М. Славинской** 214
X. АРХАНГЕЛОГОРОДСКОЕ СИДѢНІЕ.—Очерки ссылки.—**А. Дивильковскаго** 231
XI. НЕХРИСТІАНСКОЕ ИМЯ „КАИНЪ“.—(Совершенно невѣроятное событіе).—**З—о.** 263
XII. Хроника.—СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.—**В. Ш.** 279
XIII. МОЛОДАЯ НОВАЯ РЕСПУБЛИКА. — (Письмо изъ Португаліи).—**Діонео** 295
XIV. ИЗСЛѢДОВАНІЕ КУСТАРНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ ВЪ ИТАЛІИ.— **И. Красноперова** 312
XV. ВЪ СТРАНѢ НЕГУСА.—**Екатерины Малиновской** . . 316
XVI. ШАРЛЬ ВАНЪ-ЛЕРБЕРГЪ.—**Маріи Веселовской** . . . 329
XVII. НОВАЯ КНИГА О ВИЛЬГЕЛЬМѢ II.—**Л. Слонимскаго** . 339
XVIII. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Печальные побочные плоды казенной отрубно-хуторской реформы. — Избіенія, поджоги, бойкотъ и всякія столкновенія общинниковъ съ выдѣленцами.—Сходство отношенія крестьянъ къ выдѣленцамъ и къ конокрадамъ. — Опасное усердіе администраціи. — Тульскіе „союзники“ въ роли возстановителей правды.—Твердое уклоненіе ярославскихъ агрономовъ отъ казенно-земельной политики.—**И. В. Жилкина.** 344

СТРАН.

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Продленіе дѣйствія положенія объ охранахъ. — Связь между этимъ фактомъ и другими явленіями государственной жизни. — Сперва наказаніе, потомъ разслѣдованіе.—Министерство народнаго просвѣщенія и Академія Наукъ.—Новый фазисъ финляндскаго вопроса.—Открытіе земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ.—„Вѣсти изъ голодающаго края“ . . 356

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Русско-германское соглашеніе и персидскія дѣла. — Мнимая или дѣйствительная перемѣна въ группировкѣ великихъ державъ.—Ошибки русской дипломатіи.—Марокккскій вопросъ.—Конецъ конституціоннаго кризиса въ Англіи. 374

XXI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елиз. Ив. Поповой, подъ ред. кн. Н. В. Голицына.—**Ѳ. Батюшкова.**—Ю. Айхенвальдъ. Предисловіе къ третьему изданію книги: „Силуеты русскихъ писателей“. — Чуковскій, Критическіе разсказы, кн. первая. — А. Измайловъ, Литературный Олимпъ.—О Ѳедорѣ Сологубѣ. Критика. Статьи и замѣтки. Сост. А. Чеботаревской.—**Ч. В—скаго.**—И. Ф. Масановъ. Русскіе сатиро-юмористическіе журналы. Библ. описаніе, вып. I: „Весельчакъ“, „Искра“, изд. подъ ред. А. В. Смирнова, съ прилож. 2 портр. и 65 рис. на отд. лист. — Сѣверные цвѣты на 1911 годъ, собр. книгоиздат. „Скорпіонъ“.—**Н. Л.**—Л. Бернгардъ. Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи. Пер. А. С. Изгоева, съ пред. П. Б. Струве и вступ. статьей А. С. Изгоева.—Сергій Ефремов. Історія украинського письменства.—**М. Славинскаго.**—Б. А. Тураевъ, проф. Спб. унив. Исторія древняго Востока, ч. I.—**И. Бороздина.**—А. А. Евдокимовъ. Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Россіи.—Н. Макаровъ. Новая кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ и картофелекрахмальное производство. — **В. В.**—Ф. М. Блюменталь. Общественная борьба съ туберкулезомъ въ Зап. Европѣ и Америкѣ, часть I, изд. 2-е.—**В. Б—ъ.**—Новыя книги и брошюры . . . 388

XXII. XV АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ НОВГОРОДѢ.—**И. Бороздина** 413

XXIII. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Начало учебнаго года.—Бесѣда г. Кассо съ иностраннымъ корреспондентомъ.—Напрасные споры и резолюціи. — Судьба родительскихъ организацій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Упраздненіе организацій въ порядкѣ циркуляра и „въ соотвѣтствіе“ съ указаніями опыта. — Какъ „карабкаются вверхъ“ сверхпатріоты.—Н. М. Соколовскій, П. М. Романовъ, Кн. Д. Н. Цертелевъ и В. В. Гофманъ † . . 416

XXIV. ИЗВѢЩЕНІЕ 431

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 435

XXVI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Кромѣ обезжиреннаго **Какао**

Ванъ-Гоутенъ, Блокеръ

и другихъ извѣстныхъ заграничныхъ фирмъ, обходящагося, вслѣдствіе ввоза въ Россію въ задѣланномъ видѣ, сравнительно очень дорого, Товарищество

„Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ"

съ большимъ успѣхомъ (!) ввело въ продажу выписываемое имъ прямо въ бочкахъ точно такое же голландское какао, которое оно продаетъ уже въ собственной задѣлкѣ, гарантируя его чистоту своей подписью на каждой жестянкѣ.

Достигнутая этимъ экономія въ провозѣ и пошлинѣ составляетъ и предоставляется всецѣло въ пользу покупателей. **20%**

Притомъ найти, — все равно химическимъ путемъ или просто на вкусъ, — какую нибудь разницу съ высшими сортами обезжиреннаго какао заграничной укупорки — НЕВОЗМОЖНО.

Можно получать повсемѣстно, но необходимо требовать на каждой жестянкѣ

клеймо Р. К. К.

и подпись фирмы

Р. Кёлеръ и К°

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества

И. И. КАРПОВЪ

СКЛАДЪ

фотографическихъ и физическихъ приборовъ и принадлежностей.

СПБ., Михайловская ул., д. 1—7, Европейской гостин.

Большой выборъ **фотографическихъ** аппаратовъ на разныя цѣны: 2 р. 50 к.—5 р.—7 р. и выше до 500 руб. Всѣ **принадлежности** для фотограф. любителей. Въ отдѣлѣ **„Забава и Дѣло"**: **Физическіе приборы** по электричеству и магнетизму для **земскихъ и народныхъ школъ**, жел. дор., **училищъ**, семейн. физическ. кабинетовъ. Всѣ приборы функціонируютъ правильно и являются точными копіями большихъ. **Цѣны внѣ конкурренціи** отъ 25 коп. до 5 руб., 12 руб. и выше. **Проэкціонные фонари и картины** къ нимъ. **Кинематографы, стереоскопы, фонографы.**

Прейсъ-курантъ **„Забава и Дѣло"** высылается безплатно—прочіе выйдутъ въ концѣ іюля.

Книжный Складъ
М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

(Спб., Вас. остр., 5-я линія, собств. домъ № 28).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:

Д. И. БАГАЛѢЙ, проф. Очерки изъ русской исторіи—томъ I. Статьи по исторіи просвѣщенія. 1911 г., цѣна 3 руб.

Н. БАРСУКОВЪ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Тома 1—21, цѣна каждаго 2 руб. 50 коп.

Его-же. Тоже, т. 22-й, съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ 22 томамъ. Спб., 1910 г., цѣна 3 руб.

Сочиненіе, дважды увѣнчанное Императорскою Академіею Наукъ полною Уваровскою преміею.

Г. ДЖАНШІЕВЪ. Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. Изд. 10-ое, дополненное. Спб., 1907 г., цѣна 2 р. 50 к.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ. Собраніе сочиненій (Историческія монографіи и изслѣдованія). Спб., 1903—06 гг., цѣна всѣхъ 8 книгъ—25 руб. въ 8 коленкоровыхъ переплетахъ съ золототисненіемъ 31 руб.

Н. П. ПАВЛОВЪ-СИЛЬВАНСКІЙ. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. (Сочиненія, т. I).

Его-же. Очерки по русской исторіи XVIII и XIX вв. («Сочиненія», т. II). Спб., 1910 г., цѣна 1 руб. 50 коп.

Его-же. Феодализмъ въ Удѣльной Руси. 1) Община и боярщина. 2) Феодальныя учрежденія. Изслѣдованіе. Съ приложеніемъ біографіи и портрета автора («Сочиненія», т. III). Спб., 1910 г., цѣна 2 р. 50 к.

А. Н. ПЫПИНЪ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 4-ое. Спб., 1908 г., цѣна 3 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисн. 3 руб. 55 коп.

М. М. СТАСЮЛЕВИЧЪ. Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Три тома, цѣна 8 руб.

Н. И. КАРѢЕВЪ, проф. Исторія Западной Европы въ новое время. Въ шести томахъ. Цѣна 23 руб. 50 коп. 5 том. въ 4-хъ коленкоровыхъ переплетахъ съ золототисненіемъ 19 р. 70 к.

и многія другія.

Подробности въ каталогѣ, который высылается безплатно, на пересылку—7 коп. марку.